RUSSIAN JOURNAL OF ECONOMICS AND LAW

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ 16+

Том 18, № 2
2024

DOI: 10.21202/2782-2923.2024.2

ISSN 2782-2923

DOI: 10.21202/2782-2923

Издается с января 2007 года, периодичность издания – 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Клейнер Г. Б., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Со главный редактор:

Бикеев И. И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан, первый проректор, проректор по научной работе Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова (г. Казань, Россия)

Заместители главного редактора:

Андрюшин С. А., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Кабанов П. А., доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова, **куратор направления юридических наук** (г. Казань, Россия)

Крамин Т. В., доктор экономических наук, профессор, директор НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова, **куратор направления экономических наук** (г. Казань, Россия)

Ответственный секретарь:

Григорьев Р. А., доктор философии в области экономики (Великобритания), заместитель директора НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова (г. Казань, Россия)

Антонова И. И., доктор экономических наук, доцент, проректор по инновационно-проектной деятельности Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова (г. Казань, Россия)

Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию (г. Нижний Новгород, Россия)

Бегишев И. Р., доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова (г. Казань, Россия)

Вольчик В. В., доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Гилинский Я. И., доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия)

Голиченко О. Г., доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Головчин М. А., кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Вологодского научного центра Российской академии наук (г. Вологда, Россия)

Ефимцева Т. В., доктор юридических наук, профессор Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Оренбург, Россия)

Качалов Р. М., доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Корытцев М. А., доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Кудрявцева О. В., доктор экономических наук, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

Лазарев В. В., доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра фундаментальных правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Латов Ю. В., доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Левин С. Н., доктор экономических наук, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Липень С. В., доктор юридических наук, доцент Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва, Россия)

Макарова О. А., доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и корпоративного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета (г. Санкт-Петербург, Россия)

Малкина М. Ю., доктор экономических наук, профессор Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия)

Петрянин А. В., доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ (г. Нижний Новгород, Россия)

Подольный Н. А., доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Казанского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (г. Казань, Россия)

Тарасенко Н. А., доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва, Россия)

Хисамова З. И., кандидат юридических наук, начальник отделения планирования и координации научной деятельности научно-исследовательского отдела Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Краснодар, Россия)

Шафиров В. М., доктор юридических наук, профессор Сибирского федерального университета (г. Красноярск, Россия)

Шестаков Д. А., доктор юридических наук, профессор Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Шинкевич А. И., доктор экономических наук, доктор технических наук, профессор Казанского национального исследовательского технологического университета (г. Казань, Россия)

Щепельков В. Ф., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Алм Дж., доктор философии в области экономики, профессор экономики Тулейнского университета (г. Новый Орлеан, США)

Апосталакис А., доктор философии в области экономики, профессор Греческого средиземноморского университета (г. Ираклион, Греция)

Шаббар Дж., доктор философии в области экономики, профессор Университета г. Портсмут (г. Портсмут, Великобритания)

Каменков В. С., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, научный консультант кафедры Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)

Кури Х., доктор философии в области психологии, профессор Фрайбургского университета (г. Фрайбург, Германия)

Мешко Г., доктор философии в области права, профессор, руководитель Института уголовного правосудия и безопасности в Университете Марибора; президент Европейского криминологического общества (ESC) (г. Марибор, Словения)

Рубин Э. Л., профессор права и политологии Школы права Университета Вандербильта (г. Нешвилл, США)

Серрано-Майло А., профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Национального университета дистанционного образования (г. Мадрид, Испания)

Турецкий Н. Н., доктор юридических наук, член научно-консультативного совета при Конституционном Суде Республики Кахазстан (г. Астана, Республика Казахстан)

Фидрмук Д., доктор экономических наук, профессор Университета Зеппелин (г. Фридрихсхафен, Германия)

Учредитель:
ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова»

Издатель:
ООО «ТЦО «Таглимат»

Адрес редакции:
420111,
Республика Татарстан,
г. Казань,
ул. Московская, 42

Тел.: (843) 231-92-90,
Факс: 292-61-59
E-mail: rusjel@ieml.ru
Сайт: rusjel.ru

Журнал включен в Перечень ВАК по специальностям:
5.2.1. Экономическая теория;
5.2.3. Региональная и отраслевая экономика;
5.1.4. Уголовно-правовые науки

Индексируется в HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ, ProQuest

Подписка на журнал
по Объединенному каталогу «Пресса России»
Наш индекс – 86303

Ответственный за выпуск:
Г. Я. Дарчинова

Редактор:
Г. А. Тарасова

Компьютерная верстка:
С. А. Каримова

Дизайн обложки:
Г. И. Загретдинова

Дизайн логотипа:
В. А. Крайков

Переводчик:
канд. пед. наук,
член Гильдии переводчиков Республики Татарстан
Е. Н. Беляева

Аудиоконтент сайта:
ООО «Голос Науки»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
ПИ № ФС77-81556 от 27 июля 2021 г.

Территория распространения:
Российская Федерация; зарубежные страны.

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 34,0. Тираж 1000 экз. Подписано в печать 03.06.2024. Заказ № 60.

Дата выхода в свет 26.06.2024. Цена свободная.

© ЧОУ ВО «КИУ им. В. Г. Тимирясова», ООО «ТЦО «Таглимат», 2024.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Вестфалика»: 420111, г. Казань, ул. Московская, 22.

Рецензирование статей в журнале – двойное слепое. При цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

RUSSIAN JOURNAL OF ECONOMICS AND LAW

SCIENTIFIC JOURNAL 16+

Vol. 18, No. 2
2024

DOI: 10.21202/2782-2923.2024.2

ISSN 2782-2923

DOI: 10.21202/2782-2923
Published since January 2007, publication frequency: quarterly

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief:

G. B. Kleyner, Dr. Sci. (Economics), Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Scientific Supervisor of Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Co-Editor-in-Chief:

I. I. Bikeev, Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Vice-Rector of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov on Scientific work (Kazan, Russia)

Deputies of the Editor-in-Chief:

S. A. Andryushin, Dr. Sci. (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
P. A. Kabanov, Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Criminology of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, **supervisor of Law section** (Kazan, Russia)
T. V. Kramin, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Professor, Head of the Chair of Financial Management, Director of Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, **supervisor of Economic section** (Kazan, Russia)

Executive secretary:

R. A. Grigoryev, PhD (Economics), Deputy director at Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

I. I. Antonova, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Vice Rector on innovative and project activity of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)
V. M. Baranov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Development (Nizhny Novgorod, Russia)
I. R. Begishev, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Professor of Department of Criminal Law and Procedure of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)
V. V. Volchik, Dr. Sci. (Economics), Professor of Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)
Ya. I. Gilinskiy, Dr. Sci. (Law), Professor of Saint Petersburg Juridical Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, of Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen (Saint Petersburg, Russia)
O. G. Golichenko, Dr. Sci. (Economics), Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
M. A. Golovchin, Cand. Sci. (Law), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russia)
T. V. Efimtseva, Dr. Sci. (Law), Professor of Orenburg Institute (branch) of Moscow State Juridical University named after O. E. Kutafin (Orenburg, Russia)
R. M. Kachalov, Dr. Sci. (Economics), Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
M. A. Korytcev, Dr. Sci. (Economics), Professor in Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)
O. V. Kudryavtseva, Dr. Sci. (Economics), Professor in Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
V. V. Lazarev, Dr. Sci. (Law), Chief Researcher of the Center for Fundamental Legal Studies of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation of the Institute for Legislation and Comparative Legal Studies at the Russian Government, Professor (Moscow, Russia)
Yu. V. Latov, Cand. Sci. (Law), Leading Researcher of the Center for Comprehensive Sociological Research of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
S. N. Levin, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Economics of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)
S. V. Lipen, Dr. Sci. (Law), Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia)
O. A. Makarova, Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Civil and Corporate Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russia)
M. Yu. Malkina, Dr. Sci. (Economics), Professor in Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)
A. V. Petryanin, Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Nizhniy Novgorod branch of Saint Petersburg Academy of Investigative Committee of the Russian Federation (Nizhniy Novgorod, Russia)
N. A. Podolniy, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminology of Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (Kazan, Russia)
O. A. Tarasenko, Dr. Sci. (Law), Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia)
Z. I. Khisamova, Cand. Sci. (Economics), Head of the Department of planning and coordination of scientific activities of the research Department of the Krasnodar University Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Krasnodar, Russia)
V. M. Shafirov, Dr. Sci. (Law), Professor of Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)
D. A. Shestakov, Dr. Sci. (Law), Professor of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen, President of Saint Petersburg International Criminological Club, Honored Researcher of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)
A. I. Shinkevich, Dr. Sci. (Economics), Doctor of Engineering, Professor of Kazan National Research Technological University (Kazan, Russia)
V. F. Shchepelkov, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

FOREIGN MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD:

J. Alm, PhD (Economics), Professor and Chair Department of Economics of University Tulane (New Orleans, USA)
A. Apostolakis, PhD (Economics), Assistant Hellenic Mediterranean University (Irákleion, Greece)
J. Shabbar, PhD (Economics), Professor of University of Portsmouth (Portsmouth, United Kingdom)
V. S. Kamenkov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Belarus Republic, Scientific Consultant of the Department of Belorusian State University (Minsk, Belorus Republic)
H. Kury, Dr. Sci. (Psichology), Professor of Universität Freiburg (Frieburg, Germany)
G. Meško, Professor, Head of the Institute of Criminal Justice and Security at the FCJS of Maribor University; the President of the European Society of Criminologists (ESC) (Maribor, Slovenia)
E. L. Rubin, Professor of Law and Political Science of Vanderbilt University Law School (Nashville, TN, USA)
A. Serrano-Maillo, Professor, Chair of the Department of Criminal Law and Criminology of Universidad Nacional de Education a Distancia (UNED) (Madrid, Spain)
N. N. Turetskiy, Dr. Sci. (Law), Vice Rector on Research of the Academy of Law-enforcement Bodies of the Prosecutor General's Office of Kazakhstan Republic, Head of Criminologists Union of Kazakhstan named after E. Kairzhanov (Astana, Kazakhstan Republic)
Ja. Fidrmuc, Doctor of Social and Economic Sciences, Professor of Zeppelin University (Friedrichshafen, Germany)

The founder:
Private educational establishment of higher education "Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov"

The publisher:
Tatar Educational Center "Taglimat" Ltd

Editors Office's address:
420111,
Tatarstan Republic,
Kazan, 42 Moskovskaya st.

Tel.: (843) 231-92-90,
Fax: 292-61-59
E-mail: rusjel@ieml.ru
Site: rusjel.ru

The journal is included in the List of Higher Attestation Commission the group of specialties:
Economic Theory;
Regional and Branch Economics;
Criminal-legal sciences

The Journal is indexed in HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ, ProQuest

Subscription for journal
through the United Catalogue "Press of Russia"
Our index – 86303

Responsible for issue:
G. Ya. Darchinova

Editor:
G. A. Tarasova

Computer lead out:
S. A. Karimova

Cover design:
G. I. Zagretdinova

Logo design:
V. A. Kraikov

Translator:
Cand. Sci. (Pedagogics), member of the Republic of Tatarstan Translators' Guild
E. N. Belyaeva

Website audio content:
"Golos Nauki" LLC

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

Registration number and date of decision on registration:
ПИ № ФС77-81556 of July 27, 2021.

Distribution area: Russian Federation; foreign countries.

Format 60×84/8. Printing sheets: 34,0. Circulation 1000 copies. Signed for printing 03.06.2024. Order № 60.

Date of publishing 26.06.2024. Free price.

© PEE HE "KIU named after V. G. Timiryasov", Tatar Educational Center "Taglimat" Ltd., 2024.

Printed at printing house "Vestfalika" LLC: 420111, Kazan, 22 Moskovskaya Str.

Reviewing of the articles in the Journal is double blind. When citing the materials, the reference to the Journal is obligatory.

Materials of the Journal are available under the Creative Commons Attribution License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

СОДЕРЖАНИЕ

287

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Малкина М. Ю., Балакин Р. В. Тенденции развития российской экономики в период новых антироссийских санкций 287

314

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Богунов Л. А. Рационализация труда как функция системного экономического мышления в условиях современных социально-трудовых отношений 314

Манушин Д. В. Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022–2025. Часть 3: анализ антикризисных мер, управление российскими санкциями и антисанкциями 332

Низамутдинов И. К. Особенности реализации промышленной политики в современной российской экономике 369

Шинкевич А. И., Шаймиева Э. Ш., Гумерова Г. И. Цифровизация образовательных организаций как продукт- и процесс-инновация в экономике данных: управленческо-методические аспекты 387

422

КРИПТОМИР И ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСЫ

Станкевич В. С., Власов А. В. Обзор цифровых активов. Тенденции развития цифровых финансовых активов в РФ и прогноз развития 422

453

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Горшенков А. Г., Горшенков Г. Г., Горшенков Г. Н. Информационное сопровождение противодействия коррупции.....453

Жарова А. К. Интеллектуальные системы распознавания образов и смысла в системе предупреждения правонарушений, совершаемых с использованием Сети 469

Устинова К. А., Гордиевская А. Н. Коррупционный фактор через призму социально-демографических аспектов: политический и экономический контекст.....481

Ранавира Н. Влияние неравенства доходов на страх перед преступностью: комплексный метаанализ....500

CONTENTS

287

ECONOMIC THEORY

M. Yu. Malkina, R. V. Balakin. Trends in the Russian economy development during the new anti-Russian sanctions 287

314

REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS

L. A. Bogunov. Rationalization of labor as a function of systemic economic thinking under the modern social and labor relations 314

D. V. Manushin. Anti-sanction and sanction economic policy of Russia in 2022–2025. Part 3: analysis of anti-crisis measures, managing Russian sanctions and anti-sanctions..... 332

I. K. Nizamutdinov. Features of industrial policy implementation in the modern Russian economy 369

A. I . Shinkevich, E. Sh. Shaimieva, G. I. Gumerova. Digitalization of educational organizations as a product- and process-innovation in the data economy: managerial and methodological aspects 387

422

CRYPTO-WORLD AND DIGITAL FINANCE

V. S. Stankevich, A. V. Vlasov. Review of digital assets. Trends in the development of Digital Financial Assets in the Russian Federation and forecast 422

453

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

A. G. Gorshenkov, G. G. Gorshenkov, G. N. Gorshenkov. Information support for corruption counteraction.....453

A. K. Zharova. Intellectual systems of pattern and meaning recognition in the system of prevention of crimes committed using the Internet 469

K. A. Ustinova, A. N. Gordiyevskaya. Corruption factor through the prism of social-demographic aspects: political and economic context 481

N. Ranaweera. Impact of Income Inequality on Fear of Crime: a Comprehensive meta-analysis.....500

517

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ

Лепаж К. Р. Измерение эффективности комплексной защиты: предоставление социальных услуг и результаты системы правосудия 517

535

ОБЗОРЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Дамм И. А., Тарбагаев А. Н., Копцева Н. П., Акунченко Е. А., Дьяченко А. Е. Стимулы и ограничения в системе обеспечения антикоррупционной безопасности (обзор VII Сибирского антикоррупционного форума) 535

554

ИНФОРМАЦИЯ О РЕДАКТОРАХ РУБРИК

517

TRANSLATED ARTICLES

C. R. Lepage. Measuring effectiveness of holistic defense: social service provision and justice system outcomes 517

535

REVIEWS OF CONFERENCES

I. A. Damm, A. N. Tarbagaev, N. P. Koptseva, E. A. Akunchenko, A. E. Dyachenko. Incentives and constraints in the system of ensuring anti-corruption security (overview of the 7th Siberian Anti-Corruption Forum) 535

554

INFORMATION ON THE RUBRICS EDITORS

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ / ECONOMIC THEORY

Редактор рубрики *Г. Т. Гафурова* / Rubric editor *G. T. Gafurova*

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.287-313**

УДК 332.1:338.1:338.2:339.9(470+571)
JEL: E3, E5, E6, F51, H12, M2, O1, O2, R1

М. Ю. Малкина[1],
Р. В. Балакин[1, 2]

[1] *Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия*

[2] *Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов России, г. Москва, Россия*

Тенденции развития российской экономики в период новых антироссийских санкций

Контактное лицо:
Малкина Марина Юрьевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центр макро- и микроэкономики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
E-mail: mmuri@yandex.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-3152-3934
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/M-2681-2017
Scopus ID: 57195256085
eLIBRARY SPIN-код: 5055-0218

Балакин Родион Владимирович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Центр налоговой политики, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов России; Центр макро- и микроэкономики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
E-mail: rodion-balakin@yandex.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-0494-9702
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/P-9715-2018
eLIBRARY SPIN-код: 8300-3828

Аннотация

Цель: выявление тенденций развития российской экономики в период новых антироссийских санкций. Для этого в работе анализируется влияние новых санкций на бюджетную сферу, развитие секторов и отраслей экономики, российских регионов.

Методы: в работе используются данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата), Федерального казначейства, Министерства экономического развития РФ (Минэкономразвития), Центрального Банка Российской Федерации (Банка России), Федеральной налоговой службы (ФНС), Федеральной таможенной службы (ФТС), Федеральной антимонопольной службы (ФАС). Для их анализа применяются графический, табличный, аналитический методы.

© Малкина М. Ю., Балакин Р. В., 2024

Результаты: новые антироссийские санкции вызвали значительные изменения в страновой структуре российского экспорта и торговом балансе страны. Снижение притока иностранной валюты оказало существенное давление на курс рубля, что создавало инфляционные риски. Сдерживал девальвацию новый валютный режим Банка России. Благоприятная конъюнктура на рынке энергоресурсов в 2022 г. привела к росту доходов бюджета. Следствием активной фискальной политики, поддерживаемой умеренной денежно-кредитной экспансией, стал экономический рост 2023 г. Однако он был достигнут ценой увеличения бюджетного дефицита и внутреннего государственного долга. Ответ различных отраслей и регионов на санкционный шок оказался разнородным. Важную роль играла выработка хозяйствующими субъектами определенных приспособительных стратегий поведения, а также ответные меры властей. Новый санкционный режим российской экономики побудил пересмотреть парадигму государственного регулирования экономики. Политика дирижизма проявилась в увеличении госзаказа, субсидий и прочей поддержки защищенных отраслей при одноразовых изъятиях конъюнктурных доходов крупного бизнеса. Денежно-кредитная и налоговая политика постепенно приобрели гибридный характер. Важным инструментом государственного регулирования во время санкций стало прямое и косвенное регулирование цен.
Научная новизна: комплексный анализ тенденций развития в период новых антироссийских санкций, их влияния на внешнеэкономические параметры, бюджетную сферу, финансовую систему, развитие российских отраслей и регионов.
Практическая значимость: обобщение и анализ статистической информации о различных аспектах развития российской экономики в период новых антироссийских санкций. Работа может быть полезна исследователям, изучающим функционирование российской экономики в условиях санкций, представителям бизнеса для оценки рисков, возможностей и перспектив его развития, государственным органам для формирования эффективной антикризисной политики.

Ключевые слова:
экономическая теория, санкции, бюджетная сфера, отрасли экономики, регионы РФ, денежно-кредитная политика, налоговая политика, ценовое регулирование

Благодарности
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00453; https://rscf.ru/project/23-28-00453/

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Малкина, М. Ю., Балакин, Р. В. (2024). Тенденции развития российской экономики в период новых антироссийских санкций. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(2), 287–313. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.287-313

Scientific article

M. Yu. Malkina[1],
R. V. Balakin[1, 2]

[1] *Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia*
[2] *Financial research institute of the Ministry of finance of the Russian Federation, Moscow, Russia*

Trends in the Russian economy development during the new anti-Russian sanctions

Contact:
Marina Yu. Malkina, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher, Center for Macro- and Microeconomics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
E-mail: mmuri@yandex.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-3152-3934
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/M-2681-2017
Scopus ID: 57195256085
eLIBRARY SPIN-код: 5055-0218

Rodion V. Balakin, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher
Financial research institute of the Ministry of finance of the Russian Federation; Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
E-mail: rodion-balakin@yandex.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-0494-9702
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/P-9715-2018
eLIBRARY SPIN-код: 8300-3828

Abstract

Objective: to identify trends in the development of the Russian economy during the new anti-Russian sanctions. To this end, the paper analyzes the impact of the new sanctions on the budgetary sphere, the development of economic sectors and industries and the Russian regions.

Methods: the work uses data from the Federal State Statistics Service (Rosstat), the Federal Treasury, the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (Ministry of Economic Development), the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia), the Federal Tax Service (FTS), the Federal Customs Service (FCS), the Federal Antimonopoly Service (FAS). For their analysis, graphical, tabular, and analytical methods are used.

Results: the new anti-Russian sanctions caused significant changes in the structure of the Russian exports and trade balance. The reduced inflow of foreign currency put significant pressure on the ruble exchange rate, which created inflation risks. The devaluation was restrained by the Bank of Russia new currency regime. The favorable situation in the energy market in 2022 led to an increase in budget revenues. In 2023, economic growth resulted from an active fiscal policy supported by moderate monetary expansion. However, it was achieved at the cost of an increase in the budget deficit and public debt. The response of different industries and regions to the sanctions shock was heterogeneous. The development of certain adaptive strategies by economic entities, as well as the response of the authorities played an important role. The new sanctions regime prompted a revision of the state economy regulation paradigm. Dirigisme manifested itself in the increase of state orders, subsidies and other support for protected industries with one-time withdrawals of opportunistic revenues of big business. Monetary and fiscal policy gradually acquired a hybrid character. Direct and indirect price regulation became an important instrument of state regulation during the sanctions.

Scientific novelty: it consists in a comprehensive analysis of development trends during the new anti-Russian sanctions, their impact on foreign economic parameters, budgetary sphere, financial system, development of Russian industries and regions.

Practical significance: statistical information on various aspects of the Russian economy development during the new anti-Russian sanctions was summarized and analyzed. The work can be useful to researchers studying the functioning of the Russian economy under sanctions, as well as to businesspersons for assessing the risks, opportunities and prospects of their businesses development, and to government agencies for forming an effective anti-crisis policy.

Keywords:

economic theory, sanctions, budget sphere, economy sectors, Russian regions, monetary policy, tax policy, price regulation

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00453; https://rscf.ru/project/23-28-00453/

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Malkina, M. Yu., & Balakin, R. V. (2024). Trends in the Russian economy development during the new anti-Russian sanctions. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(2), 287–313. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.287-313

Введение

Актуальность. Российская экономика с 2014 г. сталкивается с беспрецедентным санкционным давлением, которое значительно усилилось и приобрело более комплексный и целенаправленный характер после объявления Россией 24 февраля 2022 г. специальной военной операции на Украине. Новые санкции призваны

бить по наиболее чувствительным секторам и сферам деятельности российской экономики (нефтегазовый сектор, система межбанковских платежей, доступ к международным рынкам капитала), что, по задумке их организаторов, должно было породить массу негативных экстерналий. Однако активная роль государства и его институтов вместе с выработкой бизнесом приспособительных реакций позволили преодолеть значительный спад в экономике и осуществить первые трансформационные преобразования. При этом неопределенность сохраняется на очень высоком уровне, возникают новые риски и новые угрозы для макроэкономической и институциональной стабильности российской экономики. Продолжение эффективного противостояния санкциям требует оценки имеющегося у России потенциала и новых появляющихся возможностей, а также создания замещающих институтов и технологий. Необходимы также комплексное осмысление уже пройденного пути, выявление новых тенденций развития и оценка эффективности санкций для разных сфер и отраслей российской экономики, ее регионов. Этим определяется актуальность настоящего исследования.

Цель. Выявление тенденций развития российской экономики в период новых антироссийских санкций.

Задачи. Анализ влияния новых санкций на бюджетную и внешнеэкономическую сферу, финансовую систему, развитие секторов и отраслей экономики, российских регионов, изменения подходов к государственному регулированию. Решением этих задач обусловлена структура статьи.

Степень разработанности проблемы. Экономические реформы, направленные на выход из глобальных экономических кризисов (Великой депрессии, нефтяного кризиса 1973–1975 гг., финансового кризиса 2008–2009 гг. и коронавирусной рецессии), государствами осуществлялись на протяжении последних ста лет. При этом во время каждого кризиса происходило так называемое созидательное разрешение по Й. Шумпетеру: менялась структура производства, появлялись новые институты, совершенствовались подходы к государственному регулированию экономики. Так, управленческий опыт устойчивого развития и цифровизации, полученный во время пандемии *COVID*-19, в значительной степени подготовил российские компании к новым адаптационным вызовам (Gaidar Institute Publishers, 2023). Авторы указанного сочинения делают вывод о том, что в условиях новых антироссийских санкций и развития мобилизационной экономики будут меняться также нормативные и практические подходы к управлению компаниями и корпорациями. Некоторые исследователи (Дементьев и др., 2024) отмечают, что наибольшего успеха в плане усиления своих позиций на мировой арене достигают страны, осуществляющие во время кризисов инвестиции в исследования и разработки. Также автор (Дементьев, 2023) отмечает, что для устойчивости экономического развития в период новых антироссийских санкций особенно опасны нарушения поставок, обладающих сильным веерным эффектом и затрудняющих работу многих отраслей национальной экономики. Для успешного противостояния этому России необходимо формировать потенциал замещения таких поставок и контролировать ряд макротехнологий, которые будут доминировать в будущем.

Российские ученые предлагают различные классификации антироссийских санкций по разным критериям. Например, в работе (Ушкалова, 2022) выделяются три группы санкций против российской экономики, согласно сфере их влияния: 1) финансовые, 2) логистические, 3) внешнеторговые. В статье Ереминой (2019) выделяются торговые и финансовые санкции. В монографии Малкиной с соавторами (2023) санкции разделены по отраслевому признаку и сфере применения.

В статьях российских экономистов подробно изучалось влияние санкций на отдельные отрасли и секторы российской экономики: нефтяную отрасль (Каукин и др., 2023), транспортную отрасль (Фокеев, 2022), золотодобычу (Гальцева, Шарыпова, 2023), фармацевтическую отрасль (Гусев, Юревич, 2023) и др. Были выявлены угрозы и потенциальные возможности развития этих отраслей в новых условиях. В статье Манушина (2023) установлены отрасли, ставшие драйверами развития экономики страны, а также отрасли, подвергшиеся наиболее существенному давлению в результате введения антироссийских санкций. Отмечается, что российская экономика в целом в среднесрочном периоде справилась с санкционной нагрузкой лучше, чем мировая экономика с последствиями санкций.

Ряд работ отечественных авторов посвящен влиянию нового санкционного режима на функционирование российской финансовой системы. Среди наиболее острых проблем развития отечественной финансовой системы, доставшихся в наследство от прошлого, с которыми она вошла в период новых санкций, называют неразвитость финансовых институтов и финансового рынка, отставание российской банковской системы от среднемирового уровня, нестабильность фондового рынка страны (волатильность финансовых инструментов и низкую инвестиционную привлекательность, невысокую финансовую грамотность населения) (Korostelkina

et al., 2020). Авторы указанной статьи отмечают, что новые риски для финансовой устойчивости требуют постоянного мониторинга состояния финансовой системы и оперативного реагирования властей на изменение ее состояния.

В связи с отраслевыми и пространственными эффектами новые антироссийские санкции оказали существенное влияние на функционирование экономик российских регионов. Этим аспектам посвящены работы Михеевой (2023) и Земцова с соавторами (2023). Регионы продемонстрировали разную степень устойчивости (резильентности) к воздействию санкционных шоков (Malkina, 2023). Налоговые системы регионов (Малкина, Балакин, 2023), а также региональные доходы населения и предприятий (Малкина, 2023) ощутили разный уровень стресса в условиях новых антироссийских санкций.

Влияние внешних шоков на динамику бюджетных показателей рассматривалось исследователями и до 2022 г. В частности, Лыкова (2016) отмечает, что риски внешних шоков транслируются на всю бюджетную систему, которая критически зависит от трансфертов из федерального бюджета, а повышение устойчивости бюджетной системы к внешним шокам предполагает и повышение устойчивости к ним региональных бюджетов. В работе Konovalova et al. (2019) отмечается, что падение нефтяных котировок отражается на государственном бюджете и мультипликативный эффект оказывает пагубное влияние на экономическую активность в смежных с энергетикой отраслях, а впоследствии и на экономический рост в целом. После 2022 г. интерес к теме очевидно усилился. Отметим публикацию Климанова и Михайловой (2023), где говорится о том, что элементы ручного управления в кризисные периоды увеличиваются, при этом у нижестоящих уровней бюджетной системы возможностей ответа на вызовы турбулентного времени меньше, чем у вышестоящих. Зубаревич и Землянский (2023) на основе анализа исполнения консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации по итогам 2022 г. делают вывод, что сохранилась географическая рассинхронизация динамики налоговых и неналоговых доходов и межбюджетных трансфертов в регионах.

Исследователи отмечают, что важную роль в реакции отраслей российской экономики и регионов на новый санкционный шок сыграли не только масштаб воздействия и уровень испытанного стресса, но и выработка хозяйствующими субъектами определенных приспособительных стратегий поведения, а также ответные меры федеральных, региональных и местных властей.

Так, новый санкционный кризис по своим последствиям оказался совершенно иным для предпринимательского сектора, нежели пандемический кризис. Согласно Симачеву с соавторами (2023. С. 7), пандемия больше отразилась на малых и средних предприятиях, секторах экономики с горизонтальной координацией (общественное питание, розничная торговля), тогда как новый санкционный кризис в большей степени затронул крупные предприятия, сектора с вертикальной координацией (автомобилестроение, авиастроение). Проведенный авторами масштабный социологический опрос показал, что в 2022 г. 39 % предприятий почувствовали только негативное влияние санкций, 3 % – только их позитивное влияние, 25 % – и негативное, и позитивное влияние. Треть предприятий на первом этапе не ощутили какого-либо эффекта санкций вообще. В работе приводятся данные о проблемных зонах и новых возможностях предприятий разного масштаба и отраслевой принадлежности. Кроме того, авторы выявили четыре стратегии адаптации российских предприятий к санкциям: 1) рестрикционную стратегию; 2) перенаправление инвестиций и упрощение выпуска продукции; 3) изменение цепочек поставок; 4) инновации и взаимодействие с государством (Симачев и др., 2023. С. 7).

Некоторые авторы отмечают растущую тенденцию более глубокого контроля государства за деятельностью компаний во всех сферах регулирования. В частности, в работе Zhutiaeva et al. (2021) отмечается тенденция интеграции налогового контроля во внутренние бизнес-процессы организаций, что, по их мнению, должно способствовать укреплению взаимного доверия бизнеса и государства. Одним из позитивных последствий этих процессов для макроуровня авторы называют возможность Федеральной налоговой службы (далее – ФНС) более оперативно отслеживать сбои в стабильности налоговых поступлений и принимать оперативные решения для их устранения в режиме реального времени.

В условиях новых антироссийских санкций проявились и новые адаптационные стратегии населения. На поведение населения влияют как санкции, так и контрсанкции, предпринятые российским государством. Вызывая разное изменение цен на разные группы товаров и уровня реальных потребительских расходов, они порождают движение домохозяйств между группами по уровню благосостояния (Скрыпник и др., 2024). Проведенный Фроловой и Рогач (2023) опрос среди населения ряда регионов России показал, что основны-

ми причинами роста тревожности среди россиян являются сжатие потребительского спроса, исчезновение с прилавков некоторых товаров и закрытие привычных магазинов. Другой автор (Каравай, 2023) показала, что повседневные приспособительные практики общения населения положительно сказываются на состоянии различных компонентов социального капитала.

Ряд работ отечественных экономистов посвящен изучению краткосрочных и долгосрочных последствий санкций. Так, исследуя эффективность антироссийских санкций, С. А. Афонцев (2022) рассматривает четыре парадокса: парадокс неэффективности санкций, парадокс обратной реакции на санкции со стороны стран-адресатов, парадокс наращивания неэффективного давления и парадокс ответных мер. Другой российский экономист, О. В. Буклемишев (2022), утверждает, что, вопреки предположению о связи санкций с процессами деглобализации экономики, они не вступают в противоречие с продолжающейся глобализацией. Д. И. Ушкалова (2022) обнаруживает «ловушку большой страны», состоящую в том, что большая доля России на мировых рынках энергоресурсов при низкой диверсификации российского экспорта привела к значительному увеличению мировых цен на энергоресурсы после введения санкций против России. Это повышение цен позволило России компенсировать снижение поставок энергоресурсов.

Краткосрочные и долгосрочные последствия санкций могут принципиально различаться. Например, Осипов и Сатторов (2023) обосновывают «убывающую (во времени) отдачу» от санкций влиянием таких факторов, как изменяющаяся мировая экономическая и политическая ситуация, привыкание и адаптация, международная координация, противодействие и контратаки, внутренние факторы, противоречивые интересы. Д. В. Манушин отмечает, что антироссийские санкции после пятого их пакета во многом стали демонстративными, а ситуационное реагирование российских властей на санкции было масштабным, соответствовало текущей ситуации, осуществлялось продуманно и эффективно (Манушин, 2024).

К предполагаемым позитивным последствиям приспособления к санкционным режимам относятся, прежде всего, импортозамещение и обретение страной технологического суверенитета. При этом Гареев (2023) пишет о том, что обеспечение технологического суверенитета в краткосрочном периоде может привести к снижению экономической эффективности, но в долгосрочной перспективе позволит снизить риски экстерриториального институционального влияния. Среди позитивных последствий называется также развитие финансового суверенитета России – собственной финансовой инфраструктуры, системы расчетов, цифрового рубля, уменьшение зависимости банковской системы от иностранного капитала (Дудин и др., 2023), что в мировом масштабе способствует финансовой деглобализации (Гузикова и др., 2022).

Также исследователи отмечают некоторые преимущества российской экономики, которые должны быть использованы в антисанкционной политике, к числу которых относится дешевизна энергии, масштабы страны и разнообразие ее производственного потенциала. Ключевыми рисками развития российской экономики в среднесрочной перспективе остаются ее высокая зависимость от импорта и технологическое отставание российской экономики, что требует качественной переориентации экономического роста, значительных затрат на НИОКР (Широв, 2023).

Исследуя перспективы развития российской экономики, Е. Б. Ленчук (2023. С. 225) указывает на особую важность стратегического прогнозирования и развития его инструментов в условиях усиления внешних угроз, что вписывается в политику дирижизма[1]. В рыночно ориентированных подходах акцент делается скорее на управлении рисками экономической системы. Согласно Якобсон (2023. С. 234), это управление включает: обеспечение жизнеспособности (*sustainability*) системы – сохранение ее функционала; сопротивляемость (*resilience*) – способность к купированию последствий шоков, восстановлению равновесия; адаптивность (*adaptability*) – способность динамически развиваться на основе новых возможностей. Сравнивая мобилизационную и либерализационную стратегии развития в условиях санкций, В. М. Полтерович (Полтерович, 2023) обосновывает большую эффективность стратегии миролюбивого позитивного сотрудничества, которая на первых стадиях должна включать формирование институтов догоняющего развития и сокращение неравенства.

[1] Дирижизм (от фр. diriger – «направлять») – экономическая доктрина, в которой государство играет сильную директивную (политическую) роль в противовес чисто регулятивной интервенционистской роли в рыночной экономике (Dirigisme. Oxford Dictionaries).

Говоря о перспективах российской экономики, необходимо особо отметить прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг.[2] Министерства экономического развития РФ, который выделяет базовый и консервативный сценарии развития экономики, а также определяет источники роста в условиях санкций для обеспечения устойчивости развития экономики.

Результаты исследования

Российская экономика в период доковидных санкций и пандемии *COVID*-19

Первые антироссийские санкции были введены в 2014–2015 гг. после присоединения Россией Крыма. В доковидный период санкции носили несистемный и точечный характер. Однако с осознанием новых угроз начались изменения в экономической политике (импортозамещение, поддержка отечественных производителей), которые уже тогда наметили некоторые новые тренды в российской экономике. При этом в целом до 2022 г. существенных изменений в структуре экономики и качестве экономического роста в России не произошло (рис. 1). Так, доля добывающего сектора в валовой добавленной стоимости в основных ценах увеличилась с 9,3 % в 2013 г. до 12,8 % в 2019 г. и 13,2 % в 2021 г., обрабатывающего сектора – выросла с 12,7 до 14,4 % в 2019 г. и упала до 14,1 % в 2021 г., сельского хозяйства и рыболовства – выросла с 3,4 до 3,9 % и до 4,4 % соответственно. При этом уменьшилась доля строительства и торговли. Следует отметить, что 24,6 % всего прироста обрабатывающего сектора в 2019 г. к 2013 г. обеспечил рост металлургического производства, еще 13 % – рост производства кокса и нефтепродуктов[3]. Иными словами, сырьевая направленность российской экономики сохранялась, она оставалась экономикой с низкой добавленной стоимостью.

Российская экономика продолжала сильно зависеть от экспорта энергоресурсов, хотя ситуация медленно улучшалась. В 2013 г. доля минеральных продуктов в структуре товарного экспорта составляла 71,5 %, еще 10,5 % экспорта представляли металлы, драгоценные камни и изделия из них, 5,9 % – продукция химической промышленности, каучук. В 2019 г. эта структура несколько изменилась: доля минеральных продуктов упала до 63,3 %, металлов – увеличилась до 12,5 %, продукции химической отрасли выросла до 6,4 %. Доля машин, оборудования и транспортных средств в структуре российского экспорта за семь лет также несколько выросла: с 5,5 до 6,6 %[4], однако оставалась небольшой.

Допандемические санкции прежде всего негативно повлияли на торговлю России со странами-инициаторами и прямые иностранные инвестиции. Так, по данным ЦБ РФ, прямые иностранные инвестиции в российскую экономику за первые полтора года санкций сократились на 24 % (упав с 494 025,21 млн долл. США на 01.07.2014 до 375 034,32 млн долл. США на 01.01.2016)[5]. А сальдо торгового баланса сократилось со 188,93 млрд долл. США в 2014 г. до 90,26 млрд долл. США в 2016 г.[6] В первое время санкции не позволили в полной мере реализовать планы «восточного разворота» экономических связей России (Белозеров, Соколовская, 2020). При этом одним из положительных последствий санкционного давления на российскую экономику стало активное импортозамещение в ряде отраслей, что способствовало укреплению промышленного суверенитета России. Благодаря импортозамещению наблюдался активный рост производства сельскохозяйственной продукции и продуктов питания. Наиболее высокими темпами росло отечественное производство свинины, творога и молока, фруктов и ягод, мороженой рыбы, отставало производство говядины и овощей. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат), доля импорта в товарных ресурсах говядины уменьшилась с 59 % в 2013 г. до 33,5 % в 2019 г. и 24,7% в 2021 г., свинины – с 31 до 2,5 % и 0,3 %, мяса птицы – с 12,8 до 4,3 % и 4,6 %, масла животного – с 35,9 до 28,3 % и 28,5 %, сыров – с 48 до 30,4 %, кондитерских изделий – с 12 до 7,7 % и 8,1 %[7]. Однако в производстве машин

[2] Министерство экономического развития Российской Федерации. (2022). Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг. https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_2023_god_i_na_planovyy_period_2024_i_2025_godov.html

[3] Официальный сайт Росстата. https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts

[4] Официальный сайт Росстата. https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya

[5] Официальный сайт Банка России. https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/p_balance/

[6] Там же.

[7] Официальный сайт Росстата. https://rosstat.gov.ru/folder/11188

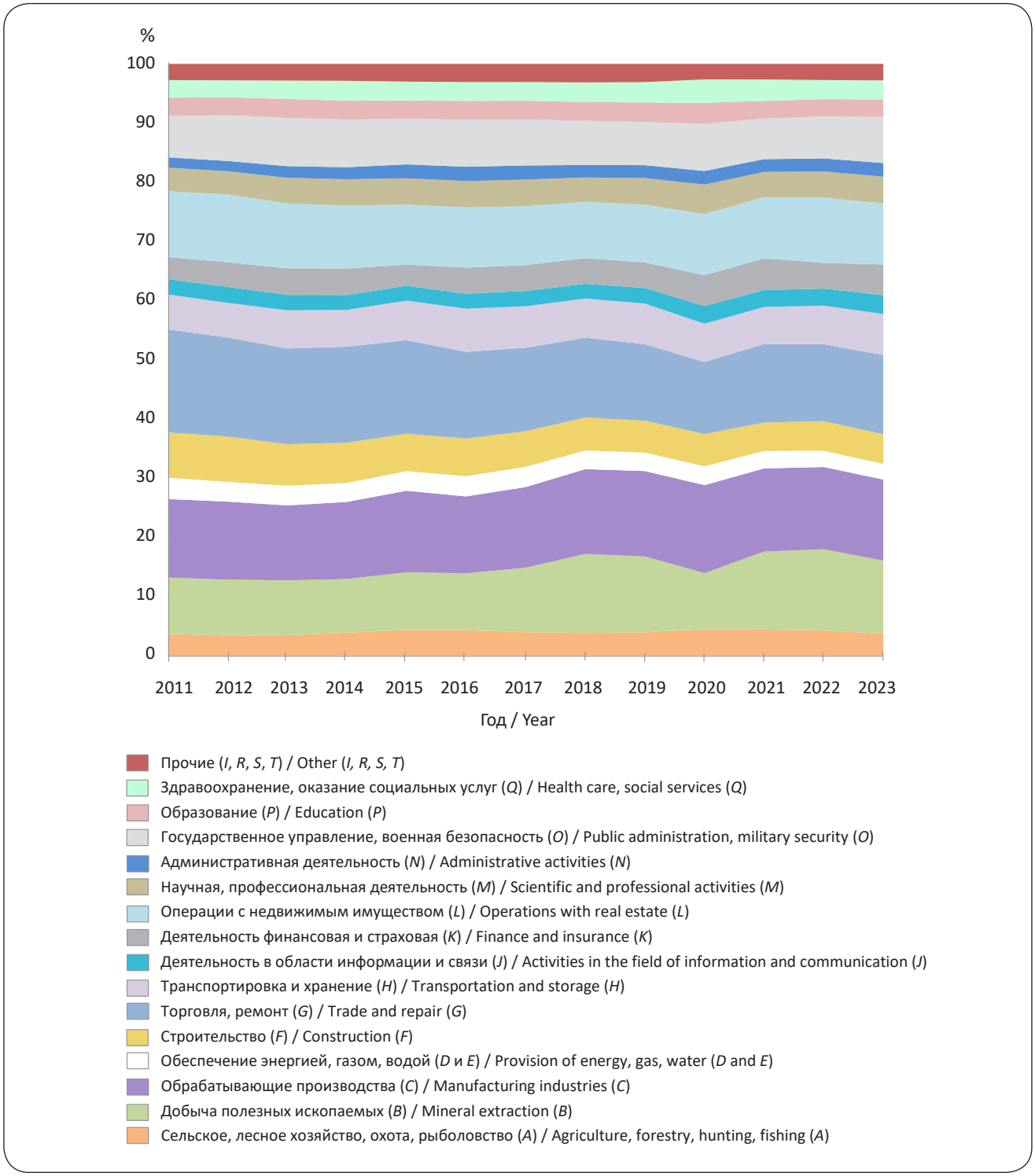


Рис. 1. Динамика структуры добавленной стоимости в российской экономике (по основным ценам)

Примечание. Буквами *A – T* в легенде обозначены разделы ОКВЭД. Названия некоторых разделов сокращены.

Источник: подготовлено авторами на основе данных Росстата (https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts).

Fig. 1. Dynamics of the value added structure in the Russian economy (basic prices)

Note: Letters *A–T* in the legend denote sections of the Russian Classification of Economic Activities. The titles of some sections are abbreviated.

Source: prepared by the authors based on Rosstat data (https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts).

и оборудования подобных успехов не отмечалось, а в производстве сельхозпродукции и пищевых товаров все еще существенной оставалась импортная составляющая.

Период допандемического санкционного давления был прерван кризисом, вызванным пандемией *COVID*-19. В результате этого кризиса реальный ВВП России в 2020 г. снизился на 3,1 %. Как отмечает в своем исследовании А. А. Широв (Shirov, 2022), масштаб и глубина экономического спада в период *COVID*-19 во многом зависели от действий властей по ограничению экономической активности. Однако на протяжении пандемии подходы государства к антикризисной политике менялись, и зависимость экономической активности от ограничительных мер снижалась. Антикризисная политика в России привела к определенным успехам в поддержке экономики, но не предотвратила значительных социально-демографических потерь, приведших к уменьшению человеческого капитала и производственного потенциала. Требовался комплекс мер в области демографической, социальной, бюджетной, интеграционной и, прежде всего, научно-технической политики (Shirov, 2022).

К положительным последствиям пандемического шока на государственном уровне можно отнести рост мобилизационной готовности российской экономики и выработку новых подходов в экономической политике в чрезвычайных ситуациях, а на уровне предпринимательского сектора – некоторое развитие цифровых технологий и навыков дистанционной работы (Аганбегян и др., 2020; Kolomak, 2020).

Постпандемический период привел к значительному росту российской экономики (5,6 % по итогам 2021 г.[8]), однако этот рост носил в основном восстановительный характер и также не сопровождался значительными структурными сдвигами в экономике. Качество его оставалось прежним, в частности, в этот период не произошло сколь-либо заметного снижения зависимости российской экономики от сырьевого сектора (Пономаренко и др., 2020). Российская экономика в целом катилась по старой колее, хотя и с некоторыми препятствиями, которые в целом относительно успешно преодолевала.

Новые антироссийские санкции

Новые беспрецедентные антироссийские санкции были введены рядом развитых стран после начала Россией специальной военной операции на Украине 24 февраля 2022 г. Эти санкции, а также введенные Россией ответные меры привели к резкому изменению ситуации на мировых и национальных рынках (финансовых, товарных, кредитных, трудовых), что сказалось на устойчивом развитии экономики страны (Френкель и др., 2023). Результатом стало нарушение логистических цепочек поставок, сокращение состава товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности. Выросла угроза товарного дефицита, ухудшения качества продукции, инфляции, негативного изменения структуры ВВП, снижения инвестиций в основной и человеческий капитал (Френкель и др., 2023).

Между тем в 2022 г. российская экономика все еще использовала ранее накопленный капитал. Благодаря благоприятной конъюнктуре на мировом рынке нефти и продолжению многих контрактов на поставку энергоресурсов в европейские страны в первый год СВО удалось обеспечить положительное сальдо торгового баланса и приток иностранной валюты, что способствовало укреплению рубля осенью – зимой 2022 г. Положительный импульс развитию российской экономики также дало вполне успешное в этом периоде перенаправление торговых потоков через страны, не присоединившиеся к санкциям (Китай, Индию, Турцию и т. д.). В отличие от пандемического шока новые антироссийские санкции привели к существенной и достаточно быстрой переориентации мирохозяйственных связей России (Тимофеев, 2022).

В 2023 г. произошли значительные изменения в страновой структуре российского экспорта: если в 2022 г. 45 % российского экспорта направлялось на европейские рынки и 49 % – на азиатские, то в 2023 г. на Европу приходилось уже только 20 % российского экспорта, а на Азию – 72 %. Заметно увеличился экспорт в африканские страны – с 2 до 5 %. Страновая структура импорта также изменилась, но в меньшей степени: доля импорта из Европы сократилась с 35 до 28 %, из Америки – с 7 до 5 %, при этом импорт из азиатских стран увеличился с 57 до 66 %[9].

[8] Официальный сайт Росстата. https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts

[9] Социально-экономическое положение России: доклад. Росстат. https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801

В 2023 г. наметились существенные изменения в торговом балансе страны. По данным Росстата[10], экспорт из страны в 2023 г. сократился на 28,3 % по сравнению с 2022 г., а импорт увеличился на 11,7 %. Согласно данным ЦБ РФ, сальдо торгового баланса уменьшилось с 315,57 млрд долл. США в 2022 г. до 120,83 млрд долл. США в 2023 г.[11] Снижение притока иностранной валюты в условиях санкционного замораживания части международных резервов РФ стало оказывать существенное давление на курс рубля. Учитывая присутствие в потребительской корзине около 40 % импортных товаров, не говоря уже о зависимости производителей от импортного сырья, оборудования и комплектующих, угроза девальвации рубля становилась вполне реальной и создавала новые инфляционные риски. В целом рост волатильности рубля негативно сказывался на стабильности российской экономики (Sio-Chong et al., 2024).

Сдерживал девальвацию новый валютный режим Банка России, включающий введенное еще в марте 2022 г. Банком России ограничение на снятие денег с валютных счетов населения и возврат обязательной продажи валютной выручки экспортерами в размере 80 % – с февраля 2022 г., 50 % – с мая 2022 г., в октябре 2023 г. порог был снова поднят до 80 %. Кроме того, экспортерам вменили в обязанность продавать внутри страны в течение двух недель не менее 90 % валютной выручки (и не менее 50 % от каждого экспортного контракта в течение месяца)[12].

Важную роль также играло изменение механизмов и методов государственного регулирования в условиях санкций. Новый санкционный режим российской экономики прежде всего побудил пересмотреть парадигму государственного регулирования экономики в сторону укрепления политики дирижизма, хотя сама тенденция усиления роли государства в экономике обозначилась уже давно. Во время СВО политика дирижизма проявилась в увеличении госзаказа (например, за девять месяцев 2023 г. объем госзакупок в РФ вырос на 11 %[13]), субсидий и прочей поддержки защищенных отраслей при одноразовых изъятиях конъюнктурных доходов крупного бизнеса[14]. Государство также активно содействовало проектам, из которых выходили иностранные партнеры, находило им замену и брало на себя выбывающее финансирование. Примером является замещение иностранных активов в проектах освоения Арктики (Shapovalova et al., 2020).

Влияние новых санкций на бюджетную систему

Основное влияние новых антироссийских санкций на бюджетную систему было по следующим каналам: 1) производственному – изменение объема и структуры производства вследствие трудностей с обеспечением импортными факторами производства в ряде отраслей и их разного приспособления; 2) доходному – изменение уровня налоговых поступлений в бюджет из-за изменения объемов производства и структуры добавленной стоимости в разных отраслях, а также неналоговых доходов; 3) расходному – изменение расходов на государственные проекты и программы. На состояние бюджетной системы влияли как интенсивность санкций, так и приспособление российских производителей и активная государственная политика.

В 2022 г. в целом сформировалась благоприятная конъюнктура на рынках энергоресурсов: среднегодовая цена на нефть марки *Urals* составила 76,09 долл. США за баррель[15], газа – 1 260,8 долл. США за тыс. кубометров[16]. Ввиду привлекательных цен экспортируемых ресурсов и продолжающихся поставок на европейские рынки государственный бюджет России получил дополнительные нефтегазовые доходы. Уже в I полугодии

[10] Там же.

[11] Платежный баланс, международная инвестиционная позиция и внешний долг Российской Федерации в 2023 году. (2024). Официальный сайт Банка России. https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/p_balance/

[12] Интерфакс. (2024, 23 января). Минфин РФ счел обоснованным продление обязательной продажи валютной выручки. https://www.interfax.ru/business/941558

[13] Интерфакс. (2023, 30 октября). Объем госзакупок в РФ за девять месяцев 2023 года вырос на 11 %. https://www.interfax.ru/business/928337

[14] Крючкова, Е., Вислогузов, В. (2023, 29 июня). Сверхусилие для сверхналога. Коммерсантъ. https://www.kommersant.ru/doc/6070196

[15] Вишневская, А. (2023, 05 января). Минфин назвал среднюю цену российской нефти в 2022 году. Газета.ru. https://www.gazeta.ru/business/news/2023/01/05/19422661.shtml?ysclid=lvcsyjdvi0154742125

[16] Титоренко, Д. (2022, 31 декабря). ICE: средняя биржевая цена на газ в Европе в 2022 году составила $1260,8. Газета.ru. https://www.gazeta.ru/business/news/2022/12/31/19399675.shtml?ysclid=lvct4n3yyh225537415

2022 г. эти доходы позволили полностью скомпенсировать возросший ненефтегазовый дефицит, вызванный ростом бюджетных расходов (Букина, 2022).

Между тем доходы уровней бюджетной системы росли неравномерно. Так, доходы федерального бюджета в 2022 г. увеличились на 10,04 %, консолидированного бюджета субъектов РФ – на 12,14 %, бюджета государственных внебюджетных фондов – на 18,57 %[17]. Произошли изменения и в структуре доходов. Рост доходов консолидированного бюджета РФ в 2022 г. был в основном обеспечен за счет нефтегазового сектора. Произошло значительное увеличение поступлений в консолидированный бюджет НДПИ (его прирост составил 49,51 %) и НДД (налога на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья, прирост 67,06 %). Заметный рост также продемонстрировал НДФЛ (на 17,31 %) и соответственно страховые взносы (на 4,2 %), что сыграло немаловажную роль в увеличении доходов внебюджетных фондов.

При этом необходимо отметить существенное снижение в 2022 г. поступлений по акцизам (на 245,84 %), а также снижение доходов от внешнеэкономической деятельности (на 3,34 %) и поступлений от налогов на товары, ввозимые на территорию РФ (на 18,07 %). В структуре доходов консолидированного бюджета в 2021 г. поступления от этих налогов составляли 0,3; 7,4 и 7,8 % соответственно, а в 2022 г. – уже 0,2; 6,5 и 5,8 %. Доходы от внешнеэкономической деятельности продолжали снижаться и в 2023 г., их доля в общих поступлениях в консолидированный бюджет в этом году упала до 4,2 %[18].

В 2022 г. произошел также существенный рост расходов бюджета, прежде всего на военные нужды, финансирование национальных проектов и социальных программ. Это было обусловлено как обострением международной напряженности, так и предстоящими в 2023 г. президентскими выборами. Так, согласно данным Федерального казначейства, в 2022 г. финансирование государственных целевых программ составило 77,37 % от расходов федерального бюджета, их прирост в номинальном выражении составил около 19 % к уровню 2021 г.[19]

В итоге прирост доходов консолидированного бюджета РФ и бюджетов государственных внебюджетных фондов в 2022 г. по отношению к 2021 г. составил 10,3 %, а прирост расходов – 17,23 %. Объем доходов консолидированного бюджета достиг 53 074 млрд руб., а расходов – 55 181,81 млрд руб. В результате образовался дефицит консолидированного бюджета РФ в 2022 г. в размере 2 108 млрд руб., т. е. 3,97 % от доходов (для сравнения, в пандемическом 2020 г. наблюдался дефицит 4 297 млрд руб., а в восстановительном 2021 г. – профицит 1 045 млрд руб.)[20]. Разнонаправленная динамика относительных доходов и расходов бюджета привела к тому, что в 2022 г. доходы консолидированного бюджета сократились на 0,6 п. п. ВВП, достигнув минимального за последние годы уровня (35,0 % ВВП), а расходы выросли на 1,6 п. п. ВВП (достигнув 36,4 % ВВП) (Gaidar Institute Publishers, 2023).

В 2023 г. с некоторыми составляющими доходов консолидированного бюджета РФ произошли заметные изменения (по сравнению с 2022 г.), для других сохранились прежние тенденции (рис. 2). Прежде всего, отмечается снижение поступлений от налогов, сборов и регулярных платежей за пользование природными ресурсами (на 11,5 %). Продолжилось уменьшение доходов от внешнеэкономической деятельности (на 28,8 %). Примечательно снижение отрицательной суммы по акцизам по подакцизным товарам, производимым на территории РФ (на 31,3 %).

Необходимо отметить почти двукратный рост в 2023 г. безвозмездных поступлений, однако их доля в общих доходах бюджета остается невысокой. Так, по итогам 2023 г. безвозмездные поступления от компаний (так называемый налог на выход для иностранных компаний) составили 116,5 млрд руб., что примерно соответствовало оценке, данной в сентябре 2023 г. в проекте бюджета. На середину марта 2024 г. по этой статье доходов было получено уже 35,7 млрд руб., что в 17 раз больше плана на весь 2024 г. (в бюджете закладывались поступления в размере 2,1 млрд руб.)[21]. Из системообразующих налогов отметим в 2023 г. рост

[17] Федеральное казначейство. (2022). Доходы по классификации доходов. http://datamarts.roskazna.ru/razdely/konsolidirovanny-budget-rf-i-gvbf/dohody-k/?paramPeriod=2022

[18] Социально-экономическое положение России. Росстат. https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801

[19] Федеральное казначейство. (2022). Исполнение государственных программ Российской Федерации. http://datamarts.roskazna.ru/razdely/rashody/rashody-gosprogrammy/?paramPeriod=2022

[20] Федеральное казначейство. Консолидированный бюджет РФ и ГВБФ. http://datamarts.roskazna.ru/razdely/konsolidirovanny-budget-rf-i-gvbf/

[21] РБК. (2024, 20 марта). Безвозмездные взносы бизнеса в бюджет превысили план в 17 раз. https://www.rbc.ru/economics/20/03/2024/65f966329a7947885432dea1

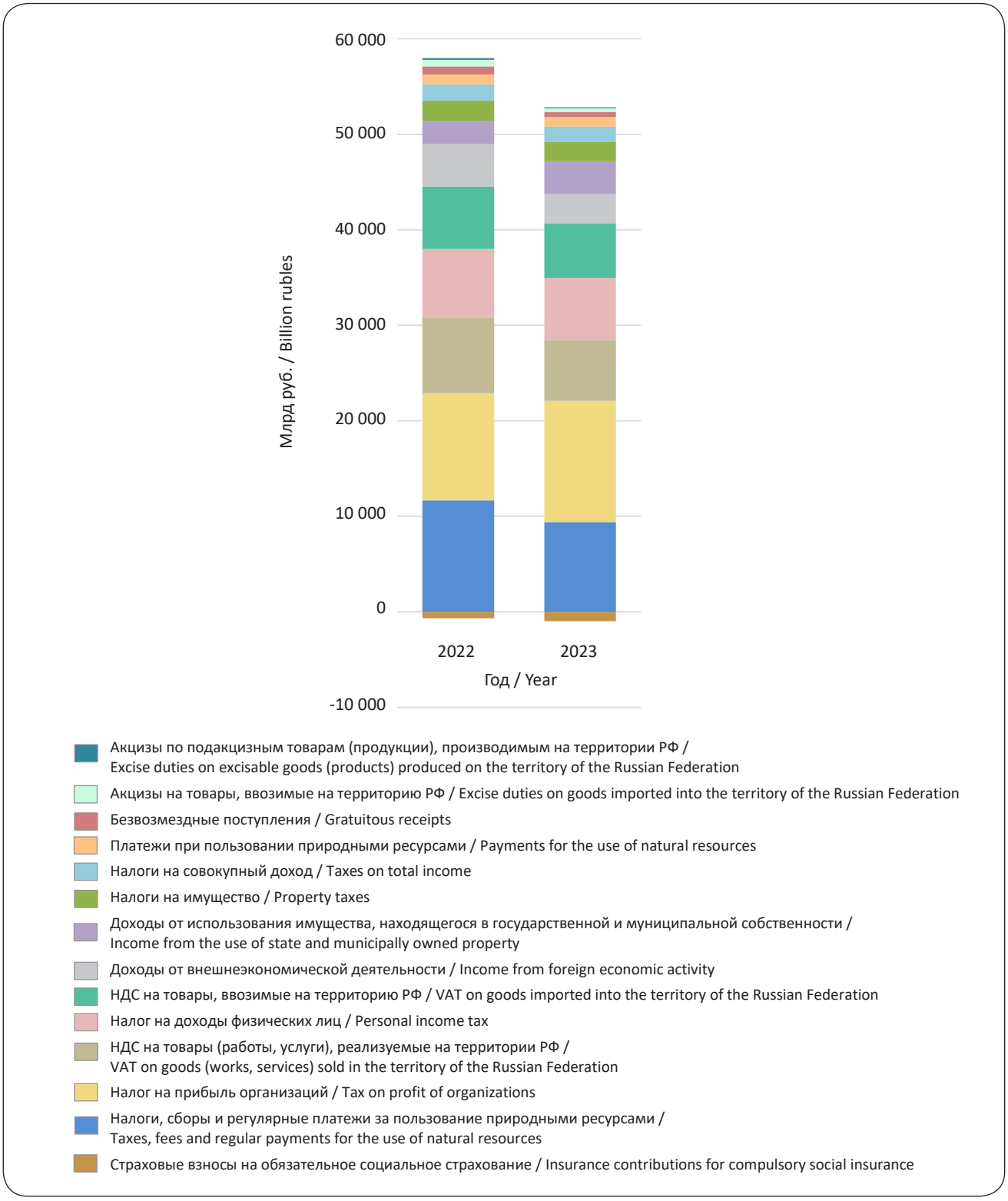


Рис. 2. Доходы консолидированного бюджета РФ и государственных внебюджетных фондов

Источник: подготовлено авторами на основе: Социально-экономическое развитие России. Росстат (https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801).

Fig. 2. Revenues of the Russian consolidated budget and state extra-budgetary funds

Source: prepared by the authors based on: Social-economic development of Russia. Rosstat (https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801).

поступлений налога на прибыль и страховых взносов (около 24 %), НДФЛ (14,1 %) и НДС (10,7 %). При этом следует учитывать значительную инфляционную составляющую в этом росте.

Что касается расходов государственного бюджета, с 2022 г. данные о них в разрезе разделов и подразделов официально не публикуются. Максимальный уровень детализации для расходов федерального бюджета доступен для субъектов бюджетного планирования и главных распорядителей средств[22], для последних также имеется информация по целевым статьям расходов и видам расходов[23] и их подразделам[24]. Для консолидированного бюджета имеется также информация в разрезе субъектов РФ[25].

В 2023 г. тенденция опережающего роста расходов государственного бюджета над его доходами продолжилась. В 2023 г. доходы консолидированного бюджета РФ составили 59 073,5 млрд руб. (прирост составил 11,31 % к 2022 г.), а расходы – 62 983,8 млрд руб. (прирост 14,14 % к 2022 г.). В результате в 2023 г. дефицит бюджета вырос и составил 3 910,3 млрд руб. (т. е. 6,62 % от доходов) [26].

В условиях ограничений на внешние заимствования Россия была вынуждена опираться исключительно на внутренние источники финансирования бюджетного дефицита. В результате рост бюджетного дефицита значительно повлиял на состояние рынка внутреннего государственного долга (Букина, 2022). В 2022 г. прирост внутреннего долга РФ составил более 13,9 %, в 2023 г. – более 10,8 %[27]. В то же время наблюдалось снижение внешнего долга. Если в 2022 г. внешний долг уменьшился на 16,9 млрд долл. США (менее чем на 5 %), то в 2023 г. его сокращение уже составило 68,2 млрд долл. США, или 17,7 %[28]. В целом на 01.01.2023 государственный долг РФ составил 14,9 % к ВВП (из них 12,2 % приходилось на внутренний долг и 2,6 % – на внешний)[29]. Сравнивая эти значения с пороговым 60%-м уровнем госдолга к ВВП, определенным Маастрихтским договором для европейских стран, можно утверждать, что уровень госдолга в РФ пока далек от критических значений. Однако темпы роста внутреннего долга в условиях дефицита государственного бюджета вызывают определенную обеспокоенность, с учетом уже имевшейся у России практики дефолта в 1998 г.

Вследствие благоприятной конъюнктуры на мировых рынках энергоносителей, активной фискальной политики государства (в том числе эффекта мультипликатора госрасходов) и прочего реальный ВВП России в 2022 г. упал только на 2,1 %, что оказалось ниже прогноза Минэкономразвития (–2,5 %). Фактический результат оказался также намного лучше пессимистического сценария МВФ (в апреле 2022 г. им предсказывалось снижение российской экономики на 8,5 % в 2022 г. и на 2,3 % в 2023 г.[30]). При этом МВФ и Банк России в 2023 г. уже прогнозировали рост российской экономики. В январе 2024 г. МВФ опубликовал прогноз роста экономики России в 2023 г. на уровне 3 %, в 2024 и 2025 гг. – на уровне 2,6 и 1,1 % соответственно[31]. Согласно отчетным данным Министерства экономического развития[32], рост ВВП по итогам 2023 г. составил

---

[22] Официальный сайт Федерального казначейства. http://datamarts.roskazna.ru/razdely/rashody/rashody-po-grbs/rashody-po-grbs/?paramPeriod=2022

[23] Официальный сайт Федерального казначейства. http://datamarts.roskazna.ru/razdely/rashody/rashody-po-grbs/rashody-grbs-po-csr-i-vr/?paramPeriod=2022

[24] Федеральное казначейство. (2022). Расходы: подразделы по ЦСР и ВР. http://datamarts.roskazna.ru/razdely/rashody/rashody-po-razdelam-podrazdelam/rashody-podrazdely-po-csr-i-vr/?paramPeriod=2022

[25] Федеральное казначейство. (2022). Расходы по ФКР в разрезе субъектов РФ. http://datamarts.roskazna.ru/razdely/konsolidirovanny-budget-rf-i-gvbf/rashody-po-fkr-v-razreze-subjektov-rf/?paramPeriod=2022

[26] Социально-экономическое положение России: доклад. Росстат. https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801

[27] Минфин России. (2021, 11 апреля). Таблицы ежемесячных значений объема государственного внутреннего долга Российской Федерации. https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/public_debt/internal/structure?id_4=93479-tablitsy_ezhemesyachnykh_znachenii_obema_gosudarstvennogo_vnutrennego_dolga_rossiiskoi_federatsii

[28] Банк России. (2023). Платежный баланс, международная инвестиционная позиция и внешний долг Российской Федерации в 2023 году. https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/p_balance/

[29] Федеральное казначейство. (2022). Государственный долг. http://datamarts.roskazna.ru/razdely/finansovye-rezultaty-deyatelnosti/gosudarstvennyj-dolg/?paramPeriod=2022

[30] Международный валютный фонд. (2022, April). War sets back the global recovery. https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/04/19/world-economic-outlook-april-2022

[31] Международный валютный фонд. (2024, January). Moderating inflation and steady growth open path to soft landing. https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2024/01/30/world-economic-outlook-update-january-2024

[32] Министерство экономического развития Российской Федерации. (2024). О текущей ситуации в российской экономике. Итоги 2023 года. https://www.economy.gov.ru/material/file/a30ffe689e1cd3fa8f083b2d7aa36cb1/o_tekushchey_situacii_v_rossiyskoy_ekonomike_itogi_2023_goda.pdf

3,6 %. Однако, согласно оценкам аналитиков, треть этого прироста обеспечили отрасли ВПК и смежные с ним отрасли[33].

Будущее бюджетной сферы зависит от состояния производственного сектора и внешней торговли, мировых цен на нефть и газ. Последние все еще формируют основные риски бюджетных доходов. В условиях нестабильности нефтегазовых доходов особое значение приобретает следование бюджетному правилу, позволяющему перераспределять бюджетные доходы в цикле и смягчать циклические колебания экономики. При этом Кудрин с соавторами (2023) отмечают, что эффективность бюджетных правил (их контрциклическое влияние на государственные расходы и уменьшение долговой нагрузки на экономику) зависит от действенности механизмов контроля за их соблюдением, что зависит от институциональной среды и политической воли руководства.

Влияние новых санкций на развитие отраслей российской экономики

Как уже отмечалось в обзоре литературы, отраслевые эффекты санкций достаточно подробно изучены в отечественной литературе. Поэтому сосредоточимся на анализе общих тенденций последних двух лет.

С целью оценки влияния новых санкций на развитие отраслей российской экономики в табл. 1 приведена информация о росте объемов производста в отдельных секторах российской экономики в 2023 г., полученная на основе данных докладов Минэкономразвития «О динамике промышленного производства. Итоги 2023 г.»[34] и «О текущей ситуации в российской экономике»[35].

Таблица 1

Рост объемов производства в отдельных секторах экономики в 2023 г., %
Table 1. Growth of production in some economic sectors in 2023, %

Сектор / Sector	Рост к 2022 г. / Growth by 2022	Рост к 2021 г. / Growth by 2021
Промышленное производство / Industrial production	3,5	4,2
Обрабатывающая промышленность / Manufacturing industries	7,5	7,8
Машиностроительный комплекс / Machine building	21,1	14,0
Металлургический комплекс / Metallurgy	9,3	12,2
Химическая промышленность / Chemical industry	5,0	4,7
Пищевая промышленность / Food industry	4,6	6,3
Нефтеперерабатывающий комплекс / Oil processing	2,6	2,0
Добывающая промышленность / Mineral extraction	–1,3	0,2
Объем строительных работ / Construction	7,9	16,0
Выпуск продукции сельского хозяйства / Agricultural production	–0,3	11,0
Грузооборот транспорта / Freight turnover	–0,6	–2,9
Грузооборот транспорта (без трубопроводного транспорта) / Freight turnover (without pipe transportation)	1,9	2,1
Оборот розничной торговли / Retail trade turnover	6,4	-0,5

Источник: Министерство экономического развития Российской Федерации. (2024). О динамике промышленного производства. Итоги 2023 года. https://www.economy.gov.ru/material/file/fb0c841a059708b397b444a18ee41ffb/o_dinamike_promyshlennogo_proizvodstva_itogi_2023_goda.pdf

Source: Ministry of economic development of the Russian Federation. (2024). On the dynamics of industrial production. Results of 2023. https://www.economy.gov.ru/material/file/fb0c841a059708b397b444a18ee41ffb/o_dinamike_promyshlennogo_proizvodstva_itogi_2023_goda.pdf

[33] Сапожков, О. (2023, 15 декабря). Военно-промышленный перегрев. Коммерсантъ. https://www.kommersant.ru/doc/6397842

[34] Министерство экономического развития Российской Федерации. (2024). О динамике промышленного производства. Итоги 2023 года. https://www.economy.gov.ru/material/file/fb0c841a059708b397b444a18ee41ffb/o_dinamike_promyshlennogo_proizvodstva_itogi_2023_goda.pdf

[35] Министерство экономического развития Российской Федерации. (2024). О текущей ситуации в российской экономике. Итоги 2023 года. https://www.economy.gov.ru/material/file/a30ffe689e1cd3fa8f083b2d7aa36cb1/o_tekushchey_situacii_v_rossiyskoy_ekonomike_itogi_2023_goda.pdf

Как видно из табл. 1, максимальный рост в 2023 г. по отношению к 2022 г. демонстрирует машиностроительный комплекс (что объясняется в основном ростом оборонзаказа), а к 2021 г. – строительство. Также в новом санкционном периоде продолжилось импортозамещение в ряде отраслей российской экономики. Так, по данным Росстата[36], средний прирост производства основных видов импортозамещающих пищевых продуктов составил 3,96 % в 2023 г. по отношению к 2022 г. При этом наибольший рост (более 15 %) показало производство сливок и сыров, а в категориях «овощи (кроме картофеля)», «грибы замороженные» и «филе рыбное мороженое», напротив, наблюдалось наибольшее (около 15 %) снижение.

Влияние новых санкций на финансовую систему России

В первые месяцы новых санкций существенно пострадал российский фондовый рынок по причине негативных новостей о перспективах российской экономики, роста неопределенности и рисков инвестирования, запретов на торговлю иностранными ценными бумагами и снижения ликвидности российских ценных бумаг, массового ухода иностранных инвесторов, трудностей с проведением платежей. Индекс Московской биржи по состоянию на 22.02.2022 составлял 3 084,74 пункта, а 24.02.2022 (в день объявления СВО) он упал до 2 058,12 пункта[37]. Иными словами, за один день российский фондовый рынок обвалился почти на треть (–33,28 %). Это привело к тому, что Московская биржа приостановила торговлю до дальнейшего уведомления. Уже 27.02.2022 иностранным клиентам была запрещена продажа любых ценных бумаг, с 21.03.2022 были возобновлены торги гособлигациями, а с 24.03.2022 – акциями российских эмитентов, которые не размещались на зарубежных биржевых площадках[38]. Уверенное восстановление цен российских фондовых активов началось с февраля 2023 г. К 01.04.2024 индекс Мосбиржи достиг уровня 3 439,68, что на 75,7 % выше трехлетнего минимума – значения на 01.09.2022 (1 957,31), однако пока на 17,1 % ниже его максимального значения на 01.10.2021 (4 150)[39].

Значительные проблемы испытала также банковская система России в первый год новых санкций. К числу таковых прежде всего относятся замораживание зарубежных активов, отключение от системы быстрых платежей *SWIFT* и уменьшение доступа к иностранной валюте и зарубежным рынкам капитала. Так, около двух третей российской банковской системы с точки зрения активов потеряли доступ к финансовым системам США и/или Европы. Банк России лишился управления около 40 % зарубежных активов (Demertzis et al., 2022). Нестабильность национальной валюты в условиях санкций увеличила валютные риски российских банков (Глебова, Березин, 2023).

В целом 2022 г. для банковской системы оказался вполне удачным с точки зрения роста кредитования корпоративного сектора (+14,3 %), а также увеличения ипотеки (+20 %). Банки нарастили вложения в гособлигации (+10 %), а их корпоративные клиенты получили существенные бюджетные средства на счета (+5,8 %)[40]. В апреле – июне 2022 г. отмечался небольшой рост просрочки по кредитам, но потом ситуация стабилизировалась и доля просроченной задолженности по итогам года даже несколько снизилась. 2023 г. по кредитованию оказался значительно лучше 2022 г.: корпоративные кредиты выросли на 20,1 %, ипотечные – на 34,5 %, после стагнации восстановилось потребительское кредитование (+15,7 %)[41].

Между тем переоценка валютных и фондовых активов банковского сектора, потери по деривативам и другие неприятности привели к тому, что с марта по июнь 2022 г. общие убытки кредитных организаций выросли более чем на 1 587 млрд руб. Хотя 2022 г. в целом банки свели с небольшой прибылью 203,2 млрд руб. (что составило лишь 8,6 % к уровню 2021 г.), этот результат был в основном достигнут за счет переоценки в конце года валютных активов по причине обесценения рубля. В 2023 г. ситуация значительно улучшилась,

[36] Официальный сайт Росстата. https://rosstat.gov.ru/folder/11188

[37] Финансовая платформа Investing.com. Fusion Media Limited. https://ru.investing.com/indices/mcx-historical-data

[38] Официальный сайт Московской биржи. https://www.moex.com/

[39] Финансовая платформа Investing.com. Fusion Media Limited. https://ru.investing.com/indices/mcx?ysclid=luvgfbj45i990647171

[40] Центральный Банк Российской Федерации. О развитии банковского сектора Российской Федерации в декабре 2022 г. https://cbr.ru/Collection/Collection/File/43685/razv_bs_22_12.pdf

[41] Банк России. (2024). О развитии банковского сектора Российской Федерации в декабре 2023 г. https://cbr.ru/Collection/Collection/File/47805/razv_bs_23_12.pdf

однако по итогам года прибыль кредитных организаций составила лишь 42,6 % к уровню 2021 г.[42] В целом количество кредитных организаций в исследуемом периоде изменилось незначительно (уменьшившись на девять действующих организаций в 2022 г. и на две в 2023 г.).

Банковская система достаточно быстро и с небольшими потерями справилась с санкциями. Это стало возможным благодаря быстрому внедрению отечественной системы платежей (аналога *SWIFT*) на основе Национальной системы платежных карт (НСПК) «Мир», росту российской экономики, замещению фондовых ресурсов предприятий банковскими, росту спроса населения на ипотечные и потребительские кредиты. Немаловажную роль в восстановлении банковской системы и финансовых рынков сыграли грамотный менеджмент и эффективная политика Банка России, что отмечается также зарубежными исследователями (Demertzis et al., 2022). Умелые действия финансового мегарегулятора совместно с грамотным банковским управлением позволили значительно повысить финансовую стабильность экономики, что положительно сказалось на функционировании ее реального сектора.

Влияние новых санкций на экономику российских регионов

Ответ экономик регионов на санкционный шок оказался весьма разнородным. Вследствие изменения мирохозяйственных связей, приоритетов в экономической политике и сдвигов в отраслевой структуре производства новый санкционный период, в отличие от периода пандемического шока, может привести к существенному перераспределению пространственного потенциала в масштабах страны (Зубаревич, 2022). Изменение экономических позиций отдельных российских регионов может также отразиться на уровне и характеристиках межрегионального неравенства. Но каким оно будет в будущем, судить пока рано.

Прежде всего, промышленное производство в регионах росло крайне неравномерно. По данным Федеральной службы государственной статистики[43], индекс промышленного производства в 2023 г. по отношению к 2022 г. в регионах РФ варьировал в диапазоне от –11,6 % (Приморский край) до +29,5 % (Камчатский край). Рост промышленного производства (более 20 %) отмечался также в Чувашской Республике. Спад производства демонстрировали 19 регионов. Кроме указанного выше Приморского края, падение промышленного производства в 2023 г. произошло в следующих субъектах РФ: Магаданская, Мурманская, Калининградская, Амурская, Иркутская, Кемеровская, Архангельская и Астраханская области, Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО, Еврейская автономная область, Красноярский и Хабаровский края, республики Тыва, Крым, Бурятия и Коми. Следует отметить, что в эту группу попадают в основном центры добывающей промышленности и приграничные регионы, расположенные вне новых торговых магистралей. В более выгодном положении оказались регионы с развитой обрабатывающей промышленностью, получившие военные заказы.

В приложении на рис. П1 представлен индекс промышленного производства в регионах России в 2023 г. в % к 2022 г., а на рис. П2 – в % к 2021 г.

Следует отметить, что благодаря восстановительному росту 2023 г., по результатам двух лет (т. е. к 2021 г.) ситуация в промышленности несколько скорректировалась по сравнению с 2022 г. Так, по итогам 2023 г. был полностью перекрыт спад промышленного производства 2022 г. в ряде добывающих регионов: Ханты-Мансийском и Ненецком АО, а также в республиках Коми, Бурятия и Тыва. В то же время к регионам, у которых промышленное производство в 2023 г. оказалось ниже уровня 2021 г., добавились Калужская, Сахалинская, Новгородская, Орловская, Костромская, Вологодская, Ивановская и Оренбургская области, республики Карелия и Хакасия, а также Чукотский АО. Максимальный рост объемов производства в промышленности (более 20 %) по результатам двух лет демонстрируют республики Дагестан, Ингушетия, Тыва, г. Москва, Чувашская Республика и Брянская область.

Ситуация в бюджетной сфере регионов также оказалась весьма различной. По результатам исполнения консолидированных бюджетов субъектов РФ в 2021 г. 66 регионов имели профицит, а в 2023 г. их количество сократилось ровно в два раза, т. е. профицитных регионов осталось только 33. При этом в 21 регионе профицит наблюдался как в 2021, так и в 2023 г. В этот список входят Амурская, Астраханская, Вологодская, Курганская, Ленинградская, Оренбургская, Ростовская, Самарская, Сахалинская, Свердловская, Томская, Тю-

[42] Банк России. Показатели деятельности кредитных организаций. https://cbr.ru/statistics/bank_sector/pdko_sub/

[43] Социально-экономическое положение России: доклад. Росстат. https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801

менская и Челябинская области, Забайкальский, Краснодарский, Красноярский, Приморский, Ставропольский и Хабаровский края, Удмуртская и Чувашская республики. Еще в 12 регионах профицит наблюдался только в 2023 г., среди них: Смоленская, Липецкая, Брянская, Тверская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Калужская и Тамбовская области, Республика Крым и Ханты-Мансийский АО.

Денежно-кредитная политика в условиях санкций

Во время санкций денежно-кредитная политика приобрела двойственный (даже можно сказать, гибридный) характер.

С одной стороны, перед Банком России стояла задача сдерживания инфляции, и поэтому он был вынужден проводить жесткую денежно-кредитную политику, увеличивать процентную ставку, вводить валютные ограничения. С 28.02.2022 ключевая ставка была повышена с 9,5 до 20 %, находилась на этом уровне до 08.04.2022, затем постепенно снижалась, достигнув минимума в 7,5 % 20.09.2022, на котором сохранялась в течение десяти месяцев (до 20.07.2023), после чего началось ее новое постепенное повышение. С 18.12.2023 ключевая ставка находится на уровне 16 %[44].

С другой стороны, денежная политика должна была поддерживать активную фискальную политику, направленную на стимулирование государственных расходов и экономического роста, в противном случае экономика бы столкнулась с существенным эффектом вытеснения. Поэтому одновременно с увеличением стоимости денег Банк России значительно увеличил денежную массу и кредитование коммерческих банков. Так, объем денежной массы (агрегат М2) только в 2022 г. увеличился на 22,4 %, а в 2023 г. вырос еще на 19,4 %[45]. Объем кредитов Банка России кредитным организациям в восстановительном (после пандемии) 2021 г. увеличился на 126,6 %, в 2022 г. он вырос еще на 108,8 %, однако в 2023 г., в силу увеличения ставки, стал больше только на 10,5 %. Примечательно то, что с 2021 г. у Банка России наряду с традиционными формами рефинансирования появились так называемые другие кредиты. Известно лишь то, что для них установлены более гибкие правила имущественного обеспечения, другой информации о них нет. Их доля в общем объеме выданных Банком России кредитов в 2021 г. составила 39,2 %, в 2022 г. – 33,3 %, а в 2023 г. – 27,9 %[46].

Активная денежная политика сказалась и на росте кредитования коммерческими банками экономики. Объем кредитов, депозитов и прочих средств, предоставленных корпоративным клиентам, физическим лицам и кредитным организациям (в рублях и иностранной валюте), в 2022 г. вырос на 27,29 %, а в 2023 г. – еще на 27,03 %[47]. При этом доля кредитов и прочих средств (в рублях и иностранной валюте), предоставленных корпоративным клиентам на срок свыше одного года, в общем объеме выданных им кредитов и прочих средств на 1 января 2024 г. составила 74,6 %. Объем депозитов, кредитов и прочих привлеченных кредитными организациями средств (в рублях и иностранной валюте) на 1 января 2024 г. вырос к аналогичному показателю на 1 января 2023 г. на 27,31 %. Объем государственных ценных бумаг на конец декабря 2023 г. увеличился по сравнению с соответствующей датой 2022 г. на 11,6 %[48].

Налоговая политика в условиях санкций

Увеличение государственных расходов, в том числе на финансирование оборонзаказа, породило проблему недостатка бюджетных средств. Основным способом ее решения стало расширение государственного долга, а в последующем рост налогов.

В отличие от денежно-кредитной политики, которая может оперативно реагировать на изменение текущей ситуации (пересмотр ключевой процентной ставки и нормы обязательных резервов можно осуществлять несколько раз в месяц, а устанавливать лимиты рефинансирования каждый день) и ее можно проводить в режиме точной настройки (*fine tuning*), налоговая политика характеризуется длинными лагами, невозможностью или

[44] Банк России. (2024). Ключевая ставка Банка России. https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/

[45] Банк России. Денежно-кредитная и финансовая статистика. https://cbr.ru/statistics/macro_itm/dkfs/#a_128613file

[46] Банк России. Ликвидность банковского сектора, инструменты денежно-кредитной политики и другие операции Банка России. https://www.cbr.ru/statistics/idkp_br/

[47] Банк России. Показатели деятельности кредитных организаций. https://cbr.ru/statistics/bank_sector/pdko_sub/

[48] Социально-экономическое положение России: доклад. Росстат. https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801

сложностью оперативного приспособления правил к текущей ситуации. В экономической теории известны три лага экономической политики: лаг осознания проблемы, лаг принятия решения и лаг воздействия. Именно они порождают проблему несогласованности во времени (*time inconsistency* или *dynamic inconsistency*) экономической политики и снижают ее эффективность.

В налоговой политике лаг принятия решения существенно выше, чем в денежно-кредитной политике: все изменения в налоговом законодательстве требуют обсуждения в Государственной Думе, должны быть законодательно закреплены и вступают в действие не сразу, а с определенной даты. Поэтому налоговые правила (относительно налоговых ставок, льгот, базы действующих налогов, введения новых налогов), в силу высоких трансакционных издержек, меняются гораздо реже и более значительно, чем ставка Банка России. Эффекты налоговых нововведений должны быть просчитаны заранее, так как оперативно скорректировать налоговые правила не получается, а негативные последствия могут быть колоссальными. Лаг воздействия в налоговой политике тоже выше, чем в денежно-кредитной политике. После введения правила начинают работать только тогда, когда наступает период уплаты налога. Однако в отличие от денежно-кредитной политики они применяются в полной мере (тогда как эффекты прежней денежно-кредитной политики сохраняются еще длительное время в силу действия заключенных ранее кредитных, депозитных договоров, что создает процентные и прочие риски у банковской системы). Правда, относительная оперативность налоговой политики может проявляться, когда речь идет о смягчении налогового режима (примером является отмена налога с процентных доходов в период пандемии). В целом динамическая несогласованность проявляется в налоговой политике значительно, по крайней мере в краткосрочном периоде.

Эффект динамической несогласованности российской налоговой политики обнаружился и в период пандемии и новых антироссийских санкций, однако отчасти сыграл положительную роль. Меры, направленные на борьбу с пандемическим кризисом, оказались вполне уместными для борьбы с санкционными шоками. Действительно, многие изменения, вступившие в силу с 2022 г.[49], были приняты еще в 2021 г., т. е. еще без учета изменившейся экономической обстановки. Поэтому в 2022 г. налоговая политика в основном была направлена на стимулирование постпандемического восстановления секторов российской экономики. В частности, она предусматривала снижение налоговой нагрузки для субъектов МСП в отдельных отраслях экономики (обрабатывающие производства, турагентства, здравоохранение, культура, спорт, индустрия красоты), продление сроков уплаты налогов с последующей рассрочкой налоговых платежей. Экономический эффект этой меры составил 37 млрд рублей высвобожденных средств, распространился на 500 тыс. предприятий малого и среднего бизнеса с количеством занятых около1,5 млн человек[50].

В 2022 г. также была введена отсрочка выплаты страховых взносов для всех предприятий, работающих на внутренний рынок. Экономический эффект этой меры составил около 1,7 трлн рублей и распространился на 2,1 млн налогоплательщиков. Другой важной мерой стало перенесение на месяц срока уплаты авансового платежа по налогу на прибыль организаций по итогам первого квартала 2022 г. Экономический эффект этой меры составил около 500 млрд рублей высвобожденных средств. В условиях санкций эти средства направлялись бизнесом на перестройку логистики и реструктуризацию производства[51].

Также следует отметить освобождение с 1 марта 2022 г. от уплаты НДС продаж банками физическим лицам слитков из драгоценных металлов. Мера была направлена на повышение инвестиционной активности населения. Благодаря налоговому стимулированию ожидалось увеличение продаж золота населению в 2022 г. до 30 тонн (по сравнению с 3,3 тонны в 2021 г.). Однако фактический объем закупок золотых слитков физлицами в России в 2022 г. составил около 100 тонн, в 2023 г. – около 95 тонн[52], что объясняется повышенным спросом населения на реальные активы в условиях инфляционных рисков.

---

[49] ФНС России. (2022, 11 января). Значимые для налогоплательщиков изменения с 2022 года. https://www.nalog.gov.ru/rn27/news/smi/11757920/

[50] Министерство экономического развития Российской Федерации. О ходе реализации Правительством антикризисных мер. https://www.economy.gov.ru/material/file/bf52beecf1a10a82b88953a79edc34e6/daydzhest_mery_podderzhki.pdf

[51] Там же.

[52] Интерфакс. (2024, 1 февраля). Россияне в 2023 году закупили 95 т золота в слитках. https://www.interfax.ru/business/943980

Налоговая политика 2023 г. проводилась в преддверии президентских выборов и была крайне осторожной. Поэтому кардинальных изменений в ней не было, кроме введения единого налогового счета[53], который упростил осуществление налогоплательщиками платежей. Между тем потребность в дополнительных налоговых доходах привела к тому, что в 2023 г. компаниям с чистой доналоговой прибылью за 2021–2022 гг. 1 млрд руб. и более предложили сделать «добровольный однократный взнос в бюджет»[54]. Этот взнос касался всех предприятий, попадающих в данную категорию, за исключением предприятий нефтегазового и угольного сектора, а также малого и среднего бизнеса[55].

С 2024 г. направленность налоговой политики меняется. В условиях роста государственных расходов и дефицита государственного бюджета государство вынуждено идти на увеличение налогов. Так, в 2024 г. вкладчики банков впервые будут обязаны осуществить уплату налога с процентных доходов, превышающих 150 тыс. руб. (по ставкам 13 % при общем годовом доходе из всех источников не выше 5 млн и 15 % с суммы, превышающей это пороговое значение). Также с 2024 г. вводится в действие налог на сверхприбыль предприятий[56]. Это первые меры, касающиеся роста налоговой нагрузки, которыми ужесточение налогообложения, скорее всего, не ограничится. В мае 2024 г. Минфин представил параметры прогрессивного НДФЛ, планируемые к введению в 2025 г.: для доходов до 2,4 млн руб. в год остается действующая ставка 13 %, для доходов от 2,4 до 5 млн руб. в год будет действовать ставка 15 %, для доходов от 5 до 20 млн руб. в год – 18 %, от 20 до 50 млн руб. в год – 20 %, свыше 50 млн – 22 %. По расчетам Минфина, налоги вырастут примерно для 2 млн человек, или 3,2 % от работающего населения страны[57]. Также обсуждается увеличение в 2025 г. налога на прибыль с 20 до 25 %[58].

В таком случае налогово-бюджетная политика, как и денежно-кредитная политика, становится гибридной. Фискальное стимулирование дополняется увеличением налоговых изъятий. В целом это приводит к увеличению доли госсектора в экономике, сказывается на стимулах к предпринимательской деятельности и труду, влияет на структурные сдвиги в экономике.

Ценовое регулирование

Еще одним важным инструментом государственного регулирования во время санкций стало прямое и косвенное регулирование цен. Прямое регулирование цен осуществлялось в виде установления цен на отдельные группы товаров, а косвенное – через контроль за валютным курсом в условиях ограничений на покупку валюты населением и обязательной продажи валютной выручки экспортерами.

Важная роль в государственном регулировании цен в настоящее время отводится Федеральной антимонопольной службе. Как известно, главной функцией антимонопольной службы является обеспечение условий для рыночной конкуренции и недопущение чрезмерной монополизации рынка, угрожающей нормальному функционированию рыночных механизмов, а также деятельность, связанная с установлением государственных цен и тарифов на тот или иной вид продукции или сервисов, которые предоставляют естественные монополии. В последнее время деятельность Федеральной антимонопольной службы несколько трансформировалась: в ее функции стали входить контроль цен жизненно важных товаров и усиление контроля за «необоснованным повышением цен». Причем необоснованное повышение цен на социально значимые товары может свидетельствовать о наличии монопольного сговора продавцов[59]. В текущих условиях на Федеральную

[53] ФНС России. (2023, 9 января). Основные изменения налогового законодательства на 2023 год. https://www.nalog.gov.ru/rn67/news/smi/12999115/

[54] Там же.

[55] Ковалев, П. (2023, 15 марта). В Минфине назвали компании, подпадающие под разовый сбор в бюджет. ТАСС. https://tass.ru/ekonomika/17271337

[56] ФНС России. (2023, 29 сентября). С 1 января 2024 года вводится налог на сверхприбыль. https://www.nalog.gov.ru/rn14/news/tax_doc_news/13890623/

[57] (2024, 28 мая). Минфин представил параметры прогрессивного НДФЛ. Коммерсант. https://www.kommersant.ru/doc/6729548

[58] (2024, 28 мая). Ставка налога на прибыль с 2025 г. вырастет до 25 %, появится федеральный инвествычет. Интерфакс. https://www.interfax.ru/business/962777

[59] Новиков, В. (2022, 1 августа). Молчаливый контроль: почему ФАС делает еще один шаг к прямому регулированию цен. Forbes. https://www.forbes.ru/mneniya/472949-molcalivyj-kontrol-pocemu-fas-delaet-ese-odin-sag-k-pramomu-regulirovaniu-cen

антимонопольную службу (далее – ФАС) возложен также контроль за ценами не только социально значимых товаров[60]. Кроме того, активно обсуждается законопроект о регулировании цен монополий[61].

Ценовое регулирование имеет свои плюсы и минусы. К очевидным плюсам относится возможность сдерживания открытой инфляции в краткосрочном периоде и всех ее негативных последствий (таких как снижение реальных доходов). Между тем регулирование цен вызывает также массу негативных последствий долгосрочного характера. Инфляция из открытой формы переходит в скрытую (или подавленную) и проявляется товарным дефицитом, снижением качества товаров и услуг, формированием денежного навеса в виде избыточных сбережений, накоплением инфляционного потенциала (Малкина, 2006). Кроме того, точечное регулирование цен вызывает массу структурных дисбалансов в экономике, что в будущем порождает инфляцию структурного происхождения (Малкина, 2006).

Регулирование цен на конечную продукцию негативно сказывается на прибылях предприятий, если они вынуждены покупать факторы производства по рыночным ценам, и издержки производства растут. При этом у предприятий не всегда есть возможность компенсации потерь в маржинальной прибыли ростом объемов производства. Хотя спрос на продукцию таких предприятий может расти, стимулы предпринимательской деятельности снижаются. Кроме того, в условиях перегрева экономики предприятия могут столкнуться с проблемой недостатка и в результате этого удорожания производственных факторов, прежде всего трудовых ресурсов.

Однако в настоящее время все чаще звучат призывы пересмотреть подходы к государственному регулированию цен. Например, в статье Балацкого с соавт. (2022) исследуется опыт ценового регулирования на отдельные группы товаров в странах, подвергшихся мировым санкциям или разного рода торговым ограничениям (Индии, Китае, Кыргызстане, Венесуэле, Иране, Боливии, Саудовской Аравии, России). Авторы приходят к выводу, что применение передового опыта административного регулирования цен может существенно снизить негативный эффект от санкций в среднесрочном периоде.

Заключение

Введенные развитыми странами после присоединения Россией Крыма первые антироссийские санкции носили точечный и несистемный характер. Они главным образом сказались на торговле России со странами-инициаторами и прямых иностранных инвестициях, однако стимулировали импортозамещение в ряде отраслей, что способствовало укреплению промышленного суверенитета России.

Новые беспрецедентные антироссийские санкции, введенные рядом стран после объявления Россией 24 февраля 2022 г. специальной военной операции на Украине, по-разному сказались на развитии российской экономики в краткосрочном и среднесрочном периодах. В 2022 г. российская экономика все еще использовала ранее накопленный капитал. Благодаря благоприятной конъюнктуре на мировом рынке нефти и продолжению многих контрактов на поставку энергоресурсов в европейские страны в первый год СВО удалось обеспечить положительное сальдо торгового баланса и приток иностранной валюты, что способствовало укреплению рубля осенью – зимой 2022 г. Дополнительные нефтегазовые доходы федерального бюджета, возникшие по причине благоприятной конъюнктуры на рынке энергоресурсов, привели к росту доходов бюджета в целом в 2022 г. Однако из-за опережающего роста расходов бюджет оказался дефицитным. Вследствие благоприятной конъюнктуры на мировых рынках энергоносителей, активной фискальной политики государства реальный ВВП России в 2022 г. упал только на 2,1 %.

В 2023 г. произошли значительные изменения в страновой структуре российского экспорта и торговом балансе страны. Снижение притока иностранной валюты в условиях санкционного замораживания части международных резервов РФ стало оказывать существенное давление на курс рубля и создавало новые инфляционные риски. Сдерживал девальвацию новый валютный режим Банка России, включающий введенное

[60] Соболь, М., Бойко, А. (2023, 3 марта). ФАС предлагает контролировать цены не только на социально значимые товары. Ведомости. https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/03/03/965074-fas-predlagaet-kontrolirovat-tseni-ne-tolko-na-sotsialno-znachimie-tovari

[61] Бойко А., Милькин, В. (2022, 30 ноября). ФАС до весны внесет в Кабмин законопроект о регулировании цен монополий. https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/11/30/952744-fas-vneset-zakonoproekt-o-regulirovanii-tsen-monopolii

еще в марте 2022 г. Банком России ограничение на снятие денег с валютных счетов населения и возврат обязательной продажи валютной выручки экспортерами.

В 2023 г. тенденция опережающего роста расходов государственного бюджета привела к дальнейшему росту дефицита и накоплению внутреннего долга. Рост бюджетного дефицита в 2022 и 2023 гг. позволил профинансировать увеличивающиеся военные расходы, поддерживать финансирование национальных проектов и социальных программ в условиях ограниченного притока доходов. Доходы уровней бюджетной системы росли неравномерно, а их структура претерпела существенные изменения. Рост ВВП по итогам 2023 г. составил 3,6 %.

Ответ отраслей и экономик регионов на санкционный шок оказался весьма разнородным. Важную роль в реакции отраслей российской экономики и регионов на новый санкционный шок сыграли не только масштаб воздействия и уровень испытанного стресса, но и выработка хозяйствующими субъектами определенных приспособительных стратегий поведения, а также ответные меры федеральных, региональных и местных властей. Прежде всего, новый санкционный кризис по своим последствиям оказался совершенно иным для предпринимательского сектора, нежели пандемический кризис. В условиях новых антироссийских санкций проявились и новые адаптационные стратегии населения.

Новый санкционный режим российской экономики побудил пересмотреть парадигму государственного регулирования экономики, хотя тенденции укрепления политики дирижизма в экономике проявлялись уже давно. Во время СВО политика дирижизма проявилась в увеличении госзаказа, субсидий и прочей поддержки защищенных отраслей при одноразовых изъятиях конъюнктурных доходов крупного бизнеса.

Денежно-кредитная и налогово-бюджетная политика все более приобретала гибридный характер, сочетая в себе элементы стимулирования и рестрикции. Банк России одновременно увеличивал денежную массу и повышал ключевую ставку. Правительство увеличивало государственные расходы и постепенно заменяло дефицитное финансирование ростом налоговых изъятий.

Важным инструментом государственного регулирования во время санкций стало регулирование цен, которое негативно сказывается на прибылях предприятий, что требует их дополнительной государственной поддержки.

Перспективы российской экономики в условиях санкций зависят как от жесткости и направленности самих санкций, так и от адаптационной способности экономики. Поэтому краткосрочные и долгосрочные последствия санкций могут быть весьма различными. В краткосрочном периоде экономика все еще катится по прежней колее. Возникающие на ее пути препятствия могут привести как к ее повреждению, потере потенциала, так и выработке новых паттернов развития в обход установленных препятствий (хотя не исключено, что они появятся и на новой колее). Основными направлениями развития российской экономики в условиях новых санкций являются импортозамещение, обретение ею технологического и финансового суверенитета. При этом необходимо принимать во внимание затраты времени и материальных ресурсов на достижение этих целей, учитывать возможные потери в качестве в условиях отсутствия конкуренции, возможность роста отставания России от передовых стран в условиях изоляции. Поэтому развитие в новых условиях должно по возможности использовать преимущества международного разделения труда и международной кооперации, быть основанным на поддержке здоровой конкурентной среды. Также оно должно базироваться на естественных преимуществах российской экономики (таких как дешевизна энергии, богатство ресурсов, масштабы рынка и разнообразие природно-климатических условий и экономического потенциала), которые следует использовать в антисанкционной политике.

Список литературы

Аганбегян, А. Г., Клепач, А. Н., Порфирьев, Б. Н., Узяков, М. Н., Широв, А. А. (2020). Постпандемическое восстановление российской экономики и переход к устойчивому социально-экономическому развитию. *Проблемы прогнозирования*, *6*(183), 18–26. https://doi.org/10.47711/0868-6351-183-18-26

Афонцев, С. А. (2022). Политические парадоксы экономических санкций. *Журнал Новой экономической ассоциации*, *3*(55), 193–198. https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-10

Балацкий, Е. В., Екимова, Н. А., Юревич, М. А. (2022). Регулирование цен в условиях санкций: международный опыт. *Journal of Economic Regulation*, *13*(3), 53–64. https://doi.org/10.17835/2078-5429.2022.13.3.053-064

Белозеров, С. А., Соколовская, Е. (2020). Экономические санкции против России и оценка политики по преодолению их воздействия. *Экономика региона*, *16*(4), 1115–1131. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-8

Букина, И. С. (2022). Влияние санкций и перспективы бюджетно-налоговой политики в России. *Федерализм*, *27*(3), 109–124. https://doi.org/10.21686/2073-1051-2022-3-109-124

Буклемишев, О. В. (2022). Финансовые санкции и будущее глобализации. *Журнал Новой экономической ассоциации*, *3*(55), 207–212. https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-12

Гальцева, Н. В., Шарыпова, О. А. (2023). Золотодобывающая промышленность России: санкционные шоки. *Пространственная экономика*, *19*(2), 70–93. https://dx.doi.org/10.14530/se.2023.2.070-093

Гареев, Т. Р. (2023). Технологический суверенитет: от концептуальных противоречий к практической реализации. *Terra Economicus*, *21*(4), 38–54. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54

Глебова, А. Г., Березин, А. М. (2023). Регулирование валютных рисков российских банков в условиях международных санкций. *Вестник Забайкальского государственного университета*, *29*(4), 105–114.

Гузикова, Л. А., Дубэкэ, Б., Шахбази, А. С. (2022). Финансовые санкции как катализатор финансовой деглобализации. *Экономические науки*, *209*, 317–322. https://doi.org/10.14451/1.209.317

Гусев, А. Б., Юревич, М. А. (2023). Фармацевтический суверенитет России: проблемы и пути достижения. *Terra Economicus*, *21*(3), 17–31. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-3-17-31

Дементьев, В. Е. (2023). Технологический суверенитет и приоритеты локализации производства. *Terra Economicus*, *21*(1), 6–18. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-1-6-18

Дементьев, В. Е., Устюжанин, В. Л., Устюжанина, Е. В. (2024). Социально-экономическая политика государства в кризисные периоды: исторический экскурс и некоторые выводы. *Terra Economicus*, *22*(1), 6–19. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-1-6-19

Дудин, М. Н., Шкодинский, С. В., Иванов, М. О. (2023). Актуальные проблемы обеспечения финансового суверенитета России в условиях международных санкций. *Финансы: теория и практика*, *27*(1), 185–194. https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-1-185-194

Еремина, А. Е. (2019). Экономические санкции: понятие, типология, особенности. *Постсоветский материк*, *4*(24), 78–93.

Земцов, С. П., Баринова, В. А., Михайлов, А. А. (2023). Санкции, уход иностранных компаний и деловая активность в регионах России. *Экономическая политика*, *18*(2), 44–79. https://doi.org/10.18288/1994-5124-2023-2-44-79

Зубаревич, Н. В. (2022). Регионы России в новых экономических условиях. *Журнал Новой экономической ассоциации*, *3*(55), 226–234. https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-15

Зубаревич, Н. В., Землянский, Д. Ю. (2023). Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации в 2022 г.: основные тенденции. *Экономическое развитие России*, *30*(3), 47–55.

Каравай, А. В. (2023). Социальный капитал российского общества: год в условиях специальной военной операции. *Terra Economicus*, *21*(4), 91–105. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-4-91-105

Каукин, А. С., Миллер, Е. М., Косарев, В. С. (2023). Перспективы российской нефтяной отрасли в условиях санкций. *Экономическая политика*, *18*(3), 82–109. https://doi.org/10.18288/1994-5124-2023-3-82-109

Климанов, В. В., Михайлова, А. А. (2023). Изменение бюджетных параметров в условиях турбулентности. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, *4*, 62–69. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-4-62-69

Кудрин, А. Л., Соколов, И. А., Сучкова, О. В. (2023). Оценка влияния бюджетных правил на цикличность государственных расходов. *Вопросы экономики*, *5*, 5–22. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-5-5-22

Ленчук, Е. Б. (2023). Стратегическое планирование: новые вызовы в контексте внешних ограничений. *Журнал Новой экономической ассоциации*, *4*(61), 224–230.

Лыкова, Л. Н. (2016). Влияние внешних шоков на доходы бюджетов субъектов Российской Федерации. *Федерализм*, *4*(84), 137–148.

Малкина, М. Ю. (2006). *Инфляция и управление инфляционными процессами в российской и зарубежной экономике*. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Малкина, М. Ю. (2023). Стресс реальных доходов в российских регионах в условиях пандемии и санкций. *Пространственная экономика*, *19*(4), 58–83. https://dx.doi.org/10.14530/se.2023.4.058-083

Малкина, М. Ю., Балакин, Р. В. (2023). Изменение стресса налоговых поступлений российских регионов под влиянием внешних шоков. *Регион: Экономика и Социология*, *3*, 3–31.

Малкина, М. Ю., Овчаров, А. О., Балакин, Р. В., Виноградова, А. В., Гриневич, Ю. А., Лавров, С. Ю. (2023). *Экономические кризисы и их влияние на экономику России*. Москва: НИЦ «ИНФРА-М». https://doi.org/10.12737/1898397

Манушин, Д. В. (2023). Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022–2025. Часть 1: Анализ и прогноз управления антироссийскими санкциями. *Russian Journal of Economics and Law*, *17*(4), 775–799. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.775-799

Манушин, Д. В. (2024). Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022–2025. Часть 2: Последствия войны санкций, управление изменениями, уточнение понятий исследования. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 36–69. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.36-69

Михеева, Н. Н. (2023). Адаптация пространственной структуры российской экономики к внешним шокам. *Проблемы прогнозирования*, *6*(201), 201–219. https://doi.org/10.47711/0868-6351-201-207-219

Осипов, В. С., Сатторов, Ш. А. (2023). Закон «убывающей отдачи санкции»: почему каждый новый пакет санкций может оказаться менее эффективным? *Финансовый бизнес*, *5*(239), 157–160.

Полтерович, В. М. (2023). Догоняющее развитие в условиях санкций: стратегия позитивного сотрудничества. *Terra Economicus*, *21*(3), 6–16. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-3-6-16

Пономаренко, А. А., Попова, С. В., Синяков, А. А., Турдыева, Н. А., Чернядьев, Д. Н. (2020). Оценка последствий пандемии для экономики России через призму межотраслевого баланса. *Деньги и кредит*, *79*(4), 3–17. https://doi.org/10.31477/rjmf.202004.03

Симачев, Ю. В., Яковлев, А. А., Голикова, В. В., Городный, Н. А., Кузнецов, Б. В., Кузык, М. Г., Федюнина, А. А. (2023). Российские промышленные компании в условиях «второй волны» санкционных ограничений: стратегии реагирования. *Вопросы экономики*, *12*, 5–30. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-12-5-30

Скрыпник, Д. В., Шаклеина, М. В., Зайцев, А. А. (2024). Контрсанкции на продовольственном рынке и благосостояние населения России. *Экономическая политика*, *19*(1), 30–65. https://doi.org/10.18288/1994-5124-2024-1-30-65

Тимофеев, И. Н. (2022). Политика санкций против России: новый этап. *Журнал Новой экономической ассоциации*, *3*(55), 198–206. https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-11

Ушкалова, Д. И. (2022). Внешняя торговля России в условиях санкционного давления. *Журнал Новой экономической ассоциации*, *3*(55), 218–226. https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-14

Фокеев, М. А. (2022). Отрасль авиаперевозок в условиях санкций: применим ли опыт Ирана в России. *ЭКО*, *8*(578), 106–131. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-8-106-131

Френкель, А. А., Тихомиров, Б. И., Сурков, А. А. (2023). Экономика России в 2022–2024 годах: итоги, тенденции, прогнозы. *Вопросы статистики*, *30*(3), 33–52. https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-3-33-52

Фролова, Е. В., Рогач, О. В. (2023). Влияние экономических санкций на социальное благополучие россиян в регионах. *Российский экономический журнал*, *6*, 101–116.

Широв, А. А. (2023). Развитие российской экономики в среднесрочной перспективе: риски и возможности. *Проблемы прогнозирования*, *2*(197), 6–17. https://doi.org/10.47711/0868-6351-197-6-17

Якобсон, Л. И. (2023). Стратегическое планирование в условиях неопределенности: адаптивность ради устойчивости. *Журнал Новой экономической ассоциации*, *4*(61), 230–236.

Demertzis, M., Hilgenstock, B., McWilliams, B., Ribakova, E., & Tagliapietra, S. (2022). How have sanctions impacted Russia? *Policy Contribution*, *18/22*, 1–19.

Gaidar Institute Publishers. (2023). *Russian Economy in 2022. Trends and outlooks* (Iss. 44).

Kolomak, E. (2020). Economic effects of pandemic-related restrictions in Russia and their spatial heterogeneity. *R-Economy*, *6*(3), 154–161. https://doi.org/10.15826/recon.2020.6.3.013

Konovalova, M., Kuzmina, O., & Semochkina, Y. (2019). Development of the Russian stock market under external shocks. *European proceedings of social and behavioural sciences*, *57*, 1446–1456. https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.03.147

Korostelkina, I., Dedkova, E., & Varaksa, N. (2020). Resilience of the Russian financial system under external shocks. *E3S Web of Conferences*, 208, 03038. https://doi.org/10.1051/e3sconf/202020803038

Malkina, M. Yu. (2023). Resilience of Russian regions in the context of the pandemic and sanctions. *Journal of Siberian Federal University – Humanities and Social Sciences*, *3*(16), 454–467.

Shapovalova, D., Galimullin, E., & Grushevenko, E. (2020). Russian Arctic offshore petroleum governance: The effects of western sanctions and outlook for northern development. *Energy Policy*, *146*, 3646162. https://doi.org/10.1016/j.enpol.2020.111753

Shirov, A. A. (2022). The Russian economy under the impact of the pandemic crisis. *Herald of the Russian academy of sciences*, *92*(4), 536–543. https://doi.org/10.1134/S1019331622040232

Sio-Chong, U T., Lin, Y., & Wang, Y. (2024). The impact of the Russia – Ukraine war on volatility spillovers. *International Review of Financial Analysis*, *93*, 103194. https://doi.org/10.1016/j.irfa.2024.103194

Zhutiaeva, S. A., Satsuk, T. P., Geyser, A. A., & Bulygina, M. V. (2021). Digitalization of tax control in the Russian Federation: analysis and trends. *European proceedings of social and behavioural sciences*, *103*, 449–455. https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.03.56

References

Afontsev, S. A. (2022). Political paradoxes of economic sanctions. *The Journal of the New Economic Association*, *3*(55), 193–198. (In Russ.). https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-10

Aganbegyan, A. G., Klepach, A. N., Porfiryev, B. N., Uzyakov, M. N., & Shirov, A. A. (2020). Post-pandemic restoration of the Russian economy and transition to the sustainable social-economic development. *Problemy Prognozirovaniya 6*(183), 18–26. (In Russ.). https://doi.org/10.47711/0868-6351-183-18-26

Balatsky, E. V., Ekimova, N. A., & Yurevich, M. A. (2022). Price regulation under sanctions: international experience. *Journal of Economic Regulation*, *13*(3), 53–64. (In Russ.). https://doi.org/10.17835/2078-5429.2022.13.3.053-064

Belozyorov, S. A., & Sokolovska, O. (2020). Economic sanctions against Russia: assessing the policies to overcome their Impact. *Economy of region*, *16*(4), 1115–1131. (In Russ.). https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-8

Bukina, I. S. (2022). Impact of sanctions and prospects for budgetary and tax policy in Russia. *Federalism*, *27*(3), 109–124. (In Russ.). https://doi.org/10.21686/2073-1051-2022-3-109-124

Buklemishev, O. V. (2022). Financial sanctions and future of globalization. *The Journal of the New Economic Association*, *3*(55), 207–212. (In Russ.). https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-12

Dementiev, V. E. (2023). Technological sovereignty and priorities of localization of production. *Terra Economicus*, *21*(1), 6–18. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-1-6-18

Dementiev, V. E., Ustyuzhanin, V. L., & Ustyuzhanina, E. V. (2024). Socio-economic public policy in times of crises: Historical overview and some implications. *Terra Economicus*, *22*(1), 6–19. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-1-6-19

Demertzis M., Hilgenstock B., McWilliams B., Ribakova E., Tagliapietra S. (2022). How have sanctions impacted Russia? *Policy Contribution*, *18/22*, 1–19.

Dudin, M. N., Shkodinsky, S. V., & Ivanov, M. O. (2023). Current problems of ensuring the financial sovereignty of Russia in the context of international sanctions. *Finance: theory and practice*, *27*(1), 185–194. (In Russ.). https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-1-185-194

Eremina, A. E. (2019). Economic sanctions: concept, typology, features. *Post-Soviet Continent*, *4*(24), 78–93. (In Russ.).

Fokeev, M. A. (2022). The air transportation industry under sanctions: applying Iran's experience in Russia. *ECO*, *8*(578), 106–131. (In Russ.). https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-8-106-131

Frenkel, A. A., Tikhomirov, B. I., & Surkov, A. A. (2023). Russian economy in 2022–2024: results, trends, forecasts. *Voprosy statistiki*, *30*(3), 33–52. (In Russ.). https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-3-33-52

Frolova, E. V., & Rogach, O. V. (2023). The impact of economic sanctions on the social well-being of Russians in the regions. *Russian Economic Journal*, *6*, 101–116. (In Russ.).

Gaidar Institute Publishers. (2023). *Russian Economy in 2022. Trends and outlooks* (Iss. 44).

Galtseva, N. V., & Sharypova, O. A. (2023). Russia's gold mining industry: sanctions shocks. *Spatial Economics*, *19*(2), 70–93. (In Russ.). https://dx.doi.org/10.14530/se.2023.2.070-093

Gareev, T. R. (2023). Technological sovereignty: From conceptual contradiction to practical implementation. *Terra Economicus*, *21*(4), 38–54. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54

Glebova, A. G., & Berezin, A. M. (2023). Regulation of currency risks of russian banks in the context of international sanctions. *Transbaikal State University Journal*, *29*(4), 105–114. (In Russ.).

Gusev, A. B., & Yurevich, M. A. (2023). The sovereignty of Russia in the area of pharmaceuticals: Challenges and opportunities. *Terra Economicus*, *21*(3), 17–31. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-3-17-31

Guzikova, L. A., Dubieke, B., & Shahbazi, A. S. (2022). Financial sanctions as a catalyst of financial deglobalization. *Economic Sciences*, *209*, 317–322. (In Russ.). https://doi.org/10.14451/1.209.317

Jakobson, L. I. (2023). Strategic planning in conditions of uncertainty: adaptivity for sustainability. *The Journal of the New Economic Association*, *4*(61), 230–236. (In Russ.).

Karavay, A. V. (2023). The social capital of Russian society: A year under a special military operation. *Terra Economicus*, *21*(4), 91–105. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-4-91-105

Kaukin, A., Miller, E., & Kosarev, V. (2023). Prospects for Russian oil and refining industries under sanctions. *Economic Policy*, *18*(3), 82–109. (In Russ.). https://doi.org/10.18288/1994-5124-2023-3-82-109

Klimanov, V. V., & Mikhaylova, A. A. (2023). Changing budget parameters in conditions of turbulence. *State and Municipal Administration Scientific Notes*, *4*, 62–69. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-4-62-69

Kolomak, E. (2020). Economic effects of pandemic-related restrictions in Russia and their spatial heterogeneity. *R-Economy*, *6*(3), 154–161. https://doi.org/10.15826/recon.2020.6.3.013

Konovalova, M., Kuzmina, O., & Semochkina, Y. (2019). Development of the Russian stock market under external shocks. *European proceedings of social and behavioural sciences*, *57*, 1446–1456. https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.03.147

Korostelkina, I., Dedkova, E., & Varaksa, N. (2020). Resilience of the Russian financial system under external shocks. *E3S Web of Conferences*, *208*, 03038. https://doi.org/10.1051/e3sconf/202020803038

Kudrin, A. L., Sokolov, I. A., & Suchkova, O. V. (2023). Assessing the impact of fiscal rules on the cyclicality of government expenditures. *Voprosy Ekonomiki*, *5*, 5–22. (In Russ.) https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-5-5-22

Lenchuk, E. B. (2023). Strategic planning: new challenges in the context of external constraints. *The Journal of the New Economic Association*, *4*(61), 224–230. (In Russ.).

Lykova, L. N. (2016). The external shocks' impact on the revenues of subjects of the Russian Federation budgets. *Federalism*, *4*(84), 137–148. (In Russ.)

Malkina, M. Yu. (2006). *Inflation and managing inflation processes in the Russian and foreign economy.* Publisher of N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. (In Russ.).

Malkina, M. Yu. (2023). Resilience of Russian regions in the context of the pandemic and sanctions. *Journal of Siberian Federal University – Humanities and Social Sciences*, *3*(16), 454–467.

Malkina, M. Yu. (2023). Stress on real income in Russian regions under the pandemic and sanctions. *Spatial Economics*, *19*(4), 58–83. (In Russ.). https://dx.doi.org/10.14530/se.2023.4.058-083

Malkina, M. Yu., & Balakin, R. V. (2023). Stress changes of Russian regions' tax systems under the influence of external shocks. *Region: Economics and Sociology*, *3*, 3–31. (In Russ.).

Malkina, M. Yu., Ovcharov, A. O., Balakin, R. V., Grinevich, Ju. A., Vinogradova, A. V., & Lavrov, S. Yu. (2023). *Economic crises and their impact on the Russian economy*. NITS INFRA-M. (In Russ.). https://doi.org/10.12737/1898397

Manushin, D. V. (2023). Anti-sanction and sanction economic policy of Russia in 2022–2025. Part 1: Analysis and forecast of managing sanctions against Russia. *Russian Journal of Economics and Law*, *17*(4), 775–799. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.775-799

Manushin, D. V. (2024). Anti-sanction and sanction economic policy of Russia in 2022–2025. Part 2: Aftermaths of sanctions war, management of changes, clarification of research concepts. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 36–69. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.36-69

Mikheeva, N. N. (2023). Adaptation of the spatial structure of the Russian economy to external shocks. *Problemy Prognozirovaniya*, *6*(201), 201–219. (In Russ.). https://doi.org/10.47711/0868-6351-201-207-219

Osipov, V. S., & Sattorov, Sh. A. (2023). Law "Descending recommendation of sanctions": why each new package of sanctions may be less effective? *Financial business*, *5*(239), 157–160. (In Russ.).

Polterovich, M. V. (2023). Catching-up development under sanctions: The strategy of positive collaboration. *Terra Economicus*, *21*(3), 6–16. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-3-6-16

Ponomarenko, A., Popova, S., Sinyakov, A., Turdyeva, N., & Chernyadyev, D. (2020). Assessing the consequences of the pandemic for the Russian economy through an input-output model. *Russian Journal of Money and Finance*, *79*(4), 3–17. (In Russ.). https://doi.org/10.31477/rjmf.202004.03

Shapovalova, D., Galimullin, E., & Grushevenko, E. (2020). Russian Arctic offshore petroleum governance: The effects of western sanctions and outlook for northern development. *Energy Policy*, *146*, 3646162. https://doi.org/10.1016/j.enpol.2020.111753

Shirov, A. A. (2022). The Russian economy under the impact of the pandemic crisis. *Herald of the Russian academy of sciences*, *92*(4), 536–543. https://doi.org/10.1134/S1019331622040232

Shirov, A. A. (2023). Development of the Russian economy in the medium term: risks and opportunities. *Studies on Russian Economic Development*, *2*(197), 6–17. (In Russ.). https://doi.org/10.47711/0868-6351-197-6-17

Simachev, Yu. V., Yakovlev, A. A., Golikova, V. V., Gorodnyi, N. A., Kuznetsov, B. V., Kuzyk, M. G., & Fedyunina, A. A. (2023). Russian industrial companies under the "second wave" of sanctions: Response strategies. *Voprosy Ekonomiki*, *12*, 5–30. (In Russ.). https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-12-5-30

Sio-Chong, U T., Lin, Y., & Wang, Y. (2024). The impact of the Russia–Ukraine war on volatility spillovers. *International Review of Financial Analysis*, *93*, 103194. https://doi.org/10.1016/j.irfa.2024.103194

Skrypnik, D., Shakleina, M., & Zaytsev, A. (2024). Agri-food countersanctions and the welfare of the Russian population. *Economic policy*, *19*(1), 30–65. (In Russ.). https://doi.org/10.18288/1994-5124-2024-1-30-65

Timofeev, I. N. (2022). Policy of sanctions against Russia: Newest stage. *Journal of the New Economic Association*, *3*(55), 198–206. (In Russ.). https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-11

Ushkalova, D. I. (2022). Russia's foreign trade under sanctions pressure. *Journal of the New Economic Association*, *3*(55), 218–226. (In Russ.). https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-14

Zemtsov, S. P., Barinova, V. A., & Mikhailov, A. A. (2023). Sanctions, exit of foreign companies and business activity in the Russian regions. *Economic policy*, *18*(2), 44–79. (In Russ.). https://doi.org/10.18288/1994-5124-2023-2-44-79

Zhutiaeva, S. A., Satsuk, T. P., Geyser, A. A., & Bulygina, M. V. (2021). Digitalization of tax control in the Russian Federation: analysis and trends. *European proceedings of social and behavioural sciences*, *103*, 449–455. https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.03.56

Zubarevich, N. V. (2022). Regions of Russia in the new economic realities. *Journal of the New Economic Association*, *3*(55), 226–234. (In Russ.). https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-15

Zubarevich, N. V., & Zemlianskii, D. Yu. (2023). Consolidated budgets of the regions of the Russian Federation in 2022: main trends. *Economic Development of Russia*, *30*(3), 47–55. (In Russ.).

ПРИЛОЖЕНИЕ / APPENDIX

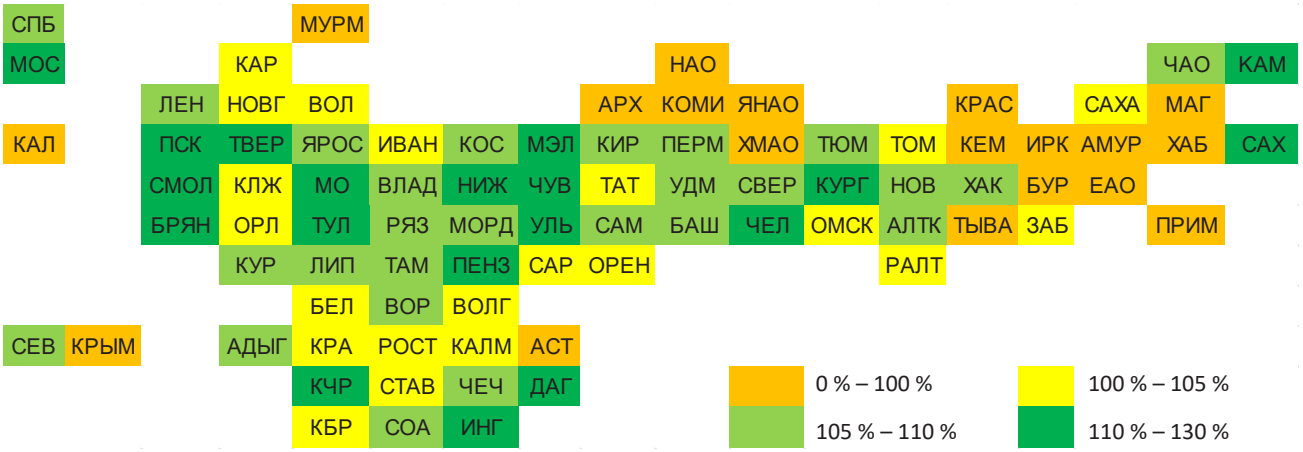


Рис. П1. Индекс промышленного производства в регионах РФ в 2023 г. (к 2022 г.), %

Примечание: названия регионов соответствуют следующим обозначениям: АЛТК – Алтайский край; АМУР – Амурская область; АРХ – Архангельская область; АСТ – Астраханская область; БЕЛ – Белгородская область; БРЯН – Брянская область; ВЛАД – Владимирская область; ВОЛГ – Волгоградская область; ВОЛ – Вологодская область; ВОР – Воронежская область; МОС – город Москва; СПБ – город Санкт-Петербург; СЕВ – город Севастополь; ЕАО – Еврейская автономная область; ЗАБ – Забайкальский край; ИВАН – Ивановская область; ИРК – Иркутская область; КБР – Кабардино-Балкарская Республика; КАЛ – Калининградская область; КЛЖ – Калужская область; КАМ – Камчатский край; КЧР – Карачаево-Черкесская Республика; КЕМ – Кемеровская область – Кузбасс; КИР – Кировская область; КОС – Костромская область; КРА – Краснодарский край; КРАС – Красноярский край; КУРГ – Курганская область; КУР – Курская область; ЛЕН – Ленинградская область; ЛИП – Липецкая область; МАГ – Магаданская область; МО – Московская область; МУРМ – Мурманская область; НАО – Ненецкий АО; НИЖ – Нижегородская область; НОВГ – Новгородская область; НОВ – Новосибирская область; ОМСК – Омская область; ОРЕН – Оренбургская область; ОРЛ – Орловская область; ПЕНЗ – Пензенская область; ПЕРМ – Пермский край; ПРИМ – Приморский край; ПСК – Псковская область; АДЫГ – Республика Адыгея; РАЛТ – Республика Алтай; БАШ – Республика Башкортостан; БУР – Республика Бурятия; ДАГ – Республика Дагестан; ИНГ – Республика Ингушетия; КАЛМ – Республика Калмыкия; КАР – Республика Карелия; КОМИ – Республика Коми; КРЫМ – Республика Крым; МЭЛ – Республика Марий Эл; МОРД – Республика Мордовия; САХА – Республика Саха (Якутия); СОА – Республика Северная Осетия – Алания; ТАТ – Республика Татарстан; ТЫВА – Республика Тыва; ХАК – Республика Хакасия; РОСТ – Ростовская область; РЯЗ – Рязанская область; САМ – Самарская область; САР – Саратовская область; САХ – Сахалинская область; СВЕР – Свердловская область; СМОЛ – Смоленская область; СТАВ – Ставропольский край; ТАМ – Тамбовская область; ТВЕР – Тверская область; ТОМ – Томская область; ТУЛ – Тульская область; ТЮМ – Тюменская область; УДМ – Удмуртская Республика; УЛЬ – Ульяновская область; ХАБ – Хабаровский край; ХМАО – Ханты-Мансийский АО – Югра; ЧЕЛ – Челябинская область; ЧЕЧ – Чеченская Республика; ЧУВ – Чувашская Республика; ЧАО – Чукотский АО; ЯНАО – Ямало-Ненецкий АО; ЯРОС – Ярославская область

Источник: подготовлено авторами на основе: Социально-экономическое развитие России. Росстат (https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801)

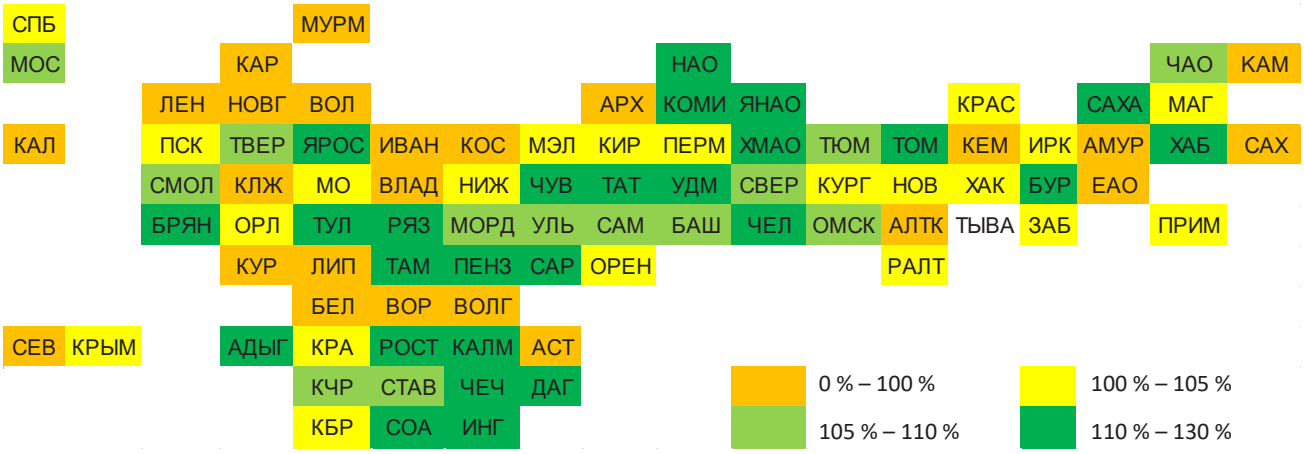


Рис. П2. Индекс промышленного производства в регионах РФ в 2023 г. (к 2021 г.), %

Примечание: названия регионов соответствуют обозначениям, представленным на рис. П1.

Источник: подготовлено авторами на основе: Социально-экономическое развитие России. Росстат (https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801)

Вклад авторов

М. Ю. Малкина – концепция, структура статьи, подготовка графического материала (рис. 1), анализ и обобщение тенденций российской экономики в условиях санкций, основные выводы по разделам и в заключении.

Р. В. Балакин – теоретический обзор, подготовка графического материала (рис. 2–4), сбор и обработка данных о состоянии российской экономики в условиях санкций, введение и заключение.

The author's contributions

M. Yu. Malkina – concept, article structure, preparation of the graphical materials (Fig. 1), analysis and summarization of the Russian economy trends under sanctions, main conclusions by sections and in the summary.

R. V. Balakin – theoretical review, preparation of the graphical materials (Fig. 2–4), collection and processing of data on the condition of the Russian economy under sanctions, introduction and conclusion.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors.

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 18.04.2024
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 20.05.2024
Дата принятия в печать / Accepted 20.05.2024

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА / REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS

Редактор рубрики *Н. С. Селиверстова* / Rubric editor *N. S. Seliverstova*

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.314-331**

УДК 330.1:330.3:331.1:338:658.5
JEL: J01, J24, O1

Л. А. Богунов[1]

[1] *Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева, г. Петропавловск, Казахстан*

Рационализация труда как функция системного экономического мышления в условиях современных социально-трудовых отношений

Богунов Леонид Александрович, кандидат психологических наук, экономист, Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева
E-mail: ku.edu@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-7410-4046
Scopus Author ID: 57411919300
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/M-2448-2017
eLIBRARY SPIN-код: 7016-9444

Аннотация

Цель: определение содержания концептов, позволяющих формализовать проблемное поле современных социально-трудовых отношений (СТО), и формирование решения проблемы регуляции СТО с точки зрения фактора рационализации.

Методы: содержательный анализ и систематизация материалов научных публикаций, включая логический, сравнительный и контекстуальный анализ; методы диалектического познания, системного анализа и синтеза, *SWOT*-анализа, моделирования; структурный и системно-функциональный подход.

Результаты: на основе анализа публикаций зарубежных и отечественных авторов, рассматривающих различные аспекты определения и развития СТО, сформировано содержание концептов, отражающих явление в логике изменений, проблем и решений. Зафиксирована проблемная область понимания современных СТО, в рамках которого не дифференцируется потенциал рационализации в деятельности субъектов труда, что обусловливает сложности как в формализации некоторых актуальных проблемных аспектов, так и в формировании релевантных корректирующих предложений. Разработано решение, учитывающее ресурс экономического мышления ограниченно рациональных индивидов, что позволяет дополнить содержательную конструкцию понятия рационализации в контексте трудовой деятельности. С точки зрения сформированного теоретико-методологического инструментария раскрыты возможности улучшения адаптивности трудовых агентов в условиях изменений СТО и повышения конструктивного взаимодействия субъектов СТО в целом, а также показаны потенциальные направления научного поиска, касающиеся деятельности трудовых акторов как субъектов рационализации в условиях изменений.

© Богунов Л. А., 2024

Научная новизна: в статье разработан концепт рационализации труда как функции системного экономического мышления, с точки зрения которого становятся возможными компенсация ограниченной рациональности и тем самым повышение конструктивного взаимодействия субъектов СТО.
Практическая значимость: разработанные в статье положения могут быть использованы в научно-исследовательской работе при рассмотрении вопросов СТО и рационализации труда и в образовательной деятельности с точки зрения разработанной модели компетенций.

Ключевые слова:
региональная и отраслевая экономика, социально-трудовые отношения, рационализация труда, ограниченная рациональность, системное экономическое мышление, компетенции

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Богунов, Л. А. (2024). Рационализация труда как функция системного экономического мышления в условиях современных социально-трудовых отношений. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(2), 314–331. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.314-331

Scientific article

L. A. Bogunov[1]

[1] *Manash Kozybayev North Kazakhstan University, Petropavlovsk, Kazakhstan*

Rationalization of labor as a function of systemic economic thinking under the modern social and labor relations

Leonid A. Bogunov, Cand. Sci. (Psychology), economist, Manash Kozybayev, North Kazakhstan University
E-mail: ku.edu@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-7410-4046
Scopus AuthorID: 57411919300
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/M-2448-2017
eLIBRARY SPIN-код: 7016-9444

Abstract
Objective: to define the content of concepts that formalize the problem area of the modern social and labor relations (SLR) and to offer a solution to the problem of SLR regulation from the viewpoint of rationalization factor.
Methods: content analysis and systematization of scientific publications, including logical, comparative and contextual analysis; methods of dialectical cognition, system analysis and synthesis, SWOT-analysis, and modeling; structural and system-functional approach.
Results: based on the analysis of foreign and Russian publications on various aspects of the SLR definition and development, the author formulated the content of concepts reflecting the said phenomenon in the logic of changes, problems and solutions. The problem area of the modern SLR interpretation was outlined, within which the rationalization potential of the labor subjects activity is not differentiated, which makes it difficult both to formalize certain modern problem aspects and to formulate relevant corrective proposals. A solution was developed that takes into account the resource of economic thinking of individuals with bounded rationality; this allows supplementing the essential construction of the rationalization concept in the context of labor activity. Using the established theoretical and methodological toolkit, the author reveals the possibilities to improve the labor agents' adaptability under the changes in SLR and to promote the constructive interaction of SLR subjects in general. The article shows potential directions of scientific search concerning the activity of labor actors as subjects of rationalization under the changes.

Scientific novelty: the article develops the concept of labor rationalization as a function of systemic economic thinking, which allows compensating for limited rationality and thus increasing constructive interaction of SLR subjects.
Practical significance: the provisions developed in the article can be used in research work when considering the issues of SLR and labor rationalization and in educational activities from the viewpoint of the established competence model.

Keywords:
regional and branch economics, social and labor relations, labor rationalization, bounded rationality, systemic economic thinking, competences

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Bogunov, L. A. (2024). Rationalization of labor as a function of systemic economic thinking under the modern social and labor relations. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(2), 314–331. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.314-331

Введение

В современной мировой экономике происходят структурные сдвиги, вызванные интенсивным внедрением инновационных технологий в производственные и управленческие процессы. Такие новые решения предполагают развитие цифровой инфраструктуры и соответствующую модернизацию информационно-коммуникационных платформ, а значит, обновление систем управления в различных секторах экономики. В условиях активно меняющейся глобальной экономической среды Российская Федерация также стремится модернизировать свою экономику и сделать акцент на новых технологиях. Между тем в контексте актуальных технологических, социально-экономических преобразований наблюдается активная трансформация такого важного звена обеспечения национальной безопасности, как социально-трудовые отношения (далее – СТО), т. е. взаимодействия между государством, работодателями и работниками, возникающего в процессе организации и осуществления трудовой деятельности. Соответственно, остро стоит вопрос регуляции данных отношений, обеспечения их должного качественного уровня.

Однако проблема заключается в том, что само понятие СТО все еще является развивающимся, а по некоторым аспектам явно дискуссионным, что обусловливает сложности в эффективном регулировании данных отношений. Рабочая гипотеза состоит в допущении существования малоизученных проблемных зон, таких своеобразных «черных дыр» СТО, а вместе с тем в предположении о наличии адекватных решений, учитывающих фактор рационализации. Цель исследования: определить содержание концептов, позволяющих формализовать проблемное поле современных социально-трудовых отношений и предложить возможное решение с точки зрения фактора рационализации. Задачи исследования: а) осуществить анализ публикаций зарубежных и отечественных авторов на предмет формирования концептов, отражающих понимание актуальных социально-трудовых отношений; б) конкретизировать неразработанную проблемную область современных СТО; в) сформулировать допустимое решение, учитывающее фактор рационализации, раскрыть потенциальные перспективы.

С точки зрения обозначенной проблематики, цели и задач выстраивается следующая логическая последовательность изложения материала: введение, содержательные аспекты современных социально-трудовых отношений, «черная дыра» СТО, новые возможности СТО, заключение. Методы: содержательный анализ и систематизация материалов научных публикаций, включая логический, сравнительный и контекстуальный анализ; методы диалектического познания, системного анализа и синтеза, *SWOT*-анализа, моделирования; структурный и системно-функциональный подход. Выбор методов обусловлен продолжающимся, как было показано выше, становлением содержательных аспектов самого понятия СТО и, как следствие, сложностью конкретизации некоторых его проявлений. Это обусловило необходимость всестороннего анализа понимания феномена в современных исследованиях для дальнейшего синтеза решений.

Результаты исследования

1. Содержательные аспекты современных СТО

В процессе решения первой задачи автор обращался к таким базам данных рецензируемой научной литературы, как *Web of Science*, *Scopus*, РИНЦ, а кроме того, к доступным в Интернете архивам отдельных журналов. В обзоре, исходя из поставленной цели исследования, предполагалось отразить возможные проявления актуальных СТО и в этой связи особенности их определения у зарубежных и отечественных исследователей. На основе обозначенных методов была предпринята попытка учесть существующие различия в обозначении некоторых аспектов социально-трудовых отношений, прежде всего у иностранных авторов, и в процессе формирования концептов формализовать имеющиеся проявления в релевантной русскоязычной терминологии, сохраняя сущность понятий. При этом перед автором не стоял вопрос анализа статистических данных, а только, если такое имело место, фиксация результатов статистического анализа, обнаруженного в соответствующих публикациях, с целью их включения в формируемое содержание концептов.

Так, на примере США исследователями отмечается влияние современных технологических новаций на социально-трудовое взаимодействие между субъектами труда, на выбор профессии и профессиональную самореализацию индивидов, на перераспределение занятости в целом (Barany & Siegel, 2020). В этой связи D. Ray и D. Mookherjee подчеркивают важность изучения долгосрочных последствий автоматизации труда, а также изучения того, как именно информационно-технологический прогресс трансформирует СТО и, соответственно, каким образом современную трудовую деятельность сделать более релевантной актуальным социально-экономическим, технологическим тенденциям (Ray, Mookherjee, 2022. P. 1). Кроме того, исследователями отмечается снижение оплаты труда в некоторых отраслях даже при наличии высшего образования, а также при обслуживании процессов, постепенно замещаемых различными информационно-коммуникационными технологиями (далее – ИКТ), где в последнем случае наблюдается еще и снижение занятости (Gallipoli & Makridis, 2018. P. 91), в том числе в так называемых рутинных сферах деятельности, предполагающих непосредственный ручной труд (Cortes et al., 2017. P. 69).

Между тем некоторые авторы, вместо того чтобы определять современные трансформации СТО исключительно как потенциальные источники угрозы для занятости и заработной платы, предлагают позиционировать актуальные тенденции как возможные стимулы для повышения производительности (Sequeira et al., 2021. P. 108), для ликвидации устаревающих рабочих мест, увеличения профессиональной мобильности, открывающей новые возможности для субъектов труда и развития компетенции (Christenko, 2022). Однако подчеркивается важность разработки релевантных ситуации стратегий в области труда и занятости (Sequeira et al., 2021. P. 115), а также целесообразность сохранения баланса между принятием новых технологий и обеспечением социальной стабильности (Christenko, 2022).

В рамках Европейского союза исследователи, обращая внимание на влияние ИКТ на работников, отмечают возможный гармоничный характер такого сотрудничества даже в старшем возрасте. При этом M. Battisti и A. Gravina подчеркивают необходимость дальнейшего изучения вопросов интеграции ИКТ и непосредственного физического труда (Battisti & Gravina, 2021). В данном контексте на примере Германии обращается внимание, что только определенные виды работ могут быть заменены роботами, не охватывая целые профессии. Следовательно, как полагают исследователи, необходимо более тщательно подходить к обучению новым навыкам, учитывая разнообразие задач и профессиональных контекстов (Dengler & Matthes, 2018. P. 304).

На примере Швеции показано, что в условиях современных изменений СТО низкоквалифицированные работники имеют почти в два раза больший риск автоматизации их труда по сравнению с высокообразованными специалистами. Соответственно, возникает необходимость сбалансированного подхода к решению данной проблемы, учитывающего социальный аспект (Gardberg et al., 2020). Также на примере Дании исследователи обращают внимание, что изменения СТО требуют новой адаптации организационных и поведенческих аспектов (Holm et al., 2020). При этом опыт стран Северной Европы в целом подчеркивает важность определения средств адаптации трудовой деятельности к условиям современных трансформаций (Belloc et al., 2022).

Анализ актуального развития СТО в Китае указывает на поляризацию рынка труда, проявляющуюся в существенном изменении заработных плат рабочих с различной квалификацией, и подчеркивает необходимость разработки стратегий в подготовке кадров и переквалификации для сохранения конкурентоспособности ра-

ботников и поддержания социальной стабильности (Wang et al., 2021). Обращается внимание, что в условиях внедрения современных ИКТ в бизнес также происходит уменьшение числа рабочих мест и сокращение заработных плат. В этой связи подчеркиваются важность баланса между автоматизацией и защитой интересов трудовых ресурсов, а также необходимость внимательного анализа влияния технологических инноваций на рынок труда и социально-трудовую динамику (Zhang et al., 2021. P. 156).

В целом отмечаем, что зарубежные исследователи подчеркивают значимость адаптации СТО к современным инновациям. Они исходят из того, что замещение человеческого труда автоматизированными системами есть процесс неизбежный, который следует рассматривать с точки зрения совместной работы человека и машины, а не как конкуренцию (Decker et al., 2017. P. 348). При этом прогресс в области искусственного интеллекта может качественно трансформировать СТО, а новые цифровые тенденции хотя и будут способствовать экономическому росту, но все же могут сказаться на увеличении социально-экономического, социально-трудового неравенства (Berg et al., 2018. P. 117). В этой связи подчеркивается важность грамотного управления компетенциями трудовых ресурсов в условиях технологического прогресса (Goos et al., 2019), где развитие социально-трудовых отношений в том числе должно сопровождаться процессами релевантной конвергенции физического труда человека и современных ИКТ (Klarl, 2022).

В представленном выше анализе и вместе с тем синтезе некоторых общих формулировок, конечно же, не могут быть отражены все зарубежные географические локации, но такой задачи и не стояло. Вместе с тем предполагалось зафиксировать разнообразие возможных проявлений современных СТО и их терминологическую формализацию. Можно сказать, что такой планируемый для последующей работы понятийный срез получен.

Анализ публикаций российских авторов также иллюстрирует ключевые проблемные аспекты. Исследователи отмечают негативные последствия для современных СТО в виде утраты рабочих мест из-за устаревших навыков и несоответствия требованиям инновационных технологий (Елескин, Кувакова, 2022. С. 124), увеличения разрыва между ценой труда и его реальной стоимостью (Макекадырова, Кравцевич, 2021. С. 59), несоответствия стратегий центров занятости потребностям рынка, ограниченного влияния профсоюзов (Ахмедов, Шубенкова, 2024. С. 11) и предлагают меры по введению независимой экспертизы условий труда (Калякулин, 2021. С. 73), а также по созданию более гибких трудовых условий (Ахмедов, Шубенкова, 2024. С. 20). Отмечается рост нестандартных форм занятости (временная, дистанционная, фриланс), создающих проблемы для социальной защиты, где предлагается разработка гибких форм трудового контракта, а также укрепление систем мониторинга и защиты прав таких работников (Ермакова, 2021. С. 38).

Как нами было представлено выше, зарубежные исследователи в контексте актуальных СТО немало внимания обращают на тенденции автоматизации и цифровизации. Анализ соответствующих процессов имеется и в работах отечественных авторов, где подчеркивается, что цифровая трансформация в Российской Федерации создает новые возможности для увеличения доходов, однако увеличивает и риски, а также отмечается не только изменение способов заработка, но и необходимость постоянного обучения и переобучения работников (Власов, Карташов, 2022. С. 22) для обеспечения устойчивого функционирования социальной сферы (Садовая, 2022. С. 37), а также гибкости в вопросах управления, сфокусированного на эффективном регулировании цифровых изменений в трудовой сфере (Вуколов, 2023. С. 24), формирования трудовой мобильности и улучшения качества жизни работников (Савельева, 2018. С. 935).

При этом отечественные исследователи особо анализируют процессы профессиональных изменений. Так, в условиях современной трансформации СТО предлагается разрешать возникающие противоречия с точки зрения формирования частных механизмов профессионального самоопределения, учитывающих выбор профессии, место работы, форму и вид занятости (Половинко, 2020. С. 111), подчеркивается важность мер по повышению адаптивности выпускников к требованиям современного рынка труда (Былков, 2021. С. 275), обращается внимание на развитие программ интеграции молодежи в сферу СТО (Ведехин, 2022. С. 60), в том числе посредством социального инвестирования, основанного на инфраструктурных и кадровых изменениях (Бородкина и др., 2022. С. 99). В то же время отмечается сохраняющийся разрыв между потенциально возможными инициативами и реальными проявлениями интереса молодежи к таким мероприятиям (Никулина, 2023. С. 561), что усугубляется нарастающей деиндустриализацией занятости и деквалификацией так называемых верхних профессиональных групп (Коленникова, 2023. С. 88).

В разрезе анализа публикаций зарубежных исследователей мы уже отмечали формализуемое авторами решение в виде формирования и развития релевантных актуальным социально-трудовым изменениям

компетенций. В этой связи обратим внимание на статью I. Arif, где на примере 98 государств показывается увеличение спроса на новые компетенции, а также подчеркивается важность инвестиций в человеческий капитал (Arif, 2021). Потенциал компетентностного подхода в условиях актуальных изменений СТО также находится в сфере исследовательских интересов отечественных ученых, предлагающих развитие адаптации в условиях изменения СТО через использование нечетких моделей компетенций (Бандурин, 2023. С. 1005), формирование специальных сред для обучения персонала и новых подходов к оценке и развитию компетенций (Яркова и др., 2022. С. 2295), а также доказывающих, что формируемые сегодня компетенции должны соответствовать и актуальным требованиям, и будущим условиям СТО (Архипова, Пулявина, 2022. С. 1145).

Как было подмечено в проблемной области данного исследования, понятие «социально-трудовые отношения» все еще является развивающимся, а его трактовка в некоторых моментах продолжает оставаться дискуссионной. В этой связи на основе анализа обозначенных выше публикаций зарубежных и отечественных исследователей, сделанного посредством диалектического метода познания, автором сформировано три концепта: «изменения СТО», «проблемы, возникающие в процессе изменения СТО», «решение проблем, возникающих в процессе изменения СТО».

Концепт «изменения СТО». Автоматизация и развитие технологий изменяют характер современных социально-трудовых взаимодействий, уменьшая спрос на определенные виды работ, в частности, в так называемых рутинных сферах. В то же время происходит увеличение значимости работы на дому, удаленной работы, фриланса. Обозначенные тенденции ускорила и пандемия, привлекая внимание к данным моделям профессионально-трудовой самореализации. Соответственно, происходит перераспределение занятости, меняется ее структура.

С другой стороны, новые СТО требуют новых компетенций. Рынок труда все больше ценит специализированные навыки, адаптивность, способность к обучению и переквалификации, что становится особенно актуальным для современных выпускников, молодых специалистов. Вместе с тем с увеличением цифровизации и ИКТ возрастает значимость работы в сфере IT и развития сервисов искусственного интеллекта, что также меняет спрос на квалификационные требования, трансформируя актуальные социально-трудовые отношения.

Меняется значимость рабочей среды и корпоративной культуры. Работники и работодатели все чаще оценивают качество современных СТО с точки зрения баланса работы и личной жизни, возможностей профессионального и личностного роста, что отражается в политиках управления персоналом, в заработной плате, а также во многом в приоритетах современной молодежи как субъекта СТО. При этом акцентируется внимание на вопросах разнообразия стратегий включения акторов трудовой деятельности в производственное и управленческое взаимодействие, разнообразия моделей рабочих мест и оплаты труда в новых условиях.

Представленные изменения становятся фактором социально-экономических и социально-трудовых проблем, иллюстрация которых сделана далее.

Концепт «проблемы, возникающие в процессе изменения СТО». Нарастает поляризация рынка труда и неравенство в оплате труда, так как в результате внедрения современных ИКТ наблюдается перераспределение занятости и значительные изменения в оплате труда среди работников с различной квалификацией. Увеличивается разнообразие профессиональных контекстов, где работники должны быть готовы к решению новых для них задач, в том числе обусловленных развитием технологий. В этой связи возрастают риски утраты профессионального соответствия актуальным требованиям, так как работники, которые не проходят переквалификацию и у которых не развиваются новые умения и навыки, могут столкнуться с утратой собственной релевантности на рынке труда. Соответственно, увеличиваются риски потери работы, так как внедрение современных ИКТ, позволяющих автоматизировать трудовую деятельность, ведет к уменьшению числа рабочих мест в определенных профессиях и сегментах рынка труда, оказывающихся наиболее уязвимыми перед автоматизацией и технологическими изменениями.

На этом фоне формируются тенденции роста социально-экономического и социально-трудового неравенства, что во многом обусловлено неравномерной дифференциацией возможностей для работников разных квалификационных уровней, а также формируются потребности в новых стратегиях адаптации трудовых ресурсов, в новых подходах к подготовке кадров и переквалификации для всех категорий работников. Соответственно, более острой становится необходимость реформирования образовательных программ, где явно требуется приспособление последних к современным требованиям рынка труда и изменениям в технологической сфере. Формализуются проблема и потребность в новых исследованиях, обеспечивающих нахождение

баланса между актуальными изменениями СТО и решениями, способствующими как росту производительности труда, так и защите интересов субъектов трудовой деятельности.

Между тем, отмечая изменения социально-трудовых отношений и конкретизируя в связи с этим возникающие проблемы, исследователи предлагают и возможные решения, которые, в свою очередь, также могут быть определены в качестве характеристик современных социально-трудовых взаимодействий.

Концепт «решение проблем, возникающих в процессе изменения СТО». Подчеркиваются необходимость стабильного мониторинга современных изменений СТО и важность постоянного исследования влияния геополитических, социально-экономических, информационно-технологических эффектов на рынок труда и трудовую деятельность. В этой связи обращается внимание на значимость учета взаимодействия между технологическими и организационными изменениями, синтетического изучения данных процессов, в том числе в контексте соблюдения баланса между внедрением технологий и защитой прав и интересов работников.

Предлагаются стратегии адаптации для различных категорий субъектов труда, учитывающие потребности специалистов разного уровня квалификации. Подчеркивается, что данные стратегии должны сопровождаться соответствующими решениями в организационном управлении и культуре. При этом адаптация трудовых ресурсов должна предполагать их приспособление к инновациям в технологической сфере, что справедливо будет включать в себя анализ конкретных трудовых задач для более точного представления о возможностях автоматизации и переквалификации.

Исследователями обращается внимание, что решение проблем должно быть системным, учитывающим как технологические, так и социальные аспекты при внедрении инновационных идей в трудовую сферу, подчеркивается важность мониторинга возможных социальных следствий. При этом большинство авторов сходятся в необходимости реформирования образовательных программ, учитывая современные тренды и потребности рынка труда. Последнее красноречиво находит свою реализацию в идеях формирования и развития новых компетенций, обеспечивающих эффективную трудовую деятельность в условиях актуальных изменений СТО.

Таким образом, в рамках первой задачи настоящего исследования резюмируем следующее: сформированные структурно-содержательные единицы (концепты), отражающие определенную совокупность представлений, мнений, конечно, не могут претендовать на максимально глубокий и всесторонний охват проблематики, но они позволяют зафиксировать общие тенденции понимания. В этой связи отметим, что современные СТО являют собой по-новому сложную динамику взаимодействий субъектов трудовой деятельности, где «снятие» процессов и явлений в разрезе изменений, проблем и решений позволяет зафиксировать основные сущностные моменты феномена и тем самым стимулировать дальнейшие исследования.

2. «Черная дыра» СТО

Итак, с точки зрения обозначенных содержательных аспектов ключевой характеристикой современных социально-трудовых отношений выступает трудовая активность соответствующих субъектов, которая, как обращают внимание исследователи, утрачивает свою адекватность, релевантность новой ситуации, модифицированным задачам. Можно сказать, что понижается экономическая полезность трудовой деятельности, имея в виду, что системообразующим элементом понимания субъекта труда выступает индивид, рационализирующий данную активность исходя из актуальных тенденций. В этой связи, исследуя содержательные аспекты СТО посредством метода *SWOT*-анализа и таким образом дополнительно их раскрывая и конкретизируя, например, в категориях сильных и слабых сторон, а также возможностей и угроз, зафиксируем следующие понятийные корреляции. Сильная сторона в смысле актуальных социально-экономических и трудовых динамик – это концепт изменений; слабая сторона – проблемы; возможности – решения проблем; а вот угрозы – это те проблемные аспекты СТО, которые имеются, но не решаются.

В экономической теории прослеживается особое видение экономического агента как стремящегося к максимизации утилитарных возможностей. Причем подобные тенденции просматриваются в том числе и в контексте агентно-ориентированного подхода, исследующего автономно действующих трудовых агентов, принимающих решения на основе собственного знания и правил поведения. Например, при оценке финансовых отношений между субъектами труда (Guilmi & Fujiwara, 2022. P. 346), в том числе с учетом поведения домохозяйств (Guerini et al., 2018. P. 82), при анализе отношений между компанией и работниками (Yu & Cho, 2018. P. 84), в частности, анализе поведения сотрудников в условиях организационного кризиса (Genqiang et

al., 2024. P. 439), при исследовании совместной деятельности, выступающей инструментом рационализации труда, нивелирующим недоверие среди субъектов СТО (Otto, 2016. P. 28), а также в изучении поведения субъектов в сфере образования (Lu, 2018. P. 425).

Однако, следуя логике максимизации, индивид должен оптимизировать полезность своего труда, делая его максимально релевантным изменяющимся СТО. Между тем этого не происходит, а представленный выше анализ зарубежных и отечественных публикаций демонстрирует не только наличие проблем, которые могли бы быть решены таким образом, но и отсутствие ожидаемой рациональности у субъектов трудовой деятельности. В качестве возможного решения предлагается внешний агент, как правило, государство в лице его соответствующих институтов. Таким образом, с одной стороны, мы имеем так называемого максимально рационального субъекта трудовой деятельности, а с другой – отсутствие ожидаемых рационализаций со стороны индивидов. Более того, сама проблема предстает в завуалированном виде, где по умолчанию подразумевается максимальная рациональность компетентного внешнего агента. Такой подход где-то даже усугубляет ситуацию, в то время как актуальные трансформации СТО только нарастают.

В этой связи можно сказать, что ситуация ожидания максимальной рациональности со стороны субъектов труда предстает своеобразной *«черной дырой» современных СТО*, которая обладает настолько сильным «гравитационным притяжением», что обусловливает решения, неизменно основанные на парадигме максимальной рациональности (в рамках такого подхода возможны, например, предположения, что инициативы, продуцируемые государственными институтами, возымеют планируемые эффекты, так как лягут на благодатную почву рационализирующих трудовых агентов), и «не возвращает» в виде обратной связи перманентно воспроизводимые искажения, такие своеобразные «социально-трудовые перверзии», которые не только не получают релевантных корректирующих предложений, но иной раз не могут быть даже адекватно формализованы. Данный теоретико-методологический аспект, не будучи проработанным в контексте содержания современных СТО, значительно обедняет само понятие, снижая его как исследовательско-прогностическую, так и практико-ориентированную ценность (рис. 1).

3. Новые возможности СТО

Однако в экономической науке постепенно развивалось понимание, что максимально рациональный экономический человек – это в большей степени абстракция, нежели отражение реального положения дел. Это породило поиск решений и вылилось в появление того направления теорий, концепций, которое подвергало сомнению абсолютную, не знающую ошибок рациональность экономического человека и предлагало новые аспекты видения и объяснения его поведения. В данной статье мы не будем останавливаться на рассмотрении всего спектра материалов соответствующего характера. Однако обратим внимание, что на определенном этапе инициировалось движение исследовательской мысли не в направлении поиска новых данных, подтверждающих либо опровергающих идею максимальной рациональности, но от когда-то понимаемого максимизатора полезности человека экономического в сторону ограниченно рационального человека, а общий акцент в исследованиях рациональности был смещен от результатов выбора на сам процесс принятия решений. Было показано, что решения, принимаемые экономическими агентами, не являются полностью рациональными, что отражается в анализе познавательных способностей индивидов с точки зрения соответствующего экономического контекста.

Во многом вектор развития таких исследований заложил лауреат Нобелевской премии по экономике Г. А. Саймон, обосновавший понятие не максимальной, но ограниченной рациональности хозяйствующего субъекта, обусловленной имеющимися пределами когнитивного ресурса и, как следствие, проявляющейся в лимитированных возможностях обрабатывать информацию (Simon, 1959. P. 253). Соответствующие исследовательские акценты в работах различных авторов далее становились все заметнее. Было обращено внимание на важность психологических факторов и в этой связи так называемых эвристик и побочных эффектов в процессах принятия решений (Tversky & Kahneman, 1974. P. 1124); предложена формализация трех форм рациональности, где сильная форма может быть определена в качестве синонима максимальной рациональности, а вот так называемые полусильная и слабая формы отражают, по мнению автора, соответственно ограниченную и органическую рациональность (Williamson, 1985); использована идея неполной рациональности в объяснении поведения индивидов в условиях организаций, в частности, в раскрытии процессов согласования целей и задач (Cyert & March, 1992). Да и у российских авторов можно найти соответствующие суждения и исследования.

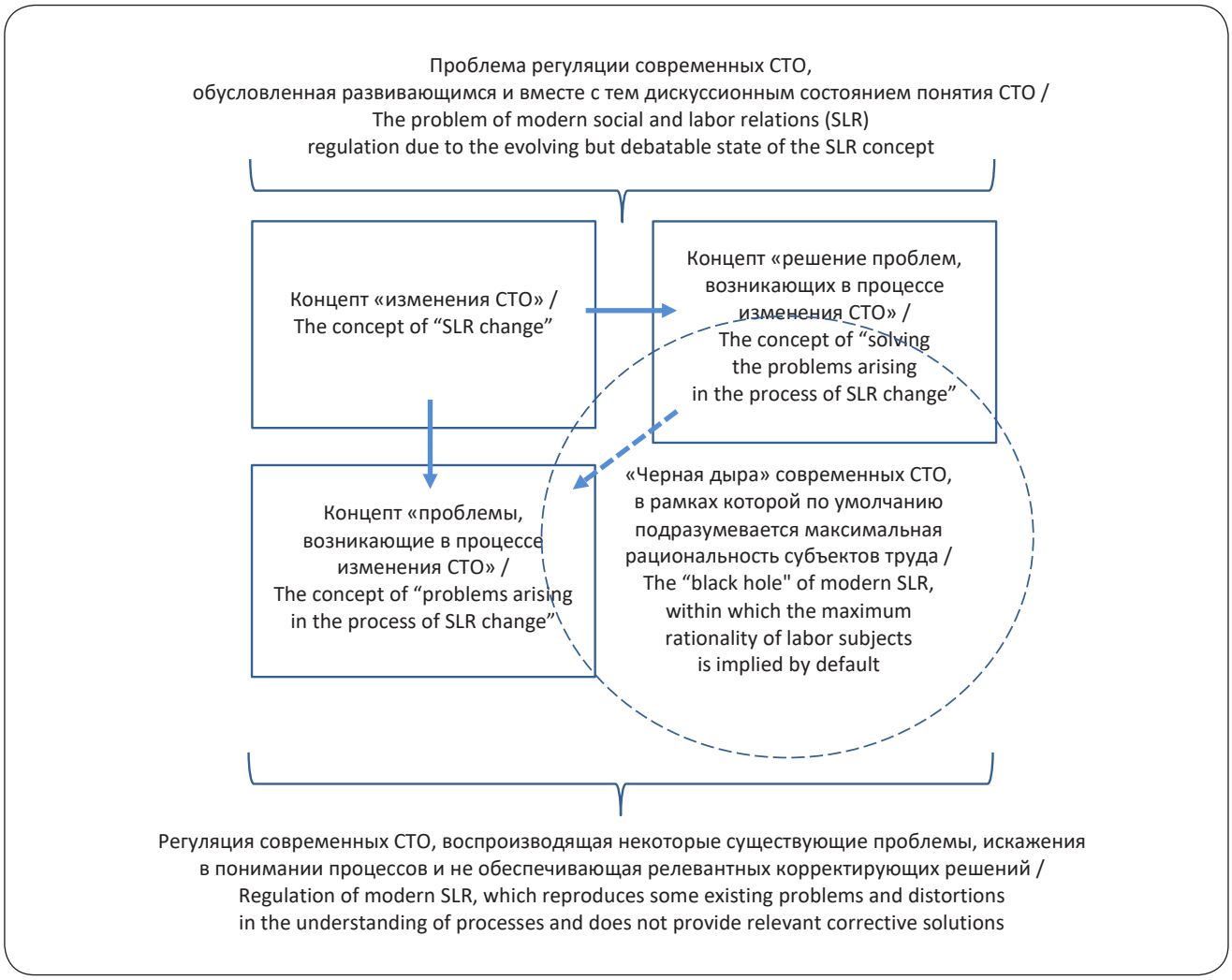


Рис. 1. «Черная дыра» понимаемой по умолчанию максимальной рациональности субъектов труда в условиях СТО
Fig. 1. The “black hole” of the maximum rationality of labor subjects under SLR, implied by default

Так, в работе Г. Б. Клейнера представлен подробный анализ проявления особенностей принятия решений с точки зрения возможных альтернатив, а также рассмотрены факторы, обусловливающие нарушение рациональности в поведении индивидов (Клейнер, 2004. С. 51–65). При этом некоторыми авторами подчеркивается, что неверно рассматривать неполную рациональность в качестве частного случая, но следует говорить об ограниченной рациональности именно как о целостном проявлении (Тутов, Шаститко, 2005. С. 118). В свою очередь, С. Ю. Глазьев, анализируя актуальные проблемы в сфере экономики, также признает необходимость пересмотра базовых концепций неоклассической экономической теории и обосновывает необходимость реализации подходов, направленных на разрешение имеющихся противоречий и объяснение аномалий, остающихся вне поля зрения существующей экономической парадигмы (Глазьев, 2016. С. 5). И это лишь некоторые из исследований по соответствующей проблематике.

Таким образом, во-первых, ограниченную рациональность следует принимать как данность, а во-вторых – *считаем целесообразным рассматривать данное явление в качестве объяснительного принципа ограниченных возможностей субъекта труда в рационализации собственной трудовой деятельности*, где именно ситуация нарастания трансформаций СТО не позволяет так беспечно не замечать наличие проблем, обусловленных неоправданными ожиданиями полной рациональности субъектов труда, и потому так расточительно игнорировать имеющиеся потенциально развиваемые внутренние резервы самого рационализирующего индивидуального трудового агента. Однако в этой связи возникает вопрос о релевантном *компенсаторном*

инструменте, который, с одной стороны, будет адекватно отражать суть потенциала рационализации, а с другой – благополучно нивелировать проявления так называемой ограниченности. Исходим из того, что в качестве такового может выступать надлежащим образом развитое экономическое мышление индивидов, т. е. с поправкой на искомую компенсацию когнитивной ограниченности.

В свое время автором уже делались публикации, где всесторонне рассматривалось понятие экономического мышления (Богунов, 2011, 2012, 2016, 2017). Поэтому в данной работе мы не будем подробно останавливаться на формализации всех содержательных аспектов и возможных различий в определениях, имеющих место у разных исследователей, а сразу зафиксируем, что общая логика понимания экономического мышления заключается в определении его в качестве процесса обобщенного и опосредствованного отражения экономической действительности. Однако обратим внимание на действительно имеющиеся слабые стороны явления, определяемые, например, в категориях инерционности, стереотипности, линейности и т. п., т. е. предрасположенности мыслить и анализировать экономические процессы, состояния в соответствии с имеющимися ментальными установками. Такой «баг» в процессе обобщенного и опосредствованного отражения часто рассматривается исследователями в контрасте с инновационным потенциалом, как это отражается, например, с точки зрения индивидуального экономического мышления в контексте современного инновационно-индустриального развития (Богунов, 2011. С. 126; 2012. С. 5), инновационного мышления в модернизации современной экономики России (Газизуллин и др., 2012. С. 25), особенностей развития экономического мышления и формирования его линейности в условиях высшего образования (Bock et al., 2014. P. 111), способности экономического мышления обеспечивать инновационные решения и управлять рисками (Pesaro, 2018. P. 249), а также в работах иных авторов.

Таким образом, с одной стороны, так обозначаемое инерционное, стереотипное, линейное экономическое мышление имеет свои ограничения и может трактоваться в качестве уже заявленной ограниченной рациональности экономических агентов, а значит, является малоэффективным инструментом для полного, адекватного отражения реальных экономических ситуаций, актуальных трансформаций СТО. С другой стороны, за экономическим мышлением сохраняется его трансформирующий, модифицирующий, инновационный потенциал, требующий своего раскрытия. Вместе с тем именно насущная потребность в компенсации ограниченной рациональности индивидуальных субъектов труда побуждает нас к поиску и определению того методологического инструментария, который позволит обеспечить искомую рационализацию трудовой деятельности. Исходим из того, что решение может быть найдено в *системной организации экономического мышления*.

Концепт «рационализация труда как функция системного экономического мышления». С точки зрения системной методологии, как это находим, например, в монографии И. К. Лисеева и В. Н. Садовского, посвященной рассмотрению идей и методов системного анализа в аспекте развития познания (Лисеев, Садовский, 2004), можно выделить два принципиально отличных подхода к определению природы системы. Первый подход, который обозначается как дескриптивный, заключается в том, что системность есть проявление сущности самой действительности и поэтому любое явление в мире есть система и может быть рассмотрено в качестве системы. Второй подход, определяемый как конструктивный, предполагает, что система формируется субъектом для реализации некоторой функции и удовлетворения соответствующих потребностей. Решая задачу обеспечения релевантного отражения изменяющихся СТО и поддержания необходимой полезности трудовой деятельности с точки зрения рационализации труда ограниченно рациональным индивидом, будем учитывать логику как дескриптивного, так и конструктивного подхода. При этом считаем возможным придерживаться определения системы как совокупности элементов, находящихся в соответствующих связях, отношениях и образующих определенную целостность[1].

Соответственно, поскольку объектом рационализации является трудовая деятельность, то в первом случае будет оправданным говорить, что трудовая деятельность изначально представляет собой определенную систему; а во втором – что трудовая деятельность является потенциально определяемой в качестве системы. Имея в виду необходимость определения компенсаторного инструмента, который будет как отражать суть потенциала рационализации, так и нивелировать проявления ограниченности, а также основываясь на представленном ранее определении экономического мышления и рассмотренных аспектах системной методологии,

[1] Садовский, В. Н. (2023). Система. Большая российская энциклопедия. https://bigenc.ru/c/sistema-4284c7

предлагается говорить об *обобщенном и опосредованном отражении экономической действительности в виде систем, что, в свою очередь, может быть определено в качестве совокупности компетенций системного экономического мышления*.

Применяемый в данном вопросе компетентностный подход позволяет дополнить содержательную конструкцию понятия рационализации и, имея в виду известную ограниченность, говорить об определенных уровнях или степенях рационализации, следовательно, о компетенциях. Вместе с тем системный подход в виде соответствующей ментальной установки субъекта труда обеспечит искомую компенсацию ограниченной рациональности. Потому с позиции как дескриптивного, так и конструктивного подхода становится возможным формализовать надсистемы, подсистемы и элементы с выделением соответствующих структур и функций, т. е. определять и прорабатывать процессы и состояния СТО, в частности, трудовую деятельность отдельных субъектов, а также их действия и операции, не теряя понимания общего (системного) контекста ситуации.

В этой связи становится возможным говорить о следующей *модели компетенций рационализации труда как функции системного экономического мышления*:

– понимание развивающихся СТО не столько в качестве стихийных и случайных процессов, явлений, сколько в качестве системных закономерностей;

– конкретизация взаимосвязей между различными аспектами СТО, трудовой деятельности различных субъектов, отдельными действиями и операциями, результатами соответствующих активностей;

– формализация своей трудовой деятельности, своих роли и места в социально-трудовой системе как части целого;

– улучшение коммуникации индивида с иными субъектами труда, обусловленное более глубоким пониманием того, как различные элементы труда влияют друг на друга в рамках социально-трудовой системы;

– увеличение осознанности принимаемых решений, так как лучше будут пониматься причины актуальной полезности своих трудовых действий и лучше просчитываться последствия данных действий и выбираемой стратегии рационализации трудовой деятельности в целом;

– повышение эффективности использования ресурса собственной трудовой деятельности, в том числе финансовых, временных и прочих ресурсов, ввиду лучшего понимания взаимосвязей между различными аспектами СТО;

– увеличение адаптивности к изменениям в СТО, поскольку индивид, рассматривающий свою трудовую деятельность с системной точки зрения, может быть более гибким и релевантным актуальным изменениям в окружающей среде;

– повышение общего уровня удовлетворенности индивида своей трудовой деятельностью ввиду улучшенного понимания своего функционала в системе СТО в условиях социально-экономических трансформаций.

На основе сформированных в настоящем исследовании концептов получаем нижеуказанную модель диалектического познания современных СТО, учитывающую новые аспекты (рис. 2).

С точки зрения логики взаимодействия концептов «изменения СТО», «проблемы, возникающие в процессе изменения СТО», «решение проблем, возникающих в процессе изменения СТО», содержание которых сформировано на основе анализа работ зарубежных и отечественных авторов, а также концепта «рационализация труда как функция системного экономического мышления», раскрывающегося с точки зрения содержания соответствующих компетенций, синтезируем новые потенциально возможные решения проблем современных СТО.

Необходимость стабильного мониторинга современных изменений социально-трудовых отношений в условиях влияния геополитических, социально-экономических, информационно-технологических эффектов на рынок труда и трудовую деятельность в том числе реализуется самими индивидуальными трудовыми агентами как субъектами рационализации, обеспечивающей понимание развивающихся СТО в качестве системных закономерностей.

Всесторонний анализ взаимодействия между технологическими и организационными изменениями, синтетическое изучение данных процессов, в том числе в контексте соблюдения баланса между внедрением технологий и защитой прав, интересов работников, становятся доступными индивидам ввиду формализации своей трудовой деятельности как части целостной социально-трудовой системы, ввиду конкретизации взаимосвязей между трудовой деятельностью различных субъектов, сопровождаемой технологическими инновациями.

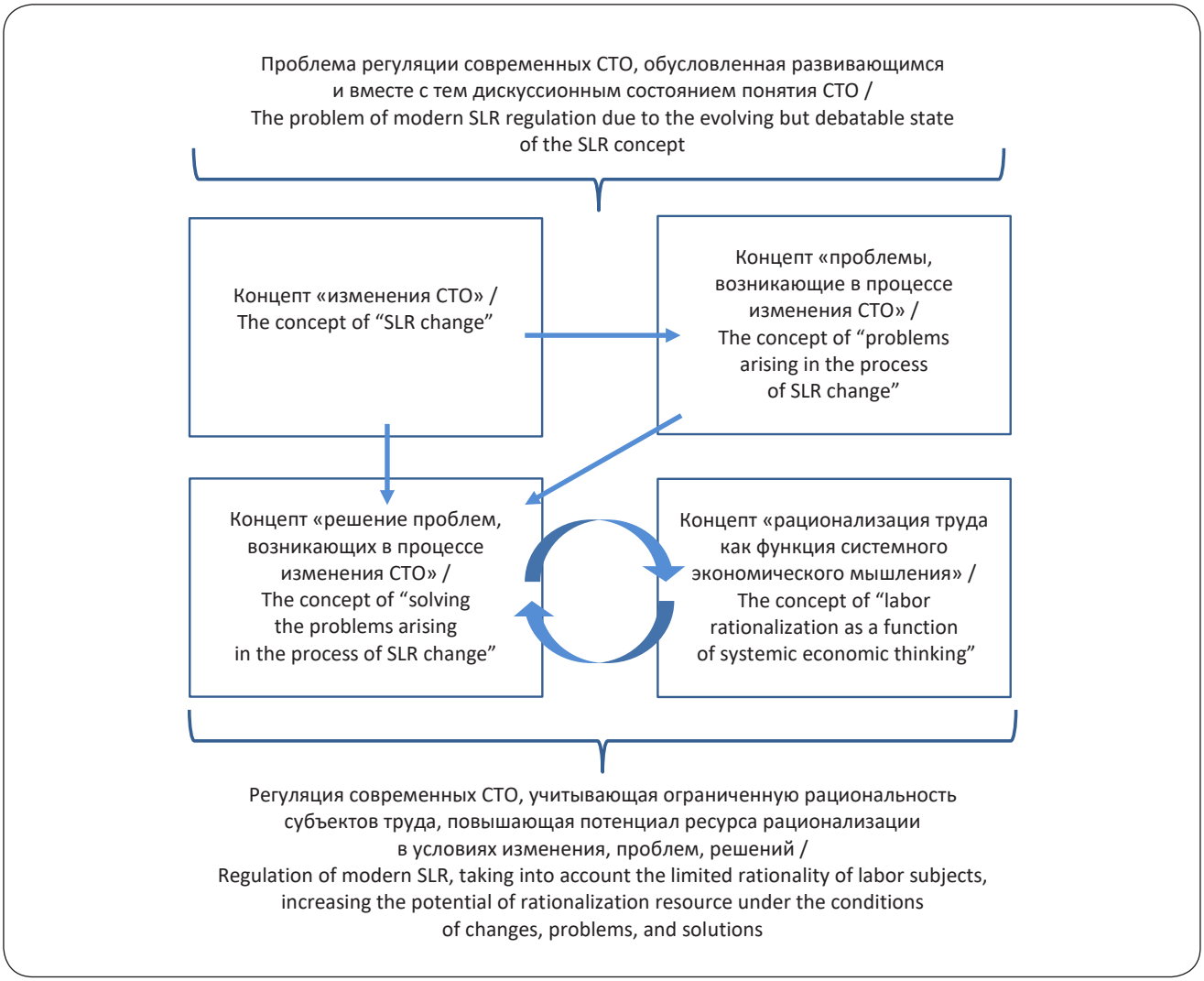


Рис. 2. Концепт «рационализация труда как функция системного экономического мышления» в условиях СТО
Fig. 2. The concept of "labor rationalization as a function of systemic economic thinking" under the SRL conditions

Предлагаемые стратегии адаптации для различных категорий работников в условиях изменения СТО будут учитывать способность индивидов к самостоятельной в контексте данных стратегий рационализации, где последняя может быть ориентирована на улучшение трудовых действий как с точки зрения управленческих взаимоотношений или реализуемых информационно-коммуникационных преобразований, так и с позиции организационной культуры в целом.

Координация и мониторинг возможных социальных последствий при внедрении инновационных идей в трудовую сферу становятся объектами рационализаторских воздействий, в том числе со стороны непосредственных индивидуальных субъектов труда, которые могут участвовать в процессах внедрения, предлагая свои варианты по совершенствованию рабочих процессов; выражать свои опасения и высказывать предложения относительно возможных негативных последствий нововведений; сотрудничать с коллегами и руководством в поиске решений по улучшению рабочей среды, управлению изменениями и социальной ответственностью; осуществлять наблюдение и непосредственно участвовать в координации изменений в организационной культуре, уровне удовлетворенности сотрудников, в вопросах снижения стресса и т. п.

Инициативы по реформированию образовательных программ исходя из современных трендов и потребностей рынка становятся объектами вовлечения непосредственных участников СТО (работодателей и работников), где новые возможности индивидов (системное экономическое мышление, компенсирующее

ограниченную рациональность) в рационализации труда позволят им глубже осознавать актуальные социально-трудовые изменения, технологические инновации, требования к новым специализациям, в частности, со знанием дела изучать существующие образовательные программы и оценивать их соответствие современным потребностям рынка труда, продуктивно участвовать в работе по формированию учебных курсов, предлагать идеи для улучшения качества подготовки специалистов.

Процессы формирования и развития новых компетенций также становятся объектами непосредственной заинтересованности и вовлеченности индивидуальных агентов, которые, во-первых, будут иметь большую субъектность в освоении новых компетенций, необходимых для эффективной трудовой деятельности в актуальных условиях изменения СТО, а во-вторых, смогут более профессионально сопровождать инициативы по внедрению инноваций в образование, такие как онлайн-курсы, облачные технологии и пр.

Процессы управления знаниями в организациях получат более высокую степень эффективности ввиду того, что работники как непосредственные потребители и производители знания становятся более активными и продуктивными участниками его воспроизводства, во-первых, с большей полезностью осуществляя коммуникацию с работодателями и экспертами в своей отрасли, чтобы быть в курсе текущих потребностей и ожиданий рынка, а во-вторых, обмениваясь опытом и знаниями с коллегами и специалистами из разных сфер трудовой деятельности с целью разнообразия подходов к решению своих профессиональных задач.

Как видно, данные решения по сравнению с инициативами, представленными ранее в рамках концепта «решения проблем, возникающих в процессе изменения СТО» и сформированными без учета компенсаторного механизма ограниченной рациональности субъектов социально-трудовых отношений, обладают большим ресурсным потенциалом.

Заключение

Исходя из поставленной цели и сформулированных задач, конкретизируем следующие полученные результаты.

1. На основе анализа публикаций зарубежных и отечественных авторов раскрыто, что в современной социально-экономической литературе сохраняются дискуссионные аспекты понимания СТО, а также имеют место малоизученные проблемные зоны, что вносит свой деструктивный вклад в общее определение феномена. Вместе с тем количество представленных в открытом доступе работ свидетельствует об актуальности и неизменной значимости обозначенной проблематики прежде всего с точки зрения эффективного развития национальных социально-экономических систем.

2. Сформированы концепты («изменения СТО», «проблемы, возникающие в процессе изменения СТО», «решение проблем, возникающих в процессе изменения СТО»), содержание которых позволяет в снятом виде фиксировать общие тенденции понимания актуальных социально-трудовых взаимодействий. Результаты такого решения могут быть востребованы как учеными-исследователями в вопросах дальнейшего определения и формализации сущностных аспектов СТО, так и специалистами-практиками в организации непосредственного управления данными отношениями.

3. Зафиксирована недостаточно исследованная проблемная зона современных СТО (так называемая черная дыра), а именно слабые и сильные стороны ресурса рационализации у индивидуальных субъектов трудовой деятельности, что обусловливает теоретико-методологическое «проседание» значительного пласта возможных формализаций проблемных аспектов, нивелирующих полезность как самого понятия СТО, так и потенциально важных решений. Сделанный автором акцент позволяет вернуть в фокус исследовательского внимания данную предметную область и обусловить новые перспективные направления научного поиска.

4. Предложено собственное решение в виде концепта «рационализация труда как функция системного экономического мышления». Такой подход позволяет дополнить содержательную конструкцию понятия рационализации с точки зрения модели соответствующих компетенций и тем самым компенсировать в объективно допустимых пределах ограниченную рациональность субъектов труда, повышая в условиях изменений как адаптивность самих трудовых агентов, так и логику конструктивного взаимодействия субъектов СТО в целом.

5. Показаны возможные направления решения актуальных проблем СТО, касающихся влияния среды на деятельность субъектов СТО, взаимодействия между актуальными технологическими и организационными изменениями, разработки стратегии адаптации для персонала, координации социальных следствий при вне-

дрении инноваций, реформирования образовательных программ, развития компетенций, управления знаниями и пр. Решение, во-первых, представляет собой дополнение и развитие выводов, предложений, обозначенных в анализе работ зарубежных и отечественных авторов, а во-вторых, будет сопровождаться внедрением в трудовую практику качественно новых компетенций, что может обусловить большую эффективность данных инициатив ввиду более релевантной рационализации труда субъектами трудовой деятельности.

Вместе с тем, исходя из полученных результатов, можно ожидать развития следующих перспективных направлений научного поиска: а) анализ и выявление посредством сформированной в статье диалектической модели концептов СТО малоизученных проблемных зон и путей их решения; б) изучение влияния ограниченной рациональности на процессы воспроизводства проблем СТО и разработка в этой связи конструктивных предложений; в) развитие концепции рационализации труда как функции системного экономического мышления с учетом современных требований и вызовов в области экономики труда; г) уточнение практических инструментов формирования и развития компетенций системного экономического мышления, а также моделей их внедрения в практику; д) исследование (посредством разработанного в статье понятийного инструментария) методов и стратегий повышения эффективности трудовой деятельности в условиях быстро меняющихся СТО.

Список литературы

Архипова, С. М., Пулявина, Н. С. (2022). Постковидный мир. Влияние пандемии на рынок профессий и формирование профессиональных компетенций. *Экономика, предпринимательство и право*, *12*(3), 1145–1158. https://doi.org/10.18334/epp.12.3.114331

Ахмедов, Ф. К., Шубенкова, Е. В. (2024). Инфраструктура рынка труда: типология и воздействие ее элементов на социально-трудовые отношения на рынке труда. *Экономика труда*, *11*(1), 11–24. https://doi.org/10.18334/et.11.1.120139

Бандурин, А. В. (2023). Нечеткая модель компетенций в современных стартапах. *Вопросы инновационной экономики*, *13*(2), 1005–1018. https://doi.org/10.18334/vinec.13.2.117778

Богунов, Л. А. (2011). Анализ структуры экономического мышления в аспекте современного инновационно-индустриального развития. *Актуальные проблемы экономики и права*, 4, 126–130.

Богунов, Л. А. (2012). Инновационное в индивидуальном экономическом мышлении: аспекты содержания, формирования и развития. *Актуальные проблемы экономики и права*, 3, 5–10.

Богунов, Л. А. (2016). Особенности экономического мышления менеджера. *Управленец*, *1*, 32–36.

Богунов, Л. А. (2017). Развитие компетенции управленческого экономического мышления в условиях современной конкуренции (на примере менеджеров Северо-Казахстанской области). *Современная конкуренция*, *11*(6), 102–114.

Бородкина, О. И., Старшинова, А. В., Архипова, Е. Б. (2022). Социальное инвестирование: проблемы и стратегии развития. *Terra Economicus*, 2, 99–110. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-2-99-110

Былков, В. Г. (2021). Особенности преобразования трудового потенциала в процессе интеграции выпускников учебных заведений на рынок труда. *Экономика труда*, *8*(3), 275–294. https://doi.org/10.18334/et.8.3.111859

Ведехин, А. Ю. (2022). Молодые специалисты на рынке труда: совершенствование мер поддержки в рамках программы содействия занятости. *Труд и социальные отношения*, *33*(4), 60–70. https://doi.org/10.20410/2073-7815-2022-33-4-60-70

Власов, Н. С., Карташов, С. А. (2022). Анализ факторов, влияющих на рост доходов и увеличение сбережений населения в процессе цифровой трансформации экономики. *Труд и социальные отношения*, *33*(3), 22–30. https://doi.org/10.20410/2073-7815-2022-33-3-22-30

Вуколов, В. Л. (2023). Цифровая экономика и рынок труда, цифровые технологии и трудовые отношения: взаимовлияние, особенности и тенденции развития. *Социально-трудовые исследования*, *50*(1), 24–30. https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-50-1-24-30

Газизуллин, Ф. Г., Газизуллин, Н. Ф., Газизуллин, Т. Н. (2012). Инновационное мышление – непреложное условие модернизации современной экономики России. *Проблемы современной экономики*, 3, 25–26.

Глазьев, С. Ю. (2016). О новой парадигме в экономической науке. *Государственное управление. Электронный вестник*, *56*, 5–39.

Елескин, С. Э., Кувакова, И. М. (2022). Инновационная экономика и гуманизация социально-трудовых отношений: проблемы и пути развития. *Труд и социальные отношения*, *33*(5), 124–136. https://doi.org/10.20410/2073-7815-2022-33-5-124-136

Ермакова, М. Л. (2021). Современные тенденции развития трудовых отношений в России. *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»*, *2*, 38–47. https://doi.org/10.24147/1812-3988.2021.19(2).38-47

Калякулин, Р. В. (2021). Независимая экспертиза условий труда как эффективный инструмент системы регулирования социально-трудовых отношений. *Труд и социальные отношения*, *32*(6), 73–82. https://doi.org/10.20410/2073-7815-2021-32-6-73-82

Клейнер, Г. Б. (2004). *Эволюция институциональных систем*. Москва: Наука.

Коленникова, Н. Д. (2023). Профессиональные структуры «большой» и «малой» России: динамика общих контуров и специфика позиций. *Terra Economicus*, *21*(3), 88–101. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-3-88-101

Лисеев, И. К., Садовский, В. Н. (2004). *Системный подход в современной науке: к 100-летию Л. фон Берталанфи*. Москва: Прогресс-Традиция.

Макекадырова, А. С., Кравцевич, С. В. (2021). Разработка концептуальной модели влияния несовершенной конкуренции на воспроизводство рабочей силы и разработка системы мер по ее государственному регулированию. *Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова*, *18*(1), 59–72. https://doi.org/10.21686/2413-2829-2021-1-59-72

Никулина, Ю. Н. (2023). Карьерное развитие молодежи в экосистеме кадрового партнерства вуза. *Лидерство и менеджмент*, *10*(2), 561–578. https://doi.org/10.18334/lim.10.2.117238

Половинко, В. С. (2020). Противоречия профессионального самоопределения: классификация и формы проявления. *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»*, *18*(1), 111–125. https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18(1).111-125

Савельева, Е. А. (2018). Цифровая организация труда: направления, принципы, подходы. *Экономика труда*, *5*(4), 935–950. https://doi.org/10.18334/et.5.4.39642

Садовая, Е. С. (2022). Особенности регулирования социально-трудовых отношений в условиях цифровой экономики. *Труд и социальные отношения*, *33*(5), 37–51. https://doi.org/10.20410/2073-7815-2022-33-5-37-51

Тутов, Л. А., Шаститко, А. Е. (2005). Ограниченная рациональность: проблемы системности определения в междисциплинарном контексте. *Общественные науки и современность*, 2, 117–127.

Яркова, С. А., Мельникова, Е. В., Якимова, Л. Д., Лубнин, А. О. (2022). Оценка реализации целевой модели компетенций в условиях технологических изменений. *Экономика, предпринимательство и право*, 8, 2295–2318. https://doi.org/10.18334/epp.12.8.115103

Arif, I. (2021). Productive knowledge, economic sophistication, and labor share. *World Development*, *139*, 105303. https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105303

Barany, Z. L., & Siegel, C. (2020). Biased technological change and employment reallocation. *Labour Economics*, *67*, 101930. https://doi.org/10.1016/j.labeco.2020.101930

Battisti, M., & Gravina A. F. (2021). Do robots complement or substitute for older workers? *Economics Letters*, *208*, 110064. https://doi.org/10.1016/j.econlet.2021.110064

Belloc, F., Burdin, G., Cattani, L., Ellis, W., & Landini, F. (2022). Coevolution of job automation risk and workplace governance. *Research Policy*, *51*(3), 104441. https://doi.org/10.1016/j.respol.2021.104441

Berg, A., Buffie, E. F., & Zanna, L. (2018). Should we fear the robot revolution? (The correct answer is yes). *Journal of Monetary Economics*, 97, 117–148. https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2018.05.014

Bock, D. D., Reeth, D. V., Minne, J., & Dooren, W. V. (2014). Students' overreliance on linearity in economic thinking: An exploratory study at the tertiary level. *International Review of Economics Education*, *16*(Part B), 111–121. https://doi.org/10.1016/j.iree.2014.04.004

Christenko, A. (2022). Automation and occupational mobility: A task and knowledge-based approach. *Technology in Society*, *70*, 101976. https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2022.101976

Cortes, G. M., Jaimovich, N., & Siu, H. E. (2017). Disappearing routine jobs: Who, how, and why? *Journal of Monetary Economics*, *91*, 69–87. https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2017.09.006

Cyert, R. M., & March, J. G. (1992). *Behavioral Theory of the Firm*. Wiley-Blackwell.

Decker, M., Fischer, M., & Ott, I. (2017). Service Robotics and Human Labor: A first technology assessment of substitution and cooperation. *Robotics and Autonomous Systems*, *87*, 348–354. https://doi.org/10.1016/j.robot.2016.09.017

Dengler, K., & Matthes, B. (2018). The impacts of digital transformation on the labour market: Substitution potentials of occupations in Germany. *Technological Forecasting and Social Change*, *137*, 304–316. https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.09.024

Gallipoli, G., & Makridis, C. A. (2018). Structural transformation and the rise of information technology. *Journal of Monetary Economics*, *97*, 91–110. https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2018.05.005

Gardberg, M., Heyman, F., Norbäck, P., & Persson, L. (2020). Digitization-based automation and occupational dynamics. *Economics Letters*, *189*. https://doi.org/10.1016/j.econlet.2020.109032

Genqiang, L., Yueying, T., Yong, M., & Min, L. (2024). Change or paradox: the double-edged sword effect of organizational crisis on employee behavior. *Journal of Organizational Change Management*, *37*(2), 439–462. https://doi.org/10.1108/JOCM-03-2023-0088

Goos, M., Rademakers, E., Salomons, A., & Willekens, B. (2019). Markets for jobs and their task overlap. *Labour Economics*, *61*, 101750. https://doi.org/10.1016/j.labeco.2019.101750

Guerini, M., Napoletano, M., & Roventini, A. (2018). No man is an Island: The impact of heterogeneity and local interactions on macroeconomic dynamics. *Economic Modelling*, *68*, 82–95. https://doi.org/10.1016/j.econmod.2017.05.004

Guilmi, C. D., & Fujiwara, Y. (2022). Dual labor market, financial fragility, and deflation in an agent-based model of the Japanese macroeconomy. *Journal of Economic Behavior & Organization*, *196*, 346–371. https://doi.org/10.1016/j.jebo.2022.02.003

Holm, J. R., Lorenz, E., & Nielsen, P. (2020). Work organization and job polarization. *Research Policy*, *49*(8), 104015. https://doi.org/10.1016/j.respol.2020.104015

Lu, C. (2018). Social status, compulsory education, and growth. *Economic Modelling*, *68*, 425–434. https://doi.org/10.1016/j.econmod.2017.08.013

Klarl, T. (2022). Fragile robots, economic growth and convergence. *Economic Modelling*, *112*. https://doi.org/10.1016/j.econmod.2022.105850

Otto, J. (2016). Participation constrained: Generating buy-in and rationalizing carbon forestry labor through participatory mapping in Southern Mexico. *Geoforum*, *76*, 28–37. https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2016.08.009

Pesaro, G. (2018). The contribution of the economic thinking to innovate disaster risk reduction policies and action. *Smart, Resilient and Transition Cities*, 31, 249–256. https://doi.org/10.1016/B978-0-12-811477-3.00031-6

Ray, D., & Mookherjee, D. (2022). Growth, automation, and the long-run share of labor. *Review of Economic Dynamics*, *46*, 1–26. https://doi.org/10.1016/j.red.2021.09.003

Sequeira, T. N., Garrido, S., & Santos, M. (2021). Robots are not always bad for employment and wages. *International Economics*, *167*, 108–119. https://doi.org/10.1016/j.inteco.2021.06.001

Simon, H. A. (1959). Theories of decision-making in economics and behavioral science. *The American Economic Review*, *3*, 253–283.

Tversky, A., & Kahneman, D. (1974). Judgment under uncertainty: heuristics and biases. *Science*, *185*(4157), 1124–1131. https://doi.org/10.1126/science.185.4157.1124

Wang, J., Hu, Y., & Zhang, Z. (2021). Skill-biased technological change and labor market polarization in China. *Economic Modelling*, *100*, 105507. https://doi.org/10.1016/j.econmod.2021.105507

Williamson, O. E. (1985). *The Economic Institutions of Capitalism. Firms, Markets, Relational Contracting*. N. Y.: The Free Press.

Yu, J., & Cho, S. (2018). An evolutionary agent-based framework for modeling and analysis of labor market. *Neurocomputing*, *271*, 84–94. https://doi.org/10.1016/j.neucom.2017.01.111

Zhang, F., Meng, L., Sun, W., & Si, Y. (2021). Information technology and the labor market in China. *Economic Analysis and Policy*, *72*, 156–168. https://doi.org/10.1016/j.eap.2021.06.015

References

Ahmedov, F. K., & Shubenkova, E. V. (2024). Labor market infrastructure: typology and the impact of its elements on social and labor relations in the labor market. *Russian Journal of Labor Economics*, *11*(1), 11–24. (In Russ.). https://doi.org/10.18334/et.11.1.120139

Arhipova, S. M., & Pulyavina, N. S. (2022). Post-COVID world. The pandemic impact on the market of professions and professional competencies. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, *12*(3), 1145–1158. (In Russ.). https://doi.org/10.18334/epp.12.3.114331

Arif, I. (2021). Productive knowledge, economic sophistication, and labor share. *World Development*, *139*, 105303. https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105303

Bandurin, A. V. (2023). Fuzzy competence model in modern startups. *Russian Journal of Innovation Economics*, *13*(2), 1005–1018. (In Russ.). https://doi.org/10.18334/vinec.13.2.117778

Barany, Z. L., & Siegel, C. (2020). Biased technological change and employment reallocation. *Labour Economics*, *67*, 101930. https://doi.org/10.1016/j.labeco.2020.101930

Battisti, M., & Gravina A. F. (2021). Do robots complement or substitute for older workers? *Economics Letters*, *208*, 110064. https://doi.org/10.1016/j.econlet.2021.110064

Belloc, F., Burdin, G., Cattani, L., Ellis, W., & Landini, F. (2022). Coevolution of job automation risk and workplace governance. *Research Policy*, *51*(3), 104441. https://doi.org/10.1016/j.respol.2021.104441

Berg, A., Buffie, E. F., & Zanna, L. (2018). Should we fear the robot revolution? (The correct answer is yes). *Journal of Monetary Economics*, *97*, 117–148. https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2018.05.014

Bock, D. D., Reeth, D. V., Minne, J., & Dooren, W. V. (2014). Students' overreliance on linearity in economic thinking: An exploratory study at the tertiary level. *International Review of Economics Education*, *16*(Part B), 111–121. https://doi.org/10.1016/j.iree.2014.04.004

Bogunov, L. A. (2011). Analysis of economic thinking structure in the aspect of modern innovative industrial development. *Actual Problems of Economics and Law*, *4*, 126–130. (In Russ.).

Bogunov, L. A. (2012). Innovative aspects in individual economic thinking: content, formation and development aspects. *Actual Problems of Economics and Law*, 3, 5–10. (In Russ.).

Bogunov, L. A. (2016). Special Features of Economic Thinking of a Manager. *Upravlenets*, *1*(59), 32–36. (In Russ.).

Bogunov, L. A. (2017). Development of the competence of managerial economic thinking in the conditions of modern competition (on the example of managers of the North-Kazakhstan region). *Journal of Modern Competition*, *11*(6), 102–114. (In Russ.).

Borodkina, O. I., Starshinova, A. V., & Arhipova, E. B. (2022). Social investment: Problems and development strategies. *Terra Economicus*, 2, 99–110. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-2-99-110

Bylkov, V. G. (2021). Features of the labour potential transformation amid integration of graduates into the labour market. *Russian Journal of Labor Economics*, *8*(3), 275–294. (In Russ.). https://doi.org/10.18334/et.8.3.111859

Christenko, A. (2022). Automation and occupational mobility: A task and knowledge-based approach. *Technology in Society*, *70*, 101976. https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2022.101976

Cortes, G. M., Jaimovich, N., & Siu, H. E. (2017). Disappearing routine jobs: Who, how, and why? *Journal of Monetary Economics*, *91*, 69–87. https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2017.09.006

Cyert, R. M., & March, J. G. (1992). *Behavioral Theory of the Firm*. Wiley-Blackwell.

Decker, M., Fischer, M., & Ott, I. (2017). Service Robotics and Human Labor: A first technology assessment of substitution and cooperation. *Robotics and Autonomous Systems*, *87*, 348–354. https://doi.org/10.1016/j.robot.2016.09.017

Dengler, K., & Matthes, B. (2018). The impacts of digital transformation on the labour market: Substitution potentials of occupations in Germany. *Technological Forecasting and Social Change*, *137*, 304–316. https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.09.024

Eleskin, S. E., & Kuvakova, I. M. (2022). Innovative economy and humanization of social and labor relations: problems and courses of development. *Labour and Social Relations Journal*, *33*(5), 124–136. (In Russ.). https://doi.org/10.20410/2073-7815-2022-33-5-124-136

Ermakova, M. L. (2021). Modern trends in the development of labor relations in Russia. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, *19*(2), 38–47. (In Russ.). https://doi.org/10.24147/1812-3988.2021.*19*(2).38-47

Gallipoli, G., & Makridis, C. A. (2018). Structural transformation and the rise of information technology. *Journal of Monetary Economics*, *97*, 91–110. https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2018.05.005

Gardberg, M., Heyman, F., Norbäck, P., & Persson, L. (2020). Digitization-based automation and occupational dynamics. *Economics Letters*, 189. https://doi.org/10.1016/j.econlet.2020.109032

Gazizullin, F. G., Gazizullin, N. F., & Gazizullin, T. N. (2012). Инновационное мышление – непреложное условие модернизации современной экономики России. *Problems of Modern Economics*, *3*, 25–26. (In Russ.).

Genqiang, L., Yueying, T., Yong, M., & Min, L. (2024). Change or paradox: the double-edged sword effect of organizational crisis on employee behavior. *Journal of Organizational Change Management*, *37*(2), 439–462. https://doi.org/10.1108/JOCM-03-2023-0088

Glazyev, S. Y. (2016). A New Paradigm of Economic Science. *Public Administration. E-journal (Russia)*, 56, 5–39. (In Russ.).

Goos, M., Rademakers, E., Salomons, A., & Willekens, B. (2019). Markets for jobs and their task overlap. *Labour Economics*, *61*, 101750. https://doi.org/10.1016/j.labeco.2019.101750

Guerini, M., Napoletano, M., & Roventini, A. (2018). No man is an Island: The impact of heterogeneity and local interactions on macroeconomic dynamics. *Economic Modelling*, *68*, 82–95. https://doi.org/10.1016/j.econmod.2017.05.004

Guilmi, C. D., & Fujiwara, Y. (2022). Dual labor market, financial fragility, and deflation in an agent-based model of the Japanese macroeconomy. *Journal of Economic Behavior & Organization*, *196*, 346–371. https://doi.org/10.1016/j.jebo.2022.02.003

Holm, J. R., Lorenz, E., & Nielsen, P. (2020). Work organization and job polarization. *Research Policy*, *49*(8), 104015. https://doi.org/10.1016/j.respol.2020.104015

Kalyakulin, R. V. (2021). Independent examination of working conditions as an effective tool of the regulation of social and labor relations. *Labour and Social Relations Journal*, *32*(6), 73–82. (In Russ.). https://doi.org/10.20410/2073-7815-2021-32-6-73-82

Klarl, T. (2022). Fragile robots, economic growth and convergence. *Economic Modelling*, *112*. https://doi.org/10.1016/j.econmod.2022.105850

Klejner, G. B. (2004). *Evolution of institutional systems*. Moscow: Nauka. (In Russ.).

Kolennikova, N. D. (2023). Occupational structure in Great Russia and Little Russia: Outline, dynamics, and peculiarities. *Terra Economicus*, *21*(3), 88–101. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-3-88-101

Liseev, I. K., & Sadovskij, V. N. (2004). *System approach in modern science: to the 100th anniversary of L. von Bertalanffy*. Moscow: Progress-Tradiciya. (In Russ.).

Lu, C. (2018). Social status, compulsory education, and growth. *Economic Modelling*, *68*, 425–434. https://doi.org/10.1016/j.econmod.2017.08.013

Makekadyrova, A. S., & Kravtsevich, S. V. (2021). Developing the Conceptual Model of Imperfect Competition Impact on Labour Reproduction and the System of Measures Aimed at its State Regulation. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, *18*(1), 59–72. (In Russ.). https://doi.org/10.21686/2413-2829-2021-1-59-72

Nikulina, Yu. N. (2023). Career development of young people in the university staff partnership ecosystem. *Leadership and Management*, *10*(2), 561–578. (In Russ.). https://doi.org/10.18334/lim.10.2.117238

Otto, J. (2016). Participation constrained: Generating buy-in and rationalizing carbon forestry labor through participatory mapping in Southern Mexico. *Geoforum*, *76*, 28–37. https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2016.08.009

Pesaro, G. (2018). The contribution of the economic thinking to innovate disaster risk reduction policies and action. *Smart, Resilient and Transition Cities*, 31, 249–256. https://doi.org/10.1016/B978-0-12-811477-3.00031-6

Polovinko, V. S. (2020). Contradictions of professional selfdetermination: classification and forms of manifestation. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, *18*(1), 111–125. (In Russ.). https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18(1).111-125

Ray, D., & Mookherjee, D. (2022). Growth, automation, and the long-run share of labor. *Review of Economic Dynamics*, *46*, 1–26. https://doi.org/10.1016/j.red.2021.09.003

Sadovaya, E. S. (2022). Features of regulation of social and labor relations in the conditions of the digital economy. *Labour and Social Relations Journal*, *33*(5), 37–51. (In Russ.). https://doi.org/10.20410/2073-7815-2022-33-5-37-51

Saveleva, E. A. (2018). Digital organization of labor: directions, principles, approaches. *Russian Journal of Labor Economics*, *5*(4), 935–950. (In Russ.). https://doi.org/10.18334/et.5.4.39642

Sequeira, T. N., Garrido, S., & Santos, M. (2021). Robots are not always bad for employment and wages. *International Economics*, *167*, 108–119. https://doi.org/10.1016/j.inteco.2021.06.001

Simon, H. A. (1959). Theories of decision-making in economics and behavioral science. *The American Economic Review*, *3*, 253–283.

Tutov, L. A., & Shastitko, A. E. (2005). Limited rationality: problems of a systemic definition in the interdisciplinary context. *Social Sciences and Contemporary World*, 2, 117–127. (In Russ.).

Tversky, A., & Kahneman, D. (1974). Judgment under uncertainty: heuristics and biases. *Science*, *185*(4157), 1124–1131. https://doi.org/10.1126/science.185.4157.1124

Vedekhin, A. Yu. (2022). Young professionals in the labor market: improving support measures under the employment promotion program. *Labour and Social Relations Journal*, *33*(4), 60–70. (In Russ.). https://doi.org/10.20410/2073-7815-2022-33-4-60-70

Vlasov, N. S., & Kartashov, S. A. (2022). Analysis of the factors influencing the growth of incomes and the increase in savings of employees of organizations in the course of digital transformation of the economy. *Labour and Social Relations Journal*, *33*(3), 22–30. (In Russ.). https://doi.org/10.20410/2073-7815-2022-33-3-22-30

Vukolov, V. L. (2023). Digital economy and labor market, digital technologies and labor relations: Mutual Influence, features and development trends. *Social and labor research*, *50*(1), 24–30. (In Russ.). https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-50-1-24-30

Wang, J., Hu, Y., & Zhang, Z. (2021). Skill-biased technological change and labor market polarization in China. *Economic Modelling*, *100*, 105507. https://doi.org/10.1016/j.econmod.2021.105507

Williamson, O. E. (1985). *The Economic Institutions of Capitalism. Firms, Markets, Relational Contracting*. N.Y.: The Free Press.

Yarkova, S. A., Melnikova, E. V., Yakimova, L. D., & Lubnin, A. O. (2022). Assessing the target competence model amidst technological changes. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, *12*(8), 2295–2318. (In Russ.). https://doi.org/10.18334/epp.12.8.115103

Yu, J., & Cho, S. (2018). An evolutionary agent-based framework for modeling and analysis of labor market. *Neurocomputing*, *271*, 84–94. https://doi.org/10.1016/j.neucom.2017.01.111

Zhang, F., Meng, L., Sun, W., & Si, Y. (2021). Information technology and the labor market in China. *Economic Analysis and Policy*, *72*, 156–168. https://doi.org/10.1016/j.eap.2021.06.015

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 04.04.2024
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 19.05.2024
Дата принятия в печать / Accepted 20.05.2024

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.332-368**

УДК 330.1:332.1:338.1:338.2:339.9
JEL: E, F, F51, H12, O11, R1

Д. В. Манушин[1]

[1] *Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова, г. Казань, Россия*

Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022–2025. Часть 3: анализ антикризисных мер, управление российскими санкциями и антисанкциями

Манушин Дмитрий Викторович, доктор экономических наук, профессор кафедры финансового менеджмента экономического факультета, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова
E-mail: predmet22@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-2799-9235
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/L-9620-2016
eLIBRARY ID: SPIN-код: 8588-3619, AuthorID: 673843

Аннотация

Цели: на основе анализа внешней и внутренней среды российской экономики и антикризисных мер, реализованных Правительством РФ, предложить свои антисанкционные и санкционные меры.

Методы: использованы такие приемы абстрактно-логического метода, как анализ, синтез, дедукция, индукция, аналогия, прогнозирование.

Результаты: дана критическая оценка антикризисных мер других ученых, проанализирован антисанкционный план РФ 2022–2024 гг. В результате проведенных расчетов определены примерные параметры расходов бюджетной системы на реализацию антисанкционной политики. Оценены перспективы, основные меры и планы по выведению из кризиса приоритетных отраслей национальной экономики. Установлено, что, несмотря на успешность реализации антисанкционного плана, многие из проблем, мешающих развиваться российской экономике, все еще не решены. Предложены основные антисанкционные и санкционные меры для развития российской экономики.

Научная новизна: предложены меры по коррекции антисанкционной и санкционной экономической политики России. Во-первых, в области перехода к неочевидной, рациональной, защитно-атакующей и протекционистской санкционной экономической политике России. Во-вторых, для перехода к открытой, долгосрочной, протекционистской и превентивной антисанкционной экономической политике РФ.

Практическая значимость: предложенные меры ослабят последствия санкционной войны и заложат основу экономического развития России в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Системный подход к изучению антисанкционной и санкционной экономической политики России позволит другим странам (в первую очередь Китаю) заимствовать российский опыт успешного противодействия санкциям США и их союзников.

Ключевые слова

региональная и отраслевая экономика, санкционная политика, антисанкционная политика, контрсанкционная политика, санкционная война, анализ антикризисных мер, управление антироссийскими санкциями, санкционные меры, антисанкционные меры, контрсанкционные меры, антикризисное управление, управление кризисами в экономике

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

© Манушин Д. В., 2024

Как цитировать статью: Манушин, Д. В. (2024). Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022–2025. Часть 3: анализ антикризисных мер, управление российскими санкциями и антисанкциями. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(2), 332–368. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.332-368

Scientific article

D. V. Manushin[1]

[1] *Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia*

Anti-sanction and sanction economic policy of Russia in 2022–2025. Part 3: analysis of anti-crisis measures, managing Russian sanctions and anti-sanctions

Dmitriy V. Manushin, Doctor of Economics, Professor of the Department of Financial Management, Faculty of Economics, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
E-mail: manushin@ieml.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-2799-9235
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/L-9620-2016
eLIBRARY ID: SPIN-код: 8588-3619, AuthorID: 673843

Abstract

Objective: to propose anti-sanction and sanction measures based on the analysis of the external and internal environment of the Russian economy and anti-crisis measures implemented by the Russian government.

Methods: techniques of abstract-logical method were used, such as analysis, synthesis, deduction, induction, analogy, and forecasting.

Results: a critical assessment of anti-crisis measures by other scientists was given; the anti-sanctions plan of the Russian Federation for 2022–2024 was analyzed. As a result of the calculations, the approximate parameters of the budget system expenditures for the realization of the anti-sanctions policy were determined. Prospects, main measures and plans to bring priority sectors of the national economy out of the crisis were assessed. It was found that, despite the success of the anti-sanctions plan, many of the problems hindering the development of the Russian economy have not yet been solved. The main anti-sanction and sanction measures for the Russian economy development were proposed.

Scientific novelty: measures to correct Russia's anti-sanction and sanction economic policy were proposed: first, those referring to the area of transition to non-obvious, rational, defense-attack and protectionist sanctions economic policy of Russia; second, those for the transition to open, long-term, protectionist and preventive anti-sanction economic policy of the Russian Federation.

Practical significance: the proposed measures will weaken the consequences of the sanctions war and lay the foundation for Russia's economic development in the medium and long term. A systematic approach to the study of anti-sanction and sanction economic policy of Russia will allow other countries (China, first of all) to use the Russian experience of successful counteraction to the sanctions of the US and its allies.

Keywords:

regional and branch economics, sanctions policy, anti-sanctions policy, counter-sanctions policy, sanctions war, analysis of anti-crisis measures, anti-Russian sanctions management, sanctions measures, anti-sanctions measures, counter-sanctions measures, anti-crisis management, crisis management, managing crises in the economy

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Manushin, D. V. (2024). Anti-sanction and sanction economic policy of Russia in 2022–2025. Part 3: analysis of anti-crisis measures, managing Russian sanctions and anti-sanctions. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(2), 332–368. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.332-368

Введение

К настоящему моменту российская экономика более двух лет находится под давлением антироссийских санкций. Правительство РФ реализует антикризисные меры по поддержке экономики и населения, но обычно они ситуационные и в основном бессистемные. Ученые и эксперты предлагают разнообразные антикризисные меры для решения возникших проблем, но их меры либо не основаны на изучении внешней и внутренней среды российской экономики, либо она исследована поверхностно, из-за чего предложенные меры часто носят слишком общий характер. Все это обуславливает необходимость предварительной оценки внешней и внутренней среды российской экономики 2022–2023 гг. в санкционных условиях (это сделано в первой и второй частях этого исследования (Манушин, 2023, 2024)). Это позволяет детально исследовать санкционные и антисанкционные меры в рамках антисанкционной и санкционной экономической политики РФ[1] по следующей схеме:

1. Обобщение и критическая оценка антикризисных мер 2022–2024, предлагаемых учеными и экспертами.
2. Анализ антисанкционного экономического плана 2022–2024.
3. Оценка основных проблем, мешающих бизнесу развиваться после реализации антисанкционного плана Правительства Российской Федерации, и некоторые варианты их решения.
4. Основные антисанкционные, контрсанкционные и санкционные меры для российской экономики, позволяющие скорректировать антисанкционную и санкционную экономическую политику России.
5. Итоговые выводы по всем трем частям исследования.
6. Заключение.

Результаты исследования

Обобщение и критическая оценка антикризисных мер 2022–2024, предлагаемых учеными и экспертами

При обобщении антикризисных мер, изучаемых учеными и экспертами, обнаружено, что все эти ученые и эксперты выражают поддержку антисанкционным мерам[2] 2022–2024, реализованным Правительством РФ[3] (Мирошникова и др., 2022; Сулейманова, 2022; Безуглый и др., 2022; Ленчук, 2023; Воскресенская, 2023;

[1] Суть этих политик и их элементов раскрыта во второй части данного исследования (Манушин, 2024). В то же время предложенную позицию можно дополнить мнениями других ученых. Так, С. А. Павлова справедливо обращает внимание на такую черту современной санкционной политики, как глобализация санкций и их неэтичность (Павлова и др., 2022). К характерным чертам российской антисанкционной политики А. А. Кайгородцев справедливо относит ориентацию на адаптацию к санкционным условиям (Кайгородцев, 2023). J. Zhao, T. Gu предлагают укреплять антисанкционную систему, следуя принципам мира, взаимности, прозрачности, адресности и пропорциональности (Zhao, Gu, 2022; Gu, Zhao, 2023), а Y. Chuanman предлагает делать акцент на принципах ВТО (Chuanman, 2024). Принципом, который можно дополнительно использовать в предложенной политике, является принцип адресности (Манушин, 2023).

[2] Е. Б. Лаутс отмечает, что «антисанкционное регулирование становится синонимом антикризисного регулирования, если кризис вызван введением санкций» (Лаутс, 2023). При такой постановке вопроса не учитываются санкции, накладываемые на государство – инициатора санкций. В этой связи если явный кризис вызван введением санкций, то антикризисное управление можно приравнять к совокупности санкционного и антисанкционного управления. При этом введение контрсанкций следует признать частью антисанкционного управления. В процессе реализации антисанкционных и санкционных мер важно исходить из доказанного положения о непрерывности антикризисного управления (Манушин, 2021; Манушин и др., 2023b), т. е. следует учитывать, что часть санкций (возможно, неофициальных) все равно не будет снята с России (это подтверждают антироссийские санкции, наложенные в 1990-х гг., в период наибольшего сближения России и США (Манушин, 2022)), поэтому некоторые российские санкционные и антисанкционные меры должны стать бессрочными.

[3] Антисанкционные меры 2022–2024 (специальные экономические меры и меры, направленные на поддержку бизнеса и граждан) (подготовлено экспертами компании «Гарант»). (2024). Гарант. https://base.garant.ru/57750630/?ysclid=lt2lx99z2e839309011

Толстухин, 2023; Балашов, 2023; Бессараб и др., 2023; Малашенко, Гребенникова, 2023; Ряховская, 2023; Зозуля и др., 2023; Кособуцкая и др., 2023; Трещевский и др., 2023; Шейхова, Сафонова, 2023; Грабовский, 2024; Самаков, 2024). Некоторые ученые указывают на возможность использования обобщенных ими антикризисных мер других стран в российской экономике: США (Мирошникова и др., 2022; Воскресенская, 2023), Японии (Мирошникова и др., 2022), Китая (Воскресенская, 2023; Ряховская, 2023). Малая часть ученых критикует работу Правительства РФ и (или) предлагает использовать другие антикризисные подходы или меры для развития экономики РФ.

Обобщение критических мнений позволило выделить три группы:

– группировка мер Правительства РФ по степени их перспективности (на основе опросов бизнесменов, экспертов и ученых): очень высокая, высокая, средняя и низкая (Кособуцкая и др., 2023; Трещевский и др., 2023);

– предложение Правительству РФ другой схемы развития мобилизационной экономики. Так, одни ученые предостерегают от дальнейшей мобилизации экономики, напоминая о среднесрочном эффекте мобилизации (Винслав, 2022; Цветков, 2022; Иванов, Бухвальд, 2022; Гришков и др., 2022) без усиления ответственности за реализацию государственных решений (Гришков и др., 2022) и о необходимости иметь план выхода из мобилизационного режима (Винслав, 2022; Цветков, 2022). Другие ученые призывают ускорить мобилизацию экономики путем усиления роли государства, в том числе в области идеологии (Гиоев и др., 2023), нравственно-ценностного потенциала (Щепакин, 2024), государственного планирования (Митяков, 2022; Благих, Протасов, 2022; Кувалин, 2022; Гиоев и др., 2023; Шкодинский, Продченко, 2023; Ряховская, 2023), координации деятельности организаций (Митяков, 2022; Благих, Протасов, 2022; Гиоев и др., 2023), централизованного распределения ключевых ресурсов (Шкодинский, Продченко, 2023), повышения доходов и качества жизни населения (Ряховская, 2023; Щепакин, 2024), централизованного выкупа государством продукции пострадавших предприятий (Зимовец, Маринова, 2022), в стратегических видах экономической деятельности (Благих, Протасов, 2022; Кувалин, 2022; Гиоев и др., 2023), в части возврата к директивной (социалистической) экономике (Ермаков и др., 2023; Бекренев, Крылова, 2022; Бекренев, 2023). Лишь малая часть исследователей полагает, что мобилизационная экономика РФ не требует усиления или ослабления (Шапкин, 2023; Мошкин, Бабанов, 2023; Бурлака, 2023);

– обращение внимания на недостаточность мер, реализуемых Правительством РФ, и предложение других антикризисных мер (Ряховская, 2023; Гусев, Юревич, 2023). Часть экспертов недовольна отсутствием прорывных идей в антикризисном плане Правительства РФ и наличием в нем давно обсуждаемых мер по развитию российской экономики[4]. Это весьма странно, так как в долго обсуждаемых мерах обычно гораздо меньше недочетов, чем во внезапно возникших идеях. Другие эксперты предлагают слишком общие антикризисные меры (например, указывая на недостаток высоких технологий, призывают замещать импорт высокотехнологичной продукции[5]).

При изучении критики государственных антикризисных мер важно отметить, что сами антикризисные меры государства обычно не критикуются, т. е. ученые и эксперты поддерживают эти меры. В то же время подвергаются критике общие санкционные и антисанкционные подходы государства. В этой связи важно отметить, что текущая экономическая ситуация не требует усиления мобилизационного режима (этот вывод сделан на основе анализа макроэкономических показателей во второй части исследования (Манушин, 2024)), а его ослабление для российской экономики допустимо примерно через пять лет, а для приоритетных отраслей и направлений национальной экономики РФ – через 10 лет (это обусловлено размером ликвидной части ФНБ РФ).

[4] Правительство РФ заливает кризис деньгами и старыми идеями. (2022, 5 октября). Octagon. https://octagon.media/ekonomika/pravitelstvo_rf_zalivaet_krizis_dengami_i_starymi_ideyami.html?ysclid=lts8n64mt8147102062

[5] Эксперты оценили антикризисные перспективы российской экономики. (2023, 18 октября). РБК. https://www.rbc.ru/industries/news/651fc16d9a79476386445659?ysclid=lts8fwxkjf315969454

При изучении антикризисных мер, предложенных учеными для развития экономики РФ, обнаружено, что часть из них основана на уже реализованных мерах[6, 7, 8, 9], а часть официально отвергнута государством[10, 11]. В этой связи ниже указаны и оценены меры, по которым Правительство РФ еще не приняло решение о необходимости их внедрения в российскую экономику:

– «убрать межведомственные противоречия и разногласия» (Толстухин, 2023. С. 390); «совершенствование систем формирования кадрового резерва и госконтроля за исполнительской дисциплиной на всех уровнях управления» (Ряховская, 2023. С. 26). Эти меры важные, но в период явного кризиса внедрять их, скорее всего, не будут. Ослабить обозначенные сложности можно путем цифровизации. Работа в этом направлении уже ведется, но взаимодействия в чиновничьей среде по-прежнему осуществляются путем личных договоренностей и непосредственного контроля. В межведомственных государственных коммуникациях реальный переход на работу в электронной среде еще не произошел, что повышает оппортунизм (Крамин, 2006) госслужащих;

– «введение принципа экстерриториальности для законов РФ» (Ряховская, 2023. С. 26). Эта идея является антиправовой и очень опасной, так как может восстановить против России весь мир. В настоящий момент многие независимые государства не готовы мириться с экстерриториальными действиями Англии, США и ЕС и склоняются к поддержке России во многом из-за того, что она придерживается международного права и противостоит этим незаконным действиям. Попытка России уподобиться в этом вопросе США и их союзникам окончательно сместит восприятие противостояния с «отстаивания права России на защиту своих границ законными методами под давлением незаконных действий США и их союзников» на «борьбу без правил между двумя агрессорами»;

– «введение новых расчетных единиц в международной торговле и систем передачи межбанковской информации внутри стран БРИКС, Евразийского союза и др.» (Ряховская, 2023. С. 26). Введение новой расчетной единицы вместо доллара, безусловно, важно (Манушин, 2022), но США и их союзники не позволят ввести новую расчетную единицу международного значения. В этой связи правильным будет введение новой расчетной единицы только для стран БРИКС+ (в ее основе должны лежать национальные валюты ключевых стран-участниц), которая сначала будет иметь региональное значение и только через несколько десятков лет сможет претендовать на статус международной;

– «замораживание иностранных активов на территории РФ до момента разморозки российских в иностранных юрисдикциях» (Ряховская, 2023. С. 26). В других работах доказано, что «заморозка» российских активов фактически является их кражей, которая существенно подорвала репутацию надежных партнеров у США и их союзников (Манушин, 2022). Обрушение репутации России, как сверхнадежного партнера не стоит выгоды от несимметричной «заморозки» иностранных активов, работа которых позволяет России получать необходимые товары и значительные налоговые отчисления;

– «повышение уровня открытости бюджетных расходов на обеспечение полномочий федеральных государственных органов» (Ряховская, 2023. С. 26). Представляется, что текущая ситуация не позволит реализовать данную меру. Ее, скорее всего, осуществят только после нескольких лет стабильного превосходства основных макроэкономических показателей России над мировыми.

В этой связи можно заключить, что ученые и эксперты положительно оценивают подавляющее большинство оперативных и тактических антисанкционных и санкционных мер Правительства РФ, но часть ученых считает необходимым дополнить план российского правительства своими мерами. При этом многие ученые не согласны со стратегией действий Правительства Российской Федерации и предлагают ее пересмотреть.

---

[6] Целых, А. (2024, 8 февраля). «Патриотическая реприватизация». Что стало с предприятиями, которые Генпрокуратура забрала через суд. RTVI. https://rtvi.com/stories/patrioticheskaya-reprivatizacziya-chto-stalo-s-predpriyatiyami-kotorye-genprokuratura-zabrala-cherez-sud/?ysclid=ltsderdcsg235399322

[7] С 2024 года вводится новый инвестиционный вычет. (2024, 12 января). 1С:ИТС. https://its.1c.ru/db/newscomm/content/487489/hdoc

[8] Бурнашева, А. (2023, 10 августа). Российские оборонные заводы решили спасти от банкротства. MK.RU. https://www.mk.ru/economics/2023/08/10/rossiyskie-oboronnye-zavody-reshili-spasti-ot-bankrotstva.html?ysclid=ltse3llx4o516683596

[9] В России появятся еще три особые экономические зоны (2024, 9 марта). Интерфакс. https://www.interfax.ru/russia/949581

[10] Нехорошкин, С., Анисимова, Н. (2024, 26 марта). Путин заявил, что о деприватизации в России речь не идет. РБК. https://www.rbc.ru/politics/26/03/2024/6602acb69a79476d5cd88e3f?ysclid=lu9gpqzu2w992054669

[11] Виноградова, Е., Сидоркова, И. (2022, 13 мая). Власти объяснили, почему возврат к Госплану в России невозможен. РБК. https://www.rbc.ru/economics/13/05/2022/627e0cae9a79476c07e97dde?ysclid=ltsbpchweu511263619

Анализ антисанкционного экономического плана 2022–2024

План Правительства РФ по борьбе с санкциями одобрен в конце первого квартала 2022 г. (на его реализацию планировалось выделить 1,06 трлн руб.)[12]. После этого неоднократно вводились дополнительные меры, оформляемые в виде отдельных документов[13], поэтому для определения расходов на эти меры предлагается ориентироваться на суммы фактического исполнения госбюджета РФ, динамику ФНБ и отчеты, подготовленные для Госдумы РФ (табл. 1).

В отчете М. В. Мишустина по итогам 2023 г. не указана сумма расходов на антисанкционные меры в 2023 г.[14] В этой связи эти расходы были рассчитаны косвенным методом.

В процессе расчета расходов на антикризисные меры предполагалось, что в 2017–2019 гг. не осуществлялось противодействие явным кризисам, а во все последующие годы Правительство РФ выделяло средства на борьбу с кризисами. Если бы в 2020 г. не начался пандемийный кризис, то в основе прогноза расходов госбюджета лежали бы три основных темпа роста: 1 (консервативный), 1,09 (либеральный) и 1,045 (средний)[15]. Скорее всего, был бы выбран средний или близкий к среднему темп роста. В результате без учета трат на кризис расходы госбюджета РФ составляли бы 19,0 трлн руб. (2020 г.), 19,9 трлн руб. (2021 г.), 20,8 трлн руб. (2022 г.) и 21,7 трлн руб. (2023 г.)[16]. При вычитании из реальных трат госбюджета тех расходов, которые могли бы быть, если бы в 2020–2023 гг. не было бы кризисов, можно получить расходы Правительства РФ на антипандемийные или антисанкционные меры, отраженные в табл. 1.

Таблица 1

Расходы Правительства РФ на антикризисные меры, определенные косвенным методом, трлн руб.

Table 1. Expenditures of the Russian government for anti-crisis measures, indirectly identified, trillion rubles

№	Наименование / Title	Год / Year						
		2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
1	Дефицит (профицит) госбюджета РФ / Deficit (surplus) of the RF budget	–1,3	+2,8	+2,0	–4,1	+0,5	–3,3	–3,2
2	Доходы госбюджета РФ / Revenues of the RF budget	15,1	19,5	20,2	18,7	25,3	27,8	29,1
3	Нефтегазовые доходы / Oil and gas revenues	6,0	9,0	7,9	5,2	9,1	11,6	8,8
4	Ненефтегазовые доходы / Non-oil and gas revenues	9,1	10,5	12,3	13,5	16,2	16,2	20,3
5	Расходы госбюджета РФ / Expenditures of the RF budget	16,4	16,7	18,2	22,8	24,8	31,1	32,4
6	Увеличение (уменьшение) ФНБ РФ / Increase (decrease) of the Russian NWF	–0,6	+0,2	+3,8	+5,7	+0,1	–3,2	+1,6
7	Общий размер ФНБ РФ (на конец года) / Total volume of the Russian NWF (by the end of year)	3,8	4,0	7,8	13,5	13,6	10,4	12,0

[12] План первоочередных действий по обеспечению развития экономики в условиях внешнего санкционного давления (одобрен 15 марта 2022 г.).

[13] Федеральный план. (2022). Правительство Новосибирской области. https://plan.nso.ru/measures/federal?ysclid=lkksz76fm263083783

[14] Ежегодный отчет Правительства в Государственной Думе. (2024, 3 апреля). Правительство России. http://government.ru/news/51246/

[15] Перед расчетом этих показателей подкорректированы расходы госбюджета в 2017 г. Так, расходы резервного фонда и ФНБ в 2017 г. (1,6 трлн руб.) превысили дефицит госбюджета (1,3 трлн руб.), т. е. реальные расходы госбюджета были на 0,3 трлн руб. больше заявленных расходов и составили 16,7 трлн руб. В результате консервативный темп роста равен 16,7 / 16,7 = 1, либеральный темп роста равен 18,2 / 16,7 = 1,09, средний темп роста рассчитан путем сложения консервативного и либерального темпа роста и деления их на 2 (1,045).

[16] Схема расчета этих показателей: 18,2 × 1,045 = 19,0 (2020 г.); 19,0 × 1,045 = 19,9 (2021 г.); 19,9 × 1,045 = 20,8 (2022 г.); 20,8 × 1,045 = 21,7 (2023 г.). Все расчеты проводились в Excel, поэтому полученные результаты могут отличаться от расчетов с использованием округленных значений, указанных в данном примечании.

Окончание табл. 1 / End of Table 1

№	Наименование / Title	Год / Year						
		2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
8	Ликвидная часть ФНБ РФ (на конец года) / Liquid part of the Russian NWF (by the end of year)	2,2	2,4	6,1	8,7	8,5*	6,1	5**
9	Уменьшение резервного фонда РФ / Reduction of the Russian reserve fund	–1	0	0	0	0	0	0
10	Общий размер резервного фонда РФ (на конец года) / Total volume of the Russian reserve fund (by the end of year)	0	0	0	0	0	0	0
11	Расходы Правительства РФ на антипандемийные или антисанкционные меры / Expenditures of the Russian government for anti-pandemic or anti-sanction measures	–	–	–	3,8	4,9	10,3	10,7

Примечание:

* 21 мая 2021 г. к ликвидным активам ФНБ добавлено золото (до этого к ним относили лишь средства на счетах ЦБ РФ).

** При изучении динамики ликвидной части ФНБ РФ с 31.12.2022 по 31.12.2023 важно учитывать, что за этот период наблюдался рост курса юаня к рублю на 20 % и рост цены золота на 43 %.

Note:

* On May 21, 2021, gold was added to the NWF liquid assets of the (before that, they included only funds on the accounts of the Central Bank of the Russian Federation).

** When studying the dynamics of the RF NWF liquid part from 31.12.2022 to 31.12.2023, it is important to take into account that during this period there was an increase in the yuan/ruble exchange rate by 20 % and an increase in the price of gold by 43 %.

Источник / Source: [17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27].

[17] Об исполнении федерального бюджета за 2017 год. № 354-ФЗ от 11.10.2018. (2018). СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308742/

[18] Об исполнении федерального бюджета за 2018 год. № 332-ФЗ от 16.10.2019. (2019). СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335626/

[19] Об исполнении федерального бюджета за 2019 год. № 314-ФЗ от 15.10.2020. (2020). СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365177/

[20] Об исполнении федерального бюджета за 2020 год. № 361-ФЗ от 25.10.2021. (2021). СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399169/

[21] Об исполнении федерального бюджета за 2021 год. № 249-ФЗ от 14.07.2022. (2022). СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421975/

[22] Об исполнении федерального бюджета за 2022 год. № 329-ФЗ от 24.07.2023. (2023). СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452847/

[23] Предварительная оценка исполнения федерального бюджета за 2023 год. (2024, 11 января). Минфин России. https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=38819-predvaritelnaya_otsenka_ispolneniya_federalnogo_byudzheta_za_2023_god

[24] (2020, 16 сентября). Приложение № 1 к отчету по результатам экспертно-аналитического мероприятия № ОМ-73/05-02. https://img-cdn.tinkoffjournal.ru/ekspertno-analiticheskii-otchet-schetnoi-palaty.pdf

[25] (2022). Бюллетень Счетной палаты РФ. ФНБ. № 7(296). https://ach.gov.ru/upload/iblock/794/1qdyym6osffh58liy196lp10bi1djoho.pdf?ysclid=lunpegeq27251000427

[26] Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг формирования и использования средств Фонда национального благосостояния, а также управления средствами указанного фонда в рамках мер экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации, принимаемых Правительством Российской Федерации в 2022 г. и истекшем периоде 2023 г. (с утверждением промежуточного отчета о результатах экспертно-аналитического мероприятия на заседании Коллегии Счетной палаты Российской Федерации в ноябре 2022 г.)». (2023, 30 августа). Счетная палата Российской Федерации. https://ach.gov.ru/upload/iblock/6b4/a5ozpfvbdftrux02grg1wh1w2qixqzvp.pdf?ysclid=lunpkg8fat537161504

[27] Вислогузов, В. (2024, 17 января). Похудевший ФНБ простился с евро. Коммерсантъ. https://www.kommersant.ru/doc/6455331?ysclid=lukw9d5o3u362986463

Проверка этих трат с заявленными Правительством РФ суммами расходов на антипандемийный план (7 трлн руб. (2020–2021 гг.) (Манушин, 2020)) и антисанкционный план (12,5 трлн руб. (2022 г.)[28]) показала, что они близки к указанным величинам (отклонения составляют 24 и 21 %), что подтверждает их приемлемую достоверность (результаты не учитываются, если отклонение выше 30 %). Все это позволяет утверждать, что расходы Правительства РФ на антисанкционный план в 2023 г., скорее всего, составили около 11 трлн руб.

Перед анализом табл. 1 важно понять причины изменения основных ее статей. Так, по сообщению Минфина РФ увеличение ФНБ в 2020 г. с 7,77 до 13,55 трлн руб. связано с приобретением акций Сбербанка (2,14 трлн руб.) и получением за них дивидендов (0,21 трлн руб.), начислением процентов по валютным счетам (0,08 трлн руб.), зачислением части нефтегазовых доходов 2019 г. (5,49 трлн руб.)[29]. В результате можно заключить, что высокие нефтегазовые доходы 2019 г., зачисленные в бюджет в 2020 г., позволили в 2020 г. покрыть дефицит бюджета и увеличить ФНБ РФ на 5,7 трлн руб. Все это позволяет сформулировать правило: высокие годовые суммы нефтегазовых доходов показывают, что в следующем году можно рассчитывать на существенное дополнительное пополнение госбюджета за счет нефтегазовых доходов текущего года.

Именно это правило позволяет понять, откуда взялись средства после дефицита госбюджета РФ и уменьшения ФНБ РФ в 2022 г. для покрытия дефицита госбюджета и увеличения ФНБ на 1,6 трлн руб. в 2023 г.

Для понимания возможности использования ФНБ РФ в 2024 г. важно изучить планы его расходования и степень его реальной ликвидности. Так, на начало 2024 г. в состав ФНБ РФ входит ликвидная часть (227 млрд юаней и 359 тонн золота) и неликвидная (депозиты в банках, инвестиции в акции (3,1 трлн руб. – пакет акций ПАО «Сбербанк» и 1,5 трлн руб. – акции других публичных компаний), облигации (1,2 трлн руб.) и инвестпроекты)[30]. Акции ПАО «Сбербанк» и ОФЗ являются высоколиквидными, поэтому их «неликвидность» во многом обусловлена нежеланием снижать их стоимость из-за срочной продажи, а не реальной неликвидностью части ФНБ РФ. По данным Счетной палаты РФ, в 2024 г. средства ФНБ РФ могут быть направлены на покрытие дефицита госбюджета, а часть ликвидных средств ФНБ (3,2 трлн руб.) рассматривается как резерв для новых инфраструктурных проектов и иных антисанкционных инвестиций, а в 2025–2026 гг. за счет ФНБ не планируют покрывать дефицит госбюджета[31]. В этой связи можно заключить, что в 2024 г. из 12 трлн руб. ФНБ 9,3 трлн руб. являются высоколиквидными, но из них 3,2 трлн руб. уже забронированы на инвестпроекты, поэтому в свободном доступе находится 6,1 трлн руб.

При анализе доходов и расходов госбюджета РФ обнаружено, что в период с 2017 по 2023 г. они увеличились почти в два раза. При этом рост ненефтегазовых доходов существенно и стабильно превышает рост нефтегазовых доходов. Это свидетельствует о постепенном переходе России от сырьевой экономики к индустриальной. Негативным фактом является падение нефтегазовых доходов в 2020 и 2023 гг. В то же время абсолютные величины нефтегазовых доходов за 2023 г. несущественно отличаются от досанкционных нефтегазовых доходов в 2021 г. В результате можно заключить, что в 2023 г. нефтегазовые доходы были весьма высоки, а низкими они выглядят лишь на фоне рекордных нефтегазовых доходов 2022 г., когда многие страны закупались впрок до вступления в силу запрета покупать российскую нефть.

Вполне вероятно, что в 2024 г. нефтегазовые доходы достигнут уровня 9–10 трлн руб., так как в 2023 г. уже выстроены новые схемы продажи нефти (через Индию в США, Японию, Италию, Францию (Devasmita et al., 2024), Германию[32] и др.) по высокой цене. В этой связи проект доходов бюджета на 2024 г., в котором

[28] Ежегодный отчет Правительства в Государственной Думе. (2023, 23 марта). Правительство России. http://government.ru/news/48055/

[29] Зубков, И. (2021, 1 марта). Доходы бюджета от ФНБ выросли в 3,6 раза в 2020 году. Российская газета. https://rg.ru/2021/03/01/dohody-biudzheta-ot-fnb-vyrosli-v-36-raza-v-2020-godu.html?ysclid=lunq2ybruo250749673

[30] Полевой, Д. (2024, 19 января). ФНБ теряет «ликвидность». Насколько все серьезно? Финам. https://www.finam.ru/publications/item/fnb-teryaet-likvidnost-naskolko-vse-serezno-20240119-1707/?ysclid=lukwkmy4hn714601394

[31] Бойко, А. (2023, 18 октября) Эксперты оценили риски для главной российской кубышки. Ведомости. https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/10/18/1001143-eksperti-otsenili-riski-dlya-glavnoi-rossiiskoi-kubishki?ysclid=lul4fv2xqy421317707

[32] Савельева, Е. (2023, 21 сентября). «Откуда она взялась»: Европа тайком скупила российскую санкционку. Германия увеличила объем закупок российской нефти через Индию в 12 раз. РИА Новости. https://ria.ru/20230921/neft-1897633942.html?ysclid=lmu7siaytx266305657

нефтегазовые доходы достигнут 11,6 трлн руб.[33], представляется слишком оптимистичным. Так, подобная ситуация может возникнуть при самом благоприятном развитии ситуации, но, скорее всего, этого не произойдет.

В то же время увеличение ненефтегазовых доходов в 2024 г. до 23,4 трлн руб. представляется реальным. Более того, не исключено, что эти доходы увеличатся до 24,4 трлн руб., так как многие антисанкционные меры 2022–2023 гг. будут продлены на 2024 г.[34], а в период с 2022 по 2023 г. увеличение этих доходов произошло на 4,1 трлн руб. (с 16,2 до 20,3 трлн руб.). При этом не будут продлены антисанкционные меры, показавшие себя неэффективными[35], и будут введены новые весьма перспективные для экономического развития меры[36].

В связи с тем, что процент кассового исполнения госбюджета в 2021–2023 гг. составляет 97,5–98,2 %[37], можно ожидать, что расходы, запланированные на 2024 г. (36,6 трлн руб.[38]), будут осуществлены в полном объеме. При возникновении дефицита госбюджета Правительство РФ планирует покрыть его из ФНБ.

Если оценивать ликвидную часть ФНБ РФ, то при сохранении темпов его расходования в период с конца 2022 по конец 2023 г.[39] ее хватит на 4,5 года (5/(6,1–5)) или 8,5 года, если в ликвидную часть ФНБ включить акции ПАО «Сбербанк» и ОФЗ (9,3/(6,1–5)). Все это подтверждает вывод о возможности перехода со среднесрочной на долгосрочную антисанкционную политику.

Данные о расходовании средств на антисанкционный план по итогам 2023 г. М. В. Мишустным не раскрыты[40], но в ежегодном отчете Председателя Правительства РФ в Госдуме РФ по итогам 2022 г. есть роспись расходов на эти цели (табл. 2), на которую можно ориентироваться и в 2023–2024 гг., так как многие антисанкционные меры были продлены с 2022 г. на 2023–2024 гг.

Анализ табл. 2 позволяет заключить, что средства, выделенные на реализацию антисанкционного плана, в 2022 г. значительно превзошли расходы, заложенные в любом предыдущем антикризисном плане РФ: 2008–2009 гг. (2,1–2,5 трлн руб.), 2015–2016 гг. (3 трлн руб.), 2017 г. (0,1 трлн руб.), 2020–2021 гг. (7 трлн руб.) (Манушин, 2015; Манушин, 2023).

В антисанкционном плане существенная часть средств направлена на реструктуризацию займов, т. е. на поддержку уже реализующихся проектов, которые после введения в 2022 г. антироссийских санкций стали нуждаться в пересмотре условий кредитования. Иначе говоря, прямые затраты на возмещение ущерба от антироссийских санкций в 2022 г. составили не менее 6 трлн руб.

При сравнении затрат на прямую господдержку и программы льготного кредитования вместе с поручительствами можно заключить, что затраты на косвенную господдержку в 3,33 раза превосходят затраты на прямую господдержку. Это позитивно характеризует качество госуправления, так как вложения в меры косвенной господдержки обычно существенно превосходят по эффективности любые схемы прямой господдержки.

---

[33] Баласян, Л. (2023, 22 сентября). Ненефтегазовые доходы бюджета в 2024 году должны вдвое превысить нефтегазовые. Коммерсантъ. https://www.kommersant.ru/doc/6235922?ysclid=lus1eqdrr3235916145

[34] Правительство России одобрило продление антисанкционных мер поддержки бизнеса на следующий год. (2023, 3 ноября). Министерство экономического развития Российской Федерации. https://www.economy.gov.ru/material/news/pravitelstvo_rossii_odobrilo_prodlenie_antisankcionnyh_mer_podderzhki_biznesa_na_sleduyushchiy_god.html?ysclid=lts5vz1jo4776963365

[35] Информационное письмо от 29 декабря 2023 г. № 24-01-10/128563 «Об осуществлении закупок товаров, работ, услуг у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя). https://gku.gov74.ru/files/upload/gku/Pismo_Minfina_Rossii_ot_29_12_2023_-24_01_10_128563.pdf

[36] С 2024 года вводится новый инвестиционный вычет. (2024, 12 января). 1С:ИТС. https://its.1c.ru/db/newscomm/content/487489/hdoc

[37] В РФ зафиксировано лучшее за 7 лет исполнение расходов бюджета. (2024, 11 марта). Финмаркет. https://www.finmarket.ru/main/article/6136206?ysclid=lus2ntkr98790221668

[38] Баласян, Л. (2023, 22 сентября). Ненефтегазовые доходы бюджета в 2024 году должны вдвое превысить нефтегазовые. Коммерсантъ. https://www.kommersant.ru/doc/6235922?ysclid=lus1eqdrr3235916145

[39] Внезапные расходы ФНБ в начале 2022 г. решено исключить из расчета темпов роста, так как подобные неожиданности, скорее всего, не произойдут и плановая борьба с санкциями либо приведет к уменьшению ликвидной части ФНБ в соответствии с темпом ее уменьшения с конца 2022 по конец 2023 г., либо после успешного завершения СВО сократятся расходы на оборону и ликвидная часть ФНБ увеличится.

[40] Ежегодный отчет Правительства в Государственной Думе. (2024, 3 апреля). Правительство России. http://government.ru/news/51246/

Таблица 2

Формы и направления финансирования антисанкционного плана РФ в 2022 г.

Table 2. Forms and directions of the Russian anti-sanction plan funding in 2022

№	Формы и направления финансирования / Forms and directions of funding	Сумма, трлн руб. / Sum. Trillion rubles
1	Прямая поддержка за счет бюджета и ФНБ / Direct support from the budget and NWF	1,5
2	Программы льготного кредитования компаний, в том числе / Favorable credit facilities for companies, including:	4
	2.1. Системообразующим компаниям в промышленности, АПК, на транспорте, в энергетике, в сфере информационных технологий / Systemic companies in industry, agro-industrial complex, transportation, energy sector, and information technologies	1,5
	2.2. Небольшим организациям / small businesses	1,25
	2.3. Другим / Others	1,25
3	Поручительства ВЭБ РФ / Guarantees of the Russian Bank for Development and Foreign Economic Affairs	1
4	Реструктуризация займов по плавающим ставкам и программам ЦБ РФ / Loan restructuring at floating rates and CB RF programs	6
	Итого / Total:	12,5

Источник: Ежегодный отчет Правительства в Государственной Думе. (2023, 23 марта). Правительство России. http://government.ru/news/48055/

Source: Annual report of the Government in the State Duma. (2023, March 23). Government of the Russian Federation. http://government.ru/news/48055/

Льготные кредиты традиционно направлены в основном на поддержку системообразующих компаний и небольших организаций. При изучении условий льготных кредитов обнаружено, что среди них преобладают краткосрочные (1 год) и среднесрочные кредиты (3 года), а в долгосрочных кредитах (до 10 лет) льготная ставка обычно действует от 3 до 5 лет (ставка кредита для микро- и малых фирм – 4 %, для средних – 2,5 %)[41, 42]. Сравнение этих ставок со ставками Европейского ЦБ (от 4 до 4,75 %[43]) и ФРС США (5,25–5,5 %[44]) указывает на высокую выгодность этих ставок для российского бизнеса. Также эти условия подтверждают вывод о среднесрочном характере реализуемых антисанкционных мер.

Однако льготное кредитование уступает по эффективности субсидированию стоимости приобретаемых объектов. Так, министр сельского хозяйства и продовольствия Татарстана М. Ахметов еще в 2012 г. указал на то, что Россия может обновить в два раза больше техники, если будет использовать схемы господдержки, применяемые в Татарстане[45].

Кредитование с низкими процентными ставками будет осуществляться в рамках исламского банкинга. Этот проект начался с 01.09.2023 в четырех пилотных регионах (Татарстан, Башкирия, Чечня и Дагестан)

[41] Артемов, А. (2023, 16 мая). Льготные кредиты для малого и среднего бизнеса: как получить и на какие цели. КонтурЭльба. https://e-kontur.ru/enquiry/1972/lgotnye-kredity-dlya-malogo-i-srednego-biznesa-kak-poluchit-i-na-kakie-celi?ysclid=lmir1o116v89991190

[42] Правительство выделило более 3 млрд рублей на обслуживание кредитов для системообразующих предприятий промышленности и торговли. (2023, 3 июля). Правительство России. http://government.ru/docs/48917/

[43] Мазина, М. (2024, 7 марта). ЕЦБ сохранил ставку на рекордно высоком уровне четвертый раз подряд. РБК. https://quote.rbc.ru/news/article/65e96b429a794772f09c9184?ysclid=lv3g5lbe7e386618690&from=copy

[44] Ануфриева, М., Саитова, В. (2024, 31 января). ФРС оставила ставку без изменений. Почему не стоит ждать снижения в марте. РБК. https://quote.rbc.ru/news/article/65ba0ddd9a79475c18c14c1f?ysclid=lv3gl1exhh894534409&from=copy

[45] Фадеева, Е., Казанцев, В. (2012, 16 мая). Марат Ахметов: в условиях ВТО неэффективны до 50 процентов сельхозпроизводителей Татарстана. Деловая электронная газета Татарстана БИЗНЕС.ONLINE. https://www.business-gazeta.ru/article/59568?ysclid=lo5iomv7zv738399746

и продлится два года[46]. В Татарстане в 2023 г. было заключено 150 сделок, а за три месяца 2024 г. – свыше 300 сделок на сумму более 1 млрд руб.[47] По итогам пилотных проектов будет принято решение о его дальнейшем развитии. Кроме того, весьма перспективно развитие экосистемного банкинга (Андрюшин, Григорьев, 2021).

При изучении состава антикризисных мер в 2022–2024 гг. (в том числе на основе первоначального антикризисного плана[48]) можно заключить, что число мер организационного характера в нем преобладает над числом мер, финансируемых из госбюджета. Это позитивно характеризует пакет антисанкционных мер 2022–2024 гг., так как, во-первых, все финансовые меры должны быть дополнены множеством организационных мер, чтобы финансовые вложения достигли поставленных целей. Во-вторых, подход о приоритете мер неэкономического характера (Манушин, 2020) частично подходит и для антисанкционного плана РФ. В то же время, несмотря на успешность реализации антисанкционного плана, многие из проблем, мешающих развиваться российской экономике, все еще не решены. В этой связи важно изучить их и предложить варианты решения.

Оценка основных проблем, мешающих бизнесу развиваться после реализации антисанкционного плана Правительства Российской Федерации, и некоторые варианты их решения

Для оценки этих проблем изучены итоги опроса «Мониторинг состояния бизнеса в России» (ноябрь 2023 г.), в котором приняли участие руководители и владельцы 5 751 компании (табл. 3).

При анализе табл. 3 можно выделить три группы проблем, связанных с неуверенностью российских руководителей предприятий: неопределенность на рынке (п. 2), недостаточная информированность о текущей и будущей экономической политике России (п. 5), незащищенность собственности (п. 10). Важность этих проблем подтверждают исследования других ученых и экспертов. Так, Ю. В. Симачев и другие исследователи отмечают, что около трети опрошенных компаний не предпринимали никаких действий ни во время пандемии, ни после активизации санкционного давления (обычно они являются пассивными и отсталыми в экспортной, технологической и инновационной сфере, но из-за их низкой на общем фоне зависимости от экспорта и импорта они смогли не обанкротиться). В то же время организациям, воспользовавшимся господдержкой в 2020–2021 гг., было свойственно активное участие в борьбе с кризисом 2022–2023 гг. (Симачев и др., 2023). Д. Б. Кувалин и др. указывают на то, что с апреля 2022 по апрель 2023 г. треть предприятий пересмотрела отношение к сокращению инвестиционных затрат и чуть менее половины фирм к прекращению выпуска части своей продукции. В то же время многие из них имеют возможности инвестировать, но затрудняются принять решение, возможно, ожидая более благоприятных условий[49] (Кувалин и др., 2024). ЦБ РФ сообщает, что инвестировать в новые производственные мощности в 2023 г. планировали 56 % организаций, из них у 33 % мощности были полностью загружены, а остальные 23 % могли увеличить объемы производства. При этом 20 % компаний с максимальной загрузкой не собирались инвестировать в наращивание производственного оборудования[50]. В этой связи можно сделать вывод о важности психологической готовности руководителей компаний к развитию подчиненных им предприятий.

[46] Принят закон об исламском банкинге. (2023, 19 июля). Государственная Дума РФ. http://duma.gov.ru/news/57560/

[47] Каримов, А. (2024, 29 марта). В 2024 году через исламский банкинг заключили сделок более чем на 1 млрд рублей. ТАТАР-информ. https://www.tatar-inform.ru/news/v-2024-godu-cerez-islamskii-banking-zaklyucili-sdelok-bolee-cem-na-1-mlrd-rublei-5941253

[48] План первоочередных действий по обеспечению развития экономики в условиях внешнего санкционного давления (одобрен 15 марта 2022 г.).

[49] На это указывает ряд ответов (апрель – май 2023): «Осуществляет ли компания в настоящее время производственные инвестпроекты»: да (51,2 %), нет (48,8 %); «Начнет ли предприятие осуществлять производственные инвестпроекты в ближайшие 1–2 года»: да (40 %), нет (13,6 %) и «Трудно сказать» (46,4 %).

[50] Инвестиционная активность в промышленности в 2023 г.: результаты опроса предприятий. Аналитическая записка. (2024, январь). Банк России. https://cbr.ru/Content/Document/File/158056/analytic_note_20240109_dip.pdf

Таблица 3

Проблемы, в 2023 г. мешающие бизнесу развиваться в среднесрочной перспективе, % (можно было выбрать не более трех вариантов ответов)

Table 3. Problems in 2023 hindering business development middle-term, % (not more than three problems could be chosen)

№	Наименование проблемы / Problem	Доля компаний, % / Share of companies, %
1	Дефицит кадров / Personnel deficit	45,3
2	Неопределенность экономической ситуации / Uncertainty of the economic situation	32,8
3	Дорогие заемные средства / Expensive loans	31,5
4	Недостаточный внутренний спрос / Insufficient inner demand	27,5
5	Непредсказуемость экономической политики государства / Unpredictability of the state's economic policy	19,6
6	Высокие страховые взносы / High insurance fees	17,6
7	Избыточные административные процедуры и давление / Excessive administrative procedures and pressure	14,6
8	Недостаточная квалификация имеющихся кадров / Insufficient qualification of the personnel available	14,5
9	Проблемы с закупками необходимого оборудования и технологий / Problems with purchasing the necessary equipment and technologies	9,4
10	Незащищенность собственности / Unprotected ownership	7,6
11	Отсутствие гарантий государства при запуске новых проектов / Lack of state guarantees when launching new projects	7,5
12	Другое / Other	3,7
13	Отсутствие бесшовного перехода при превышении порога УСН в 251 млн руб. / Lack of seamless transition when exceeding a simplified tax system threshold of 251 mln rubles	3,5
14	Сложный выход на фондовый рынок (выпуск акций, облигаций) / Complicated entry into stock market (issuing shares, bonds)	1,6

Источник: результаты опроса «Мониторинг состояния бизнеса в России». (2023, ноябрь). Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. https://ombudsmanbiznes40.ru/storage/filemanager/test_examples/vypusk-monitoring-sostoyaniya-biznesa-v-rossii.pdf

Source: results of a poll "Monitoring of business condition in Russia". (November 2023). Business ombudsman under the Russian President. https://ombudsmanbiznes40.ru/storage/filemanager/test_examples/vypusk-monitoring-sostoyaniya-biznesa-v-rossii.pdf

Для решения этих проблем важно, во-первых, предоставлять широкой общественности прогнозы развития отдельных отраслей российской экономики (сейчас есть прогнозы развития российской экономики в целом, но отраслевые прогнозы либо отсутствуют, либо платные, либо бесплатные, но поверхностные). Во-вторых, донести до широкой общественности суть экономической политики РФ по отраслям в краткосрочном и среднесрочном прогнозных периодах. В-третьих, конкретизировать ситуации, когда частная собственность может быть национализирована, и дать гарантии ненарушения установленных правил. Так, справедливо, что в настоящее время изымается собственность у владельцев, выводящих деньги из России и финансирующих ими антироссийские действия, в том числе террористического и экстремистского характера. В то же время можно приписать финансирование терроризма любому экспортеру, работающему с недружественными государствами[51], что вызывает опасения у собственников и неготовность вкладываться в развитие предприятия, которое могут отобрать. Президент РФ уже указал на то, что изъятие бизнеса возможно, только когда действия или бездействие собственников наносят прямой ущерб безопасности России или ее национальным интересам. Кроме того, нельзя винить владельца компании, если ошибочная приватизация произошла из-за неверных действий власти, особенно если собственник успешно работает, решает социальные вопросы и по-

[51] Например, экспортер, работая с компанией из недружественной страны, позволил получить прибыль этой компании, которая передала ее в качестве пожертвований Украине или просто заплатила налоги в бюджет недружественной страны, из которого была профинансирована поддержка Украины.

могает обеспечивать национальную безопасность[52]. Представляется, что это ограничит неуместные претензии к собственникам предприятий, приватизированных в 1990-е гг. В то же время важно законодательно закрепить его слова, в том числе конкретизировав суть успешности работы (налоговые отчисления, инвестиции в свой бизнес и т. п.), социальные вопросы (размер социального пакета на предприятиях, соцпроектов и др.), обеспечение нацбезопасности (отказ от выведения средств за рубеж или указание приемлемой доли прибыли, которую можно выводить в другие страны).

Проблема дефицита кадров (п. 1) подтверждена многими исследованиями[53]. Она во многом связана либо с недостатком квалифицированных кадров, либо с недостаточно высокой оплатой необходимых неквалифицированных или низкоквалифицированных кадров (п. 8). В настоящее время проблема решается путем переучивания частично подходящих специалистов и повышения зарплат необходимым профессионалам. Тогда как важно выстроить среднесрочные и долгосрочные формы поддержки низкоквалифицированных кадров. Например, возможность взять ипотеку под низкий процент предложена только программистам, хотя есть и другие отрасли с сильным дефицитом кадров (например, инженеры, конструкторы, врачи, ученые, строители, водители, продавцы[54]). В ряде случаев нужна система подготовки с нуля, а не переобучение[55].

В связи с сильной политизированностью экономической политики России перед ЦБ РФ, скорее всего, поставлена задача в 2024 г. существенно превысить темп роста ВВП в 2023 г. (3,6 % (Манушин, 2024)). В первом квартале 2024 г. темп роста ВВП РФ составил 5,4 %[56], т. е. превышение незначительное. Это означает, что требуется стимулировать развитие экономики. Для этого ЦБ РФ снизит ключевую ставку во втором полугодии 2024 г.[57], что решит проблему дорогих кредитов и активизирует деятельность российских компаний.

Проблема недостаточного внутреннего спроса частично решается путем предоставления населению денег с помощью социальных выплат. В то же время многие предприятия продают свои товары не населению, а организациям. Для поддержки таких предприятий предлагается повысить пошлины на зарубежные товары или услуги, имеющие российские аналоги. Кроме того, одним из факторов, влияющих на неудовлетворенный спрос, является производство недостаточно качественной отечественной продукции. Для решения этой проблемы важно инвестировать в российское станкостроение, так как к 2024 г. пока не удовлетворен спрос на российские станки. В то же время М. В. Мишустин отметил, что в 2023 г. производство станков увеличилось на 60 %. В последующие шесть лет только из бюджета будет выделено около 300 млрд руб., что приведет к созданию свыше 500 новых видов отечественных станков[58]. В результате тенденции в области удовлетворения внутреннего спроса весьма позитивные. Так, ЦБ РФ сообщает, что к концу 2022 г. число предприятий, использующих российское сырье, материалы и комплектующие, увеличилось примерно в два раза[59].

К настоящему моменту страховые взносы снижены с 30 до 15 % с выплат свыше МРОТ (льгота введена в 2020 г.) для малого и среднего бизнеса (при соблюдении ряда условий, в том числе по выручке и численности персонала); до 7,6 % для IT-компаний (льгота введена в 2021 г.), благотворительных и некоммерческих организаций (кроме государственных), резидентов особых территорий и др. (льготы введены в 2023 г.);

---

[52] Григоренко, Д. (2024, 25 апреля). Путин назвал неуместными претензии к собственникам приватизированных предприятий. Взгляд. https://vz.ru/news/2024/4/25/1265167.html?ysclid=lvg3yy9gjt860546695

[53] Ответы на вопрос (апрель – май 2023) «Как предприятие в настоящее время обеспечено трудовыми ресурсами?»: есть избыток трудовых ресурсов (1,6 %), оптимально обеспечено персоналом (24,6 %), по одним категориям есть избыток, по другим – недостаток кадров (23,8 %), нехватка сотрудников (50 %) (Кувалин и др., 2024).

[54] Алексеев, Д. (2024, 7 января). Диктат работника: кому удастся сделать карьеру в 2024 году. Известия. https://iz.ru/1626573/dmitrii-alekseev/diktat-rabotnika-komu-udastsia-sdelat-kareru-v-2024-godu

[55] Например, будущего водителя принимать без прав, обучать на категории «В» и «Д», давать возможность поездить на простых пригородных маршрутах и только потом переводить на внутригородские маршруты.

[56] ВВП России за 1-й квартал 2024 года вырос на 5,4 %. (2024, 27 апреля). Финам. https://www.finam.ru/publications/item/vvp-rossii-za-1-kvartal-2024-goda-vyros-na-54-20240427-1911/?ysclid=lvt5u19vyp350441710

[57] ЦБ: снижения ключевой ставки можно ждать во второй половине 2024 года. (2024, 22 марта). Ведомости. https://www.vedomosti.ru/economics/news/2024/03/22/1027365-snizhenie-klyuchevoi-stavki

[58] Ежегодный отчет Правительства в Государственной Думе. (2024, 3 апреля). Правительство России. http://government.ru/news/51246/

[59] Российская обрабатывающая промышленность в условиях санкций: результаты опроса предприятий. Аналитическая записка. (2023, сентябрь). Банк России. https://cbr.ru/Content/Document/File/154320/analytic_note_20230926_dip.pdf

0 % (льгота введена в 2023 г.) – для членов экипажей судов. В этой связи представляется важным снизить страховые взносы до 10 % для медперсонала, сотрудников конструкторских бюро и научно-исследовательских институтов.

Проблемы административного давления успешно решаются путем цифровизации госуправления. В то же время сейчас основной акцент делается на цифровизации госуслуг для населения[60]. В этой связи предлагается в 2024–2026 гг. основное внимание уделить цифровизации госуслуг для промышленных предприятий.

Для решения проблем закупок подсанкционного оборудования и технологий у нелояльных поставщиков государство отработало схемы их приобретения через посреднические фирмы. В этой связи предлагается дать возможность компаниям делать такие заказы через государство, чтобы российские организации не тратили время и деньги на самостоятельный поиск маршрутов обхода санкций. В связи с тем, что многие фирмы отказываются от поиска альтернативных поставщиков из-за неготовности заниматься этим вопросом, данная услуга будет востребована уже сейчас, а при дальнейшем ужесточении санкций потребность в этой мере лишь возрастет.

Основным направлением ужесточения санкций станет попытка блокировки российских финансовых потоков. Так, в конце декабря 2023 г. часть крупнейших банков Китая и Турции перестали принимать платежи от российских подсанкционных организаций[61]. С конца марта 2024 г. все китайские банки стали блокировать оплату любыми российскими компаниями комплектов или компонентов для сборки электроники. В апреле 2024 г. проблемы с финансовой логистикой при работе с китайскими банками (в основном в форме задержки платежей) стали наблюдаться при оплате почти всех товаров и услуг из России[62]. Все это указывает на неготовность китайских партнеров продолжать демонстративно игнорировать санкции США и их союзников. В настоящее время проблема решается путем увеличения цепочек платежей через банки других стран[63], но это временное решение, так как США смогут отследить и заблокировать возможность подобной оплаты. Эти факты подтверждают важность массового перевода российских импортеров и экспортеров на работу через посреднические фирмы. В связи с тем, что на таких посредников будут накладываться санкции, важно выстроить систему своевременной их замены.

В настоящее время государственные гарантии предоставляются для многих инвестпроектов[64], но полная стоимость проекта должна быть не менее 5 млрд руб. В этой связи предлагается снизить ее до 1 млрд руб.

В 2024 г. планируется внедрить плавное повышение налоговых ставок при переходе от упрощенной системы налогообложения к общей и дать амнистию предприятиям, дробившим бизнес, чтобы уйти от резкого повышения налогов[65].

Ю. В. Симачев с соавторами отмечают, что санкции в августе – ноябре 2022 г. дали позитивный и негативный эффекты. Так, негативные последствия санкций чаще отмечались в фармацевтике, металлургии, автомобилестроении, химической промышленности, производстве электротехники и резиновых и пластмассовых изделий (70–80 % предприятий). Новые возможности получили предприятия химической промышленности, транспортного машиностроения, производители машин и оборудования, электротехники (Симачев и др., 2023).

В этой связи можно заключить, что антисанкционная политика предприятий разных отраслей тесно связана с их возможностями противостоять санкциям (рис. 1).

---

[60] Узбекова, А. (2023, 24 октября). Степень цифровизации госуслуг в России стремительно растет. Российская газета. https://rg.ru/2023/10/24/lgota-pridet-avtomatom.html?ysclid=lv1y7ywb1m668018316

[61] Колобова, М., Гаджиева, М. (2024, 21 февраля). Комиссия без перевода: три крупнейших банка КНР перестали принимать платежи из РФ. Известия. https://iz.ru/1653256/mariia-kolobova-milana-gadzhieva/komissiia-bez-perevoda-tri-krupneishikh-banka-knr-perestali-prinimat-platezhi-iz-rf

[62] Корнев, Т., Скорлыгина, Н. (2024, 12 апреля). Электроника зацепилась за проводки. Китайские банки начали блокировать оплату компонентов. Коммерсантъ. https://www.kommersant.ru/doc/6636979?ysclid=lw4hoj45at326115990

[63] Загорский, А. (2024, 10 мая). Китай ослабил экспорт. Как санкционное давление США на КНР скажется на российском бизнесе. Коммерсантъ. https://www.kommersant.ru/doc/6689912

[64] Гарантии на реализацию инвестиционных проектов. Государственная информационная система промышленности. https://gisp.gov.ru/nmp/measure/9161810/requirement

[65] Ткачев, И., Деготькова, И., Виноградова, Е. (2024, 29 февраля). Как может работать налоговая амнистия по дроблению бизнеса. РБК. https://www.rbc.ru/economics/29/02/2024/65e0714b9a7947b50db356c6?ysclid=lv22cz20s0705962043

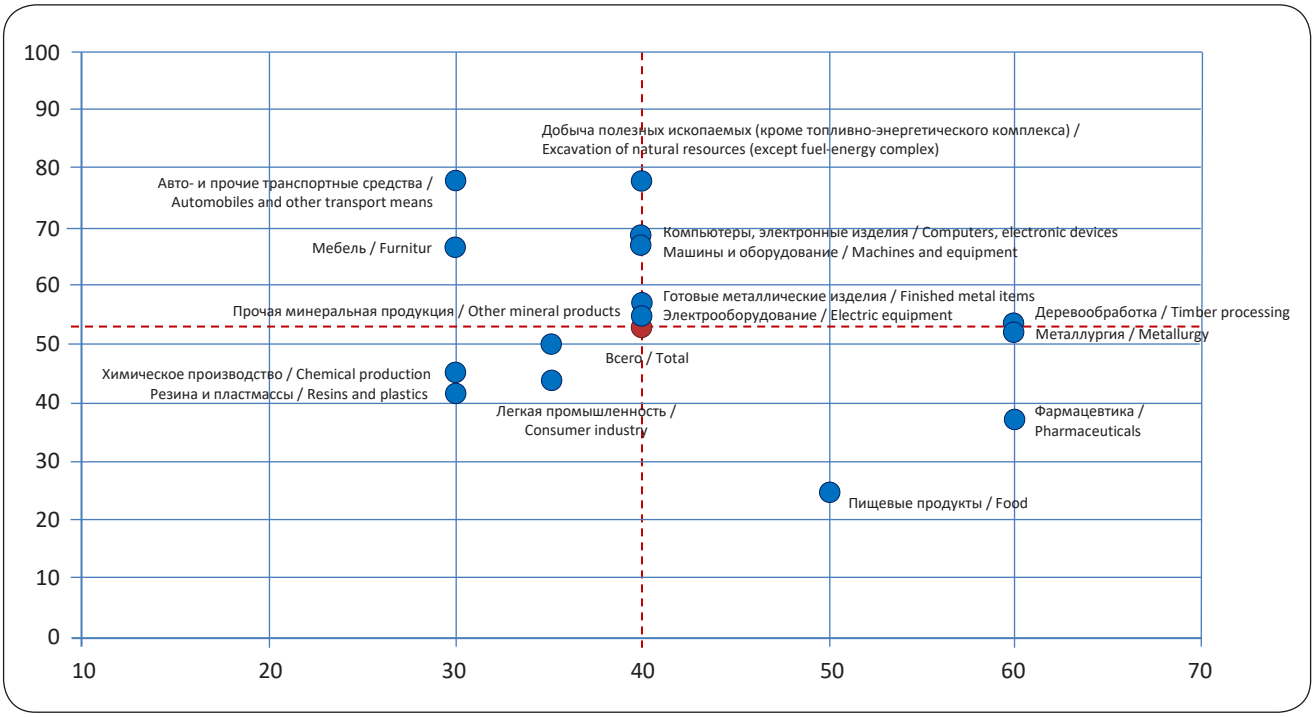


Рис. 1. Доля загрузки производственных мощностей предприятий (ордината) и медиана доли современных машин и оборудования (абсцисса) в 2023 г., %

Источник: Инвестиционная активность в промышленности в 2023 году: результаты опроса предприятий. Аналитическая записка. (2024, январь). Банк России. https://cbr.ru/Content/Document/File/158056/analytic_note_20240109_dip.pdf

Fig. 1. Share of production capacities utilization by enterprises (ordinate) and median share of modern machinery and equipment (abscissa) in 2023, %

Source: Investment activity in industry in 2023: results of polling enterprises. Analytical note. (2024, January). Bank of Russia. https://cbr.ru/Content/Document/File/158056/analytic_note_20240109_dip.pdf

Так, многие фармацевтические предприятия работают на современном оборудовании и недозагружены, т. е. их основная проблема – не отсутствие станков, а недостаток сырья и технологий производства части лекарств. В этой связи первоочередными антисанкционными мерами для них являются активизация клинических исследований лекарств и производство собственных фармсубстанций. В то же время производители транспорта и мебели нуждаются в стимулировании инвестиций в оборудование. Отрасли химического производства, резины и пластмасс, металлургии, деревообработки и частично пищевых продуктов в первую очередь нуждаются в формировании рынков сбыта. Важно учитывать, что, по данным ЦБ РФ, 53 % российских предприятий в 2023 г. работало с максимальной загрузкой производственных мощностей[66], т. е. число предприятий из отраслей, указанных в верхней части рис. 1, превышает численность компаний из нижней части рис. 1.

Для оценки верности выбора направлений господдержки важно изучить величины экспорта и импорта и долю импорта в разных отраслях (табл. 4–6).

При анализе табл. 4 можно заключить, что положительное сальдо торгового баланса в 2019–2023 гг. является одним из ключевых факторов, свидетельствующих о хорошем управлении экспортом и импортом в России.

При сравнении темпа падения всего импорта в РФ с января – декабря 2021 г. по январь – декабрь 2022 г. (87,0) и темпа его роста с января – декабря 2022 г. по январь – декабрь 2023 г. (111,7) можно заключить, что падение импорта 2022 г. было почти полностью отыграно в 2023 г. Это свидетельствует об успешном завершении обхода многих антироссийских санкций и превращении почти всех санкций, блокирующих импорт, в демонстративные.

[66] Инвестиционная активность в промышленности в 2023 году: результаты опроса предприятий. Аналитическая записка. (2024, январь). Банк России. https://cbr.ru/Content/Document/File/158056/analytic_note_20240109_dip.pdf

Таблица 4

Экспорт, импорт и сальдо торгового баланса России в 2019–2023 гг., млрд долл. США
Table 4. Export, import and balance of trade in Russia in 2019–2023, bln US$

Наименование / Title	Год / Year				
	2019	2020	2021	2022	2023
Экспорт / Export	422,7	336,3	491,5	592,5	425,1
Импорт / Import	243,7	231,4	293,4	255,3	285,1
Сальдо / Balance	179,0	104,9	198,1	337,2	140,0

Источники / Source: [67, 68, 69, 70].

Анализ российского экспорта также подтверждает демонстративность подавляющего большинства санкций, наложенных на него, так как в 2023 г. его величина (425,1 млрд долл. США) находится в диапазоне между значениями 2019 г. (422,7 млрд долл. США) и 2021 г. (491,5 млрд долл. США), когда явных кризисов не было или они были неочевидны (данные за 2020 и 2022 гг. не учитывались из-за кризисов, вызванных пандемией (падение спроса из-за приостановки многих производств) и второй волной антироссийских санкций (рост спроса из-за стремления западных компаний закупиться впрок до момента вступления в силу антироссийских санкций)).

При анализе данных из табл. 5 зафиксирован заметный рост абсолютных и относительных значений с 2022 по 2023 г. в области импорта машин, оборудования, транспорта, текстиля, текстильных изделий и обуви. Это свидетельствует о слабой развитости российского станкостроения и текстильной промышленности. Некоторое снижение импорта металлов и изделий из них в 2022–2023 гг. свидетельствует об успешном импортозамещении этих товаров. Увеличение стоимости импорта текстиля, текстильных изделий, обуви и продовольственных товаров, скорее всего, указывает на повышение цен на эти товары для россиян, возникших из-за обхода санкций США и их союзников. В части импорта машин и оборудования, помимо роста цен на них, очевидно, создание российскими компаниями в 2023 г. их резерва из-за опасения ужесточения антироссийских санкций в будущем.

Таблица 5

Структура импорта РФ в 2021–2023 гг. по группам товаров
Table 5. Structure of the RF import in 2021–2023 by groups of goods

Группы товаров / Groups of goods	Абс. величины, млрд долл. США / Absolute values, bln US$			Доля поставок от всего объема импорта, % / Share of deliveries in the total volume of imports, %		
	Год / Year					
	2021	2022	2023	2021	2022	2023
Машины, оборудование, транспортные средства, другие товары / Machines, equipment, transport means, other goods	144,6	117,5	145,8	49,3	46,0	51,1
Продукция химической промышленности, каучук / Chemical products, resin	53,7	57,1	55,7	18,3	22,4	19,5

[67] Внешняя торговля России в 2019 году. (2020, 13 февраля). Внешняя торговля России. https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/vneshnyaya-torgovlya-rossii-v-2019-godu/?ysclid=lvj3vcyep7243682566

[68] Внешняя торговля России в 2020 году. (2021, 13 февраля). Внешняя торговля России. https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/vneshnyaya-torgovlya-rossii-v-2020-godu/?ysclid=lvj3wr2uup33581725

[69] Внешняя торговля России в 2021 году. (2022, 12 февраля). Внешняя торговля России. https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/vneshnyaya-torgovlya-rossii-v-2021-godu/?ysclid=lvj3ww7jvr598620544

[70] Экспорт и импорт товаров Российской Федерации: итоги внешней торговли со всеми странами. (2023, декабрь). Федеральная таможенная служба РФ. https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries

Окончание табл. 5 / End of Table 5

Группы товаров / Groups of goods	Абс. величины, млрд долл. США / Absolute values, bln US$			Доля поставок от всего объема импорта, % / Share of deliveries in the total volume of imports, %		
	Год / Year					
	2021	2022	2023	2021	2022	2023
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного) / Food and agricultural raw materials (except textile)	33,9	35,8	35,1	11,6	14,0	12,3
Металлы и изделия из них / Metals and metal goods	21,5	19,1	19,2	7,3	7,5	6,7
Текстиль, текстильные изделия и обувь / Textile, textile goods and footwear	17,0	15,8	19,1	5,8	6,2	6,7
Минеральные продукты / Mineral products	5,6	5,3	5,6	1,9	2,1	1,9
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия / Timber and pulp-and-paper goods	4,2	3,9	3,4	1,4	1,5	1,2
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них / Leather, fur and items made from them	1,3	1,0	1,2	0,4	0,4	0,4
Прочие / Other	11,7	н/д	н/д	4,0	н/д	н/д
Итого / Total	293,4	255,3	285,1	100	100	100

Источник: Экспорт и импорт товаров Российской Федерации: итоги внешней торговли со всеми странами. (2023, декабрь). Федеральная таможенная служба РФ. https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries ; Внешняя торговля России в 2021 году. (2022, 12 февраля). Внешняя торговля России. https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/vneshnyaya-torgovlya-rossii-v-2021-godu/?ysclid=lvj3ww7jvr598620544

Source: Export and import of goods in the Russian Federation: results of foreign trade with all countries. (2023, December). Federal Customs Service of the Russian Federation. https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries; Foreign trade of Russia in 2021. (2022, February 12). Foreign trade of Russia. https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/vneshnyaya-torgovlya-rossii-v-2021-godu/?ysclid=lvj3ww7jvr598620544

В связи с тем, что Президент РФ поставил задачу снизить долю импорта к 2030 г. до 17 %[71], все отрасли из пп. 1–10 табл. 6 нуждаются в импортозамещении. Отраслям из пп. 7–10 для достижения этой цели хватит минимальной господдержки, но отраслям из пп. 1–6 необходима существенная помощь государства. Часть из этих отраслей заблаговременно отреагировала на поставленную задачу и в коррекции схемы господдержки, очевидно, не нуждается (табл. 7).

В результате сравнение данных из табл. 6 и 7 показало, что основными отраслями, нуждающимися в импортозамещении, но которые мало инвестируют в развитие своего производства, являются изготовление резиновых, пластмассовых и фармацевтических изделий. В то же время, возможно, подготовка к производству этих изделий уже ведется путем инвестиций в производство химических веществ и продуктов[72]. Успешность инвестирования подтверждает темп развития химического производства: до 2022 г. ежегодный рост на 5,5–7 %, в 2022 г. – падение на 3,8 %, а в 2023 г. – рост на 4,6 %[73, 74].

[71] Путин поставил задачу снизить долю импорта до 17 % ВВП. (2024, 29 февраля). Российская газета. https://rg.ru/2024/02/29/putin-postavil-zadachu-snizit-doliu-importa-do-17-vvp.html?ysclid=lus6nbku6j172763681

[72] Е. А. Буракова и А. С. Жиденко сообщают, что в 2022 г. в мировом химическом кластере 34,4 % занимало изготовление резиновых и пластмассовых изделий, а 22,2 % направлялось на здравоохранение, из них 47,5 % приходилось на производство фармпрепаратов (Буракова, Жиденко, 2024. С. 164).

[73] Неплюев, Н. (2024, 18 января). Николай Владимирович Неплюев об итогах 2023 года и перспективах химической промышленности РФ. Blogs. https://www.sostav.ru/blogs/248297/43354

[74] Подготовлен обзор химической промышленности за 2023 год. (2024, 11 апреля). РИА Рейтинг. https://riarating.ru/macroeconomics/20240411/630261414.html?ysclid=lvngj0h0dh97219520

Таблица 6

Доля импорта в промежуточном потреблении отраслей промышленности

Table 6. Share of imports in the intermediary consumption of industrial sectors

№	Наименование отрасли / Sector	Доля импорта, % / Import share, %
1	Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов / Production of automobiles, trailers and semitrailers	38,8
2	Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях / Production of medications and materials used for medical purposes	37,0
3	Производство компьютеров, электронных и оптических изделий / Production of computers, electronic and optical devices	35,6
4	Производство резиновых и пластмассовых изделий / Production of resin and plastic items	31,3
5	Производство текстильных изделий, одежды, кожи и изделий из кожи / Production of textile goods, clothes, leather and leather goods	30,5
6	Производство электрического оборудования / Production of electric equipment	24,5
7	Производство мебели, прочих готовых изделий / Production of furniture and other finished products	21,1
8	Деятельность полиграфическая и копирование носителей информации / Printing and copying information carriers	20,7
9	Производство прочих транспортных средств и оборудования / Production of other transport means and equipment	20,5
10	Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки / Production of machines and equipment not included into other groups	20,2
11	Производство химических веществ и химических продуктов / Production of chemical substances and products	17,6
12	Производство бумаги и бумажных изделий / Production of paper and paper items	17,4
13	Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования / Production of finished metal goods, except machines and equipment	15,4
14	Производство металлургическое / Metallurgic production	11,8
15	Производство пищевых продуктов, напитков, табачных изделий / Production of food, drinks, tobacco goods	11,7
16	Производство прочей неметаллической минеральной продукции / Production of other non-metal mineral products	10,3
17	Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения / Timber processing and production of wood items, except furniture, and production of items of straw and other weaving materials	9,2
18	Производство кокса и нефтепродуктов / Production of coke and oil products	2,2

Источник: Российская промышленность XXI века: суверенитет и развитие. Экспертно-аналитический доклад. (2022, май). Институт исследований и экспертизы ВЭБ РФ. http://www.inveb.ru/ru/articlesmenu/832-rossijskaya-promyshlennost-xxi-veka-suverenitet-i-razviti

Source: Russian industry of the 21st century: sovereignty and development. Expert-analytical report. (2022, May). Institute for Research and Expertise of the Russian Bank for Development and Foreign Economic Affairs. http://www.inveb.ru/ru/articlesmenu/832-rossijskaya-promyshlennost-xxi-veka-suverenitet-i-razviti

Таблица 7

Величина инвестиций крупного и среднего бизнеса в 2023 г. и темпы роста этих инвестиций в 2023 г. к 2022 г. по ряду отраслей российской экономики

Table 7. Amount of investments of large and middle business in 2023 and growth rates of the investments in 2023 to 2022 for some sectors of the Russian economy

№	Наименование отрасли / Sector	Инвестиции, млрд руб. / Investments, bln rubles	Темп роста инвестиций в 2023 г. к 2022 г., % / Growth rates of the investments in 2023 to 2022, %
1	Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования / Production of finished metal goods, except machines and equipment	226,1	+85,5
2	Производство компьютеров, электронных и оптических изделий / Production of computers, electronic and optical devices	170,1	+71,8
3	Производство электрического оборудования / Production of electric equipment	69,4	+67,8
4	Производство автотранспорта, прицепов и полуприцепов / Production of automobiles, trailers and semitrailers	113,8	+65,3
5	Информационные технологии / Information technologies	232,0	+56,3
6	Ж/д транспорт (междугородные и международные пассажирские перевозки) / Railroad transportation (intercity and international passenger transportation)	278,3	+54,5
7	Производство напитков / Production of drinks	49,6	+47,3
8	Производство и распределение газообразного топлива / Production and distribution of gas fuel	219,4	+46,3
9	Автомобильный грузовой транспорт и услуги по перевозкам / Automobile cargo transport and transportation services	200,6	+46,1
10	Водный транспорт / Water transportation	46,9	+45,8
11	Госуправление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение / Public administration and military safety provision; social provision	681,2	+37,0
12	Добыча металлических руд / Excavation of metal ores	н/д	+ 20-22
13	Производство химических веществ и химических продуктов / Production of chemical substances and products	н/д	+ 20-22
14	Финансовая и страховая деятельность / Financial and insurance activity	н/д	+ 20-22
15	Розничная торговля (кроме торговли автотранспортом и мотоциклами) / Retail trade (except automobiles and moto-cycles)	н/д	+ 20-22
16	Производство текстильных изделий / Production of textile goods	н/д	+19,0
17	Добыча нефти и газа / Excavation of oil and gas	> 300	+4,7
18	Производство одежды / Production of clothes	н/д	+3,0
19	Производство пищевых продуктов / Production of food	н/д	0
20	Сельское хозяйство / Agriculture	н/д	–7,0
21	Операции с недвижимостью / Operations with real estate	н/д	–8,0
22	Трубопроводный транспорт / Pipeline transportation	н/д	–11,0
23	Здравоохранение и социальные услуги / Healthcare and social services	н/д	–15,0
	Всего по России / Total in Russia	25 759,2	+9,4

Источник: Гальчева, А., Ткачев, И., Сухорукова, Е. (2024, 19 марта). Техники и электроника оторвались по вливаниям. Росстат назвал отрасли с наибольшим ростом инвестиций. РБК. https://www.rbc.ru/newspaper/2024/03/19/65f7fc949a7947798c0e4ad8?ysclid=lus9th2vrb368642123

Source: Galcheva, A., Tkachev, I., Sukhorukova, E. (2024, March 19). Technologies and electronics are ahead by investment. Rosstat named sectors with the largest growth of investments. RBK. https://www.rbc.ru/newspaper/2024/03/19/65f7fc949a7947798c0e4ad8?ysclid=lus9th2vrb368642123

Позитивным фактом является то, что государство профинансировало лишь 20,5 % (2022 г.) и 19,6 % (2023 г.) от всех инвестиций, крупного и среднего бизнеса из всех активизировавшихся отраслей российской экономики[75]. Это указывает на создание благоприятных условий в экономике, когда предприятия готовы сами активно вкладываться в свой бизнес (рис. 2). Подобный подход, направленный на изменение деловой среды, дает больший эффект и сохраняется на длительное время, чем прямое инвестирование.

К негативным фактам следует отнести, во-первых, минимальное участие банков в финансировании инвестиций. Так, из табл. 2 следует, что в 2022 г. Правительство РФ потратило на льготное кредитование 2,75 трлн руб. Учитывая, что эта мера господдержки была продлена на 2023 г., можно предположить, что затраты на нее остались примерно на том же уровне. В 2023 г. крупные и средние организации получили банковские кредиты на инвестиции в размере 2,2 трлн руб.[76], т. е. банки выполнили в основном функцию посредника по передаче денег государства предприятиям и неплохо на этом заработали (в 2023 г. банки получили рекордную чистую прибыль – 3,3 трлн руб.[77] (в 2021 г. она составляла 2,4 трлн руб., а в 2022 г. – 0,2 трлн руб.[78])). В то время как логика льготных кредитов предполагает, что государство компенсирует банкам недополученные проценты, возникшие из-за пониженных ставок, а банки предоставляют кредиты из собственных средств. В этой ситуации сумма банковских кредитов на реальное инвестирование должна быть в несколько раз выше средств, полученных от государства[79]. Возможно, проблема в том, что многие банки имеют аффилированные с ними

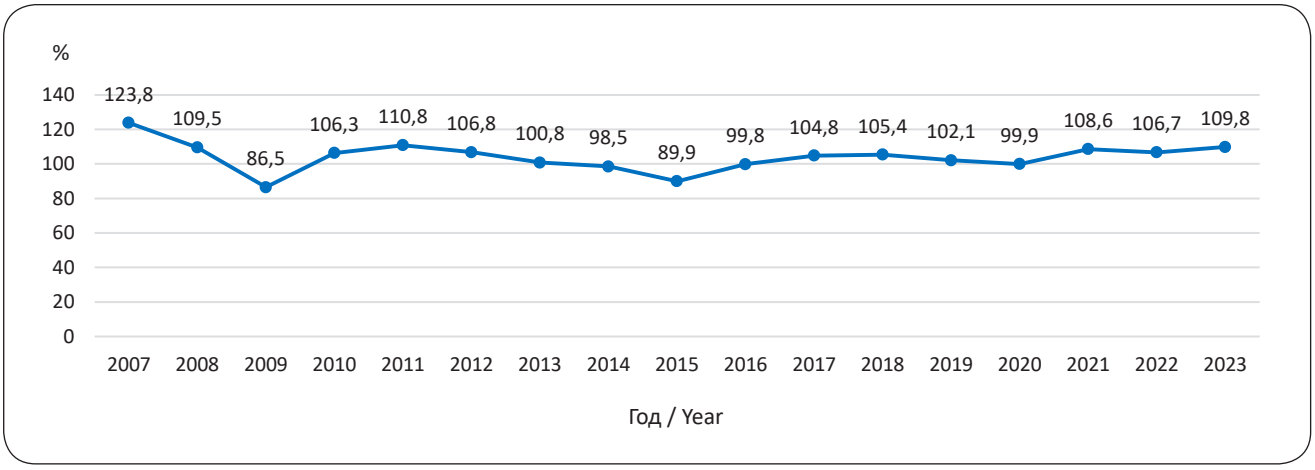


Рис. 2. Динамика инвестиций в основной капитал в Российской Федерации в 2007–2023 гг. в сопоставимых ценах, в % к предыдущему году

Источник: Инвестиции в нефинансовые активы. (2024). Росстат. https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial

Fig. 2. Dynamics of investments into capital assets in the Russian Federation in 2007–2023 in comparable prices, % to the previous year

Source: Investments into non-financial assets. (2024). Rosstat. https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial

[75] Гальчева, А., Ткачев, И., Сухорукова, Е. (2024, 19 марта). Техники и электроника оторвались по вливаниям. Росстат назвал отрасли с наибольшим ростом инвестиций. РБК. https://www.rbc.ru/newspaper/2024/03/19/65f7fc949a7947798c0e4ad8?ysclid=lus9th2vrb368642123

[76] Там же.

[77] Последствия санкций в цифрах. (2024, 9 апреля). News. https://news.myseldon.com/ru/news/index/310565519

[78] Кошкина, Ю. (2023, 27 января). Российские банки завершили кризисный год с худшей за семь лет прибылью. РБК. https://www.rbc.ru/finances/27/01/2023/63d2c4e29a7947546341f03e

[79] Выполнение банками посреднических функций является достижением плана-минимум, так как в предыдущих периодах явного кризиса банки РФ не делали и этого. Так, В. Мау и О. Кочеткова сообщали, что в реальности банки в 2008–2009 гг. использовали переданные им государством 1,1–1,2 трлн руб. для покупки валюты, из-за чего ЦБ РФ пришлось тратить дополнительные значительные средства на укрепление рубля. Т. Голикова отметила, что в 2015 г. банки снова провалили план кредитования реального сектора, не использовав по назначению выделенные им 1,55 трлн руб. (Манушин, 2021. С. 174). В то же время в текущей ситуации этого уже недостаточно и одним из критериев сохранения банками своей лицензии должна стать активная поддержка Правительства РФ в периоды явного кризиса, в том числе в области активизации реального инвестирования.

экосистемы и не готовы поддерживать конкурентов, но при демонстрации такого саботажа (Манушин, Нуреев, 2022) важно отстранить подобный банк от программ льготного кредитования. Если подобное поведение имеет массовый характер, то предлагается перейти на прямое льготное кредитование предприятия госструктурами, в том числе цифровыми рублями (после завершения пилотных проектов по их применению). Во-вторых, падение инвестиций в здравоохранение и социальные услуги негативно отразится на качестве жизни россиян и окажет неблагоприятное влияние на рождаемость населения. В-третьих, акцент делается на инвестициях в добычу, производство и распределение газообразного топлива и добычу нефти, а не в выделение из газа и нефти полезных фракций. Скорее всего, вложения в перераспределение газа были связаны с переходом на работу с азиатскими партнерами.

Общий темп роста инвестиций в 2021–2023 гг., безусловно, был благоприятным. Так, в период активизации второй явной волны санкций (2022 г.) рост инвестиций был заметно выше 100 %, хотя в периоды явного кризиса (2009, 2014–2016, 2020 гг.) типичен отрицательный рост инвестиций. В 2023 г., несмотря на повышение санкционного давления, темп роста инвестиций заметно увеличился по сравнению с 2022 г. Эту ситуацию можно объяснить только успешными антисанкционными мерами 2022–2023 гг. Правительства РФ.

Подводя предварительные итоги анализа антисанкционного плана 2022–2024 гг., можно утверждать о его успешной реализации. Важно отметить, что этому способствовал взрывной рост ненефтегазовых доходов, указывающий на то, что выделенные средства действительно обеспечили значительный рост экономики РФ. В то же время из табл. 1 следует, что господдержка почти всех отраслей российской экономики весьма накладна, и правильной схемой будет переход от среднесрочного к долгосрочному антисанкционному плану с выборочной господдержкой отдельных отраслей и направлений российской экономики. В этой связи важно обратить внимание на отрасли, в развитии которых выявлены заметные проблемы: нефтегазовая, торговая (Воронцова, Муллаянов, 2023; Фархат Фаиз и др., 2023), здравоохранение (Улумбекова, 2018; Крамин, Климанова, 2018; Титова и др., 2020; Климанова, 2022), производство резиновых изделий и кабельной продукции (Васильев, 2022), фармацевтическая (Гусев, Юревич, 2023; Таишева и др., 2023), текстильная (Смирнова и др., 2023; Филатов и др., 2023; Оборин, 2023a, 2023b), электроника (Сергеев, 2009; Trubin et al., 2022; Ларин и др., 2022; Манушин и др., 2023a; Эннс, 2023; Шелепин, 2023; Салимов и др., 2023; Селиверстова, 2024; He Defang и др., 2024). Кроме того, полезно изучить работы по исследованию аспектов, связанных с проблемными отраслями российской экономики, и меры по их решению: банковской (Мутовкина, 2023), валютной (Заболоцкая, Ярцева, 2022), туристической (Никонова, Воронцова, 2021; Розанова, 2022), образовательной (Тимирясова, 2021, 2022, 2023), транспортной (Яковлева и др., 2022), строительной (Раткин, 2023). Исследование этих направлений позволило выделить приоритетные для развития отрасли: нефте- и газопереработка, фармацевтика, торговля, электроника, микроэлектроника, здравоохранение, производство резиновых и пластмассовых изделий, образование (в том числе с позиции продвижения за рубеж российского мировоззрения), транспортная инфраструктура.

Основные антисанкционные, контрсанкционные и санкционные меры для российской экономики

Все предлагаемые меры основаны на анализе внешней и внутренней среды антисанкционной, контрсанкционной или санкционной экономической политики российского государства (Манушин, 2023, 2024), а также на некоторых элементах сути нынешней санкционной и антисанкционной экономической политики России (Манушин, 2024). В этой связи в состав предлагаемых мер, помимо чисто экономических мер, будут включены социально-экономические и политико-экономические меры. Для основных мероприятий будут раскрыты меры по их подготовке, снижающие возможное сопротивление их реализации. Основные предложенные меры будут дополнены рядом сопроводительных организационных мер для повышения качества их реализации.

Основные антисанкционные меры для российской экономики

В России предлагается осуществить следующие основные экономические антисанкционные меры:

1. Переход от среднесрочной господдержки к долгосрочной (для создания у бизнеса уверенности, что государство даст возможность окупить вложения не только в среднесрочные проекты, но и в долгосрочные):

1.1. Введение переходного периода отмены антисанкционных мер, так чтобы не пострадали российские предприятия, начавшие в период санкций осуществлять программы импортозамещения. Для этого требуются

введение и публичное освещение скользящего гибкого графика отмены антисанкций в случае отмены санкций недружественных стран. Заявления бизнеса о планах инвестирования в проекты должны учитываться в этом графике, корректировать его по мере осуществления новых инвестиций. При введении в строй новых предприятий важно предоставлять им время, для того чтобы окупить свои первоначальные вложения, ограничивая вход на российский рынок иностранных конкурентов этих компаний.

1.2. Замена текущего трехлетнего бюджета на девятилетний. В первые три года он будет соответствовать текущему бюджету, а в последующие шесть лет – отражать рамочные суммы доходов и расходов. Это, с одной стороны, даст ориентиры сразу на девять лет, а с другой – позволит их скорректировать при изменении условий работы, заложенных в этот план. Важность его разработки связана с реализацией Россией масштабных долгосрочных проектов, которые должны стать стержневыми ориентирами долгосрочных планов. Президент РФ уже отмечал необходимость перехода на шестилетний план развития России[80], но часть масштабных проектов длится дольше шести лет, поэтому очень важен переход на девятилетний госбюджет РФ.

1.3. Продление льготных условий импортозамещения с 5 до 10 лет. В первую очередь это должно касаться проектов по разработке и модернизации отечественного оборудования, а не приобретения иностранных станков.

1.4. Популяризация мнения о том, что санкции продлятся длительный период, в том числе и после урегулирования споров с Украиной на российских условиях.

2. Господдержка приоритетных отраслей:

2.1. Активизация развития отечественного станкостроения, во-первых, путем предоставления станкостроительным компаниями инвестиционного налогового вычета из всех выплачиваемых предприятием налогов в размере 100 % от стоимости покупки или модернизации основного средства. Во-вторых, предоставления предприятиям госгарантии погашения затрат на НИОКР в случае начала производства стратегически важного для РФ оборудования (в области газо- и нефтепереработки, медоборудования, микроэлектроники, автотранспорта и др.).

2.2. Проверка банков, участвующих в программе льготного кредитования в 2022–2024 гг., и при обнаружении у них серьезных нарушений, в том числе в части выполнения задач Правительства РФ, отзыв лицензии.

2.3. Оптимизация транспортных потоков и введение новых маршрутов. Для этого предлагается внедрить карту трансфера, единого для разных видов транспорта: самолетов, поездов, автобусов, речного транспорта и т. п. (в будущем аэротакси[81]) – с единой ценой от места отбытия до места назначения. Важно предварительно определить узкие места, которые будут закрывать бесплатные шаттлы для покупателей единых карт трансфера; осуществить договоренности с гостиницами или капсульными отелями (если их нет, то нужно построить) о бесплатном пребывании покупателей единого трансфера. В ряде случаев эта схема применялась[82]. В то же время она должна работать не в единичных случаях, а лежать в основе управления российской транспортной системой. Важно отметить, что эта схема не нужна в ситуации, когда поездки идут через Москву (так, в апреле 2024 г. М. В. Мишустин отметил, что 47 % внутренних авиарейсов идут через столичные аэропорты[83]) или Санкт-Петербург, так как имеющееся рейсы и хорошо развитая инфраструктура позволяют спланировать свой маршрут без простоев. В то же время процесс осуществления этой схемы через региональные центры не всегда возможен. В связи с огромными размерами России нужно выявить узкие места в этой области и устранить их. Это удешевит поездки и позволит высвободить часть подвижного состава, так как, например, время в пути сократится из-за отсутствия необходимости строить маршрут через Москву. Для охвата всех слоев населения следует предложить три варианта цен и времени на дорогу: дорого и быстро; дешево и медленно; среднее по времени и цене.

---

[80] Баженов, В. (2024, 29 февраля). Полная стенограмма послания Владимира Путина Федеральному Собранию 29 февраля 2024 года. Комсомольская правда. https://www.kp.ru/daily/27573/4897592/

[81] Смирнова, Е. (2023, 20 апреля). В России появится первый завод по серийному производству аэротакси. Хайтек+. https://hightech.plus/2023/04/20/v-rossii-poyavitsya-pervii-zavod-po-seriinomu-proizvodstvu-aerotaksi

[82] Например, в 2020–2021 гг. авиакомпанией «ЮТэйр» и Правительством ХМАО – Югры для обеспечения связанности малых городов Севера. Региональные узловые аэропорты начали создаваться в 2020–2021 гг. Так, «Аэрофлот» открыл новый пересадочный центр в Красноярске, «АЗИМУТ» – в Минеральных Водах, «РедВингс» – в Екатеринбурге (Фокеев, 2022).

[83] Ежегодный отчет Правительства в Государственной Думе. (2024, 3 апреля). Правительство России. http://government.ru/news/51246/

2.4. Расширение сотрудничества с дружественными странами в области получения их гражданами дистанционного российского образования. В связи с тем, что российское образование – одно из лучших и дешевых в мире, спрос на него будет высоким. Для организации этого процесса предлагается: создать общероссийский международный университет дистанционного образования; выбрать самые популярные специальности и составить для них учебные планы; объявить конкурс с весомой наградой каждому победителю, подготовившему по выбранной дисциплине лучшие видеолекции и сопроводительные материалы к ним (многие хорошие видеолекции уже есть в открытом доступе); дополнить видеолекции субтитровым переводом и перевести сопроводительные материалы (в том числе тесты и задания для самостоятельной работы); оплатить работу переводчиков и преподавателей по обеспечению студентов-иностранцев обратной связью (при общении простыми короткими предложениями автоматические переводчики позволяют передать 90–100 % смысла вопросов и ответов). После улучшения программ машинного перевода занятия могут проводиться лекторами в прямом эфире. Преимуществом этого университета перед коммерческими вузами будет более высокий статус, более широкие возможности продвижения российского образования и мировоззрения в выбранных странах мира, более качественный перевод и гарантии тщательного контроля качества образования, так как для многих иностранцев этот университет станет лицом России во всем мире. В связи с тем, что во многих российских вузах успешно осуществляется цифровизация их деятельности (Хамидуллина, 2020, 2021; Гумерова, Шаймиева, 2023), часть предложенных организационных мер и программных решений, скорее всего, уже существует, поэтому перед внедрением этой меры рекомендуется ознакомиться с опытом работы вузов РФ в данной области.

3. Технологическое развитие:

3.1. Разработка новых материалов и веществ. Так, можно создать новое топливо вместо бензина (это возможно, так как керосин уже заменили нафтилом[84], который пока используется лишь в ракетных двигателях); новые дешевые укрепляющие материалы (по аналогии с нанотрубками (Урванов и др., 2015); предлагается изготавливать пластиковые или углеродные микротрубки, которые будут немного хуже качеством, но доступны для массового применения).

3.2. Синергия старых и новых технологий. Так, часть промышленности предлагается перевести на 3D-принтеры. Повсеместное распространение 3D-принтеров обесценит многие санкции, блокирующие поставки ряда западных товаров, так как появится более дешевая альтернативная продукция, пусть и с менее продолжительным сроком службы. В связи с постоянной модернизацией многих товаров и снижением требуемого от них срока службы продукция 3D-принтеров будет пользоваться спросом. Для повышения долговечности изделий их можно изготавливать с добавлением недорогих укрепляющих материалов. Все его детали можно делать из российских компонентов, в том числе использовать отечественные микросхемы с чипами размером 500–65 нанометров. В этой связи предлагается построить завод по производству типовых 3D-принтеров и стимулировать создание конструкторских бюро по изготовлению 3D-принтеров под требования конкретных заказчиков. Для повышения спроса на них важно выделить гранты, покрывающие до 50 % стоимости этих принтеров.

3.3. Использование известных материалов и технологий по новому или редко применяемому назначению. Например, в связи с падением спроса на российские нефтепродукты предлагается акцент делать на строительство заводов, направленных на получение из нефти продуктов нефтехимии, а не топлива. В связи с избытком продовольствия (так, очень высок риск несохранения рекордных урожаев зерна[85]) предлагается открывать производства по его переработке в редкие и полезные вещества, в том числе в биотопливо.

3.4. Популяризация новых технологий. Многие технологии не получили развитие из-за низкой востребованности их на рынке. В этой связи важно организовать мероприятия с использованием этих технологий. Так, в «Игры будущего» предлагается включить соревнования в «пассивных» экзоскелетах и битвы больших роботов; выставки и конференции, посвященные новым технологиям, организовывать так, чтобы все посетители в период мероприятия использовали очки дополненной реальности, новые средства передвижения

[84] Космодром Восточный готовится к первому пуску ракеты полностью на нафтиле. (2022, 26 мая). Роскосмос. https://www.roscosmos.ru/36804/

[85] Мигунов, Д., Башлыкова, Н. (2023, 23 августа). Зерновой потоп: второй раз подряд урожай будет околорекордным. Известия. https://iz.ru/1560831/dmitrii-migunov-natalia-bashlykova/zernovoi-potop-vtoroi-raz-podriad-urozhai-budet-okolorekordnym

(электроприводные или на магнитной подушке), роботов и иные новые технологии; в крупных городах один из центральных парков превратить в территорию, на которой будут применяться последние достижения технологической мысли.

4. Снижение ключевой ставки ЦБ РФ до 5–8 %. Выбор этих ставок основан на схожих ставках (от 4 до 5,5 %), предлагаемых Европейским ЦБ и ФРС США.

5. Для преодоления пассивности трети российских компаний важно создание цепочек мер господдержки. При этом первым шагом полезно реализовать меру принудительно-поощрительного характера, чтобы дать первоначальный импульс развития пассивным компаниям и не вызвать негатива. В этой связи предлагается в принудительном порядке заставить все компании зарегистрироваться на портале «Мой бизнес» с предоставлением льгот по налогам (не более чем на один год, причем компании, зарегистрировавшиеся до требования принудительной регистрации, должны получить льготы на больший срок) и небольшой единовременной выплаты за факт регистрации (завершающей частью мог бы стать небольшой тест, элементарный для тех, кто изучил все функции портала и предлагаемые варианты господдержки). Принудительный характер меры можно обеспечить требованием отчитываться по налогам только на портале «Мой бизнес» с обязательной возможностью консультации и демонстрацией процесса деморегистрации сотрудниками налоговой инспекции (тем, у кого останутся вопросы после изучения деморолика). Вторым шагом следует предоставить возможность получить простую и легко достижимую форму господдержки (например, получение гранта на исследование рынка, на котором работает данная компания (минимальная сумма гранта должна в несколько раз превосходить зарплату сотрудника, который будет его выполнять)). Для поддержки этой схемы на порталах «Мой бизнес» и «Госуслуги для бизнеса» предлагается внедрить автоматический индивидуальный подбор услуг для бизнеса не только со стороны государства и компаний с госучастием, но и иных организаций[86]. В отдельной вкладке должны быть прописаны граничные условия, которые данная конкретная компания должна выполнить, чтобы получить господдержку. После того как руководство компании убедится, что получать господдержку можно без особых сложностей, оно активно подключится к программам Правительства РФ. Схожие схемы успешно сработали, когда в пандемию предоставили дополнительные выплаты на детей только через портал «Госуслуги РФ» (добровольно-поощрительная) и *QR*-код можно было получить только через сайт госуслуг (принудительная).

6. Внедрение опыта Ирана по экспорту подсанкционных товаров в рамках предварительной организации усложненных торговых схем с использованием несимметричных правовых режимов. К их особенностям можно отнести: закрытие компаний-посредников после окончания доставки, кооперация антисанкционных мер, длительность реализации антисанкционных схем (Фокеев, 2022).

7. Переход на «тройное качество» всех товаров и услуг:

– дешево с минимально приемлемым качеством – качество первого уровня (среднее качество). В ряде случаев допустимо снижение требований к качеству продукции, если предприятие берет на себя обязательства предоставлять товар или услугу заметно ниже среднерыночной цены. Сейчас появились предпосылки этой схемы в виде моратория на проверки множества инстанций, из-за которых неизбежно страдает качество, и далее оно будет еще больше страдать. В то время как увязка такого качества с низкой ценой выправит эту ситуацию;

– среднее по цене и среднее по качеству – качество второго уровня (высокое качество). В этой ситуации многие требования к качеству и ценам продукции и услуг предлагается сохранить на текущем уровне;

– дорогие по цене и высокие по качеству – качество третьего уровня (высшее качество). В этом случае нужно установить повышенные требования к качеству продукции или услуги. Если организация ее соблюдает, то она получит право установить знак «высшее российское качество».

Эта система создаст мотивы постоянного улучшения качества работы компаний. В перспективе границы качества на всех уровнях будут повышаться, что существенно повысит качество российских товаров.

---

[86] Например, при выставлении указания на необходимость заемных средств бизнес должен получить информацию о возможных льготных кредитах для отрасли в которой он работает (в идеале ряд индивидуальных предложений с учетом стоимости его активов, выручки и чистой прибыли). Другой пример – если руководитель компании в личном кабинете данного портала указывает, на каких должностях есть недостаточно квалифицированные кадры, то должен получить индивидуальные предложения по повышению квалификации этих сотрудников с указанием того, на какие льготы и скидки он может рассчитывать.

Для этого сначала нужно проверить каждое поселение на наличие всех трех типов товаров и услуг по цене и качеству. Вторым шагом будет оценка уровня доходов населения в этом месте проживания. Сопоставление результатов этих диагностик позволит понять, какие именно продукты или услуги необходимы в этом поселении и какая у них должна быть цена. В результате можно будет ответить на следующие вопросы: открытие каких коммерческих предприятий нужно стимулировать конкретно в данном поселении; какие государственные или государственно-частные инвестиции нужны для открытия новых необходимых предприятий; как устроить доставку товаров или услуг, если открыть новые предприятия нет возможности или их открытие нецелесообразно. Также важно определить, какой тип поддержки необходим: федеральный или региональный. Для этого нужно изначально определить сферы ответственности федеральных властей, региональных и муниципалитетов.

В Российской Федерации необходимо реализовать ряд основных политико-социально-экономических антисанкционных мер:

1. Проводить розыгрыши вида на жительство в России в других странах, находящихся на постсоветском пространстве, по схемам розыгрыша грин-карт США.

2. Организовать в России межсезонные или всесезонные Олимпийские игры. Так, запрет МОК для россиян участвовать в Олимпийских играх и международных соревнованиях под флагом России в конечном итоге ведет к смене спортсменом российского гражданства. Особенностью новых Олимпийских игр может стать новый состав игр (так, полеты в аэротрубе позволяют перевести ряд соревнований (например, бадминтон, водное поло, спортивную и художественную гимнастику) в аэропространство), новый регламент и частичная замена зимних видов спорта на летние (например, замена бега на лыжах на гонки на лыжероллерах, коньков на ролики и т. п.) и наоборот (например, ледяной волейбол). В связи с тем, что на российской территории уже проходили и летние, и зимние Олимпийские игры, затраты на организацию новых игр будут невысоки.

3. Организовать в РФ международные военные игры по аналогии с танковым биатлоном, но с использованием и других видов транспорта (в том числе и дронов).

4. Организовывать в России международные культурные мероприятия. Это позволит объединиться любителям русской культуры и создаст противовес движению по запрету русской культуры в западных странах.

5. Повысить численность трудоспособного населения в России. Важность решения этой проблемы основана на указанной в табл. 3 серьезной проблеме с нехваткой кадров (например, в 2024 г. в среднем 18 % автопарка компаний простаивает из-за дефицита водителей[87]). В этой связи после доведения средней продолжительности жизни в России до 85 лет, рекомендуется поднять средний пенсионный возраст до 68 лет. Эта мера основана на успешном опыте предыдущего повышения пенсионного возраста[88, 89]. Безусловно, эта мера будет непопулярной (так, в 2018 г. только 8 % граждан поддержали повышение пенсионного возраста[90]), поэтому ее введение возможно только после крупной политической победы руководства страны. В то же время после продления срока активной жизни россиян она необходима, так как позволит быстро восстановить часть трудового потенциала России (меры по повышению рождаемости дадут эффект только через 17–21 год после их внедрения).

Все это позволит перейти к открытой, долгосрочной, протекционистской и превентивной антисанкционной экономической политике России, направленной на предвосхищение и заблаговременное устранение проблем экономики РФ.

---

[87] Солдатов, Р., Набаткина, К. (2024, 25 апреля). Закрутить баранку: грузовые автопарки недосчитались четверти водителей. ati.su. https://news.ati.su/article/2024/04/25/zakrutit-baranku-gruzovye-avtoparki-nedoschitalis-chetverti-voditelej-579108/?_gl=1*r62w3o*_gcl_au*NzQ0MzcyMDczLjE3MTI2NTU2NTk.&_ga=2.17972092.4739540.1714383023-696065460.1712655659

[88] Глоба, Ф. (2023, 31 марта). Средняя продолжительность жизни в России. Все новостройки Москвы РФ. https://novomoscow.ru/info/srednyaya-prodolzhitelnost-zhizni-v-rossii-dinamika/?ysclid=lt6ys61mrr118287189

[89] Так, в 2000 г. средняя продолжительность жизни в РФ составляла 65,3 года (на пенсию россияне выходили в среднем в 57,5 года), а в 2019 г. (год повышения среднего пенсионного возраста до 64 лет) – 73,3 года (см. предыдущую сноску). В результате за 19 лет (с 2000 по 2019 г.) россияне стали жить дольше на 8 лет и работать больше на 6,5 года.

[90] Калюков, Е., Громова, В. (2018, 14 июня). Более 90 % россиян выступили против повышения пенсионного возраста. РБК. https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5b2201499a794738979a561c?ysclid=lvt9oy419i736873981

Основные санкционные меры для российской экономики

В санкционную экономическую политику России предлагается внести изменения в двух областях. Во-первых, перейти от открытой санкционной политики к неочевидной. Под неочевидными действиями понимаются непрозрачные и скрытые операции или явные меры, по которым нельзя или сложно догадаться о конечном ожидаемом результате.

Первый пример: в рамках первого шага поддержки отечественного производителя предлагается не запрещать импорт товаров в Россию или вводить высокие пошлины на них, а разрешить их поставку через отдаленные и наименее загруженные российские порты или мало загруженные ветки железных или автомобильных дорог. Неочевидным преимуществом этой меры станет стимуляция развития транспортной отрасли. Эта косвенная господдержка даст больший эффект, чем прямая передача денег от государства транспортным компаниям.

Второй пример: вместо ответного изъятия присвоенных частей российских активов (пока они составляют около 1,5 % от 300 млрд долл., замороженных недружественными странами)[91] или доходов от них (ожидается, что их ежегодные суммы, переданные Украине, составят 3 млрд евро)[92] ввести дополнительные налоги на крупные иностранные организации (в первую очередь на банки) из стран, присвоивших российские активы или доходы от них. Величина налога не должна привести к разорению этих компаний[93] и быть достаточной для компенсации российских потерь или превосходить их. В связи с тем, что к 2024 г. из 850 крупнейших компаний ЕС и США с оборотом более 0,5 млрд руб. ушло только 166 организаций (большинство из них – с получением опциона на право обратного выкупа фирмы)[94], в России осталось достаточно компаний для окупаемости подобного санкционного налога. Введение против российских организаций ответных санкционных налогов маловероятно, так как крупнейшие активы России за рубежом уже изъяты[95], а счета многих российских компаний заблокированы[96]. Это связано с тем, что политика Англии, ЕС и США заключается в полном вытеснении российских компаний с их рынков, а не в создании затруднений в их работе. Неочевидным преимуществом этой меры является усиление протекционистской политики России и сохранение благоприятной бизнес-среды.

Во-вторых, перейти от защитной санкционной политики к защитно-атакующей. Для этого предлагается сместить фокус внимания США на войну между другими странами, так как в этом случае они будут меньше внимания уделять Украине. Возможность реализации этого сценария подтверждается как уходом США из Афганистана (30 августа 2021 г.) для концентрации ими своих усилий на Украине, так и конфликтами при распределении средств США между Украиной и Израилем (7 октября 2023 г. начался очередной этап палестино-израильского конфликта). Кроме того, важно повысить санкционное и иное давление на страны-лимитрофы, которые занимаются провокациями России[97, 98], чтобы прекратить их. Помимо этого, полезно популяризировать процессы санкционной войны в фильмах и сериалах с целью раскрытия их причин, текущего состояния и предпочтительного для государства поведения граждан. Это должно повысить долю предприятий и граждан, перешедших на отечественную продукцию.

Все это позволит перейти к неочевидной, рациональной, защитно-атакующей и протекционистской санкционной экономической политике России.

---

[91] Орлов, Е. (2024, 23 апреля). Сколько денег украли и каким будет наш ответ: Главное о конфискации российских активов в США. Комсомольская правда. https://www.kp.ru/daily/27595.5/4921903/

[92] Добрунов, М. (2024, 12 мая). В Киеве назвали получение €3 млрд с российских активов «почти ничем». РБК. https://www.rbc.ru/politics/12/05/2024/663ff3089a79478412360bce?ysclid=lw31ufpur6815525111

[93] Предлагается его вводить, если компания проработала в России не менее трех лет и до введения этого налога была стабильно рентабельной.

[94] Европейскому бизнесу интересен российский рынок, заявил Мантуров. (2024, 14 февраля). РИА Новости. https://ria.ru/20240214/kompanii-1927310769.html?ysclid=lvkgo0blwq610252301

[95] Городилов М. (2023, 7 августа). Какие активы забрали у российских компаний в Европе. Т-Ж. https://journal.tinkoff.ru/news/seizure-of-rf-corporate-assets-in-eu/?ysclid=lwj08aplo1660534144

[96] В Госдуме ответили на блокировку счетов российских организаций Евросоюзом. (2024, 23 мая). LENTA.RU. https://lenta.ru/news/2024/05/23/rosssotr/?ysclid=lwj06080z4603192200

[97] Парламент Эстонии принял закон об использовании активов РФ для компенсации ущерба Украине. (2024, 15 мая). ТАСС. https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20806149?ysclid=lw9hpuumqn306164081

[98] Семеновых О. (2024, 16 мая). Глава МВД Эстонии Ляэнеметс потребовал признать патриарха Кирилла еретиком. Коммерсантъ. https://www.kommersant.ru/doc/6693366?ysclid=lw9jdwlvqw232630263

Итоговые выводы по всем трем частям исследования

В исследовании установлено, что Англия, США и их союзники продолжат вводить новые пакеты санкций, но они во многом станут демонстративными (см. Приложения из первой (Манушин, 2023) и третьей частей статьи, табл. 4 и 5). Обнаружено, что **санкции в реальности оказали заградительный эффект лишь на те товары, для которых была найдена более подходящая замена, и товары, ставшие недоступными из-за повышения цены**. Все это указывает на декларативность официальных целей санкций США и их союзников (передача Украине российских регионов и выплата компенсации). **В реальности основными целями санкций являются изоляция и ослабление России, регресс российских технологий, сохранение сырьевого статуса экономики РФ, захват США рынков ЕС (в первую очередь топливно-энергетического рынка).** Так, сейчас российская нефть покупается США и их союзниками в основном в виде нефтепродуктов, изготовленных из российской нефти в других странах, что снижает мотивы российских нефтяников вкладываться в свои НПЗ. Одновременно власти США успешно решили задачи по отвлечению внимания американцев от просчетов внутренней политики Д. Байдена и уничтожили трубопровод «Северный поток 2»[99, 100]. При этом задача по втягиванию НАТО в непосредственный конфликт с Россией[101] США пока не решена (во многом благодаря высокой эффективности российского вооружения), но предпосылки ее решения уже проявились. Так, Э. Макрон заявил об официальной отправке французских войск на Украину в случае серьезных военных успехов России[102]. Кроме того, Франция в неофициальном порядке уже отправила на Украину часть иностранного легиона (к настоящему моменту согласована отправка 1,5 тыс. солдат)[103]. Председатель комиссии по государственной обороне парламента Эстонии заявил, что страны НАТО должны обсудить возможность «размещения союзных сил на Украине в определенных местах и объемах и для определенных целей»[104]. **В санкционной войне с Россией США и их союзники сделали ставку на заранее подготовленный санкционный блицкриг, но эта стратегия оказалась провальной.** В результате Англия и США вынудили ЕС перейти к самоубийственным санкциям, которые заложили основу для нового витка холодной войны. После ослабления европейской экономики из-за высоких цен на энергоресурсы англосаксы нанесли ей удар в спину путем переманивания европейских предприятий, установления заградительных пошлин для европейских товаров и продажи своих товаров в ЕС по завышенным в несколько раз ценам. Для усугубления этой ситуации Англия и США вынудили ЕС к эскалации конфликта с Россией с вовлечением в него третьих стран. Попытки в текущей ситуации поссорить ЕС с Индией и Китаем англосаксы делали неоднократно, но в этом они пока не достигли существенных результатов.

Основной сценарий развития отношений ЕС с Россией предполагает продолжение демонстративной санкционной войны. Ожидается, что она продлится минимум 10–15 лет. Возможность развития европейской экономики не обнаружена (напротив, высокие цены на энергию в лучшем случае приведут к стагнации европейской экономики, а в худшем – к ее разрушению). При оценке перспектив, мер и планов по выведению из кризиса отраслей российской экономики можно заключить, что все среднесрочные и долгосрочные прогнозы весьма позитивные. Более того, почти все отрасли российской экономики показали рост уже в 2023 г. В то же время развитие российской экономики с минимальной господдержкой станет возможным только в долгосрочной перспективе. В этой связи важно начать переход от среднесрочных вариантов развития российской экономики к долгосрочным с упором на господдержку приоритетных отраслей и направлений.

---

[99] Рукобратский, В. (2022, 16 февраля). Почему США на самом деле так хотят войны на Украине? Аргументы и факты. https://aif.ru/politics/opinion/pochemu_ssha_na_samom_dele_tak_hotyat_voyny_na_ukraine?ysclid=lnbihs7fdh975243352

[100] Хроленко, А. (2021, 23 ноября). «Джавелины» и «Стингеры» не в радость: США принуждают Украину к войне с РФ. Спутник. https://tj.sputniknews.ru/20211123/usa-ukraine-russia-voyna-1043723301.html?ysclid=lnbilge7lg220190830

[101] Чупров, И. (2023, 4 октября). Зря обзывали параноиками. В НАТО готовились к войне с Россией с 2008 года. Аргументы и факты. https://aif.ru/politics/world/zrya_obzyvali_paranoikami_v_nato_gotovilis_k_voyne_s_rossiey_s_2008_goda?ysclid=lnbj9yzr5t656373151

[102] Овчинникова, Ю. (2024, 2 мая). Макрон назвал два условия для отправки войск на Украину. РБК. https://www.rbc.ru/politics/02/05/2024/66336a509a7947066196b8f9?ysclid=lvq9z7lpoe4944089

[103] Громова, А. (2024, 5 мая). «Макрон действует как крутой парень»: Франция отправила на Украину 100 первых военных. Газета.ru. https://www.gazeta.ru/politics/2024/05/05/19032691.shtml?ysclid=lvutwdwc6c180317016

[104] В парламенте Эстонии не исключили отправку войск НАТО на Украину. (2024, 16 мая). ТАСС. https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20820873?ysclid=lw9i2i5cv4117431918

При анализе инфляции и ВВП РФ обнаружено ухудшение этих показателей в 2022 г. В то же время масштабная господдержка в 2022–2023 гг. (более 20 трлн руб.) и рост доходов бюджета РФ обусловили успешное преодоление основных проблем санкционного кризиса. Все это указывает на то, что **санкции оказали серьезное негативное воздействие на российскую экономику в краткосрочном периоде и стимулировали ее развитие в среднесрочном и долгосрочном периодах**. Это развитие во многом обусловлено рациональной санкционной и антисанкционной политикой Российской Федерации. Так, **российскую санкционную экономическую политику можно охарактеризовать как открытую, рациональную, защитную и протекционистскую. Антисанкционную экономическую политику России следует признать сильно политизированной, среднесрочной и протекционистской.**

В то же время текущая ситуация обуславливает необходимость коррекции этих политик. Так, **России предлагается**, во-первых, **перейти к неочевидной, рациональной, защитно-атакующей и протекционистской санкционной экономической политике**. Во-вторых, **перейти к открытой, долгосрочной, протекционистской и превентивной антисанкционной экономической политике**. Для лучшего понимания этих политик уточнены понятия санкционной, антисанкционной и контрсанкционной экономической политики РФ (Манушин, 2024). Для успешного перехода к этим политикам раскрыты их цели (Манушин, 2024), оценены уже реализованные действия в этой области и предложены конкретные меры, позволяющие улучшить санкционную и антисанкционную экономическую политику России.

Заключение

Данное исследование позволит лучше понять суть, причины, процессы, результаты и будущее состояние санкционной, антисанкционной и контрсанкционной экономической политики РФ. Предложенные меры ослабят последствия санкционной войны США и их союзников против России и заложат основу экономического развития России в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Формализация и коррекция антисанкционной и санкционной экономической политики России позволят другим странам (в первую очередь Китаю) заимствовать российский опыт успешного противодействия санкциям США и их союзников. К основным направлениям дальнейших исследований следует отнести более детальное изучение состава антикризисных мер, предложение вариантов улучшения уже реализуемых государством мер во всех отраслях экономики, определение санкционной и антисанкционной политики для каждой отрасли российской экономики, политической, военной, социальной и иных сфер деятельности.

Список литературы

Андрюшин, С. А., Григорьев, Р. А. (2021). Экосистемные банки: формы, риски и методы регулирования. *Terra Economicus*, *19*(4), 51–65. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-4-51-65

Балашов, А. М. (2023). О влиянии санкционного давления на ситуацию в российской экономике и мерах по борьбе с негативными явлениями. *Тенденции развития науки и образования*, *93-3*, 22–24. https://doi.org/10.18411/trnio-01-2023-104

Безуглый, Э. А., Ткаченко, В. В., Михайликов, В. Л. (2022). Меры государственной поддержки российского предпринимательства в условиях санкций. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, *3*, 92–97. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-92-97

Бекренев, Ю. В. (2023). Экономика будущего России: перспективы перехода на мобилизационную модель. *Экономика и предпринимательство*, *6*, 130–134.

Бекренев, Ю. В., Крылова, В. А. (2022). Переход России к мобилизационной экономике: возможность и целесообразность. *Теоретическая экономика*, *6*, 63–71. https://doi.org/10.52957/22213260_2022_6_63

Бессараб, А. М., Стецкий, В. А., Кархова, И. Ю. (2023). Анализ мер поддержки импорта в период санкционного давления. *Российский внешнеэкономический вестник*, *3*, 76–83.

Благих, И. А., Протасов, А. Ю. (2022). Мобилизационная и военная экономика: общее и особенное. *Региональный экономический журнал*, *2*, 42–53.

Буракова, Е. А., Жиденко, А. С. (2024). Влияние государственной финансовой политики на развитие химической отрасли в условиях санкционного давления. *Вестник Алтайской академии экономики и права*, *2-2*, 163–169. https://doi.org/10.17513/vaael.3255

Бурлака, Н. П. (2023). Некоторые особенности мобилизационной экономики России в условиях санкций. *Обществознание и социальная психология*, 9-3, 162–166. EDN: OIJRSA

Васильев, Е. Б. (2022). Реальность и мифы импортозамещения в кабельной промышленности России. *Кабели и провода*, *2*, 7–13.

Винслав, Ю. Б. (2022). Мобилизационная экономика как технология государственного управления в условиях тотальных санкций. *Российский экономический журнал*, *4*, 4–29. https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-4-4-29

Воронцова, Л. В., Муллаянов, А. Ш. (2023). Россия – Латинская Америка: векторы политического, торгово-экономического партнерства и гуманитарного сотрудничества. *Азимут научных исследований: экономика и управление*, *12*(1), 33–37. https://doi.org/10.57145/27128482_2023_12_01_06

Воскресенская, О. В. (2023). Антикризисные меры в экономиках ведущих стран мира и в экономике России. *E-Scio*, *9*, 368–376.

Гиоев, Г. В., Комаров, М. И., Кузин, Н. Н. (2023). Мобилизационная экономика как приоритетная модель экономического развития в современных условиях. *Вестник Московского университета МВД России*, *1*, 278–283.

Грабовский, Я. А. (2024). Особенности государственной поддержки промышленных предприятий в условиях санкционного давления. *Вестник университета*, *1*, 61–71. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-1-61-71

Гришков, В. Ф., Плотников, В. А., Фролов, А. О. (2022). Мобилизационная экономика в современной России: теоретические аспекты. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*, *3*, 7–13.

Гумерова, Г. И., Шаймиева, Э. Ш. (2023). Активизация инновационной деятельности образовательных организаций в цифровой экономике. *Государственное управление. Электронный вестник*, *96*, 193–211.

Гусев, А. Б., Юревич, М. А. (2023). Фармацевтический суверенитет России: проблемы и пути достижения. *Terra Economicus*, *21*(3), 17–31. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-3-17-31

Ермаков, Г. П., Ганиева, Й. Н., Петряков, С. Н., Петряков, Д. С. (2023). Мобилизационная экономика: теоретико-практический аспект. *Экономика, предпринимательство и право*, *13*(5), 1253–1270. https://doi.org/10.18334/epp.13.5.117498

Заболоцкая, В. В., Ярцева, Д. Г. (2022). Антикризисные меры по управлению валютными рисками в России в условиях экономических санкций. *Экономика и предпринимательство*, *6*, 154–161.

Зимовец, А. В., Маринова, И. В. (2022). Анализ мер поддержки субъектов российского предпринимательства в условиях антироссийских санкций. *Вестник Таганрогского института управления и экономики*, *1*, 26–31.

Зозуля, А. В., Зозуля, П. В., Мезина, Т. В., Малышкин, Н. Г. (2023). Обоснование разработки мер по нейтрализации санкционного давления и дальнейшему развитию экономики России. *Вестник евразийской науки*, *15*(2). https://doi.org/10.15862/45ecvn223

Иванов, О. Б., Бухвальд, Е. М. (2022b). Мобилизационная экономика в России: вчера, сегодня и… *ЭТАП*, *3*, 7–27. https://doi.org/10.24412/2071-6435-2022-3-7-27

Кайгородцев, А. А. (2023). Эффективность антироссийских экономических санкций: теория и практика. *Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА*, *3*, 18–28.

Климанова, А. Р. (2022). Социальный капитал как фактор устойчивого развития. *Экономические науки*, *12*(217), 244–248.

Кособуцкая, А. Ю., Канапухин, П. А., Трещевский, Ю. И., Макетче, Ф. К. (2023). Оценка перспективности антисанкционных мер на макро- и мезо- уровнях: теоретический и экспертный подходы. *Теоретическая экономика*, *4*, 63–78.

Крамин, Т. В. (2006). Методология формирования системы управления стоимостью компании на основе институционального подхода. *Проблемы современной экономики*, 3-4, 143–146.

Крамин, Т. В., Климанова, А. Р. (2018). Инфраструктурный и интеграционный капиталы региона как факторы его экономического роста. В сб.: Г. Б. Клейнер (ред.), *Львовские чтения – 2018: сб. статей VI Всероссийской научной конференции* (с. 106–107).

Кувалин, Д. Б. (2022). Российская экономика в условиях жестких внешних санкций: проблемы, риски и возможности. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, *15*(6), 79–93. https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.4

Кувалин, Д. Б., Зинченко, Ю. В., Лавриненко, П. А., Ибрагимов, Ш. Ш., Зайцева, А. А. (2024). Российские предприятия весной 2023 г.: преодоление санкционного кризиса и усиление инвестиционной активности. *Проблемы прогнозирования*, *35*(1), 217–232. https://doi.org/10.47711/0868-6351-202-217-232

Ларин, С. Н., Соколов, Н. А., Хрусталев, О. Е. (2022). Развитие российской электронной промышленности: поиск конкурентных преимуществ в условиях санкций. *Экономика и бизнес: теория и практика*, *7*(89), 104–111.

Лаутс, Е. Б. (2023). Антисанкционное регулирование рынка банковских услуг и антикризисный правовой режим банковской деятельности. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*, *1*, 70–79. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.101.1.070-079

Ленчук, Е. Б. (2023). Технологическая модернизация как основа антисанкционной политики. *Проблемы прогнозирования*, *4*, 54–66. https://doi.org/10.47711/0868-6351-199-54-66

Малашенко, Н. М., Гребенникова, В. А. (2023). Роль государственного регулирования и меры поддержки в условиях экономических санкций. *Актуальные вопросы современной экономики*, *6*, 683–690.

Манушин, Д. В. (2015). Оценка антикризисного плана российского правительства на 2015 год и выработка мер по его улучшению. *Актуальные проблемы экономики и права*, *3*, 45–54.

Манушин, Д. В. (2020). Оценка и совершенствование антикризисных планов в России и мире в условиях пандемии COVID-19. Специфика управления кризисом в государстве. *Актуальные проблемы экономики и права*, *14*(4), 697–732. http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.4.697-732

Манушин, Д. В. (2021). Методология противодействия макроэкономическим кризисам: институциональный подход: дис. … д-ра экон. наук. Казань.

Манушин, Д. В. (2022). Мировая санкционная экономика, санкции, контрсанкции и новая мировая валюта. *Russian Journal of Economics and Law*, *16*(2), 345–369. http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.345-369

Манушин, Д. В. (2023). Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022–2025. Часть 1: анализ и прогноз управления антироссийскими санкциями. *Russian Journal of Economics and Law*, *17*(4), 775–799. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.775-799

Манушин, Д. В. (2024). Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022–2025. Часть 2: последствия войны санкций, управление изменениями, уточнение понятий исследования. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 36–69. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.36-69

Манушин, Д. В., Нуреев, Р. М. (2022). Саботаж российских чиновников и основные меры по борьбе с ним. *Journal of Institutional Studies*, *14*(1), 55–69. https://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.1.055-069

Манушин, Д. В., Таишева, Г. Р., Еникеев, Ш. И. (2023a). Российская микроэлектроника: текущее состояние, логистика, проблемы управления, антикризисные меры. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, *19*(5), 808–842. https://doi.org/10.24891/ni.19.5.808

Манушин, Д. В., Шабанова, Л. Б., Таишева, Г. Р., Еникеев, Ш. И. (2023b). Антикризисное управление в современной национальной и региональной экономике. Казань: Издательство «Познание» Казанского инновационного университета.

Мирошникова, Т. К., Кириченко, И. А., Диксит, С. (2022). Аналитические аспекты антикризисных мер государственного управления. *Управление*, 10(4), 5–13. https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-4-5-13

Митяков, С. Н. (2022). Модель мобилизационной экономики. *Развитие и безопасность*, *1*, 16–33. https://doi.org/10.46960/2713-2633_2022_1_16

Мошкин, И. В., Бабанов, А. Б. (2023). Мобилизационный путь развития экономики в России. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, 1, 134–139. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-134-139

Мутовкина, Н. Ю. (2023). Анализ влияния санкционных мер на состояние банковского сектора Российской Федерации. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление*, *3*, 6–16. https://doi.org/10.26456/2219-1453/2023.3.006-016

Никонова, Т. В., Воронцова, Л. В. (2021). Роль сельского туризма и направления его развития в современной экономике России. *Вестник Алтайской академии экономики и права*, *9-2*, 167–172. https://doi.org/10.17513/vaael.1855

Оборин, М. С. (2023a). Влияние государственной поддержки на устойчивость текстильной промышленности регионов в текущих макроэкономических условиях. *Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности*, *1*(403), 44–50.

Оборин, М. С. (2023b). Перспективы рыночной интеграции предприятий текстильной промышленности России. *Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности*, *2*(404), 58–62.

Павлова, С. А., Павлов, И. Е., Амирасланов, И. Д. (2022). Экономические санкции как предпосылка развития национальной экономики России. *Международный научно-исследовательский журнал*, 11, 1–13. https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.125.22

Раткин, Л. С. (2023). Стратегия новой индустриализации России на примере импортозамещения в строительной отрасли, поддержки институтов развития, реализации инвестиционных проектов и промышленной кооперации. В сб.: *Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник*. Вып. 18: материалы XXII Национальной научной конференции с международным участием (с. 239–243). Москва: ИНИОН РАН.

Розанова, Т. П. (2022). Антикризисные меры по снижению последствий влияния санкций на сферу туризма России. *Управленческие науки*, *12*(2), 45–54. https://doi.org/10.26794/2304-022x-2022-12-2-45-54

Ряховская, А. Н. (2023). Экономика России: вызовы, направления нивелирования их негативного воздействия. *Управленческие науки*, *1*, 20–31. https://doi.org/10.26794/2304-022x-2023-13-1-20-31

Салимов, Л. Н., Суючева, Д. Т., Гафурова, Г. Т. (2023). Значимость нефтяных цен в процессе планирования инвестиций в НИОКР в электронной и оптической промышленности региона. *Экономика и предпринимательство*, *17*(11), 283–287.

Самаков, Н. В. (2024). Противодействие антироссийским экономическим санкциям 2022–2023 гг. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*, *24*(1), 113–119. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-113-119

Селиверстова, Н. С. (2024). Структурные сдвиги в электронной промышленности России. *Экономика промышленности*, *17*(1), 67–75. https://doi.org/10.17073/2072-1633-2024-1-1255

Сергеев, Д. А. (2009). Основные направления государственной поддержки наноиндустрии на современном этапе. *Актуальные проблемы экономики и права*, *3*, 85–88.

Симачев, Ю. В., Яковлев, А. А., Голикова, В. В. и др. (2023). *Адаптация российских промышленных компаний к санкциям: первые шаги и ожидания: доклад к XXIV Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2023 г.*; НИУ «Высшая школа экономики». Москва: Изд. дом Высшей школы экономики.

Смирнова, В. Р., Чернявский, С. В., Васильева, Ю. С. (2023). Легкая промышленность России в разрезе государственной политики импортозамещения и инновационного развития. *Вестник Томского государственного университета. Экономика*, *63*, 74–91.

Сулейманова, А. М. (2022). Антикризисные меры поддержки малого и среднего бизнеса в условиях западных санкций. *Актуальные вопросы современной экономики*, *4*, 448–451.

Таишева, Г. Р., Казакова, В. С., Таишев, Т. Ф. (2023). Рынок фармакологической продукции в условиях санкций и сложной логистики: анализ, проблемы и меры по управлению. *Russian Economic Bulletin*, *6*(3), 289–300.

Тимирясова, А. В. (2021). Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова – вуз неравнодушных людей. *Педагогическое образование и наука*, *3*, 65–69.

Тимирясова, А. В. (2022). Педагогическая система управления развитием частного инновационного университета в условиях цифровой трансформации общества. *Педагогическое образование и наука*, *3*, 89–94.

Тимирясова, А. В. (2023). Частный инновационный вуз как объект педагогического управления. *Педагогическое образование и наука*, *2*, 93–98.

Титова, С. В., Чернышева, Т. Н., Фролова, И. И. (2020). Определение эффективности работы с персоналом в учреждениях здравоохранения. *Наука Красноярья*, *9*(1-2), 186–194.

Толстухин, В. В. (2023). Анализ экономического цикла, макроэкономической ситуации и антикризисных мер России 2019–2022 гг. В сб.: *Коммуникации. Общество. Духовность – 2023: материалы XXIII Международной научно-практической конференции. Ухта* (с. 386–391). Ухтинский государственный технический университет.

Трещевский, Ю. И., Праченко, А. А., Кобелев, Д. В. (2023). Антисанкционные меры поддержки инновационного развития региона – экспертные оценки. В сб.: *Комплексное развитие территориальных систем и повышение эффективности регионального управления в условиях цифровизации экономики: материалы V Национальной (всероссийской) научно-практической конференции. Орел* (с. 30–38). Орел.

Улумбекова, Г. Э. (2018). Здравоохранение России: 2018–2024 гг. Что надо делать? *ОРГЗДРАВ: Новости. Мнения. Обучение. Вестник ВШОУЗ*, *1*, 9–16.

Урванов, С. А., Казеннов, Н. В., Жукова, Е. А., Караева, А. Р., Мордкович, В. З. (2015). Армированные композиционные материалы с применением эластомерной матрицы на основе модифицированного углеродными нанотрубками углеродного волокна. *Известия вузов. Химия и химическая технология*, *58*(5), 73–77.

Фархат, Фаиз, Сафиуллин, Л. Н., Коновалова, М. Е. (2023). Оценка и принципы обеспечения эффективности международного экономического сотрудничества. *Вестник Самарского государственного экономического университета*, *4*(222), 9–16.

Филатов, В. В., Мишаков, В. Ю., Скрыльникова, О. А., Бузулуцкая, М. В., Самсонова, В. В., Мариен, Л. С. (2023). Современные проблемы управления изменениями в государственной программе «Развитие конкурентоспособности текстильной и легкой промышленности» Минпромторга России. *Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности*, *2*(404), 5–17.

Фокеев, М. А. (2022). Отрасль авиаперевозок в условиях санкций: применим ли опыт Ирана в России. *ЭКО*, *8*, 106–131. https://doi.org/10.30680/eco0131-7652-2022-8-106-131

Хамидуллина, Ф. Р. (2020). Цифровизация в системе управления инклюзивным образовательным учреждением. В кн.: *Преемственная система инклюзивного образования: теоретические и практические аспекты: материалы IX Международной научно-практической конференции. Казань* (с. 137–140).

Хамидуллина, Ф. Р. (2021). Цифровизация деятельности вузов в современных условиях. *В сб.: Вектор развития управленческих подходов в цифровой экономике: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Казань* (с. 169–174). Казань.

Цветков, В. А. (2022). Мобилизационная экономика: актуальные вопросы сегодняшнего дня. *Проблемы рыночной экономики*, 3, 6–15. https://doi.org/10.33051/2500-2325-2022-3-6-15

Шапкин, И. Н. (2023). Мобилизационная экономика как имманентная сущность российской цивилизации. *Проблемы рыночной экономики*, 2, 25–37. https://doi.org/10.33051/2500-2325-2023-2-25-37

Шейхова, М. С., Сафонова, С. Г. (2023). Анализ государственной поддержки малого бизнеса в условиях санкционного давления. *Московский экономический журнал*, 2, 389–399.

Шелепин, Н. А. (2023). Особенности развития технологий и производств микроэлектроники в современных условиях. *Наноиндустрия*, *16*(S9-2), 602–612.

Шкодинский, С. В., Продченко, И. А. (2023). Институциональная архитектура обеспечения экономики мобилизационного типа. *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Экономика*, 4, 17–33.

Щепакин, М. Б. (2024). К дискурсу о развитии теории управления изменениями в условиях мобилизационной ориентации экономики. *Journal of Economic Regulation*, *15*(1), 89–104. https://doi.org/10.17835/2078-5429.2024.15.1.089-104

Эннс, В. (2023). Как нам развивать отечественную микроэлектронику: 2023 год. *Электроника: Наука, технология, бизнес*, *4*, 46–51. https://doi.org/10.22184/1992-4178.2023.225.4.46.50

Яковлева, М. А., Карпова, И. В., Ротенберг, С. А. (2022). Теоретический анализ возможностей минимизировать деструктивные последствия санкционных мер против РФ в транспортной сфере. В сб.: Р. А. Кожевников, Ю. И. Соколов, З. П. Межох (ред.). *Вклад транспорта в национальную экономическую безопасность: труды VII Международной научно-практической конференции. Москва* (с. 241–245). Москва.

Chuanman, You. (2024, April 9). ScholarOne – Reconciling the tit-for-tat Sanction Regimes between US and China. *Advance*. https://doi.org/10.31124/advance.171267266.62239280/v1

Devasmita, Jena, Akash, C., & Prachi, Gupta. (2024). Deflecting Economic Sanctions: Do Trade and Political Alliances Matter? *International Economics and Economic Policy*. https://doi.org/10.1007/s10368-024-00616-w

Gu, T., & Zhao, J. (2023). Beyond sanctions and anti-sanctions: examining the impact on sustainable competition and China's responses. *International Journal of Legal Discourse*, *8*(1), 95–119. https://doi.org/10.1515/ijld-2023-2005

He, Defang, Li, Guangjian, Tang, Fuqiang, & Yang, Fangjua. (2024). Research on evolution and countermeasures of international technology export controls. *Bulletin of Chinese Academy of Sciences (Chinese Version)*, *39*(1), Article 10. https://doi.org/10.16418/j.issn.1000-3045.20230918003

Trubin, A. E., Zubanova, A. E., Dorofeev, O. V., Chanturiia, G. T., & Sorokvashina, Yu. S. (2022). Analysis of the competitive environment in the electronics market: the global crisis of the semiconductor industry and global development trends. *Journal of Modern Competition*, *16*(4), 19–33. https://doi.org/10.37791/2687-0657-2022-16-4-19-33

Zhao, Jun, & Tianjie, Gu. (2022). Offensive and defensive strategies in international lawfares and the legal solutions: From the perspective of domestic law. Pacific Journal, *30*(7), 1–14. https://doi.org/10.14015/j.cnki.1004-8049.2022.07.001

References

Andryushin, S. A. (2024). Tokenization of real assets: classification, platforms, applications, opportunities and challenges of development. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 88–104. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.88-104

Andryushin, S., & Grigoryev, R. (2021). Ecosystem banks: Forms, risks and methods of regulation. *Terra Economicus*, *19*(4), 51–65. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-4-51-65

Balashov, A. M. (2023). On the influence of sanction pressure on the Russian economic situation and measures to counter negative phenomena. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, *93-3*, 22–24. (In Russ.). https://doi.org/10.18411/trnio-01-2023-104

Bekrenev, Yu. V. (2023). Economy of the future of Russia: prospects for transition to mobilization model. *Journal of Economy and entrepreneurship*, *6*, 130–134. (In Russ.).

Bekrenev, Yu. V., & Krylova, V. A. (2022). Russia's transition to a mobilization economy: possibility and expediency. *Teoreticheskaya ehkonomika*, 6, 63–71. (In Russ.). https://doi.org/10.52957/22213260_2022_6_63

Bessarab, A. M., Stetsky, V. A., & Karkhova, I. Yu. (2023). Analysis of Import Support Measures under Sanctions. *Russian Foreign Economic Journal*, *3*, 76–83. (In Russ.).

Bezugly, E. A., Tkachenko, V. V., & Mihailikov, V. L. (2022). Measures of state support for Russian entrepreneurship under sanctions. *State and Municipal Management. Scholar Notes*, *3*, 92–97. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-92-97

Blagikh, I. A., & Protasov, A. Yu. (2022). Mobilization and military economy: general and specific. *Regional'nyi ehkonomicheskii zhurnal*, *2*, 42–53. (In Russ.).

Burakova, E. A., & Zhidenko, A. S. (2024). The impact of state financial policy on the development of the chemical industry in the context of sanctions pressure. *Vestnik Altaiskoi akademii ehkonomiki i prava*, *2-2*, 163–169. (In Russ.). https://doi.org/10.17513/vaael.3255

Burlaka, N. P. (2023). Some features of mobilization economy of Russia under sanctions. *Obshchestvoznanie i sotsialnaya psikhologiya, 9-3*, 162–166. (In Russ.).

Chuanman, You. (2024, April 9). ScholarOne – Reconciling the tit-for-tat Sanction Regimes between US and China. *Advance*. https://doi.org/10.31124/advance.171267266.62239280/v1

Devasmita, Jena, Akash, C., & Prachi, Gupta. (2024). Deflecting Economic Sanctions: Do Trade and Political Alliances Matter? *International Economics and Economic Policy*. https://doi.org/10.1007/s10368-024-00616-w

Ehnns, V. (2023). How do we develop national microelectronics: 2023. *Electronics: Science, Technology, Business*, *4*, 46–51. (In Russ.). https://doi.org/10.22184/1992-4178.2023.225.4.46.50

Ermakov, G. P., Ganieva, Y. N., Petryakov, S. N., & Petryakov, D. S. (2023). Mobilization economy: theoretical and practical aspects. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, *13*(5), 1253–1270. (In Russ.). https://doi.org/10.18334/epp.13.5.117498

Farhat, Faiz, Safiullin, L. N., & Konovalova, M. E. (2023). Assessment and principles of ensuring the effectiveness of the international economic cooperation. *Vestnik of Samara State University of Economics*, *4*(222), 9–16. (In Russ.).

Filatov, V. V., Mishakov, V. Yu., Skrylnikova, O. A., Buzulutskaya, M. V., Samsonova, V. V., & Marien, L. S. (2023). Modern problems of managing changes in the state programme "Development of competitiveness of textile and light industry" of the Ministry of industry and trade of Russia. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Textile Industry Technology*, *2*(404), 5–17.

Fokeev, M. (2022). The Air Transportation Industry under Sanctions: Applying Iran's Experience in Russia. *ECO*, *8*, 106–131. (In Russ.). https://doi.org/10.30680/eco0131-7652-2022-8-106-131

Gioev, G. V., Komarov, M. I., & Kuzin, N. N. (2023). Mobilization economy as a priority model of economic development in modern conditions. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, *1*, 278–283.

Grabovsky, Ya. A. (2024). Features of state support of industrial enterprises under sanctions pressure. *Vestnik Universiteta*, *1*, 61–71. (In Russ.). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-1-61-71

Grishkov, V. F., Plotnikov, V. A., & Frolov, A. O. (2022). Mobilization economy in modern Russia: theoretical aspects. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta*, *3*, 7–13. (In Russ.).

Gu, T., & Zhao, J. (2023). Beyond sanctions and anti-sanctions: examining the impact on sustainable competition and China's responses. *International Journal of Legal Discourse*, *8*(1), 95–119. https://doi.org/10.1515/ijld-2023-2005

Gumerova, G. I., & Shaimieva, E. Sh. (2023). Activation of Educational Organizations' Innovative Activity in Digital Economy. (2023). *Public Administration. E-Journal (Russia)*, *96*, 193–211.

Gusev, A. B., Yurevich, M. A. (2023). The sovereignty of Russia in the area of pharmaceuticals: Challenges and opportunities. *Terra Economicus*, *21*(3), 17–31. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-3-17-31

He, Defang, Li, Guangjian, Tang, Fuqiang, & Yang, Fangjua. (2024). Research on evolution and countermeasures of international technology export controls. *Bulletin of Chinese Academy of Sciences (Chinese Version)*, *39*(1), Article 10. https://doi.org/10.16418/j.issn.1000-3045.20230918003

Ivanov, O. B., & Bukhvald, E. M. (2022b). Mobilization economy in Russia: yesterday, today, and… *ETAP*, *3*, 7–27. https://doi.org/10.24412/2071-6435-2022-3-7-27

Kaigorodtsev, A. A. (2023). Effectiveness of anti-Russian economic sanctions: theory and practice. *HERALD of the Moscow University of Finances and Law MFUA*, *3*, 18–28. (In Russ.).

Khamidullina, F. R. (2020). Digitalization in the system of managing an inclusive educational establishment. In *Successive system of inclusive education: theoretical and practical aspects. Works of the 9th International scientific-practical conference.* Kazan (pp. 137–140). Kazan. (In Russ.).

Khamidullina, F. R. (2021). Digitalization of the activity of universities under modern conditions. In *Vector of development of managerial approaches in digital economy: works of the 3rd All-Russia scientific-practical conference.* Kazan (pp. 169–174). (In Russ.). Kazan.

Klimanova, A. R. (2022). Social capital as a factor of sustainable development. *Scientific Journal Economic Sciences*, *12*(217), 244–248. (In Russ.).

Kosobutskaya, A. Yu., Kanapukhin, P. A., Treshchevskii, Yu. I., & Maketche, F. K. (2023). Assessing the prospects of snit-sanction measures at macro- and meso levels: theoretical and expert approaches. *Theoretical Economy*, *4*, 63–78. (In Russ.).

Kramin, T. V. (2006). Methodology of forming a company cost management system based on institutional approach. *Problems of Modern Economics*, *3-4*, 143–146. (In Russ.).

Kramin, T. V., & Klimanova, A. R. (2018). Infrastructural and integration capitals of a region as factors of its economic growth. In: Kleyner G.B. (ed.), *Lvovskiye Readings – 2018: collection of works of the 6th All-Russia scientific conference* (pp. 106–107). (In Russ.).

Kuvalin, D. B. (2022). Russian Economy under Tough External Sanctions: Problems, Risks and Opportunities. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, *15*(6), 79–93. (In Russ.). https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.4

Kuvalin, D. B., Zinchenko, Yu. V., Lavrinenko, P. A., Ibragimov, Sh. Sh., & Zaitseva, A. A. (2024). Russian Enterprises in the spring of 2023: overcoming the sanctions crisis and strengthening investment activity. *Studies on Russian Economic Development*, *35*(1), 217–232. (In Russ.). https://doi.org/10.47711/0868-6351-202-217-232

Larin, S. N., Sokolov, N. A., & Khrustalev, O. E. (2022). Development of the Russian electronic industry: searching for competitive advantages under sanctions. *Economy and Business: Theory and Practice*, *7*(89), 104–111. (In Russ.).

Lauts, E. B. (2023). Anti-Sanction Regulation of the Banking Services Market and Anti-Crisis Legal Regime of Banking Activities. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL))*, *1*, 70–79. (In Russ.). https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.101.1.070-079

Lenchuk, E. B. (2023). Technological Modernization as a Basis for the Anti-Sanctions Policy. *Studies on Russian Economic Development*, *34*(4), 464–472. (In Russ.). https://doi.org/10.47711/0868-6351-199-54-66

Malashenko, N. M., & Grebennikova, V. A. (2023). The role of state regulation and business support measures in the context of economic sanctions. *Topical Issues of the Modern Economy*, *6*, 683–690. (In Russ.).

Manushin, D. V. (2015). Estimation of the anti-crisis plan of the russian government for 2015 and measures for its improvement. *Actual Problems of Economics and Law*, *3*, 45–54. (In Russ.).

Manushin, D. V. (2020). Evaluating and improving the anti-crisis plans in Russia and worldwide under COVID-19 pandemics. Specific features of crisis management in the state. *Actual Problems of Economics and Law*, *14*(4), 697–732. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.4.697-732

Manushin, D. V. (2021). *Methodology of counteraction macroeconomic crises: institutional approach*: Dr. Sci. (Economics) thesis. Kazan. (In Russ.).

Manushin, D. V. (2022). Global economy of sanctions, sanctions, countersanctions and the new global currency. *Russian Journal of Economics and Law*, *16*(2), 345–369. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.345-369

Manushin, D. V. (2023). Anti-sanction and sanction economic policy of Russia in 2022–2025. Part 1: Analysis and forecast of managing sanctions against Russia. *Russian Journal of Economics and Law*, *17*(4), 775–799. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.775-799

Manushin, D. V. (2024). Anti-sanction and sanction economic policy of Russia in 2022–2025. Part 2: Aftermaths of sanctions war, management of changes, clarification of research concepts. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 36–69. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.36-69

Manushin, D. V., & Nureev, R. M. (2022). Sabotage of Russian officials and main measures to combat it. *Journal of Institutional Studies*, *14*(1), 55–69. (In Russ.). https://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.1.055-069

Manushin, D. V., Shabanova, L. B., Taisheva, G. R., & Enikeev, Sh. I. (2023b). *Anti-crisis management in the modern national and regional economy*. Kazan: "Poznaniye" Publishers of Kazan Innovative University. (In Russ.).

Manushin, D. V., Taisheva, G. R., & Enikeev, Sh. I. (2023a). Russian microelectronics: Current state-of-the-art, logistics, management issues, crisis response measures. *National Interests: Priorities and Security*, *19*(5), 808–842. (In Russ.). https://doi.org/10.24891/ni.19.5.808

Miroshnikova, T. K., Kirichenko, I. A., & Dixit, S. (2022). Analytical aspects of anti-crisis measures of public administration. *Management (Russia)*, *10*(4), 5–13. (In Russ.). https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-4-5-13

Mityakov, S. N. (2022). Model of Mobilization Economy. *Razvitie i bezopasnost*, *1*, 16–33. (In Russ.). https://doi.org/10.46960/2713-2633_2022_1_16

Moshkin, I. V., & Babanov, A. B. (2023). Mobilization way of development of economy in Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes*, *1*, 134–139. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-134-139

Mutovkina, N. Yu. (2023). Sanctions impact analysis on the state of the banking sector in the Russian Federation. *Bulletin of Tver State University. Series: Economy and Management*, *3*, 6–16. (In Russ.). https://doi.org/10.26456/2219-1453/2023.3.006-016

Nikonova, T. V., & Vorontsova, L. V. (2021). Role of rural tourism and directions of its development in the modern economy of Russia. *Vestnik Altaiskoi akademii ehkonomiki i prava*, *9-2*, 167–172. (In Russ.). https://doi.org/10.17513/vaael.1855

Oborin, M. S. (2023b). Prospects for market integration of Russian textile industry enterprises. *Textile Industry Technology*, *2*(404), 58–62. (In Russ.).

Oborin, M. S. (2023a). The impact of state support on the sustainability of the textile industry of the regions in the current macroeconomic conditions. *Textile Industry Technology*, *1*(403), 44–50. (In Russ.).

Pavlova, S. A., Pavlov, I. E. & Amiraslanov, I. D. (2022). Economic sanctions as a prerequisite for the development of Russia's national economy. *International Research Journal*, *11*(125). (In Russ.). https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.125.22

Ratkin, L. S. (2023). Strategy of the new industrialization of Russia by the example of import substitution in construction, support of development institutions, implementation of investment projects and industrial cooperation. In: *Russia: development trends and prospects: annual edition*. Issue 18: *works of the 22nd National scientific conference with international participation* (pp. 239–243). Moscow: Institute of scientific information for social sciences (inion) of the Russian academy of sciences (In Russ.).

Rozanova, T. P. (2022). Anti-crisis measures to reduce the consequences of the impact of sanctions on the tourism industry of Russia. *Management Sciences*, *12*(2), 45–54. (In Russ.). https://doi.org/10.26794/2304-022x-2022-12-2-45-54

Ryakhovskaya, A. N. (2023). The Russian economy: Challenges and ways for leveling and mitigation of their negative impact. *Management Sciences*, *1*, 20–31. (In Russ.). https://doi.org/10.26794/2304-022x-2023-13-1-20-31

Salimov, L. N., Suyucheva, D. T., & Gafurova, G. T. (2023). Significance of oil prices in planning investments into P&D in electronic and optical industries of the region. *Journal of Economy and Entrepreneurship*, *11*, 283–287. (In Russ.).

Samakov, N. V. (2024). Countering anti-Russian economic sanctions: 2022–2023. *Journal Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, *24*(1), 113–119. (In Russ.). https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-113-119

Seliverstova, N. S. (2024). Structural shifts in the Russian electronics industry. *Russian Journal of Industrial Economics*, *17*(1), 67–75. (In Russ.). https://doi.org/10.17073/2072-1633-2024-1-1255

Sergeev, D. A. (2009). Main directions of state support of nano-industry at the modern stage. *Actual Problems of Economics and Law*, 3, 85–88. (In Russ.).

Shapkin, I. N. (2023). Mobilization economy as an immanent essence of Russian civilization. *Market Economy Problems*, *2*, 25–37. (In Russ.). https://doi.org/10.33051/2500-2325-2023-2-25-37

Shchepakin, M. B. (2024). On the Discourse on the Development of the Theory of Change Management in the Context of the Mobilization Orientation of the Economy. *Journal of Economic Regulation*, *15*(1), 89–104. https://doi.org/10.17835/2078-5429.2024.15.1.089-104

Sheikhova, M. S., & Safonova, S. G. (2023). Analysis of state support for small businesses under sanctions pressure. *Moskovskii ehkonomicheskii zhurnal*, *2*, 389–399.

Shelepin, N. A. (2023). Features of development of technologies and production of microelectronics under modern conditions. *Nanoindustry*, *16*(S9-2), 602–612. (In Russ.).

Shkodinskii, S. V., & Prodchenko, I. A. (2023). Institutional architecture for ensuring the economy of the mobilization type. *Bulletin of the State University of Education. Series: Economics*, *4*, 17–33.

Simachev, Yu. V., Yakovlev, A. A., Golikova, V. V. et al. (2023). *Adaptation of the Russian industrial companies to sanctions: first steps and expectations: report at the 24th Yasinskaya (Aprelskaya) international scientific conference on the issues of the economy and society development, Moscow, 2023*; National Research University "Higher School of Economics". Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russ.).

Smirnova, V. R., Chernyavskiy, S. V., & Vasilyeva, Yu. S. (2023). Light industry of Russia in the context of import substitution and innovative development. *Tomsk State University Journal of Economics*, *63*, 74–91. (In Russ.).

Suleimanova, A. M. (2022). Anti-crisis measures to support small and middle business under Western sanctions. *Topical Issues of the Modern Economy*, *4*, 448–451. (In Russ.).

Taisheva, G. R., Kazakova, V. S., & Taishev, T. F. (2023). Pharmacological products market in conditions of sanctions and complex logistics: analysis, problems and management measures. *Russian Economic Bulletin*, *6*(3), 289–300. (In Russ.).

Timiriasova, A. V. (2021). Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov is a higher educational establishment of concerned people. *Pedagogical Education and Science*, *3*, 65–69. (In Russ.).

Timiriasova, A. V. (2022). Pedagogical management system for the development of a private innovative university in the context of the digital transformation of society. *Pedagogical Education and Science*, *3*, 89–94. (In Russ.).

Timiriasova, A. V. (2023). Private innovative university as an object of pedagogical management. *Pedagogical Education and Science*, *2*, 93–98. (In Russ.).

Titova, S. V., Chernysheva, T. N., Frolova, I. I. (2020). Determining the effectivness of working with staff in health care institution. *Krasnoyarsk Science*, *9*(1-2), 186–194. (In Russ.).

Tolstukhin, V. V. (2023). Analysis of the economic cycle, macroeconomic situation and anti-crisis measures in Russia in 2019–2022. In: *Communications. Society. Spirituality – 2023: works of the 23rd International scientific-practical conference. Ukhta* (pp. 386–391). (In Russ.). Ukhta State Technical University.

Treshchevskii, Yu. I., Prachenko, A. A., & Kobelev, D. V. (2023). Anti-sanction measures to support innovative development of a region – expert estimations. In *Comprehensive development of territorial systems and improving efficiency of regional management under economy digitalization: works of the 5th National (All-Russia) scientific-practical conference. Orel* (pp. 30–38). Oryol. (In Russ.).

Trubin, A. E., Zubanova, A. E., Dorofeev, O. V., Chanturiia, G. T., & Sorokvashina, Yu. S. (2022). Analysis of the competitive environment in the electronics market: the global crisis of the semiconductor industry and global development trends. *Journal of Modern Competition*, *16*(4), 19–33. https://doi.org/10.37791/2687-0657-2022-16-4-19-33

Tsvetkov, V. A. (2022). Mobilization economy: current issues of today. *Market Economy Problems*, *3*, 6–15. (In Russ.). https://doi.org/10.33051/2500-2325-2022-3-6-15

Ulumbekova, G. E. (2018). Healthcare of Russia: 2018–2024. What to do? *Healthcare Management: news, views, education. Bulletin of VSHOUZ*, *1*, 9–16. (In Russ.).

Urvanov, S. A., Kazennov, N. V., Zhukova, E. A., Karaeva, A. R., & Mordkovich, V. Z. (2015). Armored composite materials with elastomer matrix based on carbon fiber modified with carbon nanotubes. *The Journal ChemChemTech*, *58*(5), 73–77. (In Russ.).

Vasiliev, E. B. (2022). The reality and myths of import substitution in the Russian cable industry. *Cables and Wires*, *2*, 7–13. (In Russ.).

Vinslav, Yu. B. (2022). Mobilization economy as a technology of public administration in the conditions of total sanctions. *Russian Economic Journal*, *4*, 4–29. (In Russ.). https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-4-4-29

Vorontsova, L. V., & Mullayanov, A. Sh. (2023). Russia – Latin America: vectors of political, trade and economic partnership and humanitarian cooperation. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, *12*(1), 33–37. (In Russ.). https://doi.org/10.57145/27128482_2023_12_01_06

Voskresenskaya, O. V. (2023). Anti-crisis measures in the world leading economies and in the Russian economy. *E-Scio*, *9*, 368–376. (In Russ.).

Yakovleva, M. A., Karpova, I. V., & Rotenberg, S. A. (2022). Theoretical analysis of the possibilities to minimize destructive aftermaths of anti-Russian sanctions in transport sphere. In R. A. Kozhevnikov, Yu. I. Sokolov, & Z. P. Mezhokh (Eds.). *Contribution of transport into national economic safety: works of the 7th International scientific-practical conference. Moscow* (pp. 241–245). Moscow. (In Russ.).

Zabolotskaya, V. V., & Yartseva, D. G. (2022). Anti-crisis measures of foreign exchange risks management in Russia in the context of economic sanctions. *Journal of Economy and Entrepreneurship*, *6*, 154–161. (In Russ.).

Zhao, Jun, & Tianjie, Gu. (2022). Offensive and defensive strategies in international lawfares and the legal solutions: From the perspective of domestic law. *Pacific Journal*, *30*(7), 1–14. https://doi.org/10.14015/j.cnki.1004-8049.2022.07.001

Zimovets, A. V., & Marinova, I. V. (2022). Analysis of measures to support the Russian business subjects under anti-Russian sanctions. *Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ehkonomiki*, *1*, 26–31. (In Russ.).

Zozulya, A. V., Zozulya, P. V., Mezina, T. V., & Malyshkin, N. G. (2023). Justification for the development of measures to neutralizesanctions pressure and further development of the Russian economy. *The Eurasian Scientific Journal*, *15*(2). (In Russ.). https://doi.org/10.15862/45ecvn223

ПРИЛОЖЕНИЕ 1 / APPENDIX 1

Пакеты антироссийских санкций и ответные меры 2022–2023*

№ пакета	Дата введения	Название**	Основные объекты санкций, содержание основных санкций в пакете	Ответные меры
12	18.12.2023	Демонстративный	Персональные санкции для физлиц (в том числе часть россиян, купивших или контролирующих переданные им иностранные компании) и юрлиц (в том числе Росфинмониторинг, научно-исследовательские институты, общество «Знание», телеканалы «Спас» и «Царьград», IT-фирмы, ОЭЗ «Алабуга»). Запрет на импорт алмазов и алмазного сырья из России; чугуна, железа, ферросплавов, фольги, медной и алюминиевой проволоки, некоторых труб; пропана, бутана и их смеси. Запрет на экспорт в Россию литиевых батарей, термостатов, запчастей для БПЛА, двигателей постоянного тока, строительных товаров, лазеров, станков и химикатов. Запрет на транзит через Россию товаров, которые могут иметь военное назначение. Ограничения на продажу программного обеспечения, на покупку подержанных танкеров и на вывод средств из ЕС для европейских компаний, возможно, подконтрольных россиянам (более 40 % акций). Предоставление права членам ЕС изымать российские активы с заморозкой компенсации за них. Разделение стоимости фрахта и сопутствующих услуг, чтобы исключить ситуации, когда нефть формально продается ниже потолка цен, а стоимость страхования необоснованно завышается. Экспортеры ЕС должны включать в контракт запрет на перепродажу товаров в Россию	При изъятии или ограничении прав на российские зарубежные активы будет введено внешнее управление активами этой страны в России[106]. Другие ответные демонстративные санкции
13	24.02.2024	Демонстративно-юбилейный	Персональные санкции для физлиц (в том числе пяти российских губернаторов) и юрлиц (в том числе НСПК (для блокировки карты «Мир»), восемь российских банков, компании из Китая, Индии, Турции, Сербии, Таиланда, Сингапура, Казахстана, ОАЭ, Германии, Эстонии, Финляндии, Киргизии, Вьетнама, Ирландии). Всего США наложили санкции более чем на 500 физических и юридических лиц, а ЕС – примерно на 200 таких лиц. Оборудование для производства транзисторов, диодов, полупроводников и товаров на их основе, электротрансформаторы, химикаты, фото- и видеотехника	Ответные демонстративные санкции

Примечание:
* Первые 11 пакетов санкций изучены в первой части данного исследования (Манушин, 2023).
** Предложено исходя из содержания санкций и риторики руководства стран, наложивших санкции.

Источник: [107, 108, 109, 110, 111, 112, 113].

[106] Указ Президента Российской Федерации № 302 от 25.04.2023. СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445530/

[107] Ткачев, И. (2023, 19 декабря). 12-й пакет санкций ЕС против России. Что важно знать. РБК. https://www.rbc.ru/economics/19/12/2023/65807aff9a794779f386ace3?ysclid=lughf0cmxi264811748

[108] Лакстыгал, И., Савенкова, Д., Милькин, В. (2023, 19 декабря). Евросоюз согласовал 12-й пакет санкций против России. Ведомости. https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/12/18/1011713-12-i-paket-sanktsii?ysclid=lugiuzwuhb929879363

[109] Алифирова, Е. (2023, 18 декабря). СУГ, алмазы и потолок цен. 12-й пакет санкций ЕС против России вступил в силу NEFTEGAZ.RU. https://neftegaz.ru/news/gosreg/807917-sug-almazy-i-potolok-tsen-12-y-paket-sanktsiy-es-protiv-rossii-vstupil-v-silu/

[110] Смирнов, Г., Ткачев, И. Евросоюз ввел 13-й пакет санкций против России. (2024, 23 февраля). РБК. https://www.rbc.ru/politics/23/02/2024/65d867029a794734c6dfc082?ysclid=lugkgjkwsd540582535

[111] Новые санкции Евросоюза, США и Канады против России. Главное. (2024, 23 февраля). Известия. https://iz.ru/1654961/2024-02-23/novye-sanktcii-evrosoiuza-ssha-i-kanady-protiv-rossii-glavnoe

[112] Новый пакет санкций ЕС и США. Главное. (2024, 23 февраля). Коммерсантъ. https://www.kommersant.ru/doc/6532320

[113] Тимофеев, И. (2024, 11 марта). Замах на рубль – удар на копейку? Новые санкции против России. РСМД. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zamakh-na-rubl-udar-na-kopeyku-novye-sanktsii-protiv-rossii/?sphrase_id=141248988&ysclid=lw4jdqunsh829438389

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 04.04.2024
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 20.05.2024
Дата принятия в печать / Accepted 20.05.2024

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.369-386**

УДК 330.3:338.2:38.45(470+571)
JEL: L, L38, L5, O1, O14, O25, O3

И. К. Низамутдинов[1]

[1] *Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия*

Особенности реализации промышленной политики в современной российской экономике

Низамутдинов Ирек Камилевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры проектного менеджмента и оценки бизнеса, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: irek.nizamutdinov@kpfu.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0003-3458-7607
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/L-5365-2013
eLIBRARY SPIN-код: 614753

Аннотация

Цель: в современной экономической системе в условиях глобализации эффективная промышленная политика является одним из базовых условий обеспечения устойчивого экономического развития в рамках формирования и развития многополярных экономических систем. Инструментарий реализации промышленной политики формирует условия для опережающего развития национальной и региональной экономики. Целью исследования является выявление ключевых особенностей промышленного развития национальной экономической системы в условиях глобализации, базового инструментария реализации эффективной промышленной политики в российской экономике.

Методы: при рассмотрении особенностей и факторов промышленного развития и инструментария реализации эффективной промышленной политики были использованы методы системного и исторического анализа, методы сравнения и выявления ключевых особенностей реализации и трансформации инструментария промышленной политики в современной российской экономике.

Результаты: на основе анализа мирового опыта реализации промышленной политики в рамках основных моделей промышленного развития были определены преимущества и недостатки каждой соответствующей модели промышленной политики; в рамках инновационной модели промышленного развития систематизированы индикаторы оценки эффективности промышленной политики, а также особенности формирования инновационной среды промышленного развития, выявлены особенности реализации промышленной политики в условиях глобализации в российской экономической системе, структурированы основные инструменты реализации промышленной политики.

Научная новизна: на основе анализа процессов промышленного развития и научных подходов к промышленному развитию и реализации промышленной политики выявлены особенности использования инструментария промышленной политики в российской экономической системе в рамках сочетания и трансформации инструментария инновационной и импортозамещающей моделей реализации промышленной политики, определена противоречивость в изменении роли государства при реализации эффективной промышленной политики в современной экономике в условиях глобализации (тенденции ослабления роли государства в последние десятилетия в развитых экономиках сменяются необходимостью усиления государства в обеспечении формирования эффективного инновационного процесса и промышленного развития), систематизированы инструменты реализации промышленной политики в современной экономической системе на основе анализа мирового опыта.

Практическая значимость: результаты исследования инструментов промышленной политики в современной экономике с учетом регионального аспекта могут быть использованы в рамках налаживания механизмов реализации инновационного процесса и процесса импортозамещения в современной российской экономике на основе сочетания корректировки используемого инструментария и методов реализации промышленной политики, при формировании и реализации программ устойчивого промышленного развития на федеральном и региональном уровне.

Ключевые слова:

региональная и отраслевая экономика, промышленная политика, промышленное развитие, эффективность, глобализация, инновации, импортозамещение

© Низамутдинов И. К., 2024

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Низамутдинов, И. К. (2024). Особенности реализации промышленной политики в современной российской экономике. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(2), 369–386. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.369-386

Scientific article

I. K. Nizamutdinov[1]

[1] *Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia*

Features of industrial policy implementation in the modern Russian economy

Irek K. Nizamutdinov, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Department of Project Management and Business Assessment, Kazan (Volga) Federal University
E-mail: irek.nizamutdinov@kpfu.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0003-3458-7607
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/L-5365-2013
eLIBRARY SPIN-код: 614753

Abstract

Objective: in the modern economic system under globalization, effective industrial policy is one of the basic conditions for ensuring sustainable economic development in the context of multipolar economic systems formation and development. The tools of industrial policy implementation form the conditions for the advanced development of both national and regional economies. The study objective is to identify the key features of industrial development of the national economic system under globalization, as well as the basic tools for the effective industrial policy implementation in the Russian economy.

Methods: when considering the features and factors of industrial development and the tools for the effective industrial policy implementation, we used such methods as system and historical analysis, comparison and identification of the key features of industrial policy implementation and transformation tools in the modern Russian economy.

Results: based on the analysis of the world experience of industrial policy implementation along the main models of industrial development, the advantages and disadvantages of each respective model of industrial policy were determined; within the framework of the innovative model of industrial development, the indicators for assessing the effectiveness of industrial policy were systematized, as well as the peculiarities of the formation of the innovative environment of industrial development; the peculiarities of industrial policy implementation in the Russian economic system under globalization were revealed, the basic tools for the effective industrial policy implementation were structured.

Scientific novelty: based on the analysis of industrial development processes and scientific approaches to industrial development and implementation of industrial policy, the peculiarities of using the industrial policy tools in the Russian economic system were revealed in the framework of combination and transformation of tools of innovative and import-substituting models of industrial policy implementation; the contradiction was identified in the changing role of the state in the implementation of effective industrial policy in the modern economy under globalization (in recent decades, the trend of the weakening role of the state in developed economies is replaced by the need to strengthen the state to ensure effective innovation process and industrial development); the tools for the industrial policy implementation in the modern economic system were systematized based on the analysis of world experience.

Practical significance: the results of the study of industrial policy tools in the modern economy, taking into account the regional aspect, can be used to establish mechanisms for the innovation process implementation and import substitution in the modern Russian economy based on the adjustment of the tools used and the industrial policy implementation methods, in order to form and implement the programs of sustainable industrial development at the federal and regional levels.

Keywords:

regional and branch economics, industrial policy, industrial development, efficiency, globalization, innovation, import substitution

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Nizamutdinov, I. K. (2024). Features of industrial policy implementation in the modern Russian economy. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(2), 369–386. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.369-386

Введение

Промышленное развитие определяет особенности, направления и возможности развития национальной экономической системы. Выбор направлений промышленного развития в современной глобализированной экономике во многом зависит от промышленной политики, проводимой в государствах, реализующих производственные, инфраструктурные и инновационные проекты в рамках повышения конкурентоспособности своей национальной промышленности. Анализ вопросов реализации промышленной политики в целях обеспечения устойчивого промышленного развития в современной российской экономике предполагает рассмотрение различных подходов к ее пониманию. В зависимости от особенностей промышленного развития определяется эффективность используемого инструментария и возможности применения различных методов реализации промышленной политики.

Промышленное развитие может быть рассмотрено на различных уровнях реализации промышленной политики. На уровне национальной или региональной экономической системы возможно изучение промышленного развития в рамках рыночного и ресурсного подходов. При рыночном подходе оценка платежеспособного спроса во влиянии на промышленное развитие становится главным элементом анализа. Ресурсный подход, напротив, рассматривает в качестве базовых элементов промышленного развития национальной экономики особенности формирования и совершенствования инфраструктуры и ресурсной базы в системе эффективного управления промышленностью. Промышленная политика является в данном случае инструментом достижения поставленных целей промышленного развития.

Рассматривая проблемы реализации эффективной промышленной политики и ее инструментария в современной экономике, необходимо отметить, что само понятие промышленной политики появилось в российской экономике еще в 1990-х гг. «Первоначально данный термин трактовался как „отраслевая“ или „секторальная политика“ и, как правило, обозначал меры государства по поддержке или развитию конкретных секторов экономики[1]» (Карманов, 2008). Дальнейшее рассмотрение термина проходило эволюционное развитие в рамках ряда трактовок, предложенных экономистами. А. В. Данилов-Данильян считает, что промышленная политика – это комплекс мер государства, направленных на реализацию конкретных инвестиционных и инфраструктурных проектов в сфере промышленности[2]. В. В. Малаев обращает внимание на то, что ряд сфер экономики в рамках реализации эффективной промышленной политики в целом подлежат регулированию со стороны государства и именно человеческий капитал является одним из наиболее важных факторов, определяющих ее эффективность (Низамутдинов, 2023; Малаев, 2014). А. Р. Сафиуллин с соавторами (2005), «рассматривая особенности формирования отличительных характеристик развития территории, лежащих в основе реализации ее конкурентного промышленного потенциала, определяют эффективность промышленного развития территории в рамках научных подходов таких ученых, как R. P. Rumelt и D. Teece» (Rumelt, 1974, 1984; Teece, 1980, 1982, 2001)[3].

Многообразие подходов к оценке эффективности промышленного развития и эффективности используемого инструментария промышленной политики требует рассмотрения того, что являлось основой про-

[1] Низамутдинов, И. К. (2012). Региональная промышленная политика: особенности формирования и реализации: дис. … канд. экон. наук. Казань. https://cpei.tatarstan.ru/file/File/Диссертация%20-%20Низамутдинов%20И.К.(1).pdf

[2] Данилов-Данильян, А. В. Рыночный подход в импортозамещающей промышленной политике государства. В сб. Современная национальная промышленная политика России. Москва: ИКЦ Академкнига, 2004.

[3] Там же.

мышленного развития в рамках различных подходов к промышленному развитию в условиях современной мировой экономики.

Первыми учеными, рассматривающими и фактически ставшими основателями ресурсного подхода (определяющего в качестве основы промышленного развития совершенствование инфраструктуры и использования ресурсной базы общества), можно считать таких ученых, как Э. Пенроуз (Penrose, 1959) и Б. Вернерфельт (Wernerfelt, 1984, 1995). В российской науке данную теорию развивали В. С. Катькало и А. В. Бухвалов (Бухвалов, 2004, 2008; Katkalo, 2006). При анализе ресурсной базы общества и эффективного управления промышленностью в рамках предложенной ими концепции можно говорить о необходимости направленности инструментария промышленной политики именно на данные аспекты (инфраструктура и ресурсы) для интенсификации развития производства в национальной и региональной экономических системах.

Если ресурсный подход предполагает рассмотрение факторов развития на уровне национальной экономики и отдельного предприятия, то при рассмотрении промышленной политики на уровне отдельного конкретного промышленного предприятия возможно опираться также и на особенности использования процессного подхода. В данном случае развитие отдельного промышленного предприятия фактически определяется плановыми показателями развития, ограничивающими возможности движения к поставленной цели.

«М. Толстель и его последователи фактически анализировали и смогли обосновать методологический подход к обеспечению устойчивого развития промышленного предприятия, Л. Хин рассматривал как базовый элемент промышленной политики технологические инновации. Важность контроля и мониторинга в рамках реализации промышленной политики в свою очередь сформировали необходимость анализа используемых программных средств для обеспечения устойчивого развития промышленных предприятий. Данными исследованиями занимались Е. Лорек и П. Лорек. Чэнь Л. определил модель прогнозирования устойчивого развития, а Д. Краль и Маркич рассматривали процессы развития и реализации инноваций как один из основных элементов обеспечения устойчивого развития промышленного предприятия. В дальнейшем С. Дятлов и Т. Селищев анализировали инструментарий и показатели устойчивого развития. В рамках их анализа было обращено основное внимание на вопросы реализации необходимой коррекции в развитии промышленных предприятий и на реализацию определенных возможных негативных последствий предпринимаемых действий. Анализ существующих адаптационных механизмов позволял обеспечивать устойчивое промышленное развитие в рамках прогнозирования развития текущих процессов. В. Леаль, Ю. Азейтейру, А. Дистерхефт изучали вопросы достижимости поставленных целей в устойчивом развитии, а негативные последствия нерешенных проблем в достижении поставленных целей анализировались в работах Р. Суэн и Ян-Валлентин (Низамутдинов, 2023; Tolstel et al., 2017; Xin, 2013; Lorek & Lorek, 2017; Chen et al., 2015; Kralj & Markic, 2007; Селищев, 2018; Leal et al., 2018; Swain & Yang-Wallentin, 2020).

Таким образом, среди факторов обеспечения устойчивого промышленного развития можно выделить (на основе вышесказанного) множество необходимых условий и параметров обеспечения роста конкурентоспособности национальной промышленности в рамках мировой экономической системы (инфраструктура, ресурсы общества, аспекты формирования инноваций, совершенствование систем контроля, мониторинга и программного обеспечения). Соответственно, промышленное развитие понималось и понимается как результат задействования множества рассмотренных нами потенциальных возможностей и факторов, а промышленная политика в рамках используемого инструментария должна быть направлена на формирование и совершенствование данных условий. Возможности достижения устойчивого промышленного развития при этом связаны с использованием вышеперечисленных факторов в настоящее время без ущерба будущему промышленному развитию организации за счет истощения возможностей эффективного использования данных факторов (в условиях исчерпания их потенциальных и реальных возможностей, морального устаревания либо недостаточного развития в рамках инвестиционного и инновационного процесса на предприятии). Совокупность средств и инструментов, обеспечивающих конкурентоспособность произведенного продукта в условиях обеспечения устойчивого промышленного развития, формируется в рамках мобильности и адаптации промышленного предприятия к конъюнктуре рынка за счет инновационной и инвестиционной активности. Соответственно, методы и инструменты реализации промышленной политики при этом оказываются напрямую связаны с поставленными целями повышения конкурентоспособности национальной промышленности в рамках национальной и мировой экономической системы.

Определив условия реализации промышленного развития и значимость промышленной политики как инструмента достижения поставленных целей, следует обратить внимание на те модели развития промышленности, которые в настоящее время в процессе эволюционного развития сложились в мировой экономической системе. В настоящее время в рамках мировой экономической системы возможно выделение ряда моделей реализации промышленной политики, каждая из которых имеет свой набор инструментария и свои подходы к реализации инновационного и инвестиционного процесса, регулированию процессов промышленного развития. Возможности реализации инструментария каждой модели с учетом ее трансформации к конкретным условиям развития национальной экономики требуют подробного анализа в рамках поставленных целей исследования.

В проведенном нами ранее исследовании[4] мы выделили три базовые модели реализации промышленной политики:

«1. Экспортно ориентированная модель.

2. Импортозамещающая модель.

3. Инновационная модель».

Каждая из данных моделей реализации промышленной политики[5] основана на своем особом инструментарии и предполагает достижение поставленных целей в зависимости от особенностей развития национальной экономической системы.

Необходимость проведения исследования

Объектом проведенного исследования является промышленная политика в современной российской экономике. Предметом исследования при этом выступают особенности ее реализации, возможности и ограничения применяемого инструментария промышленной политики в конкретных условиях развития российской экономики в настоящий момент времени. Промышленная политика в современной мировой экономике основана на множестве моделей возможного промышленного развития и требует рассмотрения опыта реализации промышленной политики в рамках данных моделей. Соответственно задачами проведенного исследования необходимо считать описание значимых характеристик действующей промышленной политики в экономике России, выявление параметров оценки эффективности промышленной политики России с использованием лучших мировых практик, идентификация направлений развития промышленной политики и определение аспектов ее совершенствования в современной России.

В рамках проведенного исследования необходимо определить приоритетность и возможность применения моделей промышленной политики в рамках современной экономики, систематизировать применяемый инструментарий промышленной политики, определить основные моменты возможного пересечения используемого инструментария в условиях решения существующих проблем национальной и региональной экономической системы.

Методы исследования

В рамках сформулированной проблемы анализа используемого инструментария реализации промышленной политики в российской экономике (в рамках трех возможных моделей реализации промышленной политики на основе анализа мирового опыта) при использовании методов исторического и эволюционного анализа, методов системного анализа и синтеза ключевых особенностей реализуемого инструментария каждой выделенной модели промышленной политики, необходимо определить значимость и особенности реализации инструментария промышленной политики, а также классифицировать данный инструментарий применительно к российской экономической системе. В рамках проводимого исследования анализировались статистические данные по реализации инновационного процесса в российской экономике (финансирование и реализация научных исследований в российской экономике, внутренние затраты на исследования и разра-

---

[4] Низамутдинов, И. К. (2012). Зарубежный опыт в формировании промышленной политики. В сб.: Materiály VIII mezinárodní vědecko - praktická konference "Dny vědy - 2012". Díl 13. Ekonomické vědy (с. 81–84). Praha: Publishing House "Education and Science".

[5] Низамутдинов, И. К. (2012). Региональная промышленная политика: особенности формирования и реализации: дис. … канд. экон. наук. Казань. 2012. https://cpei.tatarstan.ru/file/File/Диссертация%20-%20Низамутдинов%20И.К.(1).pdf

ботки в российской экономике по сравнению с другими странами), анализировались особенности развития модели импортозамещения в национальной экономике, в том числе на основе анализа программ стратегического развития высокотехнологических отраслей российской экономики.

Результаты исследования

При рассмотрении инструментария базовых моделей реализации промышленной политики в мировой экономике кратко остановимся на каждой из перечисленных нами моделей.

Экспортно ориентированная модель реализации промышленной политики связана в первую очередь с возможностью развития и совершенствования экспортно ориентированного сектора национальной экономики. В соответствии с данным условием основные меры промышленной политики направлены на повышение конкурентоспособности промышленных секторов национальной экономики на внутреннем и мировом рынке. Возможности использования инструментария стимулирования экспорта в российской экономике в рамках модели были рассмотрены П. В. Трифоновым (Трифонов, 2021).

В то же время рост конкурентоспособности национальной промышленности в рамках модели дает потенциальные возможности для выхода на мировой рынок. При этом реализация промышленной политики со стороны государства возможна через такие инструменты, как:

– поддержка низкого курса национальной валюты,
– использование кредитной поддержки для экспортеров,
– налоговые льготы,
– таможенные льготы.

Целью промышленной политики в рамках данной модели является формирование секторов национальной экономики, направленных на производство конкурентной продукции (в рамках мирового рынка) и реализацию процессов усиления инвестиционных потоков в стране (за счет регулирования направленности использования валютного потока от экспорта услуг и товаров).

При этом экономический рост в экспортно ориентированной части экономики приводит к росту заработных плат и в неэкспортном секторе экономики. За счет притока валюты происходит последующее укрепление курса национальной валюты, что создает возможности повышения благосостояния населения (в том числе и не занятого в экспортных производствах).

У данной модели также есть ряд недостатков. Основные из них связаны с возможным доминированием в национальной экономике сырьевого сектора. В этом случае экспортно ориентированная модель фактически способна приводить к ухудшению структуры промышленности (вытеснению традиционных экспортных отраслей с рынка вследствие происходящего укрепления курса национальной валюты и позиций сырьевого сектора национальной экономики).

Следующей проблемой данной модели можно считать формируемый переток капитала и трудовых ресурсов в сырьевой сектор экономики из обрабатывающей промышленности и возможное падение производительности труда в неэкспортном секторе. Повышение зарплат в экспортно ориентированных секторах экономики приводит к росту совокупного спроса. В результате роста спроса происходит повышение уровня цен. Рост цен вызывает необходимость повышения зарплат в неэкспортном секторе экономики (даже если не увеличивается производительность труда, а в целях реализации общей государственной социальной политики). Все это влечет за собой разбалансирование темпов роста заработной платы и производительности труда в неэкспортном секторе (что ухудшает общую экономическую и социальную ситуацию в экономической системе).

Снижение темпов роста в обрабатывающей промышленности национальной экономики также может увеличивать отставание от общих темпов развития технологического прогресса в целом в мировой экономике, а это в свою очередь способно формировать необходимость закупки нового оборудования за пределами национальной экономики, что в настоящее время в России практически невозможно. Более того, данный процесс способен усиливать зависимость внутреннего рынка от иностранных производителей. Также необходимо учитывать (при направленности на экспорт промышленного оборудования), что наличие импортных компонент в производстве оборудования фактически приводит к росту зависимости стоимости произведенного оборудования и товаров от иностранных производителей. Однако, несмотря на перечисленные недостатки, данная модель промышленной политики может становиться фактором обеспечения экономического и социального развития.

Следующая модель (модель импортозамещения) направлена на обеспечение в максимальной степени независимости внутреннего рынка от внешних факторов. Национальная промышленность в данном случае базируется в своем развитии на внутренних факторах и источниках развития. Возможности и необходимость использования данной модели в ходе развития российской промышленности были подробно рассмотрены в работах А. И. Сорокиной (Сорокина и др., 2022) и В. Н. Борисова (Борисов, Почукаева, 2021). Элементы данной модели уже реализуются в рамках Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2030 г. и на период до 2035 г.[6], а также конкретных стратегий развития по отдельным отраслям промышленности (Стратегия развития станкоинструментальной промышленности на период до 2035 г.[7]). При этом импортозамещающая модель требует использования такого традиционного инструмента классической промышленной политики, как протекционизм, и соответствующей стабильности на рынке национальной валюты. Классический инструментарий промышленной политики в рамках данной модели уже неоднократно доказывал свою эффективность, но может быть ограничен существующим в настоящее время санкционным давлением (на российскую экономику). С одной стороны, импортозамещающая модель становится наиболее предпочтительной (в текущих условиях существования национальной российской экономики), но, с другой, возможности импортозамещения основываются только на существующей инновационной и инвестиционной базе внутри страны, а следовательно, данная модель может эффективно реализовываться только в условиях использования дополнительных инновационных механизмов реализации. В то же время необходимо отметить стабилизирующую роль импортозамещающей модели в улучшении макроэкономических индикаторов и в улучшении экономической ситуации в стране. Развитие по данной модели позволяет ускорять промышленное развитие, решать социальные проблемы, уменьшая уровень безработицы, создавая новые рабочие места и повышая уровень доходов населения.

В свою очередь, отрицательными последствиями реализации импортозамещающей модели можно считать отставание в развитии новых технологий и инноваций национальной экономики от технологических инноваций мирового рынка и отставание в экономическом развитии от других государств в долгосрочном периоде времени. Также модель может консервировать неэффективное распределение ресурсов, нарушение процессов ценообразования и соотношения между ценами на внутреннем и внешнем рынке. Необходимость и вынужденность насыщения внутреннего рынка отечественными товарами требует участия государства в стимулировании внутреннего спроса на них. При этом доступ к импортным товарам ограничивается, а внутреннее производство достаточно часто не может обеспечить необходимое качество произведенных товаров. Особенностью реализации данной модели в российской экономике также традиционно являлось то, что в историческом плане национальные производители не могли в достаточной степени закрывать потребности внутреннего рынка, что приводило к росту цен, обострению социальных проблем и необходимости искать варианты для закупки товаров на внешнем рынке. Фактически в данном случае следует говорить о необходимости формирования приоритетов в развитии импортозамещения для решения вопросов согласования интересов государства и бизнеса в рамках модели. Тем не менее модель имеет наработанный инструментарий и механизмы реализации, что делает ее возможной в условиях усиления санкционного давления на российскую экономику и ограничения доступа к инновациям и инвестициям внешнего рынка.

Инновационная модель является приоритетным направлением реализации промышленной политики в российской экономике (отдельных региональных экономических системах в частности и национальной экономике в целом). Базовыми принципами модели промышленной политики в данном случае можно считать следующие:

«1. Приоритетное стимулирование и поддержка конкурентоспособности отечественной промышленности на мировом рынке.

2. Развитие системы образования и формирование условий для эффективного развития образовательных структур.

3. Формирование условий для создания новых рабочих мест.

4. Стимулирование, формирование и поддержка внутреннего спроса.

---

[6] Распоряжение Правительства РФ № 1512-р от 06.06.2020 (ред. от 07.11.2023). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354707/

[7] Распоряжение Правительства РФ № 2869-р от 05.11.2020. КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/law/hotdocs/65623.html

5. Стимулирование формирования и развития производств с высокой долей добавленной стоимости произведенной продукции»[8].

Инновационные механизмы стимулирования промышленного развития анализировались в рамках модели в работах Н. М. Абдикеева (Абдикеев и др., 2020), М. М. Балашова (Балашов, 2020), A. Miller (Miller & Miller, 2019). Однако необходимо отметить, что данные механизмы требуют налаживания соответствующего инвестиционного процесса и выбора приоритетных сфер развития экономики, позволяющих обеспечить их опережающее развитие на основе возможностей экономической системы и завоевания позиций на мировом рынке. Другие отрасли экономики, не имеющие таких возможностей опережающего развития, в свою очередь могут быть важны для решения ряда других проблем национальной экономики (в том числе социальных).

В то же время фактическая ситуация с реализацией исследований и разработок в российской экономике, по сравнению с другими странами, остается крайне неблагополучной (табл. 1). «Низкий уровень затрат на науку приводит к сокращению числа создаваемых технологий, уменьшению конкурентоспособности национальной промышленности»[9], что становится системной проблемой для российской экономики.

Таблица 1

Внутренние затраты на исследования и разработки в процентах к ВВП

Table 1. Internal costs of research and development as a percentage of GDP

Страна / Country	Сумма затрат, % к ВВП / Amount of expenses, % to GDP		
	2010	2019	2020
Россия / Russia	1,13	1,04	1,10
Китай / China	1,71	2,23	2,40
Австрия / Austria	2,73	3,13	3,22
Бельгия / Belgium	2,06	3,16	3,38
Венгрия / Hungary	1,13	1,48	1,60
Германия / Germany	2,73	3,17	3,13
Дания / Denmark	2,92	2,90	2,97
Испания / Spain	1,36	1,25	1,41
Италия / Italy	1,22	1,46	1,51
Литва / Lithuania	0,78	0,99	1,17
Нидерланды / Netherlands	1,70	2,18	2,32
Польша / Poland	0,72	1,32	1,39
Финляндия / Finland	3,71	2,80	2,91
Франция / France	2,18	2,19	2,35
Швеция / Sweden	3,17	3,39	3,49
Австралия / Australia	2,18	1,80	…
Аргентина / Argentina	0,56	0,46	…
Канада / Canada	1,83	1,75	1,84
Мексика / Mexico	0,49	0,28	0,30
Норвегия / Norway	1,65	2,16	2,28
Республика Корея / Korea	3,32	4,63	4,81
Соединенное Королевство (Великобритания) / United Kingdom	1,64	1,71	…
США / USA	2,71	3,18	3,45
Турция / Turkey	0,79	1,07	1,09
Япония / Japan	3,10	3,21	3,27

Источник: (2022). Российский статистический ежегодник. 2022. Москва: Росстат. По зарубежным странам – базы данных ОЭСР и ЮНЕСКО.

Source: (2022). Russian statistical yearly reference book. Moscow: Rosstat. Information on foreign countries – OECD and UNESCO databases.

[8] Низамутдинов, И. К. (2012). Региональная промышленная политика: особенности формирования и реализации: дис. … канд. экон. наук. Казань. 2012. https://cpei.tatarstan.ru/file/File/Диссертация%20-%20Низамутдинов%20И.К.(1).pdf

[9] Там же.

Определяя значимость инновационной модели как приоритетной в рамках развития российской экономики в настоящее время, необходимо рассмотреть наиболее значимые индикаторы, которые могут использоваться для оценки эффективности реализуемой промышленной политики.

При анализе эффективности реализации промышленной политики, на наш взгляд, первоначально необходимо рассматривать систему индикаторов на основе трех базовых групп, это:

1. Показатели макроэкономического характера.
2. Показатели развития территории.
3. Показатели конкурентоспособности промышленности.

При использовании предложенной системы для оценки реализации промышленной политики нужно учитывать, что одним из базовых факторов развития территории и стабильности экономического и промышленного развития в рамках национальной или региональной экономики следует считать общие параметры макроэкономического развития, параметры конкурентоспособного развития промышленности данной территории в анализируемый период времени. Фактически можно утверждать, что показатели конкурентоспособности территории и внутри национальной экономики, и на международном рынке являются абсолютно необходимым показателем оценки эффективности.

К основным показателям реализации промышленной политики также, на наш взгляд, могут быть отнесены:

«1. Индекс промышленного производства.

2. Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в регионе.

3. Динамика по видам экономической деятельности (добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства и т. д.).

4. Доля промышленности в ВВП и ВРП.

5. Доля обрабатывающих и других производств в общем объеме промышленного производства»[10].

Данные показатели в своей динамике способны демонстрировать направленность и масштабы происходящих в национальной экономике изменений. Наличие официальной статистики по данным показателям позволяет задействовать их в авторском подходе к оценке эффективности реализации промышленной политики.

Анализируя авторский подход к оценке реализации промышленной политики, следует также сказать, что, по нашему мнению, внимание должно быть уделено дополнительно таким показателям (в рамках отдельного блока показателей), как:

– производительность труда;
– динамика занятости населения;
– доля экспорта территории по определенной товарной группе в общероссийском экспорте.

Таким образом, на основании вышесказанного можно утверждать, что если прямыми индикаторами эффективности реализации промышленной политики необходимо считать экономические показатели (ВВП и ВРП, производительность труда, интенсивность инвестиционного потока и инвестиции в основной капитал), то косвенными индикаторами эффективности являются социальные показатели и показатели роста благосостояния населения (уровень доходов и заработной платы, занятость, мобильность населения). При этом все показатели (и экономические, и социальные) основываются на потенциальных возможностях территории к развитию (включая кадровый и управленческий потенциал, а также научный, образовательный потенциал и существующие возможности территории для коммерциализации произведенного научного контента).

Следующим элементом в базовом подходе в оценке реализации промышленной политики, по нашему мнению, стоит определить группу показателей инновационной и экологической направленности.

По направлению инноваций можно выделить:

1. Число организаций, реализующих инновационные исследования.
2. Число инновационно активных промышленных предприятий.
3. Величину внутренних затрат на инновационные исследования.

По направлению экологии и охраны окружающей среды это такие показатели, как:

1. Объемы и факты наличия загрязняющих выбросов в атмосферу (загрязняющих веществ).

[10] Там же.

2. Загрязнение водных ресурсов.

3. Оборотное использование воды.

4. Лесовосстановление.

Значимость экологических параметров и параметров охраны окружающей среды определяется тем, что любая территория развивается во взаимодействии с природной средой. Природная среда, будучи вовлеченной в производственные процессы, сама становится фактором территориального развития, что и требует обязательного учета экологического элемента в анализе любой воспроизводственной территориальной системы.

Также при оценке инновационного развития в рамках реализации промышленной политики логично было бы его рассматривать при последовательном движении по инновационной цепочке:

1. Фундаментальные и прикладные научные исследования.

2. Опытно-конструкторские разработки.

3. Освоение и внедрение данных разработок в производство.

В данном случае именно процесс движения по элементам предложенной цепочки фактически отражает возможности по коммерциализации произведенного научного контента и применению новых знаний в производственном процессе в рамках взаимодействия всех вовлеченных в процесс экономических субъектов (государства, научных и образовательных организаций, производственных предприятий как потребителей произведенного научного продукта). В соответствии с предложенной нами методикой сам процесс и возможности инновационного развития территории могут быть оценены по наличию:

– налаженного процесса производства знаний и возможностей его совершенствования на основе потенциала территории (кадрового, управленческого, научного, образовательного);

– оценки эффективности исследовательской деятельности;

– налаженного процесса передачи знаний;

– инновационной восприимчивости[11].

При этом первый элемент в данной систематизации иллюстрирует непосредственно производство знаний. В этом контексте он включает в себя характеристики кадрового потенциала; показатели производства знаний (масштабы производства), показатели расходов на инновации. При оценке процесса производства знаний возможно рассмотрение следующих параметров:

– Число организаций, реализующих инновационные исследования.

– Численность персонала, реализующего инновационные исследования (в расчете на 10 тысяч населения, занятого в экономике). Данный параметр позволяет осуществлять сопоставление с другими видами деятельности.

– Внутренние затраты на проведение исследований инновационно активными организациями (доля от ВРП в рамках отдельного региона или территории)[12].

Второй элемент предложенной модели, а именно оценка эффективности исследовательской деятельности, должен содержать в себе группу соответствующих индикаторов. В то же время статистические данные, характеризующие на уровне отдельной территории или региона эффективность инновационных исследований, могут содержать в себе некоторые погрешности. Например, такая характеристика, как число современных применяемых технологий, может включать большой повторный счет. Попытки оценить качественные составляющие реализуемых инновационных процессов приводят также к большой неоднозначности. В соответствии с вышесказанным эффективность инновационных исследований, на наш взгляд, было бы логично оценивать по таким показателям, «как коэффициент инновационной активности – число поданных (патентных) заявок на изобретения (в расчете на 10 тысяч населения) и число разработанных инновационных технологий (на 1000 исследователей)»[13]. Более полный анализ инновационного процесса, реализуемого в настоящий момент времени в российской экономике, был представлен нами в рамках статьи «Промышленная политика и инновационный процесс в современной российской экономике»[14].

---

[11] Низамутдинов, И. К. (2012). Региональная промышленная политика: особенности формирования и реализации: дис. … канд. экон. наук. Казань. 2012. https://cpei.tatarstan.ru/file/File/Диссертация%20-%20Низамутдинов%20И.К.(1).pdf

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] Низамутдинов, И. К. (2023). Промышленная политика и инновационный процесс в современной российской экономике. Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки, 8(4), 425–433.

При рассмотрении в национальной экономике взаимосвязи между проводимыми научными исследованиями и производством инновационных товаров и услуг в качестве индикатора было бы оправдано использование в настоящее время оценки стоимости разработок и научных исследований (процент от ВВП). При этом данный показатель имеет смысл разделять на разработки и исследования, проводимые государственным сектором науки, и отдельно научные исследования и разработки, реализуемые (финансируемые) предпринимательским сектором. На уровне отдельной территории или региона данные показатели можно рассчитывать в виде процента от ВРП.

Оценивая возможные показатели для включения в систему индикаторов оценки эффективности реализации промышленной политики, стоит отметить, что за рубежом (в рамках мировой практики) к числу индикаторов эффективности также относят:

1. Существующие потенциальные возможности формирования территориальных кластеров в рамках роста специализации регионов.

2. Существующие условия для повышения конкурентоспособности на рынке (при анализе существующей конкуренции).

3. Возможности для прогнозирования уровня спроса и возможности по его удовлетворению.

4. Существующие инфраструктурные возможности по перемещению информации и товаров.

5. Существующие системы взаимосвязей между промышленными предприятиями и образовательными организациями.

Подводя итог, мы можем утверждать, что в мире используется большое число индикаторов, позволяющих оценить эффективность реализации промышленной политики. По нашему мнению, их можно соединить в блоки, направленные на оценку соответствующих направлений промышленной политики (рис. 1). Именно эти показатели могут использоваться при оценке эффективности инновационной модели промышленной политики в национальной экономической системе.

Тем не менее недостатком инновационной модели, в свою очередь, можно считать необходимое усиление роли государства, реализующего инновационную промышленную политику (в том числе при координации взаимодействия научных, образовательных организаций и бизнес-структур), что противоречит общим тенденциям (послед-

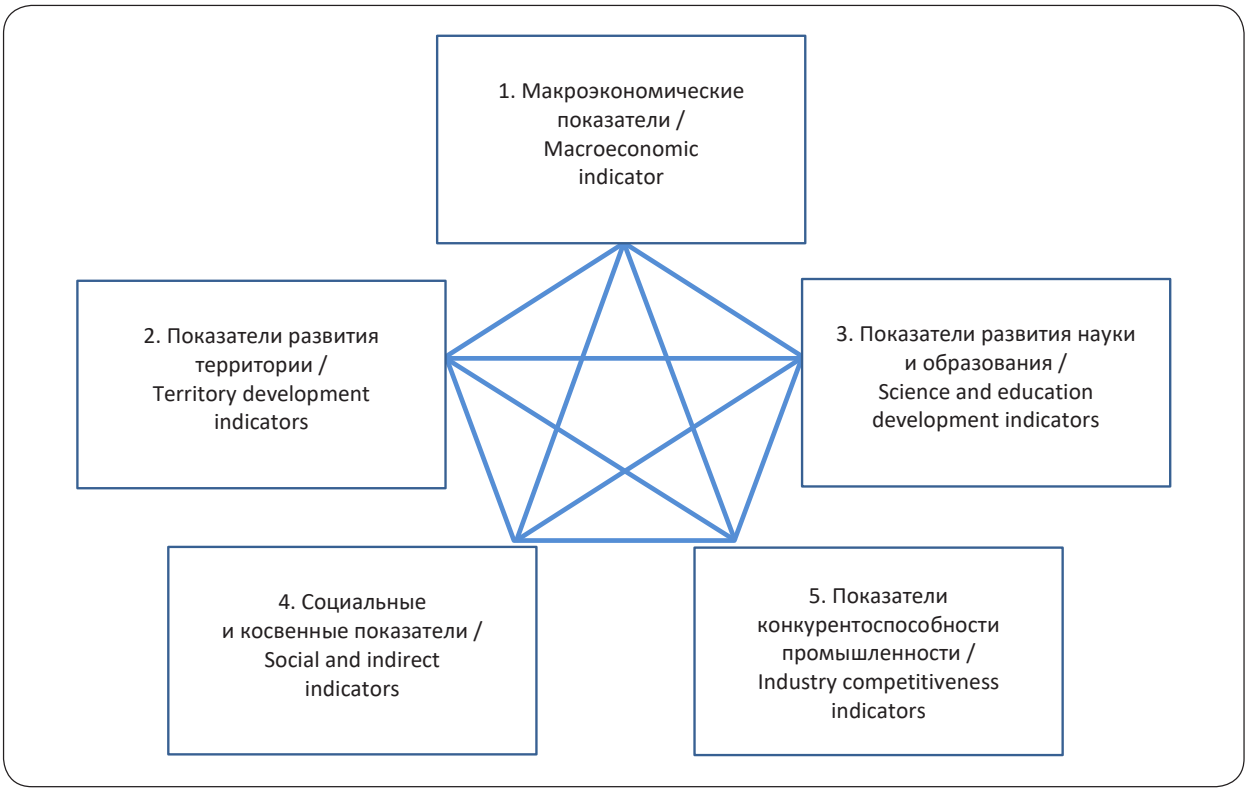


Рис. 1. Показатели оценки эффективности промышленной политики

Fig. 1. Indicators of industrial policy efficiency

них десятилетий), направленным на ослабление роли государства в условиях развития процессов глобализации. Государство достаточно часто также использует нерыночные инструменты для стимулирования развития инновационного процесса (особенно на ранних этапах его формирования). Другим недостатком модели можно считать необходимость наличия в национальной или региональной экономике большого числа подготовленных высококвалифицированных кадров (что изначально требует больших инвестиционных вложений в развитие системы образования). Тем не менее данные недостатки фактически должны быть нивелированы развитием соответствующих направлений в национальной экономике на фоне дополнительно поставленных целей промышленного развития.

В целом структура промышленной политики в рамках инновационной модели промышленной политики предложена нами на рис. 2.

В то же время необходимо отметить, что если экспортно ориентированная модель является достаточно распространенной в настоящее время в тенденциях развития мировой экономики, то к инновационной модели необходимо отнести экономические системы, сделавшие основой своего экономического развития стимулирование экспорта (по различным причинам). В данном случае можно говорить и о странах Ближнего Востока (ОАЭ, Саудовской Аравии, Катаре и других), реализовавших данный путь развития в рамках необходимости и возможности задействовать потенциал, существующий в национальных экономиках в добывающей промышленности, и о странах, направивших свои усилия на развитие экспортно ориентированной обрабатывающей промышленности и экспортирующих не сырье, а готовую продукцию высокотехнологичных отраслей. Фактически страны, существующие за счет стимулирования развития экспорта, в данном контексте могут быть разделены на несколько групп:

1. Страны созданной экспортно ориентированной промышленности в рамках экспорта сырья и природных ресурсов.

2. Страны, реализующие высокотехнологичный экспортный потенциал (США, страны Евросоюза, Китай и др.). Данная группа стран в контексте формирования промышленного развития в значительной степени может быть отнесена и к инновационной модели развития промышленности. Пересечение двух данных моделей происходит по разделу целевых установок и используемого инструментария. Если экспортно ориентированная модель определяется возможностями экспорта и соответствующей поддержкой со стороны

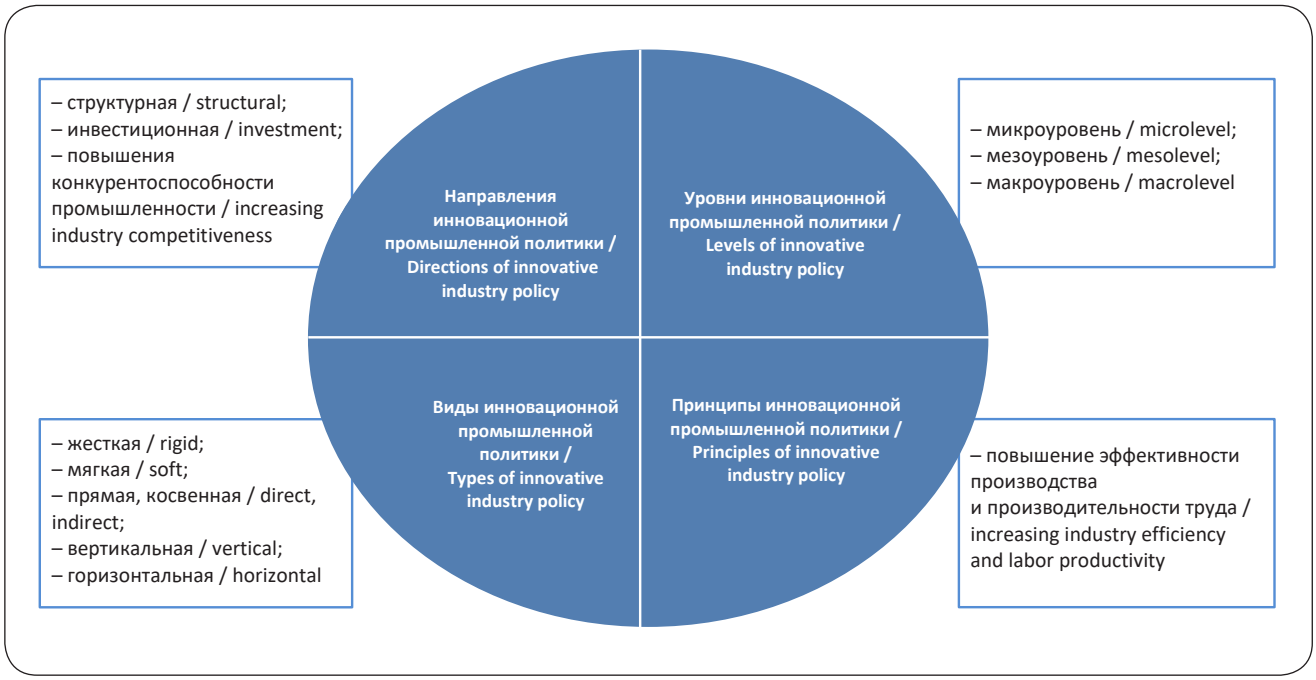


Рис. 2. Структура инновационной промышленной политики
Fig. 2. Structure of innovative industry policy

Источник: (Низамутдинов, 2012).
Source: (Nizamutdinov, 2012).

государства в продвижении своей продукции на внешнем рынке, то инновационная модель реализует свои преимущества за счет формирования и совершенствования инновационного процесса, позволяющего направлять финансовые потоки в рамках мировой экономики именно в сторону конкретных экономических систем (посредством реализации на мировом рынке не только продукции промышленности, но и готовых инновационных технологических решений, в ходе реализации новых технологий и способов производства).

На основе проведенного анализа реализации промышленной политики с учетом трех рассмотренных нами моделей инструменты промышленной политики применительно к российской экономике нами были соединены в пять блоков (табл. 2).

Таблица 2

Инструменты реализации промышленной политики

Table 2. Tools for implementing industry policy

Налогово-бюджетный блок / Tax and budget block	**Социальный блок / Social block**	**Внешнеэкономический блок / Foreign economy block**	**Макроэкономический блок / Macroeconomic block**	**Региональный блок / Regional block**
1. Регулирование величины налогов и возможных налоговых льгот для отечественной промышленности, регулирование состава собираемых налогов и базовых параметров налогообложения / Regulating the amount of taxes and possible tax incentives for the Russian industry, regulating the composition of taxes collected and the basic taxation parameters 2. Использование специальных налоговых режимов / Using special taxation regimes 3. Использование бюджетных инвестиций федерального и регионального бюджетов / Using budget investments of the federal and regional budgets 4. Использование для инвестирования средств федеральных государственных внебюджетных фондов / Using federal state extra-budgetary funds for investment 5. Применение инструментария федеральных и региональных целевых программ / Using tools of federal and regional target programs	1. Государственная политика в сфере занятости и здравоохранения / State policy in the sphere of employment and health care 2. Взаимодействие государства (на федеральном и региональном уровне) с профсоюзами и определение направлений данного взаимодействия / Interaction of the state (at the federal and regional levels) with trade unions and determining the directions of this interaction 3. Государственная политика в сфере образования, подготовки и переподготовки кадров, формирования образовательных программ / State policy in the sphere of education, training and retraining of personnel, elaboration of educational programs 4. Законодательное и нормативное регулирование сферы трудовых отношений в национальной экономике / Legislative and normative regulation of labor relations in the national economy 5. Формирование и совершенствование системы социальных дотаций и гарантий / Forming and improving the system of social subsidies and guarantees	1. Возможности применения протекционизма в регулировании экспорта и импорта (таможенная политика, тарифное и нетарифное стимулирование либо сдерживание внешнеэкономической деятельности) / Possibilities to apply protectionism in regulating exports and imports (customs policy, tariff and non-tariff stimulation or restraint of foreign economic activity) 2. Работа государства в отношении заключения торговых экономических соглашений (двусторонних и многосторонних) / Activities of the state in relation to the conclusion of trade economic agreements (bilateral and multilateral) 3. Регулирование работы иностранных финансовых институтов в рамках национальной экономики / Regulation of foreign financial institutions within the national economy 4. Регулирование процессов миграции / Regulation of migration processes 5. Участие в работе различных международных организаций, отстаивание интересов национальных производителей на внешнем рынке / Participation in the work of various international organizations, defending the interests of national producers in the foreign market	1. Развитие, совершенствование и регулирование функционирования финансовых рынков / Development, improvement and regulation of the financial markets functioning 2. Регулирование структурной перестройки промышленности и процессов, ее определяющих / Regulation of industrial restructuring and the processes that determine it 3. Регулирование уровня деловой активности в стране через изменение величины рублевой денежной массы, через проведение валютных интервенций на открытом рынке / Regulation of the level of business activity in the country through changes in the ruble supply and foreign exchange interventions on the open market 4. Регулирование и совершенствование процесса государственных закупок / Regulation and improvement of the public procurement 5. Совершенствование законодательства и регулирование прав интеллектуальной собственности / Improvement of legislation and regulation of intellectual property rights	1. Регулирование и совершенствование работы рынка недвижимости / Regulation and improvement of the real estate market 2. Регулирование работы организованных товарных рынков / Regulation of the organized commodity markets 3. Совершенствование и регулирование работы учреждений и организаций информационной инфраструктуры / Improvement and regulation of the information infrastructure institutions and organizations 4. Работа по зонированию, размещению производительных сил / Zoning and location of productive forces 5. Сертификация и лицензирование производств определенных товаров и услуг в зависимости от реализуемых приоритетов регионального развития / Certification and licensing of the production of certain goods and services depending on the implemented regional development priorities

Необходимо заметить, что существует пересечение ряда блоков реализации промышленной политики по используемому инструментарию.

Обсуждение

В рамках проведенного анализа и рассмотрения применяемого инструментария реализации эффективной промышленной политики необходимо подчеркнуть возможности пересечения по целям и инструментам рассмотренных выше блоков реализации промышленной политики (табл. 2). Возможности реализации и возможный инструментарий промышленной политики рассматривались в работах Н. Ш. Ватолкиной (Ватолкина, Горбунова, 2015), Е. П. Грабчак (Грабчак и др., 2016) (в ходе анализа модели импортозамещения в национальной экономике), М. А. Бендикова (Бендиков, Ганичев, 2015) (при рассмотрении инновационной модели реализации промышленной политики).

В то же время, обращаясь к предложенной структуре инструментария промышленной политики (табл. 2), необходимо отметить, что пересечение макроэкономического блока реализации промышленной политики с инструментарием внешнеэкономического блока присутствует при проведении действий по регулированию или стабилизации курса национальной валюты в рамках регулирования экспортно-импортных операций. Однако, на наш взгляд, пересечение инструментария может быть и более глобальным. Если исходить из существующей ситуации усиления санкционного давления на российскую экономическую систему и ограничения возможностей российской экономики на внешнем рынке (в сфере международной торговли, привлечения инвестиций и ограничения взаимодействия с внешним рынком в рамках реализации инновационных процессов), достаточно интересным был бы процесс формирования единой валюты для внешнеэкономической деятельности в рамках стран БРИКС или более широкого межгосударственного объединения. В Евросоюзе до появления единой валюты использование ЭКЮ, включающего в себя валюты стран ЕС с определенными весовыми коэффициентами, значительно увеличивало возможности для развития межстрановой торговли. Аналогом такой экономической политики (увеличивающей возможности стран БРИКС для внешней торговли) могло бы стать введение подобной синтетической валюты. Это позволило бы усилить позиции данного межгосударственного объединения на мировом рынке, стабилизировало межстрановую торговлю в рамках данного объединения стран, позволило бы избегать влияния сторонних экономических игроков на процессы внешнеэкономической деятельности. Однако подобный инструментарий не может быть реализован только в рамках макроэкономического инструментария промышленной политики, но требует задействования инструментов также и внешнеэкономического блока.

Особенностью реализации инструментария промышленной политики на социальном уровне, в свою очередь, можно считать необходимость сочетания целей и используемого инструментария на региональном и федеральном уровне с целью повышения эффективности реализации промышленной политики. В отношении инструментария социального блока промышленной политики соответственно также можно утверждать, что в рамках других блоков ее реализации социальный блок становится элементом проведения общей социальной политики государства, реализуемой в рамках промышленного развития. Соответственно, он направлен на коррекцию сопутствующих проблем, формируемых на рынке труда, на рынке образовательных услуг, системы дотаций и социальных льгот. С одной стороны, он является корректирующим инструментом негативных явлений экономического развития, возникающих в условиях ускорения промышленного развития. С другой стороны, в рамках работы образовательной системы он может создавать потенциальные возможности для развития системы науки и реализации научных исследований, что способно оказывать влияние на интенсификацию общего инновационного процесса в национальной экономике (как элемента промышленной политики, проводимой государством).

Относительно инструментария внешнеэкономического блока промышленной политики (регулирование процессов миграции и заключения международных соглашений, привлечение инвестиций из дружественных экономических систем) необходимо сказать, что он может эффективно реализовываться не только на федеральном уровне, но в рамках отдельной региональной экономики. При этом данные действия регионов должны быть определены в рамках законодательного и правового регулирования на федеральном уровне.

Макроэкономический блок также достаточно часто может пересекаться (помимо соответствующего инструментария) с налогово-бюджетным и внешнеэкономическим блоками. Такие инструменты налогово-бюджетного блока, как специальные налоговые режимы, бюджетные инвестиции, налоговые льготы, могут быть отнесены и к макроэкономическому блоку. В соответствии с этим возможно разделение, на наш взгляд, налогового и бюджетного инструментария на инструменты отдельно регионального и федерального уровня реализации. Инструменты федерального уровня в дополнение к вышеперечисленным инструментам (табл. 2) должны входить непосредственно в макроэкономический блок инструментария, а инструменты регионального уровня могут быть

отнесены именно к налогово-бюджетному блоку. Подобная структура разделения инструментария макроэкономического и налогово-бюджетного блока, на наш взгляд, позволила бы более точно применять соответствующий инструментарий конкретно на необходимом уровне достижения поставленных целей промышленной политики, а также это способствовало бы функциональному разделению в ходе составления программ регионального развития при задействовании соответствующих инструментов. Более конкретно можно говорить также о различных целях промышленной политики, решаемых в рамках макроэкономического блока и налогово-бюджетного блока. По нашему мнению, макроэкономический блок реализации промышленной политики более связан с федеральным регулированием экономических процессов, является долгосрочным и направлен на достижение макроэкономической стабилизации в краткосрочном периоде и на обеспечение условий для устойчивого экономического роста в долгосрочном периоде времени. Налогово-бюджетный блок является инструментарием в достижении более конкретных целей регионального или даже микроэкономического подхода в регулировании процессов промышленного развития. Именно в рамках налогово-бюджетного блока рассматриваются и решаются вопросы поддержки в рамках налоговых льгот и соответствующих налоговых режимов (а также с помощью возможного субсидирования из бюджета или формирования внутреннего стабильного спроса на продукцию промышленных предприятий со стороны государства) определенных промышленных предприятий или отраслей промышленности в целом. Таким образом макроэкономический и налогово-бюджетный блок отличаются периодом времени задействования инструментария промышленной политики и целями ее реализации.

Заключение

В ходе исследования условий формирования и развития промышленной политики в разных странах (на основе выделения и рассмотрения трех типов существующих систем ее реализации) определены возможные точки пересечения инструментария моделей, что позволяет предложить более конкретную структуру данных моделей (при включении соответствующих стран в ту или иную модель). В данном случае модели реализации промышленной политики могли бы быть структурированы по следующим группам.

1. Инновационная модель (США и группа западноевропейских стран). Несмотря на значительные различия между европейскими странами и США, мы все же предлагаем их соединить в рамках одной модели. Данный тип модели направлен на ориентацию в экономическом развитии на экспорт продукции высокотехнологичных отраслей промышленности и налаживание эффективного инновационного процесса (в рамках реализации и продажи инновационных способов производства).

2. Восточноазиатская модель развития промышленной политики (Китай, Южная Корея, Япония). В данном случае речь идет о совершенствовании инновационного процесса и развитии промышленности в рамках новых центров производства и формирования инноваций.

3. Альтернативная модель развития промышленной политики (Сингапур, Чили, Таиланд). Ориентирована в развитии на использование традиционных институциональных особенностей развития национальной экономики и промышленности[15].

Дальнейший анализ моделей данной структуры, в свою очередь, требует дальнейших исследований. При этом важное значение приобретает возможность использования инструментария данных моделей применительно к российской экономике. При периодизации этапов трансформации промышленной политики в российской экономике на период до 2014 г., с 2014 до 2022 г. и начиная с 2022 г. по настоящее время возможна оценка применимости инструментария каждой выделенной модели к соответствующему этапу промышленного развития России (что требует дополнительного дальнейшего исследования).

Также, определив соответствующую структуру распределения инструментария по направлениям реализации промышленной политики, необходимо сделать несколько уточнений.

Во-первых, при рассмотрении возможностей становления и развития инновационной модели реализации промышленной политики необходимо учитывать усиление роли государства на этапе становления модели (что в целом противоречит установившейся в последние десятилетия тенденции на ослабление роли государства в регулировании экономических процессов в условиях глобализации). Данные процессы усиления роли государ-

[15] Низамутдинов, И. К., Низамутдинова, Д. Р. (2023). Трансформация промышленной политики в российской экономике на основе анализа мирового опыта. OpenScience, 5(4), 96–109.

ства, в свою очередь, могут означать ослабление роли глобализации в современном мире и формирование новых тенденций в развитии промышленного производства (что требует дальнейшего исследования развития процессов антиглобализации и регионализации мировой экономики). В то же время при усилении роли государства при реализации промышленной политики следует учитывать, что в долгосрочной перспективе, по нашему мнению, более эффективным является использование косвенных, а не прямых инструментов, обеспечивающих развитие промышленного производства. Использование прямого инструментария, помимо этапа становления модели, возможно в случае усиления глобальных кризисных явлений, в условиях существующего политического вмешательства в экономическую ситуацию со стороны ряда игроков мирового рынка, в условиях усиления санкционного давления.

Во-вторых, в отношении развития промышленности в российской экономике, в свою очередь, необходимо отметить сочетание необходимости задействования инструментария как импортозамещающей модели, так и инновационной модели промышленной политики (как результат существующего санкционного давления на российскую экономику и вследствие необходимости обеспечивать долгосрочные аспекты развития российской экономики), что требует формирования новой импортозамещающей инновационной модели промышленной политики в развитии отечественной промышленности.

В целом можно утверждать, что общим условием роста эффективности реализации промышленной политики мы можем считать непосредственную поддержку со стороны государственных органов власти (федерального и регионального уровня) развития и совершенствования инновационного процесса и процесса импортозамещения, способствование развитию экспорта, совершенствование системы взаимосвязей бизнеса с научными и образовательными организациями, страхование рисков и стимулирование инвестиций, обеспечивающих возможности развития конкурентных преимуществ отечественной промышленности.

Список литературы

Абдикеев, Н. М., Богачев, Ю. С., Трифонов, П. В., Донцова, О. И. (2020). Приоритетные направления развития авиационной промышленности. *Полет*, *9*, 24–31.

Балашов, М. М. (2020). Импортозамещение в отрасли энергетического машиностроения. *Стратегические решения и риск-менеджмент*, *11*(2), 182–195. https://doi.org/10.17747/2618-947X-2020-2-182-195

Бендиков, М. А., Ганичев, Н. А. (2015). Электронная импортозависимость и пути ее преодоления (на примере космической промышленности). *Экономический анализ: теория и практика*, *3*, 2–17.

Борисов, В. Н., Почукаева, О. В. (2021). Развивающее импортозамещение как следствие роста конкурентоспособности инвестиционной техники. *Развитие территорий*, *2*, 10–18. https://doi.org/10.32324/2412-8945-2021-2-10-18

Бухвалов, А. В., Катькало, В. (2008). Современные трактовки стратегий диверсификации. *Российский журнал менеджмента*, *6*(1), 57–64.

Бухвалов, А. В., Катькало, В. (2004). Новые тенденции в концептуализации стратегического управления инновациями. *Российский журнал менеджмента*, *2*(4), 59–66.

Ватолкина, Н. Ш., Горбунова, Н. В. (2015). Импортозамещение: зарубежный опыт, инструменты и эффекты. *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*, *6*, 29–39. https://doi.org/10.5862/je.233.3

Грабчак, Е. П., Медведева, Е. А., Голованов, К. П. (2016). Импортозамещение – драйвер развития или вынужденная мера. *Энергетическая политика*, *3*, 74–85.

Карманов, Ю. (2008). Промышленная политика и внешнеэкономические связи. *Экономист*, *6*, 31–35.

Малаев, В. В., Низамутдинов, И. К. (2014). Неравенство и экономическое развитие общества. *Экономический вестник Республики Татарстан*, *1*, 38–42.

Низамутдинов, И. К. (2012). Реализация промышленной политики в Республике Татарстан. В сб. *Современные проблемы глобализации мирового хозяйства и социально-культурного развития человека: материалы докладов итоговой научно-практической конференции* (т. II, с. 228–230). Казань: Изд-во Института экономики и финансов К(П)ФУ.

Низамутдинов, И. К. (2023). Промышленная политика и инновационный процесс в современной российской экономике. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*, *8*(4), 425–433. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-4-498-506

Сафиуллин, А. Р., Сафиуллина, К. Г., Гатауллина, Л. Р. (2005). Промышленный профиль как основа конкурентных преимуществ территории. *Вестник Казанского гос. аграрного университета*, *10-2*(36), 41–48.

Селищев, Т. А. (2018). «Зеленая» экономика как модель устойчивого развития стран ЕАЭС. *Проблемы современной экономики*, *3*(67), 6–12.

Сорокина, А. И., Можарова, Е. И., Бордова, А. А. (2022). Импортозамещение в современных условиях. *Сборник научных трудов Ангарского государственного технического университета*, *19*, 360–367.

Трифонов, П. В. (2021). Анализ конкурентоспособности продукции высокотехнологичного сектора обрабатывающей промышленности РФ на внутренних и внешних рынках. *Научные труды Вольного экономического общества России*, *230*(4), 196–203. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-230-4-196-203

Chen, J. L., Xiao, Y. C., & Zhou, J. L. (2015). Comprehensive Evaluation and Prediction Model of Sustainable Development. *Proceedings of the 2015 Joint International Mechanical, Electronic and Information Technology Conference* (pp. 565–569). https://doi.org/10.2991/jimet-15.2015.107

Katkalo, V. S. (2006). *Evolution of the theory of strategic management*. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University.

Kralj, D., & Markic, M. (2007). Sustainable development and processes innovation. *Environmental Science, Ecosystems and Development*.

Leal Filho, W., Azeiteiro, U., Alves, F., Pace, P., Mifsud, M., Brandli, L., … Disterheft, A. (2018). Reinvigorating the sustainable development research agenda: the role of the sustainable development goals (SDG). *International Journal of Sustainable Development and World Ecology*, *25*(2), 131–142. https://doi.org/10.1080/13504509.2017.1342103

Lorek, E., & Lorek, P. (2017). Modern software tools in sustainable development programming. *Ekonomia i srodowisko – economics and environment*, *60*, 72–80.

Miller, A., & Miller, M. (2019). Study of the problems of technological integration in the manufacturing industry in Russia. *Strategic Management*, *24*(3), 33–42. https://doi.org/10.5937/straman1903033m

Penrose, E. (1959). *The theory of growth of the firm*. New York.

Rumelt, R. P. (1984). Towards a strategic theory of the firm. In R. B. Lamb (Ed.), *Competitive strategic management*. Englewood Cliffs.

Rumelt, R.P. (1974). *Strategy, structure and economic performance*. Boston.

Swain, R., & Yang-Wallentin, F. (2020). Achieving sustainable development goals: predicaments and strategies. *International Journal of Sustainable Development and World Ecology*, *2*, 96–106.

Teece, D. J. (1980). Economies of scope and the scope of the enterprise. *Journal of Economic Behavior & Organization*, *1*, 223–245.

Teece, D. J. (2001). *Managing intellectual capital*. New York.

Teece, D. J. (1982). Towards an economic theory of the multi-product firm. *Journal of Economic Behavior & Organization*, *3*, 39–63.

Tolstel, M. S., Kosinova, N. N., & Chigareva, T. V. (2017). Development of Methodological Approach to Analysis of Sustainable Development of Industrial Enterprises Under the Conditions of Clustering. In E. Popkova (Ed.), *Russia and the European Union: development and perspectives* (pp. 299–305). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-55257-6_39

Wernerfelt, B. (1984). A resource-based view of the firm. *Strategic Management Journal*, *5*(2), 171–180. https://doi.org/10.1002/smj.4250050207

Wernerfelt, B. (1995). A resource-based view of the firm: ten years after. *Strategic Management Journal*, *16*(3), 171–174. https://doi.org/10.1002/smj.4250160303

Xin, L. (2013). The Researches on Operational Mechanism of Circular Ecoomy. In *International Conference on Management* (pp. 725–730).

References

Abdikeev, N. M., Bogachev, Yu. S., Trifonov, P. V., & Dontsova, O. I. (2020). Priority directions of aviation industry development. *Polet*, *9*, 24–31. (In Russ.).

Balashov, M. M. (2020). Import substitution in the power engineering industry. *Strategic Decisions and Risk Management*, *11*(2), 182–195. (In Russ.). https://doi.org/10.17747/2618-947X-2020-2-182-195

Bendikov, M. A., & Ganichev,. N. A. (2015). Dependence on electronic components import and ways to overcome it (the space industry case). *Economic Analysis: Theory and Practice*, *3*, 2–17. (In Russ.).

Borisov, V. N., & Pochukaeva, O. V. (2021). Developing import substitution as a result of the growth of the competitiveness of investment equipment. *Territory Development*, *2*, 10–18. (In Russ.). https://doi.org/10.32324/2412-8945-2021-2-10-18

Bukhvalov, A. V., & Katkalo, V. (2008). Modern interpretations of diversification strategies. *Russian Management Journal*, *6*(1), 57–64. (In Russ.).

Bukhvalov, A. V., & Katkalo, V. (2004). New trends in conceptualization of strategic management of innovations. *Russian Management Journal*, *2*(4), 59–66. (In Russ.).

Chen, J. L., Xiao, Y. C., & Zhou, J. L. (2015). Comprehensive Evaluation and Prediction Model of Sustainable Development. *Proceedings of the 2015 Joint International Mechanical, Electronic and Information Technology Conference* (pp. 565–569). https://doi.org/10.2991/jimet-15.2015.107

Grabchak, E., Medvedeva, E., & Golovanov, K. (2016). Import replacement – driver for evolution or forced measure. *Energy Policy*, *3*, 74–85.

Karmanov, Yu. (2008). Industrial policy and foreign economic links. *Economist*, *6*, 31–35. (In Russ.).

Katkalo, V. S. (2006). *Evolution of the theory of strategic management*. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University.

Kralj, D., & Markic, M. (2007). Sustainable development and processes innovation. *Environmental Science, Ecosystems and Development*.

Leal Filho, W., Azeiteiro, U., Alves, F., Pace, P., Mifsud, M., Brandli, L., … Disterheft, A. (2018). Reinvigorating the sustainable development research agenda: the role of the sustainable development goals (SDG). *International Journal of Sustainable Development and World Ecology*, *25*(2), 131–142. https://doi.org/10.1080/13504509.2017.1342103

Lorek, E., & Lorek, P. (2017). Modern software tools in sustainable development programming. *Ekonomia i srodowisko – economics and environment*, *60*, 72–80.

Malaev, V. V., & Nizamutdinov, I. K. (2014). Inequality and economic development of the society. *Economic Bulletin of the Republic of Tatarstan*, *1*, 38–42. (In Russ.).

Miller, A., & Miller, M. (2019). Study of the problems of technological integration in the manufacturing industry in Russia. *Strategic Management*, *24*(3), 33–42. https://doi.org/10.5937/straman1903033m

Nizamutdinov, I. K. (2012). Industrial policy implementation in the Republic of Tatarstan. In *Modern issues of the world economy globalization and human social-cultural development: works of the concluding scientific-practical conference* (Vol. II, pp. 228–230). Kazan: Publishing house of the Institute of Management, Economics and Finance of Kazan Federal University.

Nizamutdinov, I. (2023). Industrial Policy and Innovation Process in the Modern Russian Economy. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic sciences*, *8*(4), 425–433. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-4-498-506

Penrose, E. (1959). *The theory of growth of the firm*. New York.

Rumelt, R. P. (1984). Towards a strategic theory of the firm. In R. B. Lamb (Ed.), *Competitive strategic management*. Englewood Cliffs.

Rumelt, R.P. (1974). *Strategy, structure and economic performance*. Boston.

Safiullin, A. R., Safiullina, K. G., & Gataullina, L. R. (2005). Industrial profile as the basis for competitive advantages of a territory. *Vestnik of Kazan State Agrarian University*, *10-2*(36), 41–48. (In Russ.).

Selishchev, T. A. (2018). "Green" economy as a model for sustainable development of EAEU states. *Problems of Modern Economics*, *3*(67), 6–12. (In Russ.).

Sorokina, A. I., Mozharova, E. I., & Bordova, A. A. (2022). Import substitution in modern conditions. *Collection of scientific works of Angarsk State Technical University*, *19*, 360–367. (In Russ.).

Swain, R., & Yang-Wallentin, F. (2020). Achieving sustainable development goals: predicaments and strategies. *International Journal of Sustainable Development and World Ecology*, *2*, 96–106.

Teece, D. J. (1980). Economies of scope and the scope of the enterprise. *Journal of Economic Behavior & Organization*, *1*, 223–245.

Teece, D. J. (1982). Towards an economic theory of the multi-product firm. *Journal of Economic Behavior & Organization*, *3*, 39–63.

Teece, D. J. (2001). *Managing intellectual capital*. New York.

Tolstel, M. S., Kosinova, N. N., & Chigareva, T. V. (2017). Development of Methodological Approach to Analysis of Sustainable Development of Industrial Enterprises Under the Conditions of Clustering. In E. Popkova (Ed.), *Russia and the European Union: development and perspectives* (pp. 299–305). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-55257-6_39

Trifonov, P. V. (2021). Analysis of the competitiveness of products of high-tech sector of the manufacturing industry of the Russian Federation in domestic and foreign markets. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, *230*(4), 196–203. (In Russ.). https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-230-4-196-203

Vatolkina, N. Sh., & Gorbunova, N. V. (2015). Import substitution: international experience, instruments. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*, *6*, 29–39. (In Russ.). https://doi.org/10.5862/je.233.3

Wernerfelt, B. (1984). A resource-based view of the firm. *Strategic Management Journal*, *5*(2), 171–180. https://doi.org/10.1002/smj.4250050207

Wernerfelt, B. (1995). A resource-based view of the firm: ten years after. *Strategic Management Journal*, *16*(3), 171–174. https://doi.org/10.1002/smj.4250160303

Xin, L. (2013). The Researches on Operational Mechanism of Circular Ecoomy. In *International Conference on Management* (pp. 725–730).

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 18.10.2023
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 18.03.2024
Дата принятия в печать / Accepted 20.05.2024

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.387-421**

УДК 65.01:[001.895:004:37]
JEL: I2, L86, O3

А. И. Шинкевич[1],
Э. Ш. Шаймиева[2],
Г. И. Гумерова[3]

[1] Казанский национальный исследовательский технологический университет, г. Казань, Россия
[2] Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова, г. Казань, Россия
[3] Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия

Цифровизация образовательных организаций как продукт- и процесс-инновация в экономике данных: управленческо-методические аспекты

Шинкевич Алексей Иванович, доктор экономических наук, доктор технических наук, заместитель директора по научно-проектной деятельности Института управления инновациями, заведующий кафедрой логистики и управления, профессор, главный научный сотрудник, Казанский национальный исследовательский технологический университет
E-mail: ShinkevichAI@corp.knrtu.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-1881-4630
Web of Science Researcher ID: https://www.webofscience.com/wos/author/record/ABD-4853-2020
eLIBRARY SPIN-код: 1113-1261

Контактное лицо:
Шаймиева Эльмира Шамилевна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры управления, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова
E-mail: shaimieva@ieml.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-9588-0199
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/P-7565-2015
eLIBRARY SPIN-код: 5592-5270

Гумерова Гюзель Исаевна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: GIGumerova@fa.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-5198-7576
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/H-6985-2017
eLIBRARY SPIN-код: 4426-5494

Аннотация

Цель: заключается в раскрытии сущности цифровизации образовательных организаций как реализации продукт- и процесс-инноваций их инновационной деятельности с точки зрения управления, включающей (здесь) статистику инноваций в экономике данных. Задачи исследования: формулирование сущности цифровизации образовательных организаций как продукт- и процесс-инноваций их инновационной деятельности в цифровой экономике на основе анализа трудов исследователей; выявление продукт- и процесс-инноваций как результата цифровизации образовательных организаций; формирования инструментарий цифровизации образовательных организаций в разрезе продуктовых и процессных инноваций в виде методического материала.

Методы: анализ, синтез, классифицирование. Объект исследования: процессы цифровизации образовательных организаций как составная часть их инновационной деятельности в четвертой промышленной революции. Предмет: продуктовые и процессные инновации, реализуемые в процессе цифровизации образовательных организаций.

© Шинкевич А. И., Шаймиева Э. Ш., Гумерова Г. И., 2024

Результаты: в работе выявлены продукт- и процесс-инновации как результат цифровизации образовательных организаций, составлен их перечень, при этом учтены процессы виртуализации активов, управления и платформизации во внутренней и внешних средах образовательной организации. Уточнено понятие «цифровизация образовательных организаций» как совокупности процессов виртуализации и платформизации, рассматриваемого как составная часть инновационной деятельности образовательных организаций, результатом которой являются продуктовые и процессные инновации. Разработаны рекомендации для экспертов в области цифровизации образовательных организаций в частях нормативно-правового регулирования исследуемого процесса, его организации, методического обеспечения; достижения технологического суверенитета образовательной системы на основе внедрения продуктовых и процессных инноваций.
Научная новизна: заключается в раскрытии сущности цифровизации образовательной организации как части ее инновационной деятельности, с выделением продукт- и процесс-инноваций в направлениях виртуализации и платформизации в теории и практике вопроса.
Практическая значимость: результаты исследования могут быть использованы при формировании стратегий управления продуктовыми, процессными инновациями, возникающими в процессе цифровизации образовательных организаций, при сборе статистической информации об инновационной деятельности образовательных организаций в цифровой экономике.

Ключевые слова:
региональная и отраслевая экономика, управление инновациями, продуктовые инновации, процессные инновации, цифровизация образовательных организаций, экономика данных

Благодарности:
авторы выражают благодарность рецензентам за ценные замечания в области нормативного регулирования деятельности образовательных организаций; Григорьеву Руслану Аркадиевичу за высказанные оригинальные идеи, замечания, рекомендации, благодаря которым была улучшена работа.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Шинкевич, А. И., Шаймиева, Э. Ш., Гумерова, Г. И. (2024). Цифровизация образовательных организаций как продукт- и процесс-инновация в экономике данных: управленческо-методические аспекты. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(2), 387–421. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.387-421

Scientific article

A. I . Shinkevich[1],
E. Sh. Shaimieva[2],
G. I. Gumerova[3]

[1] *Kazan National Research Technological University, Kazan, Russia*
[2] *Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia*
[3] *Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia*

Digitalization of educational organizations as a product- and process-innovation in the data economy: managerial and methodological aspects

Alexey I. Shinkevich, Dr. Sci. (Economics), Dr. Sci. (Engineering), Deputy Director for scientific and project activities of the Institute of Innovation Management, Head of the Department of Logistics and Management, Professor, Chief Researcher, Kazan National Research Technological University

E-mail: ShinkevichAI@corp.knrtu.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-1881-4630
Web of Science Researcher ID: https://www.webofscience.com/wos/author/record/ABD-4853-2020
eLIBRARY SPIN-код: 1113-1261

Contact:
Elmira Sh. Shaimieva, Dr. Sci. (Economics), Associate professor, Professor of the Department of Management, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
E-mail: shaimieva@ieml.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-9588-0199
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/P-7565-2015
eLIBRARY SPIN-код: 5592-5270

Guzel I. Gumerova, Dr. Sci. (Economics), Professor, Professor of the Department of Management, Financial University under the Government of the Russian Federation
E-mail: GIGumerova@fa.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-5198-7576
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/H-6985-2017
eLIBRARY SPIN-код: 4426-5494

Abstract

Objective: to reveal the essence of educational organizations' digitalization as the implementation of product- and process-innovations in their innovation activity from the managerial viewpoint, including (here) innovation statistics in the data economy. The research tasks were: to formulate the essence of educational organizations' digitalization as product- and process-innovations in their innovation activity in the digital economy based on the analysis of scientific works; to identify product- and process-innovations as a result of educational organizations' digitalization; to form tools of educational organizations' digitalization in the context of product- and process-innovations in the form of methodological material.

Methods: analysis, synthesis, classification. The study object is the processes of educational organizations' digitalization as an integral part of their innovative activity under the fourth industrial revolution. The study subject matter is product- and process-innovations implemented in the process of educational organizations' digitalization.

Results: the paper identifies product- and process-innovations as a result of educational organizations' digitalization, compiles a list of them, while taking into account the processes of virtualization of assets, management and platformization in the internal and external environments of an educational organization. The concept of "digitalization of educational organizations" was clarified: it is a set of processes of virtualization and platformization, considered as an integral part of the innovative activity of educational organizations, which results in product- and process-innovations. Recommendations for experts in the field of educational organizations' digitalization were developed, in terms of normative and legal regulation of the process under study, its organization, methodological support and achievement of the educational system's technological sovereignty based on the introduction of product- and process-innovations.

Scientific novelty: consists in revealing the essence of an educational organization's digitalization as part of its innovative activity, while distinguishing the product- and process-innovations in theoretical and practical virtualization and platformization of the issue.

Practical significance: the study results can be used to form strategies for managing product- and process-innovations arising during digitalization of educational organizations and to collect statistical information on the innovation activity of educational organizations in the digital economy.

Keywords:

regional and branch economics, innovation management, product innovations, process innovations, digitalization of educational organizations, data economy

Acknowledgements

The authors express their gratitude to the reviewers for valuable comments in the field of normative regulation of educational organizations; to Ruslan Arkadiyevich Grigoriev for the novel ideas, comments and recommendations which helped to improve the work.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Shinkevich, A. I ., Shaimieva, E. Sh., & Gumerova, G. I. (2024). Digitalization of educational organizations as a product- and process-innovation in the data economy: managerial and methodological aspects. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(2), 387–421. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.387-421

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий в системе образования всех уровней (общего и профессионального) в экономике данных включает использование цифровых платформ, цифровых экосистем, иных цифровых технологий, что является неотъемлемой частью процесса цифровизации образования. При этом по аналогии с термином «Цифровая экономика» данное явление также многогранно и представляет собой фреймовую структуру, входящую в цифровую экономику как крупный субсектор[1]. В развитии цифровой экономики значение приобретают: 1. «…Подготовка классификатора для обеспечения унификации данных для различных отраслей экономики…». 2. «…Разработка стимулирующих мер поддержки участников рынка, направленных на повышение качества данных и их востребованность…» [2, 3].

Инновационная активность организации, на основе которой осуществляется «…моделирование устойчивости инноваций…», опирается на выбранный в каждом конкретном случае (исследовании, статистическом учете и т. д.) показатель: патентную активность, затраты на научно-исследовательские опытно-конструкторские работы (НИОКР), объемы выпущенной инновационной продукции (Канева, 2013. С. 96–97). В свою очередь, цифровизация образовательных организаций как составляющая их инновационной деятельности в экономике данных должна способствовать развитию, уточнению разнообразных данных в области инновационной деятельности применительно к области цифровизации, формируемых на различных соответствующих платформах, системах, причем сбор данных должен носить стандартизированный характер, данные должны быть согласованными (т. е. «…взаимосвязанными и непротиворечивыми…») и сопоставимыми, где под «сопоставимостью» понимается «…взаимная непротиворечивость количественных показателей, характеризующих различные подсистемы и аспекты социально-экономического развития…» (Маршова, 2017. С. 28).

Отсюда с точки зрения управления инновационной деятельностью образовательных организаций возникает вопрос о необходимости диагностирования видов инноваций, реализуемых ими в процессе цифровизации. Данная задача исследования носит методический характер в целях:

---

[1] Согласно Н. В. Юдиной, О. А. Калугиной, «термин отличает многозначность его трактовок, что приводит к неоднозначности смыслов и, как результат, некорректной объективизации языковой картины мира» (Юдина, Калугина, 2023. С. 1565–1566). Необходимо отметить различия в определении понятий «цифровая экономика» и «экономика данных». Согласно статистическому сборнику «Цифровая экономика: 2024», «…цифровая экономика – деятельность по созданию, распространению и использованию цифровых технологий и связанных с ними продуктов и услуг…» (Абашкин, В. Л., Абдрахманова, Г. И., Вишневский, К. О., Гохберг, Л. М. и др. (2024). Цифровая экономика: 2024: краткий статистический сборник (с. 120). Москва: ИСИЭЗ ВШЭ. https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/892396113.pdf). В разрабатываемом в настоящее время Национальном проекте «Экономика данных» отмечена его цель, заключающаяся в переводе экономики, социальной сферы, органов власти на качественно новые принципы работы, внедрения управления на основе данных, выхода на новый уровень в логистике, телемедицине, онлайн-образовании, предоставлении госуслуг. Если при развитии цифровой экономики речь шла о цифровых технологиях, то в фокусе НП «Экономика данных» следующие области: сбор данных, передача данных и развитие систем связи, хранение данных, безопасность данных, стандарты и протоколы работы с данными, обработка и анализ данных, репозитории открытого кода. В России появится новый нацпроект – «Экономика данных». Отсюда формируется требование к данным как основе экономики данных с различных точек зрения (В России появится новый нацпроект — «Экономика данных». Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. https://digital.gov.ru/ru/events/45686/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f).

[2] (2023, 21 декабря). Михаил Мишустин дал поручения по итогам стратегической сессии, посвященной нацпроекту «Экономика данных». Правительство Российской Федерации. Официальный сайт: http://government.ru/news/50469/

[3] Необходимо отметить, что поставленные в национальном проекте «Экономика данных» задачи, упомянутые в тексте, имеют широкий охват для решения в различных сферах экономики, с различных точек зрения. В частности, в работе соавторов данный вопрос решается в области удаленных форм занятости в экономике данных для развития креативных индустрий, на основе формирования архитектуры рынка труда (Шаймиева, Гумерова, 2024).

1) уточнения перечня продуктовых и процессных инноваций в образовательных организациях в их инновационной деятельности в ходе цифровизации[4];

2) обеспечения технологического суверенитета, понимаемого как «…способности государства располагать технологиями, которые считаются критически важными для обеспечения благосостояния и конкурентоспособности, а также возможность самостоятельно разрабатывать их или получать от экономик других стран без односторонней структурной зависимости…», в том числе образовательных организаций, на основе реализуемых и планируемых к реализации продуктовых и процессных инноваций, требующих своей защиты в виде патентов, в том числе нацеленных на импортозамещение (Константинов, 2022. С. 15)[5];

3) уточнения целевых показателей цифровизации образовательных организаций всех уровней на основе конкретизированных понятий «цифровизация образовательных организаций»; «продуктовая инновация» образовательной организации, «процессная инновация» образовательной организации.

I. Продуктовые и процессные инновации в национальных рейтингах образовательных организаций: актуализация исследования с учетом положений статистических материалов

Вопросы, связанные с идентификацией продуктовых и процессных инноваций в российском экономическом пространстве, в процессе цифровизации образовательных организаций формируют задачи настоящего исследования. В исследовании мы отвечаем на следующие вопросы:

– Какие продуктовые и процессные инновации в процессе цифровизации образовательных организаций реализуются в них (на основе реферируемых в Научной электронной библиотеке данных)?

– Каким образом продуктовые и процессные инновации как составляющие инновационной деятельности образовательных организаций связаны с цифровизацией?

– Каким образом выявленные продуктовые и процессные инновации в процессе цифровизации возможно использовать для уточнения сущности цифровизации образовательных организаций [на момент исследования]?

– Какие показатели цифровизации образовательных организаций на основе реализованных продуктовых и процессных инноваций необходимо уточнить?

Взаимосвязь и взаимодействие областей «инновационная деятельность» и «цифровизация» образовательных организаций в экономике данных представлена в виде «Концептуальной основы настоящего исследования» (рис. 1).

Далее необходимо пояснить задачи исследования для рассмотрения проблематики работы, без подробного обзора литературы, на базе сформированной «Концептуальной основы исследования» (рис. 1).

В экономике данных цифровизации подлежит деятельность образовательных учреждений всех уровней (пункт «О», рис. 1) (Тимирясова, 2022). Цифровизация образовательных организаций всех уровней (общего и профессионального) осуществляется в четвертой промышленной революции на основе информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), включая цифровые технологии в составе *NBIC*[6]-технологий

---

[4] Ст. 20. Инновационная деятельность ориентирована на совершенствование научно-педагогического, учебно-методического, организационного, правового, финансово-экономического, кадрового, материально-технического обеспечения системы образования и осуществляется в форме реализации инновационных проектов и программ организациями, осуществляющими образовательную деятельность, и иными действующими в сфере образования организациями, а также их объединениями (Об образовании в Российской Федерации. № 273-ФЗ от 29.12.2012 (с изм. и доп.). Комментарий к статьям закона. Ст. 20. Экспериментальная и инновационная деятельность в сфере образования. https://zakonobobrazovanii.ru/skachat-zakon-ob-obrazovanii

[5] Базовым определением технологического суверенитета в настоящей работе является следующее: «Технологический суверенитет» – наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы. Технологический суверенитет обеспечивается в двух основных формах: исследования, разработка и внедрение критических и сквозных технологий (по установленному перечню) и производство высокотехнологичной продукции, основанное на указанных технологиях. Технологический суверенитет обеспечивается в том числе с опорой на устойчивое международное научно-техническое сотрудничество с дружественными странами (Концепция технологического развития на период до 2030 г. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 № 1315-р. https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/technological-2023.pdf

[6] НБИК (NBIC)-технологии: нано-, био-, информационные и когнитивные технологии.

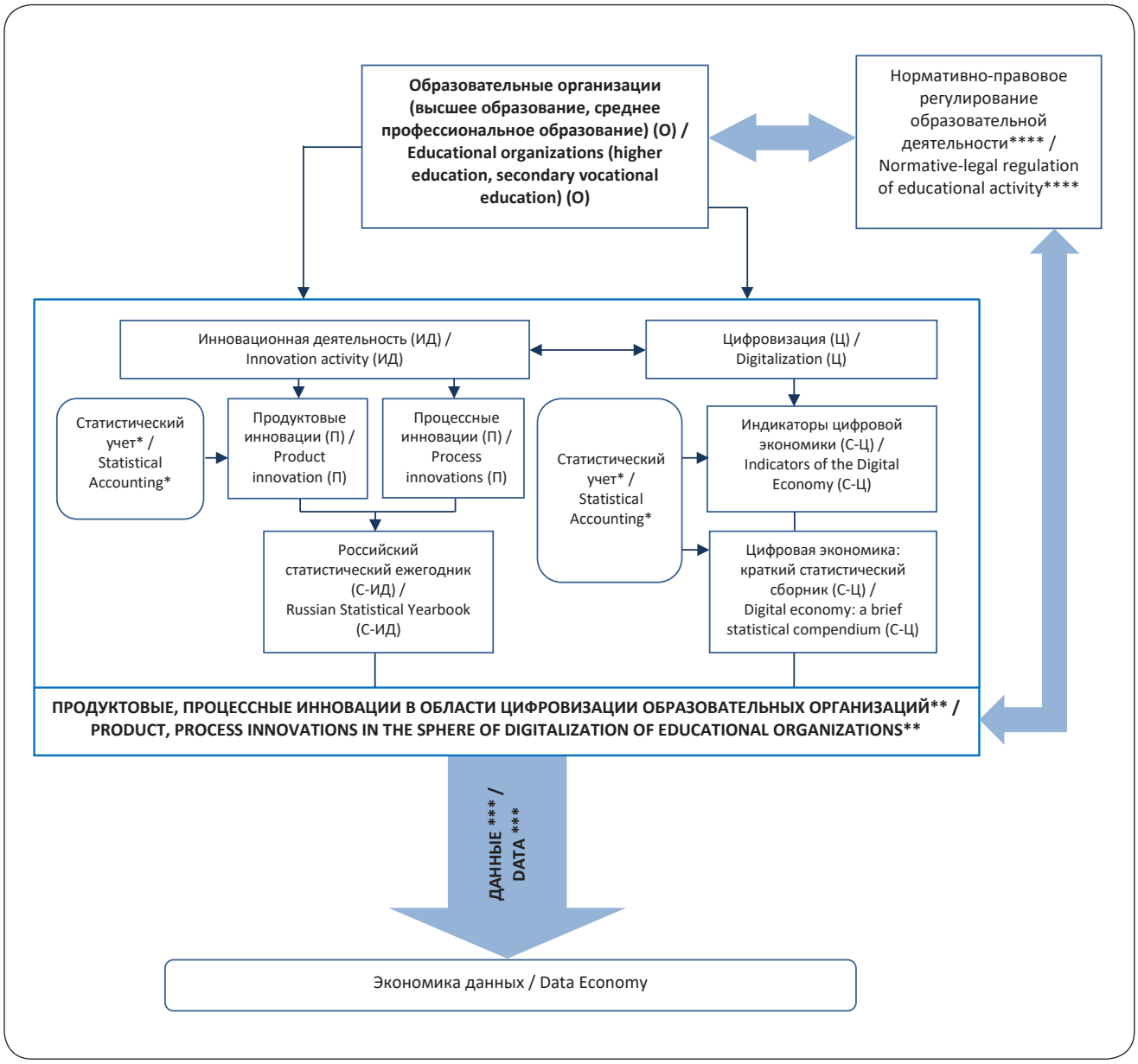


Рис. 1. Концептуальная основа настоящего исследования

Примечание: * неполный перечень; ** применительно к теме исследования; *** патентная активность, затраты на НИОКР, затраты на продуктовые инновации, затраты на процессные инновации, объемы выпущенной инновационной продукции и др.; **** Об образовании в Российской Федерации. № 273-ФЗ от 29.12.2012 (с изм. и доп.). Комментарий к статьям закона (2013). https://zakonobobrazovanii.ru/skachat-zakon-ob-obrazovanii

ИД – инновационная деятельность; О – образовательные организации (высшее образование, среднее профессиональное образование); П – показатель; С – сборник (и); С-ИД – сборник(и) в области инновационной деятельности, в том числе образовательных организаций; С-Ц – сборник(и) в области цифровизации, в том числе образовательных организаций; Ц – цифровизация.

Fig. 1. Conceptual framework of the study

Note: * incomplete list; ** as applied to the research topic; *** patent activity, R&D expenditures, expenditures on product innovations, expenditures on process innovations, volumes of innovative products produced, etc.; **** On education in the Russian Federation. No. 273-FZ of 29.12.2012 (with amendments and additions). Commentary to the articles of the law. https://zakonobobrazovanii.ru/skachat-zakon-ob-obrazovanii

ИД – innovation activity; О – educational organizations (higher education, secondary vocational education); П – indicator; С – collection(s); С-ИД – collection(s) in the field of innovation activity, including that of educational organizations; С-Ц – collection(s) in the field of digitalization, including that of educational organizations; Ц – digitalization.

как драйверов индустрии 4.0[7]. По нашему мнению, цифровизация образовательных организаций является развитием их инновационной деятельности с использованием вышеупомянутых технологий на базе ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (рис. 1)[8].

Согласно Росстату, под инновационной деятельностью в настоящем исследовании понимается «…вся исследовательская… финансовая и коммерческая деятельность, которая в течение периода наблюдения направлена или приводит к созданию новых или усовершенствованных продуктов (товаров, услуг), значительно отличающихся от продуктов, производившихся организацией ранее, предназначенных для внедрения на рынке, новых или усовершенствованных бизнес-процессов, значительно отличающихся от предыдущих соответствующих бизнес-процессов организации, предназначенных для использования в практической деятельности…»[9]. Согласно Приказу Росстата от 29.07.2022 № 538, «…продуктовые инновации – новый или усовершенствованный продукт (товар, услуга), внедренный на рынке, который значительно отличается от продуктов, производившихся организацией ранее). Процессные инновации – новый или усовершенствованный бизнес-процесс, используемый в практике, который значительно отличается от предыдущего соответствующего бизнес-процесса, используемого в организации…»[10, 11] (п. «ИД», рис. 1). Согласно Росстату, «…в состав сектора высшего образования входят: образовательные организации высшего образования, независимо от источников финансирования и правового статуса, а также находящиеся под их контролем либо ассоциированные с ними научно-исследовательские институты, экспериментальные станции, клиники…» (пункт «О», рис. 1)[12].

Данные в области цифровизации образовательных организаций как составной части их инновационной деятельности в четвертой промышленной революции, экономике данных носят, по нашему мнению, принципиальный характер. Научно-практический интерес имеет вопрос, рассматриваемый в настоящем исследовании с управленческо-методических аспектов: какие продуктовые и процессные инновации используются, создаются в образовательных организациях в российском экономическом пространстве в процессе их цифровизации?[13] Необходимо подчеркнуть, что продуктовые и процессные инновации в области цифровизации образовательных организаций обеспечивают технологическое разнообразие продуктовых портфелей данных организаций, устойчивость инновационного развития в экономике данных (Канева, 2013). В работе T. Schubert, S. Tavassoli исследованы вопросы, влияющие на эффективность внедрения продуктовых инноваций в организациях с точки зрения уровня их реализации в командах высшего менеджмента и менеджмента

---

[7] Необходимо отметить, что четвертая промышленная революция в виде NBIC-технологий как развитие предыдущих трех промышленных революций, благодаря цифровым технологиям, позволит рассматривать образовательную организацию как цифровую многоуровневую экосистему, функционирующую в различных сегментах (NBIC-областях), на основе имеющихся у нее (образовательной организации) технологий (продуктовых, процессных инноваций, в процессе от идеи до внедрения).

[8] Необходимо отметить тот факт, что тема реализации продуктовых, процессных инноваций в образовательной среде имеет разнообразные аспекты исследований в глобальном масштабе. В частности, в работе H. Hussain, N. Talib, I. Shah отмечена роль лидерства в стимулировании креативности среди сотрудников и создании инновационной среды в организациях, в первую очередь в секторе высшего образования. Исследователи на примере преподавательского состава 10 государственных университетов Ирака приходят к выводу о том, что трансформационное лидерство оказывает значительное влияние как на процессные, так и на продуктовые инновации (Hussain et al., 2014).

[9] (2022). Российский статистический ежегодник (с. 521–522). Москва: Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2022.pdf

[10] Процессные инновации включают: методы производства и разработки товаров и услуг; ведения и разработки сельскохозяйственного производства, методы логистики, поставок и распределения сырья, материалов, комплектующих, товаров и услуг; методы обработки и передачи информации, общие для организации; методы ведения бизнеса, корпоративного управления, бухгалтерского и финансового учета; практики деловых отношений и внешних связей; методы управления трудовыми ресурсами; маркетинговые методы продвижения, представления и ценообразования товаров. Приложение 5. Приказ Росстата № 538 от 29.07.2022 (ред. от 11.01.2024). (2024). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_426500/

[11] О порядке предоставления формы федерального статистического наблюдения № 4-инновация «Сведения об инновационной деятельности организации». https://59.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Порядок%20заполнения%20формы%20№%204-инновация%20Сведения%20об%20инновационной%20деятельности%20организации.pdf

[12] (2022). Российский статистический ежегодник (с. 521–522). Москва. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2022.pdf

[13] Необходимо отметить, что в работе T. J. Brown и D. F. Kuratko исследуются вопросы, связанные с влиянием инноваций на будущее образования. В частности, авторы дифференцируют понятия «творчество» и «инновации», предполагая, что эффективное обучение инновациям имеет особое значение, учитывая важность инноваций для экономического процветания экономики страны (Brown & Kuratko, 2015).

среднего звена (Schubert & Tavassoli, 2020). Авторы отмечают значение инновационной деятельности менеджмента среднего звена на фактические результаты инновационных процессов, в частности на успешные продуктовые инновации и степень их рыночной новизны (Schubert & Tavassoli, 2020)[14].

Для исследования темы необходимо обозначать роль продуктовых и процессных инноваций в инновационной деятельности образовательных организаций. Для образовательных организаций системы высшего образования известным является Национальный рейтинг университетов (далее – рейтинг Интерфакс), разработчиком которого выступает Группа «Интерфакс», реализуемый с 2010 г. по настоящее время[15] (Гумерова, Шаймиева, 2023). Одной из целей данного рейтинга является «…оценка деятельности современного российского университета, отвечающего лучшим мировым образцам…» (Национальный рейтинг университетов Интерфакс 2023. Методика НРУ2023 Цели и Задачи)[16, 17]. Согласно данным показателям, становится очевидным содержание инновационной деятельности образовательных организаций, по которым оцениваются образовательные организации высшей школы (рис. 2)[18].

Инновационная активность образовательных организаций высшей школы оценивается также в рейтинге «Индекс изобретательской активности российских университетов – 2023» (реализуется с 2016 г. по настоящее время аналитическим центром «Эксперт» 2023 г.)[19]. Изобретательская активность образовательных организаций как один из результатов инновационной деятельности с точки зрения статистики, управления инновациями является реализацией продуктовых и процессных инноваций. Ориентировочно с 2023 г. в данном рейтинге отмечаются патенты образовательных организаций, направленные на импортозамещение, что в конечном итоге служит обеспечению технологического суверенитета[20].

Реализуемый федеральный проект «Цифровая образовательная среда», согласно Паспорту проекта, направлен на «…создание условий для внедрения к 2024 г. современной и безопасной цифровой образовательной среды, обеспечивающей формирование ценности к саморазвитию и самообразованию у обучающихся образовательных

---

[14] В работе G. Medda исследуются факторы, влияющие на эффективность внедрения продуктовых, процессных инноваций в организациях, в том числе образовательных. Автор отмечает, что доля внешних исследований и разработок, проводимых университетами, оказывает положительное и значительное влияние на продуктовые инновации. Причем автором не было обнаружено корреляции с процессными инновациями (Medda, 2018). Отсюда применительно к теме настоящего исследования можно предположить, что на реализацию цифровизации образовательных организаций на основе продуктовых и процессных инноваций будут влиять различные факторы. Также необходимо отметить область «открытых инноваций» как тему, связанную с темой факторов, влияющих на эффективность реализации исследуемых процессов.

[15] (2022). Национальный рейтинг университетов. Интерфакс. https://academia.interfax.ru/ru/ratings/?rating=1&year=2022&page=1_

[16] Там же.

[17] По параметру «Инновации»/«Предпринимательство» Национального рейтинга Интерфакс» методика включает следующие показатели: технологическое (инновационное) предпринимательство в университете (П1); портфель патентов университета (П2); сотрудничество университета с высокотехнологичными компаниями; проводимые университетом испытания, (П3); инновационная инфраструктура университета, предприятия университета, социальное предпринимательство (П4); НИОКР Университета (П5); базовые кафедры Университета (П6). Методика формирования рейтинга университетов по параметру «Инновации»/«Предпринимательство». (2023). Национальный рейтинг университетов. Интерфакс. https://academia.interfax.ru/ru/ratings/?rating=8&year=2023&page=1#__rating_modal

[18] Необходимо отметить, что тема «эффективность патентной деятельности образовательных организаций», понимаемой применительно к объекту, предмету исследования как ее реализация посредством внедрения продуктовых, процессных инноваций, их защиты как соответствующего объекта интеллектуальной собственности, является отдельной темой, активно исследуемой зарубежными, российскими авторами. В частности, в работе J. R. Christopher, L. F. Brian в целях моделирования патентной активности образовательных организаций исследуется их патентная активность на основе данных по регистрации общего количества патентов, выданных за год каждому учебному заведению в США в период с 1969 по 2012 г. Согласно результатам исследования, выявлено, что «…академические учреждения обычно снижали патентную активность непосредственно перед изменениями в патентной системе и увеличивали патентную активность сразу после этого. Это особенно верно для исследовательских университетов. Другими словами, академические учреждения реагировали на патентные стимулы стратегическим образом, в соответствии с поведением фирмы, реагируя на предпочтения внутренних коалиций по захвату нереализованной экономической ценности интеллектуальной собственности…» (Christopher & Brian, 2018. С. 51–52).

[19] (2023, 3 июля). Рейтинг «Индекс изобретательской активности российских университетов – 2023». Эксперт: аналитический центр. https://acexpert.ru/publications/rating/reiting-indeks-izobretatelskoi-aktivnosti-rossiiskikh-universi-1#Методика%20рейтинга

[20] Согласно разработчикам рейтинга, в 2023 г. отмечены тренды «…патентования программ для ЭВМ (прЭВМ), баз данных (БД) и топологий интегральных микросистем (ТИМС). Порядка 90 % объема этой сферы приходится исключительно на программы для ЭВМ…» ((2023, 3 июля). Рейтинг «Индекс изобретательской активности российских университетов – 2023». Эксперт: аналитический центр. https://acexpert.ru/publications/rating/reiting-indeks-izobretatelskoi-aktivnosti-rossiiskikh-universi-1#Методика%20рейтинга).

организаций всех видов и уровней, путем обновления информационно-коммуникационной инфраструктуры, подготовки кадров, создания федеральной цифровой платформы..» , на основе достижения целевых, дополнительных показателей (пункт «Ц», рис. 1)[21]. К числу задач в области «создания современной и безопасной цифровой образовательной среды, обеспечивающей высокое качество и доступность образования всех видов и уровней», отнесены, в частности: создание Центра цифровой трансформации образования, разработка целевой модели цифровой образовательной среды, федеральной информационно-сервисной платформы цифровой образовательной среды и др.[22, 23] Понятия инновационной деятельности, включающей показатели продуктовых и процессных инноваций в процессе цифровизации образовательных организаций, нами не выявлено.

В целях уточнения целей в процессе цифровизации образовательных организаций всех уровней в рамках объекта, предмета исследования нами сформирован процесс цифровизации образовательных организаций во взаимодействии с их инновационной деятельностью с указанием показателей продуктовых, процессных инноваций в соответствующих обследованиях Росстата, рейтинга «Интерфакс», агентства «Эксперт» на основе исследовательского подхода (рис. 2). Данное рассмотрение процессов цифровизации образовательных организаций с точки зрения управления инновационной деятельностью в цифровой экономике позволяет рассматривать процессы цифровизации через призму реализации продуктовых и процессных инноваций как единый, взаимосвязанный процесс на всех уровнях образовательных организаций, с уточнением в процессе исследования конкретных показателей (рис. 2).

Реализация технологических инноваций[24] организациями различных отраслей, в том числе образования, понимаемых как совокупности продуктовых и процессных инноваций, «…необходимы для оценки достижения национальной цели по ускорению технологического развития России…» (Отчет, 2018. С. 2)[25] (рис. 2). Развитие и внедрение продуктовых и процессных инноваций, способствующих формированию технологического суверенитета научно-производственных, образовательных организаций, обеспечивает в конечном итоге технологический суверенитет страны (Шинкевич, Шогенов, 2023)[26]. Продуктовые инновации, как правило, получают защиту в Роспатенте в виде патентов на изобретения; процессные инновации – в виде патентов на полезную модель. Программы для ЭВМ – в виде свидетельств о регистрации программы для ЭВМ. В исследовании А. В. Васиной отмечается, что «…в контексте… [запроса на повышение уровня технологического суверенитета первоочередной задачей выступает активизация научной деятельности и увеличение количества инновационных решений, выраженных в объектах интеллектуальной собственности (далее – ОИС) (Васина и др., 2023. С. 11)[27]. С учетом фокуса исследования в работе А. В. Васиной – разработки университетского хаба «…на основе платформы для интенсификации патентной активности не только в контексте университетской инновационной деятельности, но и для привлечения различных участников экономики, задействованных в процессе как импортозамещения, так и усиления промышленного суверенитета страны…» авторами отмечается необходимость разработки «…адаптивных решений, базирующихся на принципах открытости… учитывающих необходимость безопасного сотрудничества для минимизации рисков воровства идей, плагиата,

[21] (2018). Паспорт федерального проекта «Цифровая образовательная среда». https://edu-frn.spb.ru/files/iiMBxQ4cNH1BCsaWn2WqDgFinWeU3rVYpmO6sd33.pdf

[22] Необходимо отметить, что многие из поставленных задач выполнены. Там же.

[23] Министерство просвещения Российской Федерации. Цифровая образовательная среда – инструмент на службе школы. Официальный сайт Министерства просвещения РФ. https://edu.gov.ru/national-project/projects/cos .

[24] Под технологическими инновациями понимаются «…новый либо усовершенствованный продукт или услуга, внедренный на рынке; новый либо усовершенствованный процесс или способ производства (передачи) услуг, используемый в практической деятельности…» (Российский статистический ежегодник, 2022. С. 521–522).

[25] (2020). Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ формирования показателя для оценки достижения национальной цели по ускорению технологического развития Российской Федерации, установленной в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

[26] Продуктовые инновации, как правило, получают защиту в Роспатенте в виде патентов на изобретения; процессные инновации – в виде патентов на полезную модель. Программы для ЭВМ – в виде свидетельств о регистрации программы для ЭВМ.

[27] В работе M. Mabrouki исследуются вопросы влияния человеческого капитала, образования и патентов на рост экономики (Mabrouki, 2023). Авторы основываются на теории эндогенного роста и модели четырехсторонней спирали, проводят теоретический анализ влияния использования человеческого капитала, инновационной активности и патентной защиты на экономический рост. Отсюда активизация патентной активности, защиты результатов исследовательской деятельности образовательных организаций в процессе в том числе цифровизации имеет первостепенное значение для развития экономики страны, ее регионов.

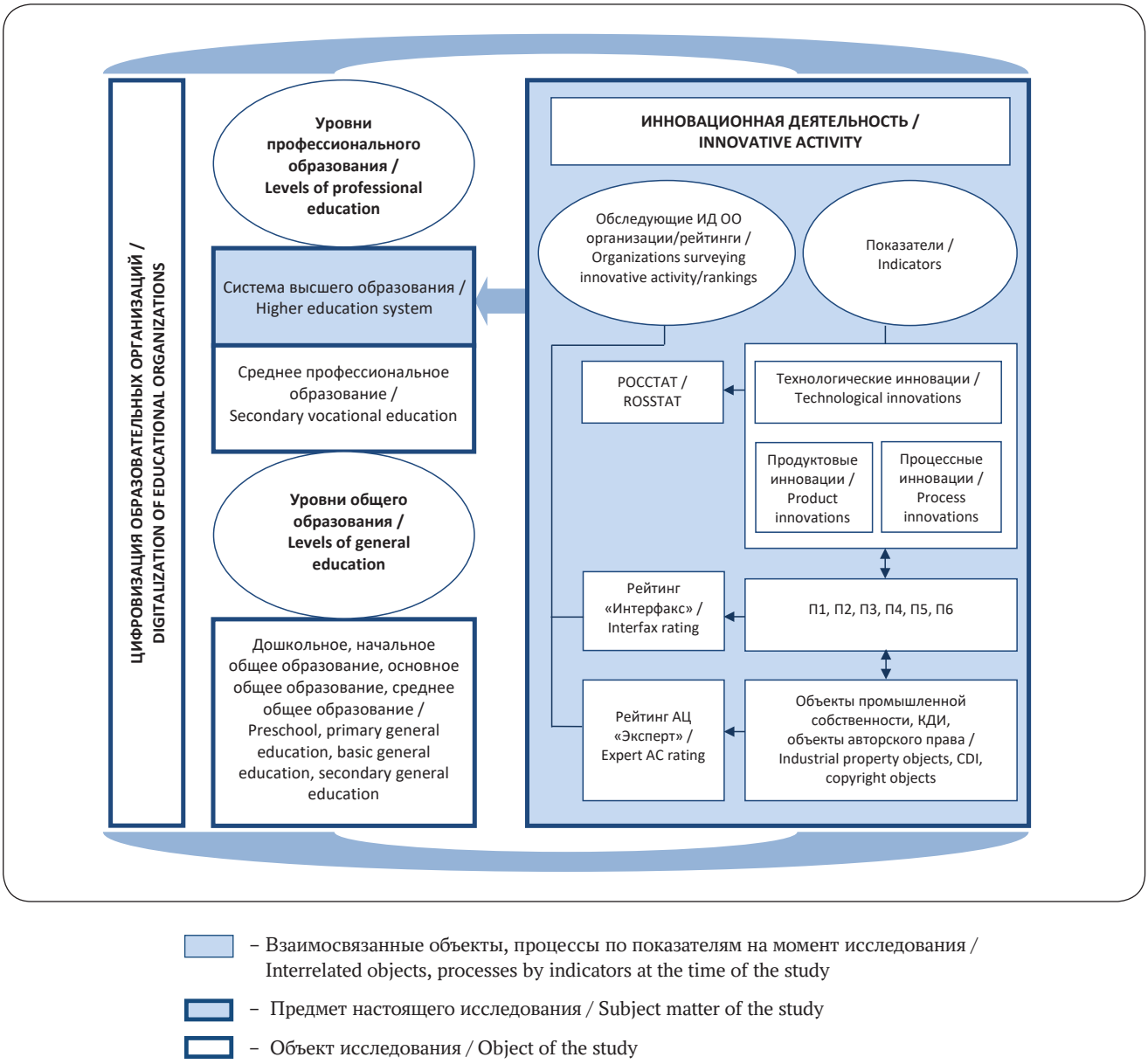


Рис. 2. Цифровизация образовательных организаций во взаимодействии с их инновационной деятельностью: показатели продуктовых, процессных инноваций

Примечание: ИД – инновационная деятельность; ОО – образовательная организация; КДИ – конфиденциальная документированная информация; П1 – технологическое (инновационное) предпринимательство в университете; П2 – портфель патентов университета; П3 – сотрудничество университета с высокотехнологичными компаниями; проводимые университетом испытания; П4 – инновационная инфраструктура университета, предприятия университета, социальное предпринимательство; П5 – НИОКР Университета; П6 – базовые кафедры университета.

Fig. 2. Digitalization of educational organizations in interaction with their innovative activities: indicators of product, process innovations

Note: ИД – innovation activity; ОО – educational organization; КДИ – confidential documented information; П1 – technological (innovation) entrepreneurship at the university; П2 – patent portfolio of the university; П3 – the university cooperation with high-tech companies; experiments conducted by the university; П4 – innovation infrastructure of the university, university enterprises, social entrepreneurship; П5 – &D of the university; П6 – basic departments of the university.

некорректного заимствования…» в отношении ОИС, «…еще не защищенных патентным правом по различным причинам…» (Васина и др., 2023. С. 10–11). Данная рекомендация, по мнению авторов, приобретает актуальность в связи с развитием студенческого технологического предпринимательства, необходимостью уточнения понятия «технологического суверенитета» с точки зрения цифровизации образовательных организаций[28].

В работе J. I. C. Goni и A. Van Looy рассматриваются вопросы способности к процессным инновациям в незначительно структурированных бизнес-процессах (Goni & Van Looy, 2022). Согласно авторам исследования, формирование способности к реализации процессных инноваций приобретает актуальность ввиду изменений бизнес-среды и появляющихся технологических возможностей для организаций. Окружающая организацию среда становится все более наукоемкой, сложной, что приводит к увеличению организационных потребностей в поддержке менее структурированных бизнес-процессов. По нашему мнению, понятие «студенческого технологического предпринимательства», исследуемого в работе А. В. Васиной и других ученых, можно отнести к понятию «незначительно структурированных бизнес-процессов», учитывая их жизненный цикл (Васина и др., 2023).

Сбор статистических данных с инновационных предприятий осуществляется согласно методологии Росстата, где продуктовые и процессные инновации рассматриваются как «технологические инновации», однако статистическое наблюдение ведется по данным объектам отдельно. В иных странах «…понятие “технологических инноваций” исключено в целях расширения инноваций в сфере услуг, для которых не характерна технологичность…»[29, 30]. В процессе цифровизации образовательных организаций, выступающих примерами автономных научно-производственных предприятий или во взаимосвязи с последними, вопросы «технологичности» трансформируются в область применения цифровых технологий для достижения различных инновационных целей данных организаций. Отсюда вопрос диагностирования продуктовых и процессных инноваций как составляющих технологических инноваций в процессе цифровизации образовательных организаций для обеспечения технологического суверенитета имеет научно-исследовательскую актуальность (что входит в объект и предмет настоящего исследования), а также обладает прикладным характером для развития области статистики инноваций образовательных организаций, развития программ цифровизации образовательных организаций на основе продуктовых и цроцессных инноваций в экономике данных (рис. 1, 2)[31].

I.1. Продуктовые и процессные инновации для экономики данных: научно-теоретические и научно-практические (методолого-прикладные) классификации

В целях унификации данных для различных отраслей экономики в экономике данных необходимо показать положение продуктовых и процессных инноваций как составляющих технологических инноваций в различных классификациях инноваций, сформированных нами в два блока: научно-теоретические и научно-практические (или методолого-прикладные) классификации (рис. 3).

Инновации как «продукт» и как «процесс» в развернутом виде даны Й. Шумпетером, в обобщенном виде «представляют собой „новую комбинацию“ элементов: нового продукта, нового процесса, нового сырья, новой формы организации и новых рынков» (Lundvall, 2007).

В исследовании Н. В. Чайковской, А. Е. Панягиной выделены следующие подходы к исследованию инноваций: «…эволюционный принцип, в соответствии с которым подходы к пониманию инноваций раскрываются в соответствии с этапами развития современной теории инноваций – от классической до социальной концепции… 2. Двухполярный принцип, разграничивающий „объектные“ и „процессные“ („воспроизводственные“)

---

[28] Официальный сайт АНО «Платформа НТИ». https://platform.nti.work/materials

[29] (2020). Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ формирования показателя для оценки достижения национальной цели по ускорению технологического развития Российской Федерации, установленной в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

[30] OECD/Eurostat. (2018). Oslo Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation, 4th Edition, The Measurement of Scientific, Technological and Innovation Activities, OECD Publishing, Paris/Eurostat, Luxembourg. https://doi.org/10.1787/9789264304604-en

[31] Необходимо отметить, что, согласно Росстату, «…не имеет значения, кем были разработаны инновационные продукты». О порядке предоставления формы федерального статистического наблюдения № 4-инновация «Сведения об инновационной деятельности организации». https://59.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Порядок%20заполнения%20формы%20№%204-инновация%20Сведения%20об%20инновационной%20деятельности%20организации.pdf

подходы, трактующие инновацию как результат или процесс инновационной деятельности… 3. Многомерный принцип, согласно которому в рамках разных подходов инновации могут рассматриваться как результат, как система, как изменение и процесс…» (Чайковская, Панягина, 2011. С. 47) (рис. 3). Разнообразие научно-теоретических инноваций предоставляет возможность исследовать динамику взаимодействия в основных классификационных группах, выявлять факторы, влияющие на эффективность внедрения инноваций в организациях, диагностировать новые виды инноваций (например, открытые инновации)[32]. Однако такое разнообразие инноваций сложно в своей идентификации с точки зрения статистики инноваций, в практической деятельности предприятий. Отсюда научно-практические (или методолого-прикладные) классификации опираются на ограниченное число видов инноваций (рис. 3).

В статистическом сборнике Росстата (2023 г.) по анализу инновационной деятельности организаций выделены: продуктовые, процессные, технологические, экологические инновации[33]. Здесь указано, что «…Руководство Осло – основные методологические принципы статистического измерения инновационной деятельности, подготовленные ОЭСР и Евростатом и признанные в качестве международного стандарта в области статистики инноваций. Последняя, четвертая, версия Руководства Осло (*Oslo Manual: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation*), изданная в 2018 г., использована в качестве основы при актуализации национальной программы и инструментария федерального статистического наблюдения за инновационной деятельностью организаций…» (Индикаторы инновационной деятельности, 2023. С. 290.). Появление новых видов инноваций в процессе статистического исследования организаций опирается на международные стандарты *CIS* (*Community Innovation Survey*). В работе И. А. Кузнецовой, С. Ю. Фридляновой, исследующих вопросы, касающиеся развития методологии статистического измерения инновационной деятельности в условиях реформирования международных стандартов, отражено появление, в частности, «экологических инноваций» в *CIS* 2008 г. (Кузнецова, Фридлянова, 2020).

Обследование предприятий в российском экономическом пространстве с 2001 г. на предмет их инновационной деятельности осуществляется согласно форме 4-инновация, с 2020 г. – согласно Приказу от 30 июля 2020 г. № 424 [34] (Березина, 2014). Согласно Е. В. Березиной, «…изменения формы происходят за счет последовательного включения в программу наблюдения организационных, маркетинговых, экологических инноваций и расширения охвата обследуемых предприятий….» (Березина, 2014. С. 49)[35].

В сборнике «Цифровая экономика 2024» представлены понятия «инновационная деятельность»[36], «патент на изобретение», однако понятия «продуктовые, процессные инновации» отсутствуют, так же как и сбор соответствующих статистических данных (Цифровая экономика, 2024. С. 113–114)[37].

II. Методология и исследовательский дизайн настоящей работы

Методы исследования. Настоящее исследование выполнено с использованием методов теоретического анализа: методов анализа и синтеза, классифицирования. Материалами для проведения исследования послужили публикации, патенты, включая свидетельства на программы для ЭВМ, базы данных, представленные в НЭБ[38], *Google Scholar* (GoogleАкадемия).

---

[32] Сурин, А. В., Молчанова, О. П. (2008). Инновационный менеджмент: учебник для вузов по специальности «Государственное и муниципальное управление». Москва: ИНФРА-М.

[33] Власова, В. В., Гохберг, Л. М., Грачева, Г. А. и др. (2023). Индикаторы инновационной деятельности: 2023: статистический сборник. Москва: НИУ ВШЭ.

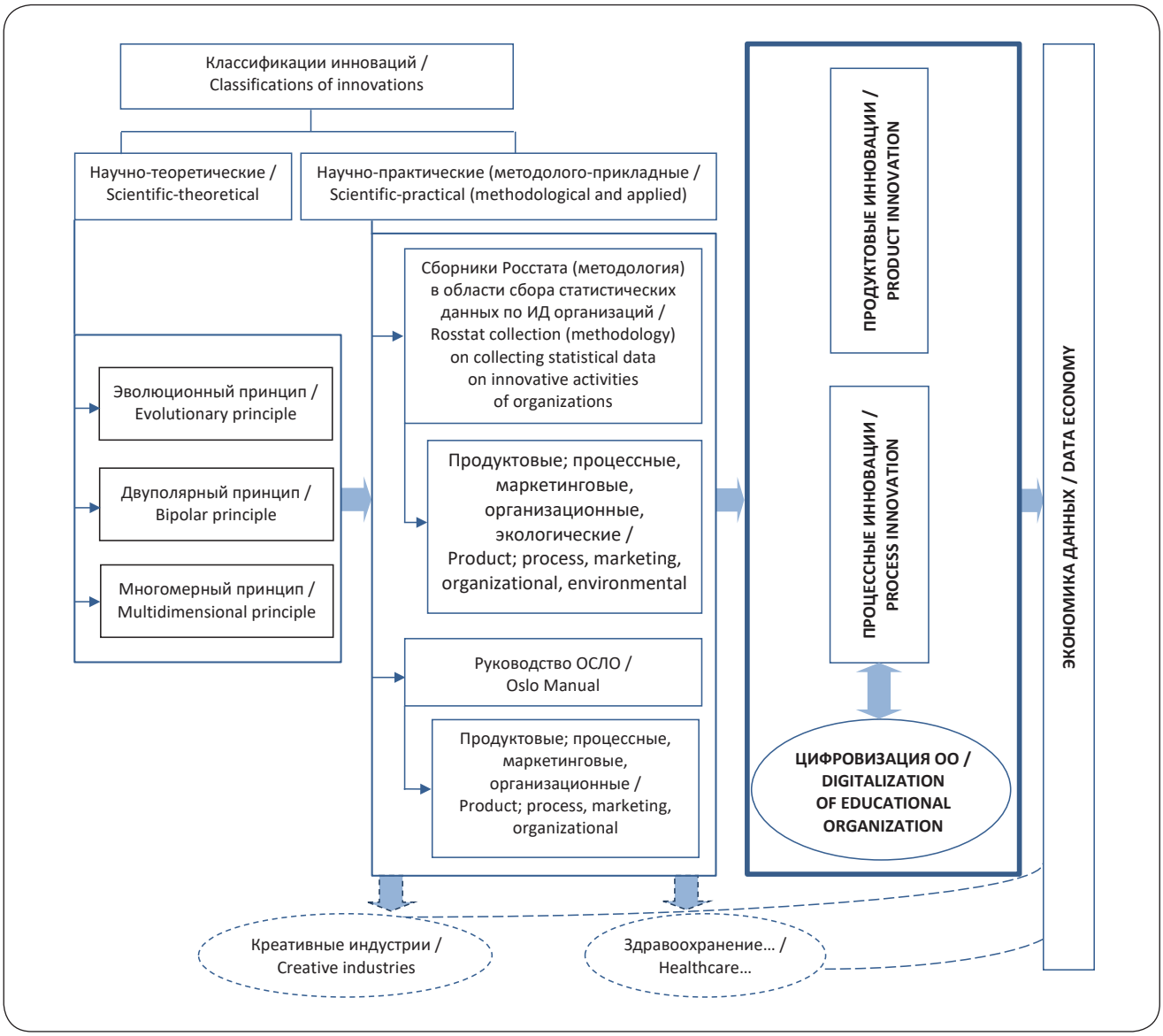
[34] Приказ Росстата № 538 от 29.07.2022 (ред. от 11.01.2024). (2024). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_426500/10bf2336847864377ce89c9b10816fc0059b9b3e/

[35] В работе Е. В. Березиной представлены сложности, с которыми сталкиваются предприятия при заполнении формы. Пояснения Росстата к заполнению формы использованы также и в данной работе (Березина, 2014).

[36] Инновационная деятельность – вся исследовательская (исследования и разработки), финансовая и коммерческая деятельность, направленная на создание новых или усовершенствованных продуктов (товаров, услуг), предназначенных для внедрения на рынке и значительно отличающихся от производившихся ранее; новых или усовершенствованных бизнес-процессов, значительно отличающихся от соответствующих бизнес-процессов, использовавшихся ранее. Абашкин, В. Л., Абдрахманова, Г. И., Вишневский, К. О., Гохберг, Л. М. и др. (2024). Цифровая экономика: 2024: краткий статистический сборник (с. 113). Москва: ИСИЭЗ ВШЭ. https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/892396113.pdf

[37] Там же. С. 28.

[38] Официальный сайт Научной электронной библиотеки. https://elibrary.ru



– Объект настоящего исследования / Object of study

– Другие виды экономической деятельности, подлежащие сбору единообразных данных по продуктовым, процессным инновациям для развития экономики данных. В данной работе не рассматриваются / Other types of economic activities subject to the collection of uniform data on product, process innovations for the development of data economy. Not considered in this paper

Рис. 3. Продуктовые и процессные инновации в классификациях инноваций для развития экономики данных

Примечание: ИД – инновационная деятельность; ОО – образовательные организации.

Источник: на основе[39] (Чайковская, Панягина, 2011).

Fig. 3. Product and process innovations in classifications of innovations for the data economy development

Note: ИД – innovation activity; ОО – educational organizations.

Source: based on[39] (Chaikovskaya, & Panyagina, 2011).

[39] Сурин, А. В., Молчанова, О. П. (2008). Инновационный менеджмент: учебник для вузов по специальности «Государственное и муниципальное управление». Москва: ИНФРА-М.

Объектом исследования выступают процессы цифровизации образовательных организаций как составная часть их инновационной деятельности в экономике данных. Предметом являются продуктовые и процессные инновации, реализуемые в процессе цифровизации образовательных организаций[40, 41].

В целях проведения поиска и анализа трудов, имеющих ценность для дискуссии в области цифровизации образовательных организаций на основе продуктовых и процессных инноваций, в работе был сформирован исследовательский дизайн настоящей работы (рис. 4).

Он включал следующий план работ (с опорой на работу (Christoph & Simon, 2011)).

Поиск по базам данных публикаций в *eLIBRARY* (НЭБ), *GoogleАкадемия* осуществлен на основе двух групп ключевых слов: "цифровизация" "образовательных организаций" "продукт" "инновация"; "цифровизация" "образовательных организаций" "процесс" "инновация" (табл. 1, рис. 4)[42, 43].

Поиск в НЭБ производился по следующим параметрам:

(а) название публикации, аннотация, ключевые слова;

(б) статьи в журналах, книги, материалы конференций, депонированные рукописи, диссертации, отчеты, патенты;

(в) параметры с учетом морфологии;

(г) условия поиска в НЭБ (табл. 1).

Отбор и анализ трудов в GoogleАкадемии осуществлен на следующих условиях расширенного поиска: искать статьи, где встречаются «все слова/в любом месте статьи» (табл. 1, рис. 4).

Второй этап включает «Анализ трудов исследователей в НЭБ, GoogleАкадемии» для получения результатов (рис. 4). Критериями выбора публикаций для обзора являлись:

(а) наличие индексации ВАК;

(б) период публикации – максимум пять лет до момента проведения настоящего исследования;

(в) ключевые слова анализируемой статьи, близкие к проводимому исследованию;

(г) ограничение по количеству публикаций в каждой из предметных областей (минимум по две статьи в каждой области из поисковой строки НЭБ). Однако в процессе анализа трудов исследователей нами добавлялись работы, схожие по тематике, тех же авторов или иных, отвечающие критериям 1–3, обладающие ценностью для исследуемой темы, по нашему мнению;

(д) ограничения по объему настоящего исследования в целом;

(е) авторы исследования: зарубежные исследователи (актуально для поиска в GoogleАкадемии)[44].

Третий этап включал обработку полученных результатов с применением рекомендаций Росстата (табл. 3, 4), а также уточнение сущности цифровизации образовательных организаций в исследуемом аспекте (рис. 5), с получением результатов 3, 4 согласно исследовательскому дизайну работы (рис. 4).

---

[40] Ограничивая тему настоящей работы «управленческо-методическими аспектами», авторы подчеркивают область исследования: развитие методической базы для управления цифровизацией образовательных организаций как составной частью их инновационной деятельности. Изучаются следующие вопросы:

– повышение взаимодействия промышленных предприятий и образовательных организаций на основе патентной активности последних в области цифровизации;

– разобщенность производителя инновационного продукта и образовательных организаций как потребителя;

– потенциал научно-инновационного сектора в высшем образовании;

– готовность образовательных организаций справляться с задачами по инновационной деятельности в сфере создания цифровых и других продуктов выходит за рамки настоящего исследования (составляет основу других исследований).

[41] Понятия «продукт-инновация» и «продуктовая инновация», «процесс-инновация» и «процессная инновация» рассматриваются в качестве синонимов.

[42] В целях получения корректного результата необходимо использовать вертикальные кавычки при поиске публикаций в базе данных *eLIBRARY*, *GoogleАкадемии*.

[43] Поиск в базах данных осуществлен на основе русскоязычных ключевых слов, что обосновывается необходимостью анализа данных работ (в первую очередь наработок российских исследователей) в российском экономическом пространстве, в современных условиях, а также возможностью применения полученных результатов на российских предприятиях, в том числе для внутриорганизационных секторов.

[44] Отбор публикаций на этапе сортировки осуществлен ручным способом.

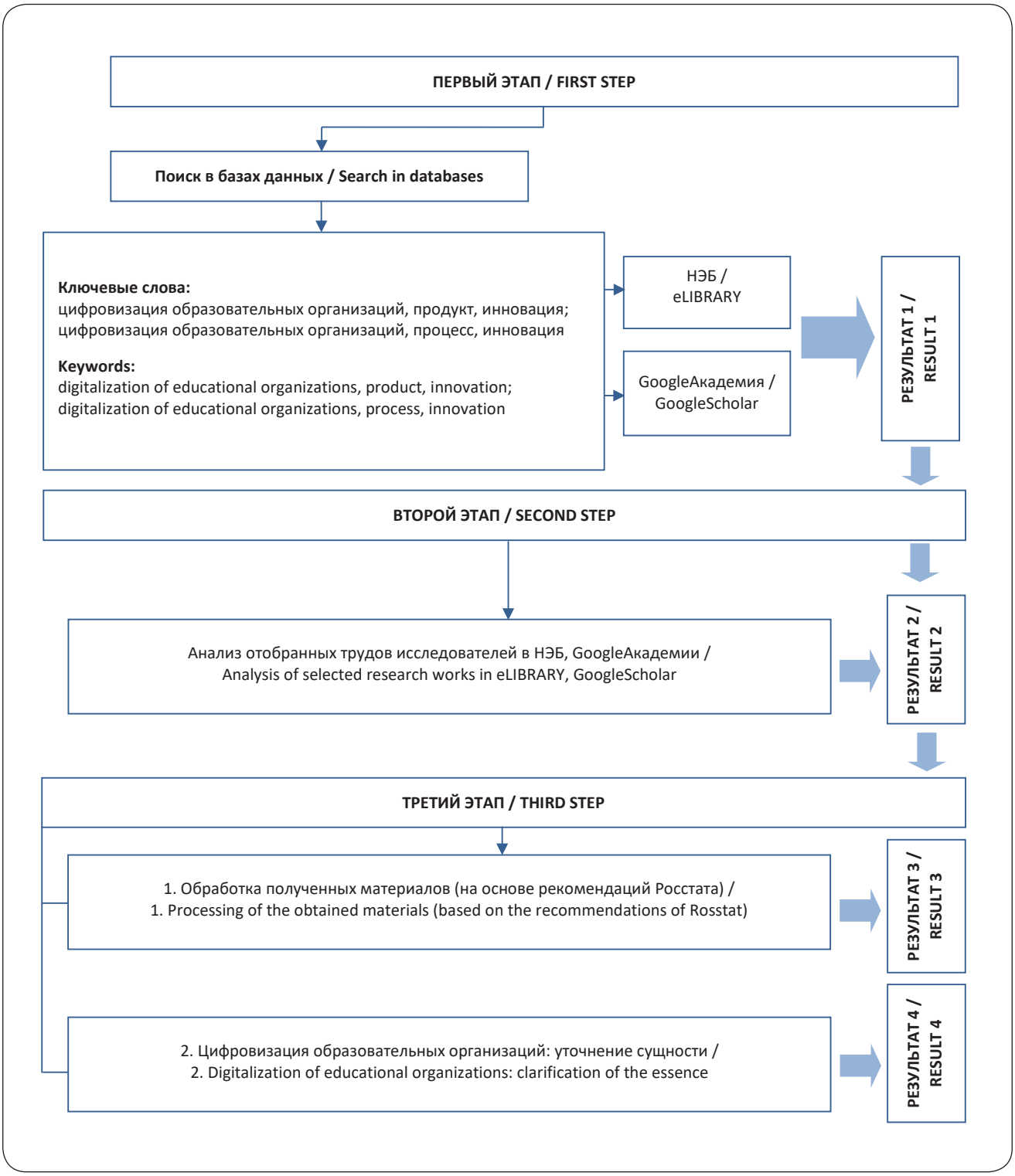


Рис. 4. Исследовательский дизайн настоящей работы
Fig. 4. Research design

Таблица 1

Исследования ученых в публикациях с индексацией в Научной электронной библиотеке и GoogleАкадемии
Table 1. Scientific research in publications indexed in Scientific Electronic Library and GoogleAcademy

Ключевые слова / Keywords	Количество трудов / Number of papers Статьи в журнале, книги, материалы конференций, депонированные рукописи, диссертации, отчеты, патенты / Journal articles, books, conference proceedings, deposited manuscripts, dissertations, reports, patents	
	eLIBRARY	GoogleАкадемия / GoogleScholar
1. "Цифровизация" "образовательных организаций" "продукт" "инновация" / “Digitalization of “educational organizations”, “product”, “innovation”	112[45]	116[46]
2. "Цифровизация" "образовательных организаций" "процесс" "инновация" / “Digitalization of “educational organizations”, “process”, “innovation”	205	308[47]

Примечание: патентный поиск не показал результатов, возможно, по причине отсутствия загрузки соответствующих патентов в систему. Было найдено всего 13 патентов (свидетельств о регистрации объекта авторского права)[48].

Note: the patent search, regretfully, did not show any results, probably due to the lack of the relevant patents uploaded into the system. Only 13 patents (copyright registration certificates) were found.

Источник: на основе официального сайта Научной электронной библиотеки[49]; составлено авторами по статистике результатов поиска в GoogleАкадемии.

Source: based on the official website of the eLIBRARY; compiled by the authors based on the statistics of GoogleScholar search results.

Результатом первого этапа, согласно исследовательскому дизайну работы, являются следующие (промежуточные) выводы:

Большое число публикаций в *eLIBRARY*, *GoogleАкадемии* находится в области: "цифровизация" "образовательных организаций" "процесс" "инновация".

Объектов патентного права (включающих изобретения, полезные модели, промышленные образцы) в области цифровизации образовательных организаций не выявлено (табл. 1). Возможно, по причине отсутствия загрузки соответствующих патентов в систему[50].

III. Продуктовые и процессные инновации в процессе цифровизации образовательных организаций в трудах исследователей: истоки, трактование содержания понятий

В предметной области по ключевым словам "цифровизация", "образовательных организаций", "продукт", "инновация" нами выявлено 112 работ на момент исследования, включая следующие типы публикаций: статья в журнале, книги, материалы конференций, депонированные рукописи, диссертации, отчеты, патенты (табл. 1).

[45] Результаты статистики получены при использовании простого (не расширенного) поискового запроса на официальном сайте Научной электронной библиотеки. https://elibrary.ru

[46] Результаты поискового запроса. GoogleАкадемия. https://scholar.google.com/scholar?hl=ru&as_sdt=2007&q="Цифровизация "+"образовательных+организаций"+"продукт"+"инновация"&btnG=

[47] Результаты поискового запроса. GoogleАкадемия (дата обращения 07.02.2024) https://scholar.google.com/scholar?hl=ru&as_sdt=2007&q="Цифровизация"+"образовательных+организаций"++"процесс"+"инновация"&btnG=

[48] При расширенном поиске в *eLIBRARY* по ключевым словам "цифровизация образовательных организаций", "процесс" было выявлено 13 патентов, из них 8 – программы для ЭВМ (все программы для ЭВМ имеют отношение к цифровизации образовательных организаций), регистрация всех свидетельств объектов авторского права – в Роспатенте.

[49] Официальный сайт Научной электронной библиотеки. Условия поиска – аналогичные условиям в табл. 1. https://www.elibrary.ru/defaultx.asp

[50] Необходимо отметить, что проведенный поиск по упомянутым группам ключевых слов не является всеобъемлющим. Однако он помогает сформировать представление по количеству и качеству публикаций в поисковых системах НЭБ, GoogleАкадемия на момент исследования.

В исследовании А. Э. Сулейманкадиевой, М. А. Петрова, И. Н. Александрова рассматриваются процессы, связанные с формированием цифровой экосистемы в глобальном масштабе, а также на примере российского образовательного пространства за период с 2016 г. по настоящее время. Понятие «цифровой образовательной экосистемы» авторы раскрывают как «сетевую инфраструктуру, формирующую единую технологическую (образовательную) платформу с цифровыми инструментами (технологиями), создающую условия для наиболее эффективного взаимодействия стейкхолдеров и способную оказывать персонализированные образовательные услуги на основе учета потребностей обучающихся…» (Сулейманкадиева и др., 2021. С. 1281–1282). В исследовании авторы отмечают, что «…среднегодовые темпы прироста… объема мирового рынка онлайн-образования… составляют 8,2 %» за период наблюдения авторами работы с 2017 по 2023 г., где показателем объема рынка на 2021 г. является объем данного рынка в 241 млрд долл. (Сулейманкадиева и др., 2021. С. 1281–1282)[51, 52]. Необходимо отметить, что исходным понятием онлайн-образования является «…инновационный способ передачи и контроля знаний…», стремительно реализуемый с развитием технологий Индустрии 4.0 (Сулейманкадиева и др., 2021. С. 1276–1277). Формирование цифровой образовательной экосистемы является, согласно авторам, новой формой организации образовательного процесса, на основе которого развивается экосистемный подход образовательной среды, предполагающий в том числе сетевой характер ее инфраструктуры, доминирование инновационного проектного управления, включая направление *EdTech* (т. е. проектов в области образовательных технологий) (Сулейманкадиева и др., 2021). Развитие темы экосистемы с дифференцированием по восьми признакам с традиционными формами сотрудничества представлено в работе В. Д. Марковой (Маркова, Кузнецова, 2021).

В исследовании С. Л. Мерцаловой, Н. А. Мартыновой, И. В. Карповой цифровизация образовательных организаций рассматривается как «…синтез… процесса обучения и инновационных технических средств…» (Мерцалова и др., 2022. С. 181). Истоки дистанционного образования уходят, согласно авторам, в XIX в., в период общения по почте между преподавателем и учеником. Здесь находит свое развитие тезис о «связанных и несвязанных услугах», когда последние реализуются на расстоянии, посредством ИКТ, причем данные технологии в основном формируют основы наукоемких услуг, содержащих значительный объем (в количественном и качественном выражении) научных изысканий в виде патентов, ноу-хау (Шаймиева, 2011). Реализацией дистанционных форм образования – во исполнение федерального проекта «Цифровая образовательная среда», разработанного в 2018 г., – являются следующие интернет-платформы с поддержкой видеотелефонной связи и видеоконференций: *Zoom, Skype, Google Meet, Discord, Microsoft Teams, TrueConf Server*[53]. В исследовании дано определение *Moodle* как виртуальной обучающей среды, представляющей собой платформу, веб-приложение.

В исследовании А. Н. Привалова, Ю. И. Богатыревой, В. А. Романова раскрывается содержание экосистемы цифровой экономики согласно Программе «Цифровая экономика Российской Федерации» применительно к процессам цифровизации образовательной организации (Привалов и др., 2019)[54]. Цифровизация образования трактуется исследователями как «…предполагающий обеспечение широкой доступности информационно-цифровых ресурсов и использование цифровых технологий в образовательном процессе…» феномен (Привалов и др., 2019. С. 93–94). Для раскрытия понятия цифровизации образования они рассматривают процесс и результат развития компетентностного подхода на базе инжинирингового центра «Цифровые средства производства» педагогического вуза ТГПУ им. Л. Н. Толстого.

---

[51] Здесь представлены прогнозные данные по объему мирового рынка онлайн-образования в 2021 г. согласно «Исследованию…», упоминаемому в работе (Сулейманкадиева и др., 2021. С. 1277–1278). См. Исследование российского рынка онлайн-образования. Innoagency.ru. https://innoagency.ru/files/Issledovanie_rynka_ rossiyskogo_online_obrazovania_2020.pdf

[52] Необходимо отметить, что использование Интернета как обязательной составляющей цифровизации образовательных организаций для обучения населения населением для дистанционного обучения по странам в 2022 г. в РФ составляет 6 % (в процентах от общей численности населения в возрасте 15–74 лет, по зарубежным странам – в возрасте 16–74 лет), в Канаде – 40 % (максимальный показатель) (Абашкин, В. Л., Абдрахманова, Г. И., Вишневский, К. О., Гохберг, Л. М. и др. Цифровая экономика: 2024: краткий статистический сборник (с. 28). Москва: ИСИЭЗ ВШЭ. https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/892396113.pdf

[53] Официальный сайт Министерства просвещения Российской Федерации. https://edu.gov.ru/national-project/projects/cos/

[54] Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства РФ (приказ от 28.07.2017 № 1632-р). http://government.ru/docs/28653/

Исследователи А. В. Шунков, О. В. Дворовенко, Н. Н. Григоренко, В. Н. Борздун в своей работе акцентируют внимание на процессы цифровизации образования применительно к вузам с подготовкой творческих специалистов, с углубленной гуманитарной подготовкой, т. е. вузов креативных индустрий (Шунков и др., 2022). Исследователи отмечают построение и развитие цифровой образовательной экосистемы, реализацию виртуальной информационно-образовательной среды на уровне учебного заведения, а также системную интеграцию в образование технологий как важнейшие направления цифровизации образования.

В предметной области «цифровизация», «образовательных организаций», «процесс», «инновация» на момент исследования нами выявлено 215 работ (табл. 1).

Исследование М. С. Гузеева, В. М. Литвишкова раскрывает содержание понятий «цифровизация», «цифровая среда», «цифровые технологии» применительно к сфере образования (Гузеев и др., 2021). Авторы выделяют подходы к определению понятий: «цифровизация»: «…как насыщение физического мира электронно-цифровыми устройствами, средствами, системами и налаживание электронно-коммуникационного обмена между ними…» и «…как процесс внедрения цифровых технологий для совершенствования жизнедеятельности человека, общества и государства…» (Гузеев и др., 2021. С. 86–87). Авторы отмечают отсутствие единого подхода в научных кругах и нормативных правовых актах к определению понятия «цифровые технологии».

М. А. Лукашенко, Н. В. Громова, А. А. Ожгихина для раскрытия понятия «предпринимательский университет» используют материалы рейтинга «предпринимательских» университетов АЦ «Эксперт». Данное понятие раскрывается авторами как «предпринимательский цифровой университет», т. е. «…модель вуза, в котором образовательные, управленческие и бизнес-процессы трансформированы посредством цифровых сервисов и технологий…» (Лукашенко и др., 2021. С. 93)[55]. В этой работе показаны потенциальные проблемы, которые могут возникнуть при развитии цифровых университетов в российском образовательном процессе:

– сдвиг институциональных приоритетов от «развития персонала» к «разработке продукта». Данный потенциальный конфликт, на примере опыта цифровизации австралийских университетов, может привести «…к смещению традиционных педагогических ценностей от „человека“ к „информационным технологиям“» (Лукашенко и др., 2021. С. 93);

– неприемлемость цифровой логики логике человеческой, образовательного процесса: «…влияние рыночной логики и цифровых технологий в конечном счете может привести к снижению роли преподавателя и, как следствие, качества образования…» (Лукашенко и др., 2021. С. 93–94).

В целях развития цифрового предпринимательского университета, реализуемого в рамках корпоративного имиджа вуза (применительно к теме исследования М. А. Лукашенко, Н. В. Громова, А. А. Ожгихина), используется метод «цифрового имиджа преподавателя» в целях капитализации преподавателя на рынке образовательных услуг, усиления его конкурентных преимуществ.

В исследовании В. Г. Рындак отмечены цели цифровизации в области инклюзивного образования: достижение образовательных и социальных эффектов (Рындак, 2021). Согласно В. Г. Рындак, выделяют следующие модели организации образовательного процесса с применением электронного обучения: обучение с веб-поддержкой; смешанное обучение; онлайн-обучение, с помощью веб-инструментов и платформ (*ZOOM, Google Classrom¸ Microsoft Teams*), элементов игрового пространства (платформа *Discord*) (Рындак, 2021. С. 51–52).

В группе ключевых слов "цифровизация образовательных организаций", "процесс-инновация" в исследовании Е. Д. Платовой рассматриваются вопросы «…цифровой геймификации и проектирования…», которые, согласно автору, «…придают образовательной среде свойства интерактивности и способствует повышению мотивации к обучению…» (Платова, 2023. С. 78). В работе Е. Д. Платовой отмечены следующие цифровые продукты, которые внедрены в процессе цифровизации образования: обучающие компьютерные игры; облачные технологии; дополненная реальность; социальные сети; массовые онлайн-курсы, технологии визуализации.

Поиск и анализ трудов в GoogleАкадемии

II.1. В предметной области по ключевым словам "цифровизация", "образовательных организаций", "продукт", "инновация" в работе В. И. Шкромада и В. В. Шкромада по всем условиям запроса рассматриваются принципы построения цифровой платформы образования РФ в рамках Национального проекта «Образование»

[55] Итоговый рейтинг «предпринимательских» университетов. Аналитический центр «Эксперт». http://www.acexpert.ru/table/2020/itogoviy-reyting-predprinimatelskihuniversitetov/?table=32090

((В. И. Шкромада, В. В. Шкромада, 2021). Авторы отмечают «…инструменты, позволяющие реализовывать конкурентоспособные обучающие продукты…» (В. И. Шкромада, В. В. Шкромада, 2021. С. 95). К числу цифровых инструментов отнесен «сетевой университет» (табл. 1).

В исследовании H. L. Tay и X. Low процессы цифровой трансформации вуза анализируются с использованием принципов бережливого производства (Tay & Low, 2017). Авторы опираются на анализ кейсов, реализуемых в процессе цифровизации образовательных организаций. Авторами выявлены доказательства, характеризующие принципы бережливого управления и определяющие критические факторы, которые помогли вузу достичь ключевых этапов на пути преобразования (в частности: общее видение, поддержка и лидерство высшего руководства, своевременный обмен информацией и управление взаимоотношениями с ключевыми заинтересованными сторонами в процессах трансформации образовательной организации) (табл. 1).

В работе F. Almeida, J. Duarte Santos и J. Augusto Monteiro исследуются вопросы использования технологий в повседневной жизни людей и компаний, причем исходной ситуацией для развития цифровизации в трех сферах бизнеса (трудовые и социальные отношения, маркетинг и продажи, технологии) является ситуация с *COVID*-19 (Almeida et al., 2020). Авторы подчеркивают, что организациям, действующим в различных областях, деятельности, различных форм собственности (в том числе частным и государственным), необходимо развивать культуру инноваций, вовлекающую сотрудников компании в данный процесс.

В предметной области: "цифровизация", "образовательных организаций", "процесс", "инновация" F. Pettersson отмечает, что процессы цифровизации во многих случаях ограничиваются внедрением цифровых технологий без педагогических и организационных изменений (Pettersson, 2021). В исследовании F. Pettersson утверждается необходимость более широкого взгляда на концепцию цифровизации с рассмотрением ее как процесса, включающего изменения и трансформацию на разных этапах и нескольких организационных уровнях. Основываясь на культурно-исторической теории деятельности и концепции уровней обучения, в своем исследовании F. Pettersson рассматривает концепцию цифровизации, а также то, как школы справляются с цифровыми преобразованиями и изменениями в образовании. Анализируются две школы в Швеции, известные своими масштабными процессами цифровизации. В работе показано, что раскрытие содержания цифровизации руководителями процесса влияет на то, как планируется и внедряется цифровизация в школьной организации: понимание цифровизации на практике отвечает на вопросы о том, как планируются бюджет, профессиональное развитие и организационные изменения в конкретных объектах цифровизации. Данная работа подтверждает необходимость исследования раскрытия содержания понятия процесса цифровизации образовательных организаций (Pettersson, 2021).

В работе Nwankpa и соавт. рассматриваются вопросы динамической взаимосвязи между интенсивностью цифрового бизнеса и инновациями процессов посредством управления знаниями. В частности, в статье исследуется механизм, посредством которого интенсивность цифрового бизнеса и управление знаниями совместно влияют на процесс внедрения инноваций в организациях, функционирующих в различных сферах экономической деятельности (Nwankpa et al., 2022). В исследовании F. P. Tajudeen с соавт. цифровая трансформация и инновации исследуются как ключевой фактор выживания организаций в эпоху Индустрии 4.0. В работе делается акцент на рассмотрении цифровых технологий и инноваций, что позволяет, на взгляд авторов исследования, сконцентрироваться на разработке стратегии цифровизации организаций для улучшения их технологических возможностей (Tajudeen et al., 2022).

Результатом второго этапа, согласно исследовательскому дизайну работы, являются следующие (промежуточные) выводы:

– на основе проведенного анализа трудов исследователей, индексированных в НЭБ, GoogleАкадемии, нами проведена систематизация данных работ с целью выявления понимания работ, рассматривающих цифровизацию образовательных организаций как часть их инновационной деятельности, включая реализацию продуктовых, процессных инноваций или – в совокупности – как реализацию цифровизации образовательных организаций на основе технологических инноваций[56];

– представляется возможность уточнения понятия «технологического суверенитета» образовательных организаций в процессе их цифровизации на основе реализации инновационной деятельности, развития данной темы.

[56] Продуктовые и процессные инновации в совокупности формируют технологические инновации.

IV. Результаты исследования: диагностирование продуктовых и процессных инноваций в процессе цифровизации российских образовательных организаций на основе анализа трудов исследователей (теоретиков и практиков)

На третьем этапе, согласно исследовательскому дизайну работы, проведена обработка полученных материалов с использованием Приложения к форме федерального статистического наблюдения (далее – Приложение Росстата)[57, 58] (рис. 3, табл. 2).

При составлении перечня продуктовых и процессных инноваций в процессе цифровизации образовательных организаций как результата обработки полученных материалов нами выделены следующие условия (ограничения):

В работе не рассматривается период внедрения продуктовой, процессной инновации[59].

Программы для ЭВМ являются объектами авторского права согласно ч. 4 ст. 1261 ГК РФ[60, 61, 62]. Однако программы для ЭВМ могут быть зарегистрированы как объекты патентного права («изобретение»)[63] (Толмачев и др., 2022). По нашему мнению, в случае необходимости бо́льшей степени защиты объекта интеллектуальной собственности (ОИС), выхода на зарубежные рынки разработчик – технологический предприниматель регистрирует ОИС как «изобретение»[64, 65]. В случае регистрации ОИС как изобретения данный ОИС может быть представлен как продуктовая инновация. Однако по причине того, что перечисляемые в трудах российских авторов цифровые инструменты являются зарубежными продуктами, а также того факта, что иное (дополнительное) в работах не указано, данный ОИС категорирован как «процессная инновация» (табл. 2).

Правообладателями цифровых экосистем, включающих информационные порталы, являются соответствующие образовательные организации, издательско-образовательные платформы. Отсюда регистрация данного ОИС (с уточнением конкретного вида) находится в области интересов конкретных учреждений.

---

[57] Приказ Росстата № 538 от 29.07.2022 (ред. от 11.01.2024). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_426500/ed0b9465fb91eb9a39e934bc2802b16191c2025e/

[58] В Приложении Росстата приведены примеры продуктовых и процессных инноваций для некоторых отраслей. Например:

(а) использование чат-бота, подключенного к системе искусственного интеллекта, для проведения первичной дистанционной диагностики пациента – пример продуктовой инновации;

(б) примеры процессной инновации в области «методов обработки и передачи информации», общие для организации:

– внедрение системы промышленного интернета вещей (система объединенных компьютерных сетей и подключенных промышленных (производственных) объектов со встроенными датчиками для сбора и обмена данными с возможностью удаленного контроля и управления в автоматизированном режиме без участия человека;

– внедрение системы документационного обеспечения управления (СДОУ) (программное обеспечение, позволяющее выполнять работу с электронными документами (создание, изменение, поиск, хранение), а также организовать взаимодействие сотрудников (передачу документов, выдачу зданий (распоряжений, получений) и контроль за ними, отправку уведомлений и т. д.);

– внедрение системы управления знаниями в организации (на предприятии) – единой методологии, информационной инфраструктуры и инструментов для выявления, кодификации, хранения, обмена и коммерциализации знаний;

(в) пример процессной инновации в сфере услуг:

– использование услуг компаний-посредников для организации онлайн-продаж (Яндекс.Еда, Delivery Club, Такси, Яндекс. Маркет) (Приказ Росстата № 538 от 29.07.2022 (ред. от 11.01.2024). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_426500/ed0b9465fb91eb9a39e934bc2802b16191c2025e/

[59] Требуемый, согласно Приложению Росстата, период введения в эксплуатацию инновации менее трех лет, включая отчетный год, в настоящей работе не рассматривается.

[60] *Zoom, Skype, Google Meet, Discord, Microsoft Teams, TrueConf Server*.

[61] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая). № 230-ФЗ от 18.12.2006 (ред. от 13.06.2023, с изм. от 14.12.2023; с изм. и доп., вступ. в силу с 29.06.2023). Ст. 1261. Программы для ЭВМ. КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ce1359ed5b9bd99896d7a496c7887e7c223a2cbc/#:~:text=Программы%20для%20ЭВМ,Перспективы%20и%20риски&text=Авторские%20права%20на%20все%20виды,авторские%20права%20на%20произведения%20литературы

[62] Программы для ЭВМ как объекты авторского права в практике Дальневосточного федерального университета. https://www.dvfu.ru/science/scientific-infrastructure/intellectual-property/software/

[63] Почему стоит регистрировать программы для ЭВМ как изобретения: 5 примеров из практики. Онлайн-Патент. https://habr.com/ru/companies/onlinepatent/articles/706036/

[64] В авторской работе представлены примеры технологических предпринимателей (Шаймиева, Гумерова, 2023).

[65] Рудич, К. (2021, 11 июня). Русские идут. 10 успешных мировых стартапов с русскими корнями. Секрет фирмы. https://secretmag.ru/technologies/russkie-idut-10-uspeshnykh-mirovykh-startapov-s-rossiiskimi-kornyami.htm

Таблица 2

Цифровизация образовательных организаций как продукт и как процесс на основе трудов исследователей в Научной электронной библиотеке

Table 2. Digitalization of educational organizations as a product and as a process based on eLIBRARY research

Исследование / Research	Сущностный термин(ы) / Essential term(s)	Разработка авторов[61] / Authors' elaboration	
		Продукт(ы) / Product(s)	Процесс(ы) / Process(es)
В предметной области «цифровизация образовательных организаций как продукт» / In the subject area "digitalization of educational organizations as a product"			
1. (Сулейманкадиева и др., 2021) / (Suleymankadiyeva et al., 2021)	Цифровая образовательная экосистема / Digital learning ecosystem	Внедрение цифровой образовательной экосистемы как нового продукта в образовании / Introduction of digital educational ecosystem as a new product in education Внедрение технологических платформ как нового продукта в образовании / Introduction of technological platforms as a new product in education	Метод дистанционного обучения на основе цифровых технологий: интерактивные модули, приложения, сервисы и др. / Distance learning method based on digital technologies: interactive modules, applications, services, etc.
2. (Мерцалова и др., 2022) / (Mertsalova et al., 2022)	Дистанционные формы обучения (дистанционное образование) / Distance learning (distance education)	–	Метод дистанционного обучения на основе интернет-платформы (цифровых технологий): *Zoom, Skype, Google Meet, Discord, Microsoft Teams, TrueConf Server* / Distance learning method based on internet platforms (digital technologies): Zoom, Skype, Google Meet, Discord, Microsoft Teams, TrueConf Server
	Виртуальная обучающая среда *Moodle* / Moodle virtual learning environment	Внедрение виртуальной обучающей среды на основе технологий *Moodle* / Introduction of virtual learning environment based on Moodle technologies	–
3. (Привалов и др., 2019) / (Privalov et al., 2019)	Цифровизация образования / Digitalization of education	Внедрение цифровой образовательной экосистемы как нового продукта в образовании / Introduction of a digital educational ecosystem as a new product in education	Метод обучения на основе компетентностного подхода (реализация в методике и практике обучения) / Method of training based on the competence approach (implementation in the training methodology and practice)
4. (Шунков и др., 2022) / (Shunkov et al., 2022)	Цифровизация образования творческих образовательных учреждений (креативных) индустрий / Digitalization of education at creative educational institutions of creative industries	Внедрение цифровой образовательной экосистемы как нового продукта в образовании; внедрение виртуальной информационно-образовательной среды как нового продукта в образовании / Introduction of a digital educational ecosystem as a new product in education; introduction of virtual information and educational environment as a new product in education	Метод обучения на основе системной интеграции технологий / Method of training based on system integration of technologies

[66] Упоминание конкретных продуктов или процессов цифровизации представлено в соответствующем исследовании, в таблице представлена авторская обработка согласно Приложению Росстата.

Продолжение табл. 2 / Continuation of Table 2

Исследование / Research	Сущностный термин(ы) / Essential term(s)	Разработка авторов[61] / Authors' elaboration	
		Продукт(ы) / Product(s)	Процесс(ы) / Process(es)
В предметной области «цифровизация образовательных организаций как процесс» / In the subject area "digitalization of educational organizations as a process"			
5. (Гузеев и др., 2021) / (Guzeyev et al., 2021)	Цифровизация образования, образовательная среда, среда обучения, цифровые технологии / Digitalization of education, educational environment, learning environment, digital technologies	Внедрение цифровой среды как нового продукта в образовании / Introduction of digital environment as a new product in education	Метод дистанционного обучения на основе цифровых инструментов для постановки учебной проблемы, обобщения изученного материала, подведения итогов (*Google Диск, Google Сайт*) / Distance learning method based on digital tools for setting a learning problem, summarizing the studied material, summarizing the results (Google Disk, Google Site) Метод дистанционного обучения на основе цифровых инструментов для проверки и закрепления знаний, формирования критического мышления (*Learningapps, Educaplay, Flippity*) / Distance learning method based on digital tools for testing and consolidating knowledge, forming critical thinking (Learningapps, Educaplay, Flippity) Метод дистанционного обучения на основе цифровых инструментов для организации групповой работы, рефлексии (*MindMeister, Cacoo, Bubblus, Mindomo*) / Distance learning method based on digital tools for organizing group work, reflection (MindMeister, Cacoo, Bubblus, Mindomo) Метод дистанционного обучения на основе цифровых инструментов для организации самостоятельной работы (*Glogster, ThingLink, Google Диск*) / Distance learning method based on digital tools for organizing independent work (Glogster, ThingLink, Google Disk)
6. (Лукашенко и др., 2021) / (Lukashenko et al., 2021)	Цифровой предпринимательский университет / Digital entrepreneurial university	Внедрение цифрового предпринимательского университета как нового продукта в образовании; разработка и внедрение цифрового имиджа преподавателя; разработка и внедрение корпоративного имиджа вуза / Implementation of the digital entrepreneurial university as a new product in education; development and implementation of digital image of a lecturer; development and implementation of corporate image of the university	–

Окончание табл. 2 / End of Table 2

Исследование / Research	**Сущностный термин(ы) / Essential term(s)**	**Разработка авторов[61] / Authors' elaboration**	
		Продукт(ы) / Product(s)	**Процесс(ы) / Process(es)**
7. (Рындак, 2021) / (Ryndak, 2021)	Цифровизация инклюзивного образования / Digitalization of inclusive education	Внедрение цифровой образовательной платформы как нового продукта в образовании инклюзивного образования / Introduction of digital education platform as a new product in inclusive education	Метод дистанционного обучения на основе веб-инструментов: *ZOOM, Google Classrom¸ Microsoft Teams* / Distance learning method based on web tools: ZOOM, Google Classroom¸ Microsoft Teams
8. (Степанова и др., 2019) / (Stepanova et al., 2019)	Цифровая экосистема региона / Regional digital ecosystem	Внедрение цифровой образовательной экосистемы как нового продукта в образовании / Introduction of a digital educational ecosystem as a new product in education	Метод учета в региональной экономике на основе программы для ЭВМ как учета процессов цифровизации региона (17 показателей) и условий цифровизации региона (14 показателей), язык программирования: C# / method of accounting in the regional economy based on software as accounting of the digitalization processes in the region (17 indicators) and digitalization conditions in the region (14 indicators), programming language: C#
9. (Тарасова и др., 2022а) / (Tarasova et al., 2022a)	Цифровизация образовательной среды в ДОО / Digitalization of the educational environment in ДОО	База данных для сравнительного анализа и оценки цифровизации образовательной среды в ДОО: внедрение цифровой образовательной среды в ДОО как нового продукта в образовании / The database for comparative analysis and evaluation of digitalization of the educational environment in ДОО: introduction of digital educational environment in ДОО as a new product in education	Внедрение пакета анализа данных на основе *IBM SPSS Statistics* как метода статистической обработки данных / Implementation of data analysis package based on IBM SPSS Statistics as a method of statistical data processing
10. (Тарасова и др., 2022б) / (Tarasova et al., 2022b)	Цифровая образовательная среда / Digital educational environment	База данных для сравнительного анализа и оценки цифровой трансформации общего образования, для дальнейших исследований в области цифровизации системы общего образования; внедрение цифровой образовательной среды в ДОО как нового продукта в образовании / The database for comparative analysis and evaluation of digital transformation of general education, for further research of general education digitalization; introduction of digital educational environment in ДОО as a new product in education	

Примечание: ДОО – дошкольная образовательная организация.

Note: ДОО – preschool educational organization.

Источник: составлено авторами на основе: (Гузеев и др., 2021; Лукашенко и др., 2021; Мерцалова и др., 2022; Привалов и др., 2019; Рындак, 2021; Степанова и др., 2019; Сулейманкадиева и др., 2021; Тарасова и др., 2022а ; Тарасова, Пастухова, 2022б Шунков и др., 2022).

Source: compiled by the authors based on: (Guzeyev et al., 2021; Lukashenko et al., 2021; Mertsalova et al., 2022; Privalov et al., 2019; Ryndak, 2021; Stepanova et al., 2019; Suleymankadiyeva et al., 2021; Tarasova et al., 2022a; Tarasova et al., 2022b; Shunkov et al., 2022).

На основе полученных данных по результатам анализа трудов ученых в НЭБ можно сделать следующие выводы в качестве результата третьего этапа, согласно исследовательскому дизайну работы:

Продуктовой инновацией в процессе цифровизации образовательных организаций выступают [на момент исследования]:

– цифровая образовательная экосистема образовательной организации;

– цифровая экосистема региона;

– цифровая образовательная платформа[67];

– цифровизация образовательной среды с конкретными областями применения;

– цифровизация образования с конкретными областями применения (инклюзивное образование, дошкольная образовательная организация);

– цифровой предпринимательский университет;

– базы данных для сравнительного анализа и оценки цифровизации конкретной образовательной среды;

– цифровой имидж преподавателя; корпоративный имидж вуза.

Процессной инновацией в процессе цифровизации образовательных организаций выступают:

– цифровые технологии: интерактивные модули, приложения, сервисы с конкретным применением в образовательном процессе[68];

– программы для ЭВМ как учет процессов цифровизации региона (табл. 2).

Результатом деятельности образовательной организации в сфере образования, понимаемом как «...единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов…», выступают соответствующие результаты по образовательным программам образовательного учреждения (например, результаты освоения образовательной программы)[69]. Результатом инновационной деятельности образовательной организации, «…ориентированной на совершенствование научно-педагогического, учебно-методического, организационного, правового, финансово-экономического, кадрового, материально-технического обеспечения системы образования и осуществляемой в форме реализации инновационных проектов и программ организациями, осуществляющими образовательную деятельность, и иными действующими в сфере образования организациями, а также их объединениями…» в аспекте исследуемой темы могут выступать продуктовые и процессные инновации, обладающие или не обладающие защитой как ОИС, используемые во внутренней, внешней средах образовательной организации или реализуемые на рынке в виде товаров или услуг [70, 71].

Взаимодействие электронно-библиотечных систем образовательных организаций (далее – ЭБС) с цифровыми платформами федеральных издательств, на основе исследовательской, инновационной деятельности аффилированных с образовательной организацией профессорско-преподавательского состава (далее – ППС),

---

[67] Об особенностях выстраивания бизнеса на основе цифровых платформ см. (Маркова, 2019; Маркова, Кузнецова, 2021).

[68] Для постановки учебной проблемы, обобщения изученного материала, подведения итогов; для проверки и закрепления знаний, формирования критического мышления; для организации групповой работы, рефлексии; для организации самостоятельной работы.

[69] Новый закон «Об образовании в РФ» (№ 273-ФЗ от 29.12.2012) со всеми изменениями и дополнениями. Комментарий к статьям закона. Ст. 2. Основные понятия, используемые в настоящем федеральном законе. https://zakonobobrazovanii.ru/skachat-zakon-ob-obrazovanii

[70] Ст. 20. Инновационная деятельность ориентирована на совершенствование научно-педагогического, учебно-методического, организационного, правового, финансово-экономического, кадрового, материально-технического обеспечения системы образования и осуществляется в форме реализации инновационных проектов и программ организациями, осуществляющими образовательную деятельность, и иными действующими в сфере образования организациями, а также их объединениями (Статья 20. Экспериментальная и инновационная деятельность в сфере образования. Новый закон «Об образовании в РФ» (№ 273-ФЗ от 29.12.2012) со всеми изменениями и дополнениями. Комментарий к статьям закона // https://zakonobobrazovanii.ru/skachat-zakon-ob-obrazovanii

[71] Необходимо отметить, что уровень конкурентоспособности инновационных продуктов образовательных организаций в процессе цифровизации в настоящей работе не рассматривается. Однако вопросы коммерциализации патентов образовательных организаций, согласно АЦ «Эксперт», являются актуальным объектом отдельных исследований (Рейтинг «Индекс изобретательской активности российских университетов-2023». Эксперт: аналитический центр. https://acexpert.ru/publications/rating/reiting-indeks-izobretatelskoi-aktivnosti-rossiiskikh-universi-1#Методика%20рейтинга

ее сотрудников, приводит к увеличению числа ОИС в части развития новых тем[72], а также увеличения новых форм ОИС, не индексируемых в Российском индексе научного цитирования (далее – РИНЦ): электронных курсов (в том числе э-учебных пособий), медиа-, аудиоизданий[73].

Анализ процессов цифровизации образовательных организаций в российском образовательном пространстве на основе методики Росстата в части сбора информации о продуктовых, процессных инновациях позволил расширить авторское видение цифровизации образовательных организаций как совокупности процессов виртуализации активов, управления и платформизации в разрезе продукт- и процесс-инноваций (Сулейманкадиева, Фомичева, 2020; Гумерова, Шаймиева, 2023) (рис. 5).

Развивая авторское исследование в области активизации инновационной деятельности образовательных организаций, опираясь на результаты анализа вышеупомянутых трудов, под цифровизацией образовательных организаций в настоящем исследовании будем понимать совокупность процессов виртуализации активов, управления и платформизации образовательных, управленческих процессов как составную часть инновационной деятельности образовательных организаций, результатом которой являются продуктовые и процессные инновации в каждом из вышеуказанных направлений (рис. 5) (Бикеев, 2007; Наумкин и др., 2018).

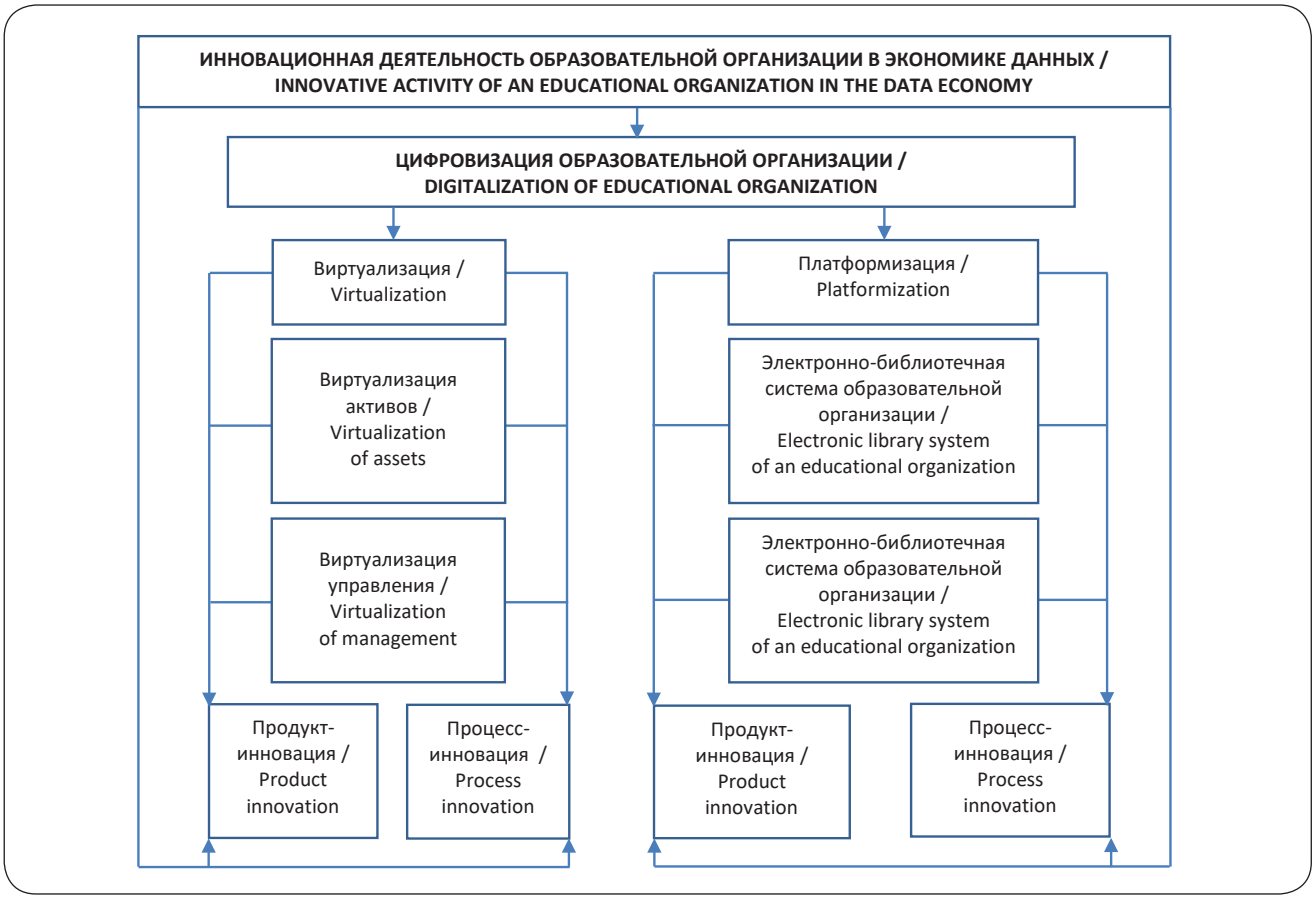


Рис. 5. Цифровизация образовательной организации как часть ее инновационной деятельности в экономике данных: продукт- и процесс-инновации

Источник: составлено авторами на основе (Гумерова, Шаймиева, 2023).

Fig. 5. Digitalization of an educational organization as part of its innovative activity in the data economy: product- and process-innovations

Source: compiled by the authors based on (Gumerova et al., 2023).

[72] К «новым темам» можно отнести вопросы, связанные с цифровизацией образовательных организаций, платформенными решениями и др.

[73] Данная проблема исследуется авторами в отдельной работе.

Таблица 3

Продуктовые и процессные инновации в процессе цифровизации образовательных организаций
Table 3. Product and process innovations of digitalization of educational organizations

Инновации / Innovations	Виртуализация / Virtualization	Платформизация / Platformization
Продуктовые / Product	**Виртуализация управления / Virtualization of management**	
	Во внутренней цифровой среде / In the internal digital environment	Во внешней цифровой среде / In the external digital environment
	ЭБС, цифровые платформы образовательной организации, включая личные э-кабинеты ППС, обучающихся как внедрение нового продукта в образовании / eLIBRARY, digital platforms of an educational organization, including personal e-offices of teaching staff and students as an introduction of a new product in education	Цифровые экосистемы, цифровые платформы издательств, партнеров образовательной организации как внедрение нового продукта в образовании / Digital ecosystems, digital platforms of publishers, partners of educational organization as introduction of new product in education
	Виртуализация активов / Virtualization of assets	
	ОИС: новые по теме как внедрение нового продукта в образовании / Intellectual property objects: new by theme as introduction of a new product in education	ОИС: новые по теме как внедрение нового продукта в образовании / Intellectual property objects: new by theme as introduction of a new product in education
	ОИС: новые по форме, согласно индексации в РИНЦ, как внедрение нового продукта в образовании / Intellectual property objects: new by form according to RSCI as introduction of a new product in education	ОИС: новые по форме, согласно индексации в РИНЦ, как внедрение нового продукта в образовании / Intellectual property objects: new by form according to RSCI as introduction of a new product in education
Процессные / Process	Сервисы с конкретным применением в образовательном процессе (для постановки учебной проблемы, обобщения изученного материала, подведения итогов; для проверки и закрепления знаний, формирования критического мышления; для организации групповой работы, рефлексии; для организации самостоятельной работы) как методы (дистанционного, других видов) обучения, т. е. новые или усовершенствованные процессы, используемые в образовательной практике, которые значительно отличаются от предыдущего соответствующего процесса, используемого в организации / Services with a specific application in the educational process (for setting a learning problem, generalizing the studied material, summarizing; for testing and consolidating knowledge, forming critical thinking; for organizing group work, reflection; for organizing independent work) as methods of (distance, other types of) learning, i.e. new or improved processes used in educational practice, which differ significantly from the previous corresponding process used in the organization	Цифровые технологии: интерактивные модули, приложения как методы (дистанционного, других видов) обучения; решения на основе искусственного интеллекта в конкретных областях образовательного процесса как методы (решения задач) обучения: – в области проверки работ ППС, обучающихся на оригинальность[71]; – в области регистрации, оборота ОИС как результатов инновационной деятельности ППС, обучающихся[72, 73, 74] / Digital technologies: interactive modules, applications as methods of (distance, other types of) learning; solutions based on artificial intelligence in specific areas of the educational process as methods of (problem-solving in) learning: – in the field of checking the works of teaching staff, students for originality (anti-plagiarism); – in the field of registration, turnover of intellectual property objects as results of innovation activities of teaching staff and students

Примечание: ОИС – объекты интеллектуальной собственности; ППС - профессорско-преподавательский состав; РИНЦ – Российский индекс научного цитирования; ЭБС – электронно-библиотечная система.

Источник: составлено авторами на основе (Гумерова, Шаймиева, 2023).

Source: compiled by the authors based on (Gumerova & Shaimieva, 2023).

[74] Официальный сайт системы Антиплагиат. https://antiplagiat.ru/

[75] Официальный сайт Российского центра оборота прав на результаты творческой деятельности. https://xn--h1apes.xn--p1ai/regulations. Указ Президента Российской Федерации № 378 от 28.06.2021. Официальный интернет-портал правовой информации. http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202106280002

[76] Официальный сайт Роспатента – Федеральной службы по интеллектуальной собственности. https://rospatent.gov.ru/ru

[77] Официальный сайт цифровой платформы IREG – онлайн-платформа для регистрации и защиты авторских прав. https://ireg.pro/

Сетевой характер инфраструктуры образовательной организации с выделением ее внутренней и внешней сред отражается, в частности, в области виртуализации активов (ОИС) в том, что ОИС могут быть доступными только для ППС, обучающихся (внутренняя среда) и открыты всем образовательным организациям – участникам ЭБС в российском образовательном пространстве (внешняя среда). В состав таких электронно-библиотечных систем (далее – ЭБС), доступных для всех образовательных организаций по подписке, входят ЭБС следующих издательств: КНОРУС, ИНФРА-М, ЮРАЙТ[78, 79, 80].

Перечень продуктовых и процессных инноваций в областях виртуализации и платформизации образовательных организаций как составных частей их инновационной деятельности представлен в табл. 3.

Виртуализация активов в процессе цифровизации образовательных организаций опирается на процесс совместного использования определенным кругом потребителей ОИС как во внутренней, так и внешней среде образовательной организации. В работе Г. Н. Чернухиной отмечаются возможности концепции совместного потребления для развития деятельности на основе цифровых платформ (Чернухина, 2020) (рис. 5, табл. 3).

Результатом четвертого этапа, согласно исследовательскому дизайну настоящей работы, является разработка теоретической модели цифровизации образовательных организаций, которая позволяет проводить учет, контроль, планирование продуктовых и процессных инноваций в процессе их цифровизации, в ее частях виртуализации активов, управления и платформизации, определять число участников, распределять риски инновационной деятельности, оптимизировать источники финансирования данной деятельности (рис. 5).

Обсуждение результатов

В процессе обсуждения результатов необходимо отметить выявленные авторами ограничения исследования, а также показать, как данное исследование развивает научную дискуссию по теме исследования.

В настоящем исследовании не рассматривались маркетинговые, организационные инновации образовательных организаций, реализуемые ими в процессе цифровизации и анализируемые Росстатом согласно методологии инновационной деятельности[81].

Раскрытие содержания цифровизации образовательных организаций в процессе ее реализации через призму реализации продуктовых и процессных инноваций позволяет развивать методологический и практико-ориентированный аспекты цифровизации образования в высшей школе, исследование которых представлено в работе С. Л. Мерцаловой, Н. А. Мартыновой, И. В. Карповой (Мерцалова и др., 2022). Благодаря полученным результатам становится возможным осуществлять планирование продуктовых и процессных инноваций в ходе цифровизации образовательных организаций, в областях виртуализации и платформизации их деятельности. Диагностирование продуктовых и процессных инноваций позволит повысить эффективность образовательного процесса, учитывая необходимость развития соответствующих компетенций всех участников данного процесса. Эти вопросы раскрываются в работе М. С. Гузеева, В. М. Литвишкова (Гузеева и др., 2021).

Диагностирование продуктовых и процессных инноваций в ходе цифровизации образовательных организаций развивает дискуссию о рисках инновационной деятельности в целом и в процессе цифровизации в школе в частности. В исследовании Р. В. Молоткова отмечены изменения процесса оценки рисков, когда «…цифровая экономика требует более гибкого подхода к оценке рисков инновационных проектов, поскольку новые технологии и бизнес-модели могут изменяться и развиваться очень быстро…» (Молотков, 2023. С. 120). Риски в технологическом предпринимательстве в виде стартапов раскрываются в работе А. Н. Попова. В его исследовании рассматриваются корпоративные стартап-студии, «…основной деятельностью которых являются создание и развитие инновационных проектов в интересах корпораций…» (Попов, 2020. С. 85). Данные стартап-студии развиваются в том числе с привлечением представителей образовательной среды, где риски в области ОИС могут быть заложены в процессе создания ОИС в виде продуктовых или процессных инноваций (Васина и др., 2023).

[78] Образовательная платформа ЮРАЙТ. https://urait.ru/info/courses

[79] ЭБС znanium.com. https://znanium.com/catalog

[80] КНОРУС: издательство учебной литературы. https://book.ru/

[81] В исследовании не рассматривались иные составляющие инновационной деятельности образовательных организаций.

Развитие продуктовых и процессных инноваций развивает дискуссию о степени «значительности» инноваций, отображаемых в отчетности предприятий (Березина, 2014). Желательным, по нашему мнению, является уточнение минимальных показателей на уровне предприятия, отрасли, региона по показателям инновационной деятельности (в частности, патентной активности, затрат на НИОКР, объемов выпущенной инновационной продукции) в коммерческих и некоммерческих секторах для определения уровня «значительности» при диагностировании инноваций на предприятиях, минимизации субъективного мнения (Канева, 2013).

Результаты настоящего исследования могут быть использованы в развитии темы «технологического суверенитета» экономики страны. В частности, в работе А. А. Афанасьева представлены сущностные характеристики технологического суверенитета экономики страны, на основе которых представляется возможным формирование его пороговых значений в различных аспектах (например, критериально-оценочном, производственном и др.) (Афанасьев, 2023). В актуальных материалах СМИ по теме технологического суверенитета сформулировано его прикладное определение: «…технологический суверенитет, включающий оперативное импортозамещение, технологии как фактор роста экономики, где важно создание благоприятной среды для развития технологий, технологическое обеспечение восстановления производственных систем и техноэкономика (цифровизация)… Сейчас до 20 процентов технологий создается в вузах. Этот показатель нужно увеличивать. Новый инструмент в политике технологического развития – впервые будут созданы 30 передовых инженерных школ…»[82] Применительно к теме исследования данные «технологии, создаваемые в вузах», в целях эффективного использования в российском экономическом пространстве могут быть зафиксированы как продуктовые, процессные инновации, в том числе области цифровизации, причем целесообразность регистрации данных ОИС в виде объектов патентного, авторского права, образовательная организация(ции) может формулировать и реализовывать самостоятельно. Данные процессы создадут обеспеченность образовательных организаций объектами патентного, авторского права в области цифровизации, включающей виртуализацию и платформизацию активов и управления данных организаций, обладающими коммерческой (и иной ценностью) для внутренней, внешней сред данных организаций на основе обладания уникальными данными, авторами которых выступают НИР-сотрудники, административный персонал, преподавательский состав, аффилированный к образовательным организациям[83].

Настоящая работа развивает некоторые положения в рамках исследования M. Rahmah, A. Ameen, O. Isaac, A. B. Abu-Elhassan, G. Khalifa в области влияния организационных инноваций (реализуемых посредством продуктовых, процессных и административных инноваций) на организационное обучение (Rahmah, et al., 2020). В работе, в частности, тестируется гипотеза авторов о влиянии организационных инноваций в виде продуктовых, процессных, административных инноваций на организационное обучение, что является драйвером в преобразование ОАЭ в знаниевоемкую машину, нацеленную на коммерциализацию (на основе развития, креативности и коммерчески ориентированного управления)[84].

Одной из значимых областей, дискуссии по которой актуальны для российского рынка развития интеллектуальной собственности образовательных организаций, является патентная активность обучающихся в их патентной деятельности (Mei-Lan L. & Tai-Kuei Y., 2018). Действительно, согласно исследованию Е. А. Стрельцовой, А. В. Горбунова, Б. Л. Генина, Д. С. Золкина, «…в 2023 г. в Роспатент было подано 26,7 тыс. патентных заявок на изобретения, что почти на четверть меньше, чем в 2020 г. … Поток заявок от разработчиков из Китая, Республики Корея, Великобритании, напротив, несколько увеличился (+13,6; 31,0 и 5,3 % соответственно)… Однако в 2023 г. произошло увеличение числа поданных в Роспатент отечественных заявок на изобретения почти на 9 % (до 20,6 тыс.). Большинство из них (76,2 %) поступили от юридических лиц, среди которых доминируют вузы… На их долю приходится суммарно 33,8 % патентных заявок на эти объекты интеллектуальной собственности, поданных резидентами в России в 2023 г.» (Стрельцова и др.,

[82] Решетникова, Н. (2022, 23 августа). Как достичь технологического суверенитета. Российская газета. https://rg.ru/2022/08/23/nauchnyj-specnaz.html

[83] Необходимо отметить, что вопросы уровня обеспеченности объектами патентного, авторского права в настоящей работе не рассматриваются.

[84] «…One of the mainstays of the UAE imaginative and prescient is converting the UAE into focused Knowledge monetary machine (development, creativeness, and money related administrations)…» (Перевод наш. – Прим. А. И. Шинкевича, Э. Ш. Шаймиевой, Г. И. Гумеровой) (Rahmah et al., 2020).

2024. С. 1–2)[85]. Вовлечение обучающихся в патентную активность исследуется, в частности, в работе L. Mei-Lan, Y. Tai-Kuei, где авторы изучают «…роль силы потребности в росте и воспринимаемых преимуществ инноваций как предварительных факторов, определяющих намерения студентов участвовать в патентной деятельности, с использованием теории планируемого поведения…» (Mei-Lan & Tai-Kuei, 2018. Pp. 1–2).

Примечательно, что в работе G. A. Wagner, B. J. Pavlik констатируется, что запатентованные инновации (на примере США) в значительной степени сосредоточены в городах (около 95 % патентов, выданных резидентам США, выдаются физическим лицам, проживающим в мегаполисах). Таким образом, патенты являются показателем региональной инновационной активности, с ее концентрацией в крупных городах, где, по нашему мнению, размещаются образовательные учреждения, вовлекающие в патентную активность (в том числе в области цифровизации на основе продуктовых, процессных инноваций) обучающихся всех направлений и уровней подготовки (Wagner & Pavlik, 2020. P. 857).

Заключение

В завершение проведенного исследования можно сделать следующие выводы и рекомендации:

I. *В теоретической части исследования*.

1. Схема цифровизации образовательных организаций с точки зрения управления инновационной деятельности в цифровой экономике позволяет рассматривать данные процессы через призму реализации продуктовых и процессных инноваций как единый, взаимосвязанный процесс на всех уровнях образовательных организаций, с уточнением конкретных показателей по продуктовым, процессным инновациям (рис. 1).

2. Схема «Цифровизация образовательной организации как часть ее инновационной деятельности: продукт- и процесс-инновации» позволяет рассматривать данный процесс целостно, во взаимосвязи процессов цифровизации и реализации продуктовых и процессных инноваций (рис. 2).

II. *В области уточнения перечня продуктовых и процессных инноваций в образовательных организациях в их инновационной деятельности в процессе цифровизации*[86].

1. Цифровизация образовательных организаций не рассматривается в трудах исследователей, работы которых индексируются в НЭБ, как развитие их инновационной деятельности.

2. Уточнено понятие «цифровизации образовательных организаций», под которым понимается совокупность процессов виртуализации активов, управления и платформизации образовательных, управленческих процессов как составной части инновационной деятельности образовательных организаций, результатом которой являются продуктовые и процессные инновации в каждом из вышеуказанных направлений.

3. Составлен перечень продуктовых и процессных инноваций образовательных организаций в разрезе: виртуализации активов, управления и платформизации во внутренней и внешних средах образовательной организации (табл. 3).

III. *В области обеспеченности образовательных организаций продуктовыми и процессными инновациями, требующими своей защиты в виде патентов, в том числе нацеленных на импортозамещение (реализуемых и планируемых к реализации)*.

В работе показана взаимосвязь процессов цифровизации образовательных организаций и их инновационной деятельности. Диагностирование, учет и защита продуктовых и процессных инноваций, создаваемых и реализуемых в процессе цифровизации образовательных организаций, обеспечивают технологический суверенитет сферы образования.

---

[85] Стрельцова, Е. А., Горбунов, А. В., Генин, Б. Л., Золкин, Д. С. (2024, 28 марта). Потенциал технологического развития: патентная активность в России. Москва: ВШЭ. https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/909384624.pdf

[86] Ст. 20. Инновационная деятельность ориентирована на совершенствование научно-педагогического, учебно-методического, организационного, правового, финансово-экономического, кадрового, материально-технического обеспечения системы образования и осуществляется в форме реализации инновационных проектов и программ организациями, осуществляющими образовательную деятельность, и иными действующими в сфере образования организациями, а также их объединениями (Статья 20. Экспериментальная и инновационная деятельность в сфере образования. Новый закон «Об образовании в РФ» (№ 273-ФЗ от 29.12.2012) со всеми изменениями и дополнениями. Комментарий к статьям закона. https://zakonobobrazovanii.ru/skachat-zakon-ob-obrazovanii

IV. *В области уточнения целевых показателей цифровизации образовательных организаций всех уровней на основе уточненных понятий «цифровизация образовательных организаций», «продуктовая инновация образовательной организации», «процессная инновация образовательной организации»*.

1. Необходимо дополнить ст. 20 «Экспериментальная и инновационная деятельность в сфере образования» пунктом «Результаты инновационной деятельности образовательных организаций в виде продуктовых и процессных инноваций в терминологии Росстата»[87].

2. Нормативно-правовые документы, регламентирующие инновационную деятельность образовательных организаций в ее экспериментальных, проектных частях, в процессе их цифровизации желательно дополнить понятиями продуктовых, процессных инноваций, цифровизации образовательных организаций.

3. Необходимо формирование методического обеспечения цифровизации образовательных организаций, с указанием составляющих технологических инноваций, всех участников процессов цифровизации как части инновационной деятельности. Данный вывод развивает идеи в работе Васиной и соавторов, где отражена необходимость «…привлечения различных участников экономики, задействованных в процессе как импортозамещения, так и усиления промышленного суверенитета страны (Васина и др., 2023. С. 11). В процессе методического обеспечения цифровизации образовательных организаций должны быть представлены, в частности: перечень участников создания ОИС, статус, их вклад в создание ОИС; разработаны мотивационные факторы для развития разнообразных ОИС, в том числе для ОИС, создаваемых в рамках международно-технического сотрудничества с представителями дружественных стран; представлены примеры продуктовых и процессных инноваций для образовательных организаций в области цифровизации (в том числе по степени их радикальности для российского рынка и др.).

4. Необходимо обеспечение авторских прав несовершеннолетних авторов ОИС – обучающихся на уровнях общего образования, их наставников, учителей, родителей (при необходимости), данных образовательных организаций, задействованных в процессе создания ОИС[88].

5. Необходимо формирование целевых показателей процессов цифровизации образовательных организаций, включая виртуализацию активов и управления, платформизацию образовательных организаций на основе использования продуктовых и процессных инноваций (в частности, развития *EdTech*-образования как «...платформы с методикой и способом организации…»[89] процесса обучения.

6. Полученные результаты могут быть использованы при формировании стратегий управления продуктовыми, процессными инновациями, возникающими в процессе цифровизации образовательных организаций, а также при сборе информации об инновационной деятельности образовательных организаций в цифровой экономике, формировании экосистем образовательных организаций.

Список литературы

Афанасьев, А. А. (2023). Технологический суверенитет: варианты подходов к рассмотрению проблемы. *Вопросы инновационной экономики*, *13*(2), 689–706. https://doi.org/10.18334/vinec.13.2.117375

Березина, Е. В. (2014). Современные вызовы российской статистики инноваций. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, 10, 115–119.

Бикеев, И. И. (2007). Модель организации научной работы в молодом вузе. *Высшее образование в России*, *9*, 52–58. https://elibrary.ru/ijfqub

[87] Ст. 20. Инновационная деятельность ориентирована на совершенствование научно-педагогического, учебно-методического, организационного, правового, финансово-экономического, кадрового, материально-технического обеспечения системы образования и осуществляется в форме реализации инновационных проектов и программ организациями, осуществляющими образовательную деятельность, и иными действующими в сфере образования организациями, а также их объединениями (Статья 20. Экспериментальная и инновационная деятельность в сфере образования. Новый закон «Об образовании в РФ» (№ 273-ФЗ от 29.12.2012) со всеми изменениями и дополнениями. Комментарий к статьям закона. https://zakonobobrazovanii.ru/skachat-zakon-ob-obrazovanii

[88] Паспорт федерального проекта «Цифровая образовательная среда». https://edu-frn.spb.ru/files/iiMBxQ4cNH1BCsaWn2WqDgFinWeU3rVYpmO6sd33.pdf

[89] Не путать: в чем разница между EdTech и инфобизнесом. РБК. https://trends.rbc.ru/trends/education/5f7248739a79478c47a25c95

Васина, А. В., Сысоева, О. В., Киселева, О. Н. (2023). К вопросу о формировании университетского хаба в концепции открытых инноваций. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*, *23*(1), 10–19. https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-10-19

Гузеев, М. С., Литвишков, В. М. (2021). Цифровизация деятельности образовательных организаций как необходимое условие эффективности образовательного процесса. *Вопросы педагогики*, *1–2*, 86–89. https://elibrary.ru/item.asp?id=44644724

Гумерова, Г. И., Шаймиева, Э. Ш. (2023). Активизация инновационной деятельности образовательных организаций в цифровой экономике. *Государственное управление. Электронный вестник*, 96, 193–211 https://spajournal.ru/index.php/spa/article/view/65

Канева, М. А. (2013). Устойчивость инноваций и анализ патентной активности российских компаний. *Прикладная эконометрика*, *4*(32), 93–109.

Константинов, И. Б., Константинова, Е. П. (2022). Технологический суверенитет как стратегия будущего развития российской экономики. *Вестник Поволжского института управления*, *22*(5), 12–22. https://doi.org/10.22394/1682-2358-2022-5-12-22

Кузнецова, И. А., Фридлянова, И. А. (2020). Развитие методологии статистического измерения инновационной деятельности в условиях реформирования международных стандартов. *Вопросы статистики*, *27*(1), 29–52. https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-1-29-52

Лукашенко, М. А., Громова, Н. В., Ожгихина, А. А. (2021). Цифровой имидж преподавателя предпринимательского университета. *Высшее образование в России*, *30*(7), 91–104. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-7-91-104

Маркова, В. Д., Кузнецова, С. А. (2021). Экосистемы как инновационный инструмент роста бизнеса. *ЭКО*, *8*, 151–168. https://doi.org/10.30680/eco0131-7652-2021-8-151-168

Маркова, В. Д. (2019). Платформенные модели бизнеса: подходы к созданию. *ЭКО*, 2019, 106–123.

Маршова, Т. Н. (2017). Принципы формирования статистических данных для анализа и прогноза социально-экономического развития. *Экономические и социально-гуманитарные исследования*, *2*(14), 25–36.

Мерцалова, С. Л., Мартынова, Н. А., Карпова, И. В. (2022). Перспективы цифровизации образования в высшей школе: методологический и практико-ориентированный аспекты. *Вестник ОрелГИЭТ*, *1*(59), 180–187. https://doi.org/10.36683/2076-5347-2022-1-59-180-187

Молотков, Р. В. (2023). Особенности венчурного финансирования и инновационных проектов в условиях цифровой экономики. *Экономика и управление: проблемы, решения*, *9*(2), 114–123. https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2023.09.02.020

Наумкин, Н. И., Грошева, Е. П., Шекшаева, Н. Н. (2018). Исследование инновационной подсистемы университетской кафедры как субстрата региональной инновационной системы. *Регионология*, *26*(3), 474–493. 10.15507/2413-1407.104.026.201803.474-493

Платова, Е. Д. (2023). Потенциал цифровизации образования в развитии форм организации учебной деятельности в вузе. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, *12*(3), 78–81.

Привалов, А. Н., Богатырева, Ю. И., Романов, В. А. (2019). Инжиниринговый центр как инновационный компонент профессиональной подготовки бакалавров IT-направлений. *Образование и наука*, *21*(7), 90–112. https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-7-90-112

Попов, А. Н. (2020). Мировая практика организации корпоративных стартап-студий *Интеллект. Инновации. Инвестиции*, *5*, 83–92. https://doi.org/10.25198/2077-7175-2020-5-83

Рындак, В. Г. (2021). Теория и опыт цифровизации в системе инклюзивного образования. *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки*, *18*(4), 45–56. https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2021.4.4

Сулейманкадиева, А. Э., Петров, М. А., Александров, И. Н. (2021). Цифровая образовательная экосистема: генезис и перспективы развития онлайн-образования. *Вопросы инновационной экономики*, *11*(3), 1273–1288. https://doi.org/10.18334/vinec.11.3.113470

Сулейманкадиева, А. Э., Фомичева, Н. М. (науч. ред.) (2020). *Экономика и управление интеллектуальным капиталом*: монография. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42944743

Тарасова, Н. В., Доронов, С. Г., Пастухова, И. П. (2022). *Цифровизация образовательной среды в ДОО: проблемы и возможности*. Свидетельство о регистрации базы данных 2022621955, 05.08.2022. Заявка № 2022621723 от 18.07.2022 (a). EDN: MZHTIL

Тарасова, Н. В., Пастухова, И. П. (2022). *Актуальные проблемы профессионально-педагогической деятельности учителя в условиях реализации цифровой трансформации общего образования*. Свидетельство о регистрации базы данных 2022620740, 05.04.2022. Заявка № 2022620575 от 25.03.2022 (b). EDN: KNYRWH

Толмачев, Д. Е., Чукавина, К. В., Игошина, Е. Д. (2022). Технологические предприниматели российского происхождения: образование, география, отрасли. *Журнал Новой экономической ассоциации*, *1*(53), 231–240. https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-53-1-13

Тимирясова, А. В. (2022). Педагогическая система управления развитием частного инновационного университета в условиях цифровой трансформации общества. *Педагогическое образование и наука*, *3*, 89–94. https://doi.org/10.56163/2072-2524-2022-3-87-94

Чайковская, Н. В., Панягина, А. Е. (2011). Сущность инноваций: основные теоретические подходы. *Современная экономика: проблемы, тенденции, перспективы*, *4*, 47–57.

Чернухина, Г. Н. (2020). Трансформация и тенденции потребления в современной шеринговой модели бизнеса. *Современная конкуренция*, *14*(3), 79–88. https://doi.org/10.37791/1993-7598-2020-14-3-79-88

Шаймиева, Э. Ш. (2011). *Инновации для реализации технологической модернизации регионов*. Казань: изд-во «Познание» ИЭУП. https://elibrary.ru/item.asp?id=22866199

Шаймиева, Э. Ш., Гумерова, Г. И. (2024). Удаленная работа в экономике данных для развития креативных индустрий. В кн.: *Векторы социально-экономического развития России: современные вызовы и возможности*: монография (с. 105–119). Чебоксары: ИД «Среда». https://doi.org/10.31483/a-10564

Шаймиева Э. Ш., Гумерова Г. И. (2023). Стартапы креативных индустрий: характеристики стартапов, направление программ развития. *Креативная экономика*, *17*(5), 1523–1550. https://doi.org/10.18334/ce.17.5.117817

Шинкевич, А. И., Шогенов А. В. (2023). Некоторые аспекты обеспечения технологического суверенитета научно-производственного предприятия. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*, *25*(1), 23–27. https://doi.org/10.37313/1990-5378-2023-25-1-23-27

Шунков, А. В., Дворовенко, О. В., Григоренко, Н. Н., Борздун, В. Н. (2022). Цифровизация образования в творческом вузе: идеи и реализация. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*, *60*, 190–198.

Шкромада, В. И., Шкромада, В. В. (2021). Цифровизация образовательных организаций. В сб.: *Обучение, развитие и воспитание личности сегодня: тенденции, проблемы, пути решения*: сборник статей Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 9 декабря 2021 г. (с. 92–96). Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И. И.).

Юдина, Н. В., Калугина, О. А. (2023). Фреймовая репрезентация концепта DIGITAL ECONOMY в англоязычной дискурсивной практике. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, *16*(5), 1565–1572. https://doi.org/10.30853/phil20230226

Almeida, F., Duarte Santos, J., & Augusto Monteiro, J. (2020). The Challenges and Opportunities in the Digitalization of Companies in a Post-COVID-19 World. IEEE Engineering Management Review, *48*(3), 97–103. https://doi.org/10.1109/emr.2020.3013206

Brown, T. J., & Kuratko, D. F. (2015). The impact of design and innovation on the future of education. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, *9*(2), 147–151. https://doi.org/10.1037/aca0000010

Christoph, H. G., & Simon, H. (2011). Purchasing Organization and Design: A Literature Review. *BuR – Business Research Official Open Access Journal of VHB German Academic Association for Business Research*, *4*(2), 149–191.

Christopher, J. R., & Brian, L. F. (2017–2018). An Empirical Study of University Patent. *Journal of Intellectual Property and Entertainment Law*, *7*(1), 51–84.

Goni, J. I. C., & Van, L. A. (2022). Process innovation capability in less-structured business processes: a systematic literature review. *Business Process Management Journal*, *28*(3), 557–584. https://doi.org/10.1108/BPMJ-07-2021-0487

Hussain, H., Talib, N., & Shah, I. (2014). Exploring the Impact of Transformational Leadership on Process Innovation and Product Innovation: A Case of Iraqi Public Universities. *Education, Business. Asian Social Science*, *10*(21), https://doi.org/10.5539/ass.v10n21p168

Lundvall, B. Å. (2007). National innovation systems – analytical concept and development tool. *Industry and innovation*, *14*(1), 95–119. https://doi.org/10.1080/13662710601130863

Medda, G. (2018). External R&D, product and process innovation in European manufacturing companies. *The Journal of Technology Transfer*, *45*, 339–368. https://doi.org/10.1007/s10961-018-9682-4

Mabrouki, M. (2023). Patent, Education, Human Capital, and Economic Growth in Scandinavian Countries: a Dynamic Panel CS-ARDL Analalysis. *Journal of the Knowledge Economy*, *14*, 3028–3043. https://doi.org/10.1007/s13132-022-01001-1

Mei-Lan, L., & Tai-Kuei, Y. (2018). Patent Applying or Not Applying: What Factors Motivating Students' Intention to Engage in Patent Activities. *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education*, *14*(5), 1843–1858. https://doi.org/10.29333/ejmste/85420

Nwankpa, J. K., Roumani, Y., & Datta, P. (2022). Process innovation in the digital age of business: the role of digital business intensity and knowledge management. *Journal of Knowledge Management*, *26*(5), 1319–1341. https://doi.org/10.1108/JKM-04-2021-0277

Pettersson, F. (2021). Understanding digitalization and educational change in school by means of activity theory and the levels of learning concept. *Education and Information Technologies*, *26*, 187–204. https://doi.org/10.1007/s10639-020-10239-8

Rahmah, M., Ameen, A., Isaac, O., Abu-Elhassan, A. B., & Khalifa, G. (2020). Effect of Organizational Innovation (Product Innovation, Process Innovation, and Administrative Innovation) On Organizational Learning. *TEST Engineering and Management*, *82*, 12101–12113. https://goo.su/t6lB

Schubert, T., & Tavassoli, S. (2020). Product Innovation and Educational Diversity in Top and Middle Management Teams. *Academy of Management Journal*, *63*(1). https://doi.org/10.5465/amj.2017.0741

Tay, H. L., & Low, S. W. K. (2017). Digitalization of learning resources in a HEI – a lean management perspective. *International Journal of Productivity and Performance Management*, *66*(5), 680–694. https://doi.org/10.1108/IJPPM-09-2016-0193

Tajudeen, F. P., Nadarajah, D., Jaafar, N. I., & Sulaiman, A. (2022). The impact of digitalisation vision and information technology on organisations' innovation. *European Journal of Innovation Management*, *25*(2), 607–629. https://doi.org/10.1108/EJIM-10-2020-0423

Wagner, G. A., & Pavlik, B. J. (2020). Patent intensity and concentration: The effect of institutional quality on MSA patent activity. *Papers in Regional Science RSAI*, *99*(4), 857–899. https://doi.org/10.1111/pirs.12515

References

Afanasyev, A. A. (2023). Technological sovereignty: variant approaches. *Russian Journal of Innovation Economics*, *13*(2), 689–706. (In Russ.). https://doi.org/10.18334/vinec.13.2.117375

Almeida, F., Duarte Santos, J., & Augusto Monteiro, J. (2020). The Challenges and Opportunities in the Digitalization of Companies in a Post-COVID-19 World. IEEE Engineering Management Review, *48*(3), 97–103. https://doi.org/10.1109/emr.2020.3013206

Berezina, E. V. (2014). Modern challenges of Russian innovation statistics. *Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences*, *10*, 115–119. (In Russ.).

Bikeev, I. I. (2007). Model of scientific work organization in a new university. *Higher Education In Russia*, *9*, 52–58. (In Russ.). https://elibrary.ru/ijfqub

Brown, T. J., & Kuratko, D. F. (2015). The impact of design and innovation on the future of education. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, *9*(2), 147–151. https://doi.org/10.1037/aca0000010

Chaikovskaya, N. V., &Panyagina, A. E. (2011). Essence of innovations: main theoretical approaches. *Sovremennaya ehkonomika: problemy, tendentsii, perspektivy*, *4*, 47–57 (In Russ.).

Chernuhina, G. (2020). Trasformation and consumption trends in the modern sharing business model. *Modern Competition*, *14*(3), 79–88. (In Russ.). https://doi.org/10.37791/1993-7598-2020-14-3-79-88

Christoph, H. G., & Simon, H. (2011). Purchasing Organization and Design: A Literature Review. *BuR – Business Research Official Open Access Journal of VHB German Academic Association for Business Research*, *4*(2), 149–191.

Christopher, J. R., & Brian, L. F. (2017–2018). An Empirical Study of University Patent. *Journal of Intellectual Property and Entertainment Law*, *7*(1), 51–84.

Goni, J. I. C., & Van, L. A. (2022). Process innovation capability in less-structured business processes: a systematic literature review. *Business Process Management Journal*, *28*(3), 557–584. https://doi.org/10.1108/BPMJ-07-2021-0487

Gumerova, G. I., & Shaimieva, E. Sh. (2023). Activation of Educational Organizations' Innovative Activity in Digital Economy. *Public Administration. E-Journal (Russia)*, *96*, 193–211. (In Russ.). https://spajournal.ru/index.php/spa/article/view/65

Guzeev, M. S., & Litvishkov, V. M. (2021). Digitalization of the activity of educational organizations as an indispensable condition of the efficiency of educational process. *Voprosy pedagogiki*, *1–2*, 86–89. (In Russ.). https://elibrary.ru/item.asp?id=44644724

Hussain, H., Talib, N., & Shah, I. (2014). Exploring the Impact of Transformational Leadership on Process Innovation and Product Innovation: A Case of Iraqi Public Universities. *Education, Business. Asian Social Science*, *10*(21), https://doi.org/10.5539/ass.v10n21p168

Kaneva, M. (2013). Sustainability of innovations and analysis of patent activity of Russian companies. *Applied econometric*, *4*(32), 93–109. (In Russ.).

Konstantinov, I. B., & Konstantinova, E. P. (2022) Technological sovereignty as a strategy for the future development of the Russian economy. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, *22*(5), 12–22. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/1682-2358-2022-5-12-22

Kuznetsova, I. A., & Fridlyanova, S. Yu. (2020). Development of Methodology for Statistical Measurement of Innovative Activity amid Reforming of International Standards. *Voprosy statistiki*, *27*(1), 29–52. (In Russ.). https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-1-29-52

Lukashenko, M. A., Gromova, N. V., & Ozhgikhina, A. A. (2021). Digital Media Image of Business University Professor. *Higher Education in Russia*, *30*(7), 91–104. (In Russ.). https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-7-91-104

Lundvall, B. Å. (2007). National innovation systems – analytical concept and development tool. *Industry and innovation*, *14*(1), 95–119. https://doi.org/10.1080/13662710601130863

Mabrouki, M. (2023). Patent, Education, Human Capital, and Economic Growth in Scandinavian Countries: a Dynamic Panel CS-ARDL Analalysis. *Journal of the Knowledge Economy*, *14*, 3028–3043. https://doi.org/10.1007/s13132-022-01001-1

Markova, V. D. (2019). Platform Models of Business: Approaches to Creating. *ECO*, *5*, 106–123. (In Russ.).

Markova, B., & Kuznecova, C. (2021). Ecosystems as a Modern Tool for Business Growth. *ECO*, *51*(8), 151–168. https://doi.org/10.30680/eco0131-7652-2021-8-151-168

Marshova, T. N. (2017). Principles of statistical data formation for socio-economic development analysis and forecasting. *Economic and Social Research*, *2*(14), 25–36. (In Russ.).

Medda, G. (2018). External R&D, product and process innovation in European manufacturing companies. *The Journal of Technology Transfer*, *45*, 339–368. https://doi.org/10.1007/s10961-018-9682-4

Mei-Lan, L., & Tai-Kuei, Y. (2018). Patent Applying or Not Applying: What Factors Motivating Students' Intention to Engage in Patent Activities. *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education*, *14*(5), 1843–1858. https://doi.org/10.29333/ejmste/85420

Mertsalova, S. L., Martynova, N. A., & Karpova, I. V. (2022). Prospects of digitalization of higher education: methodological and practice-oriented aspects. *Vestnik OreLGIEHT*, *1*(59), 180–187. (In Russ.). https://doi.org/10.36683/2076-5347-2022-1-59-180-187

Molotkov, R. V. (2023). Features of venture financing and innovative projects in the digital economy. *Ekonomika i Upravlenie: Problemy, Resheniya*, *9*(2), 114–123. (In Russ.). https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2023.09.02.020

Naumkin, N. I., Grosheva, E. P., & Shekshaeva, N. N. (2018). Research on the Innovative Subsystem of the University Department as a Substratum of the Regional Innovative System. *Regionology*, *26*(3), 474–493. (In Russ.). https://doi.org/10.15507/2413-1407.104.026.201803.474-493

Nwankpa, J. K., Roumani, Y., & Datta, P. (2022). Process innovation in the digital age of business: the role of digital business intensity and knowledge management. *Journal of Knowledge Management*, *26*(5), 1319–1341. https://doi.org/10.1108/JKM-04-2021-0277

Pettersson, F. (2021). Understanding digitalization and educational change in school by means of activity theory and the levels of learning concept. *Education and Information Technologies*, *26*, 187–204. https://doi.org/10.1007/s10639-020-10239-8

Platova, E. D. (2023). The potential of education's digitalization in forms of learning activity organization development at university. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, *12*(3), 78–81. (In Russ.).

Popov, A. N. (2020). World practice of organizing corporate startup studios. *Intellect. Innovations. Investments*, *5*, 83–92. (In Russ.). https://doi.org/10.25198/2077-7175-2020-5-83

Privalov, A. N., Bogatyreva, Yu. I., & Romanov, V. A. (2019). Engineering centre as innovative component of professional training of future it specialists. *The Education and Science Journal*, *21*(7), 90–112. (In Russ.). https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-7-90-112

Rahmah, M., Ameen, A., Isaac, O., Abu-Elhassan, A. B., & Khalifa, G. (2020). Effect of Organizational Innovation (Product Innovation, Process Innovation, and Administrative Innovation) On Organizational Learning. *TEST Engineering and Management*, *82*, 12101–12113. https://goo.su/t6lB

Ryndak, V. G. (2021). Theory and experience of digitalization in the system of inclusive education. *Vestnik of Samara State Technical University. Psychological and Pedagogical Sciences*, *18*(4), 45–56. https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2021.4.4

Schubert, T., & Tavassoli, S. (2020). Product Innovation and Educational Diversity in Top and Middle Management Teams. *Academy of Management Journal*, *63*(1). https://doi.org/10.5465/amj.2017.0741

Shaimieva, E. Sh. (2011). *Innovations for implementing the technological modernization of regions*. Kazan: Poznanie Publishers, IEML. (In Russ.). https://elibrary.ru/item.asp?id=22866199

Shaimieva, E. Sh., &Gumerova, G. I.(2023). Startups of creative industries: characteristics of startups, directions of development programs. *Kreativnaya ekonomika*, *17*(5), 1523–1550. (In Russ.). https://doi.org/10.18334/ce.17.5.117817

Shaimieva, E. Sh., &Gumerova, G. I. (2024). Remote working in data economy for the development of creative industries. In *Vectors of social-economic development of Russia: modern challenges and opportunities:* monograph (pp. 105–119). Cheboksary: PH "Sreda". (In Russ.). https://doi.org/10.31483/a-10564

Shinkevich, A. I., &Shogenov, V. A. (2023). Some aspects of ensuring the technological sovereignty of a scientific and production enterprise of creative industries. *Newsletter of Samara scientific center of the Russian Academy of Sciences*, *25*(1), 23–27. (In Russ.). https://doi.org/10.37313/1990-5378-2023-25-1-23-27

Shkromada, V. I., &Shkromada, V. V. (2021). Digitalization of educational organizations. In *Training, development and upbringing of a personality today: trends, problems, ways of solution:* collection of works of the International scientific-practical conference, Petrozavodsk, December *9*, 2021 (pp. 92–96). Petrozavodsk: Mezhdunarodnyi tsentr nauchnogo partnerstva "Novaya Nauka" (IP Ivanovskaya I. I.). (In Russ.).

Shunkov, A. V., Dvorovenko, O. V., Grigorenko, N. N., & Borzdun, V. N. (2022). Digitalization of education in a creative university: ideas and implementation. *Bulletin of KemGUKI*, *60*, 190–198. (In Russ.).

Suleymankadieva, A. E., &Fomicheva, N. M. (Eds.) (2020). *Intellectual capital economics and management*: monograph. Saint Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State Economic University. (In Russ.). https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42944743

Suleymankadieva, A. E., Petrov, M. A., & Aleksandrov, I. N. (2021). Digital educational ecosystem: the genesis and prospects for the development of online education. *Russian Journal of Innovation Economics*, *11*(3), 1273–1288. https://doi.org/10.18334/vinec.11.3.113470

Tajudeen, F. P., Nadarajah, D., Jaafar, N. I., & Sulaiman, A. (2022). The impact of digitalisation vision and information technology on organisations' innovation. *European Journal of Innovation Management*, *25*(2), 607–629. https://doi.org/10.1108/EJIM-10-2020-0423

Tarasova, N. V., &Pastukhova, I. P. (2022). *Topical issues of professional-pedagogical activity of a teacher under implementation of digital transformation of general education*. Certificate on database registration No. 2022620740, 05.04.2022. Application No. 2022620575 of 25.03.2022 (b). (In Russ.). https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48370603

Tarasova, N. V., Doronov, S. G., &Pastukhova, I. P. (2022). *Digitalization of educational environment in a preschool educational establishment: problems and opportunities*. Certificate on database registration No. 2022621955, 05.08.2022. Application No. 2022621723 of 18.07.2022 (a). (In Russ.). https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49321667

Tay, H. L., & Low, S. W. K. (2017). Digitalization of learning resources in a HEI – a lean management perspective. *International Journal of Productivity and Performance Management*, *66*(5), 680–694. https://doi.org/10.1108/IJPPM-09-2016-0193

Timiryasova, A. V. (2022). Pedagogical management system for the development of a private innovative university in the context of the digital transformation of society. *Pedagogical Education and Science*, 3, 89–94 (In Russ.). https://doi.org/10.56163/2072-2524-2022-3-87-94

Tolmachev, D. E., Chukavina, K. V., & Igoshina, E. D. (2022). Technological entrepreneurs of the Russian origin: Education, geography, industries. *Journal of the New Economic Association*, *1*(53), 231–240. (In Russ.). https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-53-1-13

Vasina, A. V., Sysoeva, O. V., & Kiseleva, O. N. (2023). On the issue of forming a university hub in the concept of open innovation. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, *23*(1). (In Russ.). https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-10-19

Wagner, G. A., & Pavlik, B. J. (2020). Patent intensity and concentration: The effect of institutional quality on MSA patent activity. *Papers in Regional Science RSAI*, *99*(4), 857–899. https://doi.org/10.1111/pirs.12515

Yudina, N. V., & Kalugina, O. A. (2023). Frame-based representation of the DIGITAL ECONOMY concept in the English-language discursive practice. *Philology. Issues of Theory and Practice*, *16*(5), 1565–1572. https://doi.org/10.30853/phil20230226

Вклад авторов

Шинкевич Алексей Иванович: методологические основы технологического суверенитета научно-производственного предприятия, образовательных организаций на основе технологических инноваций в четвертой промышленной революции.

Гумерова Гюзель Исаевна: вопросы теории и практики управления цифровизацией образовательных организаций в цифровой экономике.

Шаймиева Эльмира Шамилевна: научно-практические аспекты управления технологическими инновациями в процессе виртуализации образовательных организаций.

The author's contributions

Shinkevich Aleksey Ivanovich: methodological bases of technological sovereignty of a scientific-industrial enterprise and educational organizations based on technological innovations during the fourth industrial revolution.

Gumerova Gyuzel Isayevna: issues of the theory and practice of managing digitalization of educational organizations in the digital economy.

Shaymieva Elmira Shamilevna: scientific and practical aspects of managing technological innovations during virtualization of educational organizations.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Один из авторов (А. И. Шинкевич) является членом редколлегии журнала *Russian Journal of Economics and Law*. Статья прошла рецензирование на общих основаниях / One of the authors (A. I . Shinkevich) is a member of the Journal Editorial Board of the Russian Journal of Economics and Law. The article has been reviewed on the usual terms

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 17.11.2023
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 01.04.2024
Дата принятия в печать / Accepted 20.05.2024

КРИПТОМИР И ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСЫ / CRYPTO-WORLD AND DIGITAL FINANCE

Редактор рубрики *Р. А. Григорьев* / Rubric editor *R. A. Grigoryev*

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.422-452**

УДК 336.7:004(470+571)
JEL: E4, E5, G1, G2, K19, K22, L86

В. С. Станкевич[1],
А. В. Власов[1, 2]

[1] *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия*

[2] *ДДТ, г. Москва, Россия*

Обзор цифровых активов. Тенденции развития цифровых финансовых активов в РФ и прогноз развития

Станкевич Вадим Сергеевич, аспирант школы финансов факультета экономических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: vadi.st@yandex.ru
ORCID: http://orcid.org/0009-0007-0765-5199

Контактное лицо:
Власов Андрей Васильевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ДДТ
E-mail: avvlasov@hse.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-9227-1892
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/R-6663-2016

Аннотация

Цель: определение текущего состояния рынка цифровых финансовых активов и перспектив его развития.

Методы: в работе использованы сравнительно-логические методы, анализ, синтез, сравнительный анализ в части сопоставления теоретической стороны рынка ЦФА и практического использования данной технологии; *SWOT*-анализ, метод экспертных оценок.

Результаты: в эпоху цифровизации многих экономических процессов одним из ключевых трендов финансовых рынков становится токенизация активов. В то же время отмечается отсутствие качественной институциональной системы управления цифровыми финансовыми активами. Авторами определены тенденции развития рынка ЦФА, проведен анализ текущего состояния рынка, исследованы опубликованные работы ученых, на основе которых подготовлен краткий обзор литературы, составлен *SWOT*-анализ рынка ЦФА, определены преимущества, потенциал и угрозы развития рынка в РФ. В работе обозначены тенденции развития рынка ЦФА с учетом существующих рисков, что актуально для инвесторов при планировании инвестиций и выборе ЦФА как объекта инвестиций, диверсификации инвестиционного портфеля.

© Станкевич В. С., Власов А. В., 2024

Научная новизна: проведен нарративный анализ развития рынка цифровых финансовых активов. Проведен сравнительный анализ цифровых финансовых активов и традиционных финансовых инструментов. Определены основные регуляторные решения инфраструктурных проблем, которые требуются для развития цифровых финансовых активов. Представленный *SWOT*-анализ послужил основой для формирования авторского взгляда на страновое развитие ЦФА-технологий, что актуально для исследователей регуляторных аспектов, системной унификации и гармонизации нормативно-правовой базы и социально-экономических отношений.
Практическая значимость: в ходе исследования был проведен анализ объема эмиссий ЦФА, определены наиболее встречаемые при выпусках виды ЦФА. Эмитенты ЦФА, операторы, как организаторы выпусков ЦФА, и инвесторы могут использовать результаты данного исследования для принятия решений в деятельности с использованием цифровых активов.

Ключевые слова:
технологии распределенного реестра (DLT), цифровые финансовые активы, ЦФА, утилитарные права, оператор информационной системы, оператор обмена ЦФА, *SWOT*-анализ рынка ЦФА

Благодарности
Авторы выражают благодарность рецензентам.

Финансирование
Исследование подготовлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (Научно-учебная лаборатория финансовых инноваций и риск-менеджмента; Международная лаборатория экспериментальной и поведенческой экономики); диссертационного исследования на соискание ученой степени кандидата экономических наук, проекта «Оператор обмена цифровыми активами».

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Станкевич, В. С., Власов, А. В. (2024). Обзор цифровых активов. Тенденции развития цифровых финансовых активов в РФ и прогноз развития. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(2), 422–452. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.422-452

Scientific article

V. S. Stankevich[1],
A. V. Vlasov[1, 2]

[1] *National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia*

[2] *DDT company, Moscow, Russia*

Review of digital assets. Trends in the development of Digital Financial Assets in the Russian Federation and forecast

Vadim S. Stankevich, post-graduate student of the School of Finance, Faculty of Economics, National Research University "Higher School of Economics"
E-mail: vadi.st@yandex.ru
ORCID: http://orcid.org/0009-0007-0765-5199

Contact:
Andrey V. Vlasov, National Research University "Higher School of Economics"; DDT company
E-mail: avvlasov@hse.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-9227-1892
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/R-6663-2016

Abstract

Objective: to determine the current state of the digital financial assets market and the prospects for its development.
Methods: the work uses comparative-logical methods, analysis, synthesis, comparative analysis in terms of comparing the theoretical aspects of the DFA market and the practical use of this technology; SWOT-analysis, the method of expert assessments.
Results: in the era of digitalization of many economic processes, one of the key trends of financial markets is tokenization of assets. At the same time, there is a lack of a high-quality institutional system for managing digital financial assets. The authors identified the DFA market development trends, analyzed the market current state, researched the published scientific works and prepared a brief literature review, made a SWOT-analysis of the DFA market, and identified the advantages, potential and threats to this market development in Russia. The paper identifies trends in the DFA market development, taking into account the existing risks. This is relevant for investors when planning investments and selecting DFAs as an investment object, to diversify the investment portfolio.
Scientific novelty: a narrative analysis of the digital financial assets market development was carried out. A comparative analysis of digital financial assets and traditional financial instruments was performed. The main regulatory solutions to the infrastructural problems were identified, that are necessary for the development of digital financial assets. The presented SWOT-analysis served as a basis for the formation of the author's view DFA-technologies development in the country, which is relevant for researchers of regulatory aspects, system unification and harmonization of the regulatory framework and socio-economic relations.
Practical significance: the study analyzed the volume of DFA issues and identified their most common types. DFA issuers, operators as organizers of DFA issues, and investors can use the study results to make decisions in activities using digital assets.

Keywords:

distributed ledger technology (DLT), digital financial assets, DFAs, utility rights, information system operator, DFA exchange operator, SWOT analysis of the DFA market

Acknowledgements

The authors express their gratitude to reviewers.

Financial Support

The study was prepared within the framework of the fundamental research program of the National Research University "Higher School of Economics" (Scientific-educational Laboratory of financial innovations and risk management; International Laboratory of experimental and behavioral economics); the dissertation research for the Cand. Sci. (Economics); and the "Digital Asset Exchange Operator" project.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Stankevich, V. S., & Vlasov, A. V. (2024). Review of digital assets. Trends in the development of Digital Financial Assets in the Russian Federation and forecast. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(2), 422–452. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.422-452

Введение

Цифровая трансформация финансового рынка за последние несколько десятилетий существенно изменила ландшафт и механизмы функционирования финансовой системы. Внедрение цифровых технологий и инноваций позволило повысить эффективность операционных процессов и доступность финансовых услуг. Торговля на финансовом рынке была автоматизирована до уровня отдельно решаемой задачи, что привело к появлению мозаики сложных систем (Domingo & Mathew, 2021). То есть автоматизация выполнялась для удовлетворения конкретных потребностей, но при синхронизации отдельных частей возникало увеличение общей сложности и, как следствие, стоимости бюджетов информационных систем. Параллельно усложнялось финансовое законодательство, так как добавлялись новые требования к организации процессов и обслуживанию торговых отношений. С развитием технологии распределенного реестра (*DLT*-технологий), появле-

нием цифровых финансовых активов (далее – ЦФА)[1] и с соответствующими новациями в законодательстве появились возможности для новой волны трансформации финансового рынка.

Развитию DLT-технологий и их применению на финансовых рынках посвящены исследования как зарубежных, так и отечественных исследователей, которые можно разделить на две группы: 1) исследования цифровых валют, например, в Китае (Allen et al., 2022), в РФ (Андрюшин, 2021; Кочергин, 2022), в Индии (Sandhu et al., 2023); 2) исследование цифровых активов (далее – ЦА), например, применение ЦА на финансовых рынках[2], на рынке недвижимости (Smith et al., 2019), изучение взаимосвязей с финансовой стабильностью (Jiménez et al., 2023; Bas et al., 2024). В настоящем обзоре мы акцентируем внимание на развитии рынка цифровых финансовых активов, на обзорном анализе текущих тенденций и возможности трансформационной гармонизации в финансовой системе РФ.

Один из универсальных способов трансформации финансового рынка в сфере инвестиций на следующем этапе после развития Интернета и мобильных технологий, онлайн-платформ для торговли ценными бумагами, валютой и другими финансовыми инновациями – это процесс организации выпуска (эмиссии) ЦФА. Данный процесс называется токенизацией активов, иногда его называют еще цифровизацией прав, что неразрывно связано с использованием сквозной технологии распределенного реестра (*DLT*) и блокчейн. Токенизация активов применима для различного вида активов, начиная от классических ценных бумаг (акции, векселя, облигации, депозитарные сертификаты и др.), заканчивая правами требования на денежные обязательства (права на регулярные платежи по ипотеке, права на квадратные метры в строящемся здании, интеллектуальные права на объекты искусства и пр.). При токенизации возможен выпуск различного количества активов, использование дробления базового актива (на части), что позволяет управлять минимальным размером привлечения инвестиций от участников рынка. В своих работах «Токенизация активов и ее влияние на финансовые рынки» и «Международный опыт регулирования токенизации активов»[3] А. Федотов раскрывает преимущества токенизации, например, уменьшение количества посредников в операциях купли/продажи ценных бумаг и автоматизации имеющихся функций клиринга, ведения реестра и хранения ценных бумаг с использованием смарт-контрактов, снижение издержек по обслуживанию финансовой инфраструктуры. В исследовании Domingo & Mathew (2021) высказывается мнение о том, что все активы будут токенизированы, что это позволяет устранить ограничения в выпуске активов (использования финансовых инноваций) и передаче прав собственности, а также преодолеть барьеры доступа к рынкам капитала (институциональных инвесторов). Токенизация позволяет изменить процессы организации совместного владения активами в случае, когда цифровые токены удостоверяют право на частичное владение недвижимостью с помощью дробления права на части (Wang et al., 2021; Kreppmeier et al., 2023). После бума первичного предложения монет (*ICO*) в 2017–2018 гг. (Абреков, Власов, 2022; Власов, Абреков, 2018) концепция токенизации активов, в том числе физических, получила распространение[4].

На российском финансовом рынке РФ операторы информационных систем осуществляют деятельность по организации выпуска (эмиссии) ЦФА: за период ноябрь 2022 – ноябрь 2023 г. более 200 проектов выпустили ЦФА, общий объем выпуска составил более 50 млрд рублей. Рынок ЦФА имеет потенциал для дальнейшего развития, а также существуют возможности по масштабированию механизма токенизации в рамках существующей финансовой инфраструктуры. Тем не менее необходимо выделить перспективные направления гармонизации рынка ЦФА:

---

[1] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. № 259-ФЗ от 31.07.2020. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/

[2] Федотов, А. (2021). Международный опыт регулирования токенизации активов. «Цифра» – информационный ресурс. Национальный расчетный депозитарий. https://digit.nsd.ru/articles/mezhdunarodnyy-opyt-regulirovaniya-tokenizatsii-aktivov-chast-1/

[3] Федотов, А. (2020). Токенизация активов и ее влияние на финансовые рынки. «Цифра» – информационный ресурс. Национальный расчетный депозитарий. https://digit.nsd.ru/articles/tokenizatsiya-aktivov-i-eye-vliyanie-na-finansovye-rynki/; Федотов, А. (2021). Международный опыт регулирования токенизации активов. «Цифра» – информационный ресурс. Национальный расчетный депозитарий. https://digit.nsd.ru/articles/mezhdunarodnyy-opyt-regulirovaniya-tokenizatsii-aktivov-chast-1

[4] Равно как и после появления законодательства в РФ, появления зарегистрированных операторов информационных систем (Агеев, Власов, 2022); Burgoyne, M. T., Fouin, L., Richard, C. (2024). Tokenization: unlocking value and legal challenges. Osler. https://www.osler.com/en/resources/regulations/2024/tokenization-unlocking-value-and-legal-challenges

1. Совершенствование законодательства в отношении регулирования рынка ЦФА.

2. Реализация различных бизнес-моделей выпуска ЦФА и видов токенизации (на текущий момент преобладают выпуски, удостоверяющие права денежного требования).

3. Оптимизация классических моделей привлечения средств и инструментов с использованием ЦФА.

4. Создание экосистемы и интеграционных механизмов, в том числе для согласования и развития финансовых отношений между различными участниками рынка.

5. Совершенствование операционных бизнес-моделей деятельности операторов.

6. Оценка эффективности использования токенизации для разных финансовых инструментов для участников операторов выпуска, эмитентов ЦФА и инвесторов.

7. Распределение функций операторов информационных систем и операторов обмена ЦФА, а также корректное выстраивание их взаимодействия для дальнейшего масштабирования рынка.

8. Интеграция платформ (информационных систем) с национальной цифровой валютой центрального банка, а также совместное построение инновационных продуктов; а также интеграция платформ (информационных систем) с трансграничными платформами и цифровыми валютами центральных банков других стран.

Академический интерес в вопросах изучения ЦФА продиктован, в частности, тем, что рынок находится на начальной стадии развития; вопросы, которые касаются информационных технологий, экономики и юриспруденции, остаются до сих пор актуальными и дискуссионными. При этом активная деятельность участников рынка ЦФА может помочь гармонизировать социально-экономические отношения и развитие локального рынка ЦФА, будет учитывать интересы различных экономических агентов, включая институциональных и частных инвесторов.

Актуальность отчасти обусловлена популяризацией информационных технологий, масштабной цифровизацией услуг, однозначной доступностью Интернета для жителей городов и блокчейн- и крипторешений для инициативных молодых предпринимателей. Ряд стран проводит целенаправленную политику по расширению доступа населения к цифровым финансовым услугам как на национальном, так и на международном уровне (Белозеров и др., 2020). К такой стране относится и Россия, которая очень активно вовлекает население в использование цифровых сервисов, и ведущим ориентиром по темпам распространения сервисов является Москва.

Использование технологий распределенного реестра позволяет трансформировать и реорганизовать операционные процессы. Применение технологий приводит к повышению экономической эффективности процессов за счет снижения количества посредников и сокращению времени на получение подтвержденной транзакции в торговых операциях, к снижению издержек хранения информации; к уменьшению пороговых требований доступа к рынку ЦФА, например, для эмитентов и инвесторов; к упрощению процедур размещения токенизированных активов; к привлечению «дополнительной» рыночной ликвидности; к автоматизации процессов и функциональности продуктов с использованием смарт-контрактов.

Целью настоящей работы является проведение нарративного обзора развития рынка ЦФА: 1) рассмотреть этапы развития законодательства в области ЦА; 2) сопоставить и сравнить цифровые и утилитарные права, удостоверяющие ЦФА, с классическими инструментами финансового рынка; 3) описать текущее состояние рынка и перспективы его развития, в частности провести анализ эмиссий, инструментов, которые могут быть выпущены на основе цифровых финансовых активов, описать существующие преимущества использования ЦФА; 4) провести *SWOT*-анализ рынка ЦФА с целью рассмотрения потенциала и существующих угроз на этапе его становления.

Результаты исследования

Процессы нормотворчества цифровых активов в Российской Федерации

Введение понятий цифровых и утилитарных прав является новым для российского законодательства. В процессах нормотворчества цифровых активов в Российской Федерации необходимо выделить:

1. Появление нормативного определения «цифровых прав»[5].

2. Вступление в силу Закона о краудфандинге[6].

[5] О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации. № 34-ФЗ от 18.03.2019. (2019). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/

[6] О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. № 259-ФЗ от 02.08.2019. (2019). http://www.kremlin.ru/acts/bank/44616

3. Введение в действие законов и соответствующих изменений в различные нормативные акты в отношении регулирования деятельности ЦФА[7, 8].

В 2019 г. были внесены изменения в Гражданский кодекс РФ и введено нормативное определение цифровых прав: «*это обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам*»[9].

Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу. Таким образом, основой для закрепления цифровых прав становится информационная система, для которой должны быть разработаны правила и подходы (главное, сопоставимые алгоритмы и логика функционирования системы), по которым распределяются, учитываются и передаются цифровые права (Василевская, 2019).

С начала 2020 г. начал действовать Закон о краудфандинге[10], в котором были определены три способа инвестирования для физических или юридических лиц:

– предоставление займов;

– приобретение эмиссионных ценных бумаг;

– приобретение утилитарных цифровых прав (Городов, 2020).

Утилитарные цифровые права, выпущенные на инвестиционной платформе, включают следующие права требования:

– о передаче вещи;

– о передаче исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности;

– о выполнении работ и (или) оказании услуг.

Таким образом, законодательство расширяет и вводит возможность передавать права на материальные вещи, интеллектуальную собственность и услуги с помощью токенизации и использования информационной системы (оператора информационной системы или оператора обмена ЦФА. – Прим. В. С., А. В.), что открывает массу возможностей по развитию социально-экономических и гражданско-правовых отношений, организации учета и передачи соответствующих прав в цифровой форме. Возможность использования цифровых прав одновременно преобразовывает сектор краудфандинга (периодически экспертами используется термин «краудфандинг» (от англ. *crowdfunding*) для обозначения выпуска (эмиссии) цифровых токенов для определенного проекта; в том числе процедура *ICO* и в РФ процедура выпуска ЦФА могут быть классифицированы как краудфандинг (Власов, Абреков, 2018)). Целями использования выпуска цифровых финансовых активов могут быть улучшение структуры ликвидности инвестиций, в том числе первоначальных инвестиций в проект, снижение минимальных требований для инвесторов и предоставление открытой (публичной) и безопасной среды для привлечения инвестиций (Roth et al., 2019). Привлечение с помощью инструмента краудфандинга потенциально имеет перспективы активного развития (Farag & Johan, 2021).

На третьем этапе развития законодательства в 2021 г. вступил в силу Закон о ЦФА[11]. Принципиальным его отличием от Закона о краудфандинге является возможность выпускать аналоги любых имеющихся финансовых инструментов и привлекать капитал наподобие инструментов финансового рынка. Закон описывает, как работать с ЦФА, выпускать и учитывать их в информационной системе, какие требования предъявляются к операторам, которых наделили правами первичного выпуска ЦФА (подробнее смотри (Агеев, Власов, 2022)).

---

[7] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. № 259-ФЗ от 31.07.2020. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/

[8] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о приостановлении действия отдельных положений статьи 5.1 Федерального закона «О банках и банковской деятельности». № 331-ФЗ от 14.07.2022. (2022). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421908/

[9] Банк России. (2022). Развитие рынка цифровых активов в Российской Федерации: доклад для общественных консультаций. https://www.cbr.ru/Content/Document/File/141991/Consultation_Paper_07112022.pdf

[10] О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. № 259-ФЗ от 02.08.2019. (2019). http://www.kremlin.ru/acts/bank/44616

[11] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. № 259-ФЗ от 31.07.2020. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/

В соответствии с данным законом ЦФА включают следующие цифровые права[12]:

– денежные требования;

– возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам;

– право участия в капитале непубличного акционерного общества;

– право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг.

Далее, следуя хронологии событий, в 2022 г. был разработан Федеральный закон [5], который направлен на регулирование отношений с использованием цифровых активов. Принятые изменения и нововведения направлены на введение требований для осуществления деятельности на рынке ЦФА[6] (при этом регулирование криптовалют данные изменения не затрагивают). Основные нововведения заключались в следующем. Были внесены:

1) изменения в Федеральный закон № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», который обязывал депозитарий произвести идентификацию каждого владельца облигаций (требований), обеспечиваемых ценными бумагами, до передачи ценных бумаг в обеспечение. Данные изменения позволили оптимизировать процесс: обременение ценных бумаг залогом в учетной системе производится в пользу всех обладателей ЦФА конкретного выпуска, при этом идентификация каждого приобретателя не требуется[6]. Так как оператор информационной системы проводит идентификацию, информация о которой находится в реестре ЦФА;

2) изменения в Федеральный закон № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», позволяющие операторам информационной системы и операторам обмена, операторам инвестиционных платформ, не являющихся кредитными организациями, открывать номинальные счета в банках и полноценно работать с ними, осуществлять операции в пользу бенефициарных лиц;

3) изменения в Федеральный закон № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», касающиеся сумм проведения проверок ПОД/ФТ, обновления списка лиц, которые должны осуществлять проверки ПОД/ФТ, к ним были добавлены операторы информационной системы, операторы обмена и операторы инвестиционных платформ. Помимо этого, были внесены изменения в Закон о ЦФА и Закон о краудфандинге. Таким образом, на законодательном уровне была создана база, регулирующая рынок цифровых прав.

Цифровые права могут быть использованы в широком перечне социально-экономических отношений, начиная от гражданско-правовых сделок, таких как купля-продажа корпоративных активов или организация и контроль логистики, цепочки поставок (Harish et al., 2023), и заканчивая структурированными инвестиционными сделками, например, сделками с обеспечением и соблюдением договорных ковенант или контроля маржинального обеспечения.

Рассмотрим некоторые примеры, связанные с инфраструктурами биржевого и внебиржевого финансового рынка. Для комплексного развития инфраструктуры финансового рынка необходима его периодическая модернизация (Мандрон и др., 2018; Новиков, Новикова, 2020; Сорочкин, 2021), равно как инфраструктура финансового рынка может быть подвержена системным рискам, включая рыночные риски сохранения множества действующих посредников на определенном этапе своего развития (Li & Perez-Saiz, 2018). Организация торгов требует участия ряда посредников, таких как, например, дилеры, брокеры, клиринговые компании, депозитарии, каждый из которых выполняет свои функции. Обычно эти функции выполняют крупные организации, используя администрирование собственных и (или) аутсорсинг информационных систем и финансовых сервисов, операционную деятельность сотрудников, сопровождающих финансовую деятельность отделов, что оказывает влияние на (себе)стоимость оказываемых услуг посредников, а также влияет на размер комиссии для клиентов[13]. Токенизация предполагает, что все компоненты существующей торговой инфраструктуры, находящиеся в ведении различных организаций, и соответствующие процессы, включающие деятельности депозитария (процесс учета активов), биржи (процесс торговли/обмена активами), расчетного центра (процесс организации платежей) и программное обеспечение/приложение (процессы клиентского обслуживания), могут будут реорганизованы на основе принципа децентрализации с помощью блокчейн-технологий. Это позволит более эффективно распределить функции и процессы хранения, пере-

[12] Каждый из видов цифровых прав будет рассмотрен далее по тексту.

[13] Федотов, А. (2020). Токенизация активов и ее влияние на финансовые рынки. «Цифра» – информационный ресурс. Национальный расчетный депозитарий. https://digit.nsd.ru/articles/tokenizatsiya-aktivov-i-eye-vliyanie-na-finansovye-rynki/

дачи и процессинга трансакций между участвующими сторонами (акторами) в распределенной сети. Переход на цифровую форму взаимодействия увеличит скорость, безопасность, добавит сетевой эффект и удобство проведения операций, изменит иерархию посредников и уменьшит их количество, упростит организацию процессов проверки корректности транзакций, вносимых в реестр сети (Андрюшин, 2018).

Инфраструктура биржевого рынка является четко определенной и единой для всех участников, что нельзя сказать о внебиржевом рынке. Инфраструктура внебиржевого рынка менее однородна и определенна. Например, для организации торгов на внебиржевом рынке между юридическими лицами дилеры самостоятельно создают всю необходимую инфраструктуру для решения задач контроля маржинального обеспечения, контроля ковенант, а также проведения платежей (Bewaji, 2024). Более того, компаниям необходимо самостоятельно выполнять анализ и мониторинг надежности контрагента или третьей стороны по договору, устанавливать и контролировать двухсторонние кредитные лимиты (Patel et al., 2022). Внедрение токенизированного подхода с использованием цифровых прав на внебиржевом рынке позволит осуществлять автоматическое отслеживание (проверку) имеющегося баланса при контроле маржинального обеспечения (возможно, с использованием смарт-контрактов. – Прим. В. С., А. В.), автоматическое проведение платежей при достижении тех или иных условий при контроле соблюдения условий контракта[14].

Помимо прочего, цифровые и утилитарные права могут использоваться в организации одноуровневой кредитной системы для проведения банковских операций с учетом факторов риска и затрат, возможности доступа к базам данных государственных органов. Подробное исследование с построением одноуровневой (децентрализованной) модели кредитной системы на основе блокчейн-технологии с выделением отдельных участников и уровней их взаимодействия, описанием структуры системы приводится Кудряшовой с соавторами (2021)[15].

Цифровые права и финансовые инструменты

Рассмотрим виды цифровых прав, которые могут быть использованы для привлечения финансирования. Для этого рассмотрим существующие взаимосвязи, некоторые параллели между классическими инструментами финансового рынка и цифровыми правами:

1. *Цифровые права, удостоверяющие денежные требования*, когда обязательством эмитента является выплата денежных средств при наступлении заданных (определенных) условий. Обязательства могут быть сконфигурированы, исходя из следующих положений:

1) денежные требования могут являться аналогом денежных требований по облигациям[16], т. е. приобретателю токена будут выплачиваться денежные средства по заранее оговоренной ставке на протяжении заданного периода времени с финальной датой погашения всех обязательств;

2) денежные требования могут быть привязаны к стоимости какого-либо базового актива (товарного, валютного, фондового и др.). Таким образом, обязательства по цифровому токену будут выплачиваться в зависимости от изменения стоимости базового актива[17];

3) стоимость цифрового токена может зависеть от ряда условий (по аналогу опциона или бивалютного депозита): к примеру, когда цена на валютном рынке одного из активов достигает заданного уровня, а акция не достигает своих значений, выплачивается денежное вознаграждение;

4) денежные требования могут быть оформлены по аналогии с векселем. Наиболее удобной и универсальной формой денежных требований, в которой данные требования могут передаваться от одного лица

[14] Федотов, А. (2021). Международный опыт регулирования токенизации активов. «Цифра» – информационный ресурс. Национальный расчетный депозитарий. https://digit.nsd.ru/articles/mezhdunarodnyy-opyt-regulirovaniya-tokenizatsii-aktivov-chast-1/

[15] Стоит отметить работу Гуделл и соавт. (2021), опубликовавших архитектуру цифровой валюты, как один из примеров инфраструктурного примера для реальной реализации.

[16] В соответствии с Федеральным законом «О рынке ценных бумаг» № 39-ФЗ от 22.04.1996, облигация – это вид ценной бумаги. Токен не является облигацией. Данное сравнение приведено для того, чтобы объяснить финансовую составляющую данного вида цифровых токенов.

[17] Обычно термин «базовый актив» используется для отражения обязательств по производным финансовым инструментам. Стоит отметить, что токен не является производным финансовым инструментом, хотя обязательства по нему могут быть сконфигурированы по аналогии с производным финансовым инструментом.

к другому, является вексель. Вексель – по своей природе простой и универсальный инструмент для расчетов, имеющий длительную историю с момента своего появления, по расчетам векселями наработана огромная правоприменительная практика (Агеев, Власов, 2020). На вексель, как правило, не начисляются процентные ставки, он может быть предъявлен к возмещению в любое или конкретное время для получения денежных средств по нему. Данный инструмент может быть полезен, в частности, с позиции упрощения платежей между участниками отношений[18].

Приведенные выше примеры не являются исчерпывающими. Одним из преимуществ использования токенизации (или токеномики) являются возможности разработки смарт-контрактов, с помощью программируемой логики которых могут исполняться транзакции в автоматическом режиме, т. е. производиться выплаты денежных требований при достижении конкретных условий. Например, возможна реализация комбинированных цен (индексов) на товарных, валютных и фондовых рынках, учитывающая изменение цен, условий спроса и предложения, что также может быть упаковано в форме ЦФА-инструмента.

2. *Цифровые права, удостоверяющие права по эмиссионным ценным бумагам*. В данном случае цифровой токен удостоверяет права на конкретные эмиссионные бумаги (облигации или акции), на получаемый доход от них[19].

На первый взгляд может показаться, что данный вид прав аналогичен первому (денежным требованиям). Разница заключается в том, что в первом варианте цифровой токен является самостоятельным инструментом и денежные требования выплачивает его эмитент. Во втором варианте эмитент цифрового токена получает денежные средства (доход держателя) от эмитента ценной бумаги и далее перенаправляет его владельцу (держателю) цифрового токена. Таким образом, использование цифрового токена может оптимизировать функционирование инфраструктуры фондового рынка – производить оборот (операции) не с ценной бумагой на фондовом рынке, а обрабатывать транзакции с использованием цифрового токена, выпущенного в распределенном реестре.

3. *Цифровые права, удостоверяющие участие в капитале непубличного акционерного общества*. В данном случае осуществляется эмиссия акций непубличного акционерного общества в виде цифровых токенов, которые будут аналогом акций. Выпуск таких токенов-акций должен соответствовать Федеральному закону № 39 «О рынке ценных бумаг»[20] и производиться через оператора информационной системы. В случае если выпуск акций первоначально был выполнен без эмиссии цифровых токенов, то выпуск цифровых токенов невозможен. Также выпуск цифровых токенов не может быть сконвертирован в акции (выпуск акций).

4. *Цифровые права, удостоверяющие право требования по эмиссионным ценным бумагам*. Цифровой токен позволяет получить ценные бумаги при достижении условий, описанных в решении на выпуск. В данном случае это такая разновидность цифровых токенов, когда используется инфраструктура распределенного реестра вместо (существующей) классической инфраструктуры финансового рынка.

5. *Утилитарные цифровые права, удостоверяющие право требовать*: а) передачи вещи (вещей); б) передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; в) выполнения работ и (или) оказания услуг (ст. 8 № 259-ФЗ в ред. от 31.07.2020).

6. *Гибридные цифровые права, сочетающие в себе ЦФА* (обязательства в виде денежных требований) *и утилитарные цифровые права*. Используя гибридные цифровые права, инвестор вправе выбирать, какой из способов погашения он будет использовать (получить физический материальный актив или оказание услуги либо предъявить денежные требования и получить денежные средства. На текущий момент гибридные цифровые права вызывают обеспокоенность с точки зрения целевого использования и применения, в том числе

[18] Вексель чаще всего используется как расчетный инструмент по конкретным обязательствам, а не как инструмент инвестиций. Тем не менее в настоящее время не был реализован на практике проект по выпуску цифрового векселя в форме ЦФА, а также необходимо отметить, что для расчетов в РФ в ближайшее время будет введен в оборот цифровой рубль как новая форма национальной валюты.

[19] Данный инструмент схож с выпуском депозитарной расписки, которая удостоверяет право на заданные ценные бумаги, но торгуется отдельно в другой юрисдикции. Здесь по аналогии обращается токен, удостоверяющий права на денежные требования эмиссионных ценных бумаг, но обращающийся в распределенном реестре.

[20] О рынке ценных бумаг. № 39-ФЗ от 22.04.1996. (1996). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10148/

потому, что законодателем не было изначально сформировано четкое разграничение того, какие цифровые права должны быть определены как ЦФА (по форме), а какие – нет (Новоселова, Полежаев, 2021).

Для реализации выпуска различных типов цифровых токенов необходимы:

1. Инфраструктура, которая включает функционал эмиссии ЦФА и обеспечивает взаимоотношения между эмитентом и держателем (номинальным держателем, владельцем), между потенциальными покупателями ЦФА; организация, эксплуатирующая данную инфраструктуру, имеет лицензию на осуществление депозитарной деятельности и (или) является оператором обмена ЦФА, обеспечивает процессы заключения сделок с ЦФА на вторичном рынке между продавцами, покупателями и различными финансовыми посредниками (Усова, Логинов, 2021).

2. Технологическое решение (оператора информационной системы), или информационная система – технологическая платформа, которая эксплуатируется оператором информационной системы. Оператор информационной системы обеспечивает первоначальный выпуск ЦФА в соответствии с требованиями законодательства и регулятора. Данное технологическое решение может включать в себя информационную систему с интегрированными технологиями распределенного реестра и блокчейн, систему обработки операций/транзакций/заявок, конструктор с возможностями реализации различных продуктовых потребностей клиентов (компаний-эмитентов), в том числе с возможностями встраивать в процессы выпуска, учета, администрирования и оборота программируемую логику смарт-контрактов. Оно должно обеспечивать надежность, бесперебойность и безопасность выпуска цифровых финансовых активов.

Существует ряд нерешенных инфраструктурных вопросов, в частности интеграция, комплементарность информационных систем (блокчейн-платформ). Различные информационные системы, локально развернутые операторами информационных систем, потенциально могут быть интегрированы между собой, а также с другими участниками финансовой инфраструктуры – с депозитариями для выпуска токенов, удостоверяющих права по эмиссионным ценным бумагам; с биржами (операторами обмена ЦФА и др.) для поддержания торговых операций и котировок цифровых финансовых активов, других активов и валют, находящихся в обороте (валютным, товарным, фондовым) для обработки транзакций с базовыми активами и расчета по денежным требованиям. В работе Власова (2022) подробно описаны основные понятия, связанные с технологиями распределенного реестра и блокчейн, визуализированы связи технических и финансовых терминов.

Вышеописанные виды ЦФА регламентированы текущим законодательством, и их выпуски возможно организовать в РФ операторами информационных систем и операторами инвестиционных платформ. Для оборота криптовалют, стейблкоинов, других цифровых активов и (или) цифровых токенов, которые выпущены в иностранной юрисдикции (т. е. не в рамках российского законодательства), нет четкого, прямого запрета. Однако действующего и официально согласованного механизма купли-продажи упомянутых цифровых активов через существующие на финансовом рынке организации и финансовых посредников не существует.

В последнем консультационном докладе Банка России было в явном виде выражено мнение, что криптовалюты и стейблкоины на территории РФ необходимо запретить[21]. ЦБ аргументирует свое решение тем, что криптовалюты несут опасность устойчивости и надежности финансовой системы, не имеют механизмов контроля теневых операций, подвержены значительному рыночному риску, имеют признаки финансовой пирамиды. Потенциально рынок криптовалют влияет на возникновение финансовых пузырей, которые негативно сказываются на стабильности финансового рынка (Haykir & Yagli, 2022).

Для выпуска цифровых токенов в соответствии с российским законодательством, как было отмечено выше, необходимо зарегистрировать и согласовать с ЦБ данную эмиссию. Деятельность на рынке ЦФА организуется профессиональными участниками, такими как:

– оператор информационной системы;

– оператор обмена цифровых финансовых активов;

– оператор инвестиционных платформ.

Оператор информационной системы (далее – ОИС) – оператор, который осуществляет выпуск цифровых финансовых активов, т. е. осуществляет проведение сделок с ЦФА, в том числе через финансового

[21] Банк России. (2022). Криптовалюты: тренды, риски, меры: доклад для общественных консультаций. http://www.cbr.ru/content/document/file/132241/consultation_paper_20012022.pdf

посредника = брокера). Для первичного выпуска цифровых финансовых активов необходимо согласовать Правила информационной системы с Банком России. Правила информационной системы представлены в Приложении 2.

На 31.10.2023 было зарегистрировано десять организаций как ОИС[22] (табл. 1).

Таблица 1

Операторы информационной системы, зарегистрированные в Банке России

Table 1. Information system operators registered in the Bank of Russia

Дата регистрации / Registration date	Наименование ОИС / Information system operator
03.02.2022	Общество с ограниченной ответственностью «Атомайз» / Atomayz LLC
17.03.2022	Публичное акционерное общество «Сбербанк России» / Sberbank Rossii Public Corporation
17.03.2022	Общество с ограниченной ответственностью «Лайтхаус» / Laythaus LLC
02.02.2023	Акционерное общество «АЛЬФА-Банк» / ALFA-Bank JSC
09.03.2023	Общество с ограниченной ответственностью «Системы распределенного реестра» / Sistemy raspredelennogo reyestra LLC
15.06.2023	«Токены – Цифровые Инвестиции», ООО «Токены» / Tokeny- Tsyfrovye Investitsii, Tokeny LLC
15.06.2023	АО АКБ «ЕВРОФИНАНС МОСНАРБАНК» / EVROFINANS MOSNARBANK JSC AKB
22.06.2023	ПАО «СПб Биржа» / SPb Birzha Public Corporation
27.07.2023	ООО «Блокчейн Хаб» / Blokcheyn Khab LLC
03.08.2023	НКО АО НРД (Небанковская кредитная организация Акционерное общество «Национальный расчетный депозитарий») / Natsionalnyy raschetniy depozitariy NKO JSC

Источник: составлено авторами на основе данных из открытых источников по состоянию на 30 ноября 2023 г.

Source: compiled by the authors based on open sources data as of November 30, 2023.

Оператор обмена ЦФА – осуществляет сделки по обмену и купле-продаже ЦФА, в том числе одного вида ЦФА на другие, выпущенные операторами информационной системы. Предварительно необходимо согласовать правила информационной системы с Банком России, в которых описано следующее:

1. Порядок совершения сделок через оператора обмена ЦФА.
2. Виды ЦФА и цифровых прав, по которым могут быть совершены сделки.
3. Порядок взаимодействия с операторами информационной системы и с другими операторами обмена ЦФА.
4. Если сделки выполняются автоматически при достижении некоторых условий, то необходимо предоставить описание таких условий.
5. Порядок проведения расчетов и использования номинальных счетов.

На 30 ноября 2023 г. зарегистрирована одна организация как оператор обмена ЦФА – Московская биржа ММВБ-РТС», ПАО Московская биржа (3 августа 2023 г.).

Данная ситуация возникла из-за того, что регулятор не принял своевременно решение относительно оптимального механизма взаимодействия всех участников рынка, между операторами информационных систем и операторами обмена ЦФА, инвесторами – клиентами. Длительное время операторы обмена ЦФА отсутствовали на рынке.

Оператор инвестиционной платформы – это информационная система в сети Интернет, которая используется для заключения договоров инвестирования. Платформа позволяет выпускать утилитарные права на передачу вещей, выполнение работ и оказание услуг, передачи исключительных прав на результаты интеллек-

[22] Банк России. (2024). Операторы информационных систем. https://cbr.ru/vfs/registers/infr/list_OIS.xlsx

туальной деятельности. Банк России комментирует возможность выпуска гибридного вида ЦФА оператором информационной системы, который удостоверяет утилитарные права. «Наряду с ЦФА в информационных системах также могут выпускаться и цифровые права, включающие одновременно ЦФА и право требовать передачи вещи (вещей), исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности, выполнения работ и (или) оказания услуг. Такие цифровые права можно назвать гибридными»[23]. В связи с этим выпуск утилитарных цифровых прав рассматривается как вариант выпуска гибридных прав на платформе ОИС.

Сравнение выпуска ЦФА с классическими финансовыми инструментами

Сравнивая классические инструменты, процессы выпуска облигаций и альтернативные процессы выпуска цифровых токенов, можно найти много общего. В частности, выпуск и особенности функционирования облигаций рассматриваются в работах Балюк (2019), Ермолаевой (2017), Паршина и Джораева (2020), применение блокчейн-технологий на финансовых рынках рассматривают Байдукова с соавторами (2018), сравнение *ICO* и *IPO* анализировали Власов и Абреков (2018; Абреков, Власов, 2022).

Если посмотреть на выпуск ЦФА как аналога выпуска облигаций и сравнить их, то процессы, связанные с эмиссией ЦФА, занимают гораздо меньше времени и имеют меньшую ресурсную стоимость для эмитента, что позволяет снизить общую себестоимость процедуры организации заимствования.

Действия эмитента в процессе организации выпуска облигаций выглядят следующим образом. Эмитент:

1) принимает решение о выпуске облигаций;

2) разрабатывает проспект эмиссий на выпуск облигаций;

3) осуществляет регистрацию выпуска облигаций в регуляторе;

4) заключает соглашение с представителем владельцев облигаций;

5) заключает договор с организатором об организации выпуска;

6) согласовывает (с организатором) даты размещения выпуска;

7) разрабатывает необходимые документы для выпуска;

8) заключает договор с национально-расчетным депозитарием об обслуживании выпуска облигаций, учета прав и проведения выплат;

9) предоставляет отчет о размещении выпуска регулятору.

В целом процесс организации выпуска занимает около 3–6 месяцев. «Помимо прочего, основными требованиями биржи (площадки, на которой производится выпуск. – Прим. В. С., А. В.) для выпуска облигации являются: выручка компании свыше 150 млн рублей, компания обладает финансовой устойчивостью на протяжении последних лет, у компании отсутствует негативная кредитная история, текущие судебные споры, способные повлиять на деятельность компании»[24].

Процедура выпуска цифровых токенов выглядит более простой с точки зрения необходимых шагов, которые необходимо пройти эмитенту. Последовательность действий эмитента и оператора в процессе выпуска цифровых активов выглядит следующим образом:

1. Эмитент принимает решение о выпуске цифровых токенов.

2. Эмитент составляет решение о выпуске цифровых токенов, т. е. документ об эмиссии ЦФА.

3. Эмитент регистрирует решение о выпуске цифровых токенов у оператора информационной системы.

4. Оператор информационной системы согласовывает с регулятором выпуск ЦФА эмитентом.

5. На основании решения о выпуске цифровых токенов оператор информационной системы организует выпуск ЦФА эмитента.

Ряд этапов процесса выпуска облигаций (описанных выше), такие действия эмитента, как (5) заключение договора об организации выпуска; (7) разработка необходимых документов для выпуска; (8) заключение договора с национальным расчетным депозитарием об обслуживании выпуска облигаций, учет прав и про-

[23] Банк России. Цифровые финансовые активы и их операторы. https://cbr.ru/finm_infrastructure/digital_oper/

[24] Привлечение инвестиций с помощью выпуска облигаций: альтернатива для малого и среднего бизнеса. https://www.journal.rcgroup.pro/blog/attracting-investment-in-commercial-bonds-an-alternative-for-small-and-medium-business/

ведения выплат; (9) предоставление отчета о размещении выпуска в ЦБ, не используются в процессе выпуска цифровых финансовых активов.

Существует ряд особенностей, свойственных текущей организации рынка ЦФА. Например, организация торгов цифровыми активами вне площадки (платформы) оператора информационной системы или через уполномоченного брокера[25] сейчас не используется, возможно, так как объемы выпуска небольшие и обычно пул корпоративных инвесторов (покупателей ЦФА) заранее известен; дополнительные документы для выпуска цифровых активов (помимо решения) не требуются; все действия по выпуску ЦФА эмитент совершает согласно инструкциям (процедурам) оператора информационной системы, включая открытие расчетного счета (при необходимости) и порядка взаимодействия с потенциальными покупателями активов. Процесс выпуска цифровых активов может быть сложно организован в случае, если будут выпущены ЦФА в виде прав на ценные бумаги, которые будут торговаться на бирже. На практике проходящие выпуски цифровых финансовых активов имеют период в 1–2 месяца (более подробно см. таблицу в Приложении 1). Существенным отличием организации выпуска для эмитента является отсутствие необходимости в получении кредитного рейтинга.

Организация более оперативного выпуска цифровых токенов обусловлена тем, что технически операционные процессы (выпуск ЦФА, учет, хранение, расчеты и пр.) проходят в одном периметре информационных систем оператора, где не требуется экспорт данных в третью систему, организация данных процессов не усложнена бюрократическими процедурами.

Законодательство о ЦФА позволяет выпускать продукты, которые ранее не были доступны на классическом финансовом рынке. Например, выпуск гибридного ЦФА на драгоценный металл, эмитентом которого может выступить компания-недропользователь, а инвесторами будут физические лица[26]. Подробнее процесс выпуска рассмотрен в Приложении 3.

Для каждого ЦФА-проекта необходимо составить и согласовать правила эмиссии, включая объем (количество) эмиссии цифровых активов, сроки размещения, алгоритм ценообразования (при наличии), условия погашения, количество участников (например, минимальное или максимальное), возможность включения дополнительных условий (например, для гибридных цифровых финансовых активов – условия выдачи и дата выдачи физического актива, комиссия за выдачу и пр.). Если сравнить с классическими инструментами, более широкие возможности применения цифровых активов и включения различных условий эмиссии предоставляют как свободу выбора для эмитента, так и ответственность. Поэтому эмитентам и операторам информационной системы необходимо ответственно подходить к составлению правил по конфигурации продукта, возможно, привлекать для этого внешних консультантов и экспертов, которые могли бы провести независимую верификацию токеномики.

Текущее состояние рынка ЦФА в РФ и прогноз его развития

На начало 2023 г. рынок ЦФА только зарождался, количество выпусков и объемы были крайне малы (около 20 с момента регистрации первого оператора информационной системы 14.03.2022). Наибольшее количество выпусков ЦФА не превышает 100 тыс. рублей, так как (в 2022 г. и начале 2023 г.) компании-эмитенты и ОИС занимались тестированием механизма организации выпуска ЦФА.

По состоянию на конец ноября 2022 г. общий объем зарегистрированных выпусков составлял 16 штук на сумму 227 млн рублей[27]; на начало 2023 г. – на сумму более 2 млрд рублей и на конец 2023 г. – более чем на 50 млрд рублей. По состоянию на конец 2023 г. количество выпусков большого объема кратно возросло. В табл. 2 представлено количество выпусков, объем каждого из которых превышает 1 млн рублей. Подробные данные представлены в Приложении 1.

[25] При организации отдельных выпусков ЦФА использовался брокер для реализации купли-продажи активов. Ряд операторов информационной системы не имеют лицензию по банковской деятельности, поэтому им необходим партнер-посредник для организации первичной купли-продажи ЦФА и проведения платежей.

[26] Рассматриваем выпуск для физических лиц, так как при реализации им драгоценного металла операции не облагаются НДС в отличие от продажи юридическим лицам.

[27] В России размещено 16 выпусков ЦФА на сумму 227 млн рублей. (2022, 29 ноября). Frank Media. https://frankrg.com/103210

Таблица 2

Количество выпусков ЦФА

Table 2. Number of issues of digital financial assets

Дата регистрации / Registration date	Наименование ОИС / Information system operator	Количество выпусков с объемом эмиссии более 1 млн руб., шт. / Number of issues with emission of over 1 mln rubles
03.02.2022	Общество с ограниченной ответственностью «Атомайз» / Atomayz LLC	80
17.03.2022	Публичное акционерное общество «Сбербанк России» / Sberbank Rossii Public Corporation	25
17.03.2022	Общество с ограниченной ответственностью «Лайтхаус» / Laythaus LLC	8
02.02.2023	Акционерное общество «АЛЬФА-Банк» / ALFA-Bank JSC	48
09.03.2023	Общество с ограниченной ответственностью «Системы распределенного реестра» / Sistemy raspredelennogo reyestra LLC	2
15.06.2023	«Токены – Цифровые Инвестиции», ООО «Токены» / Tokeny- Tsyfrovye Investitsii, Tokeny LLC	1
15.06.2023	АО АКБ «ЕВРОФИНАНС МОСНАРБАНК» / EVROFINANS MOSNARBANK JSC AKB	0
22.06.2023	ПАО «СПб Биржа» / SPb Birzha Public Corporation	0
27.07.2023	ООО «Блокчейн Хаб» / Blokcheyn Khab LLC	0
03.08.2023	НКО АО НРД (Небанковская кредитная организация Акционерное общество «Национальный расчетный депозитарий») / Natsionalnyy raschetniy depozitariy NKO JSC	2

Источник: составлено авторами на основе данных из открытых источников по состоянию на 30 ноября 2023 г.

Source: compiled by the authors based on open sources data as of November 30, 2023.

Во всех выпусках использовалась только одна разновидность ЦФА – права в виде денежного требования. Все выпуски были номинированы в валюте Российской Федерации, за исключением одного. Данный выпуск ЦФА был организован на платформе ООО «Лайтхаус», ЦФА был номинирован в юанях, условие погашения также было установлено в юанях[28]. Все выпуски имели конкретную дату погашения с учетом установленных процентов (по аналогии с выплатами купонного дохода по облигациям).

ПАО «Сбербанк» организовало выпуск ЦФА в форме денежных требований, привязанных к цене на золото, т. е. были выпущены цифровые токены, стоимость которых приравнена к стоимости 1 г золота (по цене *bid*), а погашение данных требований будет определено по курсу (*ask*) за 1 г золота (данный выпуск является действующим. – Прим. В. С., А. В.). ООО «Атомайз» ранее организовало выпуски ЦФА по похожему принципу на другие драгоценные металлы для компаний-эмитентов «Норникель» и «КрасЦветМет».

Стоит обратить внимание на выпуск ЦФА при участии ООО «Атомайз» с плавающей ставкой выплаты, которая равна ключевой ставке Банка России + 1,72 %. Выпуск состоялся 17 февраля 2023 г., и он имеет классификацию в виде денежных требований. Объем данного выпуска составил 1 млрд рублей.

Текущая практика на рынке показывает, что компании используют только категории цифровых прав в виде: аналогов денежных требований по облигациям и аналога денежного требования от ценообразования на актив (в вышеуказанном случае – драгоценный металл). Тем не менее существуют и другие способы, формы организации выпуска ЦФА.

Визуализация анализа выпусков цифровых финансовых активов с указанием минимального, максимального и среднего объемов выпуска каждого оператора (ОИС) представлена на рис. 1.

[28] LIGHTHOUSE финансовая экосистема. (2022, 1 декабря). Решение о выпуске № 4. https://www.cfa.digital/disclosure

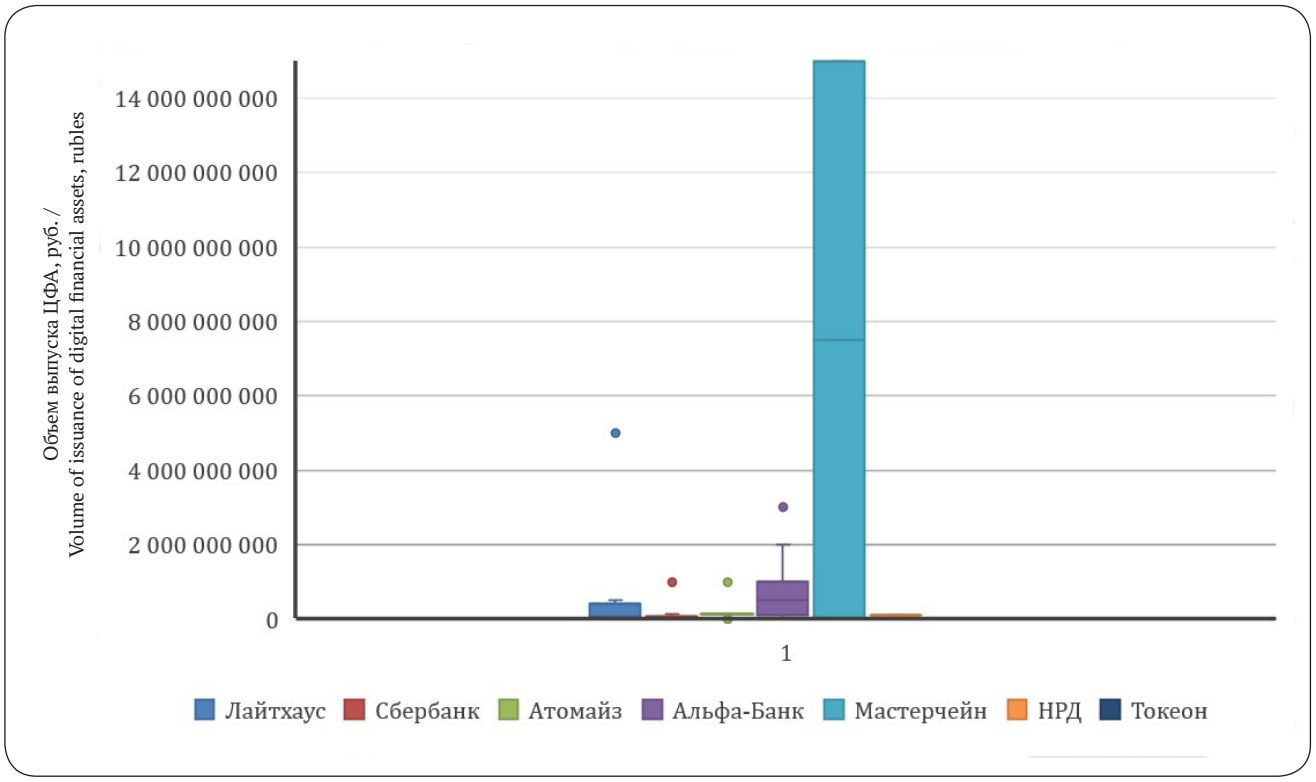


Рис. 1. Параметры выпусков ЦФА операторами (ОИС) (max, min, av)

Источник: составлено авторами на основе данных из открытых источников по состоянию на 30 ноября 2023 г. (данные за период с 1 января 2022 г.).

Fig. 1. Parameters of issues of digital financial assets by operators (max, min, av)

Source: compiled by the authors based on open sources data as of November 30, 2023 (data for the period since January 1, 2022).

Минимальный объем выпуска ЦФА (по одному проекту) у большинства операторов крайне низкий, что характеризует данную активность как «тестовый выпуск». Максимальный объем одного выпуска ЦФА составил 15 млрд рублей, который был организован оператором «Системы распределенного реестра». Стоит отметить, что рынок развивается неравномерно, так как у одних операторов преобладают точечные, крупные размещения, а у других выделяются высокие объемы эмиссии (по общей сумме) со стабильными размерами размещения. На рис. 2 представлено распределение объема выпуска ЦФА по кварталам.

На рис. 2 представлен поквартальный рост объемов выпуска ЦФА. Регулярно появляются новые операторы, которые подключаются к участию и формируют общую долю объема за счет организации новых выпусков цифровых финансовых активов. Пока рано говорить о четко устоявшейся тенденции и делать долгосрочные прогнозы, тем не менее необходимо отметить общую динамику роста объемов эмиссии ЦФА с постоянным трендом на рынке.

Статистика количества выпусков ЦФА представлена на рис. 3. Из динамики поквартального количества проектов видно, что рынок активно развивается и все большее количество операторов начинают участвовать и проводить организацию эмиссий ЦФА. По экспертным оценкам, период «тестовых выпусков» подошел к концу, так как во второй половине 2023 г. большинство выпусков имело размер более 1 млн руб., выпускались ЦФА для корпоративных компаний – клиентов с целью привлечения дополнительного финансирования. Отметим тренд по росту количества выпусков, а также росту среднего значения объема выпусков. Данные тренды характеризуют развитие рынка.

ВТБ-факторинг в своем опросе выявил, что 37 % из опрошенных 292 компаний готовы рассматривать выпуск ЦФА для своей деятельности. Эксперты называют основными причинами, сдерживающими развитие рынка, проблемы с регулированием и инновационность технологии, которая непонятна бизнесу. Для раз-

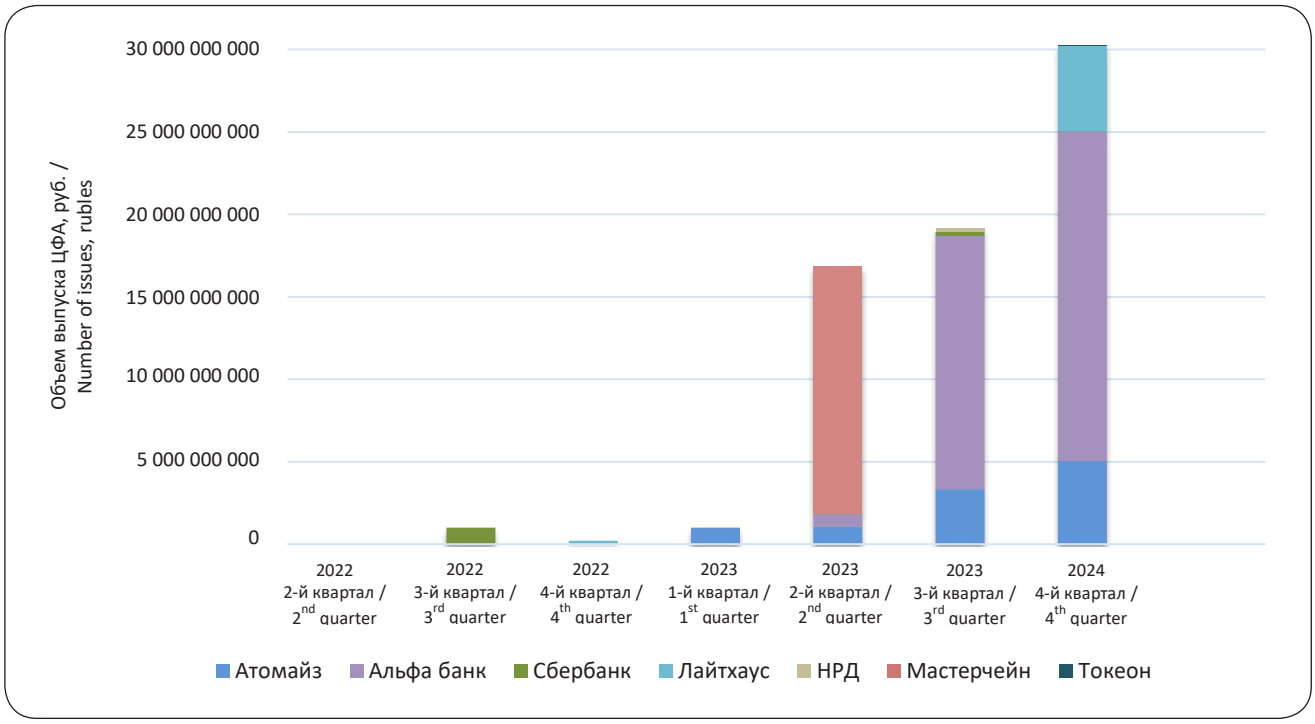


Рис. 2. Распределение объема выпусков ЦФА по кварталам

Источник: составлено авторами на основе данных из открытых источников по состоянию на 30 ноября 2023 г.

Fig. 2. Distribution of issues of digital financial assets by quarters

Source: compiled by the authors based on open sources data as of November 30, 2023.

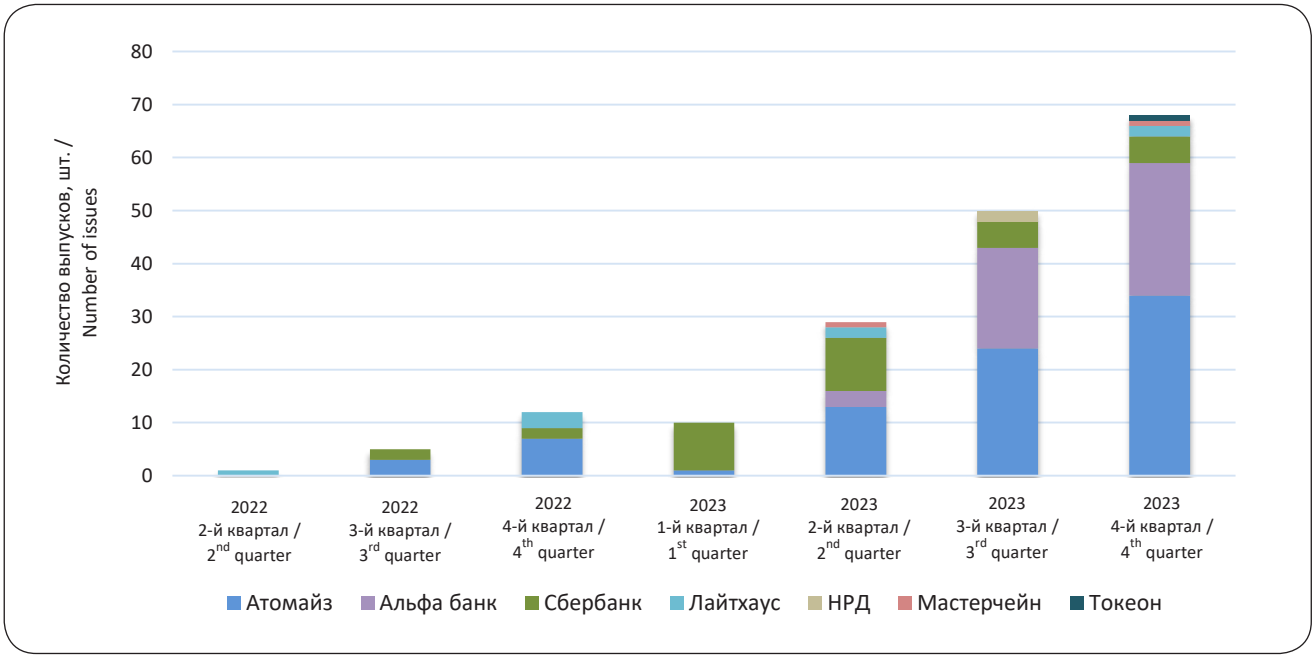


Рис. 3. Количество выпусков ЦФА по кварталам

Источник: составлено авторами на основе данных из открытых источников по состоянию на 30 ноября 2023 г.

Fig. 3. Number of issues of digital financial assets by quarters

Source: compiled by the authors based on open sources data as of November 30, 2023.

вития рынка необходимо устранять существующие ограничения, в частности, по вторичному обороту ЦФА, который позволит сбалансировать сроки эмиссии и инвестирования, считает гендиректор «ВТБ Факторинга» Антон Мусатов. По его мнению, если на начальном этапе уровень проникновения нового финансового инструмента (ЦФА) не превысит 3–5 %, то объем рынка ЦФА может составить 1–2 трлн рублей в среднесрочной перспективе[29, 30].

SWOT-анализ рынка цифровых финансовых активов

В данном разделе будет проведен анализ сильных и слабых сторон рынка ЦФА, потенциальных возможностей и угроз рынка (табл. 3).

На рынке ЦФА присутствуют эмитенты, операторы информационных систем и инвесторы, поэтому анализ будет представлен с позиции каждого из типа участников. Такие авторы, как М. Р. Кушниренко (2023), М. В. Гончарова и А. И. Гончаров (2023), Д. Г. Афанасьев (2022), А. А. Шестемиров и Д. В. Жатикова (2023), Т. Б. Тимофеева и Э. А. Оздоева (2020), Э. Н. Белозорова (2023), А. А. Дощатов (2022), А. В. Щавелев (2021), Н. С. Александрова (2021), К. В. Ображиев (2022), выделяли преимущества и недостатки рынка. Ниже рассмотрим некоторые их выводы.

В работе Кушниренко (2023) сообщается, что «рынок ЦФА формирует новые инвестиционные возможности для участников финансового рынка: от создания инновационных цифровых продуктов в рамках привлечения инвестиционных средств до бесшовного получения услуг инвестиционного характера и диверсификации портфелей инвесторов». Автор отмечает, что «применение технологий распределенных реестров в том числе позволило использовать смарт-контракты», которые, в свою очередь, позволяют автоматизировать процессы организации и проведения финансовой сделки. Рассмотрим преимущества по отдельности для различных сторон по сделке, экономических агентов: для эмитента является значительным плюсом «получение доступа к новому рынку ликвидности» за счет упрощенных требований к эмиссии ЦФА эмитентом и более дешевого и доступного способа эмиссии, также:

> «…расширение торгового финансирования в связи с возможностью формирования инструментов, базисным активом которых может стать закупаемое сырье компаниями, возможность для непубличной компании привлечения новых инвесторов, создание производных цифровых инструментов, базисом которых будут выступать операционные активы компании, повышение эффективности управления кредитным портфелем сквозь призму создания новых цифровых финансовых инструментов, обеспеченных просроченной задолженностью бизнеса (для банковского сектора). У эмитента могут возникать риски, которые заключаются в требованиях к качеству заемщика» (Кушниренко, 2023. С. 10).

Кредитно-рейтинговые агентства уже утвердили методологию присвоения рейтингов[31], а также присвоили первый рейтинг выпуску ЦФА[32]. Еще один из рисков (см. далее *SWOT*-анализ: «Угрозы»), который отмечает автор, – «отсутствие достаточного спроса со стороны инвесторов в связи с наличием ряда рисков в условиях новизны ЦФА».

Гончарова и Гончаров (2023) представили исследование, в котором отмечают риск, что в нашей экономике строится лишь моноподход к цифровым финансовым активам. Реализуемый моноподход содержит в себе большой риск, который мы называем неконтролируемой полисубъектной эмиссией. По существу, каждый оператор информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, является уникальным эмиссионным центром со своим блокчейном, своим комплектом смарт-контрактов и цифровыми финансовыми активами – уникальными цифровыми токенами, права на которые непонятно как

---

[29] К цифровым активам отнеслись пассивно. (2022, 9 ноября). Коммерсантъ.

[30] Рынок ЦФА в России может превысить 1 трлн рублей. (2021, 19 ноября). Forbes. www.forbes.ru/brandvoice/446521-rynok-cfa-v-rossii-mozet-prevysit-1-trln-rublej

[31] АКРА первым российских рейтинговых агентств утвердило методологию присвоения кредитных рейтингов ЦФА. (2023, 5 сентября). АКРА. https://www.acra-ratings.ru/company/news/1001312

[32] В России впервые присвоили кредитный рейтинг выпуску ЦФА. (2023, 9 ноября). Ведомости. https://www.vedomosti.ru/investments/articles/2023/11/09/1004859-v-rossii-vpervie-prisvoili-kreditnii-reiting-vipusku-tsfa

будут переходить от обладателя к обладателю. Этот висящий в воздухе на протяжении срока уже более двух лет вопрос ярко высвечивается отсутствием операторов обмена ЦФА, несмотря на то, что в августе 2023 г. появился первый оператор обмена[33], переход на единый рынок ЦФА (с объединением всех операторов информационных систем) еще не был выработан. Авторы также отмечают, что платформа на базе ЦФА должна стать единой для всего фондового рынка и предлагают строить следующую систему:

> «…депозитарно-регистрационная платформа Банка России создается как функциональный клон платформы цифрового рубля. В рамки этого подхода беспрепятственно вписываются как простые цифровые финансовые активы, так и сложные гибридные продукты (цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права). Ключевыми элементами модернизации оборота инвестиционных активов является в первую очередь единая Депозитарно-регистрационная платформа Банка России. На ней регистрируется как создание, так и прекращение существования всех активов, а также идет фиксация изменений состояния инвестиционных портфелей физических и (или) юридических лиц: по мере проведения операций по приобретению и отчуждению активов происходит перерегистрация прав на них в каждом портфеле. На платформе идет ежедневная сверка количества приобретенных инвесторами активов в их инвестиционных портфелях с количеством размещенных активов в эмиссионных портфелях эмитентов» (Гончарова, Гончаров, 2023. С. 587).

Предложенная инфраструктура фондового рынка на базе платформы ЦФА с единой регистрацией выпусков через сайт Федеральной налоговой службы и построения единого оператора на базе распределенного реестра ЦБ (либо любого другого централизованного источника) имеет место быть, но в текущих реалиях в таком виде практически нереализуема из-за существующих инвестиций бизнеса в развитие собственных платформ операторов и сохранения ими доминирующего положения, через привлечение эмитентов для выпуска новых ЦФА на собственных платформах. В ближайшее время будет возникать конкуренция между ОИС, которая в целом будет способствовать развитию рынка.

Д. Г. Афанасьев отмечает следующие преимущества:

> «ЦФА можно охарактеризовать следующими качествами, такими как:
> – отсутствие центра и/или субъекта эмиссии, который выпускает денежный знак;
> – простота эмиссионного механизма цифрового финансового актива;
> – доступная регистрация цифровых кошельков;
> – отсутствие посредников при осуществлении операций с цифровыми финансовыми активами;
> – снижение стоимости финансовой транзакции при использовании цифрового финансового актива;
> – осуществление транзакций и платежей в режиме 24/7;
> – открытость цифрового финансового актива для изучения сторонними разработчиками» (Афанасьев, 2022).

С другой стороны, автор видит следующие риски: «По мнению регуляторов, есть следующие риски и угрозы без контролируемого развития цифровых финансовых активов и валют: 1. Финансовое мошенничество с кражей денежных средств участников рынка криптовалют. 2. Финансирование терроризма и экстремистской деятельности. 3. Уклонение от уплаты налогов и уход от налоговых обязательств незаконными путями. 4. Нарушение традиционных финансовых отношений экономических субъектов» (Афанасьев, 2022. С. 146). В своей работе Т. Б. Тимофеева и Э. А. Оздоева (2020) отмечают следующие технологические риски: «Основные угрозы, возникающие в процессе деятельности цифровых платформ, связаны с проблемами безопасности и конфиденциальности данных. Своевременная идентификация и качественный анализ рисков цифровых платформ позволят обеспечить стабильность их функционирования и успешную реализацию цифровой трансформации российской экономики». Schletz с соавторами (2020) обсуждают основные вызовы, стоящие перед использованием блокчейна и токенизации на примере «зеленого финансирования», в частности, поднимая вопросы стандартизации и вопросы финансовой грамотности инвесторов.

[33] Банк России. (2023, 3 августа). Банк России включил первую организацию в реестр операторов обмена цифровых финансовых активов. https://cbr.ru/press/event/?id=16981

А. А. Шестемиров и Д. В. Жатикова отмечают:

> «Цифровые финансовые активы повышают эффективность функционирования финансового рынка: инвесторы и эмитенты могут осуществлять транзакции более удобным, быстрым и безопасным способом. Прямая процедура обращения снижает стоимость платежных услуг, затраты на комиссии и инфраструктурные издержки. Розничные инвесторы могут дробить активы по долям, целостное приобретение которых было бы слишком затратно и рискованно. Благодаря ЦФА появился доступ к менее ликвидным, однако более доходным финансовым инструментам: капиталу стартапов, акции которых не обращаются на бирже; предметам культуры и искусства» (Шестемиров, Жатикова, 2023).

Эффективность функционирования финансового рынка и положительное влияние цифровых финансов на распределение активов компаний малого и среднего бизнеса подтверждается авторами (Feng et al., 2023), тем не менее использование традиционных форм (активов) не замещается активно альтернативными источниками привлечения капитала (Bollaert et al., 2021), которые имеют потенциал для масштабирования в комфортных условиях ведения деятельности и соответствующих юрисдикциях.

Существуют определенные барьеры (слабые стороны) для развития цифровых активов. Децентрализованные биржи имеют сильную зависимость от централизованных рынков (Yousaf et al., 2023), а также зависимость от регуляторов различных стран, представители которых потенциально используют биржи для проведения транзакций. Сложно предсказать перспективы развития рынка цифровых активов, в частности ЦФА (локально в РФ). На текущий момент недостаточно эмпирических данных для достоверных выводов об эффективности использования токенизации в процессах привлечения капитала (Bollaert et al., 2021).

Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что сильной стороной рынка является именно наличие технологического оптимизма у игроков рынка, появление финансовых инноваций и законодательных инициатив.

В табл. 3 представлен *SWOT*-анализ рынка ЦФА. Видно, что рынок имеет ряд преимуществ относительно классических финансовых рынков. Преимущества в основном возникают от использования новой технологии блокчейн, которая позволяет увеличить надежность, прозрачность транзакций и повысить скорость выпуска продуктов за счет гибкой настройки смарт-контрактов. Данные преимущества позволяют технологии осуществлять эмиссию любых активов, при этом затрачивая значительно меньше времени и ресурсов. Таким образом, технология имеет потенциальные возможности в части использования для выпуска и торговли любых видов активов.

Таблица 3

Анализ текущего состояния рынка цифровых активов в РФ

Table 3. Analysis of the current state of the digital financial assets' market in Russia

Сильные стороны / Strengths	Возможности / Advantages
1. Хранение данных и учета сделок с ЦФА в информационной системе оператора информационных систем. 2. Отсутствие необходимости в услугах посредников при проведении сделок с цифровыми финансовыми активами и использовании технологий распределенного реестра. 3. Упрощенное законодательное регулирование выпуска ЦФА, включая управление цепями поставок. 4. Наличие операторов информационной системы и реализуемых ими технологий распределенных реестров / 1. Storage of data and accounting of transactions with DFA in the information system of the operator. 2. No need for intermediary services when conducting transactions with digital financial assets and using distributed ledger technologies. 3. Simplified legislative regulation of DFA issuance, including supply chain management. 4. Availability of information system operators and distributed ledger technologies implemented by them	1. Привлечение финансирования проектов юридических лиц (эмитентов) с помощью выпуска ЦФА. 2. Использование новых финансовых инструментов, которые применяют технологии распределенных реестров и цифровых активов. 3. Использование инструментов инвестирования физических лиц в ЦФА. 4. Дробление активов на составные цифровые единицы (части актива). 5. Экономически эффективная трансформация инфраструктуры финансового рынка. 6. Оптимизация механизма и процессов взаимодействия (ролей участников) на финансовом рынке / 1. Attracting financing for projects of legal entities (issuers) by issuing DFA. 2. Using new financial instruments that apply distributed ledger and digital asset technologies. 3. Using instruments for individual investing in DFA. 4. Fragmentation of assets into composite digital units (parts of the asset). 5. Cost-effective transformation of financial market infrastructure. 6. Optimization of the mechanism and processes of interaction (roles of participants) in the financial market

Окончание табл. 3 / End of Table 3

Слабые стороны / Weaknesses	Угрозы / Threats
1. Неразвитое и неадаптированное под практические потребности участников рынка цифровых финансовых активов законодательство, которое содержит противоречия в отношении организации технологий и финансов, сдерживающие развитие рынка (Кошелев, 2022), негармонизированные процессы взаимодействия участников рынка, имеющие потенциал для изменений. 2. Отсутствие скоординированного единого механизма и возможностей полноценного взаимодействия всех участников рынка ЦФА, с помощью которого выпуски токенов отдельным оператором информационных систем и площадка для торгов используется только у конкретного ОИС. 3. Налогообложение деятельности и сделок с ЦФА, включая НДС. 4. Невключение традиционных социально-финансовых (экономических) отношений хозяйствующих субъектов в рыночные процессы развития ЦФА в РФ и мире. 5. Низкий уровень информированности и финансовой грамотности частных клиентов (в инвестиционно-банковском ретейле) в отношении новых финансовых инструментов (ЦФА) при наличии ограничений для участия в качестве инвестора. 6. «Незрелое» общее законодательство касательно рисков и, как следствие, сдерживания развития рынка / 1. Undeveloped legislation, not adapted to the practical needs of digital financial assets market participants, containing contradictions in the technology and finance organization, which restrains the market development (Koshelev, 2022); non-harmonized interaction between market participants with the potential for change. 2. Lack of a coordinated unified mechanism and opportunities for full-fledged interaction of all DFA market participants, through which token issues by a separate operator of information systems and the trading platform is used only by a particular information system operator. 3. Taxation of activities and transactions with DFA, including VAT. 4. Non-inclusion of traditional socio-financial (economic) relations of economic entities in the market processes of DFA development in the Russian Federation and the world. 5. Low level of awareness and financial literacy of private clients (in investment banking retail) regarding new financial instruments (DFA) in the presence of restrictions for participation as an investor. 6. “Immature” general legislation regarding risks and, as a consequence, restraining market development	1. Риск потери заинтересованности у инвесторов, сдерживающей развитие инфраструктуры рынка ЦФА. 2. Риски финансового мошенничества с использованием цифровых активов. 3. Обнаружение критических изъянов в технологиях и информационных системах. 4. Риски централизации (тотальной централизации) инфраструктуры рынка цифровых финансовых активов. 5. Развитие рынка псевдоцифровых активов, которые не связаны с реальными активами и не соответствуют принципам технологий распределенных реестров. 6. Отсутствие спроса со стороны инвесторов (покупателей ЦФА) / 1. Risk of loss of investor interest, which restrains the DFA market infrastructure development. 2. Risks of financial fraud with the use of digital assets. 3. Discovery of critical flaws in technology and information systems. 4. Risks of centralization (total centralization) of the digital financial asset market infrastructure. 5. Development of the market of pseudo-digital assets that are not linked to real assets and do not comply with the principles of distributed ledger technologies. 6. Lack of demand from investors (DFA buyers)

Со стороны угроз необходимо отметить, что рынок для инвесторов является новым и количество сделок пока единично, законодательство до конца не сформировано. Рынок постепенно развивается, находится на начальной стадии развития.

Заключение

В работе описаны этапы становления законодательства рынка цифровых финансовых активов в РФ, включая законы о ЦФА и краудфандинге, позволившие сформировать основу для локального регулирования данного рынка; потенциал использования цифровых и утилитарных прав.

Наиболее перспективной сферой применения цифровых активов является инфраструктура финансового рынка, включающая совершение финансовых сделок в рамках гражданско-правовых отношений. Использование цифровых активов в качестве источника привлечения средств оказывает положительное влияние на стоимость и сроки финансирования проектов. К финансовым инструментам, использующим выпуск (эмиссию) ЦФА, относятся денежные требования по аналогу облигаций, векселей, ценных бумаг, структурных продуктов и производных финансовых инструментов. Технологии распределенных реестров и смарт-контракты могут быть использованы для разработки (конструирования) более комплексных инструментов. Выпуски ЦФА крайне ограничены количеством эмитентов, но тем не менее объемы ЦФА растут быстрым темпом: в 2022 г.

объем составил около 200 млн рублей, в 2023 г. он превысил 32 млрд рублей, по прогнозам, в ближайшие несколько лет он достигнет 1 трлн рублей.

Новая инфраструктура финансового рынка включает выпуск и продажу (обмен) цифровых финансовых активов, которую выполняют оператор информационной системы и оператор обмена ЦФА. На рынке вторичный обмен (купля-продажа) ЦФА, а также массовая покупка цифровых финансовых активов физическими лицами полноценно не реализованы: обменять один ЦФА на любой другой не представляется возможным.

Проведенный *SWOT*-анализ рынка позволил выделить потенциальные возможности и слабые стороны, в частности, законодательные противоречия в отношении организации технологий и финансов, сдерживающие развитие рынка; отсутствие единого механизма и возможностей полноценного взаимодействия всех участников рынка ЦФА. Перечень текущих выпусков цифровых финансовых активов позволил описать конъюнктуру и сформировать перспективный взгляд на развитие рынка ЦФА.

P. S.

Текст данной статьи не является юридической или финансовой консультацией, не устанавливает взаимоотношений «адвокат – клиент». Текст также не является рекомендацией для покупки цифровых валют, цифровых финансовых активов, цифровых прав и других цифровых активов и цифровых токенов, ценных бумаг. Мнение авторов может не совпадать с мнением аффилированных организаций.

Список литературы

Абреков, М. М., Власов, А. В. (2022). Рынки ICO и IPO: обзор состояния и перспектив. *Пространственная экономика*, *18*(4), 36–67. https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.4.036-067

Агеев, В. Н., Власов, А. В. (2020). Потенциал применения цифровых финансовых активов. *Финансовый журнал*, *12*(6), 100–112. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-6-100-112

Александрова, Н. С. (2021). Соотношение понятий «цифровые права», «цифровая валюта» и «цифровой финансовый актив». *Вестник Московского университета МВД России*, 6, 28–31. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-28-31

Андрюшин, С. А. (2018). Технология распределенных реестров в финансовой сфере России. *Банковское дело*, 2, 4–15.

Андрюшин, С. А. (2021). Цифровая валюта центрального банка как третья форма денег государства. *Актуальные проблемы экономики и права*, *15*(1), 54–76. http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.54-76

Афанасьев, Д. Г. (2022). Цифровая трансформация финансовой системы Российской Федерации и развитие рынка цифровых финансовых активов. *Инновационное развитие экономики*, *6*(72), 143–149. https://doi.org/10.51832/2223798420226143

Байдукова, Н. В., Бусько, А. А., Горулев, Д. А. и др. (2018). *Инновации финансового рынка в условиях цифровой экономики*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Балюк, И. А. (2019). Рынок корпоративных облигаций: международный опыт и российская практика. *Финансы: теория и практика*, *23*(2), 74–83. https://doi.org/10.26794/2587-5671-2019-23-2-74-83

Белозеров, С., Соколовская, Е., Ким, Ю. С. (2020). Финтех как фактор трансформации глобальных финансовых рынков. *Форсайт*, *14*(2), 23–35. https://doi.org/10.17323/2500-2597.2020.2.23.35

Белозорова, Э. Н. (2023). Цифровые финансовые активы, цифровые валюты и цифровой капитал в трансформации мировой финансовой системы. *Экономические науки*, 221, 29–32. https://doi.org/10.14451/1.221.29

Василевская, Л. Ю. (2019). Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права. *Актуальные проблемы российского права*, *5*(102), 111–119. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.102.5.111-119

Власов, А. В. (2022). Обзор понятий технологий распределенных реестров и цифровых активов в целях гармонизации их общего применения. *Russian Journal of Economics and Law*, *16*(4), 745–761. http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.745-761

Власов, А. В., Абреков, М. М. (2018). Российское IPO: классические и альтернативные способы привлечения средств. *Модели, системы и сети в экономике, технике, природе и обществе*, *25*(1), 18–31.

Гончарова, М. В., Гончаров, А. И. (2023). Модернизация инвестиционной технологии выпуска и оборота цифровых финансовых активов. *AlterEconomics*, *20*(3), 570–602. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.5

Городов, О. А. (2020). Приобретение утилитарных цифровых прав как новый способ инвестирования по законодательству России. *Право и цифровая экономика*, *1*(07), 5–10.

Гуделл, Д., Аль-Накиб, Х. Д., Таска, П. (2021). Архитектура цифровой валюты, системно поддерживающая приватность и кастодиальное хранение. *Russian Journal of Economics and Law*, *15*(4), 788–821. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.788-821

Дощатов, А. А. (2022). Правовое регулирование цифровых финансовых активов и цифровой валюты на территории Российской Федерации. *Научные записки молодых исследователей*, *10*(4), 53–64.

Ермолаева, О. В. (2017). Эмиссия облигаций как источник финансирования деятельности организаций. *Финансовая аналитика: проблемы и решения*, *10*(3), 299–310. https://doi.org/10.24891/fa.10.3.299

Кочергин, Д. А. (2022). Цифровые валюты центральных банков: опыт внедрения цифрового юаня и развитие концепции цифрового рубля. *Russian Journal of Economics and Law*, *16*(1), 51–78. http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.51-78

Кошелев, К. А. (2022). Тенденции развития рынка цифровых финансовых активов в контексте цифровой трансформации мировой экономики. *Финансы: теория и практика*, *26*(4), 80–94. https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-4-80-94

Кудряшова, Т. А., Федосова, Т. В., Шульгина, Е. А. (2021). Модель децентрализованной кредитной системы на основе блокчейн-технологии. *Вопросы инновационной экономики*, *11*(3), 1227–1246. https://doi.org/10.18334/vinec.11.3.112409

Кушниренко, М. Р. (2023). Выпуск цифровых финансовых активов с использованием цифровых платформ: возможности и риски для участников финансовой операции. *Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством*, *02*(56), 6–16.

Мандрон, В. В., Зверев, А. В., Мишина, М. Ю. (2018). Финансовые рынки современной России: особенности регулирования и тенденции развития. *Вестник Брянского государственного университета*, *1*(35), 226–234.

Новиков, А. В., Новикова, И. Я. (2020). Развитие финансового рынка как драйвер роста экономики России. *Идеи и идеалы*, *12*(1), 319–352. https://doi.org/10.17212/2075-0862-2020-12.1.2-319-352

Новоселова, Л. А., Полежаев, О. А. (2021). Цифровые финансовые активы как объекты имущественных отношений: актуальные вопросы теории и практики. *Власть закона*, *2*(46), 75–91.

Ображиев, К. В. (2022). Преступные посягательства на цифровые финансовые активы и цифровую валюту: проблемы квалификации и законодательной регламентации. *Журнал российского права*, *26*(2), 71–87. https://doi.org/10.12737/jrl.2022.018

Паршин, М. А., Джораев, Х. Х. (2020). Перспективы развития финансового рынка в Российской Федерации: корпоративные облигации и структурные облигации. *Российский экономический вестник*, *3*(2), 194–199.

Рождественская, Т. Э., Гузнов, А. Г. (2021). Особенность правового статуса оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов как организаций, обеспечивающих цифровые финансовые технологии. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*, *9*(85), 124–134. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.85.9.124-134

Сорочкин, А. А. (2021). Актуальные проблемы правового регулирования финансового надзора за стабильностью финансовых рынков национальными и международными нормами. *Проблемы экономики и юридической практики*, *17*(2), 241–248.

Тимофеева, Т. Б., Оздоева, Э. А. (2020). Анализ мирового опыта в создании цифровых платформ и связанных с ними рисков. *Управление*, *8*(3), 112–122. https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-8-3-112-122

Усова, Н. В., Логинов, М. П. (2021). Цифровая трансформация финансовых услуг в России. *Журнал экономической теории*, *18*(2), 277–289. https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-2.9

Шестемиров, А. А., Жатикова, Д. В. (2023). Потенциал внедрения цифровых финансовых активов и цифровых валют центральных банков в финансовую систему государства. *Финансовое право*, *10*, 25–32.

Щавелев, А. В. (2021). Цифровые финансовые активы, цифровая валюта и цифровые деньги. *Инновации. Наука. Образование*, 33, 826–831.

Allen, F., Gu, X., & Jagtiani, J. (2022). Fintech, Cryptocurrencies, and CBDC: Financial Structural Transformation in China. *Journal of International Money and Finance*, *124*, 102625. https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2022.102625

Bas, T., Malki, I., & Sivaprasad, S. (2024). Connectedness between central bank digital currency index, financial stability and digital assets. *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*, *92*, 101981. https://doi.org/10.1016/j.intfin.2024.101981

Bewaji, O. (2024). A computational model of bilateral credit limits in payment systems and other financial market infrastructures. *Latin American Journal of Central Banking*, *5*(1), 100115. https://doi.org/10.1016/j.latcb.2023.100115

Bollaert, H., Lopez-de-Silanes, F., & Schwienbacher, A. (2021). Fintech and access to finance. *Journal of Corporate Finance*, *68*, 101941. https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2021.101941

Domingo, C., & Mathew, E. (2021). Tokenisation: Assembling the building blocks of an institutional digital assets marketplace. *Journal of Securities Operations & Custody*, *13*(3). https://www.ingentaconnect.com/content/hsp/jsoc/2021/00000013/00000003/art00004

Farag, H., & Johan, S. (2021). How alternative finance informs central themes in corporate finance. *Journal of Corporate Finance*, *67*, 101879. https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2020.101879

Feng, Y., Meng, M., & Li, G. (2023). Impact of digital finance on the asset allocation of small- and medium sized enterprises in China: Mediating role of financing constraints. *Journal of Innovation & Knowledge*, *8*(3), 100405. https://doi.org/10.1016/j.jik.2023.100405

Goodel, G., Al-Nakib, H. D., & Tasca, P. (2021). A Digital Currency Architecture for Privacy and Owner-Custodianship. *Russian Journal of Economics and Law*, *15*(4), 788–821. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.788-821

Harish, A. R., Liu, X. L., Li, M., Zhong, R. Y., & Huang, G. Q. (2023). Blockchain-enabled digital assets tokenization for cyber-physical traceability in E-commerce logistics financing. *Computers in Industry*, *150*, 103956. https://doi.org/10.1016/j.compind.2023.103956

Haykir, O., & Yagli, I. (2022). Speculative bubbles and herding in cryptocurrencies. *Financial Innovation*, *8*(78). https://doi.org/10.1186/s40854-022-00383-0

Jiménez, I., Mora-Valencia, A., & Perote, J. (2023). Multivariate dynamics between emerging markets and digital asset markets: An application of the SNP-DCC model. *Emerging Markets Review*, *56*, 101054. https://doi.org/10.1016/j.ememar.2023.101054

Kreppmeier, J., Laschinger, R., Steininger, B. I., & Dorfleitner, G. (2023). Real estate security token offerings and the secondary market: Driven by crypto hype or fundamentals? *Journal of Banking & Finance*, *154*, 106940. https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2023.106940

Li, F., & Perez-Saiz, H. (2018). Measuring systemic risk across financial market infrastructures. *Journal of Financial Stability*, *34*, 1–11. https://doi.org/10.1016/j.jfs.2017.08.003

Patel, R., Migliavacca, M., & Oriani, M. E. (2022). Blockchain in banking and finance: A bibliometric review. *Research in International Business and Finance*, *62*, 101718. https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2022.101718

Roth, J., Schär, F., & Schöpfer, A. (2019). *The Tokenization of Assets: Using Blockchains for Equity Crowdfunding*. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3443382

Sandhu, K., Dayanandan, A., & Kuntluru, S. (2023). India's CBDC for digital public infrastructure. *Economics Letters*, *231*, 111302. https://doi.org/10.1016/j.econlet.2023.111302

Schletz, M., Nassiry, D., & Lee, M.-K. (2020). Blockchain and Tokenized Securities: The Potential for Green Finance. *ADBI Working Paper*, 1079. Tokyo: Asian Development Bank Institute. https://www.adb.org/publications/blockchain-tokenized-securities-potential-green-finance

Smith, J., Vora, M., Benedetti, H., Yoshida, K., & Vogel, Z. (2019). Tokenized Securities & Commercial Real Estate. *MIT Digital Currency Initiative Working Group Research Paper*. https://doi.org/10.2139/ssrn.3438286

Wang, S., Wen, W., Niu, Y., & Li, X. (2024). Digital transformation and corporate labor investment efficiency. *Emerging Markets Review*, *59*, 101109. https://doi.org/10.1016/j.ememar.2024.101109

Yousaf, I., Abrar, A., Yarovaya, L. (2023). Decentralized and centralized exchanges: Which digital tokens pose a greater contagion risk? *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*, *89*, 101881. https://doi.org/10.1016/j.intfin.2023.101881

References

Abrekov, M. M., & Vlasov, A. V. (2022). ICO and IPO markets: a review of the state and prospects. *Spatial Economics*, *18*(4), 36–67. (In Russ.). https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.4.036-067

Afanasyev, D. G. (2022). Digital transformation of the financial system of the Russian Federation and development of the market of digital financial assets. Innovative Development of the Economy, *6*(72), 143–149. https://doi.org/10.51832/2223798420226143

Ageev, V. N., & Vlasov, A. V. (2020). Potential Applications of Digital Financial Assets. *Financial Journal*, *12*(6), 100–112. (In Russ.). https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-6-100-112

Aleksandrova, N. S. (2021). Relationship of the concepts "digital rights", "digital currency" and "digital financial assets". *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 6, 28–31. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-28-31

Allen, F., Gu, X., & Jagtiani, J. (2022). Fintech, Cryptocurrencies, and CBDC: Financial Structural Transformation in China. *Journal of International Money and Finance*, *124*, 102625. https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2022.102625

Andryushin, S. A. (2018). Distributed ledger technology in the Russian financial sphere. *Banking*, 2, 4–15. (In Russ.).

Andryushin, S. A. (2021). Digital currency of the central bank as the third form of state money. *Actual Problems of Economics and Law*, *15*(1), 54–76. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.54-76

Baidukova, N. V., Busko, A. A., Gorulev, D. A. et al. (2018). *Innovations of the financial market under digital economy*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics. (In Russ.).

Balyuk, I. A. (2019). Corporate bond market: international experience and Russian practice. *Finance: Theory and Practice*, *23*(2), 74–83. (In Russ.). https://doi.org/10.26794/2587-5671-2019-23-2-74-83

Bas, T., Malki, I., & Sivaprasad, S. (2024). Connectedness between central bank digital currency index, financial stability and digital assets. *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*, *92*, 101981. https://doi.org/10.1016/j.intfin.2024.101981

Belozorova, E. N. (2023). Digital financial assets, digital currencies and digital capital in the transformation of the global financial system. *Economic sciences*, 221, 29–32. (In Russ.). https://doi.org/10.14451/1.221.29

Belozyorov, S., Sokolovska, O., & Kim, Y. (2020). Fintech as a Precondition of Transformations in Global Financial Markets. *Foresight and STI Governance*, *14*(2), 23–35. (In Russ.). https://doi.org/10.17323/2500-2597.2020.2.23.35

Bewaji, O. (2024). A computational model of bilateral credit limits in payment systems and other financial market infrastructures. *Latin American Journal of Central Banking*, *5*(1), 100115. https://doi.org/10.1016/j.latcb.2023.100115

Bollaert, H., Lopez-de-Silanes, F., & Schwienbacher, A. (2021). Fintech and access to finance. *Journal of Corporate Finance*, *68*, 101941. https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2021.101941

Domingo, C., & Mathew, E. (2021). Tokenisation: Assembling the building blocks of an institutional digital assets marketplace. *Journal of Securities Operations & Custody*, *13*(3). https://www.ingentaconnect.com/content/hsp/jsoc/2021/00000013/00000003/art00004

Doshchatov, A. A. (2022). Legal regulation of digital financial assets and digital currency in the Russian Federation. *Nauchnye Zapiski Molodykh Issledovatelei*, *10*(4), 53–64. (In Russ.).

Ermolaeva, O. V. (2017). Issue of bonds as a source to finance activities of organizations. *Financial Analytics: Science and Experience*, *10*(3), 299–310. https://doi.org/10.24891/fa.10.3.299

Farag, H., & Johan, S. (2021). How alternative finance informs central themes in corporate finance. *Journal of Corporate Finance*, *67*, 101879. https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2020.101879

Feng, Y., Meng, M., & Li, G. (2023). Impact of digital finance on the asset allocation of small- and medium sized enterprises in China: Mediating role of financing constraints. *Journal of Innovation & Knowledge*, *8*(3), 100405. https://doi.org/10.1016/j.jik.2023.100405

Goncharova, M. V., & Goncharov, A. I. (2023). Modernizing Investment Technology for Digital Financial Asset Issuance and Trading: An Empirical Study. *AlterEconomics*, *20*(3), 570–602. (In Russ.). https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.5

Gorodov, O. A. (2020). Acquisition of utilitarian digital rights as a new means of investment according to the Russian legislation. *Law and Digital Economy*, *1*(07), 5–10. (In Russ.).

Harish, A. R., Liu, X. L., Li, M., Zhong, R. Y., & Huang, G. Q. (2023). Blockchain-enabled digital assets tokenization for cyber-physical traceability in E-commerce logistics financing. *Computers in Industry*, *150*, 103956. https://doi.org/10.1016/j.compind.2023.103956

Haykir, O., & Yagli, I. (2022). Speculative bubbles and herding in cryptocurrencies. *Financial Innovation*, *8*(78). https://doi.org/10.1186/s40854-022-00383-0

Jiménez, I., Mora-Valencia, A., & Perote, J. (2023). Multivariate dynamics between emerging markets and digital asset markets: An application of the SNP-DCC model. *Emerging Markets Review*, *56*, 101054. https://doi.org/10.1016/j.ememar.2023.101054

Kochergin, D. A. (2022). Central Bank Digital Currencies: Experience of Introducing a Digital Yuan and Development of a Digital Ruble Conception. *Russian Journal of Economics and Law*, *16*(1), 51–78. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.51-78

Koshelev, K. A. (2022). Trends in the evolution of the digital financial assets market in the context of the digital transformation of the global economy. *Finance: Theory and Practice*, *26*(4), 80–94. (In Russ.). https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-4-80-94

Kreppmeier, J., Laschinger, R., Steininger, B. I., & Dorfleitner, G. (2023). Real estate security token offerings and the secondary market: Driven by crypto hype or fundamentals? *Journal of Banking & Finance*, *154*, 106940. https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2023.106940

Kudryashova, T. A., Fedosova, T. V., & Shulgina, E. A. (2021). A model of a decentralized credit system based on blockchain technology. *Russian Journal of Innovation Economics*, *11*(3), 1227–1246. (In Russ.). https://doi.org/10.18334/vinec.11.3.112409

Kushnirenko, M. R. (2023). Issuance of digital financial assets using digital platforms: opportunities and risks for financial transaction participants. *Ivecofin*, *02*(56), 6–16. (In Russ.).

Li, F., & Perez-Saiz, H. (2018). Measuring systemic risk across financial market infrastructures. *Journal of Financial Stability*, *34*, 1–11. https://doi.org/10.1016/j.jfs.2017.08.003

Mandron, V. V., Zverev, A. V., & Mishina, M. Y. (2018). Financial markets of modern Russia: peculiarities of regulation and development trends. *Bulletin of the Bryansk State University*, *1*(35), 226–234. (In Russ.).

Novikov, A. V., & Novikova, I. Ya. (2020). Development of the financial market as a driver of economic growth in Russia. *Ideas and Ideals*, *12*(1), 319–352. (In Russ.). https://doi.org/10.17212/2075-0862-2020-12.1.2-319-352

Novoselova, L. A., & Polezhaev, O. A. (2021). Digital financial assets as objects of property relations: topical issues of theory and practice. *Vlast zakona*, *2*(46), 75–91. (In Russ.).

Obrazhiev, K. V. (2022). Criminal attacks on digital financial assets and digital currency: qualification and legal regulation issues. *Journal of Russian Law*, *26*(2), 71–87. (In Russ.). https://doi.org/10.12737/jrl.2022.018

Parshin, M. A., & Joraev, H. H. (2020). Prospects for the development of the financial market in the Russian Federation: corporate bonds and structural bonds. *Russian Economic Bulletin*, *3*(2), 194–199. (In Russ.).

Patel, R., Migliavacca, M., & Oriani, M. E. (2022). Blockchain in banking and finance: A bibliometric review. *Research in International Business and Finance*, *62*, 101718. https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2022.101718

Roth, J., Schär, F., & Schöpfer, A. (2019). *The Tokenization of Assets: Using Blockchains for Equity Crowdfunding*. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3443382

Rozhdestvenskaya, T. E., & Guznov, A. G. (2021). The features of the legal status of the operator of the information system in which digital financial assets are issued, and of the operator of the exchange of digital financial assets as organizations that provide digital financial technologies. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, *9*(85), 124–134. (In Russ.). https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.85.9.124-134

Sandhu, K., Dayanandan, A., & Kuntluru, S. (2023). India's CBDC for digital public infrastructure. *Economics Letters*, *231*, 111302. https://doi.org/10.1016/j.econlet.2023.111302

Schletz, M., Nassiry, D., & Lee, M.-K. (2020). Blockchain and Tokenized Securities: The Potential for Green Finance. *ADBI Working Paper*, 1079. Tokyo: Asian Development Bank Institute. https://www.adb.org/publications/blockchain-tokenized-securities-potential-green-finance

Shchavelev, A. V. (2021). Digital financial assets, digital currency and digital money. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, *3*, 826–831. (In Russ.).

Shestimirov, A. A., & Zhatikova, D. V. (2023). The potential of introducing digital financial assets and digital currencies of central banks into the financial system of the state. *Financial Law*, *10*, 25–32. (In Russ.).

Smith, J., Vora, M., Benedetti, H., Yoshida, K., & Vogel, Z. (2019). Tokenized Securities & Commercial Real Estate. *MIT Digital Currency Initiative Working Group Research Paper*. https://doi.org/10.2139/ssrn.3438286

Sorochkin, A. A. (2021). Actual problems of legal regulation of financial supervision of the stability of financial markets by national and international regulators. *Economic Problems and Legal Practice*, *17*(2), 241–248. (In Russ.).

Timofeeva, T. B., & Ozdoeva, E. A. (2020). Analysis of global experience in creating digital platforms and related risks. *Management*, *8*(3), 112–122. (In Russ.). https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-8-3-112-122

Usova, N. V., & Loginov, M. P. (2021). Digital transformation of financial services in Russia. *Russian Journal of Economic Theory*, *18*(2), 277–289. (In Russ.). https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-2.9

Vasilevskaya, L. Y. (2019). Token as a New Civil Rights Object: Issues of Legal Classification of Digital Law. *Actual Problems of Russian Law*, *5*(102), 1–119. (In Russ.). https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.102.5.111-119

Vlasov, A. V. (2022). Review of the notions of distributed ledger technologies and digital assets for harmonization of their joint use. *Russian Journal of Economics and Law*, *16*(4), 745–761. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.745-761

Vlasov, A. V., & Abrekov, M. M. (2018). Russian IPO: classical and alternative ways of raising funds. *Models, Systems and Networks in Economics, Engineering, Nature and Society*, *25*(1), 18–31. (In Russ.).

Wang, S., Wen, W., Niu, Y., & Li, X. (2024). Digital transformation and corporate labor investment efficiency. *Emerging Markets Review*, *59*, 101109. https://doi.org/10.1016/j.ememar.2024.101109

Yousaf, I., Abrar, A., Yarovaya, L. (2023). Decentralized and centralized exchanges: Which digital tokens pose a greater contagion risk? *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*, *89*, 101881. https://doi.org/10.1016/j.intfin.2023.101881

ПРИЛОЖЕНИЕ 1 / APPENDIX 1

Список выпусков ЦФА операторами информационных систем

Наименование	Эмитент	Объем, млн руб.	Дата размещения
Оператор информационной системы: «Альфа-Банк»			
Альфа-Банк, 27feb2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	500	27.11.2023
Альфа-Банк, 24may2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	500	24.11.2023
ГК Сегежа, FRN 20nov2026, RUB (ЦФА)	ГК Сегежа	3 000	24.11.2023
Альфа-Банк, 14% 24nov2023, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	1	23.11.2023
Альфа-Банк, 22apr2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	500	20.11.2023
Альфа-Банк, 18nov2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	1 000	17.11.2023
Альфа-Банк, 15% 17nov2023, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	1	16.11.2023
Альфа-Банк, 14.5% 12feb2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	500	13.11.2023
Альфа-Банк, 11mar2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	1 500	10.11.2023
Альфа-Банк, 11mar2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	1 000	10.11.2023
Альфа-Банк, 11mar2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	1 500	10.11.2023
Альфа-Банк, 15% 12feb2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	100	10.11.2023
Ростелеком, 15.15% 9nov2023, RUB (ЦФА)	Ростелеком	1 000	08.11.2023
Альфа-Банк, 4mar2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	500	03.11.2023
Альфа-Банк, 4mar2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	3 000	03.11.2023
Форте Хоум ГМБХ, 30apr2025, RUB (ЦФА)	Форте Хоум ГМБХ	1 500	03.11.2023
Альфа-Банк, 13% 1feb2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	100	01.11.2023
Альфа-Банк, 1mar2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	500	01.11.2023
Альфа-Банк, 26feb2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	500	26.10.2023

Продолжение приложения 1

Наименование	Эмитент	Объем, млн руб.	Дата размещения
Альфа-Банк, 13% 16jan2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	100	23.10.2023
Альфа-Банк, 16jan2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	100	23.10.2023
ГК Пионер, 15% 19jan2024, RUB (ЦФА)	ГК Пионер	100	20.10.2023
Альфа-Банк, 12feb2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	1 000	12.10.2023
Альфа-Банк, 7oct2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	500	06.10.2023
Альфа-Банк, 7oct2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	1 000	05.10.2023
АПРИ Флай Плэнинг, 18% 30sep2024, RUB (ЦФА)	АПРИ Флай Плэнинг	300	29.09.2023
Альфа-Банк, 28dec2023, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	800	29.09.2023
Альфа-Банк, 29jan2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	700	29.09.2023
Альфа-Банк, 26mar2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	500	26.09.2023
Альфа-Банк, 15jan2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	1 000	15.09.2023
МСБ-Лизинг, 15% 17jun2024, RUB (ЦФА)	МСБ-Лизинг	50	15.09.2023
Альфа-Банк, 15jan2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	1 000	14.09.2023
Альфа-Банк, 13dec2023, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	2 000	13.09.2023
Аэроклуб, 18% 11mar2024, RUB (ЦФА)	Аэроклуб	50	08.09.2023
Альфа-Банк, 6dec2023, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	3 200	06.09.2023
Альфа-Банк, 29feb2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	1 000	31.08.2023
Альфа-Банк, 26feb2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	1 000	24.08.2023
Альфа-Банк, 26feb2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	1 000	22.08.2023
Альфа-Банк, 21feb2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	600	18.08.2023
Альфа-Банк, 21feb2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	400	18.08.2023
Альфа-Банк, 18.803% 20sep2023, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	300	17.08.2023
Альфа-Банк, 19feb2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	1 000	17.08.2023
Джи-групп, 12% 18jul2024, RUB (ЦФА)	Джи-групп	150	19.07.2023
Джи-групп, 14% 17jul2024, RUB (ЦФА)	Джи-групп	300	18.07.2023
Главстрой, FRN 29sep2023, RUB (ЦФА)	Главстрой	10,1	30.06.2023
Альфа-Банк, 13jun2024, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	4,982	14.06.2023
Ростелеком, 9% 12jul2023, RUB (ЦФА)	Ростелеком	750	13.04.2023
Альфа-Банк, 10% 24mar2023, RUB (ЦФА)	Альфа-Банк	10	21.02.2023
Итого		**36 127,082**	
Оператор информационной системы: Атомайз			
Цифровые Активы, 28nov2028, RUB (ЦФА)	Цифровые Активы	200	28.11.2023
Цифровые Активы, 28nov2028, RUB (ЦФА)	Цифровые Активы	200	28.11.2023
Цифровые Активы, 28nov2028, RUB (ЦФА)	Цифровые Активы	200	28.11.2023
Цифровые Активы, 28nov2028, RUB (ЦФА)	Цифровые Активы	200	28.11.2023
Цифровые Активы, 28nov2028, RUB	Цифровые Активы	200	28.11.2023
Цифровые Активы, 28nov2028, RUB	Цифровые Активы	200	28.11.2023
Цифровые Активы, 24nov2028, RUB	Цифровые Активы	150	24.11.2023
Цифровые Активы, 24nov2028, RUB	Цифровые Активы	150	24.11.2023
Цифровые Активы, 24nov2028, RUB	Цифровые Активы	150	24.11.2023
Цифровые Активы, 24nov2028, RUB	Цифровые Активы	150	24.11.2023
Цифровые Активы, 24nov2028, RUB	Цифровые Активы	150	24.11.2023

Продолжение приложения 1

Наименование	Эмитент	Объем, млн руб.	Дата размещения
Глобал Факторинг Нетворк Рус, 18% 15nov2024, RUB (ЦФА)	Глобал Факторинг Нетворк Рус	100	21.11.2023
Глобал Факторинг Нетворк Рус, 18% 15nov2024, RUB (ЦФА)	Глобал Факторинг Нетворк Рус	50	21.11.2023
НТС Градиент, FRN 14feb2024, RUB (ЦФА)	НТС Градиент	100	16.11.2023
Цифровые Активы, 8nov2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_44)	Цифровые Активы	150	08.11.2023
Цифровые Активы, 8nov2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_45)	Цифровые Активы	150	08.11.2023
Цифровые Активы, 8nov2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_46)	Цифровые Активы	150	08.11.2023
Цифровые Активы, 8nov2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_47)	Цифровые Активы	150	08.11.2023
Цифровые Активы, 8nov2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_48)	Цифровые Активы	150	08.11.2023
Цифровые Активы, 3nov2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_43)	Цифровые Активы	150	03.11.2023
Цифровые Активы, 1nov2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_42)	Цифровые Активы	150	01.11.2023
Цифровые Активы, 30oct2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_41)	Цифровые Активы	150	30.10.2023
Цифровые Активы, 26oct2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_40)	Цифровые Активы	150	26.10.2023
Цифровые Активы, 24oct2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_38)	Цифровые Активы	150	24.10.2023
Цифровые Активы, 24oct2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_39)	Цифровые Активы	150	24.10.2023
Цифровые Активы, 20oct2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_33)	Цифровые Активы	150	20.10.2023
Цифровые Активы, 20oct2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_34)	Цифровые Активы	150	20.10.2023
Цифровые Активы, 20oct2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_35)	Цифровые Активы	150	20.10.2023
Цифровые Активы, 20oct2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_36)	Цифровые Активы	150	20.10.2023
Цифровые Активы, 20oct2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_37)	Цифровые Активы	150	20.10.2023
ПР-Лизинг, 14% 2oct2026, RUB (ЦФА, NDM_13)	ПР-Лизинг	50	18.10.2023
НТС Градиент, FRN 10jan2024, RUB (ЦФА, NDM_12)	НТС Градиент	100	12.10.2023
Цифровые Активы, 3oct2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_31)	Цифровые Активы	150	03.10.2023
Цифровые Активы, 3oct2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_32)	Цифровые Активы	150	03.10.2023
Цифровые Активы, 29sep2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_30)	Цифровые Активы	150	29.09.2023
Цифровые Активы, 26sep2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_28)	Цифровые Активы	150	26.09.2023
Цифровые Активы, 26sep2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_29)	Цифровые Активы	150	26.09.2023
Цифровые Активы, 22sep2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_27)	Цифровые Активы	150	22.09.2023
Цифровые Активы, 20sep2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_24)	Цифровые Активы	150	20.09.2023
Цифровые Активы, 20sep2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_25)	Цифровые Активы	150	20.09.2023
Цифровые Активы, 20sep2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_26)	Цифровые Активы	150	20.09.2023
Цифровые Активы, 8sep2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_23)	Цифровые Активы	150	08.09.2023
Цифровые Активы, 4sep2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_22)	Цифровые Активы	150	04.09.2023
Цифровые Активы, 31aug2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_21)	Цифровые Активы	150	31.08.2023
Цифровые Активы, 29aug2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_20)	Цифровые Активы	150	29.08.2023
Цифровые Активы, 25aug2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_19)	Цифровые Активы	150	25.08.2023
Цифровые Активы, 23aug2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_18)	Цифровые Активы	150	23.08.2023
Цифровые Активы, 21aug2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_16)	Цифровые Активы	150	21.08.2023
Цифровые Активы, 21aug2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_17)	Цифровые Активы	150	21.08.2023
Ростелеком, 24aug2023, RUB (ЦФА, NMMMULTI_1)	Ростелеком	4,601	14.08.2023
Джи-групп, 30aug2024, RUB (ЦФА, NDM_9)	Джи-групп	50,643	04.08.2023
Цифровые Активы, 2aug2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_15)	Цифровые Активы	150	02.08.2023
Цифровые Активы, 31jul2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_14)	Цифровые Активы	150	31.07.2023

Продолжение приложения 1

Наименование	Эмитент	Объем, млн руб	Дата размещения
Цифровые Активы, 25jul2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_13)	Цифровые Активы	150	25.07.2023
Цифровые Активы, 21jul2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_12)	Цифровые Активы	150	21.07.2023
Цифровые Активы, 10jul2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_11)	Цифровые Активы	150	10.07.2023
Цифровые Активы, 6jul2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_10)	Цифровые Активы	150	06.07.2023
Цифровые Активы, 3jul2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_9)	Цифровые Активы	150	03.07.2023
Цифровые Активы, 28jun2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_8)	Цифровые Активы	150	28.06.2023
Цифровые Активы, 26jun2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_7)	Цифровые Активы	150	26.06.2023
Цифровые Активы, 22jun2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_5)	Цифровые Активы	150	22.06.2023
Цифровые Активы, 22jun2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_6)	Цифровые Активы	150	22.06.2023
Глобал Факторинг Нетворк Рус, 30sep2023, RUB (ЦФА, NDM_5)	Глобал Факторинг Нетворк Рус	10	15.06.2023
Цифровые Активы, 7jun2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_4)	Цифровые Активы	150	07.06.2023
Экспобанк, 8% 9jun2023, RUB (ЦФА, NDM_4)	Экспобанк	1	02.06.2023
Цифровые Активы, 31may2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_3)	Цифровые Активы	150	31.05.2023
Совкомбанк Факторинг, 10% 24aug2023, RUB (ЦФА, NDM_3)	Совкомбанк Факторинг	1	23.05.2023
Самолет Плюс ЦФА, 31dec2025, RUB (ЦФА, NDM_2)	Самолет Плюс ЦФА	2,430	15.05.2023
Цифровые Активы, 11may2028, RUB (ЦФА, MINETOKEN_2)	Цифровые Активы	150	11.05.2023
МТС, FRN 22aug2023, RUB (ЦФА, NDM_1)	МТС	1 000	21.02.2023
Красцветмет, 30nov2022, RUB (ЦФА, 1)	Красцветмет		06.10.2022
Красцветмет, 30nov2022, RUB (ЦФА, 2)	Красцветмет		06.10.2022
Красцветмет, 30nov2022, RUB (ЦФА, 3)	Красцветмет		06.10.2022
Красцветмет, 30nov2022, RUB (ЦФА, 4)	Красцветмет		06.10.2022
Красцветмет, 30nov2022, RUB (ЦФА, 5)	Красцветмет		06.10.2022
Красцветмет, 30nov2022, RUB (ЦФА, 6)	Красцветмет		06.10.2022
Красцветмет, 30nov2022, RUB (ЦФА, 7)	Красцветмет		06.10.2022
ГМК Норильский никель, 16sep2022, RUB (ЦФА)	ГМК Норильский никель	9,195	04.08.2022
ДжиПиЭф Инвестментс, 8dec2022, RUB (ЦФА, 1)	ДжиПиЭф Инвестментс		18.07.2022
ДжиПиЭф Инвестментс, 8dec2022, RUB (ЦФА, 2)	ДжиПиЭф Инвестментс		18.07.2022
Итого		**10 478,870**	
Оператор информационной системы: «Лайтхаус»			
ВТБ Факторинг, FRN 15feb2024, RUB (ЦФА)	ВТБ Факторинг	5 000	17.11.2023
Рейл ТМ, FRN 28dec2023, RUB (ЦФА)	Рейл ТМ	200	02.11.2023
ВТБ Факторинг, FRN 31jul2023, RUB (ЦФА)	ВТБ Факторинг	500	30.06.2023
РИМЕРА-СЕРВИС, 10.35% 10aug2023, RUB (ЦФА)	РИМЕРА-СЕРВИС	35	12.05.2023
Метровагонмаш, 4.2% 30dec2022, CNY (ЦФА)	Метровагонмаш	58	01.12.2022
СОЮЗ Лизинг, 8% 20dec2022, RUB (ЦФА)	СОЮЗ Лизинг	50	21.10.2022
НТС Градиент, 10.5% 16dec2022, RUB (ЦФА)	НТС Градиент	100	20.10.2022
Метровагонмаш, 12% 26aug2022, RUB (ЦФА)	Метровагонмаш	5	28.06.2022
Итого		**5 948**	

Продолжение приложения 1

Наименование	Эмитент	Объем, млн руб.	Дата размещения
Оператор информационной системы: общество с ограниченной ответственностью «Системы распределенного реестра» («Мастерчейн»)			
Инко-Энерго, 17% 2apr2024, RUB (ЦФА)	Инко-Энерго	10	02.10.2023
РЖД, FRN 13dec2023, RUB (ЦФА)	РЖД	15 000	16.06.2023
Итого		**15 010**	
Оператор информационной системы: НРД			
ПАО Газпром Нефть, 13% 24nov2023, RUB (ЦФА)	ПАО Газпром Нефть	100	27.09.2023
ГПБ-факторинг, 13% 26sep2023, RUB (ЦФА)	ГПБ-факторинг	100	25.09.2023
Итого		**200**	
Оператор информационной системы: Сбер			
Бизнес-Инвестиции, 6.9619% 1dec2033, RUB (ЦФА)	Бизнес-Инвестиции	70	15.11.2023
Бизнес-Инвестиции, 6.941% 1dec2033, RUB (ЦФА)	Бизнес-Инвестиции	80	07.11.2023
Бизнес-Инвестиции, 6.9204% 1dec2033, RUB (ЦФА, C228376D)	Бизнес-Инвестиции	80	25.10.2023
Бизнес-Инвестиции, 6.9091% 1dec2033, RUB (ЦФА, 2DA857D7)	Бизнес-Инвестиции	80	19.10.2023
Бизнес-Инвестиции, 6.9448% 31oct2033, RUB (ЦФА, 444723A4)	Бизнес-Инвестиции	142	11.10.2023
ТД Грасс, 10.366% 22dec2023, RUB (ЦФА, 938CF127)	ТД Грасс	100	21.08.2023
ЛК Форсайт, 7.0192% 25aug2023, RUB (ЦФА, 6CBA7852)	ЛК Форсайт	3	31.07.2023
Рус Лео, 8.795181% 31aug2024, RUB (ЦФА, 64E0F2B0)	Рус Лео	3,150	14.07.2023
ЭРА Групп, 8.4491% 15feb2024, RUB (ЦФА, 8BF9B76A)	ЭРА Групп	150	14.07.2023
Радио Сити, 0.0308% 29feb2024, RUB (ЦФА, E4018F50)	Радио Сити	10	10.07.2023
Радио Сити, 0.0298% 29feb2024, RUB (ЦФА, A2A98295)	Радио Сити	4,400	30.06.2023
Сбербанк России, (ЦФА, 8ABEA177)	Сбербанк России		30.06.2023
Главстрой, 8.13% 17jul2023, RUB (ЦФА, EBDE771A)	Главстрой	10	13.06.2023
Радио Сити, 0.0308% 31jan2024, RUB (ЦФА, 8339511A)	Радио Сити	2,500	09.06.2023
Радио Сити, 0.1478% 31jan2024, RUB (ЦФА, 76E79667)	Радио Сити	5	29.05.2023
Радио Сити, 0.0289% 31jan2024, RUB (ЦФА, A2C864BB)	Радио Сити	3	23.05.2023
СОЮЗ Лизинг, 3.4936% 17may2023, RUB (ЦФА, 62D86084)	СОЮЗ Лизинг	10	04.05.2023
Радио Сити, 0.0302% 31dec2023, RUB (ЦФА, 8F98EC29)	Радио Сити	1,200	03.05.2023
Радио Сити, 0.0262% 31jan2024, RUB (ЦФА, 506106F3)	Радио Сити	1,400	27.04.2023
Радио Сити, 0.0284% 31dec2023, RUB (ЦФА, 21327762)	Радио Сити	2	22.04.2023
Куранты-Агропром, 19.6538% 1mar2023, RUB (ЦФА, D55FFC91)	Куранты-Агропром	1	21.02.2023
РКО Сканнер, 173.8095% 15feb2023, RUB (ЦФА, 8B7B0904)	РКО Сканнер	1	26.01.2023
Элемент Лизинг, 3.9674% 30dec2022, RUB (ЦФА, 550A364)	Элемент Лизинг	1	16.11.2022
Джи-групп, 0% 20dec2022, RUB (ЦФА, 8129DC39, 97D)	Джи-групп	10	20.09.2022
Сбербанк Факторинг, 6.9054% 30sep2022, RUB (ЦФА, 9162996C)	Сбербанк Факторинг	1 000	25.07.2022
Итого		**1 770,650**	

Продолжение приложения 1

Наименование	Эмитент	Объем, млн руб.	Дата размещения
Оператор информационной системы: «Токеон»			
Т-Мобайл, 15nov2024, RUB (ЦФА, Золотомат-1)	Т-Мобайл	3,5	17.11.2023
Итого		**3,5**	

ПРИЛОЖЕНИЕ 2 / APPENDIX 2

Краткие правила информационной системы

1) сведения о лице, выпускающем цифровые финансовые активы;

2) сведения об операторе информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов;

3) вид и объем прав, удостоверяемых выпускаемыми цифровыми финансовыми активами;

4) количество выпускаемых цифровых финансовых активов и (или) указание предельной суммы денежных средств, которые необходимо передать в оплату выпускаемых ЦФА;

5) условия, при наступлении которых выпуск цифровых финансовых активов признается состоявшимся (завершенным);

6) цену приобретения цифровых финансовых активов при их выпуске или порядок ее определения;

7) дату начала размещения выпускаемых цифровых финансовых активов путем заключения договоров об их приобретении;

8) способ оплаты выпускаемых цифровых финансовых активов (оплата денежными средствами и (или) передача иных цифровых финансовых активов в качестве встречного предоставления);

9) указание на использование для выпуска цифровых финансовых активов сделок, предусматривающих исполнение сторонами возникающих из них обязательств при наступлении определенных обстоятельств;

10) при использовании обеспечения выпуска цифровых финансовых активов – указание на то, что выпуск цифровых финансовых активов обеспечивается имуществом лица, выпускающего цифровые финансовые активы;

11) при выпуске цифровых финансовых активов, удостоверяющих возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам или право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, – указание вида, категории (типа) эмиссионной ценной бумаги, возможность осуществления прав по которой (право требовать передачи которой) удостоверяют выпускаемые цифровые финансовые активы, а в случае, если выпускаемые цифровые финансовые активы удостоверяют право на передачу эмиссионной ценной бумаги, – срок, в течение которого может быть реализовано право требовать передачи эмиссионной ценной бумаги, или указание на событие, которое порождает право требовать передачи эмиссионной ценной бумаги;

12) указание на ограничение оснований и (или) размера ответственности лица, выпускающего цифровые финансовые активы (при наличии такого ограничения) (Рождественская, Гузнов, 2021).

ПРИЛОЖЕНИЕ 3 / APPENDIX 3

Процесс выпуска гибридного ЦФА

Подготовительный шаг

В реестре операторов информационный системы должна быть зарегистрирована организация, которая осуществляет выпуск цифровых финансовых активов. Более того, в правилах данного оператора должна быть указана возможность выпускать соответствующие типы токенов и определить, какие права могут удостоверять данные токены.

Процесс выпуска

1. Регистрация решения о выпуске ЦФА, которое включает в себя:

1.1) полное описание о компании, ключевых сотрудниках, финансовом положении и ее бизнес-процессах, которые помогают компании генерировать прибыль/или продукт, который она продает как права, удостоверяющие токеном;

1.2) правила эмиссии токенов, как часто и в каком количестве выпускаются;

1.3) описание, какие права удостоверяют выпускаемые токены (так как они могут удостоверять финансовые права, права на денежный поток, права на владение объектом, права на ценные бумаги и др.). В случае с компанией,

добывающей золото, могут быть прописаны права, удостоверяющие права на денежное требование в зависимости от стоимости драгоценного металла на бирже либо право требовать выдачу физического слитка. Теоретически можно прописать возможность выпуска взаимозаменяемых токенов, которые при накоплении их в определенном количестве могут быть конвертированы в слиток. К примеру, выпускается 100 тысяч взаимозаменяемых токенов, которые удостоверяют права на 1 г слитка. При этом если таких токенов менее 100, то токенодержатель может продать данные токены другим инвесторам или требовать погашения в рублевом эквиваленте у эмитента, но как только у кого-то наберется 100 токенов, они могут быть также обменяны на физический слиток в 100 г;

1.4) определение ценообразования токенов (по какой цене можно купить данный токен):

а) может быть указана номинальная цена, которая остается постоянной весь период жизни токенов;

б) может быть привязана к цене другого финансового актива;

в) может меняться по правилам эмитента;

г) на основании рыночного спроса определяться в самом блокчейне. В данном случае цена может быть привязана к бенчмарку – например, международной котировке на золото плюс надбавка за комиссию. Либо цена может формироваться самостоятельно в смарт-контракте на основании спроса и предложения на актив, но в таком случае требуются, во-первых, хорошо продуманные алгоритмы для ограничения возможности манипуляций ценой, во-вторых, значимый объем рынка инвесторов, чтобы можно было формировать цену на основании большого количества разнонаправленных заявок;

1.5) правила предъявления требований и получения вознаграждения (вознаграждения могут выплачиваться на периодической основе, по аналогии с облигациями, могут начисляться дивиденды и также выплачиваться в определенные периоды, вознаграждение может вообще не выплачиваться, а формироваться исходя из роста токенов). Для выпуска ЦФА на драгоценные металлы вознаграждение не выплачивается, так как стоимость цифровых финансовых активов зависит от курса золота. Соответственно, если курс вырос, то можно погасить/продать ЦФА и получить денежные средства обратно с надбавкой. Также для драгоценных металлов гибридные ЦФА являются более предпочтительными для возможности получения металла как в физической форме, так и в виде денежных средств. Но обязательно должно быть условие, что обналичить можно только при достижении определенного количества токенов (к примеру, 100 ЦФА = 100 г). Также за выдачу необходимо взимать комиссию.

Существуют и другие параметры, которые позволяют инвестору сложить полноценное понимание того, как компания функционирует, как генерируется ее доход и как инвестор может заработать на покупке данных акций. Также следует упомянуть, что токены могут выпускаться не с целью заработка денег, а с целью благотворительной акции, поддержки выпуска нового продукта и прочих причин, по которым компания не стремится к повышению прибыльности.

2. Эмитент регистрирует решение у оператора информационный системы. В данном случае правила информационной системы должны учитывать все те возможности, которые эмитент прописал в своем решении. Так как некоторые опции (например, физическая выдача товара, удостоверяющегося токеном) могут быть не прописаны в правилах информационной системы. Поэтому на текущем этапе необходимо понять, может ли информационная система удовлетворить все запросы, свойственные данному эмитенту.

3. На основании решения оператор информационной системы размещает токены на платформе. Решение должно быть размещено на сайте в Интернете и быть доступным любому желающему.

Вклад авторов

Оба автора внесли равный вклад в написание статьи на всех этапах исследования.

The author's contributions

Both authors contributed equally into writing the paper at all stages of the research.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 01.11.2023
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 05.03.2024
Дата принятия в печать / Accepted 20.05.2024

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ / CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Редактор рубрики *И. Р. Бегишев* / Rubric editor *I. R. Begishev*

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.453-468**

УДК 328.185:343.352:343.9

А. Г. Горшенков[1],
Г. Г. Горшенков[1],
Г. Н. Горшенков[2]

[1] *Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Нижний Новгород, Россия*

[2] *Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия*

Информационное сопровождение противодействия коррупции

Горшенков Андрей Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия
E-mail: updpfrap@gmail.com
eLIBRARY SPIN-код: 6884-2848

Горшенков Геннадий Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права, Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия
E-mail: upprap@yandex.ru
eLIBRARY SPIN-код: 2430-3338

Контактное лицо:
Горшенков Геннадий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
E-mail: upik-unn@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/ 0000-0003-0314-2488
eLIBRARY SPIN-код: 3717-9260

Аннотация

Цель: систематизация знаний об информационно-криминологических возможностях механизма правового регулирования в сфере противодействия коррупции, а также выработка предложений по оптимизации его правовых средств.

Методы: комплекс методов научного познания, включающих универсальные и формально-логические методы, прежде всего формально-юридический, моделирование, идеализация; ретроспективный подход в изучении становления и развития взаимосвязанных криминологического и политического научных направлений, благодаря которым стала возможной результативность настоящего исследования. В качестве основного научного инструмента использован аналитический метод.

© Горшенков А. Г., Горшенков Г. Г., Горшенков Г. Н., 2024

Результаты: проработан определенный круг признаков, характеризующих систему противодействия коррупции и информационный спектр ее инфраструктуры, относящийся к трем основным видам деятельности: криминологической, политической, управленческой. Часть данных признаков, характеризующих очертания складывающегося понятия «сопровождение» в рассматриваемой системе функционирования, концептуализирована и в определенной мере категоризирована. Это, в свою очередь, позволило определить контуры формируемой системы инструментальных знаний, оптимизирующих реализацию принципа научности в политическом управлении противокоррупционной системы.
Научная новизна: изложена идея концептуального оформления научных положений относительно информационного сопровождения противодействия коррупции, механизм которого еще не сложился. В этом отношении видятся перспективными идеи в технологической области управленческой системы противодействия коррупции. В частности, идеи внедрения в систему таких правовых механизмов, как криминологический мониторинг, криминологическая экспертиза, разновидность которой реализована в антикоррупционной экспертизе. Новизна разработки также состоит в дополнительном предмете исследования, в качестве которого выступают еще и специальные меры предупредительного воздействия на коррупционные правонарушения, исследуемые на предмет их результативности и обеспечения криминологической безопасности.
Практическая значимость: выработанные в настоящем исследовании теоретические положения призваны сформировать в профессиональном правосознании научный, криминологический критицизм в подходе к принятию решений, выбору и реализации средств и технологий их применения в сфере противодействия коррупции.

Ключевые слова:
уголовное право и криминология, информационное сопровождение, криминологическая информация, криминологический критицизм, криминологический мониторинг, криминологическая экспертиза

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Горшенков, А. Г., Горшенков, Г. Г., Горшенков, Г. Н. (2024). Информационное сопровождение противодействия коррупции. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(2), 453–468. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.453-468

Scientific article

A. G. Gorshenkov[1],
G. G. Gorshenkov[1],
G. N. Gorshenkov[2]

[1] *Volga region branch of the Russian State University of Justice, Nizhny Novgorod, Russia*
[2] *Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia*

Information support for corruption counteraction

Andrey G. Gorshenkov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Department of Criminal Law, Volga region branch of the Russian State University of Justice
E-mail: E-mail: updpfrap@gmail.com
eLIBRARY SPIN-код: 6884-2848
Gennadiy G. Gorshenkov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Department of Criminal and Procedural Law, Volga region branch of the Russian State University of Justice

Contact:
Gennady N. Gorshenkov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky
E-mail: upik-unn@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/ 0000-0003-0314-2488
eLIBRARY SPIN-code: 3717-9260

Abstract

Objective: to systematize knowledge about the information and criminological implications of the legal regulation in combating corruption and to develop proposals for the optimization of its legal means.

Methods: a set of scientific cognition methods, including universal and formal-logical methods, primarily formal-legal, modeling, and idealization; a retrospective approach to studying the formation and development of interrelated criminological and political scientific trends, which facilitated the obtaining of this study results. The main scientific tool used was the analytical method.

Results: a range of attributes was developed which characterizes the anti-corruption system and the information spectrum of its infrastructure related to three main types of activities: criminological, political, and managerial. Some of these attributes, which characterize the outlines of the emerging "support" concept in the considered system of functioning, were conceptualized and to a certain extent categorized. This, in turn, allowed defining the contours of the emerging system of instrumental knowledge that optimizes the scientific principle implementation in the political management of the anti-corruption system.

Scientific novelty: the article presents the idea of conceptualizing scientific provisions regarding the information support of anti-corruption efforts, the mechanism of which has not established yet. In this regard, the authors considers the concepts in the technological area of the anti-corruption management system to be promising. Among them is the idea to introduce such legal mechanisms as criminological monitoring and criminological expertise, a type of which is implemented in the anti-corruption expertise. The article novelty also consists in an additional area of research, which is special preventive for corruption offenses, studied for their effectiveness and ability to ensure criminological security.

Practical significance: the theoretical provisions developed in this study are designed to form scientific and criminological criticism in the professional legal consciousness, aimed at decision-making, selecting and implementing means and application technologies in the field of combating corruption.

Keywords:

criminal law and criminology, information support, criminological information, criminological criticism, criminological monitoring, criminological expertise

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Gorshenkov, A. G., Gorshenkov, G. G., & Gorshenkov, G. N. (2024). Information support for corruption counteraction. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(2), 453–468. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.453-468

Введение

Постановка проблемы. Прежде всего дадим небольшое, но важное пояснение. Слово «сопровождение», взятое в качестве термина, имеет в данном контексте значение «производить одновременно», т. е. *помогать*, *содействовать* (а не просто «следовать вместе»)[1]. Имеется в виду *единство* двух видов деятельности – *информационной* и *противокоррупционной*. Причем это двуединство подразумевает теоретическую модель, или условный образ определенной реальности, а именно той субстанции, которая воплощена в коррупцию, т. е. представляющую так называемое фоновое явление преступности[2], а также и саму преступность.

А теперь обратим взгляд в прошлое, в котором зарождалось *новое эмпирическое направление* в юридическом учении о преступлении (в собирательном значении этого слова), направленном на изучение *преступления* (но уже не как умозрительной категории, а отображения реальной действительности) и *преступника*, а также *причинности* преступления, его жертвы и *мер* предупреждения. В отличие от умозрительного чувственное позна-

[1] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. (1997). Толковый словарь русского языка (4-е изд., доп., с. 748). Москва: Азбуковник.

[2] Кулаков, А. В., Путько, А. М. (2016). Определение и содержание понятия «фоновые явления преступности». Вестник Самарского юридического института, 1(19), 30–35. https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-i-soderzhanie-ponyatiya-fonovye-yavleniya-prestupnosti/viewer

ние выстраивает лишь поверхностный «образ конкретного предмета, на который направлена деятельность»[3], что дает возможность определить соответствующие, общего характера меры воздействия на данный объект.

В этом новом, эмпирическом, направлении получили преимущественное развитие две тесно взаимосвязанные друг с другом отрасли научного знания: *криминология* и *уголовная политика*. Безусловно, двуединство политики и управления носит условный характер, ибо находится в неразрывной связи с уголовным правом – в его прежнем, историческом расширенном смысле; ныне это блок уголовно-правовых наук.

Анализируя состояние дел в борьбе с преступностью, в частности, опираясь на уголовно-правовую статистику, Ф. Лист пришел к выводу о том, что «*действующее наше уголовное право бессильно в отношении преступности*» (Лист, 2004. С. 24). И этот бесспорный для ученого факт он объяснял тем, что *уголовное право заключает в себе лишь правовую оценку и соответствующее наказание*.

Между тем борьба с преступностью должна заключаться *преимущественно* в другом – предупреждении преступлений, что требует знаний об их причинах и, что немаловажно, о результатах применения наказания. А это под силу уголовной политике как системе руководящих идей (принципов) борьбы с преступностью, опирающейся на научные исследования, *во-первых*, причинности преступности, *во-вторых*, результативности (эффективности – неэффективности) наказания. И, только сообразуясь с криминолого-политическими знаниями, государство становится способным вести борьбу с преступностью с помощью как наказания, так и других схожих с ним средств (Лист, 2004. С. 7).

Идеи зарубежных основоположников криминологии и уголовной политики (Ч. Беккариа, Д. Говарда, П. Фейербаха, Э. Генке, Ф. Листа и др.) получили развитие в трудах С. К. Гогеля[4], основателя российской уголовной политики, причем как *научной*, так и *учебной* дисциплины. Функциональность уголовной политики (которая, по убеждению ученого, вместе с криминологией составляла новую, в отличие от уголовного права, науку) Гогель рассматривал в двух частях: в первой – *преступность* и ее причинность; во второй – репрессивные и превентивные *меры* борьбы с преступностью (вспомним Ф. Листа). И свое сочинение (учебный курс уголовной политики) он структурировал соответствующим образом, т. е. выделял главы: *первую* – о *факторах преступности*, где акцентировал внимание на факторах *индивидуальных* и *внешних*; *вторую* – о мерах *борьбы с преступностью*, также подразделяя их на меры *репрессивные* (связанные с наказанием и «схожими с ним средствами») и меры *превентивные*, не связанные с наказанием (Гогель, 1910. С. 3).

Время подтвердило правоту научной мысли и потребность практики в необходимости совершенствования методов противодействия преступности, которая постоянно модифицируется в условиях интенсивного развития общества, его коренных изменений в экономической, политической, культурологической, правовой, наконец, и иных сферах. Закономерно возникают конфликты интересов и отношений, в которых преступность трансформируется в более опасное социальное явление, например, в экономической сфере, где активно используются современная компьютерная техника и новейшие средства коммуникации, в частности электронно-цифровые сервисы, с помощью которых проводятся сложнейшие операции по сбору хранению и передаче информации.

В этих условиях обостряется проблема (качественного) контроля, но не столько над (коррупционной) преступностью, сколько наблюдения прежде всего за управленческой системой противодействия коррупции в целях оптимизации ее функционирования. А преступность и в целом криминальная ситуация рассматриваются и подлежат наблюдению «всего лишь» как объект управленческого воздействия. В процессе такого контроля измеряются достигнутые результаты, которые соотносятся с ожидаемыми результатами, а затем на основе полученных данных оптимизируются управленческие решения[5].

Необходимость проведения исследования. Обозначенная ситуация ориентирует исследователей на приоритет эмпирической информации в общем обороте знаний, происходящем в означенной системе качественного контроля. И закономерно то, что проблема криминолого-политического сопровождения уголовно-правового противодействия преступности постоянно находилась и находится в числе приоритетных научных разработок и управленческой практики. Заметный вклад в процесс этого теоретико-прикладного поиска был

[3] Чувственное познание. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике (сводный). http://med.niv.ru/doc/dictionary/psychology-and-pedagogy/fc/slovar-215-3.htm#zag-19557

[4] Гогель Сергей Константинович. https://bioslovhist.spbu.ru/person/179-gogel-sergey-konstantinovich.html

[5] Семенов, А. К., Набоков, В. И. (сост.) (2002). Терминология менеджмента: словарь (с. 9). Москва: Маркетинг.

привнесен, в частности, учеными Академии МВД СССР профессорами Г. А. Аванесовым[6] и Г. М. Миньковским[7] – маститыми учеными в области искусства управления противодействием преступности. При этом проф. Г. А. Аванесов трудился в особенности над разработкой прикладного аспекта криминологической (криминолого-управленческой) деятельности, а проф. Г. М. Миньковский акцентировал внимание на уголовной политике, причем обращался к разработке в большей мере возможностей ее *реализации*, нежели теоретических положений (Устинов, 2003).

Сегодня этот *комплексный* подход к систематизации знаний о преступности и мерах противодействия, особенно специальными средствами, следует рассматривать как научное направление. Преимущественно в нем получают развитие *криминологические* и *уголовно-политические* знания, которые, однако, органически связаны с потребностями других научных дисциплин и практик уголовно-правового блока. Очевидно, данное обстоятельство подвигло разработчиков паспорта научной специальности «5.1.4. Уголовно-правовые науки» выделить в криминологии политическую функцию – «стратегию применения специальных мер» (т. е. уголовно-правовых, уголовно-процессуальных уголовно-исполнительных, криминалистических и др.) в целях выявления, раскрытия преступлений, расследования уголовных дел и предупреждения преступлений[8].

Греческое слово «стратегия» переводится как «искусство полководца», но со временем оно утвердилось и даже расширилось в его значении в гражданском лексиконе. «Стратегия» ныне определяется, *во-первых*, как общий, т. е. недетализированный план, охватывающий длительный период времени выполнения определенной коллективной деятельности; *во-вторых*, как способ эффективного использования разносторонних возможностей, ресурсов в достижении основной, или стратегической, цели посредством последовательного решения тактических задач[9].

Пример тому может являть «Национальная стратегия противодействия коррупции» (утверждена Указом Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460), которой отведена организационно-управленческая роль в государственной деятельности *по искоренению причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе*. Именно в этом заключается *политическая* цель Стратегии. Достижение ее предполагается путем решения комплекса указанных в документе задач, в том числе систематизации «хаотичного конгломерата знаний», т. е. приведении их к «системной организации», в основе которой лежит научно проработанная информация. Именно в ней заложена *энергетическая основа* управления противодействием коррупции.

И проблема заключается в том, чтобы *раскрыть сущность* и *содержание* криминолого-политического механизма, обеспечивающего эту самую энергетическую основу. Решить эту задачу представляется возможным с помощью *аналитического подхода*.

Методы исследования. *Аналитический,* т. е. *связанный* с анализом, но *не сводимый* к анализу – «элементарному» выделению и изучению отдельных элементов исследуемого предмета[10]. В данном случае наличествует *системный анализ*, суть которого заключается в *рассмотрении объекта исследования как системы*, т. е. совокупности взаимодействующих элементов и связей, которые во взаимодействии образуют органическое целое. Исследовательский процесс заключается в том, чтобы путем *выделения* в познаваемой системе тех самых субстанциональных элементов, *получения* знаний об их свойствах с последующей систематизацией этих знаний *устанавливать* интегративные, или *присущие* системе в целом, свойства, но *не присущие* ни одному из исследованных элементов в отдельности[11] (явление синергетического эффекта).

Исследователь, владеющий аналитическим методом, точнее мышлением, последовательно анализирует, т. е. разделяет целостную совокупность на отдельные элементы, с тем чтобы рассмотреть их причинно-след-

---

[6] Аванесов, Г. А. (1975). Криминология. Прогностика. Управление: учебное пособие. Горький; Его же. (1980). Криминология и социальная профилактика. Москва: Изд-во Академии МВД СССР; и др.

[7] Миньковский, Г. М. (1984). Проблемы охраны правопорядка и борьба с правонарушениями. Москва; Его же. (1984). Профилактика правонарушений среди молодежи; Его же. (1985). О задачах и направлениях теоретического решения проблем советской уголовной политики. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета; и др.

[8] Область науки. URL: https://skspba.ru/wp-content/uploads/2021/09/Проект-паспорта-научной-специальности-5.1.4.-Уголовно-правовые-науки.pdf

[9] Стратегия. Академик.ру. https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/15227

[10] Толковый словарь Ушакова онлайн. https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=600

[11] Система и ее свойства. https://studbooks.net/1521278/menedzhment/cistema_svoystva#:~:text=Интегративными%20называются%20свойства%2C%20присущие%20системе,есть%20просто%20сумма%20его%20регионов

ственные связи и использовать знания о них для принятия управленческих решений[12], которые симметричны (применительно к нашему контенту) *относительно* противодействию коррупции и самой (уголовно-правовой, прежде всего криминологической) науке.

Аналитический подход образно можно сравнить с такой же, но уже научной (криминолого-политической) *стратегией*, направленной на исследование системного объекта и получающей обратную информацию – о состоянии объекта – системы противодействия коррупции и его реакции на управляющее воздействие. Реализуется данная стратегия, разумеется, путем решения «тактических» методов, или формально-логических приемов – анализа, синтеза, сравнения, индукции, дедукции и др.

Столь сложный механизм исследования информационного сопровождения во многом обусловлен сложностью научного оборота, или циркуляции научной информации и знаний, которая происходит: а) в сфере получения и обработки научных (криминолого-политических) знаний; б) в сфере внедрения этих знаний в противокоррупционную деятельность; в) в сфере обратной связи или получения и оценки информации о внедренных научных рекомендациях; г) в сфере криминологического прогнозирования и управленческого программирования/планирования противокоррупционной деятельности.

В качестве существенных элементов предмета настоящего исследования были выделены: *«информационное сопровождение»*, *«криминологическая информация»*, *«противодействие коррупции»*, *«продуктивность информационного сопровождения»*.

Результаты исследования

Информационное сопровождение, как уже упоминалось, есть взаимодействие двух видов деятельности – *информационной* и *противокоррупционной*.

Информационная деятельность в данном контексте определяется как вид преимущественно *криминологической деятельности*. Его сущность обусловлена поиском, обработкой, передачей и последующим использованием ***криминологической информации*** [13], т. е. определяемой параметрами коррупционной проблематики сведений (сообщений, данных): о коррупционной *преступности* (ее состоянии и причинности), в целом коррупционной *ситуации* (совокупности обстоятельств, *создающих* коррупционные (возникающие ввиду коррупции) отношения, или *мерах* противодействия коррупции, а также других сведений, имеющих значение для противодействия коррупции). То есть под криминологической информацией подразумевается вся сообщающая информация, получаемая и используемая системой противодействия коррупции.

Функциональность данной информации заключается (по А. Э. Жалинскому и М. В. Костицкому) в том, что она является своего рода ресурсом политико-управленческой деятельности, основой политического обеспечения деятельности преимущественно по профилактике и предупреждению преступлений (Жалинский, Костицкий, 1980).

Криминологическая информация может быть ведущим элементом или средством предупредительного воздействия, методом убеждения в различных формах его реализации, например, в таких видах криминологического информирования, как: *официальное* – представление, частное определение, официальное предостережение и другие виды информации и *неофициальное* – выступление в прессе, доверительная беседа, научные рекомендации, информирование организаций о нормативно-правовом обеспечении противодействия коррупции и ответственности за совершение коррупционных правонарушений[14] и др.

В условно дифференцированной криминологической, или коррупционной (связанной, соотносящейся со словом «коррупция»), информации можно выделить две существенные составляющие: сведения *о причинности* коррупционной преступности и сведения *о мерах* противодействия ей.

Вторая ветвь деятельного единства, *противокоррупционная деятельность* представляется нами как *политико-управленческая деятельность*, в основу которой положены в значительной степени криминологические

[12] Аналитическое мышление. Словарь компетенций. https://vk.com/doc19771814_543933840?hash=MJhR0YzNXVxoe3zZ5wdnAhONj0ZTLIdlOEd41krB3TT&dl=b5h2Vyou9x1OSEyjF5iJpVCyTEeM6akl70z0k1z7Zc0

[13] Криминологическая информация. (2015). В кн. Е. О. Алуаханов. Криминология. Москва: Юридический центр.

[14] Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции. (2013, 12 ноября). Гарант.ру. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70399600/

(далее будем подразумевать *коррупционную* окраску этого термина) знания; в особенности востребованные политической целесообразностью *знания о мерах* предупредительного воздействия на коррупцию.

Противокоррупционная деятельность выступает, образно говоря, *соединительным* звеном между субъектом и объектом воздействия. В *этом звене* заключается «регулирующее воздействие государства на общественные процессы, сознание, поведение и деятельность людей, направленное на достижение определенных социально значимых целей в сфере противодействия коррупции»[15].

Однако обратим внимание на другую, невидимую «сторону Луны», а именно *обратную связь* регулирующего воздействия, т. е. процесс получения «ответной» информации: *от объекта – к субъекту*. Благодаря полученным сведениям можно рассмотреть те изменения в объекте, которые коррелируются с действиями определенных противокоррупционных мер, что может в лучшем случае означать продвижение к поставленной цели.

Обратная связь инициирует в системе противодействия коррупции два процесса – *положительный* и *отрицательный*: в случае, когда результаты антикоррупционного воздействия усиливают этот процесс, обратная связь имеет положительный характер, и наоборот, когда результаты ослабляют его (например, вызывая большие затраты), тогда обратная связь несет в себе отрицательное качество. Таким образом, на основе получаемой информации о ходе и результате управленческого процесса вырабатывается соответствующее решение[16].

Изложенное позволяет сделать, в частности, следующие умозаключения о потребности в криминологической информации:

а) о самом *субъекте* противодействия, обращая внимание на вопросы организации, регулирования, программирования, реализации мероприятий и др.;

б) *объекте* противодействия: изучении и оценке состояния, динамики, трендов коррупции, коррупциогенных факторов и т. п.;

в) *методе*, или совокупности способов, отдельных действий (операций), одной из основных функций которых являются ожидаемые изменения объекта, т. е. минимизация потенциала (уровня) коррупции как системной угрозы национальной безопасности российского государства.

Итак, *противокоррупционная деятельность* условно выделена в предмете исследовательского внимания как один из элементов *системы противодействия коррупции*, или механизм, через который осуществляется обмен энергией, в том числе и информационной, между субъектом и объектом.

Понятие ***«противодействие коррупции»***, как известно специалистам, остается недостаточно проработанным. В Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»[17] дается его определение, но оно представляется недостаточно корректным, хотя в нем можно рассмотреть основные ключевые смыслы: *профилактику*; *предупреждение* преступлений; *реагирование* на преступления. *Профилактика* не связана с преступлениями; она представляет собой деятельность, направленную на сохранение или создание таких условий, в которых проявления коррупции маловероятны, а в лучшем случае исключены. *Предупреждение* – это деятельность, направленная на конкретное коррупционное преступление, а именно *предотвращение* (на стадии его приготовления) и *пресечение* (на стадии покушения). *Реагирование* есть реакция на совершенное, или оконченное, преступление, т. е. выявление, раскрытие и расследование коррупционных правонарушений, а также минимизация, ликвидация причиненных ими последствий.

При этом профилактика в большинстве своем носит криминологический характер (*криминологическая профилактика*), а предупреждение – оперативно-разыскной, уголовно-процессуальный, уголовно-исполнительный. Сложный характер носит деятельность, связанная с минимизацией последствий преступлений, в частности именуемая *пробацией*, или коррекцией поведения лиц, осужденных за преступление, в том числе путем ресоциализации, социальной адаптации, реабилитации, защиты прав и законных интересов указанных лиц[18].

---

[15] Левакин, И. В., Охотский, Е. В., Охотский, И. Е., Шедий, М. В. (2024). Противодействие коррупции: учебник и практикум для вузов. Москва: Юрайт.

[16] См.: Обратная связь. Большая советская энциклопедия (БЭС). http://niv.ru/doc/encyclopedia/bse/articles/657/obratnaya-svyaz.htm

[17] О противодействии коррупции. № 273-ФЗ от 25.12.2008. (2008). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/

[18] О пробации в Российской Федерации. № 10-ФЗ от 06.02.2023. (2023, 9 февраля). Российская газета. https://rg.ru/documents/2023/02/09/probacia.html

Сам термин «противодействие» вызывает у некоторых авторов отрицательный настрой. По их убеждению, данный термин неудачный, поскольку якобы указывает на слабость государства, вынужденного сопротивляться криминалу, вместо того чтобы действовать наступательно, как того требует обстановка.

Например, читаем: «*Коррупция в нашей стране и в 2023 г. продолжает быть предметом ожесточенной борьбы со стороны государственных органов… Бескомпромиссная борьба…*»[19]

«Ожесточенная», «бескомпромиссная»… А как эту непримиримость соотнести с положениями, например, Уголовного кодекса РФ об освобождении от уголовной ответственности, в частности, за дачу взятки или Уголовно-процессуального кодекса РФ – о досудебном соглашении о сотрудничестве подозреваемого или обвиняемого со следствием? В подобных случаях узаконен *компромисс* между… правом и произволом.

Этому политизированному, «ожесточенному» подходу предпочтем научный, а именно *системно-синергетический* подход, который «открывает глаза» исследователю на подчиненность противоположностей известному методологическому закону (можно сослаться на третий закон Ньютона – закон действия и противодействия[20]), понуждающему право и бесправие постоянно находиться и в состоянии *борьбы* (как активном столкновении противоположных интересов, где каждая из сторон стремится получить превосходство[21]), и в то же время в состоянии (методологического) *единства*.

В результате возникают и соответствующие противоречивые отношения *взаимодействия* между *коррупционной* и *противокоррупционной* системами. Противоречивость заключается в том, что, *с одной стороны*, системы действуют одна *против* другой, т. е. коррупционная – против права, а противокоррупционная – против произвола; *с другой стороны* – системы проявляют взаимопонимание, которое ведет к компромиссу, сотрудничеству. При этом такого рода соглашения могут возникать как *на правовой* (например, на основе досудебного соглашения о сотрудничестве, согласно ст. 317[3] УПК РФ), так и *на противоправной* (коррупционной) основе, что, разумеется, в правовом отношении недопустимо.

Методологический взгляд на взаимодействие [22] как философскую категорию позволяет увидеть в этом сложном процессе воздействие названных систем друг на друга, изменяющее их, *взаимно обусловленное* и *порождающее одним другого*. Например, коррупция как *системная угроза* национальной безопасности порождает «ответное» или в лучшем случае *упреждающее* качество *системной защиты*.

И, что особенно важно уяснить, в противных действиях рассматриваемых систем реализуются две противоположные – *противопреступная* (противокоррупционная) и *преступная* (криминальная) – *политики*. Дело в том, что современная преступность в России представляет собой вовсе не то суммативное образование, которое показывает уголовная статистика, а являет собой реальную систему в виде одной из подструктур гражданского общества – криминального общества, в котором выделяется *политическая система* с властными структурами, осуществляющими политическую власть (Долгова, 2003. С. 373); система, прорабатывающая перспективные решения в обеспечении собственной безопасности, развитии криминального бизнеса и, что немаловажно, активно использующая коррупцию. По данным ученых, представители организованной преступности «выделяют на подкуп чиновников от 30 до 50 % преступно нажитых средств» (Мерзляков и др., 2016. С. 163), т. е. на поддержание тех самых «симпатических отношений» с правоприменителем (его продажной частью, например, «оборотнями в погонах»[23]), истинная оценка которых дается по другим, уголовно-правовым критериям.

Нетрудно представить, насколько непростым является процесс изучения этого социально-правового феномена, чтобы регулярно обеспечивать необходимой информацией политико-управленческий механизм, ему противодействующий.

Таким образом, то «*технологическое*» (система приемов, умений, тонкости знания дела, хитрости и ловкости и т. п.), что видится в политике, может быть использовано как *во благо*, так и *во вред*, в частности, в криминальной политике. Политике, которая заключается не только в непосредственной *изощренности*

---

[19] Крайне опасное зло. https://петербургский-рубеж.рф/articles/media/2023/10/27/krajne-opasnoe-zlo/

[20] Ньютон, Исаак (1989). Математические начала натуральной философии. Москва: Наука.

[21] Евгеньева, А. П. (ред.) (1999). Словарь русского языка: В 4 т. (4-е изд., стер.). Москва: Рус. яз.; Полиграфресурсы.

[22] Фролов, И. Т. (ред.) (1991). Философский словарь (6-е изд., перераб. и доп., с. 64–65). Москва: Политиздат.

[23] Сенаторов, Ю. (2023, 11 декабря). Генералу подсчитали откаты. Коммерсантъ, 230/П, 4. https://www.kommersant.ru/doc/6394398?utm_source=newspaper&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter

криминального мира, но и, например, в государственной *поддержке* нацизма, антисемитизма, экстремизма, использования преступных методов государственного принуждения. Все это наблюдается в современной политике США, реализуемой в отношении России с использованием передаточного западно(американско)-европейского механизма.

Однако вернемся к конкретной области предмета исследования и сформулируем определение этого сложного феномена – «противодействие коррупции».

Что касается формального определения понятия, то, не задаваясь целью создать нечто универсальное (а такое стремление наблюдается у многих теоретиков (Брызгунова, 2021. С. 163)) или элементарно «изобрести велосипед», заимствуем его у правоведов Ю. А. Воронина и А. В. Майорова (Воронин, Майоров, 2013. С. 14) с некоторыми нашими коррективами. Итак, *противодействие коррупции* может быть определено как *деятельность по воспрепятствованию возникновения условий, способствующих совершению преступлений; предотвращению и пресечению; выявлению, раскрытию, расследованию совершенных преступлений, а также реализации уголовной ответственности и минимизации причиненного вреда вплоть до его устранения*.

Эта чрезвычайно сложная система, естественно, должна функционировать конструктивно, а это требует в буквальном смысле всестороннего изучения, получения научно-эмпирических знаний о коррупционно-противокоррупционной системе, на основании которых вырабатываются взвешенные, т. е. научно обоснованные политико-управленческие решения. И здесь в нашем аналитическом мышлении высвечивается проблема качества информации и информационных технологий.

Продуктивность информационного сопровождения – так назовем исследуемую многоаспектную проблему. «Продуктивность» понимается нами как *свойство* информации качественно воздействовать на мероприятия (как совокупность усилий, или энергий, направленных на выполнение определенных задач) в области противодействия коррупции.

В данном свойстве выделяют два взаимодействующих вида энергии: а) *самой информации* как меры организованности системы противодействия относительно организованности системы-коррупции, а также среды функционирования[24]; б) *механизма оперирования информацией*, т. е. получения, обработки, передачи информации.

Информация *как мера организованности* системы может состояться таковой только в том случае, когда она оказывает *преобладающее* воздействие на противоположную (противодействующую) систему коррупции, трансформируя подобное свойство (упорядоченности) в противоположное состояние – неупорядоченности, т. е. теряющего свойство организованности.

Возникает вопрос, а отчего зависит продуктивность информационной составляющей организованности системы? Ответ очевиден: *во-первых*, от достаточности и качества в нашем случае криминологической информации, «питающей» систему, обеспечивая целенаправленное взаимодействие ее элементов, функциональность которых направлена на самооценку, оценку объекта и проводимых в отношении него мероприятий, прогнозировании, программировании и т. п.; *во-вторых*, от качества инструментария и слаженности механизма использования информации.

Опуская непростой вопрос о требованиях, которые предъявляются к обеспечению продуктивности информационной составляющей (ввиду ограниченных возможностей объема изложения материала), тем не менее выделим главное из них – следование *принципу научности*, что означает подчиненность информационной составляющей соответствующим критериям, в частности истинности, обоснованности, логичности, системности, проверяемости.

Рассмотрим это «следование» на примере оценки ключевых элементов системы противодействия коррупции: *объекта*, *меры* (как средства) и *мероприятия* (как способа ее применения).

Итак, относительно *объекта* констатируем всем известную истину: коррупция как социально-правовое явление (в реальности) конструируется как *теоретическая* (в криминологии, коррупциологии) и *эмпирическая* (в законодательстве и правоприменительной практике) модели.

[24] Бондарев, В. П. (2003). Концепции современного языкознания: учебное пособие. Москва: Альфа-М.

Термином «коррупция» *обычно* принято обозначать *злоупотребление служебным положением в личных целях*. Например, авторы «Большого юридического словаря» формулируют такое понятие коррупции: «Общественно опасное явление в сфере политики или гос[ударственного] управления, выражающееся в умышленном использовании лицами, осуществляющими функции представителей власти, а также находящимися на *государственной службе*, своего служебного положения для противоправного получения… благ и преимуществ… а равно выражающееся в подкупе этих лиц»[25].

В данном определении, *во-первых*, указаны только две коррупциогенные сф,еры – политика и государственное управление. Почему-то социальная и экономическая сферы авторами игнорированы. *Во-вторых*, акцент сделан на должностных лицах. А это, можно сказать, лишь одна сторона ирреальной «позорной медали» за взяточничество.

Законодательное определение коррупции дано в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ст. 1): «Злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное **незаконное использование физическим лицом своего должностного положения** вопреки законным интересам общества и государства **в целях получения выгоды** в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц **либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами** (выделено нами. – *Авт*.).

Если прочесть выделенный фрагмент (не нарушающий смысла) текста, то обнаружим тот же самый акцент, сделанный на субъекте, *незаконно использующем служебное положение в целях получения выгоды*. Не беремся подсчитать предусмотренное в Уголовном кодексе РФ количество деяний, содержащих признак «использование своего служебного положения»[26] (ранее также обсуждалось в работах зарубежных классиков[27]). То есть обнаруживаем явный перевес в коррупционных злодеяниях должностных лиц, заметим преимущественно *подкупаемых*, т. е. выступающих и в качестве жертвы взяточничества, к тому же публично осуждаемых.

Правоприменительный подход к определению коррупции уже в преступном деянии, именуемом преступлением коррупционной направленности. Генпрокуратура и МВД РФ утвердили количество таких преступлений в соответствующем документе, который известен как «Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности», утвержденный упомянутыми федеральными ведомствами совместным указанием[28]. Документ содержит 80 наименований преступлений коррупционной направленности. Примечательно то, что только 14 из них указаны как «безусловно относящиеся к коррупционным». Остальные зачислены в разряд условных, т. е. квалифицируемых по усмотрению лица, заполняющего статистическую карточку на совершенное преступление: если усмотрит это лицо в преступлении коррупционный признак, то сделает соответствующую отметку в карточке, и «преступление», хотя и условное, но «делает погоду» в уголовной статистике.

Что касается *мер* противодействия коррупции, то они должны определяться не только практической целесообразностью, но и научной обоснованностью. Игнорирование принципа научности может не только лишить результативности то или иное мероприятие, но и привести его «приятие» к нежелательным последствиям.

Рассмотрим такую меру по профилактике коррупции, которая предусмотрена Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»[29], как «формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению» (ст. 6). Реализация этой меры оказалась в центре политики противодействия коррупции и сегодня приобрела чуть ли не стержневое значение. Например, одна из региональных программ противодействия коррупции, рассчитанная *на семь лет*, полностью посвящена формированию нетерпимости к коррупционному поведению.

---

[25] Сухарев, А. Я. (ред.) (2007). Большой юридический словарь (3-е изд., доп. и перераб.). Москва: ИНФРА-М.

[26] О противодействии коррупции. № 273-ФЗ от 25.12.2008. (2008). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/

[27] Banfield, E. C. (1975). Corruption as a feature of governmental organization. Journal of Law and Economics, 18(3), 587–605; Nye, J. S. (1967). Corruption and political development: a cost-benefit analysis. American Political Science Review, 61(2), 417–427; Graeff, P. (2009). Social capital: the dark side. Handbook of social capital, 143–161.

[28] Указание Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 (ред. от 13.07.2020). (2020). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_345696/1ff26a26ef4e0493e7fdd0c911461e97ca14695f/

[29] О противодействии коррупции. № 273-ФЗ от 25.12.2008. (2008). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/

Представим, что разработчику программы, плана противодействия коррупции предложено включить в план именно такую меру. Разумеется, ему, руководствующемуся принципом научности, будет важно узнать, в частности: *во-первых*, что понимать под нетерпимостью, в чем заключается превентивный потенциал этого психологического феномена, в котором выражена явная категоричность; *во-вторых*, в отношении кого будет направлена эта мера: «коррупционное поведение» – весьма неопределенная категория...

Конечно, разработчик мог бы воспользоваться возможностями криминологической экспертизы, но таковая существует у нас лишь в виде так называемой антикоррупционной экспертизы. Статус ее отнесен к правовой экспертизе, которая сводится к узкой деятельности «специалистов (экспертов) по выявлению и описанию коррупционных факторов, относящихся к правовым актам и их проектам; по разработке рекомендаций, направленных на устранение или ограничение действия таких факторов»[30]. Другие, неправовые объекты, обладающие возможной криминогенностью (коррупциогенностью), для исследования не предусмотрены, вроде как лишенные практической целесообразности.

Но такая целесообразность очевидна. Например, в данном случае экспертам можно было бы предложить дать ответ на такие вопросы:

1. Что означает «коррупционное поведение»?
2. В чем заключается сущность «нетерпимости»?
3. На чье сознание ориентировано информационное воздействие в целях формирования в нем нетерпимости?
4. Возможны ли какие-то негативные последствия информационного воздействия?

В теоретическом плане ***коррупционное поведение*** обычно понимается как разновидность правового поведения, упрощенно сводимое к правомерному и противоправному видам. Но «правовое поведение нельзя сводить к такой упрощенной схеме, предполагающей противопоставление правомерного и противоправного поведения (иногда выделяют еще нейтральное по отношению к праву поведение), – пишет проф. Д. А. Пашенцев. – Поведение человека в обществе далеко не всегда укладывается в такие рамки, оно имеет множество граней, каждая из которых может быть истолкована неоднозначно и контекстуально» (Пашенцев, 2022. С. 25).

«Поведение» означает вести себя (хорошо, плохо или нейтрально) по отношению к чему-, кому-либо, в том числе и к коррупции, например, с позиции: *социологической* (усматривая в ней социальное явление), *политической* (рассматривая коррупцию как метод борьбы за публичную власть), *экономической* (используя коррупцию как метод борьбы за экономические преимущества), *юридической* (оценивая коррупционный метод построения отношений как уголовно наказуемый) и некоторых иных (Ивентьев, 2019. С. 211–212).

В числе «некоторых других» возьмем отношения с духовно-нравственной позиции. И первое, что заявляет о себе, – это наблюдаемое у людей «привычное» отношение к коррупции. Можно было бы сказать «терпимое», что предполагает определенное психологическое усилие над собой, умение терпеливо относиться к чьему-то мнению, поведению. Но дело в том, что «привычное» не требует от субъекта таких усилий. Привычка притупляет сознание, поскольку привычными действиями руководят чувства, эмоции, которые как бы «перехватывают» усилия мозговых центров, и практически командуют физиологические энергии (Сюзеева, 2014).

Например, исследователь К. С. Романова констатирует распространенное убеждение в том, что люди, которые еще даже не сталкивались с коррупцией в реальной жизни, однако, уже относятся к ней не только лояльно, но под влиянием окружения, в котором выражена коррупционная направленность сознания, считают коррупцию также приемлемой для своего поведения (Романова, 2019). То есть *среда проявляет силу регулирующего воздействия на социальные отношения* (Каменский, 2014). Кстати, здесь уместно вспомнить теорию подражания Г. Тарда.

В практическом отношении преимущественно коррупционное мышление связывается с поведением коррупционера, т. е. должностного лица. Хотя такое представление выражает немалое количество авторов, явно не вникающих в суть излагаемого как «*всем известного*». Например, как показывают наши исследования, в местных средствах массовой информации (Нижегородской области) около 70 % публикаций о фактах взя-

[30] Бикмухаметов, А. Э., Газимзянов, Р. Р., Кабанов, П. А. и др. (2008). Коррупция и антикоррупционная политика: словарь-справочник. Москва: Медиа-Пресс, 2008. С. 10.

точничества привлекает внимание к взяточнику, а опрос населения показывает на высокий процент (до 80 % и выше) их убеждения в том, что органы исполнительной власти и правоохранительные органы власти так или иначе коррумпированы.

Сущность нетерпимости выясняем в тех сведениях, которые получаем из теоретического и эмпирического пространств. В одном из энциклопедических словарей «Основы духовной культуры» дано такое определение нетерпимости: «Отрицательное духовно-нравственное качество личности... Нетерпимость подталкивает к борьбе, к запрету, к ненависти. Это страсть, ибо эмоционально окрашена в сильные негативные чувства, источающие зло, агрессию, непримиримость»[31].

В оценке российского философа и культуролога А. С. Ахиезера нетерпимость рассматривается как крайняя форма дискомфортности, которая в результате усердного формирования нетерпимости может перерасти, например, в массовые погромы (Ахиезер, 1990. С. 100) или массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ).

К такому же выводу приходит российский исследователь, криминолог П. А. Кабанов, который находит данную правовую категорию коррупциогенным фактором и предлагает заменить на другой термин – «формирование антикоррупционного мировоззрения» (Кабанов, 2019. С. 1022). Но это далеко не равнозначная замена. Здесь уже необходимо видеть много большее, чем упрощенное «формирование нетерпимости», ибо «без идеологических установок: гражданственности, патриотизма, нравственности – формировать антикоррупционное мировоззрение проблематично» (Романова, 2019).

Профессиональный интерес возбуждает вопрос, ***на чье сознание следует осуществлять адресное информационное воздействие*** в целях его «переформатирования». Понятно, что адресат – это неопределенный круг лиц, или массовая аудитория, т. е. в нашем контексте это нравственно-правовое общественное сознание, которое проявляется в коррупционном поведении. Об этом мы упомянули выше, рассуждая о массовой лояльности к коррупции. На протяжении столетий складывались и ныне во многом движут людьми *отношения взаимодействия*, которые удовлетворяют *обоюдную заинтересованность и выгодность* для взаимодействующих сторон, каждая из которых получает то, что считает приемлемым (Михайлюк, 2015. С. 159). Особенно когда это происходит без какого-то значимого для их (юридического, тем более морального) осуждения.

В обыденном сознании людей (на это, в частности, указывают и наши исследования) коррупция воспринимается как привычное явление, т. е. определенный жизненный принцип («За все надо платить», «Не подмажешь – не поедешь»...): а) 10,5 % опрошенных считают, что этим руководствуется все население; б) 56 % думают, что данным принципом руководствуется большинство людей; в) 33 % полагают, что такое обыкновение присуще небольшой части людей.

Значительное число (62 %) опрошенных считают, что коррупция способствует повышению цен на товары, продукты, услуги; 43 % согласны с тем, что коррупция отягощает налоговое бремя. Однако наряду с этим только 18 % опрошенных указали, что ощущают вред, причиняемый коррупцией лично им.

При этом важно указать на чрезвычайно мощный *катализатор* такого взаимодействия, а именно феномен дискреционной (от французского *discretionnaire* – «зависящий от личного усмотрения») власти прерогативы на распределение несобственных средств по своему усмотрению. И правыми считают себя те, кто утверждает: *не будь такой власти, не было бы и коррупции* (Михайлюк, 2015. С. 157).

Теперь зададимся вопросом, в сознании каких именно взаимодействующих (дающих-берущих) субъектов можно рассчитывать на результативное формирование в нем нетерпимости к коррупционному поведению?

Полагаем, это, скорее, риторический вопрос. А вот другим вопросом – о сопутствующем результате, или ***возможных негативных последствиях формирования нетерпимости***, – нужно задаться. Что такое «сопутствующий», или «побочный», результат, объяснять не надо. Такой результат возможен, например, в случае противокоррупционной пропаганды и агитации, когда неумелое информационное воздействие на общественное правосознание указанными методами приводит к нежелательным, или дисфункциональным (от лат. *dys* – «плохой, затрудненный» + *functio* – «действие, осуществление»), эффектам, или дисфункциям. Отец-основатель современной социологии Р. К. Мертон определял их как *латентные* функции.

[31] Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Академик.ру. https://spiritual_culture.academic.ru/1441/Нетерпимость

В криминологической теории массовых коммуникаций рассматриваются подобные, или латентные, функции, в числе которых: а) «эффект бумеранга», или получение результата, противоположного задуманному; б) «наркотизирующий эффект», или эффект «сенсорного ожирения», возникающий от *избыточной* информации, к которой попадает интерес, и она теряет актуальность; в) «эффект приватизации», когда, например, под влиянием потока информации в СМИ о фактах взяточничества у людей складывается осознание безысходности, порождается побуждение принимать («приватизировать») «правила игры».

Надо сказать, эти и другие негативные эффекты функций массовой коммуникации впервые исследовали английские ученые П. Лазарсфельд и Р. Мертон, в частности, ими был введен термин «наркотизирующий эффект» (Lazarsfeld & Merton, 1948).

Опять же наши исследования показывают, что формирование нетерпимости может привести к росту протестного настроения, в частности по отношению к органам власти (на такую вероятность указали 61 % опрошенных); по отношению к правоохранительным органам аналогичное мнение высказали 52 %.

Можно с большой уверенностью предположить, каким могло быть заключение эксперта-криминолога о столь политически популярной мере профилактики коррупции.

Итак, в завершение настоящих аналитических рассуждений представим следующие *основные умозаключения*.

Заключение

Информационное сопровождение противодействия коррупции, в сущности, есть циркулирование научно проработанной информации как в самой системе противодействия коррупции, так и в среде ее функционирования. Этот многосторонний процесс должен происходить, разумеется, не автоматически, а производиться *специальным, информационным механизмом*.

На сегодня этот механизм представляется гипотетическим ввиду очевидной его фрагментарности, т. е. наличия основных, или общих, функций – сбора, обработки, интерпретации информации, внедрения результатов – управленческой системы. Кстати, последнюю ученые оценивают труднейшей проблемой науки и практики и даже предлагают создать специальное управление по внедрению результатов исследований, причем эффективность такого управления прямо связывается с необходимой для этого оптимальной *системой информации* [32]. Мы же рассматриваем *систему информационного сопровождения*, которая призвана обеспечивать устойчивость, стабильность системы противодействия коррупции, ее бесперебойное функционирование и развитие в условиях воздействия различных препятствующих факторов как самой системы, так и окружающей среды.

Однако наличие общих функций еще не придает данному механизму, или системе, свойства целостности. Такое свойство возникает ввиду *энергетического эффекта*, или *слияния* функций данного (криминолого-политического) механизма и основных функций системы противодействия коррупции. К последним мы относим (не вступая в дискуссию о классификации функций управления), в частности: *целеполагание*; *определение ситуации*; *определение проблемы*; *принятие управленческих решений*; *мотивацию*; *контроль*[33] и др. В этом многофункциональном взаимодействии особая роль принадлежит обеспечительной информационной функции управления, аккумулирующей управленческую и криминолого-политическую информацию.

Такого рода слияние, или эффект целостности, должно происходить в особенности на основе *принципа научности* и *технологического совершенствования*. *Принцип научности* (с его свойствами объективности, систематичности, проверяемости, предсказуемости, общезначимости и др.) как бы объединяет и «выравнивает» криминолого-политические научные знания с научностью управления (прочными знаниями, умелым применении объективных законов, в том числе действующих в управлении и др.)[34].

В плане *технологического совершенствования*, в частности, на наш взгляд, заслуживают изучения возможности использования в системе противодействия коррупции двух таких механизмов.

---

[32] Аванесов, Г. А., Иншаков, С. М., Лебедев, Я., Эриашвили, Н. Д. (2006). Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» (4-е изд., перераб. и доп., с. 166–167). Москва: ЮНИТИ-ДАНА.

[33] Классификация функций управления. Инфопедия. https://infopedia.su/17xaa6d.html

[34] Принцип научности. https://yandex.ru/search/?text=принцип+научности+в+управлении&lr=133420&clid=2289563&win=624

1. Криминологический мониторинг как оперативная информационно-аналитическая система, обеспечивающая выявление тенденций (трендов) в наблюдаемом объекте (коррупционной преступности, ситуации, правоприменительной практике и т. п.) путем регулярных информационных *замеров* (путем статистических, социологических методов) и криминологической *оценки* состояния объекта по одним и тем же относительно устойчивым критериям.

Одним из методов мониторинга видится нам криминологическое прикладное исследование, которое имеет много общего с *социальным исследованием*. Именно с социальным, а не с *социологическим*, которое проводится ежегодно в соответствии с Национальным планом противодействии коррупции. Это далеко не простое и дорогостоящее исследование в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации. Анкета включает 47 вопросов, а в них 348 вариантов ответов, и работает с этой анкетой интервьюер[35].

Если *социологическое исследование* проводят социологи, профессионально подготовленные специалисты по сложной, специальной технологии, то *социальное исследование* проводится относительно упрощенно, например, без обязательной репрезентативной выборки, его проводят экономисты, юристы, менеджеры, журналисты, политологи и другие специалисты, т. е. не обязательно социологи[36]. Проблематика не имеет строгих параметров, может носить междисциплинарный характер. Особенно это наблюдается при изучении так называемых фоновых явлений преступности (коррупции, пьянства, экстремизма, проституции и т. п.). Это важно, например, для политической оценки криминальной ситуации и определения перспективных направлений противодействия преступности в регионе, его муниципальных образованиях.

2. Криминологическая экспертиза, т. е. урегулированная нормами права экспертно-аналитическая деятельность, направленная на криминологическую диагностику и обнаружение деструктивных явлений и процессов в реализации *нормативных правовых актов*, регулирующих противодействие коррупции, закрепляющих политические решения, их проектов (что в основном сегодня выполняет антикоррупционная экспертиза); *специальных мер* предупредительного воздействия на коррупционные правонарушения в целях последующей криминологической корректировки политико-управленческой деятельности по разработке и реализации эффективных решений в реализации ресурсов противодействия преступности.

Список литературы

Ахиезер, А. С. (1998). *Россия: критика исторического опыта: (социокультурная динамика России) (т. 2. Теория и методология)*. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Брызгунова, О. Ф. (2021). Противодействие коррупции: проблемы определения понятийного аппарата. *Молодой ученый*, *15*(357), 163–165. https://moluch.ru/archive/357/79951/

Воронин, Ю. А., Майоров, А. В. (2013). Теоретические основы формирования системы противодействия преступности в России. *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*, *1*, 7–16.

Гогель, С. К. (1910). *Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией*. Санкт-Петербург: Юрид. кн. скл. «Право».

Долгова, А. И. (2003). *Преступность, ее организованность и криминальное общество*. Москва: Российская криминологическая ассоциация, 2003.

Жалинский, А. Э., Костицкий, А. В. (1980). *Эффективность профилактики преступлений и криминологическая информация*. Львов: Вища школа, изд-во при Львовском университете.

Ивентьев, С. И. (2019). Духовно-нравственный аспект коррупции. *Актуальные проблемы теории и практики противодействия коррупции: сборник материалов Международной научно-практической конференции*, 7 декабря 2018 г. Липецк: ООО «РИТМ».

Кабанов, П. А. (2019). Формирование нетерпимости к коррупционному поведению как юридическая неопределенная категория и ее содержание. *Актуальные проблемы экономики и права*, *13*(1), 1007–1026. https://doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.1.1007-1026

Каменский, Е. Г. (2014). Коррупционная культура: теоретико-концептуальный конструкт. *Вестник Института социологии*, *4*(11), https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsionnaya-kultura-teoretiko-kontseptualnyi-konstrukt/viewer

Лист, Ф. (2004). *Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление* (сост. и предисл. В. С. Овчинского). Москва: ИНФРА-М.

[35] Постановление Правительства РФ № 662 от 25.05.2019. (2019). Гарант. https://base.garant.ru/72255554/#friends

[36] Социальные исследования. https://spravochnick.ru/sociologiya/socialnye_issledovaniya/#harakteristiki-socialnogo-issledovaniya

Мерзляков, С. Э., Волочкова, М. Е., Рожнов, С. Н. (2016). Коррупционная преступность в России и основные направления правовой борьбы с ней. *Вестник экономической безопасности*, *1*, 161–177.

Михайлюк, В. А. (2015). Асоциальная ментальность общества как фактор развития феномена коррупции (социокультурный анализ). *Вестник АГУ*, *3*(163), 155–160.

Пашенцев, Д. А. (2022). Правовое поведение в современном обществе: от классических традиций к цифровым новациям. В сб. Д. А. Пашенцев (ред.), *Правовое поведение: классические и современные модели: сборник научных трудов* (с. 24–26). Москва: Саратовский источник.

Романова, К. С. (2019). Коррупция и российская ментальность. *EESA Journal*. https://eesa-journal.com/filosofskie-nauki/korrupciya-i-rossijskaya-mentalnost/

Сюзева, Н. В. (2014). Формирование этического иммунитета как фактор борьбы с коррупцией. *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*, 1. https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-eticheskogo-immuniteta-kak-faktor-borby-s-korruptsiey/viewer

Устинов, В. С. (2003). О концепции уголовной политики как научно-учебной дисциплины. *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского*, *2*, 393–397. http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990195_West_pravo_2003_2(7)/B_3-27.pdf

Lazarsfeld, P., & Merton, R. (1948). Mass Communication, popular taste andorganizedsocial action. In Bryson (Ed.), *The Communication of Ideas*. N. Y.: Harper and Brothers.

References

Akhiezer, A. S. (1998). *Russia: criticism of historical experience (sociocultural dynamics of Russia) (Vol. 2. Theory and methodology)*. Novosibirsk: Sibirskii khronograf. (In Russ.).

Bryzgunova, O. F. (2021). Counteracting corruption: issues of defining the conceptual framework. *Molodoi uchenyi*, *15*(357), 163–165. (In Russ.). https://moluch.ru/archive/357/79951/

Dolgova, A. I. (2003). *Crime, its organization and criminal community*. Moscow: Rossiiskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya. (In Russ.).

Gogel, S. K. (1910). *A course in criminal policy combined with criminal sociology*. Saint Petersburg: Yurid. kn. skl. “Pravo”. (In Russ.).

Iventyev, S. I. (2019). Spiritual-moral aspect of corruption. In *Topical issues of theory and practice of corruption counteraction: collection of works of the International scientific-practical conference*, December 7, 2018. Lipetsk: OOO “RITM”. (In Russ.).

Kabanov, P. A. (2019). Forming intolerance to corruption behavior as a judicially undefined legal category and its content. *Actual Problems of Economics and Law*, *13*(1), 1007–1026. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.1.1007-1026.

Kamensky, E. G. (2014). The Culture of Corruption: Theoretical Concept Construct. *Vestnik Instituta sotsiologii*, *4*(11). https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsionnaya-kultura-teoretiko-kontseptualnyi-konstrukt/viewer

Lazarsfeld, P., & Merton, R. (1948). Mass Communication, popular taste andorganizedsocial action. In Bryson (Ed.), *The Communication of Ideas*. N. Y.: Harper and Brothers.

List, F. (2004). *Tasks of criminal policy. Crime as a social-pathological phenomenon*. Moscow: INFRA-M. (In Russ.).

Merzlyakov, S. E., Volochkova, M. E., & Rozhnov, S. N. (2016). Corruption crime in Russia and the main directions of legal struggle against it. *Vestnik of Academy of economic security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, *1*, 161–177. (In Russ.).

Mikhailyuk, V. A. (2015). Asotial mentality of a society as factor of development of a phenpmenon of corruprion (sociocultural analysis). *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta*, *3*(163), 155–160. (In Russ.).

Pashentsev, D. A. (2022). Legal behavior in the modern society: from classical traditions to digital innovations. In D. A. Pashentsev (Ed.), *Legal behavior: classical and modern models: collection of scientific works* (pp. 24–26). Moscow: Saratovskii istochnik. (In Russ.).

Romanova, K. S. (2019, October 12). Corruption and the Russian mentality. *EESA Journal*. https://eesa-journal.com/filosofskie-nauki/korrupciya-i-rossijskaya-mentalnost/

Syuzeva, N. V. (2014). Forming an ethical immunity as a factor of corruption counteraction. *Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ehkonomiki i servisa*, *1*. (In Russ.). https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-eticheskogo-immuniteta-kak-faktor-borby-s-korruptsiey/viewer

Ustinov, V. S. (2003). On the concept of criminal policy as a scientific and academic discipline. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2, 393–397. (In Russ.). http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990195_West_pravo_2003_2(7)/B_3-27.pdf

Voronin, Yu. A., & Majorov, A. V. (2013). Theoretical basis of crime couteraction system establishment in Russia. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, *1*, 7–16. (In Russ.).

Zhalinskii, A. E., & Kostitskii, A. V. (1980). *Efficiency of crime prevention and criminological information*. Lviv: Vishcha shkola, izd-vo pri Lviv un-te. (In Russ.).

Вклад авторов

Горшенков Геннадий Николаевич является основным интегратором совместных усилий на всех этапах исследования и подготовки текста и преимущественным систематизатором информационного материала вводной части и выводов.

Горшенков Андрей Геннадьевич – преимущественный реализатор идей: а) проработки методики исследования, подготовки анкет, сбора информации; б) анализа и разработки положений зарубежных литературных источников исторического прошлого применительно к проблеме исследования; в) критического анализа мер противодействия коррупции; г) изучения возможностей оценки продуктивности информационного сопровождения.

Горшенков Геннадий Геннадьевич: а) анализ отечественных источников и отбор необходимой информации по проблематике исследования; б) в интерпретация материалов опроса; в) дифференцированный анализ видов противодействия коррупции и соответствующая специфика их информационного обеспечения; г) анализ феномена «коррупционное поведение» и целесообразности использования в антикоррупционной профилактике психологических средств негативного характера, особенно в воздействии на неопределенный круг лиц.

The author's contributions

Gennadiy N. Gorshenkov is the main integrator of joint efforts at all stages of research and text preparation and the primary systematizer of information in the introductory part and conclusions.

Andrey G. Gorshenkov is the primary implementer of the following: a) elaboration of the research methodology, preparation of questionnaires, collection of information; b) analysis and elaboration of the provisions of foreign literary sources of the historical past in relation to the research problem; c) critical analysis of anti-corruption measures; d) study of the possibilities to assess the information support productivity.

Gennadiy G. Gorshenkov: a) analysis of the Russian sources and selection of necessary information on the research problem; b) interpretation of survey materials; c) differentiated analysis of types of anti-corruption measures and the relevant specifics of their information support; d) analysis of the "corrupt behavior" phenomenon and the feasibility of using negative psychological means in anti-corruption prevention, especially in influencing an indeterminate number of persons.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 08.02.2024
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 12.05.2024
Дата принятия в печать / Accepted 20.05.2024

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.469-480**

УДК 343.8:343.9:004.8:[343.3/.7:004.7]

А. К. Жарова[1]

[1] *Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия*

Интеллектуальные системы распознавания образов и смысла в системе предупреждения правонарушений, совершаемых с использованием Сети

Жарова Анна Константиновна, доктор юридических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: anna_jarova@mail.ru
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2981-3369
Scopus Author ID: https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56964137900
Web of Science Researcher ID: https://www.webofscience.com/wos/author/record/H-4012-2015
eLIBRARY SPIN-код: 2240-1467

Аннотация

Цель: исследование проблем правового регулирования интеллектуальных систем распознавания образов и смысла в системе предупреждения и пресечения правонарушений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной сети.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-юридический, сравнительно-правовой, правового моделирования, теории множеств, теории графов.

Результаты: предупреждение правонарушений включает формы профилактики и процессуальные формы предупреждения правонарушений. Объединяет эти два множества форм принятие мер по устранению обстоятельств, способствующих совершению правонарушений. Однако выявление причин и условий, способствующих совершению правонарушений, не входит в множество процессуальных форм предупреждения правонарушений. Процессуальные формы направлены на предотвращение конкретных видов правонарушений, в то время как профилактика в какой-то мере использует методы предиктивной аналитики, предполагая возможность наступления негативного антисоциального события и используя различные организационные, технологические и правовые инструменты и меры. Следовательно, прогнозирование преступных действий является одним из этапов предупреждения правонарушений, осуществляемых с использованием методов предиктивной аналитики данных, оставленных человеком. Точность вычислений, проводимых искусственным интеллектом (ИИ), с каждым годом увеличивается, в связи с чем растет и точность полученных вероятностей и прогнозов.

Научная новизна: в статье проведено междисциплинарное исследование проблемы предотвращения негативных социальных отклонений, происходящих с использованием информационно-телекоммуникационной сети, путем организации взаимодействия провайдеров хостинга, использующих интеллектуальные системы распознавания образов и смысла и правоохранительных органов. Установлено, что применение ИИ правоохранительными органами и их взаимодействие с провайдерами хостинга позволяют не только выявить противоправный и общественно опасный контент, но и оценить вероятность совершения преступления конкретным человеком. Применение ИИ провайдерами хостинга позволит обеспечить профилактику противоправных действий, выявить стадию формирования преступного умысла, выраженного в размещенной им информации, и тем самым минимизировать возможность перерастания умысла в реальность преступных действий.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с правовым регулированием алгоритмов ИИ, возможности их применения в целях предупреждения и пресечения правонарушений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной сети.

© Жарова А. К., 2024

Ключевые слова:
уголовное право и криминология, предупреждение, пресечение и прогнозирование преступности, искусственный интеллект, интеллектуальные системы распознавания, сеть, хостинг, провайдер

Финансирование
Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Жарова, А. К. (2024). Интеллектуальные системы распознавания образов и смысла в системе предупреждения правонарушений, совершаемых с использованием Сети. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(2), 469–480. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.469-480

Scientific article

A. K. Zharova[1]

[1] *Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia*

Intellectual systems of pattern and meaning recognition in the system of prevention of crimes committed using the Internet

Anna K. Zharova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: anna_jarova@mail.ru
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2981-3369
Scopus Author ID: https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56964137900
Web of Science Researcher ID: https://www.webofscience.com/wos/author/record/H-4012-2015
eLIBRARY SPIN-код: 2240-1467

Abstract
Objective: to study the issues of legal regulation of intellectual systems for pattern and meaning recognition as part of the system to prevent and suppress offenses committed using information and telecommunication network.
Methods: dialectical approach to the cognition of social phenomena, which allows analyzing them in their historical development and functioning in the context of objective and subjective factors, which determined the choice of the following research methods: formal-legal, comparative-legal, legal modeling, set theory, graph theory.
Results: prevention of offenses includes prophylaxis and procedural forms of prevention of offenses. These two sets of forms share measures to eliminate the circumstances that contribute to the commission of offenses. However, the set of procedural forms of prevention does not include identification of causes and conditions contributing to the commission of offenses. Procedural forms aim at preventing specific types of offenses, while prevention to some extent uses the methods of predictive analytics, assuming the possibility of a negative antisocial event and using various organizational, technological and legal tools and measures. Consequently, prediction of criminal actions is one of the stages of prevention of offenses carried out using predictive analytics of data left by a person. The accuracy of calculations carried out by artificial intelligence (AI) is increasing every year; hence, the accuracy of the obtained probabilities and forecasts is also increasing.
Scientific novelty: the article presents an interdisciplinary study of preventing negative social deviations occurring with the use of information and telecommunication network by means of interaction between the hosting providers, using intelligent systems of pattern and meaning recognition, and law enforcement agencies. It was established that the application of AI by law enforcement agencies and their interaction with hosting providers allows not only to identify illegal and socially dangerous content, but also to assess the probability of committing a crime by a particular person. Application of AI by hosting providers allows preventing illegal actions. This can be done by revealing the stage of criminal intent expressed in the information posted by a potential offender, thus minimizing the possibility of the intent outgrowth into real criminal actions.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering issues related to the legal regulation of AI algorithms, the possibility of their application in order to prevent and suppress offenses committed with the use of information and telecommunications network.

Keywords:
criminal law and criminology, crime prevention, suppression and forecasting, artificial intelligence, intelligent recognition systems, network, hosting, provider

Financial support
The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment to Financial University.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Zharova, A. K. (2024). Intellectual systems of pattern and meaning recognition in the system of prevention of crimes committed using the Internet. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(2), 469–480. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.469-480

Введение

Интернет является не только коммуникационной средой, но и технологией, с использованием которой совершаются противоправные действия. Несмотря на то, что Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) и правоохранительные органы занимаются защитой прав и свобод человека, количество правонарушений, совершаемых с использованием Сети, не становится значительно меньше. Все социальные институты могут сталкнуться с правонарушениями, происходящими с использованием Сети, результатом которых зачастую являются серьезные негативные последствия как для отдельных лиц, так и для общества в целом.

Предотвращение таких социальных отклонений, происходящих с использованием Сети, возможно путем организации взаимодействия провайдеров хостинга, использующих интеллектуальные системы распознавания образов и смысла (далее – ИИ), и правоохранительных органов. ИИ позволяет распознать стадии преступления, намерение совершить противоправные действия, а взаимодействие с правоохранительными органами – минимизировать риск перехода в следующие стадии преступления.

В связи с этим в статье поставлена задача дать ответ на вопросы, могут ли провайдеры хостинга быть отнесены к субъектам предупреждения преступности или к лицам, участвующим в профилактике преступлений, а также может ли искусственный интеллект распознать в Сети стадии совершения преступлений.

Для поиска ответа на поставленную задачу были применены следующие методы: моделирования условий, теории множеств, теории графов, а также анализа, сравнения и синтеза.

Результаты исследования

Предупреждение и профилактика правонарушений. Общее и отличия

Под правонарушением понимается «преступление или административное правонарушение, представляющее собой противоправное деяние (действие, бездействие), влекущее уголовную или административную ответственность»[1]. В законодательстве и научном сообществе для описания системы объективных и субъективных предпосылок преодоления правонарушений используются понятия «профилактика правонарушений, преступности» и «предупреждение правонарушений, преступлений». Например, в Руководящих принципах

[1] Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации. № 182-ФЗ от 23.06.2016. (2016). Собрание законодательства Российской Федерации, 26 (ч. I), ст. 3851.

Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы, 1990 г.).

УК РФ оперирует понятием «предупреждение преступлений»[2], МВД России – понятиями «профилактика правонарушений»[3], «предупреждение преступлений»[4]. В соответствии с Методическими рекомендациями по организации в Федеральной службе судебных приставов работы по предупреждению преступлений[5] «предупреждение преступлений имеет как процессуальные формы, т. е. предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, – внесение дознавателем в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступления или других нарушений закона, так и иные формы профилактики (проведение разъяснительной работы среди населения, выступления в образовательных учреждениях, трудовых коллективах, в средствах массовой информации по вопросам предупреждения преступлений; публикация материалов в печати, в информационной сети Интернет и т. п.)»[6].

В соответствии с Федеральным законом «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» под понятием «профилактика правонарушений» понимается «совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения»[7]. В соответствии с тем же законом лицами, участвующими в профилактике правонарушений, являются «граждане, общественные объединения и иные организации, оказывающие помощь (содействие) субъектам профилактики правонарушений в рамках реализации своих прав в сфере профилактики правонарушений в соответствии с Федеральным законом «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и другими федеральными законами»[8].

В научной литературе представлены различные точки зрения на понятия «профилактика правонарушений, преступлений» и «предупреждение правонарушений, преступлений». Так, А. А. Савченко считает, что предупреждение преступлений включает в себя различные меры и действия, направленные на ограничение возможности совершения преступлений, охрану общества в целом и индивида в частности. Она пишет: «…профилактика преступлений сводится к своевременному обнаружению и искоренению предпосылок. Соответственно, предупреждение преступлений должно носить общий характер, а профилактика – более индивидуальный» (Савченко, 2010). Другие авторы считают, что профилактика, предотвращение и пресечение преступлений являются этапами предупреждения преступлений (Малков, 2014)[9] или что профилактика и предупреждение правонарушений – это этапы концепции предотвращения правонарушений[10].

Наша точка зрения, что формы профилактики правонарушений и процессуальные формы предупреждения преступлений являются подмножеством множества предупреждения правонарушений. Это разные понятия, которые в целом направлены на предотвращение антиобщественных и негативных явлений. Анализ законодательства и Методических рекомендаций по организации в Федеральной службе судебных приставов работы по предупреждению преступлений позволяет представить следующую схему множества «Предупреждение правонарушений» (рис. 1).

В виде графа связи между подмножествами можно представить следующим образом (рис. 2).

---

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996. (1996). Собрание законодательства Российской Федерации, 25, ст. 2954.

[3] Приказ Министерства внутренних дел России № 715 от 29.09.2022. (Документ опубликован не был).

[4] Указ Президента РФ № 306 от 11.03.2003 (в ред. от 07.12.2016). (2003). Собрание законодательства Российской Федерации, 12, ст. 1099.

[5] Письмо ФССП России № 00043/16/83207-ВВ от 07.09.2016, утв. ФССП России 02.09.2016 № 0004/11. (2016). Бюллетень Федеральной службы судебных приставов, 10.

[6] Там же.

[7] Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации. № 182-ФЗ от 23.06.2016. (2016). Собрание законодательства Российской Федерации, 26 (ч. I), ст. 3851.

[8] Там же.

[9] Рясов, Д. А. (2014). Предупреждение преступлений: лекция по теме № 7. Ставропольский филиал Краснодарского университета. https://ставф.крду.мвд.рф/upload/site122/document_file/Lekciya_7(7).pdf

[10] Филиппова, Е. О. (2019). Предупреждение преступности: учебное пособие. Оренбург: Оренбургский гос. ун-т.

Рис. 1. Множество «Предупреждение правонарушений»
Fig. 1. Scheme of the "Crime prevention" set

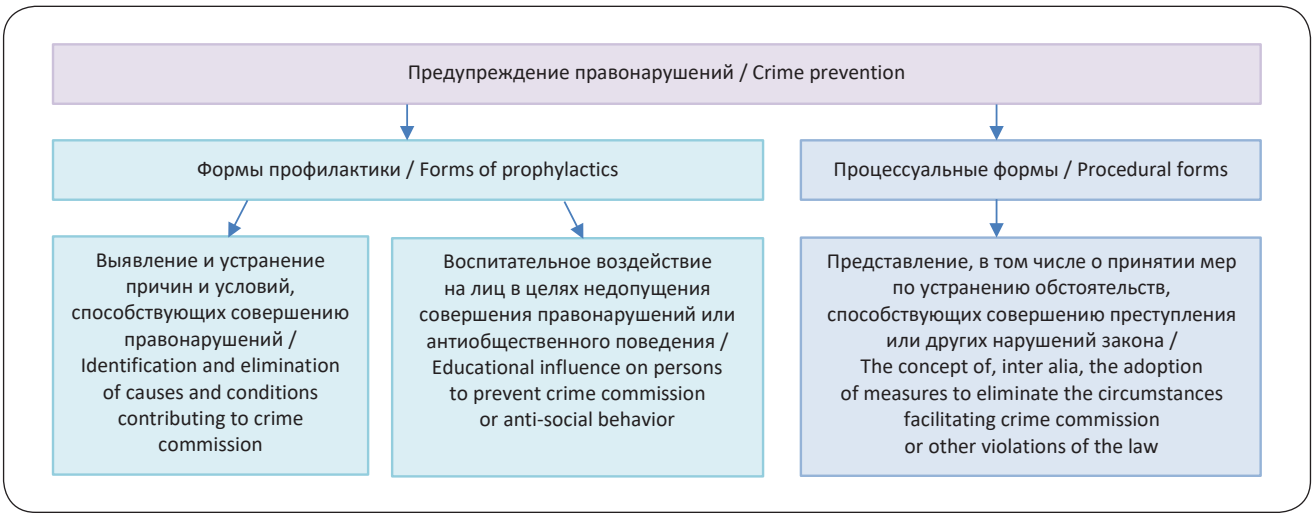


Рис. 2. Граф «Формы предупреждения правонарушений»
Fig. 2. "Forms of crime prevention" graph

Подмножество «Формы профилактики» пересекается с подмножеством «Процессуальные формы» в части «принятия мер по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступления или других нарушений закона»[11], что образует их общую часть, принадлежащую двум подмножествам. Иными словами, общей частью двух подмножеств является множество действий, направленных на устранение обстоятельств, способствующих совершению правонарушения.

Однако нужно отметить, что подмножество «Формы профилактики» предусматривает действие «выявление причин и условий, способствующих совершению правонарушений», которое не входит в подмножество «Процессуальные формы». Тем самым можно сделать вывод, что представление вносится, когда уже установлен факт правонарушения или обстоятельств, облегчающих его совершение.

[11] Письмо ФССП России № 00043/16/83207-ВВ от 07.09.2016, утв. ФССП России 02.09.2016 № 0004/11. (2016). Бюллетень Федеральной службы судебных приставов, 10.

В таком случае для моделирования условий применения форм профилактики правонарушений и процессуальных форм предупреждения правонарушений определим, что наступлением правонарушения является «1», отсутствием правонарушения – «0».

Для применения форм профилактики правонарушений вероятность возникновения антиобщественного или негативного события должна быть отлична от нуля, но не близка к единице. Иными словами, профилактика правонарушения возможна, когда эксперты фиксируют и наблюдают признаки возникновения антиобщественных событий, могут оценить риски и угрозы развития этих событий и спрогнозировать их динамику, а также имеются предпосылки для их реализации. Например, профилактика возможна в случаях пандемии, преступности, правонарушений.

Процессуальные формы предупреждения правонарушений так же, как и профилактика правонарушений, означают совокупность мер и действий, направленных на предупреждение антиобщественного события, но в случае, когда вероятность возникновения такого события близка к единице. Иными словами, когда событие из множества негативных событий формализуется в конкретное событие. Например, предупреждение теракта может включать в себя оперативные мероприятия правоохранительных органов для предотвращения его совершения.

Таким образом, отличие между формой профилактики правонарушений и процессуальной формой предупреждения правонарушений заключается в том, что профилактика нацелена на предотвращение предпосылок, приводящих к возникновению антисоциальных событий, тогда как процессуальные формы предупреждения нацелены на предотвращение конкретного антисоциального события.

Могут ли провайдеры хостинга быть отнесены к субъектам предупреждения преступности или к лицам, участвующим в профилактике правонарушений

Анализ правовых актов позволяет сделать вывод, что предупреждение преступлений имеет процессуальные формы и формы профилактики. Причем процессуальные формы предупреждения правонарушений могут использовать субъекты, имеющие определенный круг задач и обладающие определенными правами и обязанностями, а также компетенциями в области криминологии. Например, к субъектам предупреждения экономической преступности относятся конкретные государственные структуры, обладающие компетенциями и полномочиями в данной области.

Провайдеры хостинга обладают совокупностью прав и обязанностей в области предоставления услуг хранения информации третьих лиц в Сети, предоставления доступа к ней и использования технологических мощностей для осуществления этих действий. Круг задач, прав и обязанностей провайдеров хостинга не входит в область криминологии. Хотя в случаях, предусмотренных законодательством, провайдеры хостинга обязаны взаимодействовать с Роскомнадзором и уполномоченными органами обеспечения безопасности, в том числе национальной безопасности.

Однако, как мы видели, Федеральным законом «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» предусмотрена такая форма профилактики предупреждения правонарушений, как «выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений»[12], т. е. для случая, когда правонарушение еще не установлено. В то же время провайдеры хостинга обладают технологическими мощностями, которые позволяют выявлять и в определенных случаях устранять причины и условия, способствующие совершению правонарушений. Например, в случае распространения вредоносной информации в Сети провайдеры хостинга могут путем мониторинга информации выявить ее и заблокировать к ней доступ.

Исходя из положений ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», мы можем сделать вывод, что если определенные аспекты деятельности юридических лиц, например провайдеров хостинга, которые могут быть связаны с профилактикой правонарушений путем содействия работе иных структур по предупреждению правонарушений, то они могут быть отнесены к лицам, участвующим в профилактике правонарушений.

[12] Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации. № 182-ФЗ от 23.06.2016. (2016). Собрание законодательства Российской Федерации, 26 (ч. I), ст. 3851.

Таким образом, с точки зрения законодательства провайдеров хостинга можно отнести к лицам, участвующим в профилактике правонарушений, но нельзя – к субъектам предупреждения правонарушений. Поскольку провайдер хостинга не обладает определенными правами и обязанностями, не имеет определенный круг задач и не обладает определенной компетенцией в области криминологии.

В то же время такие лица, участвующие в профилактике правонарушений, могут претендовать на правовую, финансовую, административную, материально-техническую помощь со стороны государства[13].

Участие провайдеров хостинга в системе профилактики преступности будет эффективным, поскольку они могут предоставить правоохранительным органам доступ к информации, сохраненной на их серверах, для расследования преступлений и их предотвращения. В более широком контексте признание провайдеров хостинга субъектами профилактики преступности может быть полезным для повышения безопасности в Сети.

Исходя из задач, которые стоят перед лицами, участвующими в профилактике правонарушений, перед интернет-провайдерами должны быть поставлены задачи выявления вредного содержания и общественно опасных действий в Сети, например, посредством применения ИИ, анализа больших данных.

ИИ в системе предупреждения правонарушений

Все чаще мы встречаем примеры применения систем ИИ в различных областях экономики и общественных отношений. В Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» определена одна из целей развития искусственного интеллекта в Российской Федерации – это «обеспечение национальной безопасности и правопорядка» (п. 23)[14].

Возможности ИИ могли бы служить инструментом выявления точек напряженности в Сети (Филипова, Коротеев, 2023), а объединение ИИ и уполномоченных органов в области обеспечения общественной безопасности как комбинации взаимодействия позволило бы не только получить смысловой анализ таких признаков преступного деяния, как противоправность, общественная опасность, содержащаяся в размещенной информации (Громова, Петренко, 2023), оценить реальность намерений человека совершить противоправные действия, но и вовремя отреагировать уполномоченным органам в области обеспечения общественной безопасности и тем самым предотвратить правонарушения.

ИИ – это «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека»[15]. В комплекс технологических решений входят информационно-коммуникационная инфраструктура, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке больших данных и поиску решений (п. 5 пп. «а»)[16].

Поскольку ИИ может выявлять нездоровую активность в любых информационных системах, его использование провайдерами хостинга позволит предупредить правонарушение. Такой нездоровой активностью могут быть подготовка к преступлению, намерение совершить преступление, и в этих случаях ИИ может вычислить вероятность совершения преступления, построить причинно-следственные связи развития событий и передать эту информацию правоохранительным органам. Например, такая информационная модель взаимодействия могла предотвратить совершение преступлений, информацию о планировании которых преступники выкладывали в Сеть задолго до его реализации[17, 18]. После совершения преступления следственные органы исследуют страницы преступника в социальных сетях, выявляют и блокируют такую информацию.

В соответствии с ч. 4 ст. 12 Федерального закона «О полиции» к обязанностям полиции отнесено «выявление лиц, имеющих намерение совершить преступление»[19]. Понятие «намерение совершить преступление»

---

[13] Там же.

[14] Указ Президента РФ № 490 от 10.10.2019. (2019). Собрание законодательства Российской Федерации, 41, ст. 5700.

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] Андреева, В. (2021, 11 мая). «Хочу, чтобы признали себя рабами»: найден блог предполагаемого стрелка из Казани. Пятый канал. https://www.5-tv.ru/news/342735/hocu-ctoby-priznali-seba-rabami-najden-blog-predpolagaemogo-strelka-izkazani/

[18] (2012, 7 ноября). Юрист, расстрелявший коллег, опубликовал манифест о ненависти к человечеству. Телеканал «Россия». https://smotrim.ru/article/2001510

[19] О полиции. № 3-ФЗ от 07.02.2011. (2011). Собрание законодательства Российской Федерации, 7, ст. 900.

включает оценку вероятности совершения уголовно наказуемых действий, что, в свою очередь, является прогнозированием.

В зарубежной научной литературе обсуждается возможность использования ИИ в целях прогнозирования преступлений (Navalgund & Priyadharshini, 2018)[20] и уделяется внимание проблеме использования ИИ для предсказательной аналитики и предотвращения преступлений. В российском научном пространстве исследований, посвященных этой тематике, меньше (Расторопов, 2020; Сретенцев, Волкова, 2021) и основное внимание в них уделено применению ИИ на этапе расследования преступления (Sukhodolov & Bychkova, 2018). Например, программе «Конструктор места происшествия», системам моделирования различных следственных действий (Смушкин, 2023; Яшин, 2022). Но эти отечественные системы не решают проблему прогнозирования преступления, хотя еще в 2008 г. авторы предлагали использовать методы предиктивной аналитики в целях принятия обоснованных управленческих решений (Горбенко, Мамасуев, 2008).

Актуальность проблемы применения ИИ подтверждает поставленная в Ведомственной программе цифровой трансформации МВД России на 2022–2024 гг.[21] задача ликвидации имеющихся отставаний по вопросам применения технологий ИИ.

Несмотря на то, что в зарубежных исследованиях имеются результаты прогнозирования преступления, закономерен вопрос о том, можно ли прогнозировать совершение преступления. Иными словами, имеются ли у преступления те параметры или признаки, которые подлежат вероятностной оценке.

Прогнозирование преступления

В криминологическом исследовании может быть выявлено, что определенные социальные, экономические, демографические или географические факторы связаны с повышенной вероятностью совершения преступлений в определенном районе или сообществе. Эти данные затем могут использоваться для создания моделей предиктивной аналитики. Задачи криминологического прогнозирования включают прогнозирование «преступности, личности преступника, факторы (причины и условия) преступности, последствия преступности, меры борьбы с преступностью»[22]. Причем преступность рассматривается на трех уровнях интерпретации: свойства преступности как массового явления, свойства преступника, признаки преступного деяния.

Рассмотрим вопрос признаков преступного деяния, который является одним из ключевых в области использования ИИ для прогнозирования преступлений. Ученые пытаются выявить параметры и признаки, связанные с совершением преступлений, для того чтобы определить вероятностную оценку.

Если подходить к оценке преступления как преступного деяния, то построение системы установленных причинно-следственных связей и закономерностей, сопровождающих преступные деяния, позволит дать оценку состояния и вероятного направления его развития. Принимая во внимание, что преступление является конкретным юридическим фактом, он должен обладать определенными закономерностями и признаками, подлежащими оценке.

Т. Н. Долгих считает, что в теории уголовного права, несмотря на сформулированное понятие преступления, вопрос о перечне признаков преступления является дискуссионным, поскольку УК РФ не определяет понятие и виды признаков преступления (Долгих, 2023). С учетом анализа определения, сформулированного в ч. 1 ст. 14 УК РФ, выделяются следующие признаки преступления как деяния: общественная опасность, противоправность, виновность, наказуемость. Эти признаки присущи уже совершенному деянию, у которого в связи с его реальностью можно определить и оценить вышеобозначенные признаки.

ИИ можно доверить оценку только двух признаков: общественной опасности и противоправности. Два других признака – наказуемость и виновность – должны быть оценены только человеком, ИИ в этом случае может дать только рекомендацию, окончательное решение должно принимать уполномоченное лицо.

Например, для получения ответа, является ли смысловая конструкция в Интернете общественно опасной и содержит ли она признаки противоправности, интеллектуальной системе необходимо оценить не только

[20] Westermann, H., Joyce, M., & Dupont, B. (2019). Artificial Intelligence in the Context of Crime and Criminal Justice. Academia. https://www.academia.edu/40999602/Artificial_Intelligence_in_the_Context_of_Crime_and_Criminal_Justice

[21] Распоряжение МВД России № 1/37 от 11.01.2022. СПС «КонсультантПлюс». (Документ опубликован не был.)

[22] Комиссаров, В. С., Крылова, Н. Е., Тяжкова, И. М. (ред.) (2012). Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов. Москва: Статут.

смысл текста, но и все связанные с размещением этого текста события, например, провести анализ всей информации, которая размещена на странице социальной сети преступника, его социальных связей, поскольку одна и та же информация может носить различную окраску в зависимости от контекста. Например, словосочетание «я тебя убью» может быть как выражением любви, так и угрозой совершения убийства. Для оценки реальности угрозы интеллектуальные системы должны проанализировать множество данных, оставленных человеком, разместившим текст, – его цифровые следы и цифровые тени (Жарова и др., 2022). В этом случае получаемый результат работы интеллектуальной системы будет отвечать требованию смыслового толкования обстоятельств криминальной ситуации в неразрывной связи со всеми сведениями по делу (Халиков, 2021).

Хотя в целях объективности необходимо отметить, что не существует абсолютно точных технологий и возможны ошибки в оценке данных. Ошибки в оценке данных могут возникать из-за различных факторов, включая неполные данные, недостаточную контекстуальную информацию или проблемы с алгоритмами анализа. Но задача ИИ – не принять решение за уполномоченное лицо, а передать результат своей работы – вероятностную оценку опасности, противоправности и реальности намерений человека, полученную на основе совокупности цифровых данных, уполномоченным органам в области обеспечения безопасности.

Фактически оценка ИИ признаков деяния позволит ответить, можно ли отнести это деяние к преступлению. В случае прогнозирования развития событий необходимо проанализировать совокупность данных, оставленных человеком в Сети. Прогнозирование вероятности совершения преступлений конкретным человеком происходит на основе анализа его криминогенных качеств (Антонян, Аминов, 2019)[23]. В этом случае ИИ анализирует существующие отношения, действия, совершаемые человеком. Результаты работы таких математических моделей уже представлены общественному обсуждению (Завьялов, 2021)[24].

Таким образом, вопрос отнесения параметров и признаков, которые могут быть подвергнуты вероятностной оценке в контексте прогнозирования преступлений, остается сложным и часто вызывает споры в научном сообществе.

Оценка ИИ стадий преступления

Возможным этапом оценки преступных деяний является оценка стадий совершения преступлений. С. В. Расторопов считает, что «преступные действия достаточно предсказуемы и прогнозируемы, необходимо лишь правоохранительным органам найти в больших объемах данных эти закономерности» (Расторопов, 2020).

Такой анализ может помочь правоохранительным органам эффективнее предотвращать правонарушения и бороться с преступностью, а также улучшить стратегии противодействия преступлениям.

Для анализа больших данных в целях выявления в них преступных действий можно использовать различные методы машинного обучения, анализа текстов, образов и другие технологии, чтобы выявлять закономерности и предсказывать действия человека. Анализ больших данных может позволить оценить преступные действия на предмет их соответствия стадиям преступления: приготовлению, покушению и оконченному действию. В этом случае ИИ должен оценить вероятность перерастания одной стадии преступления в другую, выявить сопровождающие преступные действия события и явления, распознать их, сравнить полученные данные с другими данными, построить причинно-следственную связь и предотвратить переход стадий преступления в последующие стадии (Жарова, 2022). Хотя оценка стадий возможна не для любых преступлений. Специалисты в области уголовного права считают, что стадии преступлений возможны только для умышленных преступлений[25]. В таком случае закономерен вопрос: может ли ИИ выявить преступный умысел в размещенной информации. Иными словами, может ли ИИ построить вероятностную модель перерастания преступного умысла в совершение преступных действий определенным человеком?

Преступный умысел как отражение преступных намерений может быть выражен посредством телодвижения, слов, символов, фото- и видеоматериалов. Современные возможности ИИ позволяют оценить всю связанную с человеком информацию и выявить, например, в Сети предварительную преступную деятельность.

---

[23] Малков, В. Д. (2006). Криминология: учебник для вузов (2-е изд., перераб. и доп.). Москва: Юстицинформ.

[24] Cisco Secure Endpoint (AMP for Endpoints). CISCO. https://www.cisco.com/c/en_hk/products/security/amp-for-endpoints/index.html

[25] Рарог, А. И. (отв. ред.). (2011). Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации» (постатейный) (7-е изд., перераб. и доп.). Москва: Проспект.

Необходимо оговориться, что, хотя большая часть российских специалистов уголовного права не относят формирование преступного умысла к стадиям преступления (Андрусенко и др., 2012), есть и те, кто считает это нулевой стадией подготовки преступления (Ситникова, 2015; Баев, 2017).

В зарубежной научной литературе ученые представляют результаты своих работ, связанные с выявлением ИИ преступных намерений, умысла по результатам проведенного анализа пользовательского контента на платформах социальных сетей (Bokolo et al., 2023). В проведенном авторами статьи эксперименте использование методов машинного обучения позволило понять и проанализировать настроения пользователей в социальной сети, связанные с возможными преступными действиями. ИИ достаточно точно определил преступные намерения, отраженные в пользовательском контенте, что позволило правоохранительным органам усилить свои упреждающие меры.

Обсуждая возможность предотвращения преступлений, мы должны исходить из того, что распознание ИИ преступного умысла, выраженного в информации, размещенной в Сети, позволит оценить вероятность перерастания умысла в реальность преступных действий и заблаговременно отправить эту информацию уполномоченным органам в области обеспечения безопасности. Тем самым риск развития преступных действий будет минимизирован, а правоохранительные органы примут соответствующие профилактические меры.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что предупреждение правонарушений содержит формы профилактики и процессуальные формы предупреждения правонарушений. Объединяет эти два подмножества форм принятие мер по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступления или других нарушений закона. Однако нужно отметить, что выявление причин и условий, способствующих совершению правонарушений, не входит в подмножество процессуальных форм предупреждения правонарушений.

Процессуальные формы направлены на предотвращение конкретных видов правонарушений, в то время как профилактика в какой-то мере применяет методы предиктивной аналитики, предполагая возможность наступления негативного антисоциального события и используя различные организационные, технологические и правовые инструменты и меры.

Таким образом, прогнозирование преступных действий – это один из этапов предупреждения правонарушений, осуществляемый с использованием методов предиктивной аналитики данных, оставленных человеком. Точность вычислений, проводимых ИИ, с каждым годом увеличивается, в связи с чем растет и точность полученных вероятностей и прогнозов.

Применение ИИ уполномоченными органами охраны правопорядка, их взаимодействие с провайдерами хостинга позволяют не только выявить противоправный и общественно опасный контент, но и оценить вероятность совершения преступления конкретным человеком. Применение ИИ провайдерами хостинга позволит обеспечить профилактику противоправных действий, выявить стадию формирования преступного умысла, выраженного в размещенной им информации, и тем самым минимизировать возможность перерастания умысла в реальность преступных действий.

Список литературы

Андрусенко, С. П., Голованова, Н. А., Гравина, А. А. (2012). *Международно-правовые стандарты в уголовной юстиции Российской Федерации*: научно-практическое пособие. Москва: ИЗиСП, Анкил.

Антонян, Е. А., Аминов, И. И. (2019). Блокчейн-технологии в противодействии кибертерроризму. *Актуальные проблемы российского права*, *6*(103), 167–177. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.103.6.167-177

Баев, О. Я. (2017). Криминалистические методики в реализации доказывания по уголовным делам и совершенствование основ их конструирования. *Законы России: опыт, анализ, практика*, *5*, 21–29.

Горбенко, А. О., Мамасуев, А. В. (2008). Применение аналитических систем при принятии управленческих решений в органах внутренних дел (аналитические системы OLAP). *Вестник Академии экономической безопасности МВД России*, *4*, 96–99. EDN: NEFKRP.

Громова, Е. А., Петренко, С. А. (2023). Квантовое право: начало. *Journal of Digital Technologies and Law*, *1*(1), 62–88. https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.3

Долгих, Т. Н. (2024). Признаки преступления в теории уголовного права. *СПС КонсультантПлюс*.

Жарова, А. К. (2022). Необходимо ли ужесточение требований об обязательном общем мониторинге информации провайдерами хостинга? *Труды по интеллектуальной собственности*, *41*(2), 21–29. https://doi.org/10.17323/tis.2022.14439

Жарова, А. К., Елин, В. М., Минбалеев, А. В. (2022). *Парадигма цифрового профилирования деятельности человека: риски, угрозы, преступления*. Москва: ООО «Русайнс». EDN: DNKVPR.

Завьялов, И. А. (2021). Зарубежный опыт использования искусственного интеллекта в раскрытии преступлений. *Вестник Московского университета МВД России*, *3*, 228–236. EDN: MWOJZD.

Малков, В. Д. (2014). Предупреждение и профилактика преступлений и иных правонарушений в системе борьбы с преступностью. *Вестник МГЛУ*, *25*(711), 78–88.

Расторопов, С. В. (2020). Использование искусственного интеллекта для предупреждения и выявления преступлений (мировой опыт). *Международное публичное и частное право*, *5*, 40–43. EDN: QPDQHX. DOI: https://doi.org/10.18572/1812-3910-2020-5-40-43

Савченко, А. А. (2010). Соотношение понятий профилактики преступлений и предупреждения преступлений в современной юридической доктрине. *Современное право*, 3, 112–114. EDN: MTWGEL.

Ситникова, А. И. (2015). Глава «Неоконченное преступление» УК РФ и ее законодательно-текстологическое обоснование. *Lex russica*, 11, 83–95. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2015.108.11.083-095

Смушкин, А. Б. (2023). Экосистема предварительного расследования. *Актуальные проблемы российского права*, *18*(7), 143–158. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.152.7.143-158

Сретенцев, Д. Н., Волкова, В. Р. (2021). Перспективы внедрения систем искусственного интеллекта в сферу расследования преступлений. *Российский следователь*, *11*, 38–42. EDN: HLNQDU.

Суходолов, А. П., Бычкова, А. М. (2018). Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции. *Всероссийский криминологический журнал*, *12*(6), 753–766. https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(6).753-766

Филипова, И. А., Коротеев, В. Д. (2023). Будущее искусственного интеллекта: объект или субъект права? *Journal of Digital Technologies and Law*, *1*(2), 359–386. https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.15

Халиков, А. Н. (2021). Герменевтические проблемы истолкования криминалистической информации при расследовании уголовных дел. *Российский следователь*, *2*, 19–23.

Яшин, А. А. (2022). Виртуальные технологии в расследовании преступлений: перспективные направления и возможности использования. *Адвокатская практика*, *6*, 23–26.

Bokolo, B. G., Onyehanere, P., Ogegbene-Ise, E., Olufemi, I., & Tettey, J. N. A. (2024). Leveraging Machine Learning for Crime Intent Detection in Social Media Posts. In F. Zhao, D. Miao (Eds.), *AI-generated Content. AIGC 2023. Communications in Computer and Information Science* (Vol. 1946, pp. 224–236). Singapore: Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-99-7587-7_19

Navalgund, U. V., & Priyadharshini, K. (2018, December). Crime Intention Detection System Using Deep Learning. In *2018 International Conference on Circuits and Systems in Digital Enterprise Technology (ICCSDET)* (pp. 1–6). https://doi.org/10.1109/iccsdet.2018.8821168

References

Andrusenko, S. P., Golovanova, N. A., & Gravina, A. A. (2012). *International-legal standards in criminal justice of the Russian Federation:* scientific and practical tutorial. Moscow: IZISP, Ankil. (In Russ.).

Antonyan, E. A., & Aminov, I. I. (2019). Blockchain technologies in countering cyberterrorism. *Actual Problems of Russian Law*, *6*(103), 167–177. (In Russ.). https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.103.6.167-177

Baev, O. Ya. (2017). Forensic Techniques in the Implementation of Proof in Criminal Cases and Improve the Basics of its Design. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, *5*, 21–29. (In Russ.).

Bokolo, B. G., Onyehanere, P., Ogegbene-Ise, E., Olufemi, I., & Tettey, J. N. A. (2024). Leveraging Machine Learning for Crime Intent Detection in Social Media Posts. In F. Zhao, D. Miao (Eds.), *AI-generated Content. AIGC 2023. Communications in Computer and Information Science* (Vol. 1946, pp. 224–236). Singapore: Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-99-7587-7_19

Dolgikh, T. N. (2024). Signs of crime in the theory of criminal law. *ConsultantPlus*. (In Russ.).

Filipova, I. A., & Koroteev, V. D. (2023). Future of the Artificial Intelligence: Object of Law or Legal Personality? *Journal of Digital Technologies and Law*, *1*(2), 359–386. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.15 https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.15

Gorbenko, A. O., & Mamasuev, A. V. (2008). The use of analytical systems in making managerial decisions in internal affairs bodies (OLAP analytical systems). *Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, *4*, 96–99.

Gromova, E. A., & Petrenko, S. A. (2023). Quantum law: the beginning. *Journal of Digital Technologies and Law*, *1*(1), 62–88. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.3

Khalikov, A. N. (2021). Hermeneutical problems of interpretation of forensic information in the investigation of criminal cases. *Russian Investigator*, *2*, 19–23. (In Russ.).

Malkov, V. D. (2014). The prevention of crime and other offences in the system of combating crime. *Bulletin of Moscow State Linguistic University*, *25*(711), 78–88. (In Russ.).

Navalgund, U. V., & Priyadharshini, K. (2018, December). Crime Intention Detection System Using Deep Learning. In *2018 International Conference on Circuits and Systems in Digital Enterprise Technology (ICCSDET)* (pp. 1–6). https://doi.org/10.1109/iccsdet.2018.8821168

Rastoropov, S. V. (2020). The use of artificial intelligence for crime prevention and identification (the world experience). *International Public and Private Law*, *5*, 40–43. (In Russ.). https://doi.org/10.18572/1812-3910-2020-5-40-43

Savchenko, A. A. (2010). Correlation between the notions of crime prophylactics and crime prevention in the modern legal doctrine. *Modern law*, *3*, 112–114. (In Russ.).

Sitnikova, A. I. (2015). Chapter "Uncompleted crime (inchoate crime)" of the CC RF and its legislative and textual justification. *Lex russica*, *11*, 83–95. (In Russ.). https://doi.org/10.17803/1729-5920.2015.108.11.083-095

Smushkin, A. B. (2023). Ecosystem of preliminary investigation. *Actual Problems of Russian Law*, *18*(7), 143–158. (In Russ.). https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.152.7.143-158

Sretensev, D. N., & Volkova V. R. (2021). Prospects for the introduction of artificial intelligence systems in crime investigation. *Russian Investigator*, *11*, 38–42. (In Russ.).

Sukhodolov, A. P., & Bychkova, A. M. (2018). Artificial Intelligence in Crime Counteraction, Prediction, Prevention and Evolution. *Russian Journal of Criminology*, *12*(6), 753–766. (In Russ.). https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(6).753-766

Yashin, A. A. (2022). Virtual technologies in the investigation of crimes: promising directions and possibilities of use. *Law Practice*, *6*, 23–26. (In Russ.).

Zavyalov, I. A. (2021) Foreign experience of using artificial intelligence in solving crimes. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, *3*, 228–236. (In Russ.).

Zharova, A. K. (2022). Is it necessary to tighten the requirements for mandatory general monitoring of information by hosting providers? *Works on Intellectual Property*, *41*(2), 21–29. (In Russ.). https://doi.org/10.17323/tis.2022.14439

Zharova, A. K., Elin, V. M., & Minbaleev, A. V. (2022). *The paradigm of digital profiling of human activity: risks, threats, crimes*. Moscow: Rusains Limited Liability Company. (In Russ.).

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления/ Received 02.04.2024
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 12.05.2024
Дата принятия в печать / Accepted 20.05.2024

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.481-499**

УДК [328.185:343.352]:[32:330.34:332]:303
JEL: A10, C8, D73, J11, O1, R1

К. А. Устинова[1],
А. Н. Гордиевская[1]

[1] *Вологодский научный центр Российской академии наук, г. Вологда, Россия*

Коррупционный фактор через призму социально-демографических аспектов: политический и экономический контекст

Контактное лицо:
Устинова Ксения Александровна, кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник, заведующий лабораторией инновационной экономики,
Вологодский научный центр Российской академии наук
E-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-6198-6462
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/I-8164-2016
eLIBRARY SPIN-код: 4818-5017

Гордиевская Александра Николаевна, научный сотрудник сектора сбора и первичной обработки данных центра социокультурных и политических исследований отдела исследования уровня и образа жизни населения, Вологодский научный центр Российской академии наук
E-mail: alessu85@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-7777-3456
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/I-9439-2016
eLIBRARY SPIN-код: 6830-1230

Аннотация

Цель: определение влияния на коррупцию социально-демографических факторов и характеристик политических и экономических изменений.

Методы: в работе использован метод сравнительного анализа, а также построение таблиц сопряжений и индексный метод, в качестве информационной базы применялись данные мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, в рамках которого опрошено посредством анкетирования по месту жительства 1 500 респондентов. Выборка случайная, квотная, репрезентативность обеспечена соблюдением пропорций между жителями населенных пунктов различных типов, половозрастной структуры населения, ошибка выборки не превышает 3 %.

Результаты: проявления коррупции являются предметом научного дискурса достаточно длительное время, однако подходы к ее изучению постоянно расширяются с исторической, правовой, экономической точки зрения. В статье коррупция рассматривается как многоаспектное явление и анализируется с позиций интегративного подхода, предполагающего учет территориальных аспектов, социально-демографических факторов, а также восприятия населением политической и экономической ситуации в стране и в регионе. Анализ результатов оценки общественного мнения об уровне распространенности коррупции в регионе показал, что наиболее подвержены коррупционным проявлениям органы власти и система здравоохранения. Оценка территориальной распространенности коррупции показала, что по линии «центр – периферия» значения индекса коррумпированности выше в областном центре, чем в районах. Также было выявлено, что различие в социально-демографических характеристиках населения незначительно сказывается на восприятии изменения уровня распространенности коррупции в отличие от восприятия коррупции в зависимости от экономической и политической обстановки в регионе.

Научная новизна: на основе анализа результатов мониторинга уровня развития коррупции в регионе показано, что положительные оценки политической и экономической ситуации связаны с восприятием коррупции на неизменном уровне либо со снижением уровня коррупции. Так, при хороших и очень хороших оценках экономического положения чаще речь шла о снижении уровня коррупции в последний год.

© Устинова К. А., Гордиевская А. Н., 2024

Практическая значимость: выявленные связи между коррупцией, социально-демографическими, политическими и экономическими факторами могут послужить основой для корректировки и совершенствования антикоррупционной политики на уровне региона и страны в целом.

Ключевые слова:
уголовное право и криминология, регион, политическая ситуация, экономическая ситуация, коррупция

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Устинова, К. А., Гордиевская, А. Н. (2024). Коррупционный фактор через призму социально-демографических аспектов: политический и экономический контекст. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(2), 481–499. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.481-499

Scientific article

K. A. Ustinova[1],
A. N. Gordiyevskaya[1]

[1] *Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia*

Corruption factor through the prism of social-demographic aspects: political and economic context

Contact:
Kseniya A. Ustinova, Cand. Sci. (Economics),
Senior Researcher, Head of the Laboratory of Innovative Economics, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences
E-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-6198-6462
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/I-8164-2016
eLIBRARY SPIN-code: 4818-5017

Aleksandra N. Gordiyevskaya, Researcher of the sector for data collecting and primary processing of the Center for socio-cultural and political research, Department for researching citizens' lifestyle and standard of living, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences
E-mail: alessu85@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-7777-3456
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/I-9439-2016
eLIBRARY SPIN-код: 6830-1230

Abstract
Objective: to determine the impact of socio-demographic factors and characteristics of political and economic changes on corruption.
Methods: the work uses the methods of comparative analysis, construction of conjugation tables, and the index method; the information base is the public opinion monitoring data in Vologda oblast, with 1,500 respondents filling in questionnaires at their place of residence. The sample is random and quota; representativeness is ensured by the proportions observed between the residents of settlements of different types, gender and age structure of the population; sampling error does not exceed 3 %.
Results: manifestations of corruption have been the subject matter of scientific discourse for quite a long time, but the research approaches have been constantly expanding from the historical, legal, and economic points of view. The article considers corruption as a multidimensional phenomenon and analyzes it from the perspective of an integrative approach, which implies taking into account territorial aspects, socio-demographic factors, and the citizens' perception of the political and economic

situation in the country and in the region. The analysis of the assessment results of the public opinion about the corruption level in the region showed that the authorities and the health care system are the most susceptible to corruption. The assessment of the territorial prevalence of corruption showed that the corruption index values along the "center – periphery" line are higher in the regional center than in the districts. It was also revealed that differences in the socio-demographic characteristics insignificantly influence the perception of changes in the corruption level, unlike the perception of corruption depending on the economic and political situation in the region.

Scientific novelty: Based on the analysis of the results of the corruption level monitoring in the region, it is shown that positive assessments of the political and economic situation are associated with an unchanged or decreased level of corruption perception. Hence, good and very good assessments of the economic situation were more often associated with a decrease in the corruption level last year.

Practical significance: the identified links between corruption, socio-demographic, political and economic factors can serve as a basis for adjusting and improving anti-corruption policy at the regional and state level.

Keywords:

criminal law and criminology, region, political situation, economic situation, corruption

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Ustinova, K. A., & Gordiyevskaya, A. N. (2024). Corruption factor through the prism of social-demographic aspects: political and economic context. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(2), 481–499. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.481-499

Введение

Коррупция характеризуется с позиций социально-экономического явления, границы исследования которого со временем расширяются. Это сопровождается ростом научного интереса к изучению данного феномена как многоаспектного, характеризуемого с позиций не только экономических (Роуз-Аккерман, 2010; Aidt, 2003; Olken, 2009), политических (Хантингтон, 2004; Amundsen, 2006; Fjelde & Hegre, 2014; Treisman, 2007), но и социально-культурных особенностей (Папакостас, 2016; Barr & Serra, 2010; Getz & Volkema, 2001). Обозначенное требует интегративного подхода в отношении изучения отдельных аспектов данного феномена и их совокупности (Журавлев, Юревич, 2012). Однако такое рассмотрение вследствие многостороннего характера коррупции и наличия разных подходов к толкованию этого феномена может приводить к сложностям его восприятия, а также к необходимости преодоления негативных последствий данного явления (Папакостас, 2016; Barr & Serra, 2010; Getz & Volkema, 2001). Последнее обладает принципиальной значимостью, поскольку, по некоторым оценкам, каждый четвертый россиянин ежегодно сталкивается с проявлением коррупции в отношении сотрудников налоговых, таможенных органов, представителей образовательной сферы, сферы здравоохранения и др. (Карепова, 2019). В свою очередь, это сопровождается необходимостью консолидации усилий не только представителей государственной власти, но и общественных институтов (центров противодействия коррупции, общественных антикоррупционных комитетов) и научных организаций.

Необходимость исследования коррупции обуславливается ее неоднозначной ролью в экономическом развитии. Среди примеров отрицательного воздействия коррупции на экономическое развитие приводятся утверждения о негативном ее влиянии на развитие бизнеса, в том числе и через снижение стабильности, а также нарушение прав собственности (Summers, 1997). Помимо работ, в которых рассматривается коррупция на организационном уровне, существуют исследования о воздействии коррупции на экономический рост стран. Присутствуют эмпирические подтверждения о снижающих уровень коррупции факторах, среди которых уровень экономического развития стран, межрегиональная конкуренция, качество политических и экономических институтов и др. В свою очередь, считается, что экономический рост может положительно

сказаться на качестве экономических и политических институтов, снизить уровень коррупции, касающейся бюрократического аппарата (Acemoglu et al., 2005; Glaeser, 2005; Glaeser et al., 2004). Обосновывается связь прав собственности, инвестиций и экономического роста (North, 1991; De Long & Shleifer, 1993; Weingast, 1995; Goldstein & Udry, 2008; Jones, 1981; Acemoglu & Johnson, 2005; Olson, 2000). Делается вывод о позитивном влиянии на уровень коррупции таких факторов, как права собственности, а также экономические изменения. Наряду с этим, подчеркивается положительное влияние уровня свободы в стране и коррупции (Graeff & Mehlkop, 2003; Brunetti & Weder, 2003). Высокий уровень свободы в стране, в том числе связанный со свободой прессы, сопровождается невысокой коррупцией. Еще одним параметром, положительно сказывающимся на уровне коррупции, становится, например, соотношение заработных плат государственных служащих и работников обрабатывающей промышленности (Van Rijckeghem & Weder, 2001).

В ряде работ (например, David & Brierley, 1978; Finer 1997; La Porta et al., 1998) вводится обоснование различий в уровне коррупции в зависимости от сложившейся правовой системы. Так, в государствах с британской системой общего права, акцентирующей внимание в первую очередь на имущественных и частных правах и призванной ограничить власть суверена, чаще уровень коррупции ниже, чем в странах со скандинавским, французским, немецким гражданским правом. В этих странах, напротив, сделан акцент на создании государством институтов, позволяющих сохранить и расширить власть и извлечь необходимые ресурсы. Французское, скандинавское и немецкое гражданское право созданы как инструменты государства для расширения его власти; а социалистическое право – это проявление стремления государства создать институты для сохранения власти и извлечения ресурсов без особого внимания к защите экономики. Таким образом, предполагается, что в странах с британской правовой системой будет наблюдаться меньшая склонность к коррупции (Mocan, 2004) по сравнению с государствами, в которых распространено скандинавское, французское, немецкое гражданское право (David & Brierley, 1978).

Схожие по направленности исследования в области коррупции осуществлялись и отечественными исследователями. Подчеркнем, что научный интерес к рассмотрению вопросов коррупции разнился по своей интенсивности и направленности в зависимости от этапов развития государства. В этом отношении считается, что осмысление феномена коррупции связано с пониманием становления государственности. Считается, что одни из первых работ по тематике коррупции были опубликованы в конце XIX в. (А. Градовский, В. Евреинов, К. Кавелин, В. Ключевский, Н. Коркунов, Б. Чичерин, В. Ширяев). В центре внимания находились вопросы истоков коррупции, а также осуществление исторического анализа этого феномена. Снижение научного интереса к исследованию коррупции происходило в советский период, что во многом было обусловлено идеологическими «посылами», связанными с наличием в государстве и обществе установок о нераспространенности данного явления. Возобновление интереса к исследованию этих вопросов обозначилось в конце XX в., это проявилось в публикации в научных изданиях общественно-политической направленности результатов исследований по коррупционной проблематике (Селезнев, 2010).

Наряду с различием научного интереса к исследованию коррупции на разных этапах развития государства, следует отметить, что в работах различаются и исследовательские акценты. Если изначально в зоне внимания находился исторический акцент, впоследствии важная роль отводилась правовому и экономическому контексту. В последнем случае внимание исследователей сосредоточено на таких проблемах, как связь экономических изменений и распространенности коррупции, а также вопросы теневой экономики. Обозначенное выше можно рассматривать с позиций предпосылок к применению междисциплинарного подхода к исследованию коррупции, положения которого получили распространение в трудах Ю. А. Болдырева, С. В. Бондаренко, Б. В. Волженкина и других исследователей. Так, в работах С. В. Бондаренко сделан акцент на предпосылках и причинах возникновения коррупции, на том, как распространенность коррупции негативно отражается на социально-экономических преобразованиях, как использование информационных технологий может сказываться на ведении антикоррупционной деятельности (Бондаренко, 2002). Все чаще в отечественных исследованиях речь идет о том, что коррупцию следует рассматривать и анализировать как системное явление. Подобный подход получил распространение в работах В. Л. Римского (Римский, 2007), в которых отмечается, что коррупция затрагивает все общество, проявляется во всех сферах жизнедеятельности, теневые формы ведения деятельности и обращения с доходами у граждан, представителей бизнеса и чиновников. Тем не менее, несмотря на интерес к исследованию проблем коррупции, сохраняются вопросы, которые требуют внимания со стороны исследователей. К таким вопросам относится выявление наиболее

системных и глубоких причин, обуславливающих распространение коррупции, которые связаны с общественным устройством, с существующими социальными структурами.

Одним из важнейших исследовательских вопросов становится изучение не только коррупции и факторов, ее определяющих, но и эмпирический анализ предкоррупционных ситуаций. Такое расширенное исследование создает предпосылки для определения коррупционных рисков, выявления коррупционных угроз с целью формирования мероприятий, направленных на проведение антикоррупционной профилактики, обобщению практического опыта по противодействию коррупции (Бурмакин, 2020).

Исследование нацелено на определение того, как на распространенность коррупции влияют социально-демографические факторы и характеристика политических и экономических изменений.

Достижение обозначенной цели предполагает решение следующих задач: оценка изменений уровня коррупции за последний год в зависимости от отдельных характеристик респондентов (пол, возраст, уровень образования), а также характеристик политической и экономической обстановки на страновом и региональном уровне; характеристика распространенности коррупции среди близкого окружения; оценка степени коррумпированности отдельных сфер жизни общества.

В качестве информационной базы в работе выступили труды ученых по проблематике, связанной с коррупцией, факторами, ее определяющими, по вопросам коррупционных рисков и угроз. Наряду с этим использовались данные мониторинга общественного мнения, который проводился в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском муниципальных округах и Шекснинском муниципальном районе Вологодской области. Всего были опрошены 1500 человек в возрасте 18 лет и старше, в том числе в Вологде – 398, Череповце – 405 и в районах области – 697. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Выборка случайная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3 %.

Результаты исследования

Основная линия исследования заключается во взаимоучете двух аспектов, с одной стороны, аспекта, связанного с изменением уровня коррупции в стране за последний год, с другой – с тем, насколько близкое окружение участвовавших в социологическом исследовании сталкивалось с проявлениями коррупции. Обозначенные аспекты рассматривались с учетом *территориального фактора* (учитывая деление на отдельные города, районы и принимая во внимание данные по Вологодской области в целом), *социально-демографических факторов* (пол, возраст, уровень образования), а также от *восприятия политической и экономической ситуации в стране и в регионе*.

Анализ данных мониторинга общественного мнения населения Вологодской области о коррумпированности общества свидетельствует о неизменности уровня коррупции за последний год для трети населения, о меньшей (практически вдвое) представленности количества заявляющих об увеличении уровня коррупции (табл. 1).

Исследование осведомленности о конкретных случаях коррупции свидетельствует о распространенности практически для каждого третьего опрошенного таких ситуаций. Вдвое реже по сравнению с обозначенным встречались те, которые слышали о коррупции часто (табл. 2). Таких было несколько меньше в районах Вологодской области по сравнению с другими территориями.

Интересен с научной точки зрения вопрос не только в отношении распространенности коррупции в целом, но и о том, в каких сферах она чаще всего встречается. По оценкам населения, высокий и очень высокий уровень коррупции в 33 % случаев наблюдается в федеральных, а в 27 % – в региональных органах власти, практически четверть населения отмечает распространенность коррупции в правоохранительных органах (полиция, прокуратура, следственные органы (табл. 3). В то же время, по оценкам населения, данному явлению в меньшей степени подвержены социальное обеспечение и сфера ЖКХ.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Как, по вашему мнению, изменился уровень коррупции в нашей стране за последний год?», % от числа опрошенных

Table 1. Distribution of the answers to the question "How, in your opinion, has the corruption level in our country changed in the last year?", % of the respondents

Вариант ответа / Answer	Вологда / Vologda	Череповец / Cherepovets	Районы / Regions	Вологодская область / Vologda oblast
Понизился / Decreased	9,3	9,6	5,2	7,5
Не изменился / Did not change	25,1	33,1	32,7	30,8
Повысился / Increased	11,1	22,2	14,5	15,7
Затрудняюсь ответить / Cannot say	54,5	35,1	47,6	46,1
*Индекс оценки изменения уровня коррупции / Assessment of changes in the corruption level**	*2,04*	*2,19*	*2,18*	*2,15*

Примечание: * Индекс оценки изменения уровня коррупции рассчитывался как среднее по шкале оценок «понизился» – 1 балл, «не изменился» – 2 балла, «повысился» – 3 балла. Чем ближе значение индекса к 3 пунктам, тем хуже респонденты оценивают тенденции изменения уровня коррупции.

Note: Assessment of changes in the corruption level was calculated as a mean by the scale of scores: "decreased" – 1 score, "did not change" – 2 scores, "increased" – 3 scores. The closer index to 3 scores, the worse respondents evaluate the trends in the corruption level.

Источник: данные мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, ФГБУН «ВолНЦ РАН», 2023 г.

Source: public opinion monitoring data of the Vologda oblast population, VolNTs RAN, 2023.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли вам слышать от ваших знакомых или сталкиваться с конкретными случаями коррупции?», % от числа опрошенных

Table 2. Distribution of the answers to the question "Have you heard from your acquaintances or encountered cases of corruption?", % of the respondents

Вариант ответа / Answer	Вологда / Vologda	Череповец / Cherepovets	Районы / Regions	Вологодская область / Vologda oblast
Никогда / Never	17,6	20,7	22,1	20,5
Редко / Seldom	27,4	38,0	29,1	31,1
Часто / Often	14,3	18,0	14,1	15,2
Затрудняюсь ответить / Cannot say	40,7	23,2	34,7	33,2
*Индекс распространенности коррупции / Corruption index**	*1,94*	*1,96*	*1,88*	*1,92*

Примечание: * Индекс распространенности коррупции рассчитывался как среднее по шкале оценок «никогда» – 1 балл, «редко» – 2 балла, «часто» – 3 балла. Чем больше значение индекса, тем чаще респонденты слышали от знакомых или сталкивались лично со случаями коррупции.

Note: Corruption index was calculated as a mean by the scale of scores: "never" – 1 point, "rarely" – 2 points, "often" – 3 points. The higher the index, the more often respondents heard about cases of corruption from their acquaintances or personally faced them.

Источник: данные мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2023 г.

Source: public opinion monitoring data of the Vologda oblast population, VolNTs RAN, 2023.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Какова, на ваш взгляд, степень коррумпированности различных сфер?», % от числа опрошенных

Table 3. Distribution of the answers to the question "In your opinion, what is the level of corruption in various spheres?", % of the respondents

Сфера / Sphere	Вариант ответа / Answer	Вологда / Vologda	Череповец / Cherepovets	Районы / Regions	Вологодская область / Vologda oblast
Федеральные органы власти / Federal authorities	Очень высокая и высокая / High and very high	33,4	34,1	32,9	33,3
	Средняя / Intermediate	21,6	25,7	17,5	20,8
	Низкая / Low	6,8	15,8	10,2	10,8
	Считаю, что коррупции нет / I think there is no corruption	2,3	4,7	7,0	5,1
	Затрудняюсь ответить / Cannot say	35,9	19,8	32,4	29,9
	Индекс / Index**	*2,34*	*2,11*	*2,13*	*2,18*
Региональные органы власти / Regional authorities	Очень высокая и высокая / High and very high	31,4	32,1	22,3	27,3
	Средняя / Intermediate	22,9	24,7	21,5	22,7
	Низкая / Low	7,5	18,8	14,9	14,0
	Считаю, что коррупции нет / I think there is no corruption	2,3	4,4	8,0	5,5
	Затрудняюсь ответить / Cannot say	35,9	20,0	33,3	30,4
	Индекс / Index	*2,30*	*2,06*	*1,87*	*2,03*
Органы местной (муниципальной) власти по вашему месту жительства / Local (municipal) authorities at your place of residence	Очень высокая и высокая / High and very high	27,6	27,6	15,7	22,0
	Средняя / Intermediate	25,9	27,2	19,2	23,1
	Низкая / Low	7,3	19,5	20,2	16,6
	Считаю, что коррупции нет / I think there is no corruption	3,0	5,9	13,9	8,9
	Затрудняюсь ответить / Cannot say	36,2	19,8	31,0	29,3
	Индекс / Index	*2,22*	*1,95*	*1,53*	*1,82*
Правоохранительные органы (полиция, прокуратура, следственные органы) / Law enforcement bodies (police, Prosecutor's Office, investigation)	Очень высокая и высокая / High and very high	27,9	39,3	16,4	25,6
	Средняя / Intermediate	25,6	24,9	22,0	23,7
	Низкая / Low	7,8	16,8	15,2	13,7
	Считаю, что коррупции нет / I think there is no corruption	3,0	2,5	10,0	6,1
	Затрудняюсь ответить / Cannot say	35,7	16,5	36,4	30,9
	Индекс / Index	*2,22*	*2,21*	*1,70*	*2,00*
В ГИБДД / Traffic police	Очень высокая и высокая / High and very high	26,8	38,5	13,7	23,9
	Средняя / Intermediate	24,1	27,9	21,7	24,0
	Низкая / Low	11,1	16,3	16,8	15,1
	Считаю, что коррупции нет / I think there is no corruption	2,8	1,7	10,9	6,3
	Затрудняюсь ответить / Cannot say	35,2	15,6	36,9	30,7
	Индекс / Index	*2,16*	*2,22*	*1,61*	*1,95*

Окончание табл. 3 / End of Table 3

Сфера / Sphere	Вариант ответа / Answer	Вологда / Vologda	Череповец / Cherepovets	Районы / Regions	Вологодская область / Vologda oblast
Здравоохранение / Healthcare	Очень высокая и высокая / High and very high	29,2	31,6	15,1	23,3
	Средняя / Intermediate	24,1	29,6	17,8	22,7
	Низкая / Low	10,8	20,5	15,8	15,7
	Считаю, что коррупции нет / I think there is no corruption	3,8	2,0	15,6	8,8
	Затрудняюсь ответить / Cannot say	32,2	16,3	35,7	29,5
	Индекс / Index	*2,16*	*2,08*	*1,50*	*1,86*
Образование / Education	Очень высокая и высокая / High and very high	24,9	28,4	12,7	20,2
	Средняя / Intermediate	25,9	29,9	14,5	21,7
	Низкая / Low	10,1	22,0	18,7	17,3
	Считаю, что коррупции нет / I think there is no corruption	5,5	3,2	17,1	10,3
	Затрудняюсь ответить / Cannot say	33,7	16,5	37,0	30,6
	Индекс / Index	*2,06*	*2,00*	*1,36*	*1,75*
Социальное обеспечение / Social service	Очень высокая и высокая / High and very high	23,6	25,9	9,3	17,6
	Средняя / Intermediate	24,6	22,0	14,9	19,4
	Низкая / Low	11,3	27,2	19,8	19,5
	Считаю, что коррупции нет / I think there is no corruption	5,3	5,2	18,8	11,5
	Затрудняюсь ответить / Cannot say	35,2	19,8	37,2	31,9
	Индекс / Index	*2,03*	*1,85*	*1,23*	*1,63*
ЖКХ / Communal service	Очень высокая и высокая / High and very high	23,6	24,5	8,9	17,0
	Средняя / Intermediate	27,1	28,1	11,9	20,3
	Низкая / Low	10,3	25,9	25,4	21,5
	Считаю, что коррупции нет / I think there is no corruption	5,5	4,0	17,4	10,6
	Затрудняюсь ответить / Cannot say	33,4	17,5	36,4	30,5
	Индекс / Index	*2,03*	*1,89*	*1,19*	*1,63*

Примечание:

* Здесь и ниже в таблице приведены значения индекса степени коррумпированности различных сфер.

Индекс рассчитывался по вопросу «Какова, на ваш взгляд, степень коррумпированности различных сфер?». Варианту ответа «Очень высокая и высокая» соответствует 3 балла, «Средняя» – 2 балла, «Низкая» – 1 балл, «Считаю, что коррупции нет» – 0 баллов. Таким образом, полученный индекс степени коррумпированности имеет значение от 0 до 3, чем выше его значение, тем более высокий уровень коррумпированности данной сферы по оценкам респондентов.

Note:

* Here and below corruption index for various spheres is given.

The index was calculated for the question: "In your opinion, what is the level of corruption in various spheres?". Answer "High and very high" corresponded to 3 scores, "Intermediate" – 2 scores, "Low" – 1 score. The final index can be 0 to 3 scores; the higher the index, the higher the corruption level, in the opinion of the respondents.

Источник: данные мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2023 г.

Source: public opinion monitoring data of the Vologda oblast population, VolNTs RAN, 2023.

Приведенное выше заключение в отношении коррумпированности отдельных сфер подтверждается и в том случае, когда в ходе анализа принимается во внимание индекс коррумпированности, значения которого также представлены в табл. 3. Наиболее коррумпированными, исходя из значений индекса, являются федеральные и региональные органы власти (по Вологодской области значения индекса достигают 2,18 и 2,03 ед.). Среди отраслей социальной сферы наиболее высокий уровень достигается в здравоохранении, одной из причин подобной ситуации становится то, что вопросы в области здравоохранения имеют отношение практически к каждой семье, к каждому человеку.

Если обратить внимание на территориальный фактор, то по линии «центр – периферия» по всем обозначенным сферам значения индекса в областном центре превосходили ситуацию по районам области. Например, значения индекса коррупции в сфере здравоохранения в Вологде достигли 2,16 ед., в то время как в районах – 1,50 ед. В области социального обеспечения так же, как и по другим направлениям, наблюдалась схожая закономерность (в областном центре – 2,03 ед., в районах – 1,23 ед.).

Другое направление исследования предполагало анализ изменения уровня коррупции в стране в зависимости от социально-демографических факторов и восприятия политической и экономической ситуации. Значимых различий в оценке изменения уровня коррупции в зависимости от гендера фактически не наблюдается. Среди мужчин было лишь несколько больше по сравнению с женщинами одобряющих точку зрения об увеличении уровня коррупции (17,6 % по сравнению с 14,1 %; табл. 4). Если сделать акцент на значениях индекса, то проведенные расчеты показывают, что распространенность коррупции среди мужчин выше, чем среди женщин (2,18 против 2,13 ед.).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Как, по вашему мнению, изменился уровень коррупции в нашей стране за последний год?», % от числа опрошенных

Table 4. Distribution of the answers to the question “How, in your has the corruption level in our country changed in the last year?”, % of the respondents

Вариант ответа / Answer	Пол / Gender	
	мужской / male	женский / female
Понизился / Decreased	7,8	7,2
Не изменился / Did not change	30,3	31,2
Повысился / Increased	17,6	14,1
Затрудняюсь ответить / Cannot say	44,3	47,5
Индекс оценки изменения уровня коррупции / Assessment of changes in the corruption level	*2,18*	*2,13*

Источник: данные мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2023 г.

Source: public opinion monitoring data of the Vologda oblast population, VolNTs RAN, 2023.

Схожую точку зрения несколько чаще по сравнению с молодежью разделяет население старше 30 лет (16,3 против 11,7 %), подчеркивая рост уровня коррупции за последний год (табл. 5).

Население, вне зависимости от его деления на группы по уровню образования, чаще всего напрямую не дает ответа на вопрос о коррупции. Второй по частоте распространенности становится позиция о неизменности уровня коррупции, о чем заявлял практически каждый третий (несколько больше было таких среди населения с высшим и послевузовским образованием; табл. 6).

Принимая во внимание имеющиеся результаты исследования, можно говорить о том, что различие в социально-демографических характеристиках населения незначительно сказывается на восприятии изменения уровня распространенности коррупции.

В то время как восприятие политической и экономической ситуации в стране и в регионе может быть связано с тем, как характеризуется изменение уровня коррупции. Имеющиеся у нас данные социологического исследования подтверждают этот тезис. Так, в случае благополучных оценок политической ситуации в стране чаще, чем в обратной ситуации, речь заходит о снижении коррупции. Точка зрения о неизменности уровня коррупции также в большей степени встречается среди населения с положительной характеристикой политической обстановки в стране (табл. 7).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Как, по вашему мнению, изменился уровень коррупции в нашей стране за последний год?», % от числа опрошенных

Table 5. Distribution of the answers to the question "How, in your has the corruption level in our country changed in the last year?", % of the respondents

Вариант ответа / Answer	Возраст / Age	
	до 30 лет / under 30 years	после 30 лет / over 30 years
Понизился / Decreased	7,0	7,5
Не изменился / Did not change	30,4	30,9
Повысился / Increased	11,7	16,3
Затрудняюсь ответить / Cannot say	50,9	45,3
Индекс оценки изменения уровня коррупции / Assessment of changes in the corruption level	*2,10*	*2,16*

Источник: данные мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2023 г.

Source: public opinion monitoring data of the Vologda oblast population, VolNTs RAN, 2023.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Как, по вашему мнению, изменился уровень коррупции в нашей стране за последний год?», % от числа опрошенных

Table 6. Distribution of the answers to the question "How, in your has the corruption level in our country changed in the last year?", % of the respondents

Вариант ответа / Answer	Уровень образования / Education level		
	Неполное среднее; среднее, в том числе ПТУ со средним образованием / Secondary uncompleted; secondary, including secondary vocational school	Среднее специальное (техникум и др.) / Secondary professional (technical college, etc.)	Высшее; послевузовское (аспирантура, докторантура) / Higher; post-graduate (doctoral)
Понизился / Decreased	4,4	7,5	10,1
Не изменился / Did not change	30,0	29,6	33,1
Повысился / Increased	15,1	16,3	15,4
Затрудняюсь ответить / Cannot say	50,5	46,6	41,5
Индекс оценки изменения уровня коррупции / Assessment of changes in the corruption level	*2,22*	*2,16*	*2,09*

Источник: данные мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2023 г.

Source: public opinion monitoring data of the Vologda oblast population, VolNTs RAN, 2023.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «Как, по вашему мнению, изменился уровень коррупции в нашей стране за последний год?», % от числа опрошенных

Table 7. Distribution of the answers to the question "How, in your has the corruption level in our country changed in the last year?", % of the respondents

Вариант ответа / Answer	Оценка политической обстановки в стране / Estimation of the political situation in the country	
	Благополучная, спокойная / Positive, calm	Напряженная, критическая, взрывоопасная / Tense, critical, explosive
Понизился / Decreased	12,5	6,9
Не изменился / Did not change	33,7	28,0
Повысился / Increased	9,0	20,4
Затрудняюсь ответить / Cannot say	44,8	44,7
Индекс оценки изменения уровня коррупции / Assessment of changes in the corruption level	*1,94*	*2,24*

Источник: данные мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2023 г.

Source: public opinion monitoring data of the Vologda oblast population, VolNTs RAN, 2023.

Аналогичные выводы – при оценке политической обстановки на региональном уровне. При положительной характеристике политической обстановки несколько чаще, чем при критической, население придерживалось позиции о неизменности уровня коррупции (34 % против 28 % соответственно).

В то же время при характеристике политической обстановки в регионе как критической население чаще заявляло о повышении уровня коррупции за последний год (в 25 % случаев против 10 % – при оценке политической обстановки как благополучной) (табл. 8).

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос «Как, по вашему мнению, изменился уровень коррупции в нашей стране за последний год?», % от числа опрошенных

Table 8. Distribution of the answers to the question "How, in your has the corruption level in our country changed in the last year?", % of the respondents

Вариант ответа / Answer	Оценка политической обстановки в стране / Estimation of the political situation in the country	
	Благополучная, спокойная / Positive, calm	Напряженная, критическая, взрывоопасная / Tense, critical, explosive
Понизился / Decreased	8,4	7,3
Не изменился / Did not change	34,1	28,4
Повысился / Increased	10,1	24,6
Затрудняюсь ответить / Cannot say	47,3	39,7
Индекс оценки изменения уровня коррупции / Assessment of changes in the corruption level	*2,03*	*2,29*

Источник: данные мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2023 г.

Source: public opinion monitoring data of the Vologda oblast population, VolNTs RAN, 2023.

Схожая закономерность наблюдалась и когда рассматривался вопрос в отношении оценки изменения уровня коррупции за последний год в зависимости от восприятия экономического положения страны и региона. Можно сделать вывод, что в случае плохих и очень плохих характеристик экономического положения страны почти треть считала, что уровень коррупции возрос, в то время как среди населения с хорошими и очень хорошими оценками таких было лишь 7 % (табл. 9).

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос «Как, по вашему мнению, изменился уровень коррупции в нашей стране за последний год?», % от числа опрошенных

Table 9. Distribution of the answers to the question "How, in your has the corruption level in our country changed in the last year?", % of the respondents

Вариант ответа / Answer	Оценка экономического положения России / Estimation of the economic status in the Russia		
	Очень хорошее, хорошее / Very good, good	Среднее / Intermediate	Плохое, очень плохое / Bad, very bad
Понизился / Decreased	16,6	8,0	4,8
Не изменился / Did not change	30,7	38,8	24,8
Повысился / Increased	6,5	13,1	26,5
Затрудняюсь ответить / Cannot say	46,2	40,0	43,9
Индекс оценки изменения уровня коррупции / Assessment of changes in the corruption level	*1,81*	*2,09*	*2,39*

Источник: данные мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2023 г.

Source: public opinion monitoring data of the Vologda oblast population, VolNTs RAN, 2023.

Схожая ситуация наблюдалась и в случае оценки населением экономического положения в регионе проживания. При хороших и очень хороших оценках экономического положения в 18 % случаев отмечалось снижение уровня коррупции в последний год. В противоположной ситуации почти четверть населения придерживалась позиции о росте уровня коррупции (табл. 10).

Таблица 10

Распределение ответов на вопрос «Как, по вашему мнению, изменился уровень коррупции в нашей стране за последний год?», % от числа опрошенных

Table 10. Distribution of the answers to the question "How, in your has the corruption level in our country changed in the last year?", % of the respondents

Вариант ответа / Answer	Оценка экономического положения области / Estimation of the economic status of the oblast		
	Очень хорошее, хорошее / Very good, good	Среднее / Intermediate	Плохое, очень плохое / Bad, very bad
Понизился / Decreased	17,5	7,3	5,4
Не изменился / Did not change	32,7	35,3	30,6
Повысился / Increased	9,7	12,4	26,2
Затрудняюсь ответить / Cannot say	40,1	45,0	37,7
Индекс оценки изменения уровня коррупции / Assessment of changes in the corruption level	*1,87*	*2,09*	*2,33*

Источник: данные мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2023 г.

Source: public opinion monitoring data of the Vologda oblast population, VolNTs RAN, 2023.

Важным аспектом исследования становится осведомленность в отношении наличия в своей жизни или в жизни близкого окружения случаев, связанных с конкретными проявлениями коррупции. Этот вопрос нами рассматривался, принимая во внимание, с одной стороны, социально-демографические характеристики населения, а с другой – восприятие населением изменения политического и экономического положения страны и региона.

Как и по другим вышеобозначенным аспектам, существенных различий в отношении наличия у близкого окружения в жизни конкретных проявлений коррупции между группами населения, выделенными в зависимости от гендерного признака, выявлено не было (табл. 11).

Таблица 11

Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли вам слышать от ваших знакомых или сталкиваться с конкретными случаями коррупции?», % от числа опрошенных

Table 11. Distribution of the answers to the question "How, in your has the corruption level in our country changed in the last year?", % of the respondents

Вариант ответа / Answer	Пол / Gender	
	Мужской / male	Женский / Female
Никогда / Never	17,9	22,7
Редко / Seldom	30,3	31,7
Часто / Often	18,1	12,9
Затрудняюсь ответить / Cannot say	33,7	32,8
Индекс распространенности коррупции / Corruption index	*2,00*	*1,85*

Источник: данные мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2023 г.

Source: public opinion monitoring data of the Vologda oblast population, VolNTs RAN, 2023.

Среди женщин лишь несколько чаще по сравнению с мужчинами встречалась точка зрения о том, что они никогда не слышали и даже их близкое окружение не сталкивалось с конкретными случаями проявления коррупции (у женщин – в 23 % случаев, у мужчин – в 18 %). И, напротив, в окружении мужчин такие случаи коррупции были распространены чаще.

В зависимости от возраста значимых различий выявлено не было. Среди населения старше 30 лет было несколько больше тех, кто реже сталкивался с коррупцией и ее проявлениями среди ближнего окружения (32 против 26 %; табл. 12).

Таблица 12

Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли вам слышать от ваших знакомых или сталкиваться с конкретными случаями коррупции?», % от числа опрошенных

Table 12. Distribution of the answers to the question "How, in your has the corruption level in our country changed in the last year?", % of the respondents

Вариант ответа / Answer	Возраст / Age	
	До 30 лет / Under 30 years	После 30 лет / Over 30 years
Никогда / Never	21,5	20,4
Редко / Seldom	25,7	32,0
Часто / Often	17,3	14,9
Затрудняюсь ответить / Cannot say	35,5	32,8
Индекс распространенности коррупции / Corruption index	*1,93*	*1,92*

Источник: данные мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2023 г.
Source: public opinion monitoring data of the Vologda oblast population, VolNTs RAN, 2023.

По уровню образования больше трети опрошенных затруднились с ответом на вопрос о распространенности в их ближнем окружении проявлений коррупции. Обладающие высшим и послевузовским образованием в 34 % случаев сталкивались с информацией о коррупции в ближайшем окружении редко, тогда как население с неполным средним и средним образованием – еще реже (24 %; табл. 13).

Таблица 13

Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли вам слышать от ваших знакомых или сталкиваться с конкретными случаями коррупции?», % от числа опрошенных

Table 13. Distribution of the answers to the question "How, in your has the corruption level in our country changed in the last year?", % of the respondents

Вариант ответа / Answer	Уровень образования / Education level		
	Неполное среднее; среднее, в том числе ПТУ со средним образованием / Secondary uncompleted; secondary, including secondary vocational school	Среднее специальное (техникум и др.) / Secondary professional (technical college, etc.)	Высшее; послевузовское (аспирантура, докторантура) / Higher; post-graduate (doctoral)
Никогда / Never	22,4	20,1	19,5
Редко / Seldom	23,7	33,8	34,1
Часто / Often	15,1	14,3	16,4
Затрудняюсь ответить / Cannot say	38,8	31,8	30,0
Индекс распространенности коррупции / Corruption index	*1,88*	*1,91*	*1,96*

Источник: данные мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2023 г.
Source: public opinion monitoring data of the Vologda oblast population, VolNTs RAN, 2023.

Среди благополучно оценивающих политическую обстановку в стране 40 % опрошенных редко слышали от знакомых о проявлениях коррупции. В то же время при наличии напряженных и критичных оценок встречалась другая ситуация (20 % опрошенных часто сталкивались с коррупцией, среди характеризующих обстановку как благополучную и спокойную таких было вдвое меньше; табл. 14).

Таблица 14

Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли вам слышать от ваших знакомых или сталкиваться с конкретными случаями коррупции?», % от числа опрошенных

Table 14. Distribution of the answers to the question "How, in your has the corruption level in our country changed in the last year?", % of the respondents

Вариант ответа / Answer	Оценка политической обстановки в стране / Estimation of the political situation in the country	
	Благополучная, спокойная / Positive, calm	Напряженная, критическая, взрывоопасная / Tense, critical, explosive
Понизился / Decreased	20,9	22,5
Не изменился / Did not change	40,3	32,2
Повысился / Increased	11,3	19,0
Затрудняюсь ответить / Cannot say	27,5	26,3
Индекс распространенности коррупции / Corruption index	*1,87*	*1,95*

Источник: данные мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2023 г.
Source: public opinion monitoring data of the Vologda oblast population, VolNTs RAN, 2023.

Аналогичное можно было встретить и когда давалась оценка политической обстановки на уровне региона. Единственное, что можно дополнить, так это то, что среди благополучно характеризующих политическую обстановку в регионе несколько чаще был распространен вариант ответа об отсутствии коррупционных проявлений среди близкого окружения (23 против 18 %; табл. 15). Кроме того, как при положительной, так и при негативной оценке политической ситуации в регионе население практически более чем в трети случаев в каждой из обозначенных ситуаций сталкивалось с коррупционными проявлениями в редких случаях.

Таблица 15

Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли вам слышать от ваших знакомых или сталкиваться с конкретными случаями коррупции?», % от числа опрошенных

Table 15. Distribution of the answers to the question "How, in your has the corruption level in our country changed in the last year?", % of the respondents

Вариант ответа / Answer	Оценка политической обстановки в области / Estimation of the political situation of the oblast	
	Благополучная, спокойная / Positive, calm	Напряженная, критическая, взрывоопасная / Tense, critical, explosive
Никогда / Never	23,1	18,2
Редко / Seldom	31,2	33,9
Часто / Often	12,3	20,7
Затрудняюсь ответить / Cannot say	33,5	27,2
Индекс распространенности коррупции / Corruption index	*1,84*	*2,03*

Источник: данные мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2023 г.
Source: public opinion monitoring data of the Vologda oblast population, VolNTs RAN, 2023.

Схожие по своей направленности оценки получили распространение и тогда, когда характеризовалось экономическое положение в стране. В 38 % случаев в условиях положительных его оценок распространенность коррупции в ближнем окружении отмечалась как редкая (для сравнения – таких было 30 %, когда речь заходила о плохих и очень плохих оценках экономической ситуации; табл. 16).

Таблица 16

Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли вам слышать от ваших знакомых или сталкиваться с конкретными случаями коррупции?», % от числа опрошенных

Table 16. Distribution of the answers to the question "How, in your has the corruption level in our country changed in the last year?", % of the respondents

Вариант ответа / Answer	Оценка экономического положения России / Estimation of the economic status of Russia		
	Очень хорошее, хорошее / Very good, good	Среднее / Intermediate	Плохое, очень плохое / Bad, very bad
Никогда / Never	19,1	25,7	14,3
Редко / Seldom	38,2	34,9	29,8
Часто / Often	12,1	13,1	22,6
Затрудняюсь ответить / Cannot say	30,7	26,3	33,3
Индекс распространенности коррупции / Corruption index	*1,90*	*1,83*	*2,12*

Источник: данные мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2023 г.
Source: public opinion monitoring data of the Vologda oblast population, VolNTs RAN, 2023.

Схожие закономерности наблюдались и когда речь шла про региональный уровень (табл. 17).

Таблица 17

Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли вам слышать от ваших знакомых или сталкиваться с конкретными случаями коррупции?», % от числа опрошенных

Table 17. Distribution of the answers to the question "How, in your has the corruption level in our country changed in the last year?", % of the respondents

Вариант ответа / Answer	Оценка экономического положения области / Estimation of the economic status of the oblast		
	Очень хорошее, хорошее / Very good, good	Среднее / Intermediate	Плохое, очень плохое / Bad, very bad
Никогда / Never	22,6	24,7	15,7
Редко / Seldom	40,6	33,2	30,8
Часто / Often	12,9	16,1	18,3
Затрудняюсь ответить / Cannot say	24,0	26,0	35,1
Индекс распространенности коррупции / Corruption index	*1,87*	*1,88*	*2,04*

Источник: данные мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2023 г.
Source: public opinion monitoring data of the Vologda oblast population, VolNTs RAN, 2023.

Заключение

Таким образом, в работе показано, что коррупцию следует рассматривать как многогранное и многоаспектное явление, которое исследуется с позиций политических, экономических, социокультурных позиций. Это приводит к необходимости использования интегративного подхода, предполагающего и учет разных групп факторов, влияющих на проявление данного феномена. С одной стороны, факторов, связанных с ха-

рактеристиками самого населения, от которого зависит то, каким образом воспринимается данное явление. С другой – политических и экономических параметров, которые во многом могут оказать воздействие на коррупцию.

В работе показано, что коррупция и экономические изменения на той или иной территории – взаимосвязанные явления. Во-первых, увеличение распространенности коррупции может негативно сказаться на экономических изменениях и на развитии предпринимательства, в то же время невысокий уровень экономического развития может выступать одним из источников коррупции. Во-вторых, экономическое развитие может положительно отразиться на качестве политических и экономических институтов и тем самым повлиять на снижение уровня данного явления.

Принимая во внимание отмеченное, в работе осуществлялся анализ с позиций изменения коррупции в стране и в регионе за последний год, а также распространенности в ближнем окружении проявлений коррупции. Это анализировалось, учитывая *территориальный фактор* (т. е. деление на отдельные города, районы и принимая во внимание данные по Вологодской области в целом), *социально-демографические факторы* (пол, возраст, уровень образования), а также *восприятие политической и экономической ситуации в стране и регионе*.

Проведенный анализ фактических данных позволил сделать вывод об отсутствии статистически значимых различий в оценках изменения коррупции за последний год в зависимости от социально-демографических характеристик. Тем не менее следует заметить, что мужчины несколько чаще по сравнению с женщинами заявляли об увеличении уровня коррупции, кроме того, в окружении мужчин случаи коррупции были распространены несколько чаще. Более ярко эти различия видны с использованием индексного метода, позволяющего продемонстрировать, что распространенность коррупции среди мужчин выше, чем среди женщин (2,18 против 2,13 ед.).

Интересны выводы, которые получены в зависимости от возраста. С одной стороны, население старше 30 лет реже сталкивается с коррупцией среди ближнего окружения по сравнению с молодежью, с другой – население старше 30 лет чаще, по сравнению с молодежью, разделяет точку зрения об увеличении уровня коррупции за последний год. В зависимости от уровня образования выявлено, что население с высшим образованием чаще говорит о неизменности уровня коррупции за последний год, кроме того, треть из них редко сталкиваются с проявлениями коррупции в близком окружении.

В работе показано, что положительные оценки политической и экономической ситуации связаны с восприятием коррупции на неизменном уровне либо со снижением уровня коррупции. Так, при хороших и очень хороших оценках экономического положения практически чаще речь шла о снижении уровня коррупции в последний год. В то же время при благополучной оценке политической обстановки чаще был распространен вариант ответа об отсутствии коррупционных проявлений среди близкого окружения.

Список литературы

Бондаренко, С. В. (2002). *Коррумпированные общества*. Ростов н/Д.: Ростиздат.

Бурмакин, В. М. (2020). Коррупционные и предкоррупционные ситуации (социально-философский аспект). *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*, *9*(5A), 139–147. http://www.publishing-vak.ru/file/archive-philosophy-2020-5/17-burmakin.pdf

Журавлев, А. Л., Юревич, А. В. (2012). Психологические факторы коррупции. *Прикладная юридическая психология*, *1*, 8–21.

Карепова, С. Г. (гл. ред.) (2019). *Коррупция как социетальный феномен: социологические, социально-психологические и экономические аспекты анализа*. Москва, Санкт-Петербург: Нестор-История.

Папакостас, А. (2016). *Становление цивилизационной публичной сферы: Недоверие, доверие и коррупция*. Москва: ВЦИОМ.

Римский, В. Л. (2007). Бюрократия, клиентелизм и коррупция в России. *Полития*, *1*(44), 65–84.

Роуз-Аккерман, С. (2010). *Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы*. Москва: Логос.

Селезнев, Ю. А. (2010). Проблема коррупции в исследованиях российских ученых. *Вестник ТГУ*, *4*(84), 186–189.

Хантингтон, С. (2004). *Политический порядок в меняющихся обществах*. Москва: Прогресс-Традиция.

Acemoglu, D., & Johnson, S. (2005). Unbundling Institutions. *Journal of Political Economy*, *113*(5), 949–995. https://doi.org/10.1086/432166

Acemoglu, D., Johnson, S., & Robinson, J. A. (2005). *Chapter 6: Institutions as a Fundamental Cause of Long-Run Growth*. In Handbook of Economic Growth (vol. 1, part A, pp. 385–472). https://doi.org/10.1016/s1574-0684(05)01006-3

Aidt, Toke S. (2003). Economic Analysis of Corruption: A Survey. *The Economic Journal*, *113*(491), F632–F652. https://doi.org/10.1046/j.0013-0133.2003.00171.x

Amundsen, I. (2006). *Political corruption*. Bergen: Chr. Michelsen Institute (U4, Iss. 6, 36 p.). http://www.u4.no/publications/political-corruption/

Barr, A., & Serra, D. (2010). Corruption and Culture: An Experimental Analysis. *Journal of Public Economics*, *94*(11–12), 862–869. https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2010.07.006

Brunetti, A., & Weder, B. (2003). A Free Press is Bad News for Corruption, *Journal of Public Economics*, *87*, 1801–1824. https://doi.org/10.1016/s0047-2727(01)00186-4

David, R., & Brierly, J. (1978). *Major Legal Systems in the World Today*, (3d Ed.). London: Stevens and Sons.

De Long, J. B., & Shleifer, A. (1993). Princes and Merchants: European City Growth before the Industrial Revolution. *Journal of Law and Economics*, *36*(2), 671–702. https://doi.org/10.1086/467294

Finer, S. E. (1997). *The history of government from the earliest times*. Oxford; New York: Oxford University Press.

Fjelde, H., & Hegre, H. (2014). Political Corruption and Institutional Stability. *Studies in Comparative International Development*, *49*(3), 267–299. https://doi.org/10.1007/s12116-014-9155-1

Getz, K. A., & Volkema, R. J. (2001). Culture, Perceived Corruption, and Economics: A Model of Predictors and Outcomes. *Business and Society*, *40*(1), 7–30. https://doi.org/10.1177/000765030104000103

Glaeser, E. L., Porta, R. La, Lopez-de Silanes, F., & Shleifer, A. (2004). Do Institutions Cause Growth? *Journal of Economic Growth*, *9*, 271–303. https://doi.org/10.1023/b:joeg.0000038933.16398.ed

Glaeser, E. L. (2005). *Inequality*. Cambridge: National Bureau of Economic Research.

Goldstein, M., & Udry, C. (2008). The Profits of Power: Land Rights and Agricultural Investment in Ghana. *Journal of Political Economy*, *116*(6). https://doi.org/10.1086/595561

Graeff, P., & Mehlkop, G. (2003). The impact of economic freedom on corruption: Different Patterns for Rich and Poor Countries. *European Journal of Political Economy*, *19*, 605–620. https://doi.org/10.1016/s0176-2680(03)00015-6

Jones, E. (1981). *The European Miracle: Environments, Economies and Geopolitics in the History of Europe and Asia*. New York: Cambridge University Press.

La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., & Vishny, R. (1998). The Quality of Government. *NBER Working Paper, 6727*. Cambridge: National Bureau of Economic Research.

Mocan, N. (2004). What Determines Corruption? International Evidence from Micro Data. *NBER Working paper*, *10460*. https://doi.org/10.3386/w10460

North, D. (1991). Institutions. *The Journal of Economic Perspectives*, *5*(1), 97–112. https://doi.org/10.1257/jep.5.1.97

Olken, B. A. (2009). Corruption Perceptions vs. Corruption Reality. *Journal of Public Economics*, *93*(7–8), 950–964. https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2009.03.001

Olson, M. (2000). *Power and Prosperity: Outgrowing Capitalist and Communist Dictatorships*. New York: Basic Books.

Summers, L. (1997, June 10). *Speech to the Summit of Eight*. Denver, Colorado.

Treisman, D. (2007). What have we learned about the causes of corruption from ten years of cross-national empirical research? *Annual Review of Political Science*, *10*, 211–244. https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.10.081205.095418

Van Rijckeghem, C., & Weder, B. (2001). Bureaucratic Corruption and the Rate of Temptation: Do Wages in the Civil Service Affect Corruption, and by How Much? *Journal of Development Economics*, *65*, 307–331. https://doi.org/10.1016/s0304-3878(01)00139-0

Weingast, B. R. (1995). The Economic Role of Political Institutions: Market-Preserving Federalism and Economic Development. *Journal of Law, Economics, and Organization*, *1–31*. https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.jleo.a036861

References

Acemoglu, D., & Johnson, S. (2005). Unbundling Institutions. *Journal of Political Economy*, *113*(5), 949–995. https://doi.org/10.1086/432166

Acemoglu, D., Johnson, S., & Robinson, J. A. (2005). *Chapter 6: Institutions as a Fundamental Cause of Long-Run Growth*. In Handbook of Economic Growth (vol. 1, part A, pp. 385–472). https://doi.org/10.1016/s1574-0684(05)01006-3

Aidt, Toke S. (2003). Economic Analysis of Corruption: A Survey. *The Economic Journal*, *113*(491), F632–F652. https://doi.org/10.1046/j.0013-0133.2003.00171.x

Amundsen, I. (2006). *Political corruption*. Bergen: Chr. Michelsen Institute (U4, Iss. 6, 36 p.). http://www.u4.no/publications/political-corruption/

Barr, A., & Serra, D. (2010). Corruption and Culture: An Experimental Analysis. *Journal of Public Economics*, *94*(11–12), 862–869. https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2010.07.006

Bicchieri, C., & Ganegoda, D. (2017). Determinants of Corruption: A Sociopsychological Analysis. In P. Nichols & D. Robertson (Eds.), *Thinking about Bribery: Neuroscience, Moral Cognition and the Psychology of Bribery* (pp. 177–178). Cambridge: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/9781316450765.008

Bondarenko, S. V. (2002). *Corrupted societies*. Rostov-on-Don: Rostizdat. (In Russ.).

Brunetti, A., & Weder, B. (2003). A Free Press is Bad News for Corruption, *Journal of Public Economics*, *87*, 1801–1824. https://doi.org/10.1016/s0047-2727(01)00186-4

Burmakin, V. M. (2020). Corruption and pre-corruption situations (socio-philosophical aspect). *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*, *9*(5A), 139–147. (In Russ.). http://www.publishing-vak.ru/file/archive-philosophy-2020-5/17-burmakin.pdf

David, R., & Brierly, J. (1978). *Major Legal Systems in the World Today*, (3d Ed.). London: Stevens and Sons.

De Long, J. B., & Shleifer, A. (1993). Princes and Merchants: European City Growth before the Industrial Revolution. *Journal of Law and Economics*, *36*(2), 671–702. https://doi.org/10.1086/467294

Finer, S. E. (1997). *The history of government from the earliest times*. Oxford; New York: Oxford University Press.

Fjelde, H., & Hegre, H. (2014). Political Corruption and Institutional Stability. *Studies in Comparative International Development*, *49*(3), 267–299. https://doi.org/10.1007/s12116-014-9155-1

Getz, K. A., & Volkema, R. J. (2001). Culture, Perceived Corruption, and Economics: A Model of Predictors and Outcomes. *Business and Society*, *40*(1), 7–30. https://doi.org/10.1177/000765030104000103

Glaeser, E. L., Porta, R. La, Lopez-de Silanes, F., & Shleifer, A. (2004). Do Institutions Cause Growth? *Journal of Economic Growth*, *9*, 271–303. https://doi.org/10.1023/b:joeg.0000038933.16398.ed

Glaeser, E. L. (2005). *Inequality*. Cambridge: National Bureau of Economic Research.

Goldstein, M., & Udry, C. (2008). The Profits of Power: Land Rights and Agricultural Investment in Ghana. *Journal of Political Economy*, *116*(6). https://doi.org/10.1086/595561

Graeff, P., & Mehlkop, G. (2003). The impact of economic freedom on corruption: Different Patterns for Rich and Poor Countries. *European Journal of Political Economy*, *19*, 605–620. https://doi.org/10.1016/s0176-2680(03)00015-6

Jones, E. (1981). *The European Miracle: Environments, Economies and Geopolitics in the History of Europe and Asia*. New York: Cambridge University Press.

La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., & Vishny, R. (1998). The Quality of Government. *NBER Working Paper, 6727*. Cambridge: National Bureau of Economic Research.

Karepova, S. G. (Ed.) (2019). *Corruption as a societal phenomenon: sociological, social-psychological and economic aspects of analysis*. Moscow, Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.).

Huntington, S. (2004). *Political order in changing societies*. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.).

Mocan, N. (2004). What Determines Corruption? International Evidence from Micro Data. *NBER Working paper*, *10460*. https://doi.org/10.3386/w10460

North, D. (1991). Institutions. *The Journal of Economic Perspectives*, *5*(1), 97–112. https://doi.org/10.1257/jep.5.1.97

Olken, B. A. (2009). Corruption Perceptions vs. Corruption Reality. *Journal of Public Economics*, *93*(7–8), 950–964. https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2009.03.001

Olson, M. (2000). *Power and Prosperity: Outgrowing Capitalist and Communist Dictatorships*. New York: Basic Books.

Papakostas, A. (2016). *Civilizing the public sphere: distrust, trust and corruption*. Moscow: VTSIOM. (In Russ.).

Rimskii, V. L. (2007). Bureaucracy, clientelism and corruption in Russia. *Politiya*, *1*(44), 65–84. (In Russ.).

Rose-Ackerman, S. (2010). *Corruption and government. Causes, consequences, reforms* Moscow: Logos. (In Russ.).

Seleznev, Yu. A. (2010). Problem of corruption in researches of the Russian scientists. *Tomsk State University Journal*, *4*(84), 186–189. (In Russ.).

Summers, L. (1997, June 10). *Speech to the Summit of Eight*. Denver, Colorado.

Treisman, D. (2007). What have we learned about the causes of corruption from ten years of cross-national empirical research? *Annual Review of Political Science*, *10*, 211–244. https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.10.081205.095418

Van Rijckeghem, C., & Weder, B. (2001). Bureaucratic Corruption and the Rate of Temptation: Do Wages in the Civil Service Affect Corruption, and by How Much? *Journal of Development Economics*, *65*, 307–331. https://doi.org/10.1016/s0304-3878(01)00139-0

Weingast, B. R. (1995). The Economic Role of Political Institutions: Market-Preserving Federalism and Economic Development. *Journal of Law, Economics, and Organization*, *1–31*. https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.jleo.a036861

Zhuravlev, A. L., Yurevich, A. V. (2012). Psychological factors of corruption. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*, *1*, 8–21. (In Russ.).

Вклад авторов

К. А. Устинова – подготовка вступительной и заключительной частей работы, анализ данных.
А. Н. Гордиевская – формирование базы данных исследования, построение таблиц сопряженности, применение индексного метода.

The author's contributions

K. A. Ustinova prepared the introductory and final parts of the paper, performed data analysis.
A. N. Gordievskaya formulated the research database, constructed the conjugation tables, applied the index method.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 18.03.2024
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 25.04.2024
Дата принятия в печать / Accepted 20.05.2024

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.500-516**

УДК 316:330.5:343.2/.7:343.9
JEL: D14, D63, E24, I31, K14

N. Ranaweera[1]

[1] *University of Sri Jayewardenepura, Nugegoda, Sri Lanka*

Impact of Income Inequality on Fear of Crime: A Comprehensive Meta-Analysis

Nishani Ranaweera, Senior Lecturer at the Department of Criminology and Criminal Justice, Faculty of Humanities and Social Sciences, University of Sri Jayewardenepura University of Sri Jayewardenepura, Sri Lanka
E-mail: ranaweera@sjp.ac.lk
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-7682-5733

Abstract

Objective: to synthesize existing research to comprehensively understand the impact of income inequality on fear of crime, aiming at elucidating how economic disparities influence community security.

Methods: qualitative methods, including comparative analysis and generalization, alongside the historical and genetic method, were employed. A systematic search was conducted across multiple databases such as PubMed, PsycINFO, Web of Science, Scopus, and Google Scholar to aggregate peer-reviewed empirical studies. A random-effects model was used for calculating overall effect sizes, with study heterogeneity and moderating factors such as geographic location and urban versus rural settings assessed.

Results: a moderate positive relationship between income inequality and fear of crime was unveiled, particularly pronounced in urban areas, based on a wide array of empirical data. Moderate study heterogeneity indicates context-dependent variability. The synthesis of findings underscores the significant role of income inequality in exacerbating fear of crime, highlighting a complex interplay between economic disparities and perceived community security.

Scientific novelty: this study represents the first attempt to bridge the gap between theoretical assumptions of social disorganization and inequality theories with empirical evidence on the impact of income inequality on fear of crime, providing a comprehensive overview and highlighting discrepancies, patterns, and the overall strength of this association.

Practical significance: the findings offer crucial insights for policymakers and community leaders in developing targeted interventions to mitigate fear of crime, emphasizing the necessity for policies that address economic disparities to enhance societal well-being. Additionally, it recommends further longitudinal research to explore the causal relationships and mechanisms underlying the association between income inequality and fear of crime, enriching the concepts of institutional economics concerning the limits and possibilities of institutional transformations in enhancing community security.

Keywords:

criminal law and criminology, community safety, economic disparities, fear of crime, income inequality, meta-analysis

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Ranaweera, N. (2024). Impact of income inequality on fear of crime: a comprehensive meta-analysis. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(2), 500–516. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.500-516

© Ранавира Н., 2024

Научная статья

Н. Ранавира[1]

[1] *Университет Шри-Джаяварденепура, г. Нугегода, Шри-Ланка*

Влияние неравенства доходов на страх перед преступностью: комплексный метаанализ

Нишани Ранавира, старший преподаватель кафедры криминалистики и уголовной юстиции факультета гуманитарных и общественных наук, Университет Шри-Джаяварденепуры
E-mail: ranaweera@sjp.ac.lk
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-7682-5733

Аннотация

Цель: обобщение имеющихся исследований для достижения всестороннего понимания влияния неравенства доходов на страх перед преступностью и выяснения, как экономическое неравенство влияет на безопасность в обществе.

Методы: использовались качественные методы, включая сравнительный анализ и обобщение, а также историко-генетический метод. Для составления подборки рецензируемых эмпирических исследований был проведен систематический поиск по нескольким базам данных, таким как *PubMed*, *PsycINFO*, *Web of Science*, *Scopus* и *Google Scholar*. Для расчета общей величины эффекта использовалась модель случайных эффектов, при этом оценивались неоднородность исследований и факторы, влияющие на их результаты, такие как географическое положение и соотношение городских и сельских районов.

Результаты: на основе широкого спектра эмпирических данных была выявлена умеренная положительная связь между неравенством доходов и страхом перед преступностью, особенно выраженная в городских районах. Умеренная неоднородность исследований указывает на вариативность в зависимости от контекста. Обобщенные данные свидетельствуют о значительной роли неравенства доходов в усилении страха перед преступностью и указывают на сложную взаимосвязь между экономическим неравенством и воспринимаемой безопасностью общества.

Научная новизна: данное исследование представляет собой первую попытку преодолеть разрыв между теоретическими положениями теорий социальной дезорганизации и неравенства, с одной стороны, и эмпирическими данными о влиянии неравенства доходов на страх перед преступностью – с другой; в работе представлен всесторонний обзор и подчеркиваются расхождения, закономерности и общее значение связи между данными явлениями.

Практическая значимость: результаты исследования могут быть полезны политикам и общественным деятелям при разработке целевых мероприятий по снижению страха перед преступностью, подчеркивая необходимость политики, направленной на устранение экономического неравенства и повышение общественного благосостояния. Кроме того, рекомендуется проведение дальнейших лонгитюдных исследований для изучения причинно-следственных связей и механизмов, определяющих взаимозависимость между неравенством доходов и страхом перед преступностью, что обогащает концепции институциональной экономики в отношении пределов и возможностей институциональных преобразований для повышения безопасности общества.

Ключевые слова:

уголовное право и криминология, общественная безопасность, экономическое неравенство, страх перед преступностью, неравенство доходов, метаанализ

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Ранавира, Н. (2024). Влияние неравенства доходов на страх перед преступностью: комплексный метаанализ. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(2), 500–516. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.500-516

Introduction

Income inequality, defined as the uneven distribution of income within a population, has been a subject of extensive study and debate due to its wide-ranging effects on societal well-being and cohesion. Research has consistently highlighted the potential of income inequality to exacerbate social problems, including crime and the fear of crime, which are of particular concern due to their direct impact on the quality of life and community stability (Wilkinson & Pickett, 2009; Peterson, 2017; Cheung & Lucas, 2019; Vitkovics, 2023; Romanov, 2023). The fear of crime, a psychological phenomenon reflecting individuals' concerns about becoming a victim of crime, significantly influences community interaction, social trust, and perceptions of safety, affecting people, including children, daily lives and their interactions within their communities (Hale, 1996; Lewis & Salem, 2017; Jackson et al., 2007; Vetrova, 2021; Atkinson & Blandy, 2016; Grinshteyn et al., 2016).

The objective of this meta-analysis is to synthesize existing research findings to understand better how income inequality impacts the fear of crime. This work aims to bridge the gap between the theoretical assumptions of social disorganization and inequality theories, which suggest that greater economic disparities within a society lead to higher levels of fear among its members, and the empirical evidence supporting these claims. By analyzing the collective results from numerous studies, this meta-analysis seeks to provide a comprehensive overview of the relationship between income inequality and crime fear, highlighting patterns, discrepancies, and the overall strength of this association.

A meta-analysis in this field is necessitated by the conflicting results of previous studies and a general lack of comprehensive analysis that considers the breadth of research methodologies, geographical contexts, and demographic variables explored in the literature. While some studies suggest a strong correlation between income inequality and increased fear of crime (Das & Mohapatra, 2003), others find a more nuanced relationship, with factors such as community cohesion and local crime rates playing significant roles (Stafford et al., 2007). The varied findings across studies underscore the complexity of the relationship between income inequality and fear of crime, highlighting the need for a meta-analytical approach that can aggregate these findings, account for methodological diversity, and provide a clearer understanding of this social phenomenon. Through this systematic review and meta-analysis, we aim to clarify the extent to which income inequality serves as a determinant of crime fear, offering insights that may inform policy decisions aimed at mitigating the negative societal impacts of economic disparities (Arrocha, 2019; Boldis et al., 2018; Bowman & O'Neil, 2020; Newman & Franck, 2017).

Methods

Search Strategy

To identify studies for inclusion in this meta-analysis, a comprehensive and systematic search strategy was implemented across several academic databases known for their extensive collections of social science and public health literature. The databases searched included PubMed, PsycINFO, Web of Science, Scopus, and Google Scholar. These platforms were chosen for their wide coverage of both interdisciplinary and subject-specific research, ensuring a broad capture of relevant studies.

The search was conducted using a combination of keywords and phrases related to the core concepts of "income inequality," "fear of crime," and their synonyms to maximize the retrieval of pertinent studies. The keywords used were: ("income inequality" OR "economic disparity" OR "wealth distribution") AND ("fear of crime" OR "crime fear" OR "perceived crime risk"). Boolean operators ("AND", "OR") were employed to refine the search and capture studies that discuss the relationship between income inequality and the fear of crime. To ensure the analysis was both current and historically comprehensive, the time frame for the search was not restricted, allowing for the inclusion of studies published at any time up until the search date in March 2023. This approach was intended to capture the evolution of research on this topic over time and identify any trends or shifts in findings across different periods.

Studies were selected based on their titles and abstracts, with full texts retrieved for closer examination when the relevance was confirmed. The reference lists of identified articles were also reviewed to capture additional studies not found in the initial database search, a method known as snowballing, which helps to ensure the comprehensiveness of the search strategy. The search strategy and selection process were designed to be as inclusive as possible while maintaining a focus on studies that directly examine the relationship between income inequality and fear of crime. This methodological rigor ensures that the meta-analysis will be based on a wide-ranging and representative body of literature, providing a robust foundation for understanding the impact of income inequality on crime fear.

Selection Criteria

The selection of studies for this meta-analysis was guided by a set of predefined inclusion and exclusion criteria, aimed at identifying research that directly examines the relationship between income inequality and the fear of crime. These criteria were established to ensure the relevance, quality, and comparability of the studies included in the analysis.

Inclusion Criteria

Study Design: Peer-reviewed empirical studies, including cross-sectional, longitudinal, case-control, and cohort studies, were considered. Qualitative studies were included if they provided quantifiable data on the relationship between income inequality and fear of crime.

Population: Studies involving participants of any age, gender, and nationality were included, without restrictions on socioeconomic status or residential location, to ensure a diverse and comprehensive analysis.

Outcome Measures: Studies must have explicitly measured the fear of crime as a primary or secondary outcome, using validated instruments or methods. Additionally, studies needed to assess income inequality, either through direct measures (e.g., Gini coefficient, income ratio) or proxies (e.g., socioeconomic status disparities within communities).

Publication Date: No restrictions on the publication date were applied to capture the full scope of the research history on this topic.

Language: Studies published in English were included due to the linguistic capabilities of the research team. However, significant studies in other languages were considered if an English abstract providing sufficient data was available.

Exclusion Criteria

Study Quality: Studies with a high risk of bias, as determined by critical appraisal tools suitable for each study design, were excluded. Factors considered included the adequacy of outcome measurement, control for confounding variables, and the representativeness of the sample.

Review Articles and Editorials: Systematic reviews, meta-analyses, opinion pieces, and editorial articles were excluded from the primary analysis but were used to identify potential primary studies.

Incomplete Data: Studies that did not provide sufficient data on the relationship between income inequality and fear of crime, or those with missing statistical information necessary for meta-analysis, were excluded.

Duplicate Publications: Multiple reports of the same study were identified, and only the most complete version was included to avoid double-counting data.

These inclusion and exclusion criteria were applied systematically to all identified studies to compile a final list of articles for the meta-analysis. This process ensured that the analysis was based on reliable, relevant, and high-quality data, providing a solid foundation for understanding how income inequality impacts the fear of crime across different populations and contexts.

Data Extraction

The data extraction process was meticulously designed to ensure the accurate and comprehensive collection of relevant information from the selected studies. This process involved a standardized approach to gather detailed data on study characteristics, methodologies, and findings related to the relationship between income inequality and fear of crime. To facilitate this process, a data extraction form was developed and pretested on a small subset of included studies to ensure its adequacy and completeness.

Data Extraction Form

The data extraction form included fields for:

Bibliographic Information: Author(s), year of publication, and country of study.

Study Design: Description of the study design (e.g., cross-sectional, longitudinal, cohort).

Population: Sample size, demographic characteristics (age, gender, socioeconomic status), and geographic location.

Measurement of Income Inequality: Methods and indicators used to measure income inequality (e.g., Gini coefficient, income quintile ratio).

Measurement of Fear of Crime: Instruments or scales used to assess fear of crime, including the type of crime fear measured (e.g., personal, property).

Key Findings: Summary of the main results related to the impact of income inequality on fear of crime, including effect sizes, statistical significance, and confidence intervals.

Control Variables: Information on variables controlled for in the analyses (e.g., age, gender, crime rates).

Quality Assessment

The assessment of study quality is a crucial step in a systematic review and meta-analysis, as it directly influences the reliability and validity of the findings. For this meta-analysis on the impact of income inequality on fear of crime, the quality of each included study was evaluated using a comprehensive approach tailored to the diverse study designs encompassed in the review. This process aimed to identify potential biases and methodological shortcomings that could affect the overall conclusions.

Quality Assessment Tools

Depending on the specific design of the studies included in the meta-analysis, different validated quality assessment tools were utilized:

For Quantitative Studies (e.g., cross-sectional, cohort, and case-control studies): The Newcastle-Ottawa Scale (NOS) was employed (Wells et al., 2011). The NOS assesses three major components: the selection of study groups, the comparability of groups, and the ascertainment of either the exposure or outcome of interest for case-control or cohort studies respectively.

For Qualitative Studies: The Critical Appraisal Skills Programme (CASP) checklist for qualitative research was used[1]. This checklist focuses on the clarity of research aims, appropriateness of methodology, research design, recruitment strategy, data collection methods, ethical considerations, data analysis, findings, and value of the research.

Assessment Process

Two independent reviewers conducted the quality assessment for each study to ensure objectivity and minimize bias. The reviewers used a standardized form corresponding to the appropriate assessment tool to rate each study. The form included specific criteria from the chosen tools, each rated according to the tool's guidelines.

Scoring and Rating: Studies were scored based on the criteria outlined in the respective assessment tools. Quantitative studies were assigned scores for each section of the NOS, with higher scores indicating higher quality. Qualitative studies were assessed for the presence or absence of key quality indicators as per the CASP checklist.

Resolution of Discrepancies: Any discrepancies between the reviewers' assessments were discussed and resolved through consensus or, if necessary, by consulting a third reviewer.

Documentation and Use of Quality Scores: The final quality scores and any qualitative assessments of study strengths and limitations were documented. These scores were used to perform sensitivity analyses, where the impact of study quality on the overall meta-analysis findings was evaluated. This approach helped to determine if the meta-analysis results were robust or if they were unduly influenced by lower-quality studies.

The quality assessment process provided a critical evaluation of the included studies, ensuring that the findings of the meta-analysis were based on scientifically sound and reliable evidence. This rigorous approach to quality assessment is essential for drawing valid conclusions about the relationship between income inequality and fear of crime.

Statistical Analysis

The statistical analysis of this meta-analysis was designed to aggregate findings from individual studies to assess the overall effect of income inequality on fear of crime and to evaluate the heterogeneity among the study results. The following details outline the statistical methods employed in this process.

[1] Critical Appraisal Skills Programme (CASP). (2018). CASP Qualitative Checklist. https://casp-uk.net/checklists/casp-qualitative-studies-checklist.pdf

Effect Size Calculation: The primary statistic used to measure the effect of income inequality on fear of crime across studies was Cohen's d, representing the standardized mean difference. This measure was chosen for its ability to facilitate comparison across studies that utilized different scales to assess fear of crime. For studies that did not directly report Cohen's d, effect sizes were calculated from available statistical data (e.g., means and standard deviations, odds ratios, or correlation coefficients) using established formulas.

Random-Effects Model: Given the anticipated heterogeneity among studies due to differences in populations, settings, and measurement tools, a random-effects model was applied to aggregate the effect sizes. This model assumes that the studies included in the meta-analysis are drawn from populations of studies that differ systematically, and it incorporates both within-study and between-study variance into the calculation of the overall effect size. This approach provides a more conservative estimate of the effect size that is generalizable across varied study conditions.

Heterogeneity Assessment: Heterogeneity among the study findings was assessed using the I^2 statistic, which quantifies the proportion of total variation across studies that is due to heterogeneity rather than chance, as introduced by Higgins and Thompson (2002) and further elaborated by Higgins et al. (2003). An I^2 value of 0% indicates no observed heterogeneity, while values of 25%, 50%, and 75% are considered low, moderate, and high heterogeneity, respectively. The Chi-square test was also used to assess the significance of the observed heterogeneity, following the guidelines set forth by Higgins and colleagues.

Subgroup Analyses and Meta-Regression: To explore potential sources of heterogeneity and to examine the effects of moderator variables (e.g., geographic location, urban vs. rural setting, study quality), subgroup analyses were conducted. Meta-regression was employed for continuous moderators, allowing for the examination of the relationship between these variables and the effect size.

Publication Bias Assessment: Publication bias was assessed using visual inspection of funnel plots, where the effect sizes of the included studies were plotted against their standard errors. Asymmetry in the plot would suggest potential publication bias. Additionally, Egger's regression test was utilized to statistically assess the symmetry of the funnel plot, providing further evidence regarding the presence or absence of publication bias.

Sensitivity Analysis: Sensitivity analyses were conducted to assess the robustness of the meta-analysis findings. This involved recalculating the overall effect size after sequentially excluding each study, which helped to identify any individual studies that had a disproportionate impact on the overall results.

The statistical analysis was performed using comprehensive meta-analysis software, which facilitated the aggregation of effect sizes, assessment of heterogeneity, and examination of publication bias. These methods ensured a rigorous and systematic approach to synthesizing the existing literature on the impact of income inequality on fear of crime, providing a robust foundation for the conclusions drawn from the meta-analysis.

Results

Study Selection

The study selection process for the meta-analysis on the impact of income inequality on fear of crime involved a systematic and comprehensive search across multiple databases, resulting in the identification and screening of studies based on predefined inclusion and exclusion criteria. The flow of study selection is depicted in a PRISMA (Preferred Reporting Items for Systematic Reviews and Meta-Analyses) flow diagram, which outlines the number of studies at each stage of the process and the reasons for exclusions.

Identification:
Records identified through database searching: 450[2]
Additional records identified through other sources (e.g., reference lists): 20
Total records identified: 470
Screening:
Records after duplicates removed: 400

[2] Please refer to data set: Ranaweera, K. G. N. U. (2024). Meta-Analysis Sample on Income Inequality Impact on Fear of Crime. ResearchGate. https://doi.org/10.13140/RG.2.2.31791.55203

Records screened (title and abstract): 400
Records excluded (not relevant based on title and abstract): 300
Eligibility:
Full-text articles assessed for eligibility: 100
Full-text articles excluded, with reasons:
Not focused on income inequality and fear of crime: 40
Insufficient data for meta-analysis: 20
High risk of bias (based on quality assessment): 10
Total articles excluded after full-text assessment: 70
Included:
Studies included in qualitative synthesis: 30
Studies included in quantitative synthesis (meta-analysis): 30

Quality Assessment

The quality assessment of the included studies in the meta-analysis on the impact of income inequality on fear of crime was conducted using the Newcastle-Ottawa Scale (NOS) for quantitative studies and the Critical Appraisal Skills Programme (CASP) checklist for qualitative research. This comprehensive evaluation aimed to ensure that the findings of the meta-analysis were based on reliable and methodologically sound research.

Summary of Quality Assessment Findings:

High-Quality Studies: The majority of the included studies, 20 out of 30, were rated as high quality, achieving scores of 7 or above on the NOS scale (which ranges from 0 to 9) or meeting most CASP criteria for qualitative studies. These studies demonstrated strong research designs, appropriate data analysis methods, and thorough consideration of potential confounding factors.

Medium-Quality Studies: 8 studies were classified as medium quality, with NOS scores between 4 and 6 or partially fulfilling the CASP criteria. These studies generally had well-defined study populations and outcome measures but lacked in certain areas, such as the control of confounding variables or comprehensive data reporting.

Low-Quality Studies: 2 studies were identified as low quality, scoring below 4 on the NOS or inadequately addressing several CASP criteria. The main limitations of these studies included small sample sizes, inadequate measurement of income inequality or fear of crime, and insufficient analysis of potential confounders.

The quality assessment process revealed that the majority of studies included in the meta-analysis were of high or medium quality, indicating a robust evidence base for examining the relationship between income inequality and fear of crime. However, the presence of a few low-quality studies underscores the importance of cautious interpretation of the overall findings, particularly in relation to the consistency and generalizability of the reported associations.

Synthesized Findings

The synthesized findings from the meta-analysis revealed a statistically significant positive relationship between income inequality and fear of crime. The pooled effect size, calculated using a random-effects model to account for the anticipated heterogeneity among studies, was Cohen's $d = 0.45$, with a 95 % confidence interval of [0.30, 0.60]. This indicates a moderate effect, suggesting that higher levels of income inequality are associated with an increased fear of crime.

Measures of Heterogeneity

The I^2 statistic, which quantifies the proportion of total variation across studies due to heterogeneity rather than chance, was calculated at 65%. This suggests a moderate level of heterogeneity among the included studies, indicating that while the general direction of the relationship between income inequality and fear of crime is consistent, the strength of this association may vary across different settings and populations.

Graphical Representations

Forest Plot: A forest plot was generated to visually display the effect sizes and 95% confidence intervals for each included study, along with the overall pooled effect size. This plot illustrates the individual contributions of each study to the aggregated findings and the relative consistency of the positive relationship across studies.

Funnel Plot: To assess potential publication bias, a funnel plot of the effect sizes against their standard errors for each study was examined. The symmetry observed in the plot suggests a low risk of publication bias, indicating that the findings are likely reflective of the true effect.

The meta-analysis findings underscore the significant impact of income inequality on fear of crime, with implications for policymakers, community planners, and researchers seeking to understand and mitigate the societal consequences of economic disparities. The moderate level of heterogeneity and the overall consistency of the positive relationship across studies provide a solid foundation for future investigations into the mechanisms underlying this association and the development of targeted interventions (Fig. 1).

The PRISMA flow diagram visually represents this selection process, illustrating the rigorous and systematic approach taken to identify the most relevant and high-quality studies for inclusion in the meta-analysis. The reasons for exclusion at the full-text assessment stage highlight the importance of study relevance, availability of data, and study quality in the synthesis of evidence on the relationship between income inequality and fear of crime. This structured approach ensures that the findings of the meta-analysis are based on a comprehensive and critically appraised body of literature, providing a reliable and nuanced understanding of how income inequality impacts the fear of crime across different contexts and populations.

Study Characteristics

The meta-analysis on the societal impacts of income inequality on fear of crime incorporated a diverse range of studies, each contributing unique insights into the relationship between these variables. The characteristics of the 30 studies included in the analysis are summarized below to provide an overview of the breadth and depth of the research landscape on this topic.

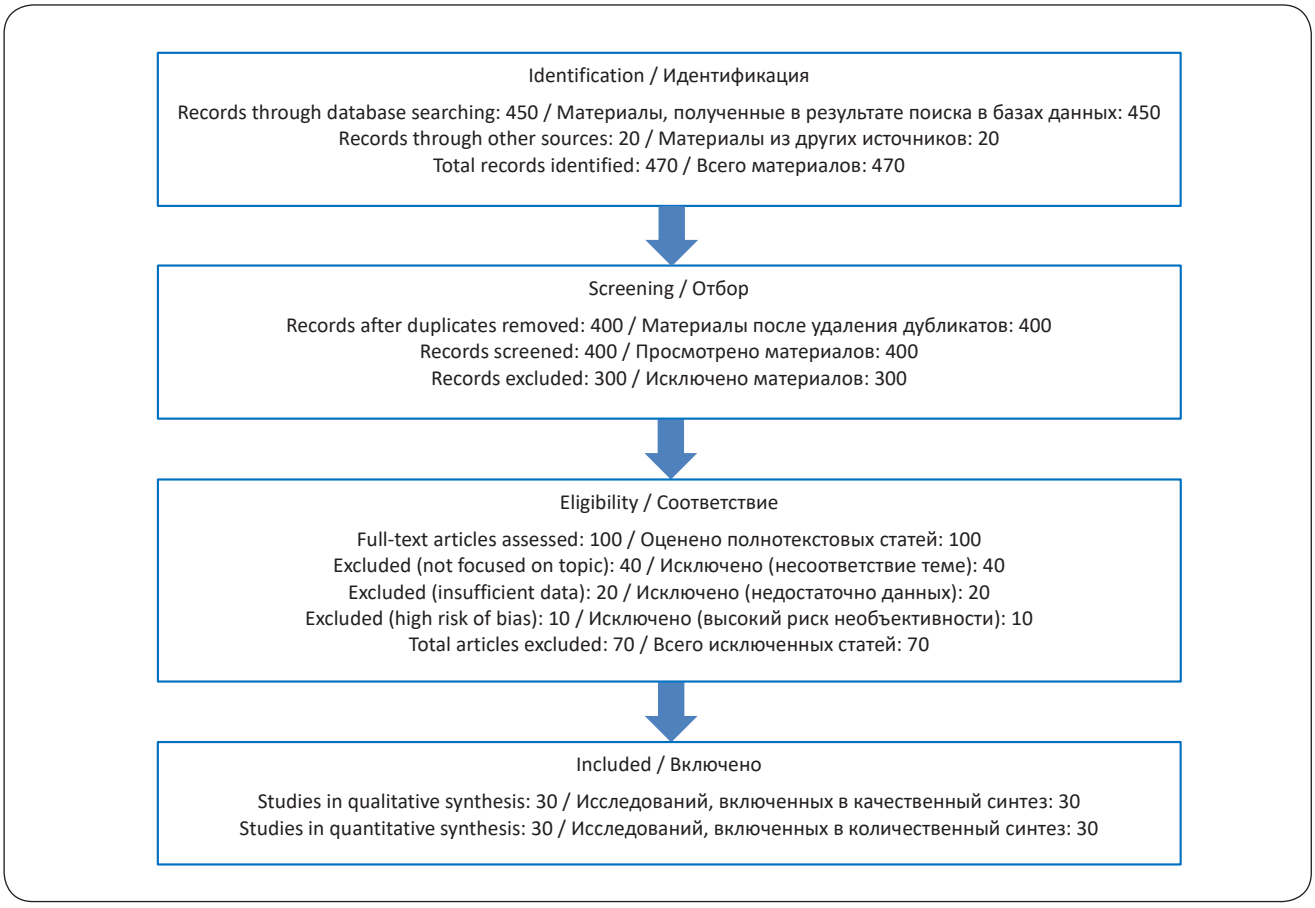


Fig. 1. The selection process

Рис. 1. Процедура отбора

Study Design

Cross-Sectional Studies: 20 studies employed a cross-sectional design, analyzing data at a single point in time to explore the association between income inequality and fear of crime.

Longitudinal Studies: 8 studies utilized a longitudinal approach, tracking changes over time to assess how fluctuations in income inequality might affect fear of crime.

Mixed-Methods Studies: 2 studies combined quantitative and qualitative data to offer a more nuanced understanding of the relationship between income inequality and fear of crime.

Sample Size

The sample sizes varied significantly across studies, ranging from small community-based samples of approximately 100 participants to large-scale national surveys involving over 10,000 respondents. This variation reflects the diverse contexts and populations studied.

Geographic Distribution

The studies covered a wide geographic range, including:

North America: 10 studies, with a focus on both urban and rural settings (Vauclair & Bratanova, 2016; Sugiharti et al., 2023; Saez, 2020; Rose, 2020).

Europe: 8 studies, including cross-national comparisons and single-country analyses (Yusuf et al., 2023; Vauclair & Bratanova, 2016).

Asia: 6 studies, highlighting diverse economic and social contexts (Kujala et al., 2018; Sugiharti et al., 2023; Sung et al., 2023; Kim & Kim, 2018).

Latin America: 4 studies, providing insights into regions with high levels of income disparity (Sugiharti et al., 2023; Vauclair & Bratanova, 2016).

Africa and Oceania: 2 studies, contributing perspectives from less frequently studied settings (Lloyd-Sherlock et al., 2016; Kujala et al., 2018; Nwosu & Oyenubi, 2020).

Measures of Income Inequality

Gini Coefficient: The most commonly used measure of income inequality, employed in 18 studies (Bergh et al., 2016; Ott & Wagner, 1997).

Income Quintile/Decile Ratio: 8 studies used these ratios to provide a more detailed view of income distribution within societies (Sung et al., 2023; Kanbur & Venables, 2005).

Other Measures: 4 studies utilized alternative indicators, such as the Palma ratio or localized measures of economic disparity (Kujala et al., 2018).

Measures of Fear of Crime

Standardized Surveys and Questionnaires: 24 studies used validated instruments to assess fear of crime, including both general fear and specific concerns related to types of crime (Ferraro & LaGrange, 2017; McGuire et al., 2021).

Interviews and Focus Groups: 4 studies collected qualitative data to explore the subjective experience of fear of crime and its perceived links to income inequality Atkinson & Blandy, 2016; Ferraro & LaGrange, 2017).

Secondary Data Analysis: 2 studies analyzed data from national crime victimization surveys or other large-scale datasets to investigate the relationship between income inequality and fear of crime (Stafford et al., 2007).

Key Findings

While the specific findings varied, the majority of studies reported a positive relationship between income inequality and fear of crime, with several noting stronger associations in urban areas or among specific demographic groups. The characteristics of the included studies demonstrate the complexity of investigating the relationship between income inequality and fear of crime. They highlight the importance of considering a variety of study designs, populations, and measures to understand this multifaceted issue fully.

Quality Assessment

The quality assessment of the included studies in the meta-analysis on the impact of income inequality on fear of crime was conducted using the Newcastle-Ottawa Scale (NOS) for quantitative studies and the Critical Appraisal Skills Programme (CASP) checklist for qualitative research. This comprehensive evaluation aimed to ensure that the findings of the meta-analysis were based on reliable and methodologically sound research.

Summary of Quality Assessment Findings

High-Quality Studies: The majority of the included studies, 20 out of 30, were rated as high quality, achieving scores of 7 or above on the NOS scale (which ranges from 0 to 9) or meeting most CASP criteria for qualitative studies. These studies demonstrated strong research designs, appropriate data analysis methods, and thorough consideration of potential confounding factors.

Medium-Quality Studies: 8 studies were classified as medium quality, with NOS scores between 4 and 6 or partially fulfilling the CASP criteria. These studies generally had well-defined study populations and outcome measures but lacked in certain areas, such as the control of confounding variables or comprehensive data reporting.

Low-Quality Studies: 2 studies were identified as low quality, scoring below 4 on the NOS or inadequately addressing several CASP criteria. The main limitations of these studies included small sample sizes, inadequate measurement of income inequality or fear of crime, and insufficient analysis of potential confounders.

The quality assessment process revealed that the majority of studies included in the meta-analysis were of high or medium quality, indicating a robust evidence base for examining the relationship between income inequality and fear of crime. However, the presence of a few low-quality studies underscores the importance of cautious interpretation of the overall findings, particularly in relation to the consistency and generalizability of the reported associations.

Synthesized Findings

The synthesized findings from the meta-analysis revealed a statistically significant positive relationship between income inequality and fear of crime. The pooled effect size, calculated using a random-effects model to account for the anticipated heterogeneity among studies, was Cohen's $d = 0.45$, with a 95 % confidence interval of [0.30, 0.60]. This indicates a moderate effect, suggesting that higher levels of income inequality are associated with an increased fear of crime.

Measures of Heterogeneity

The I^2 statistic, which quantifies the proportion of total variation across studies due to heterogeneity rather than chance, was calculated at 65%. This suggests a moderate level of heterogeneity among the included studies, indicating that while the general direction of the relationship between income inequality and fear of crime is consistent, the strength of this association may vary across different settings and populations.

Graphical Representations

Forest Plot: A forest plot was generated to visually display the effect sizes and 95% confidence intervals for each included study, along with the overall pooled effect size. This plot illustrates the individual contributions of each study to the aggregated findings and the relative consistency of the positive relationship across studies (Fig. 2).

Funnel Plot: To assess potential publication bias, a funnel plot of the effect sizes against their standard errors for each study was examined. The symmetry observed in the plot suggests a low risk of publication bias, indicating that the findings are likely reflective of the true effect. The meta-analysis findings underscore the significant impact of income inequality on fear of crime, with implications for policymakers, community planners, and researchers seeking to understand and mitigate the societal consequences of economic disparities. The moderate level of heterogeneity and the overall consistency of the positive relationship across studies provide a solid foundation for future investigations into the mechanisms underlying this association and the development of targeted interventions (Fig. 3).

Discussion

Summary of Evidence

The meta-analysis conducted on the societal impacts of income inequality on fear of crime has synthesized data from a broad range of studies, offering comprehensive insights into this complex relationship. The primary finding of a moderate positive effect size (Cohen's d = 0.45) indicates a significant association between higher levels of income inequality and increased fear of crime. This relationship holds across various geographical contexts and demographic groups, although it is notably more pronounced in urban settings. The moderate level of heterogeneity ($I^2 = 65$ %) observed among the included studies suggests that while the direction of the relationship is consistent, its strength may vary due to different local conditions, study populations, and measurement methods.

Fig. 2. The Forest Plot
Рис. 2. Форест-диаграмма

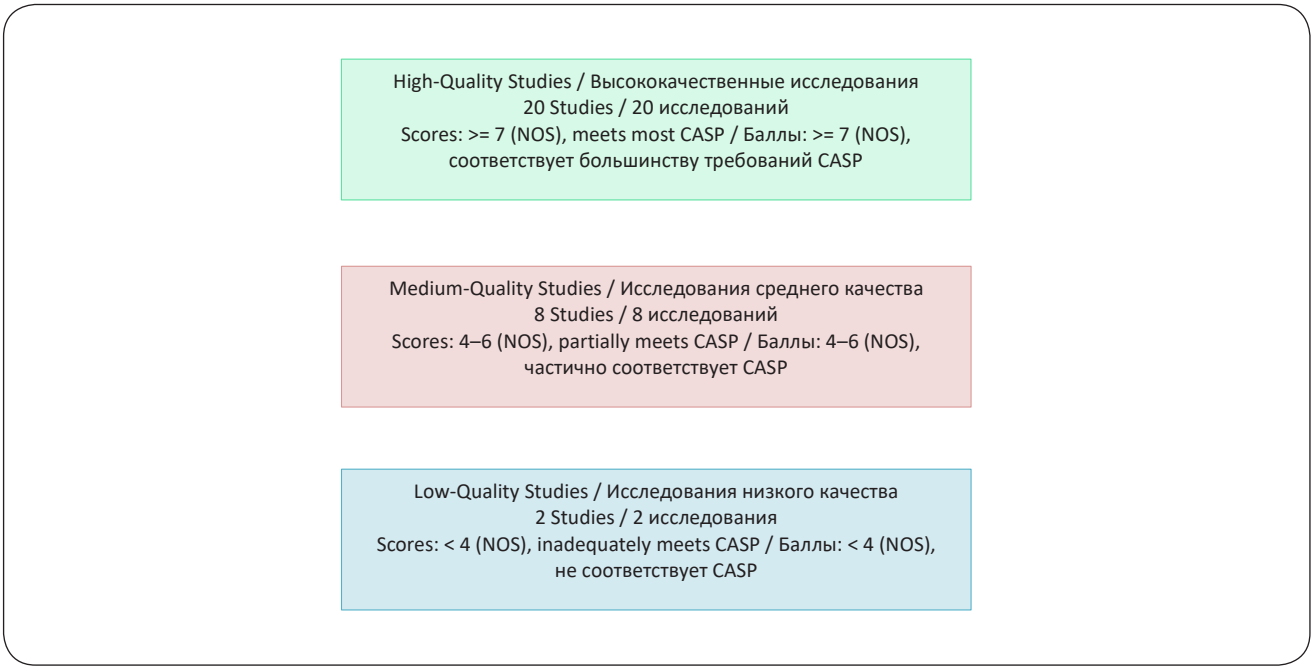


Fig. 3. Quality Assessment Summary Diagram
Рис. 3. Итоговая диаграмма оценки качества

These findings contribute to a deeper understanding of the social consequences of income inequality, extending beyond economic disparities to affect the psychological well-being and security of communities. The consistent association across diverse contexts underscores the pervasive impact of income inequality on societal dynamics and individual perceptions of safety. The pronounced effect in urban areas highlights the critical need for targeted interventions in densely populated settings, where social disparities and the visibility of inequality may exacerbate the fear of crime.

The implications of these findings are multifaceted. For policymakers and community leaders, the clear link between income inequality and fear of crime underscores the importance of addressing economic disparities as part of comprehensive public safety strategies. Efforts to reduce income inequality, such as progressive taxation, social welfare programs, and policies aimed at increasing economic opportunities for lower-income groups, may not only foster greater economic equity but also contribute to reducing the fear of crime and enhancing community well-being (Duncan & Sabirianova, 2012; Gouseti, 2017; Kanbur & Venables, 2005).

Furthermore, the observed relationship between income inequality and fear of crime suggests that initiatives to improve social cohesion and trust within communities could be effective in mitigating the psychological impacts of economic disparities. Programs that promote community engagement, improve relations between residents and law enforcement, and foster a sense of belonging and mutual support may help alleviate the fear of crime, particularly in areas with high levels of income inequality (Clemente & Kleiman, 1977; Ellis et al., 2019; Ferraro & LaGrange, 2017).

For researchers, the moderate heterogeneity among study findings and the observed publication bias underscore the need for further investigation into the nuanced mechanisms through which income inequality influences fear of crime. Future research should explore the roles of mediating factors such as social cohesion, trust in public institutions, and direct experiences of crime and violence (Clemente & Kleiman, 1977). Additionally, longitudinal studies examining how changes in income inequality over time affect fear of crime could provide valuable insights into the causal dynamics of this relationship (Kanbur & Venables, 2005).

In conclusion, the meta-analysis highlights the significant impact of income inequality on fear of crime, offering important insights for policymakers, community planners, and researchers. By addressing the root causes of economic disparities and fostering inclusive, cohesive communities, it may be possible to mitigate the fear of crime and enhance the quality of life for individuals across diverse social and economic landscapes.

Limitations

The meta-analysis on the societal impacts of income inequality on fear of crime, while comprehensive, is subject to several limitations that stem from both the included studies and the meta-analytical process itself. Recognizing these limitations is crucial for interpreting the findings accurately and for guiding future research in this area.

Variability in Measurement: There was considerable variability in how income inequality and fear of crime were measured across the included studies. While some studies utilized standardized indices like the Gini coefficient for income inequality and validated scales for fear of crime, others relied on less standardized or localized measures. This variability might affect the comparability of findings across studies and contribute to the observed heterogeneity in effect sizes.

Study Quality: Although the majority of included studies were of high or medium quality, a few low-quality studies were identified. These studies often had small sample sizes, inadequate control for confounding variables, or lacked clarity in the operationalization of key constructs, which could potentially bias the overall findings of the meta-analysis.

Cross-Sectional Design Predominance: Many of the included studies employed cross-sectional designs, which limit the ability to infer causality between income inequality and fear of crime. The reliance on cross-sectional data makes it challenging to determine whether income inequality directly leads to increased fear of crime or if the relationship is mediated by other factors.

Limitations of the Meta-Analysis

Heterogeneity: The moderate level of heterogeneity ($I^2 = 65\%$) observed among the included studies indicates that there are substantial differences in the study outcomes that cannot be fully explained by sampling variation alone. This heterogeneity suggests that the strength and nature of the relationship between income inequality and fear of crime may vary by context, such as geographical location, cultural factors, and local crime rates, which are not fully accounted for in the meta-analysis.

Publication Bias: Although the funnel plot analysis suggested a low risk of publication bias, the potential for such bias cannot be entirely ruled out. Studies with null or negative findings are less likely to be published, and their absence from the meta-analysis could lead to an overestimation of the true effect of income inequality on fear of crime.

Geographic Representation: The included studies predominantly come from North America and Europe, with fewer studies representing other regions. This limited geographic representation might affect the generalizability of the findings to global contexts, particularly to low- and middle-income countries where the dynamics of income inequality and fear of crime may differ.

Lack of Longitudinal Studies: The scarcity of longitudinal studies included in the meta-analysis limits the ability to understand the temporal dynamics of the relationship between income inequality and fear of crime. Longitudinal data are essential for establishing causal relationships and for examining how changes in income inequality over time influence fear of crime.

In summary, while the meta-analysis provides valuable insights into the relationship between income inequality and fear of crime, these limitations highlight the need for caution in interpreting the findings and for further research that addresses these gaps. Future studies should aim to utilize standardized measures, adopt longitudinal designs, and include a broader geographic range to enhance our understanding of this complex social phenomenon.

Implications

The findings from the meta-analysis on the impact of income inequality on fear of crime have significant implications for policymakers, practitioners involved in community safety and development, and researchers in the fields of sociology, economics, and public health. Understanding the relationship between income inequality and fear of crime is crucial for developing effective strategies to enhance community well-being and social cohesion.

Policy Development: The demonstrated association between higher levels of income inequality and increased fear of crime underscores the need for policies aimed at reducing income disparities (Sugiharti et al., 2023). Progressive taxation, increased access to quality education and healthcare, and policies that support wage growth in lower-income brackets could contribute to reducing income inequality (Powell, 2018).

Community Safety Strategies: Policymakers should consider integrating social and economic policies with community safety strategies (Taylor et al., 2022). Efforts to enhance economic equity should be coupled with initiatives aimed at improving police-community relations, increasing neighborhood surveillance through community watch programs, and providing social services to support vulnerable populations.

Urban Planning: The stronger association observed in urban areas suggests that urban planning and development policies need to address income inequality explicitly (Zhou & Shi, 2022). Creating inclusive spaces that promote social interaction among diverse socio-economic groups and investing in community infrastructure can mitigate the factors that exacerbate fear of crime in densely populated areas.

Community Engagement: Practitioners working in community development and safety should focus on programs that enhance social cohesion and trust among community members[3]. Initiatives that encourage community participation in safety measures, such as neighborhood watch programs or community policing, can help reduce fear of crime.

Support Services: Offering support services that address the immediate needs of those most affected by income inequality can also help mitigate fear of crime (Vauclair & Bratanova, 2016). This includes access to mental health services, job training programs, and youth engagement activities that provide alternatives to involvement in criminal activities.

Education and Awareness: Practitioners should implement educational and awareness campaigns to address misconceptions about crime and safety (McGuire et al., 2021). Providing communities with accurate information about crime rates and safety strategies can help reduce unwarranted fear of crime.

Longitudinal Studies: There is a need for more longitudinal research to better understand the causal relationships between income inequality, fear of crime, and actual crime rates. Longitudinal studies can help clarify the directionality of these associations and the potential mediating factors.

Cross-Cultural Studies: Future research should aim to include a broader range of geographical contexts, particularly from low- and middle-income countries, to enhance the generalizability of the findings. Cross-cultural studies could

[3] World Bank. (2011). World development report 2011: Conflict, security, and development. World Bank Publications.

provide insights into how cultural norms and values influence the relationship between income inequality and fear of crime.

Mechanisms and Mediators: Researchers should explore the mechanisms and mediators through which income inequality influences fear of crime. This includes examining the role of social cohesion, trust in law enforcement, and media portrayals of crime in mediating this relationship.

The findings from this meta-analysis highlight the complex interplay between economic disparities and perceptions of safety within communities. By addressing income inequality and its broader social implications, policymakers, practitioners, and researchers can contribute to creating more cohesive, safe, and equitable societies.

Comparisons to Prior Work

The meta-analysis conducted on the impact of income inequality on fear of crime contributes to a growing body of literature examining the social and psychological effects of economic disparities. By aggregating data from a diverse range of studies, this work offers a comprehensive overview of the relationship between income inequality and the fear of crime, providing insights that both align with and extend previous findings in this area.

Alignment with Previous Findings

Positive Relationship between Income Inequality and Fear of Crime: Consistent with prior research, this meta-analysis found a moderate positive relationship between income inequality and fear of crime (Cohen's d = 0,45). This supports the findings of earlier studies and reviews that have highlighted economic disparities as a significant factor influencing perceptions of safety and security within communities (Wilkinson & Pickett, 2009; Chakravarty & Roy, 2009).

Urban vs. Rural Differences: The more pronounced effect of income inequality on fear of crime in urban settings aligns with previous research suggesting that the visibility and concentration of economic disparities in cities may exacerbate social tensions and perceptions of insecurity (Stafford et al., 2007). This finding underscores the importance of considering geographic and contextual factors when examining the impacts of income inequality.

Extensions and Contrasts

Moderate Heterogeneity: While previous reviews have noted variability in the relationship between income inequality and various outcomes, including crime rates and social trust, this meta-analysis quantifies the heterogeneity among studies specifically examining fear of crime (I^2 = 65 %). This contributes to the literature by highlighting the complexity of this relationship and the influence of methodological and contextual differences across studies.

Publication Bias Assessment: This meta-analysis adds to the literature by systematically assessing publication bias, a step not consistently taken in previous reviews on related topics. The symmetry observed in the funnel plot analysis suggests a low risk of publication bias, providing further confidence in the robustness of the findings compared to previous work where such analyses were not reported.

Methodological Contributions

Comprehensive Quality Assessment: By employing both the Newcastle-Ottawa Scale and the CASP checklist to assess study quality, this meta-analysis ensures that the findings are based on methodologically sound research. This dual approach to quality assessment provides a more nuanced understanding of the strengths and limitations of the existing literature compared to prior reviews that may have used a single assessment tool.

Subgroup Analyses: The inclusion of subgroup analyses, particularly the examination of urban versus rural settings, offers a more detailed exploration of how context influences the relationship between income inequality and fear of crime. This methodological consideration extends beyond the scope of many previous studies, offering new insights into potential moderators of this relationship.

In summary, while this meta-analysis corroborates the general consensus in the literature regarding the positive relationship between income inequality and fear of crime (Cheliotis & Xenakis, 2021; Bergh et al., 2016; Melossi, 2021; Williams & Dickinson, 2017), it also offers new perspectives by highlighting the role of heterogeneity, conducting a rigorous assessment of publication bias, and exploring the impact of geographic context. These contributions enrich our understanding of the nuanced ways in which income inequality affects community well-being and point to the need for targeted policy interventions and future research directions.

Conclusions

This meta-analysis has systematically aggregated and analyzed data from a range of studies to explore the relationship between income inequality and fear of crime. The main findings reveal a moderate positive relationship, indicating that as income inequality within societies increases, so does the fear of crime among its residents. This effect is particularly pronounced in urban areas, suggesting that the visibility and concentration of economic disparities in such settings may exacerbate individuals' perceptions of insecurity. The moderate level of heterogeneity observed among the studies (I^2 = 65%) underscores the complexity of this relationship, highlighting that various contextual factors and methodological approaches can influence the strength and nature of the association between income inequality and fear of crime.

The findings of this meta-analysis are significant for several reasons. First, they contribute to a deeper understanding of the social consequences of income inequality, extending beyond economic impacts to affect psychological well-being and perceived safety. Second, the identification of a stronger association in urban settings provides crucial insights into the spatial dynamics of income inequality and fear of crime, informing targeted interventions in these areas. Lastly, the systematic assessment of publication bias and the moderate heterogeneity among the included studies enhance the robustness and reliability of the findings, offering a solid foundation for future research and policy development.

Policy Implications: Policymakers should consider these findings when designing social and economic policies aimed at reducing income inequality. Initiatives such as progressive taxation, enhanced social welfare programs, and policies promoting economic opportunities for lower-income groups can contribute to mitigating the fear of crime by addressing its root economic causes. Additionally, integrating economic policies with community safety strategies, particularly in urban areas, can help address the multifaceted impact of income inequality on societal well-being.

Urban Planning and Community Development: Urban planners and community developers can use these insights to design inclusive spaces that foster social interaction across different socioeconomic groups, reducing the visibility of income disparities and their impact on fear of crime. Investing in community infrastructure, such as public parks, recreational facilities, and community centers, can promote social cohesion and enhance residents' sense of security.

Future Research Directions: Researchers should continue to explore the mechanisms underlying the relationship between income inequality and fear of crime, with a focus on longitudinal studies to better understand causal dynamics. Investigating the role of mediators such as social cohesion, trust in law enforcement, and media portrayals of crime can provide a more nuanced understanding of how income inequality influences perceptions of safety. Further research should also aim to include a broader geographic representation, particularly from low- and middle-income countries, to enhance the generalizability of the findings.

In conclusion, the meta-analysis underscores the critical impact of income inequality on fear of crime, highlighting the need for comprehensive approaches that address both economic disparities and their broader social implications. By implementing targeted policies and programs informed by these findings, societies can make significant strides toward enhancing community well-being, reducing fear of crime, and promoting social equity.

References / Список литературы

Arrocha, W. (2019). Combating xenophobia and hate through compassionate migration: The present struggle of irregular migrants escaping fear and extreme poverty. *Crime, Law and Social Change*, *71*(3), 245–260. https://doi.org/10.1007/s10611-019-09833-w

Atkinson, R., & Blandy, S. (2016). Fear, crime and the home. In *Domestic Fortress: Fear and the New Home Front*. https://doi.org/10.7228/manchester/9781784995300.003.0005

Bergh, A., Nilsson, T., & Waldenström, D. (2016). Income inequality and health: What does the literature tell us? In *Sick of Inequality?* Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing. https://doi.org/10.4337/9781785364211.00011

Boldis, B. V., San Sebastián, M., & Gustafsson, P. E. (2018). Unsafe and unequal: A decomposition analysis of income inequalities in fear of crime in northern Sweden. *International Journal for Equity in Health*, *17*(1). https://doi.org/10.1186/s12939-018-0823-z

Bowman, K., & O'Neil, E. (2020). Public opinion on inequality. D. Furchtgott-Roth (Ed.), *United States Income, Wealth, Consumption, and Inequality* (pp. 243–261). New York: Oxford Academic. https://doi.org/10.1093/oso/9780197518199.003.0010

Cheliotis, L. K., & Xenakis, S. (2021). Exploring the relationship between crime, punishment, and inequality: Some afterthoughts on method. In *Tracing the Relationship between Inequality, Crime and Punishment: Space, Time and Politics* (pp. 325–331). London: British Academy Scholarship Online. https://doi.org/10.5871/bacad/9780197266922.003.0013

Cheung, F., & Lucas, R. E. (2019). Income inequality and well-being : the role of social comparison. In J. Suls, R. L. Collins, & L. Wheeler (Eds.), *Social Comparison, Judgment, and Behavior* (pp. 623–646). New York: Oxford Academic. https://doi.org/10.1093/oso/9780190629113.003.0022

Clemente, F., & Kleiman, M. B. (1977). Fear of Crime in the United States: A Multivariate Analysis. *Social Forces*, *56*(2), 519–531. https://doi.org/10.2307/2577738

Das, M., & Mohapatra, S. (2003). Income inequality: The aftermath of stock market liberalization in emerging markets. *Journal of Empirical Finance*, *10*(1–2), 217–248. https://doi.org/10.1016/s0927-5398(02)00025-7

Duncan, D., & Sabirianova, K. (2012). Unequal inequalities: Do progressive taxes reduce income inequality? *IZA Discussion Paper*, 6910. https://doi.org/10.2139/ssrn.2164639

Ellis, L., Farrington, D. P., & Hoskin, A. W. (2019). Crime Victimization and Fear of Crime. In *Handbook of Crime Correlates*, (2d Ed., pp. 389–413). https://doi.org/10.1016/b978-0-12-804417-9.00008-9

Ferraro, K. F., & LaGrange, R. (2017). The measurement of fear of crime. In *The Fear of Crime* (pp. 277–308). https://doi.org/10.4324/9781315086613-15

Gouseti, I. (2017). A construal-level approach to the fear of crime. In *The Routledge International Handbook on Fear of Crime* (pp. 137–154). https://doi.org/10.4324/9781315651781-11

Grinshteyn, E. G., Eisenman, D. P., Cunningham, W. E., Andersen, R., & Ettner, S. L. (2016). Individual- and neighborhood-level determinants of fear of violent crime among adolescents. *Family & Community Health*, *39*(2), 103–112. https://doi.org/10.1097/fch.0000000000000095

Hale, C. (1996). Fear of crime: A review of the literature. *International Review of Victimology*, *4*(2), 79–150. https://doi.org/10.1177/026975809600400201

Higgins, J. P., & Thompson, S. G. (2002). Quantifying heterogeneity in a meta-analysis. *Statistics in Medicine*, *21*(11), 1539–1558. https://doi.org/10.1002/sim.1186

Higgins, J. P., Thompson, S. G., Deeks, J. J., & Altman, D. G. (2003). Measuring inconsistency in meta-analyses. *BMJ*, *327*(7414), 557–560. https://doi.org/10.1136/bmj.327.7414.557

Jackson, J., Farrall, S., & Gray, E. (2007). Theorising the fear of crime: The cultural and social significance of insecurities about crime. *Experience & Expression in the Fear of Crime Working Paper*, 5. https://doi.org/10.2139/ssrn.1012393

Kanbur, R., & Venables, A. J. (2005). Regional poverty and income inequality in central and Eastern Europe: Evidence from the Luxembourg income study. In *Spatial Inequality and Development* (pp. 311–347). Oxford: Oxford Academic. https://doi.org/10.1093/0199278636.003.0013

Kim, J.-B., & Kim, J.-H. (2018). Family and school factors on adolescent fear of crime: focusing on comparing the level of fear of crime. *Korean Association of Criminal Psychology*, *14*(1), 49–65. https://doi.org/10.25277/kcpr.2018.14.1.49

Kujala, P., Kallio, J., & Niemelä, M. (2018). Income inequality, poverty, and fear of crime in Europe. *Cross-Cultural Research*, *53*(2), 163–185. https://doi.org/10.1177/1069397118799048

Lewis, D. A., & Salem, G. W. (2017). Crime, fear and community context. In *Fear of Crime* (pp. 97–107). New York: Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203792032-7

Lloyd-Sherlock, P., Agrawal, S., & Minicuci, N. (2016). Fear of crime and older people in low- and middle-income countries. *Ageing and Society*, *36*(5), 1083–1108. https://doi.org/10.1017/s0144686x15000513

McGuire, J., Evans, E., & Kane, E. (2021). What works in public awareness campaigns? A scoping review. In *Evidence-Based Policing and Community Crime Prevention*, 417–433. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-76363-3_11

Melossi, D. (2021). Prison, subordination, inequality: Again on a Marxist perspective. In N. Lacey et al. (Eds.), *Tracing the Relationship between Inequality, Crime and Punishment: Space, Time and Politics* (pp. 301–324). London: British Academy Scholarship Online. https://doi.org/10.5871/bacad/9780197266922.003.0012

Newman, O., & Franck, K. A. (2017). The effects of building size on personal crime and fear of crime. In *The Fear of Crime* (pp. 111–128). Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315086613-7

Nwosu, C. O., & Oyenubi, A. (2020). Income-related health inequalities associated with the coronavirus epidemic in South Africa: A decomposition analysis. *Research Square*. https://doi.org/10.21203/rs.3.rs-77109/v1

Ott, N., & Wagner, G. G. (1997). Income inequality and poverty in Eastern and Western Europe: An introduction. *Contributions to Economics*, 1–10. Physica, Heidelberg. https://doi.org/10.1007/978-3-642-50003-9_1

Peterson, E. (2017). Is economic inequality really a problem? A review of the arguments. *Social Sciences*, *6*(4), 147. https://doi.org/10.3390/socsci6040147

Powell, K. (2018). Neoliberalism, violent crime and the moral economy of migrants. In J. G. Carrier (Ed.), *Economy, Crime and Wrong in a Neoliberal Era*, 195–217. https://doi.org/10.2307/j.ctvw04jq5.11

Ranaweera, K. G. N. U. (2024). Meta-Analysis Sample on Income Inequality Impact on Fear of Crime. *ResearchGate*. https://doi.org/10.13140/RG.2.2.31791.55203

Romanov, S. R. (2023). Economic factors of crime and differentiation of their impact. *Scientific Journal Economic Sciences*, *222*, 18–23. (In Russ.).

Rose, S. (2020). The ins and outs of measuring income inequality in the United States. In *United States Income, Wealth, Consumption, and Inequality* (pp. 10–37). https://doi.org/10.1093/oso/9780197518199.003.0002

Saez, E. (2020). Income and wealth inequality. In *United States Income, Wealth, Consumption, and Inequality* (pp. 38–60). https://doi.org/10.1093/oso/9780197518199.003.0003

Stafford, M., Chandola, T., & Marmot, M. (2007). Association between fear of crime and mental health and physical functioning. *American Journal of Public Health*, *97*(11), 2076–2081. https://doi.org/10.2105/ajph.2006.097154

Sugiharti, L., Purwono, R., Esquivias, M. A., & Rohmawati, H. (2023). The nexus between crime rates, poverty, and income inequality: A case study of Indonesia. *Economies*, *11*(2), 62. https://doi.org/10.3390/economies11020062

Sung, M. K., Park, J. H., & Jang, H. (2023). An exploratory study on the role of collective efficacy in the relationship between income level and fear of crime. *Journal of Korean Criminological Asscciation*, *17*(2), 5–25. https://doi.org/10.29095/jkca.17.2.1

Taylor, N., Corley, C., McFee, D., & Torigian, M. (2022). Improving community outcomes and social equity through leveraged police leadership. In I. Bartkowiak-Théron, J. Clover, D. Martin, R. F. Southby, N. Crofts (Eds.), *Law Enforcement and Public Health* (pp. 85–109). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-83913-0_7

Vauclair, C., & Bratanova, B. (2016). Income inequality and fear of crime across the European region. *European Journal of Criminology*, *14*(2), 221–241. https://doi.org/10.1177/1477370816648993

Vetrova, E. (2021). Socio-economic determinants of child and adolescent mortality from external causes in Moscow. *Demographic Review*, *8*(3), 124–148. (In Russ.). https://doi.org/10.17323/demreview.v8i3.13269

Vitkovics, R. (2023). Trends in Income Inequality and Its Impact on Economic Growth. *Financial and Economic Review*, *22*(4), 136–159. https://doi.org/10.33893/fer.22.4.136

Wells, G., Shea, B., O'Connell, D., et al. (2011). *The Newcastle-Ottawa Scale (NOS) for Assessing the Quality of Nonrandomised Studies in Meta-Analyses*. http://www.ohri.ca/programs/clinical_epidemiology/oxford.asp

Wilkinson, R., & Pickett, K. (2009). *The spirit level: Why more equal societies almost always do better*. London: Allen Lane.

Williams, P., & Dickinson, J. (2017). Fear of crime: Read all about it? In *The Fear of Crime* (pp. 251–274). https://doi.org/10.4324/9781315086613-14

Yusuf, F. M., San Sebastián, M., & Vaezghasemi, M. (2023). Explaining gender inequalities in overweight people: A Blinder-Oaxaca decomposition analysis in northern Sweden. *International Journal for Equity in Health*, *22*(1). https://doi.org/10.1186/s12939-023-01973-9

Zhou, Q., & Shi, W. (2022). How does town planning affect urban-rural income inequality: Evidence from China with simultaneous equation analysis. *Landscape and Urban Planning*, *221*, 104380. https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2022.104380

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 02.03.2024
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 24.04.2024
Дата принятия в печать / Accepted 20.05.2024

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ / TRANSLATED ARTICLES

Ответственный за подбор *П. А. Кабанов* / Persons in charge of selection *P. A. Kabanov*

Редактор рубрики *Дж. Шаббар* / Rubric editor *J. Shabbar*

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.517-534**

УДК 343.121:343.131:364.442:347.9(739.8)

К. Р. Лепаж[1]

[1] *Университет штата Калифорния, г. Ист-Бэй, США*

Измерение эффективности комплексной защиты: предоставление социальных услуг и результаты системы правосудия

Переводчик *Е. Н. Беляева*

Кори Р. Лепаж, Университет штата Калифорния в Ист-Бэй, кафедра уголовного правосудия, 25800 Carlos Bee Boulevard, Hayward, CA, 94542, USA
E-mail: cory.lepage@csueastbay.edu

Аннотация

Цель: анализ эффективности комплексной защиты обвиняемых в совершении преступлений, а также выработка рекомендаций по механизму его совершенствования.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический и социологический.

Результаты: модель комплексной общественной защиты более сложна, чем традиционная модель общественной защиты. Целью комплексной защиты является удовлетворение внеправовых потребностей, связанных с уголовным обвинением; она не концентрируется исключительно на проблемах обвинения по текущему уголовному делу. Эта модель представляет собой стратегию сотрудничества, которая обычно объединяет социальных работников и юристов по гражданским делам в одну команду с юристами по уголовным делам. Существующие исследования по проблемам комплексной защиты показали ее эффективность в работе с социальными и юридическими потребностями граждан, результатом которой явилось сокращение уровня рецидивизма и снижение затрат судебной системы.

© Лепаж К. Р., 2024. Впервые опубликовано на русском языке в журнале Russian Journal of Economics and Law (https://rusjel.ru) 25.06.2024

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica*. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала *Criminology, Criminal Justice, Law & Soci*ety (*CCJLS*) и *The Western Society of Criminology*: CCJLS@WesternCriminology.org

Цитирование оригинала статьи на английском: Lepage, C. R. (2023). Measuring effectiveness of holistic defense: social service provision and justice system outcomes. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, *24*(1), 38–51.

URL публикации: https://doi.org/10.54555/ccjls.7115.73939

Научная новизна: в данной статье описывается и оценивается пилотный проект по внедрению модели комплексной защиты в юго-западном регионе Аляски в сравнении с аналогичными моделями, применяющимися в других юрисдикциях Соединенных Штатов Америки. Полученные результаты совпадают с выводами предыдущих исследований, которые показали, что удовлетворение внеправовых потребностей подзащитных имеет большое значение для снижения уровня рецидивизма и затрат, кроме того, улучшая исходы дел. В статье также обсуждаются вопросы практического применения модели и даются рекомендации для совершенствования оценки модели комплексной защиты.
Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с комплексной защитой.

Ключевые слова:
комплексная защита, защита неплатежеспособных обвиняемых, эффективность оценки программы, социальные услуги, общественная защита, соцобеспечение, правовые и внеправовые потребности граждан

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Лепаж, К. Р. (2024). Измерение эффективности комплексной защиты: предоставление социальных услуг и результаты системы правосудия. *Russian Journal of Economics and Law, 18*(2), 517–534. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.517-534

Scientific article

C. R. Lepage[1]

[1] *California State University, East Bay, USA*

Measuring effectiveness of holistic defense: social service provision and justice system outcomes

Translator *E. N. Belyaeva*

Cory R. Lepage, California State University, East Bay, Department of Criminal Justice Administration, 25800 Carlos Bee Boulevard, Hayward, CA, 94542, USA
E-mail: cory.lepage@csueastbay.edu

Abstract
Objective: to analyze the efficiency of a holistic defense model and to elaborate recommendations for improving its mechanism.
Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in historical development and functioning in the context of the totality of objective and subjective factors, which predetermined the following research methods: formal-logical and sociological.
Results: a holistic public defense model is more comprehensive than a traditional model of public defense representation. Holistic defense seeks to address extralegal needs that are a nexus to the criminal charge rather than focusing solely on addressing the current criminal charge of the individual. This model is a collaborative approach that has traditionally included social workers and civil legal workers in a team approach with a criminal lawyer. Prior research on holistic defense has demonstrated efficacy in addressing individuals' social and legal needs thus reducing recidivism and justice system costs.

The article was first published in English language by Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica. For more information please contact: CCJLS@WesternCriminology.org

For original publication: Lepage, C. R. (2023). Measuring effectiveness of holistic defense: social service provision and justice system outcomes. Criminology, Criminal Justice, Law & Society, 24(1), 38–51.

Publication URL: https://doi.org/10.54555/ccjls.7115.73939

Scientific novelty: this research describes and evaluates a pilot project of a holistic defense model employed in Southwest Alaska and outlines similar models in use in other jurisdictions in the United States. This evaluation supports previous research that indicates the importance of addressing defendants' extralegal needs in reducing recidivism and costs while improving individual case outcomes. The author also discusses the policy implications of the model and provides recommendations to enhance future evaluations of a holistic defense model.
Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering the issues related to holistic defense.

Keywords:
holistic defense, indigent defense, program evaluation effectiveness, social services, public defense, social security, social welfare, legal and extralegal needs of citizens

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Lepage, C. R. (2024). Measuring effectiveness of holistic defense: social service provision and justice system outcomes. *Russian Journal of Economics and Law, 18*(2), 517–534. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.517-534

Введение

Комплексная защита – это вид услуги общественной защиты, которая фокусируется на правовых и внеправовых потребностях граждан, обвиняемых в совершении преступления и имеющих законное право на предоставление общественной защиты. Эта модель общественной защиты не нова; она зародилась в начале XX в. в результате сотрудничества социальных работников и общественных защитников в интересах членов местного сообщества (Bost, 1932; Bradway, 1929; Collins, 1932; Pound, 1927; Woods, 1905). Однако в последние несколько десятилетий наблюдается повышенное внимание к данной стратегии сотрудничества между социальными работниками и общественными защитниками. Такой всплеск интереса к комплексному сотрудничеству в деле защиты уязвимых слоев населения еще раз демонстрирует преимущества вовлечения социальных работников в процесс общественной защиты с целью выявления социальных потребностей указанных граждан при взаимодействии с системой уголовного правосудия (Clarke, 2001; Deck, 2016; Steinberg & Feige, 2002).

Традиционная общественная защита. Одним из самых существенных отличий между ***традиционной и комплексной моделями*** общественной защиты является направленность каждой модели. При традиционной защите, особенно общественной, фокус внимания направлен на само дело, а адвокат по уголовным делам выстраивает стратегию защиты для конкретного уголовного правонарушения (Harris, 2020; Lee et al., 2015). Задачей традиционного общественного защитника является обеспечение юридического представительства для подзащитного по конкретным обвинениям, независимо от побочных факторов, которые могли привести к этому обвинению. Одним из недостатков традиционной модели защиты, фокусирующейся на параметрах дела, является прохождение некоторыми обвиняемыми повторяющегося цикла в системе правосудия. Они подвергаются аресту, обвиняются в преступлении, выпускаются из-под стражи в результате сделки о признании вины, затем снова арестовываются по тем же обвинениям, и цикл повторяется. Традиционная модель защиты не учитывает побочных факторов или внеправовых потребностей, которые и привели к попаданию обвиняемого в систему уголовного правосудия.

Внеправовые потребности. Важно признать, что обвиняемые могут иметь внеправовые потребности, которые приводят к тому, что многие из них проходят повторяющиеся циклы в системе правосудия. Для клиентов общественных защитников часто характерно, что их обвинение вытекает из их неудовлетворенных внеправовых нужд. А именно указанные нужды непосредственно привели к совершению правонарушения, но традиционная общественная защита, сосредоточенная лишь на деталях конкретного дела, не учитывает

исходных причин и, следовательно, не может предотвратить будущие правонарушения. Этот механизм частично объясняет, почему маргинализированные члены сообщества раз за разом сталкиваются с системой правосудия (Lipsky, 2010; Steinberg & Feige, 2002). Многие обвиняемые в мелких правонарушениях часто признают свою вину и отбывают заключение в течение тридцати дней (Pratt, 2017).

Кроме того, традиционные общественные защитники обычно действуют быстро, стремясь в короткий срок оказать услугу своему клиенту; напротив, модели комплексной защиты долгосрочные, а работающие по ним юристы нацелены на удовлетворение внеправовых нужд клиента, которые могли привести к его столкновению с судебной системой (Harris, 2020). Комплексная защита ориентирована на клиента; она берет начало в истории местных сообществ середины прошлого века и задействует такой компонент, как роль сообщества в обеспечении общественной защиты. «Комплексная адвокатская деятельность» приводит к осознанию того, что обвиняемые могут иметь дополнительные социальные потребности, приводящие к криминальному поведению. Учет этих потребностей невозможен без более широкого подхода, включающего участие социального работника, что не входит в спектр услуг при традиционной общественной защите (Galowitz, 1999).

Модель комплексной защиты. Одной из целей комплексной защиты и всего движения за ее применение является предотвращение «порочного круга» в системе правосудия путем определения и учета внеправовых нужд клиентов (Harris, 2020; Steinberg & Feige, 2002). Модель комплексной защиты может до некоторой степени изменить линию жизни обвиняемого, решая те внеправовые проблемы, которые создают нестабильность в жизни людей, часто обусловленные социальными обстоятельствами бедности и неблагоприятного окружения (Harris, 2020). Среди таких нужд можно отметить нерешенные проблемы психического и физического здоровья (Duncan & Kawachi, 2018), безработицы (Wilson, 1987), употребления психотропных веществ (Boardman et al., 2001; Karriker-Jaffe, 2011), небезопасного места жительства (Shaw & McKay, 1942), недостаточной социальной поддержки (Turney & Harknett, 2010).

Одним из методов решения этих внеправовых проблем со стороны комплексной защиты является участие сообщества. Этот компонент предполагает, что проблемы обвиняемого могут быть симптомами жизни в самом этом сообществе; при этом ресурсы всего сообщества используются для решения этих проблем. Таким образом, следует признать, что модель комплексной защиты включает социальное обеспечение на уровне местного сообщества, что не входит в традиционную модель общественной защиты. Кроме того, отдельный общественный защитник может не знать о соответствующих ресурсах данного сообщества, поэтому модель комплексной защиты требует участия социальных служб. Таким образом, компонент модели комплексной защиты, касающийся местного сообщества, требует высокого уровня компетенций в мультидисциплинарном практическом использовании ресурсов местного сообщества (Clarke, 2001; Craige & Saur, 1981; Galowitz, 1999; Steinberg, 2013).

Характеристики модели комплексной защиты включают клиентоориентированность, работу в команде, мультидисциплинарность, ориентированность на местное сообщество (Harris, 2020); они могут отличаться по своей выраженности, глубине и степени использования в качестве функции конкретных нужд клиента и ресурсов сообщества. Хотя модели комплексной защиты могут различаться, главные цели остаются неизменными: это более благоприятные исходы уголовных дел, стабилизация качества жизни, сокращение рецидивизма (Anderson et al., 2019; Buchanan & Orme, 2019; Harris, 2020; Wilson, 2000; Wald, 1972).

Модель комплексной защиты основывается на теории терапевтической юриспруденции. Элементы этой модели используются в судах по решению проблем (таких как суды по делам о наркотиках, суды по проблемам психического здоровья, суды местных сообществ). Терапевтическая юриспруденция состоит в «изучении роли закона как терапевтического средства» (Winick, 1997. P. 185). Признается, что закон как таковой может рассматриваться и действовать как терапевтическое или антитерапевтическое средство путем его применения в правовых условиях. Применяя правовые нормы и процедуры, работники судебной системы (т. е. адвокаты и судьи) опосредованно оказывают влияние, терапевтическое или нетерапевтическое, на обвиняемых по уголовным делам, с которыми они взаимодействуют (Wexler, 1993; Winick, 1997). Одной из целей терапевтической юриспруденции является изучение этого влияния, чтобы определить, возможно ли усилить терапевтический эффект и уменьшить антитерапевтические последствия, не нарушая конституционные нормы надлежащего судопроизводства (Winick, 1997). Принципы терапевтической юриспруденции прошли путь развития от процессов с участием психически нездоровых людей к изучению таких социальных обстоятельств с пси-

хологическими компонентами, как уголовная виктимизация (Wiebe, 1996), а также защита по гражданским делам, включая семейное право, защиту прав потребителей и другие сферы (Erez et al., 2011; Winick, 1997).

Терапевтические суды. Движение за развитие терапевтических судов началось с появлением судов по делам о наркотиках в конце 1980-х гг. и включало в себя модели судов по проблемам психического здоровья, которые существовали во многих юрисдикциях по всей стране. Одна из точек приложения модели терапевтических судов – это внеправовые нужды правонарушителей. Модели терапевтических судов ориентированы в большей степени на клиента, чем на детали дела (Goldkamp, 1999; Turner et al., 2001), их целью является повышение качества жизни участников судебного процесса и удовлетворение внеправовых нужд клиента, помимо разрешения конкретного дела на заседании суда (Longshore et al., 2001). В частности, многие модели судов по проблемам психического здоровья используют командный подход, когда представители обвинения, защиты, судья и социальные работники пытаются определить потребности клиента в области психического здоровья и удовлетворить эти потребности, используя ресурсы сообщества (Denckla & Berman, 2001; Goldkamp & Irons-Guynn, 2000; Poythress et al., 2002). При оценке эффективности этих моделей терапевтических судов используются различные критерии. Они могут включать оценки качества жизни, такие как диагноз психического здоровья и назначение медикаментозных средств в рамках этого диагноза, что дополняет традиционный критерий уровня рецидивизма. Оценки, включающие определение и удовлетворение указанных внеправовых нужд, показывают, что данные модели эффективно снижают уровень рецидивизма путем учета потребностей клиента, что не достигается при традиционных судебных процедурах (Goldkamp & Irons-Guynn, 2000).

Как показали проводившиеся оценки других комплексных/терапевтических моделей, таких как суды по делам о наркотиках и суды по проблемам психического здоровья, возможно сопоставить характеристики каждой модели комплексной защиты, чтобы определить, насколько эффективно они позволяют достичь целей соответствующей модели и конкретной программы. Оценки моделей терапевтических судов включают определение и предоставление услуг как цель и задачу программы модели; они расцениваются как успешные, если модель придерживается этого основного принципа как компонента модели суда. В отличие от терапевтических моделей, модель комплексной защиты до сих пор не была изучена в большом количестве работ, позволяющих оценить достижение поставленных перед ней целей.

Модель общественной защиты Бронкса. Движение за разработку и внедрение моделей комплексной защиты придерживается мультидисциплинарной стратегии сотрудничества в деле определения внеправовых нужд клиента и предоставления клиенту социальных услуг для их удовлетворения. Модель общественной защиты Бронкса является одной из первых моделей этого движения (Anderson et al., 2019; Harris, 2020). Хотя она признана успешной (Steinberg, 2013), необходимо изучить также другие аналогичные модели, чтобы определить, какая из них является наиболее эффективной для достижения целей комплексной защиты. Стратегия сотрудничества по предоставлению социальных услуг носит название «Защитники Бронкса» (The Bronx Defenders, 2015); в ней задействована команда, состоящая из адвокатов по уголовным, гражданским, семейным делам, по делам иммигрантов, а также специалистов без юридического образования (Anderson et al., 2019; The Bronx Defenders, 2015). Данная модель опирается на четыре принципа предоставления услуг клиентам: беспрепятственный доступ к услугам в области правовой и социальной поддержки, динамическая междисциплинарная коммуникация, адвокаты с навыками междисциплинарной работы, глубокое понимание и прочная связь с местным сообществом (The Bronx Defenders, 2015; Steinberg, 2013). Хотя эти четыре принципа лежат в основе данной программы, модель является динамичной в том отношении, что предоставляемые услуги определяются потребностями клиента. Каждый клиент имеет свои уникальные нужды и требует индивидуального подхода в предоставлении совместных услуг и использовании местных ресурсов. При оценке этой модели было проведено сравнение клиентов стратегии «Защитники Бронкса» и клиентов, получавших услуги в организации «Правовая помощь» в Бронксе, Нью-Йорк. Первая модель является комплексной, а вторая – более традиционной моделью общественной защиты (Anderson et al., 2019). Результаты оценки показали, что клиенты первой модели с меньшей вероятностью оказывались за решеткой, а если объявлялись, то получали меньшие сроки; таким образом, для них исходы дел были более благоприятными, а уровень тюремного заключения – ниже (Anderson et al., 2019). При сравнении двух групп по уровню рецидивизма отсутствовала ключевая переменная – определение нерешенных внеправовых проблем клиентов модели «Защитники Бронкса», включая услуги, предоставленные им с целью решения этих проблем. Поскольку модель «Защитники Бронкса» по своей природе являлась более комплексной, чем традиционная модель «Правовой помощи»,

можно предположить, что клиенты первой модели имели более тесную связь с социальным обеспечением в своем сообществе, чем клиенты второй модели.

Модель комплексной защиты Санта-Барбары. В Санта-Барбаре, штат Калифорния, была недавно внедрена и оценена модель комплексной защиты, в большей степени нацеленная на предоставление услуг клиентам. Как и в случае модели «Защитники Бронкса», в модели Санта-Барбары использовалась мультидисциплинарная стратегия сотрудничества для удовлетворения потребностей клиентов, обвиненных в совершении преступления. Применялся уникальный для каждого клиента подход к предоставлению услуг. Каждый клиент работал с адвокатом и социальным работником и «нес ответственность за определение желаемых исходов дела и результатов стабилизации жизненной ситуации и за работу по их достижению» (Harris, 2020. P. 805). Среди нерешенных внеправовых проблем клиентов моделей комплексной защиты выделяются такие категории, как занятость, жилье, психическое здоровье, злоупотребление психотропными веществами; при работе с этими проблемами используются когнитивные, эмоциональные, физические и символические ресурсы сообщества (Link & Phelan, 1995; Massey & Brodmann, 2014). Уникальность модели Санта-Барбары состоит в том, что при ее оценке признаются долгосрочные формулы успешности, которые игнорируются, когда под успешностью подразумевается только снижение уровня рецидивизма. Для участников модели комплексной защиты Санта-Барбары было характерно повышение числа снятых обвинений и снижение числа признаний своей вины по сравнению с контрольной группой (Harris, 2020). Попытки решения внеправовых проблем клиентов имели важное значение, поскольку даже короткое тюремное заключение может причинить долгосрочный вред, включая «снижение общественной поддержки, сокращение возможностей трудоустройства, более низкую оплату труда, нестабильность жилищных условий, ущемление гражданских прав, ухудшение психического и физического здоровья» (Harris, 2020. P. 821). Краткосрочное лишение свободы может также оказать разрушительный эффект на семейную жизнь и положение в сообществе, повлиять на школьную успеваемость и здоровье детей, качество взаимоотношений, политические взгляды (Comfort, 2016; Harris, 2020; Kirk & Wakefield, 2018; Pinard & Thompson, 2005; Turney & Conner, 2019). Комплексная модель защиты может воздействовать на те внеправовые нужды клиента, которые и послужили толчком к совершению правонарушения; она может оказать значительное влияние на жизнь гражданина и всего сообщества, уменьшая вероятность краткосрочного тюремного заключения.

Другие модели оценки комплексной защиты. Помимо модели Бронкса, необходимо отметить ряд других способов оценки моделей комплексной общественной защиты. Это оценка деятельности социальных работников и служб соцобеспечения (Buchanan & Nooe, 2017) и оценка моделей с точки зрения клиентов (Davidson et al., 2022; Phillippi et al., 2022).

Анализ моделей комплексной защиты с точки зрения практики социальной работы указывает на существование общего компонента, включающего комплексную стратегию ориентации на клиента и на сообщество. Так, одна из исследуемых комплексных моделей – это служба муниципального права по проблемам общественной защиты округа Нокс. Ключевым компонентом комплексного подхода является сотрудничество общественных защитников с социальными службами в отношении психологических и правовых проблем обвиняемых (Buchanan & Nooe, 2017). Авторы приходят к выводу, что оценить точное число юрисдикций, применяющих модель комплексной общественной защиты, непросто, однако предварительные исследования показывают, что «общественные защитники все более охотно используют эту модель и признают, что социальные работники являются важными членами команды защиты» (Buchanan & Nooe, 2017. P. 338).

Другая важная точка зрения при обсуждении эффективности модели комплексной общественной защиты – это восприятие указанной модели ее клиентами. Данные подтверждают, что использование этой модели улучшает исходы дел для клиентов, однако лишь в очень небольшом числе исследований рассматриваются мнения клиентов о модели комплексной защиты (Davidson et al., 2022). Общественные защитники, обращающие внимание на мнение своих подзащитных, включая степень их удовлетворенности, пользуются бо́льшим доверием своих клиентов. Доверительные взаимоотношения между общественным защитником и клиентом представляют собой важный побочный продукт модели комплексной защиты, зачастую отсутствующий в рамках традиционной модели юридического представительства. В одном из исследований интервью с обвиняемыми, получавшими защиту по традиционной и комплексной моделям, показали, что «модель комплексной защиты предоставляет реальные способы налаживания доверительных отношений с клиентами, облегчает восприятие норм процессуального права, улучшает правовые и внеправовые результаты дела для клиентов,

повышает удовлетворенность клиентов» (Davidson et al., 2022. P. 128). Авторы приходят к выводу, что модель комплексной защиты более совершенна, она имеет выраженную ориентацию на клиента и долгосрочные последствия процесса, включая качество жизни, тогда как традиционная модель сосредоточена на материалах дела. Кроме того, в других работах изучалось восприятие модели комплексной защиты несовершеннолетними правонарушителями и их родителями или опекунами. Для этих категорий исследовались как степень удовлетворенности, так и показатели жизненных результатов. Было обнаружено, что «комплексная защита воспринимается положительно по параметру удовлетворенности клиентов» (Phillippi et al., 2022. P. 145).

Представленная модель

Общая информация. Проект комплексной защиты Бетела, организованный по образцу программы общественных защитников Бронкса, был создан как попытка определить наличие каких-либо нерешенных социальных проблем обвиняемых по уголовным делам и решить эти проблемы. Импульс проекту был дан в результате успешной деятельности «Защитников Бронкса» и Центра комплексной защиты, о которой стало известно представителям Корпорации правовых служб Аляски (*Alaska Legal Services Corporation*, *ALSC*), Агентства общественной защиты штата (*State Public Defender Agency*, *PDA*) и Фонда Аляски по проблемам психического здоровья (*Alaska Mental Health Trust Authority*, *AKMHTA*). Модель Бронкса, сочетающая принципы клиентоориентированности и стратегии судов по проблемам психического здоровья, представлялась более жизнеспособным подходом к тому, чтобы признать наличие нерешенных правовых и внеправовых проблем обвиняемых и попытаться решить эти проблемы. При этом следует отметить, что модели комплексной защиты отличаются от принципов судов по проблемам психического здоровья тем, что предлагаемые и предоставляемые услуги не являются обязательными по решению суда. Таким образом, в рамках модели комплексной защиты оказание услуг происходит не под наблюдением суда. Этот клиентоориентированный подход, применяемый в судах по проблемам психического здоровья, берет начало в структуре совместных специализированных судов, первым из которых был суд по делам о наркотиках, созданный в 1980-е гг. в округе Дейд, штат Флорида (Goldkamp, 1999; Longshore et al., 2001).

Задачей проекта было разработать и применить пилотную программу комплексной защиты в регионе Бетел, штат Аляска. В команду проекта входили ученый из университета, представители Корпорации правовых служб Аляски (в том числе адвокат по гражданским делам из Бетела), Агентства общественной защиты штата (в том числе общественный защитник из Бетела) и Фонда Аляски по проблемам психического здоровья (в том числе социальный работник из Бетела). При обсуждении пилотного проекта команда опиралась на работы, посвященные успешным моделям специализированных судов (Goldkamp & Irons-Guynn, 2000; Steinberg & Feige, 2002; Turner et al., 2001) и моделям комплексной защиты со всей страны. Характеристики этих моделей включали клиентоориентированность и внимание к правовым и внеправовым проблемам обвиняемых, осуществляемые социальным работником без наблюдения суда. Зачастую именно нерешенные внеправовые проблемы, такие как недоступность лечения от алкогольной и наркотической зависимости и психических заболеваний, проблемы с жильем или трудоустройством, толкают граждан на правонарушения. В юго-западном регионе Аляски маловероятно учреждение или поддержание работы нового суда по проблемам психического здоровья, поскольку численность населения мала, а площадь региона очень большая; поэтому Фонд Аляски по проблемам психического здоровья в сотрудничестве с Агентством общественной защиты штата, Корпорацией правовых служб Аляски и Ассоциацией специалистов соцслужб (*Social Services Specialist*, *SSS*) согласился финансировать пилотный проект в Бетел, направленный на адаптацию модели комплексной общественной защиты Бронкса к условиям региона Бетел.

Регион Бетел в штате Аляска покрывает территорию около 41 тысячи квадратных миль, что примерно равно территории штата Огайо. В регионе расположены сельские поселения западной Аляски. Регион входит в более крупную административную единицу Юкон-Кускоквим, в которой находятся 56 деревень. Эта сельская местность не имеет автодорожной связи с соседними регионами, в нее можно попасть только самолетом или по воде. Благодаря этому плотность населения очень низка – 0,4 человека на квадратную милю (AlaskaWeb, 2015). Коренными жителями Аляски являются 84 % населения региона; около четверти (23,5 %) жителей – малообеспеченные, и почти пятая часть (16,8 %) жителей моложе 65 лет не имеют медицинской страховки (U.S. Census Bureau, 2021).

Адаптация модели Бронкса к социально-географическим условиям региона Бетел потребовала значительных усилий, так как население здесь гораздо более сельское, чем в Бронксе. Кроме того, коренные жители Аляски имеют иные культурные параметры, включая социально-экономические характеристики и отношение к психическому здоровью. Многие жители региона, которые потенциально могли бы участвовать в пилотном проекте, получали пособия от фонда психического здоровья Аляски; это означает, что существует высокая вероятность наличия нерешенных проблем с психическим здоровьем у многих жителей, которые могли бы претендовать на получение социального обеспечения по этому критерию. Кроме того, жители Аляски, и региона Бетел в частности, имеют более высокие показатели употребления психоактивных веществ, чем население других штатов, поэтому существовала высокая вероятность наличия нерешенных проблем с лечением от зависимостей, которые могла решить данная программа.

Была установлена необходимость включить в модель, помимо цели снижения рецидивизма, также цели, связанные с другими результатами деятельности судебной системы. В соответствии с комплексными аспектами структуры программы система оценки включала определение и удовлетворение внеправовых нужд в качестве меры успешности проекта. Исследовались цели, связанные с аспектом качества жизни, в том числе нерешенные социальные проблемы клиентов, которые могли повлиять на совершение ими преступлений. Со снижением рецидивизма были связаны такие параметры, как затраты судебной системы, точнее, экономия этих затрат как показатель успешности пилотного проекта, способный повлиять на решения о будущем финансировании и развитии программы. Сюда входило сокращение количества дней, проведенных в заключении, а также снижение времени, затраченного специалистами в области уголовного правосудия на работу с делом (Lepage & May, 2017).

Подготовительный этап, длившийся в течение года, позволил сформулировать обязанности и полномочия каждого участника проекта. Для потенциальных клиентов были определены критерии участия и механизмы изучения. Была разработана процедура коммуникации и координации деятельности различных служб с соблюдением конфиденциальности потенциальных клиентов, с возможностью выявления нерешенных внеправовых проблем и определения того, какие службы могут потенциально решить эти проблемы.

Оценка представленной модели

Дизайн и применение модели. Уникальность данного пилотного проекта, по сравнению с другими моделями комплексной защиты, состоит в том, что в его методологии используется истинная рандомизация. Общественный защитник штата подтвердил методологическую строгость применения рандомизации в дизайне эксперимента и одобрил данную методологию для пилотного проекта. Обсуждались также этические аспекты использования данного метода рандомизации и практические стороны его применения в контексте сельского региона Бетел. Одной из проблем стал сбор демографической информации среди сельского населения и опасения, что конкретных членов сообщества можно будет определить по материалам отчетов о проекте. Также необходимо было обосновать лишение контрольной группы доступа к социальным службам в сочетании с предоставлением обязательного по закону представительства по уголовным делам. Кроме того, достоверность исследования требовала строго придерживаться принципа истинной рандомизации; исследователи подчеркивали, что любой отход от него мог привести к необъективности и разрушить валидность результатов. Во время подготовительного этапа в дизайн исследования были внесены изменения. Формы согласия на обработку персональных данных и соглашения о соблюдении конфиденциальности при обмене данными между службами были подготовлены исследователем из университета и другими членами команды проекта. После утверждения проекта в Совете университета также были внесены поправки, результатом которых стали следующие критерии включения и процедуры.

Для включения в пилотный проект гражданин должен иметь проблему в области социального обеспечения или гражданско-правовую проблему, которая могла привести к текущему уголовному обвинению и давала право на предоставление общественного защитника по уголовному делу. Сферы таких проблем включали жилье, медицинскую помощь, образование, семью, занятость, финансы, права индейцев. Если критерии включения в программу присутствовали, общественный защитник спрашивал гражданина, желает ли он участвовать в программе и в исследовании ее эффективности. В случае согласия общественный защитник получал письменное подтверждение гражданина по утвержденной форме. Затем гражданину присваивался

уникальный номер (например, 16001, 16002, 16003 и т. д.) без указания идентифицирующей информации. Общественный защитник направлял исследователю форму согласия и сообщал этот номер в целях рандомизации. Затем исследователь сообщал общественному защитнику о включении данного дела в контрольную или экспериментальную группу.

Участникам из контрольной и экспериментальной групп предоставлялся обязательный по закону общественный защитник по уголовным делам от Агентства общественной защиты штата, однако лишь в отношении участников из экспериментальной группы выявлялась необходимость социального обеспечения, гражданских и внеправовых услуг, и эти услуги оказывались им совместно Корпорацией правовых служб Аляски и Агентством общественной защиты штата силами адвоката по гражданским делам и социального работника. Участники из контрольной группы не получали гражданско-правовых и социальных услуг, кроме обязательного по закону представительства по уголовным делам. На этапе сбора информации Агентство общественной защиты штата и Корпорация правовых служб Аляски запрашивали данные участников относительно выявленных потребностей, о типе дополнительных гражданско-правовых услуг, предоставляемых Корпорацией правовых служб Аляски, и социальных услуг, оказываемых социальными службами. А именно собирались данные о количестве обращений в каждое конкретное агентство и о типе предоставленных гражданско-правовых услуг. Для дальнейшего анализа передавались лишь укрупненные данные без какой-либо идентифицирующей информации.

Данные. Данные об участниках программы собирались с марта 2017 по апрель 2018 г. Для оценки пилотного проекта использовались данные 81 дела, из них 33 из контрольной и 48 из экспериментальной группы. Параметры сбора данных совпадали с моделью «Защитники Бронкса» для обеспечения валидности и достоверности эксперимента. Как и в модели Бронкса, критериями эффективности служил не только уровень рецидивизма, но и показатели качества жизни, такие как выявление и удовлетворение внеправовых нужд. Из-за сельского характера населения и возможности идентификации участников программы демографические данные не собирались, чтобы обеспечить конфиденциальность участников как на этапе исследования, так и последующего использования его материалов. Среди собираемых данных были причины обращения к пилотному проекту и тип дела. Для участников из экспериментальной группы собирались данные об услугах, предоставленных в изучаемый период, включая как социальные, так и гражданско-правовые. Кроме того, для всех участников собирались данные о результатах деятельности судебной системы, включая количество дней, проведенных в заключении, количество назначений общественного защитника до и после участия в программе и продолжительность работы с конкретными уголовными делами. Данные о рецидивизме собирались относительно всех новых обвинений, предъявленных после включения в программу, хотя необходимо отметить, что период сбора данных составлял всего 13 месяцев.

Результаты исследования

Причины участия. Причины участия в пилотном проекте комплексной защиты были разнообразными; они указывались участниками обеих групп. Некоторые участники указывали больше одной причины, поэтому их общее количество превышает количество участников (табл. 1).

В целом по выборке наиболее частыми причинами (95 %) были семейные и наследственные дела (25 %), общие гражданско-правовые дела (22 %), льготы по инвалидности (21 %), жилье (15 %), социальные льготы (12 %). Для участников из контрольной группы наиболее частыми причинами (97 %) были общие гражданско-правовые дела (30 %), льготы по инвалидности (22 %), семейные и наследственные дела (22 %), социальные льготы (16 %), жилье (8 %). Для участников из экспериментальной группы наиболее частыми причинами (93 %) были семейные и наследственные дела (26 %), льготы по инвалидности (25 %), общие гражданско-правовые дела (18 %), жилье (14 %), социальные льготы (10 %). Эти данные показывают, что подавляющее большинство участников проекта как из контрольной, так и из экспериментальной групп имели потенциально не решенные проблемы в гражданско-правовой и социальной сфере, которые могли стать причиной их столкновения с системой уголовного правосудия. Для участников пилотного проекта было важно определить тип получателя льгот. В отношении участников из экспериментальной группы выявлялись и удовлетворялись гражданско-правовые и социальные нужды в ходе этапа оценки результативности проекта.

Таблица 1

Причины участия

Table 1. Referral Reason

Причины участия – вся выборка / Reason for Referral-All	Количество / *f*	%
Семейные и наследственные дела / Family Law and Probate	27	24,8
Общие гражданско-правовые дела / General Civil	24	22,0
Льготы по инвалидности / Disability Benefits	23	21,1
Жилье / Housing	16	14,7
Социальные льготы / Public Benefits	13	11,9
Особые образовательные потребности / Special Education Issue	5	4,6
Причины участия – контрольная группа / Reason for Referral-Control		
Общие гражданско-правовые дела / General Civil	11	29,7
Льготы по инвалидности / Disability Benefits	8	21,6
Семейные и наследственные дела / Family Law and Probate	8	21,6
Социальные льготы / Public Benefits	6	16,2
Жилье / Housing	3	8,1
Особые образовательные потребности / Special Education Issue	1	2,7
Причины участия – экспериментальная группа / Reason for Referral-Experimental		
Семейные и наследственные дела / Family Law and Probate	19	26,4
Льготы по инвалидности / Disability Benefits	18	25,0
Общие гражданско-правовые дела / General Civil	13	18,1
Жилье / Housing	10	13,9
Социальные льготы / Public Benefits	7	9,7
Особые образовательные потребности / Special Education Issue	4	5,6

Типы дел и получатели льгот. Исходя из дизайна проекта, лица, включенные в программу, были получателями льгот от Фонда Аляски по проблемам психического здоровья, которые при этом не участвовали в работе терапевтического суда в регионе. Все получатели льгот от Фонда являлись жителями данного региона, имеющими одно или несколько из следующих состояний: психическое заболевание, умственная отсталость, хронический алкоголизм или наркотическая зависимость, болезнь Альцгеймера с сопутствующей деменцией, травматическое поражение мозга (табл. 2). Фонд Аляски по проблемам психического здоровья выступает от имени получателей льгот в процессе координирования услуг по данным состояниям, но не занимается оказанием индивидуальных услуг.

Для выборки в целом четырьмя самыми частыми причинами для получения льгот явились хронический алкоголизм (48 %), проблемы с психическим здоровьем (35 %), умственная отсталость (16 %) и травматическое поражение мозга (менее 1 %). Такое же соотношение частоты этих причин наблюдалось в экспериментальной и контрольной группах. В контрольной группе наиболее часто за получением льгот обращались хронические алкоголики (52 %), лица с психическими нарушениями (33 %) и умственной отсталостью (14 %). В экспериментальной группе самыми частыми основаниями для получения льгот были хронический алкоголизм (46 %), наличие психических нарушений (36 %), умственная отсталость (17 %) и травматическое поражение мозга (1 %).

Предоставленные услуги. Участникам из экспериментальной группы были оказаны услуги в области их внеправовых нужд. Участники обеих групп получали обязательные по закону услуги общественного защитника по их уголовным делам. Участникам из экспериментальной группы были предоставлены услуги специалиста по социальному обеспечению (аналогичные услугам социального работника) и гражданско-правовые услуги адвоката по гражданским делам (табл. 3). Поскольку многие участники экспериментальной группы имели более одной социальной или гражданско-правовой потребности, то количество оказанных услуг значительно превышало количество участников экспериментальной группы.

Таблица 2

Типы получателей льгот

Table 2. Beneficiary Case Type

Типы получателей льгот – вся выборка / Beneficiary Type-All	Количество / *f*	%
Хронический алкоголизм / Chronic Inebriant	57	47,9
Психическое здоровье / Mental Health	42	35,3
Умственная отсталость / Developmental Disability	19	16,0
Травматическое поражение мозга / Traumatic Brain Injury	1	0,8
Типы получателей льгот – контрольная группа / Beneficiary Type-Control		
Хронический алкоголизм / Chronic Inebriant	22	52,4
Психическое здоровье / Mental Health	14	33,3
Умственная отсталость / Developmental Disability	6	14,3
Типы получателей льгот – экспериментальная группа / Beneficiary Type-Experimental		
Хронический алкоголизм / Chronic Inebriant	35	45,5
Психическое здоровье / Mental Health	28	36,4
Умственная отсталость / Developmental Disability	13	16,9
Травматическое поражение мозга / Traumatic Brain Injury	1	1,3

Таблица 3

Предоставленные услуги

Table 3. Services Provided

Предоставленные услуги / Services Provided	Количество / *f*	%
Ведение дела / Case Management	25	12,0
Помощь с оценкой психического здоровья / Assistance with Assessment	23	11,1
Направление в другие службы / Referral to Other Services	23	11,1
Социальная история / Social History	23	11,1
Помощь в получении льгот / Benefits Assistance	20	9,6
Назначение пособия на ребенка / Child Support Application	14	6,7
Сопровождение во время лечения / Escort	12	5,8
Оформление документов / Document Procurement	11	5,3
Развод/Опека / Divorce/Custody	8	3,8
Постановка на учет по улучшению жилищных условий / Housing Identification	8	3,8

Всего было оказано 208 отдельных социальных и гражданско-правовых услуг; при этом большинство из них (80 %) попадают в одну из 10 категорий: ведение дела (12 %), помощь с оценкой психического здоровья (11 %), направление в другие службы (11 %), составление социальной истории для выявления потребностей и услуг (11 %), помощь в получении льгот (10 %), подаче заявления для назначения пособия на ребенка (7 %), сопровождение во время лечения (6 %), помощь в получении документов (удостоверение личности, свидетельство о рождении и пр., 5 %), помощь при оформлении развода/опеки (4 %), выявление жилищных потребностей (4 %).

Проект комплексной защиты и эффективность предоставления социальных услуг. Для участников экспериментальной группы было введено два типа измеряемых показателей: результаты проекта комплексной защиты, связанные с услугами адвоката по гражданским делам (табл. 4), и результаты социальных услуг,

связанные с услугами специалиста по социальному обеспечению (табл. 5). Как и в случае оказания услуг, для многих участников указывалось более одного измеряемого показателя, так как они получали как социальные, так и гражданско-правовые услуги.

Что касается результатов проекта комплексной защиты, большинство (75 %) всех измеряемых показателей попали в одну из 11 категорий. Наиболее частыми услугами были получение медицинской страховки (19 %), получение пособия на продукты питания (15 %), снижение задолженности (6 %), подача заявления на соцобеспечение (4 %) и подача заявления о защите от домашнего насилия (4 %).

Таблица 4

Результаты проекта комплексной защиты

Tables 4. Holistic Defense Project Outcomes

Результаты проекта комплексной защиты / Holistic Defense Project Outcomes	Количество / *f*	%
Получение медицинской страховки / Medicaid Acquired	17	18,7
Получение пособия на продукты питания / Food Stamp Acquired	13	14,3
Снижение задолженности / Debt Reduction	5	5,5
Подача заявления на соцобеспечение / SSI Application Filed	4	4,4
Подача заявления о защите от домашнего насилия / Domestic Violence Protection Order	4	4,4
Подтверждение отцовства / Paternity	3	3,3
Обращение за помощью в связи с депрессией / PFD Appeal	3	3,3
Услуги для лиц с умственной отсталостью / Developmental Disability Services	2	2,2
Дополнительное финансовое пособие / SSI Funded	2	2,2
Увеличение пособия на ребенка / Child Support Gain	2	2,2
Восстановление права собственности / Property Recovered	2	2,2
Смена имени / Name Change	2	2,2
Снижение размера алиментов / Child Support Reduction	2	2,2
Получение временной помощи нуждающимся семьям / TANF	2	2,2
Трудоустройство / Employment	2	2,2
Освобождение от ответственности / General Relief	1	1,1
Получение налогового вычета / APA Acquired	1	1,1
Оформление опеки / Custody Acquired	1	1,1
Возмещение вреда / Grievance Resolved	1	1,1

Что касается измеряемых показателей в области социальных услуг, то 80 % самых распространенных из них относились к пяти категориям. Самыми частыми были определение потребности (21 %), определение ресурсов (21 %), начало лечения (14 %), получение социальных льгот (13 %), прекращение уголовного дела (10 %).

Таблица 5

Результаты предоставления социальных услуг

Table 5. Social Services Outcomes

Результаты предоставления социальных услуг / Social Service Outcomes	Количество / *f*	%
Выявленные потребности / Needs Identified	24	20,7
Выявленные ресурсы / Resources Identified	24	20,7
Начато лечение / Entered Treatment	16	13,8
Получены социальные льготы / Public Benefits Acquired	15	12,9
Дело закрыто / Case Dismissed	12	10,3

Результаты в рамках системы правосудия. Сравнение результатов проекта в рамках системы правосудия выявило ряд интересных различий между участниками контрольной и экспериментальной групп. Изучаемые параметры включали среднее количество дней, проведенных в заключении после включения в проект, число назначений общественного защитника до и после участия в программе, а также количество новых обвинений по уголовным делам и приговоров по ним (табл. 6).

Многим участникам пилотного проекта не пришлось провести ни одного дня в заключении в период сбора данных: 78 % членов контрольной и 64 % членов экспериментальной групп. После включения в программу наблюдалась небольшое, статистически незначимое различие в количестве дней, проведенных в заключении, между двумя группами, что говорит о крайне незначительном или практически отсутствующем влиянии программы на этот параметр. Участники из экспериментальной группы провели в заключении в среднем 20 дней, из контрольной – 22 дня (табл. 6).

Участники из экспериментальной группы имели в среднем меньшее количество назначений общественного защитника (шесть до и менее одного после включения в программу) по сравнению с участниками из контрольной группы (более пяти назначений до и почти два после начала участия в программе). Однако по числу новых уголовных обвинений, выдвинутых после начала участия в программе, участники из экспериментальной группы (0,4) слегка опередили участников из контрольной группы (0). Среди тех, кому были выдвинуты обвинения после начала участия в программе, не было вынесено ни одного приговора в обеих группах. В среднем дела участников из экспериментальной группы закрывались немного раньше (за 2,25 месяца), чем дела участников из контрольной группы (за 2,75 месяца) (табл. 6). Анализ результатов в рамках системы правосудия не выявил статистически значимых различий между группами.

Таблица 6

Результаты в рамках системы правосудия

Table 6. Justice System Outcomes

Результаты в рамках системы правосудия / Justice System Outcomes	**Контрольная группа (в среднем) / Control (Mean)**	**Экспериментальная группа (в среднем) / Experimental (Mean)**
Количество дней в заключении после участия в проекте / Post days in jail	22,40	20,77
Новые обвинения / New Charges	0,00	0,46
Назначение общественного защитника до участия в проекте / Prior PD appointments	5,54	6,30
Назначение общественного защитника после участия в проекте / Post PD appointments	1,70	0,41
Период закрытия дела (месяцев) / How long to close a case (in months)	2,75	2,25

Обсуждение

Сравнение показателей рецидивизма и результатов проекта. При определении эффективности модели в рамках данного исследования может возникнуть вопрос, почему наблюдается улучшение показателей по предложенным критериям, но не по критерию уровня рецидивизма. Многие, если не все участники данного исследования имели проблемы с психическим здоровьем и/или употреблением психоактивных веществ, что повлияло на их контакты с системой уголовного правосудия. Воздержание от противоправных действий – процесс, занимающий больше времени, и это время не может быть определено. По мере стабилизации жизненных условий людей можно ожидать снижение уровня рецидивизма (Giordano et al., 2002; Harris & Harding, 2019; Paternoster & Bushway, 2009). Проект комплексной защиты в регионе Бетел – это ограниченный пилотный проект с небольшим периодом времени для сбора данных. Поэтому не удивительно, что были невелики или вовсе отсутствовали различия между группами по количеству дней, проведенных в заключении, и другим традиционным параметрам рецидивизма, связанным с результатами системы правосудия. В будущих про-

граммах и проектах следует увеличить сроки последующего наблюдения за участниками, чтобы получить более полную картину в отношении рецидивизма (Anderson et al., 2019).

Более существенный вопрос, связанный с результатами данного пилотного проекта, следующий: если уровень рецидивизма не снизился, то в чем значение эксперимента? Во-первых, значение состоит в возможностях комплексной защиты снижать вероятность последующего тюремного заключения для лиц с долгой историей взаимоотношений с системой уголовного правосудия (Harris, 2020). Калифорния и другие штаты постепенно отказываются от системы освобождения под денежный залог, которая широко используется на досудебном этапе; в результате на первый план выходят инструменты оценки риска взамен освобождения под денежный залог. При этом предыдущие эпизоды тюремного заключения снижают вероятность досудебного освобождения в настоящем. В таких случаях комплексная защита может снизить вероятность заключения при последующих задержаниях путем отсутствия заключения в настоящем или снижения категории преступления с тяжкого до мисдиминора (Harris, 2020). Это важный аспект, поскольку заключение на досудебном этапе положительно коррелирует с более тяжкими исходами дела (Dobbie et al., 2018; Heaton et al., 2017). Таким образом, применение модели комплексной защиты способно прервать повторяющийся цикл в системе правосудия, в который попадают некоторые лица.

Во-вторых, значение эксперимента заключается в более глобальной цели предоставления услуг данной категории правонарушителей. Для них существует высокая вероятность того, что на их первоначальный контакт с системой уголовного правосудия повлияли внеправовые факторы. В настоящем исследовании были выявлены внеправовые социальные нужды почти половины участников, и им были предоставлены соответствующие ресурсы. Были удовлетворены потребности в жилье, участники начали лечение от алкогольной и наркотической зависимостей, получили необходимые социальные льготы, на которые имели законное право, а в некоторых случаях произошло прекращение уголовного судопроизводства. Если социальные внеправовые факторы могут быть исключены, то значение проекта состоит как в возможности искоренения проблем с системой уголовного правосудия в будущем, так и в повышении качества жизни данных лиц.

Ограничения. Настоящее исследование дополняет знания об эффективности комплексной модели общественной защиты и является уникальным по своей методологии истинной рандомизации, однако оно не лишено ограничений. Во-первых, размер выборки в данном пилотном проекте был невелик – всего 81 дело, 33 из которых вошли в контрольную группу, а 48 дел составили экспериментальную группу. При таком небольшом размере выборки невозможно провести более сложный статистический анализ. При планировании и разработке дизайна проекта мы рассчитывали на 200–300 участников, подходящих по критериям; эта оценка была основана на количестве судебных дел в предыдущие годы, соответствующих требованиям проекта. Кроме того, имея бо́льшую выборку, можно было бы определить, проявляются ли наблюдаемые эффекты в тех же объемах, что и в других моделях, в частности, моделях Бронкса и Санта-Барбары. Во-вторых, в случае малой выборки невозможно обобщить результаты пилотного проекта. Это ограничение проекта, однако следует помнить, что данный проект разрабатывался как модель комплексной защиты и основа для будущих исследований по данной тематике. Задачей проекта было проверить применимость методологии истинной рандомизации на примере сельского населения. Кроме того, как это часто бывает при разработке и реализации программ, команда проекта предвидела значительные расхождения и проблемы при переходе от этапа разработки к этапу реализации пилотного проекта.

Третьим ограничением исследования является недостаток качественных данных для анализа. Качественные данные, а именно интервью с участниками программы, были бы очень ценны для оценки влияния программы. Во время стадии разработки дизайна пилотного проекта мы намеревались провести интервью с участниками после завершения программы. Были составлены вопросы для интервью по образцу вопросов, использовавшихся в проекте Бронкса, описанном выше. Они были модифицированы с учетом сельского характера населения и культурного контекста региона, в котором проводился пилотный проект. Однако в процессе осуществления проекта была выявлена нехватка времени для проведения интервью, так как в течение 13 месяцев осуществлялся сбор данных. Но такое ограничение работы, как отсутствие качественных данных, дает ценную рекомендацию для будущих исследований: оценка модели комплексной защиты должна включать сбор и анализ качественных данных.

Наконец, мы не получили подтверждения гипотезы о снижении уровня рецидивизма, что частично объясняется малым размером выборки и недостатком качественных данных в рамках проекта. Одним из тео-

ретических оснований комплексной модели общественной защиты, как и терапевтического правосудия, на которой она базируется, является постулат о том, что удовлетворение внеправовых нужд правонарушителей, которые у них имеются при контакте с системой уголовного правосудия, должно в итоге снижать уровень рецидивизма среди этой категории населения. Хотя ряд других исследований подтверждают эту теорию и ее можно считать доказанной, результаты нашего пилотного проекта не позволяют сделать такие выводы.

Заключение

Дальнейшие оценки комплексной защиты. Необходимость дополнительных оценок моделей комплексной защиты обусловлена тем, что все больше юрисдикций рассматривают возможности применения таких моделей. Наше исследование представляло собой краткосрочный пилотный проект; таким образом, его продолжительность, объем самого проекта и последующей программы его оценки были ограничены. Сильной стороной проекта и его оценки явилась его методология; в социологических исследованиях нечасто используется истинная рандомизация при распределении участников в контрольную и экспериментальную группы. Метод рандомизированного контролируемого испытания был рекомендован в других работах для оценки комплексной защиты (Harris, 2020). Наш пилотный проект показал, что использование рандомизации осуществимо при условии соответствующей поддержки заинтересованных лиц, участвующих в таком проекте. Концепция комплексной защиты состоит в долгосрочном вмешательстве мультидисциплинарного и клиентоориентированного характера (Harris, 2020), а значит, она требует согласованной работы команды исследователей и практиков с целью определения и оценки эффективности такого комплексного подхода. Результаты нашей работы подтверждают существующие представления о потенциальных возможностях комплексной защиты для снижения рецидивизма и улучшения исходов дел, однако будущие исследования должны включать долгосрочные показатели качества жизни, традиционно связанные с аспектами воздержания и стабилизации жизни (Harris, 2018; Lee et al., 2015); в частности, они должны использовать более совершенные определения и методы оценки эффективности. Понятие рецидивизма многогранно, оно может определяться по-разному в зависимости от изучаемых категорий населения, особенно таких, для которых нерешенные внеправовые социальные нужды могут послужить толчком для контакта с системой уголовного правосудия. Если у человека нет постоянного жилья, будет ли бродяжничество считаться рецидивизмом (Mitchell, 1997)? Если человек страдает от зависимости, будет ли считаться рецидивизмом срыв, если это часть процесса восстановления? Мультидисциплинарная команда специалистов должна рассмотреть и четко определить эти аспекты в будущих исследованиях.

Практические выводы. Повторяющиеся циклы правосудия приносят огромный ущерб судебной системе. Модели комплексной защиты потенциально способны снизить затраты системы правосудия путем удовлетворения внеправовых потребностей этой категории правонарушителей. Определение этих потребностей и предоставление ресурсов для их удовлетворения улучшает исходы дел и может принести значительные экономические и социальные выгоды. Однако следует учесть, что эти выгоды не могут быть реализованы в краткосрочной перспективе. Стабилизация жизненных условий и улучшение исходов дел – это долгосрочная стратегия, развертывание и получение результатов которой занимает месяцы и годы. Экономия средств, которую можно оценить за короткое время, заключается, в частности, в сокращении сроков рассмотрения дел. Сотрудники судебной системы (адвокаты, судьи, судебные клерки, приставы и т. д.) тратят на каждое из дел время, которое можно представить как переменную, высчитать и выразить в денежном эквиваленте, чтобы оценить экономию средств. В нашем исследовании дела участников экспериментальной группы рассматривались и завершались за более короткое время, чем дела участников контрольной группы (за 2,25 и 2,75 месяца соответственно). Разница во времени может показаться незначительной, однако экономия средств возрастает экспоненциально, если учесть количество лиц, которые могут получить комплексную защиту. Небольшое сокращение времени, затраченного на каждое дело, дает огромную экономию в масштабах всей судебной системы (Lepage & May, 2017).

Наконец, представленную модель комплексной защиты можно воспроизвести в различных юрисдикциях с различными категориями населения. Именно географический аспект выявляет потенциал данной модели. Каждая юрисдикция отличается своими условиями; в некоторых существуют полноценные службы общественной защиты, в других для этого привлекают частных адвокатов. Кроме того, уровень услуг различается в зависимости от региона (Hipp et al., 2010). Юрисдикции, где применялась и оценивалась модель комплексной защиты, а именно Бронкс (Нью-Йорк), Санта-Барбара (штат Калифорния), Бетел (штат Аляска), имеют ряд

ключевых различий. Программа комплексной защиты Бронкса (Нью-Йорк) послужила образцом для других регионов; компоненты модели Бронкса были адаптированы для полугородских условий Санта-Барбары и сельских районов Бетел, куда можно добраться только на самолете или по воде. Различные географические контексты, в которых применялась модель комплексной защиты, также говорят о высокой степени ее адаптивности к различным стилям жизни и традициям населения разных юрисдикций. Жители Бронкса, очевидно, значительно отличаются в социальном, экономическом и культурном отношении от жителей как Санта-Барбары, так и Бетела, однако, как было показано, модель комплексной защиты удалось адаптировать к каждой из этих юрисдикций. Это свидетельствует о возможности адаптировать модель ко многим другим юрисдикциям по всей стране, независимо от географических или социальных условий.

Список литературы / References

AlaskaWeb. (2015). *Bethel census area*. http://www.alaskaweb.org/boros/bethel.html

Anderson, J., Buenaventura, M., & Heaton, P. (2019). The effects of holistic defense on criminal justice outcomes. *Harvard Law Review, 132*(3), 819–893. https//www.jstor.org/stable/26799674

Boardman, J. D., Finch, B. K., Ellison, C. G., Williams, D. R., & Jackson, J. D. (2001). Neighborhood disadvantage, stress, and drug use among adults. *Journal of Health and Social Behavior, 42*(2), 151–165. https://www.jstor.org/stable/3090175

Bost, H. W. (1932). Relationship between law and social work. In H. M. London (Ed.), *Proceedings of the thirty-fourth annual session of the North Carolina Bar Association* (pp. 148–161). Edwards and Broughton Company.

Bradway, J. S. (1929). *Law and social work: An introduction to the study of the legal-social field for social workers*. University of Chicago Press.

Buchanan, S., & Nooe, R. (2017). Defining social work within holistic public defense: Challenges and implications for practice. *Social Work, 62*(4), 333–339. https://www.jstor.org/stable/10.2307/48558922

Buchanan, S., & Orme, J. (2019). Impact of social work practice in public defense. *Journal of Social Service Research, 45*(3), 336–347. https://doi.org/10.1080/01488376.2018.1480559

Clarke, C. (2001). Problem-solving defenders in the community: Expanding the conceptual and institutional boundaries of providing counsel to the poor. *Georgetown Journal of Legal Ethics*, *14*(2), 401–458.

Collins, R. E. (1932). Contribution of social work to parole preparation. *Journal of Criminal Law and Criminology, 22*(6), 864–872. https ://www.jstor.org/stable/1136179

Comfort, M. (2016). A twenty-hour-a-day-job: The impact of frequent low-level criminal justice involvement on family life. *Annals of the American Academy of Political and Social Sciences, 665*(1), 63–79. https://www.jstor.org/stable/24756090

Craige, H. B., & Saur, W. G. (1981). The contribution of social workers to legal services programs. *Clearinghouse Review, 14,* 1267–1274.

Davidson, K. M., Ostrom, B. J., & Kleiman, M. (2022). Client perspectives of holistic defense: Strengthening procedural justice through enhanced client trust. *Justice System Journal, 43*(1), 128–150. https://doi.org/10.1080/0098261X.2022.2062582

Deck, P. (2016). Ethics-Law and social work: Reconciling conflicting ethical obligations between two seemingly opposing disciplines to create a collaborative law practice. *Western New England Law Review*, *38(2), 261–283*. http://digitalcommons.law.wne.edu/lawreview/vol38/iss2/3

Denckla, D., & Berman, G. (2001). *Rethinking the revolving door: A look at mental illnesses in the courts*. Center for Court Innovation. https://www.innovatingjustice.org/sites/default/files/rethinkingtherevolvingdoor.pdf

Dobbie, W., Goldin, J., & Yang, C. S. (2018). The effects of pretrial detention on conviction, future crime, and employment: Evidence from randomly assigned judges. *American Economic Review*, *108(2),* 201–240. https://www.jstor.org/stable/10.2307/26527904

Duncan, D. T., & Kawachi, I. (2018). *Neighborhoods and health* (2nd ed.). Oxford University Press.

Erez, E., Kilchling, M., & Wemmers, J. (Eds.). (2011). *Therapeutic jurisprudence and victim participation in justice. Carolina Academic Press*.

Galowitz, P. (1999). Collaboration between lawyers and social workers: Re-examining the nature and potential of the relationship. *Fordham Law Review, 67*(5), 2121–2154. https://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol67/iss5/16

Giordano, P. C., Cernkovich, S. A., & Rudolph, J. L. (2002). Gender, crime, and desistance: Toward a theory of cognitive transformation. *American Journal of Sociology*, *107(4), 990–1064*. https://www.jstor.org/stable/10.1086/343191

Goldkamp, J. S. (1999). Challenges for research and innovation: When is a drug court not a drug court? In W. T. Clinton (Ed.), *The early drug courts: Case studies in judicial innovation* (pp. 166–177). Sage Publications.

Goldkamp, J. S., & Irons-Guynn, C. (2000). Emerging judicial strategies for the mentally ill in the criminal caseload: Mental health courts in Fort Lauderdale, Seattle, San Bernardino, and Anchorage (NCJ182504). U.S. Department of Justice, Bureau of Justice Assistance. https://www.ojp.gov/pdffiles1/bja/182504.pdf

Harris, H. (2018). *Adult Holistic Defense Case Management Program evaluation: Final report to the Arnold Foundation*. https://www.chhs.ca.gov/wp-content/uploads/2017/06/IST-Workshop/Holistic-Defense-Pilot-Overview.pdf

Harris, H. (2020). Building holistic defense: The design and evaluation of a social work centric model of public defense. *Criminal Justice Policy Review, 31*(6), 800–832. https://doi.org/10.1177/0887403420916228

Harris, H. M., & Harding, D. J. (2019). Racial inequality in the transition to adulthood after prison. *The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences, 5*(1), 223–254. https://muse.jhu.edu/article/720082

Heaton, P., Mayson, S. G., & Stevenson, M. (2017). The downstream consequences of misdemeanor pretrial detention. *Stanford Law Review, 69*(3), 711–794.

Hipp, J. R., Petersilia, J., & Turner, S. (2010). Parolee recidivism in California: The effect of neighborhood context and social service agency characteristics. *Criminology, 48*(4), 947–979. https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2010.00209.x

Karriker-Jaffe, K. J. (2011). Areas of disadvantage: A systematic review of effects of area-level socioeconomic status on substance use outcomes. *Drug and Alcohol Review, 30(1),* 84–95. https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/? MC3057656/pdf/nihms209092.pdf

Kirk, D. S., & Wakefield, S. (2018). Collateral consequences of punishment: A critical review and path forward. *Annual Review of Criminology, 1,* 171–194. https://doi.org/10.1146/annurev-criminol- 032317-092045

Lee, C. G., Ostrom, G. J., & Kleiman, M. (2015). The measure of good lawyering: Evaluating holistic defense in practice. *Albany Law Review, 78*(3), 1215–1238.

Lepage, C. R. (2023). Measuring effectiveness of holistic defense: social service provision and justice system outcomes. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, *24*(1), 38–51.

Lepage, C. R., & May, J. D. (2017). The Anchorage, Alaska Municipal Pretrial Diversion Program: An initial assessment. *Alaska Law Review, 34*(1), 1–26.

Link, B. G., & Phelan, J. (1995). Social conditions as fundamental causes of disease. *Journal of Health and Social Behavior, Extra Issue,* 80–94. https://www.jstor.org/stable/2626958

Lipsky, M. (2010). *Street-level bureaucracy: Dilemmas of the individual in public services.* Russell Sage.

Longshore, D., Turner, S., Wenzel, S., Morral, A., Harrell, A., McBride, D., Deschenes, E., & Iguchi, M. (2001). Drug courts: A conceptual framework. *Journal of Drug Issues, 31*(1), 725. https://doi.org/10.1177/002204260103100103

Massey, D. S., & Brodmann, S. (2014). *Spheres of influence.* Russell Sage Foundation.

Mitchell, D. (1997). The annihilation of space by law: The roots and implications of anti- homelessness laws in the United States. *Antipode, 29*(3), 303–335. https://doi.org/10.1111/1467-8330.00048

Paternoster, R., & Bushway, S. (2009). Desistance and the feared self: Toward an identity theory of criminal desistance. *Journal of Criminal Law and Criminology, 99*(4), 1103–1156. https://www.jstor.org/stable/20685067

Phillippi, S., Berman, J., Thomas, C., Beiter, K., & Test, A. (2022). Youth and parental perceptions of a holistic juvenile public defense model. *Youth Justice, 22*(2), 145–165. https://doi.org/10.1177/1473225420938138

Pinard, M., & Thompson, A. C. (2005). Offender reentry and the collateral consequences of criminal convictions: An introduction. *New York University Review of Law and Social Change, 30*(4), 585–620.

Pound, R. (1927). Law and social work. *Indiana Law Journal, 3*(3), 183–195.

Poythress, N., Petrila, J., McHaha, A., & Boothroyd, R. (2002). Perceived coercion and procedural justice in the Broward mental health court. *International Journal of Law and Psychiatry, 25*(5), 517–533. https://doi.org/10.1016/S0160-2527(01)00110-8

Pratt, V. (2017). *How judges can show respect* [Video]. TED Conferences. https://www.ted.com/talks/victoria_pratt_how_judges_can_show_respect?language=en

Shaw, C. R., & McKay, H. D. (1942). *Juvenile delinquency and urban areas.* University of Chicago Press.

Steinberg, R. (2013). Heeding Gideon's call in the twenty-first century: Holistic defense and the new public defense paradigm. *Washington and Lee Law Review, 70*(2), 961–1047.

Steinberg, R., & Feige, D. (2002). *Cultural revolution: Transforming the public defender's office* (NCJ 193773). Executive Session on Public Defense, Harvard University. https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/cultural-revolution-transforming-public-defenders-office

The Bronx Defenders. (2015). *Holistic defense, defined.* https://www.bronxdefenders.org/holistic-defense/

Turner, S., Longshore, D., Wenzel, S., Fain, T., Morral, A., & Deschenes, E. (2001). *A National Evaluation of 14 Drug Courts* (DRU-2637-NIJ). RAND.

Turney, K., & Conner, E. (2019). Jail incarceration: A common and consequential form of criminal justice contact. *Annual Review of Criminology, 2,* 265–290. https://doi.org/10.1146/annurev-criminol-011518-024601

Turney, K., & Harknett, K. (2010). Neighborhood disadvantage, residential stability, and perceptions of instrumental support among new mothers. *Journal of Family Issues, 31*(4), 499–524. https://doi.org/10.1177/0192513X09347992

United States Census Bureau. (2021). *Quick facts: Bethel census area.* https://www.census.gov/quickfacts/bethelcen*susareaalaska*

Wald, M. S. (1972). The use of social workers in a public defender office: An evaluation of the offender rehabilitation project of the public defender office for Santa Clara County, California. *Law Enforcement Assistance Administration.* https://www.ojp.gov/pdffiles1/Digitization/70138NCJRS.pdf

Wexler, D. B. (1993). Therapeutic jurisprudence and the criminal courts. *Williams and Mary Law Review, 35*(1), 279–299.

Wiebe, R. P. (1996). The mental health implications of crime victims' rights. In B. D. Sales & D. W. Shuman (Eds.), *Law, mental health, and mental disorder* (pp. 414–448). Brooks/Cole Publishing Co.

Wilson, R. J. (2000). *Improving criminal justice systems through expanded strategies and innovative collaborations: Report of the National Symposium on Indigent Defense* (NCJ 181344). Office of Justice Programs, Bureau of Justice Assistance. https://www.ojp.gov/pdffiles1/Digitization/181344NCJRS.pdf

Wilson, W. J. (1987). *The truly disadvantaged: The inner city, the underclass, and public policy.* University of Chicago Press.

Winick, B. J. (1997). The jurisprudence of therapeutic jurisprudence. *Psychology, Public Policy, and Law, 3*(1), 184–206. https://doi.org/10.1037/1076-897L3.L184

Woods, R. A. (1905). Social work: A new profession. *International Journal of Ethics, 16*(1), 25–29. https://doi.org/10.1086/inteiethi.16.L2376200

Об авторе

Кори Р. Лепаж, PhD, является ассистентом преподавателя кафедры уголовного правосудия Университета штата Калифорния в Ист-Бэй. Его научные интересы сосредоточены в таких областях, как уголовный процесс, судебные асессоры, сельское правосудие, общественно-правовые дисциплины, общественная реакция на преступления через процесс криминализации. Кроме того, значительная часть его исследований посвящена оценке программ по сокращению или предотвращению преступного поведения и рецидивизма.

About the author

Cory R. Lepage, PhD, is an Assistant Professor in the Department of Criminal Justice at California State University, East Bay. His research areas of expertise are concentrated in the areas of the criminal adjudication process, lay judges, rural justice, sociolegal studies, and social reaction to crime via the criminalization process. Additionally, much of his practical research has focused on program evaluations of efforts to deter or mitigate criminal behavior and recidivism.

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

Дата поступления / Received 22.04.2023
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 12.05.2024
Дата принятия в печать / Accepted 20.05.2024

ОБЗОРЫ КОНФЕРЕНЦИЙ / REVIEWS OF CONFERENCES

Редактор рубрики *П. А. Кабанов* / Rubric editor *P. A. Kabanov*

Материалы конференции

https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.535-553

УДК 328.185:342.5:343.9:35(048.8)

И. А. Дамм[1],
А. Н. Тарбагаев[1],
Н. П. Копцева[1],
Е. А. Акунченко[1],
А. Е. Дьяченко[1]

[1] *Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия*

Стимулы и ограничения в системе обеспечения антикоррупционной безопасности (обзор VII Сибирского антикоррупционного форума)

Контактное лицо:
Дамм Ирина Александровна, кандидат юридических наук, доцент, руководитель департамента по профилактике коррупционных правонарушений, Сибирский федеральный университет
E-mail: idamm@sfu-kras.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6286-374X
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/P-6433-2016
eLIBRARY SPIN-код: 2137-8772

Тарбагаев Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник Центра противодействия коррупции и правовых экспертиз департамента по профилактике коррупционных правонарушений, Сибирский федеральный университет
E-mail: atarbagaev@sfu-kras.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9968-9746
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/AAI-9841-2021
eLIBRARY SPIN-код: 2028-0134

Копцева Наталья Петровна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и искусствоведения, Сибирский федеральный университет
E-mail: nkoptseva@sfu-kras.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3910-7991
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/ABG-7598-2021
eLIBRARY SPIN-код: 5144-1485

© Дамм И. А., Тарбагаев А. Н., Копцева Н. П., Акунченко Е. А., Дьяченко А. Е., 2024

Акунченко Евгений Андреевич, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра противодействия коррупции и правовых экспертиз департамента по профилактике коррупционных правонарушений, Сибирский федеральный университет
E-mail: eakunchenko@sfu-kras.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9030-7422
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/N-1511-2017
eLIBRARY SPIN-код: 9715-6373

Дьяченко Анастасия Евгеньевна, младший научный сотрудник Центра противодействия коррупции и правовых экспертиз департамента по профилактике коррупционных правонарушений, Сибирский федеральный университет
E-mail: aedyachenko@sfu-kras.ru
ORCID: https://orcid.org/0009-0001-4302-194X
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/KHE-1742-2024
eLIBRARY SPIN-код: 6016-9970

Аннотация

Цель: обзор результатов работы VII Сибирского антикоррупционного форума «Стимулы и ограничения в системе обеспечения антикоррупционной безопасности», состоявшегося в г. Красноярске 15–16 декабря 2023 г. (организаторы: Сибирский федеральный университет, Администрация Губернатора Красноярского края, Прокуратура Красноярского края, Управление Минюста России по Красноярскому краю, Красноярское региональное отделение Ассоциации юристов России).

Методы: общенаучный метод диалектического познания, а также ряд частнонаучных методов, таких как историко-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой, формально-логический (дедукции, индукции, определения и деления понятия) и др.

Результаты: на форуме состоялось обсуждение следующих ключевых тем: антикоррупционная безопасность как интегративная научная категория, а также роль стимулов и ограничений в системе ее обеспечения; история развития, понятие, виды и система антикоррупционных мер стимулирования и ограничения; международно-правовое регулирование стимулов и ограничений в системе обеспечения антикоррупционной безопасности; зарубежный и отечественный опыт ресурсного обеспечения антикоррупционных мер стимулирования и ограничения; роль правоохранительных органов и институтов гражданского общества в обеспечении антикоррупционной безопасности; антикоррупционный потенциал процессов цифровизации и др.

Научная новизна: основным лейтмотивом научно-практического диалога на мероприятиях форума стало обсуждение проблем гармонизации антикоррупционных стимулов и ограничений, поскольку поиск успешного сочетания данных инструментов правового воздействия позволит создать правовые предпосылки для качественного перехода к новой модели антикоррупционной деятельности и обеспечить безопасность личности, общества и государства от различных коррупционных угроз.

Практическая значимость: по результатам работы форума сформулированы резолютивные предложения, направленные на совершенствование государственной политики в области противодействия коррупции, а также антикоррупционной деятельности различных субъектов. Данные результаты представляют интерес для научных, педагогических, правоприменительных работников, а также всех интересующихся вопросами противодействия коррупции.

Ключевые слова

коррупция, противодействие коррупции, антикоррупционная безопасность, угроза безопасности, источник опасности, объект охраны, стимулы, ограничения, меры безопасности, меры восстановления, меры наказания, коррупциогенные факторы

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Дамм, И. А., Тарбагаев, А. Н., Копцева, Н. П., Акунченко, Е. А., Дьяченко, А. Е. (2024). Стимулы и ограничения в системе обеспечения антикоррупционной безопасности (обзор VII Сибирского антикоррупционного форума). *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(2), 535–553. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.535-553

Conference paper

I. A. Damm[1],
A. N. Tarbagaev[1],
N. P. Koptseva[1],
E. A. Akunchenko[1],
A. E. Dyachenko[1]

[1] *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Incentives and constraints in the system of ensuring anti-corruption security (overview of the 7th Siberian Anti-Corruption Forum)

Contact:
Irina A. Damm, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department for Prevention of Corruption Offenses, Siberian Federal University

Aleksey N. Tarbagaev, Dr.Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher, Center for Anti-Corruption and Legal Expertise, Department for Prevention of Corruption Offenses, Siberian Federal University.

Natalya P. Koptseva, Dr.Sci. (Philosophy), Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Art History, Siberian Federal University.

Evgeniy A. Akunchenko, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Leading Researcher, Center for Anti-Corruption and Legal Expertise, Department for Prevention of Corruption Offenses, Siberian Federal University

Anastasia E. Dyachenko, Junior Researcher, Center for Anti-Corruption and Legal Expertise of the Department for Prevention of Corruption Offenses, Siberian Federal University

Abstract

Objective: to review the results of the 7th Siberian Anti-Corruption Forum "Incentives and Restrictions in the System of Anticorruption Security" held in Krasnoyarsk on December 15-16, 2023 (organizers: Siberian Federal University, Krasnoyarsk Krai Governor's Administration, Krasnoyarsk Krai Prosecutor's Office, Krasnoyarsk Krai Department of the Ministry of Justice of Russia for Krasnoyarsk Krai, Krasnoyarsk Regional Branch of the Russian Lawyers' Association).

Methods: general scientific method of dialectical cognition, as well as a number of private scientific methods, such as historical-legal, system-structural, comparative-legal, formal-logical (deduction, induction, definition and division of the concept), etc.

Results: the forum discussed the following key topics: anti-corruption security as an integrative scientific category, the role of incentives and restrictions in the system of its provision; history of development, concept, types and system of anti-corruption incentives and restrictions; international legal regulation of incentives and restrictions in the system of anti-corruption security; foreign and Russian experience of resource provision of anti-corruption incentives and restrictions; the role of law enforcement agencies and civil society institutions in providing anti-corruption security; anti-corruption potential of digitalization processes, etc.

Scientific novelty: the leading idea of the Forum scientific and practical dialogue was harmonization of anti-corruption incentives and restrictions, since the search for a successful combination of these tools will create legal prerequisites for a qualitative transition to a new model of anti-corruption activities and ensure the security of individuals, society and the state from various corruption threats.

Practical significance: based on the Forum results, the author formulated proposals aimed at improving the state policy in the field of combating corruption, as well as the anti-corruption activities of various subjects. These results are of interest to scientists, educators, law enforcement officials, and all those interested in the issues of combating corruption.

Keywords

corruption, anti-corruption, anti-corruption security, security threat, source of danger, object of protection, incentives, restrictions, security measures, remedial measures, punitive measures, corruptogenic factors

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Damm, I. A., Tarbagaev, A. N., Koptseva, N. P., Akunchenko, E. A., & Dyachenko, A. E. (2024). Incentives and constraints in the system of ensuring anti-corruption security (overview of the 7th Siberian Anti-Corruption Forum). *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(2), 535–553. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.535-553

Введение

Обеспечение безопасности личности, общества и государства от разного рода коррупционных угроз – нетривиальная задача, попытки решения которой имеют многовековую историю. Коррупция возникла с формированием властных структур в социуме и с тех пор не прекращает свою вредоносную экспансию. Мировой опыт подтверждает, что искоренить данное явление полностью невозможно. Однако пример некоторых стран свидетельствует о том, что уровень коррупции поддается регулированию и может быть снижен до социально терпимого. На сегодняшний день состояние защищенности личности, общества и государства от коррупционных угроз получило в научно-практическом лексиконе наименование «антикоррупционная безопасность».

Ретроспектива развития способов и средств противодействия коррупции дает основания полагать, что эффективная система обеспечения антикоррупционной безопасности должна основываться на гармоничном сочетании стимулирующих и ограничительных мер. Согласно кибернетическому подходу, процесс оптимального управления может осуществляться только с помощью двоичности информации, выраженной в соответствующих стимулах и ограничениях. В связи с этим в теории права все многообразие средств правового регулирования традиционно сводится к двум основным: правовым стимулам и правовым ограничениям (Малько, 1998. С. 134–135). При помощи стимулов создается режим наибольшего благоприятствования для побуждения субъектов общественных отношений к правомерному и социально полезному поведению. В то же время различного рода правовые ограничения формируют рамки дозволенного и препятствуют негативному воздействию источников опасности на объекты правовой охраны.

Развивая данную идею, основатель научной школы Сибирского федерального университета «Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности» профессор Н. В. Щедрин отмечал, что «деятельность по предупреждению преступлений можно представить как двухсторонний процесс: с одной стороны, целенаправленное включение объекта в общественно полезные связи-отношения, а с другой – воспрепятствование вступлению в криминогенные. <…> Если прерывание негативных отношений осуществляется преимущественно с помощью *принудительных* мер предупреждения, то для стимулирования позитивных связей используются, главным образом, меры, *не связанные с принуждением*» (Щедрин, 1999. С. 8–9). В объем мер, не связанных с принуждением, Н. В. Щедрин дихотомически включал все виды воздействия, кроме принудительных (например, меры социальной профилактики, меры правового поощрения и пр.). К принудительным мерам он, в свою очередь, относил меры безопасности, восстановления и ответственности, которые различаются механизмами предупредительного воздействия (Щедрин, 1999. С. 9–11).

Стимулы и ограничения широко представлены в системе обеспечения антикоррупционной безопасности и играют в ней важнейшую роль. *Антикоррупционные меры стимулирования* лежат в основе деятельности по формированию нетерпимости к коррупционному поведению и имеют междисциплинарную природу. Их основная задача – оказать воздействие на мотивационную сторону личности в целях снижения ее коррупциогенного потенциала. В связи с этим особую остроту приобретает разработка эффективных мер, направленных на повышение антикоррупционной культуры, осуществление антикоррупционного просвещения и образования, а также поощрение раскрытия конфликта интересов и иных форм коррупционного поведения. *Антикоррупционные меры ограничения* состоят из запретов, обязанностей и ограничений, установленных в целях противодействия коррупции в отношении различных категорий физических, должностных и юридических лиц, а также санкций за их нарушение. Применение указанных мер существенно затрудняет коррупционные деяния, а также создает угрозу наступления неблагоприятных последствий в результате их совершения. Синергия антикоррупционных мер стимулирования и ограничения формирует комплексное предупредительное воздействие на субъективные и объективные детерминанты коррупционного поведения, тем самым способствуя обеспечению антикоррупционной безопасности публичного и корпоративного управления.

С учетом изложенного можно утверждать, что на современном этапе развития российского общества возрастает актуальность поиска баланса между антикоррупционными мерами стимулирования и ограничения. Запретительный путь развития системы противодействия коррупции представляется бесперспективным, поскольку потенциал императивного правового регулирования общественных отношений в данной сфере практически исчерпан. Соответственно, надлежащее соблюдение установленных законом нормативных предписаний должно опираться на работу по формированию антикоррупционного мировоззрения граждан, а также по активизации их заинтересованности в осуществлении антикоррупционной деятельности. Взаимодействие стимулов и ограничений способно создать основу для полноценной реализации одного из основных принципов противодействия коррупции – сотрудничества государства с институтами гражданского общества, международными организациями и физическими лицами.

Антикоррупционная безопасность как самостоятельная научная категория еще только входит в научно-практический оборот. Различным аспектам рассматриваемой категории посвятили свои труды Г. Н. Горшенков, П. А. Кабанов, М. П. Клейменов, Ю. Н. Климова, Г. Г. Кондратенко, С. Я. Лебедев, В. А. Номоконов, А. В. Павлинов, Д. А. Панарин, А. В. Паршков, А. В. Полукаров, А. П. Скиба, П. В. Тепляшин, Д. А. Шаманский, Н. В. Щедрин и др. Вместе с тем подавляющее большинство ученых продолжают исследовать вопросы противодействия коррупции сквозь призму традиционных средств организационно-правового воздействия и не рассматривают обеспечение антикоррупционной безопасности как новую концептуально-идеологическую основу антикоррупционной деятельности.

Обзор выступлений участников форума

В открытии форума 15 декабря 2023 г. приняли участие почетные гости.

Заместитель губернатора Красноярского края **В. В. Нелюбин** в приветственном слове подчеркнул уникальный характер Сибирского антикоррупционного форума, который является главной дискуссионной площадкой по данной тематике за Уралом и ведет свой отсчет с 2015 г. Отличительной чертой мероприятия, сформировавшейся за прошедшие годы, является тесное переплетение фундаментальных и теоретико-прикладных проблем противодействия коррупции, в обсуждении которых принимают участие ведущие специалисты федерального и регионального уровней. Тематика докладов, представленных участниками пленарного заседания и дискуссионных площадок, затрагивает многие междисциплинарные аспекты коррупции, что соответствует современным трендам реализации государственной антикоррупционной политики. Главным результатом работы текущего форума станет обмен передовыми методами антикоррупционной деятельности, а также разработка предложений по повышению эффективности противодействия коррупции. Несмотря на это, Сибирский антикоррупционный форум – это преимущественно научное мероприятие, участие в нем особенно важно для должностных лиц, ответственных за профилактику коррупционных и иных правонарушений, поскольку именно здесь появляется прекрасная возможность обсудить, в каком направлении мы движемся, и определить тенденции, которые помогут нам в борьбе с коррупцией.

Консультант департамента проектной работы в сфере противодействия коррупции Управления Президента Российской Федерации по вопросам государственной службы, кадров и противодействия коррупции **И. Р. Щербаков** отметил важную роль ранней профилактики коррупции: «В нашей стране коррупция зачастую ассоциируется только со взяткой, а противодействие коррупции – с тюрьмой. Но оба этих понятия намного шире и сложнее. Профилактика коррупционных правонарушений упрощает работу, связанную с реализацией других составляющих противодействия коррупции, и позволяет решать задачи по формированию нетерпимости к коррупционному поведению. Неприязнь к коррупции не появляется в личности по щелчку пальцев – этот процесс фактически начинается с рождения. Еще в Древнем Риме говорили, что честных людей всегда почитают. Так вот, наша с вами задача – сделать так, чтобы в обществе почитали честных людей. Необходимо помочь честным людям соблюдать антикоррупционные стандарты и понять сложное антикоррупционное законодательство. Часто на практике мы сталкиваемся со случаями, когда негативные последствия появляются не из-за желания совершить коррупционное преступление, а из-за непонимания, пренебрежения».

Митрополит Красноярский и Ачинский **Пантелеимон** посвятил свое выступление нравственным основам противодействия коррупции: «Вся природа данного явления направлена на разрушение цивилизации и самого человека. Грех алчности приводит к потере совести. Коррупция все разрушает, и в первую очередь само-

го человека. Но верующий с молоком матери впитывает понятие ограничения своих алчных человеческих страстей во всех областях. Церковь – это инструмент профилактики в душах людей, воспитания человека, умеющего управлять своими стремлениями и желаниями и понимать, насколько он имеет право обладать чем-то, насколько он имеет возможность заслуженно совершить акт собственного обеспечения и обретения благ, какой ценой». Как отметил владыка, к сожалению, перестроечное время принесло разрушение этой нравственности и морали, кроме религии. В исламе, христианстве, иудаизме и других конфессиях данная тема не стоит особенно остро и не является предметом обсуждения, так как люди обучаются праведному восприятию всего окружающего, обучаются духовно видеть свое место под Солнцем среди общества. При этом особенно важно оценивать свои возможности не по пословице «всяк сверчок знает свой шесток», а в соответствии с правилом «всяк человек удовольствуется тем, что может создать для себя сам, не нарушая законов справедливости, честности и ответственности перед своей совестью, государством и Богом».

Проректор по безопасности Сибирского федерального университета **П. А. Юдин** обратился к студентам: «Молодые люди в будущем, конечно, займут какие-то руководящие должности и могут столкнуться с коррупцией. Они должны учитывать, что данное явление очень вредно для государства, тем более когда мы живем в эпоху санкций. Коррупция разъедает наше государство изнутри. Вступив на данный путь, необходимо понимать, что пострадаете не только вы, но и государство. Я лично знаю примеры, когда люди много лет выстраивали свою карьеру, но впоследствии оказались за решеткой. Молодые люди, пожалуйста, соблюдайте правовую культуру. Пусть ваша совесть будет чиста».

Важную роль профилактики коррупционных правонарушений в деле укрепления законности и правопорядка подчеркнул начальник отдела по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции прокуратуры Красноярского края **В. А. Леонтьев**.

Также участников и гостей форума приветствовала заместитель начальника Управления Минюста России по Красноярскому краю **В. В. Лысая**, которая отметила необходимость подобных мероприятий для повышения заинтересованности граждан в проведении независимой антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов.

VII Сибирский антикоррупционный форум начал свою работу с пленарного заседания, доклады в рамках которого представили признанные эксперты.

Вступительный доклад, посвященный пониманию антикоррупционных стимулов и ограничений в концепции доктора юридических наук, профессора Н. В. Щедрина (1953–2019), представила его ученица – заведующий кафедрой деликтологии и криминологии Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент **И. А. Дамм**. Николай Васильевич – основатель красноярской криминологической школы. Его перу принадлежат более 200 научных трудов, значительная часть которых затрагивает вопросы познания коррупции как негативного социального явления, а также проблемы совершенствования существующих и разработки перспективных мер противодействия ей. Под руководством профессора Н. В. Щедрина подготовили и успешно защитили диссертации по антикоррупционной тематике пять кандидатов наук, которые и сегодня продолжают развивать данное направление.

Методологическую основу исследований в рамках научной школы профессора Н. В. Щедрина составляет разработанная им правовая теория мер безопасности. Ядром данной теории является диалектическое единство категорий «объект охраны» и «источник опасности». Они неразрывно связаны между собой и не существуют друг без друга, несмотря на стремление объекта охраны сохранить свое существование в неизменном виде, а источника опасности – не допустить этого. Состояние защищенности объектов охраны от источников опасности мы традиционно называем «безопасность».

Правовая теория мер безопасности имеет универсальный характер и может быть адаптирована для предупреждения негативных социальных явлений и процессов в различных отраслях правового регулирования. И противодействие коррупции в данном случае не является исключением. Профессор Н. В. Щедрин не успел в полной мере развить частную криминологическую теорию антикоррупционной безопасности, однако оставил своим ученикам понятийные координаты. По его мнению, «антикоррупционная безопасность – это состояние защищенности закрепленных в Конституции РФ системообразующих ценностей социума (объектов охраны) от опасностей, исходящих от противоправных деяний физических лиц и организаций, выполняющих публичные функции или оказывающих публичные услуги вопреки интересам государства и общества, для извлечения противоправной выгоды как для себя, так и для других лиц (источники опасности), а также от

деяний всех других лиц и организаций, подкупающих лиц, имеющих публичный статус (источники опасности)» (Щедрин, Дамм, 2020. С. 64).

Как отмечал профессор Н. В. Щедрин, гармоничная система обеспечения антикоррупционной безопасности может быть построена только на балансе антикоррупционных мер стимулирования и антикоррупционных мер ограничения. При этом «в диалектическом единстве стимулирования и ограничения позитивно-поощрительная составляющая должна быть ведущей» (Щедрин, Дамм, 2020. С. 30). Также он выделял два ключевых вектора обеспечения антикоррупционной безопасности. Первый – укрепление самих конституционных устоев, поскольку большинство положений Основного закона при условии их реального воплощения сами по себе обладают огромным антикоррупционным потенциалом (Щедрин, Дамм, 2020. С. 64). Второй – это нанесение на конституционные конструкции «защитного антикоррупционного покрытия» при помощи специализированных антикоррупционных мер безопасности (Щедрин, Дамм, 2020. С. 65). Их профессор Н. В. Щедрин определял как «меры принудительного ограничения поведения субъектов коррупции, применяемые при наличии указанных в нормативном правовом акте оснований и имеющие целью защиту общественных отношений от вредоносных коррупционных посягательств» (Щедрин, Дамм, 2020. С. 65).

Наблюдаемый в последнее время кризис противодействия коррупции, который выражается в исчерпании предупредительных возможностей исключительно за счет наказания и иных средств принудительного правового воздействия, в значительной степени обусловлен недооценкой антикоррупционного потенциала мер стимулирования. В свою очередь, разработка концепции антикоррупционной безопасности направлена на поиск новой научно обоснованной антикоррупционной парадигмы. Поэтому теоретико-прикладное изучение проблем понимания и применения стимулов и ограничений в системе противодействия коррупции выступает важным этапом перехода на качественно новый уровень антикоррупционной деятельности.

Архитектоника содержания доклада советника директора Университета Банка России, доктора юридических наук, профессора **В. В. Астанина** получила выражение в сравнении текущего состояния дел в сфере научных разработок противодействия коррупции и перспективных мер их стимулирования при помощи искусственного интеллекта. В образном выражении докладчика эти два раздела представлены как общая и особенная части антикоррупции. В общей части был произведен критический анализ содержания методологии диссертационных исследований по теме противодействия коррупции в период с 2013 по 2023 г., а также освещены качественно-количественные характеристики метаданных о публикациях по этой теме, содержащихся в системе РИНЦ. В особенной части доклада представлена модель использования искусственного интеллекта в выявлении и предупреждении предикатных коррупционных проявлений в сфере закупок. Описана технология объединенной платформы идентификации коррупционных рисков при помощи официальных ресурсов информации органов государственной власти, осуществляющих регуляторные, контрольные и надзорные функции в сфере закупок. В заключительной части доклада раскрыты возможности искусственного интеллекта, основанные на технологии блокчейн, в ресурсах помощи правоохранительным органам в документировании доказательств коррупционных правонарушений в сфере закупок и процессуальных мерах обеспечения реагирования на них.

Профессор кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор **В. А. Номоконов** посвятил свое выступление содержанию антикоррупционной безопасности за пределами стимулов и ограничений. Рассмотрение данных инструментов воздействия можно трактовать как попытку психологизировать вопросы противодействия коррупции, когда с позиции бихевиоризма поведение определяется по принципу «стимул – реакция» и для его регламентации необходимо использовать «кнут» и «пряник». Вместе с тем механизм факторов, влияющих на поведение человека, гораздо объемнее и не сводится лишь к стимулам и ограничениям. В этом плане эффективность обеспечения антикоррупционной безопасности достигается не только умелым сочетанием стимулирующих и ограничительных мер, но и путем воздействия на сами коррупционные отношения и конкретные коррупционные детерминанты.

Многие коллеги продвигают идею так называемого социального редуктивизма, согласно которой научное преобразование общества или государства по идеальному чертежу якобы неминуемо приводит к селекции безгрешного человека. В качестве мер влияния рассматриваются все новые и новые ограничения, накладываемые на личность. Но при этом мы забываем о том, что личность также предъявляет свои требования и к обществу, и к государству. Игнорирование этого обстоятельства является угрозой существованию социума. Кроме

того, невозможно обеспечить антикоррупционную безопасность без анализа того, что конкретно происходит. В Национальной стратегии противодействия коррупции указано, что ее целью является искоренение причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе. Понятно, что это еще никому и нигде не удавалось. Однако без ответа на вопросы о том, где находятся эти причины и условия, в чем они заключаются, каковы их состояние и динамика, невозможно построить эффективную антикоррупционную деятельность. К сожалению, в современной научной литературе глубокий анализ указанных проблем не встречается.

Существуют три модели антикоррупционной политики: стратегия системного устранения причин, стратегия войны и стратегия сознательной пассивности. Ни в одной стране не реализована какая-либо стратегия в чистом виде, но тем не менее одна из них преобладает. Стратегия войны означает «пусть земля горит под ногами коррупционеров». Она зацикливается на борьбе с внешними проявлениями коррупции. В свою очередь, стратегия системного устранения причин коррупции ориентирована не столько на коррупционеров, сколько на ликвидацию стимулов к совершению коррупционных деяний. Отличительной чертой стратегии сознательной пассивности является признание неэффективности и бесплодности действий, направленных на борьбу с коррупцией. Однако это не игнорирование проблемы или признание культурного фатализма: коррупция также рассматривается как существенная проблема, которая вредно влияет на общество и государство. По мнению В. А. Номоконова, отечественный опыт противодействия коррупции опирается именно на третью модель антикоррупционной политики.

Чтобы перейти к модели антикоррупционной политики, основанной на стратегии системного устранения причин, необходимо регулярно проводить оценку масштабов коррупции и определять характер угроз антикоррупционной безопасности. Условия для такого перехода могут создать: взаимная ответственность государства и населения, прежде всего в позитивной форме; развитие конкурентной среды в экономической, политической и духовной сферах; соблюдение принципа социальной справедливости; строжайшая законность без телефонного и командного права; прозрачность в отправлении правосудия; безусловная и регулярная ротация должностных лиц; обеспечение реального разделения властей и их взаимного контроля на всех без исключения уровнях с участием гражданского общества и др. В предложенном нет революционной новизны, но задача состоит в том, чтобы желаемое, наконец, стало действительным.

Концепцию развития антикоррупционного законодательства представил секретарь Бюро Междисциплинарного совета по координации научного и учебно-методического обеспечения противодействия коррупции, ведущий научный сотрудник отдела методологии противодействия коррупции Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, член информационно-аналитического правового центра Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности, кандидат юридических наук **А. М. Цирин**. Отличительной особенностью развития антикоррупционного законодательства является активное включение антикоррупционных норм в смежные отрасли законодательства (о государственной службе, уголовной ответственности, административных правонарушениях, труде, гражданское законодательство и др.). Это, в свою очередь, позволило академику РАН Т. Я. Хабриевой выдвинуть гипотезу о существовании в праве нетипичных циклических массивов, кросс-отраслевые нормы которых нестандартно ведут себя в рамках системы права и формируют специфические связи, демонстрируя возможность проникать в большинство ее элементов.

Основными тенденциями развития антикоррупционного законодательства, по мнению докладчика, являются: укрупнение базового Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и законов о противодействии коррупции в субъектах Российской Федерации; расширение системы антикоррупционных ограничений, запретов и обязанностей на новые категории лиц; универсализация понятийного аппарата; правовое закрепление использования государственных информационных систем для целей противодействия коррупции; использование финансово-правового инструментария противодействия коррупции; казуальное регулирование (выделение значительного числа специальных составов преступлений коррупционной направленности); синхронизация с законодательством в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма; морализация права (принятие кодексов этики).

В своем выступлении А. М. Цирин подробно остановился на вопросах внедрения государственных информационных систем в сфере противодействия коррупции, которые агрегируют сведения о действиях граждан, имеющих выражение в материальном мире (получение гражданства, заключение брака, уплата налогов,

получение кредита, нарушение правил дорожного движения), а также и сведения о поступках, полностью совершаемых в информационной среде (например, сведения о подаче деклараций, публикации постов в социальных сетях; факты распространения ложных сведений и даже время, в течение которого человек находится в системе, например, играет в видеоигры). Так, система распознавания пешеходов и транспортных средств, с одной стороны, используется для обеспечения безопасности дорожного движения, а с другой – может применяться в целях подтверждения фактов иных близких отношений при рассмотрении вопросов соблюдения антикоррупционных стандартов поведения.

Все большее значение приобретает цифровое профилирование, которое может рассматриваться в качестве базового информационного узла, выполняющего важные функции по актуализации и обмену персонифицированной (относящейся к конкретному лицу) информацией, а также по идентификации данного лица. В качестве одного из предложений по развитию данного направления антикоррупционной деятельности докладчик отметил необходимость закрепления возможности представлять сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера в электронном виде. Это обусловлено тем, что практически половина лиц, включенных в реестр уволенных в связи с утратой доверия, – это депутаты представительных органов власти. Сложности, возникающие при заполнении справки, зачастую влекут прекращение их полномочий по формальным основаниям, в то время как система государственного управления лишается полезных с точки зрения решения вопросов местного значения лиц (например, директоров унитарных предприятий, представителей бизнес-сообщества и др.). Поэтому создание возможности автоматической генерации формы справки на основе имеющейся в распоряжении государства персонифицированной информации способно снизить бюрократическую нагрузку на данную категорию должностных лиц при соблюдении ими антикоррупционных стандартов поведения.

В завершение доклада А. М. Цирин представил научный прогноз развития антикоррупционного законодательства, согласно которому в перспективе следует ожидать: дальнейшего усиления комплексности и глубины федерального законодательства о противодействии коррупции; расширения и детализации межотраслевого правового регулирования по сегментам общественных отношений; повышения роли законов субъектов Российской Федерации о противодействии коррупции; интенсификации правового регулирования использования государственных информационных систем и цифрового профилирования для целей противодействия коррупции.

Проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, доктор юридических наук, профессор **Л. А. Букалерова** обсудила с участниками пленарного заседания роль молодых ученых в противодействии коррупции. По ее словам, в ходе развития антикоррупционной деятельности применялись различные направления воздействия: от массовых репрессий до либерализации наказания. Фактически все правовые средства уже так или иначе применялись. Поэтому в настоящий момент особенно важно уделять внимание свежим идеям подрастающих ученых. Действующее законодательство находится в состоянии непрерывного реформирования, постоянно появляются новые составы преступлений коррупционной направленности, усложняются диспозиции уголовно-правовых норм. Нестандартный взгляд молодых ученых на нерешенные проблемы противодействия коррупции может вывести научные исследования на качественно новый уровень.

При этом важную роль должно играть морально-нравственное воспитание. Антикоррупционное просвещение молодежи может стать одной из национальных идей Российской Федерации. В свою очередь, формирование нетерпимости к коррупционному поведению должно осуществляться даже не со школьной скамьи, а с детского сада. Жители стран, которые традиционно имеют низкий коррупционный рейтинг (прежде всего, скандинавские), не совершают коррупционные деяния не потому, что боятся уголовного наказания или снижения социального рейтинга, а потому, что осознают свою ответственность перед будущими поколениями граждан, чтобы они росли в более благополучном обществе, были более законопослушными, жили в правовом и социальном государстве. В связи с этим ставка на молодое поколение в вопросах противодействия коррупции, в том числе развития антикоррупционных научных школ, безусловно, является выигрышной.

Антикоррупционное просвещение и образование молодежи должно учитывать основные тренды развития современного общества. Цифровое профилирование налагает дополнительную социальную ответственность за свое поведение с ранних лет жизни. Поэтому важно научить молодых людей соблюдать антикоррупционную гигиену в информационной среде: все, что нами сказано или сделано в сети Интернет и за ее пределами, может стать основой доказывания по конкретному делу. И в этом направлении также основную роль необ-

ходимо уделять морально-нравственной составляющей. Неслучайно самоконтроль человека, основанный на совести, претендует на то, чтобы в будущем стать главным инструментом противодействия коррупции.

Психологические механизмы коррупционного поведения стали темой выступления заведующего кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктора юридических наук, профессора **Е. А. Антонян**. Ответ на вопрос о том, будет ли личность соблюдать законы или нет, зависит от тех условий, в которых она находится, как она на них реагирует и воспринимает, что необходимо личности для того, чтобы она действовала в соответствии с принятыми правилами и не встала на путь противоправного поведения. Однако окончательное решение, в каком направлении двигаться, личность принимает самостоятельно. Здесь наблюдаются два пути развития: прогрессивный (акмеологический) и регрессивный (девиантный или делинквентный). При этом у личности могут быть специфические свойства и деформации, которые делают ее потенциально или активно готовой к совершению противоправных деяний. В первом случае следует говорить о низкой устойчивости к коррупционному поведению, во втором – о предрасположенности к нему.

Говоря о психологическом механизме формирования коррупционного поведения, необходимо отметить, что большинство чиновников рано или поздно сталкиваются с теми обстоятельствами, которые впервые ставят перед ними выбор, принимать или не принимать коррупционные решения. Появление этих обстоятельств, с одной стороны, зависит от внешних причин и условий, а с другой – от психологических факторов. Поэтому необходимо отдельное внимание уделять мотивам коррупционного поведения. Наиболее распространенные из них: компенсация за ощущаемый чиновником ущерб, связанный с прохождением государственной или муниципальной службы; ощущение нестабильности; низкая заработная плата, не соответствующая квалификации и ответственности работы; несправедливость при продвижении по службе; некомпетентность непосредственного руководителя и др.

Отличие поведения коррупционеров видится в том, что оно более мотивировано и порождено несколькими ведущими мотивами, из которых выделяются два основных. Первый – это корысть, стремление обеспечить себя материальными благами, в том числе вследствие непомерных потребностей и амбиций. В ряде случаев незаконное получение материальных благ становится самоцелью без ясного представления о том, для чего подобные средства нужны. Второй – игровой мотив, который является более глубинным и менее изученным. Многие коррупционеры являются по сути игроками, причем это влечение ими никак не осознается и функционирует в бессознательной сфере психики. Это проявляется в том, что человек совершает преступление, невзирая на последствия и несмотря на многочисленные случаи привлечения чиновников сопоставимого ранга к уголовной ответственности. Игровые мотивы переплетаются с корыстными и на каком-то этапе механизма коррупционного поведения начинают мощно детерминировать друг друга. Наличие этих основ мотивации, вступающих в резонанс, в значительной мере объясняет как распространенность коррупции, так и то, что соответствующее поведение реализуется в течение многих лет и с определенного момента становится образом жизни. С позиции психологии взятка для чиновника – это способ получить подтверждение своей значимости и повышения самооценки, особенно если он втянут в социальную группу, где это считается нормой. Принятие первого коррупционного решения может облегчаться информационной средой, которая окружает должностное лицо («все так делают», «ты что, не с нами?» и т. д.). Это подтверждается материалами многих уголовных дел.

Таким образом, важная особенность, которая объясняет психологический механизм коррупционного поведения, – отношение к коррупции в обществе. При этом значительное влияние на процесс формирования коррупционной мотивации имеет так называемый двойной моральный стандарт. Какие бы хорошие законы ни были приняты, именно формирование антикоррупционного поведения на этапах социализации личности может обеспечить восприятие человеком установленных в обществе антикоррупционных норм. В молодежной среде по разным причинам образуется вакуум, в котором формируется много негативного, противоправного и деструктивного, в том числе в аспекте коррупционного поведения. Выпускники образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования, начиная свою трудовую деятельность, зачастую имеют убеждение в том, что занимаемая должность – это лишь дополнительный заработок, возможность решить свои проблемы или создать своему ближайшему окружению благоприятные условия для работы и жизни. Поэтому важное значение в системе обеспечения антикоррупционной безопасности имеет деятельность преподавателей средней и высшей школы по антикоррупционному воспитанию молодежи в рамках тех программ, которые на сегодняшний день внедряются Минпросвещения и Минобрнауки России.

Продолжила рассмотрение психологических аспектов коррупционного поведения декан факультета менеджмента в сфере образования Московской высшей школы социальных и экономических наук, кандидат психологических наук, доцент **Е. Ю. Федоренко**, по мнению которой тематика аддикции (зависимости), в том числе коррупции как аддикции, в последнее время становится достаточно обсуждаемой. По материалам наблюдений, проведенных на выборке взрослых людей в 2018 г., обнаружено, что люди в опросах часто декларируют законопослушный вариант поведения с точки зрения коррупционных действий. Тем не менее при решении кейсов, максимально приближенных к реальным ситуациям, поступают ровно наоборот, оправдывая выбор своего поведения внешними факторами или отсутствием, на их взгляд, иных вариантов решения проблемы в сложившихся обстоятельствах. В свою очередь, изучение мотивации осужденных за коррупционные преступления показало большое количество упоминаний импульсивности принятия решений. Гипотетически это свидетельствует о наличии зависимого поведения, поскольку указывает на рассогласование между декларируемыми нормами и действенными стереотипами, способами принятия решений, которые актуализируются в определенных ситуациях автоматически.

По данным современных исследований, у 95 % людей, уличенных в коррупции, обнаружились признаки аддиктивного поведения. При этом коррупционная зависимость имеет общие черты с гэмблингом, адреналиноманией, любовной и сексуальной зависимостями. Аддикции компульсивны, вызваны желанием острых ощущений. Коррупционный аддикт, подобно адреналиноману, ищет, создает или участвует в ситуациях, непосредственно угрожающих его благополучию. Зависимость становится выше страха наказания за участие в коррупционной практике, а успешный опыт вызывает потребность повторения коррупционного деяния.

По мнению Е. Ю. Федоренко, фактически можно обнаружить как минимум два типа конфликтов личности и среды, которые порождают зависимое поведение: дефицит ресурса относительно требований (ожиданий) окружающей среды и избыточность ресурсов по отношению к бедной среде, а равно быстрая утрата самочувствия в освоенных ситуациях. Первый тип – это когда человек априори чувствует себя дефицитарно, т. е. у него имеется какой-либо дефицит ресурса, при этом среда для него кажется претендующей, довлеющей или выражающей определенного рода ожидания на то, чтобы человек вел себя соответствующим образом. Второй тип конфликта, который лежит в основе зависимого поведения, связан с тем, что у человека много ресурсов, и он ощущает их избыточный характер, в то время как среда выглядит дефицитарной, бедной, не дающей возможности для экстатического самочувствия.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: почему человек выбирает именно коррупционный путь решения указанных выше конфликтов? Ответ на него следует искать, например, в области высшего образования, в результате которого выпускник должен научиться создавать себе такие просоциальные ситуации неопределенности, которые бы способствовали его развитию. Для этого необходимо формировать метапредметные компетенции, которые лежат в основе профилактики зависимого поведения. Однако зачастую преподаватели продолжают делать упор на знаниевый компонент образовательных программ. Вместе с тем исследования все чаще показывают, что люди знают о том, что они нарушают правила поведения, но все равно это делают в определенных обстоятельствах. И в этом смысле знание закона не спасает от совершения коррупционного деяния.

Задачи социальных институтов (от семьи до трудового коллектива) в области профилактики аддиктивного поведения молодежи состоят в следующем: формирование субъектного отношения к жизни, самостоятельности и ответственности; развитие знаний о себе, понимания своих чувств, эмоций, знаний о возможных способах работы с ними, заботы о себе; поддержка позитивной самооценки; формирование навыков продуктивного разрешения конфликтов; актуализация ответственности за себя, свои действия, свой выбор; развитие способности к рефлексии, саморегуляции и контролю; тренировка интеллектуальной выносливости. Все это в полной мере относится к вопросам устранения психологических причин коррупции. Указанные задачи не являются открытием, однако при переходе на уровень их практической реализации у преподавателей высшей школы возникает ступор. Мы по-прежнему читаем лекции и не даем возможности студентам двигаться самостоятельно, выбирать свой жизненный путь, а по итогу хотим, чтобы они были самостоятельными и оснащенными. Решение данной проблемы является важнейшим стимулом для снижения рисков коррупционного поведения в молодежной среде.

Заведующий кафедрой культурологии и искусствоведения Сибирского федерального университета, доктор философских наук, профессор **Н. П. Копцева** представила доклад на тему «Трансформация культурных основ антикоррупционного поведения в российском обществе». По ее мнению, культуру следует понимать не

столько как сумму всего (материального и духовного), сколько как идеалообразующую деятельность людей. Это позволяет выделить в самом эталоне (идеале, норме, ценности) две стороны: материально-знаковую и идейно-смысловую. Таким образом, культурные основы – это базовые идеалы современного российского общества, имеющие определенную материализованную форму и определенные значения, смыслы, объединяющие нас и позволяющие нам отделять нас от других сообществ.

Трансформация культурных основ носит глобальный характер и имеет такие тенденции, как: переход от информационного к постинформационному обществу, где информационное сопровождение уже всегда включено в состав активных факторов, в инфраструктуру базовых процессов; противостояние иерархических и сетевых структур организации, формирование новых типов прогрессивных социальных классов, связанных с сетевыми структурами; наращивание виртуальной (психологической) компоненты по сравнению с материальной (физической) и, соответственно, формирование иных (виртуальных) ценностей; автоматизация производства, изменение характера труда, уход людей из алгоритмизированных производственных процессов; изменение управленческих укладов от структурных к бесструктурным, когда господствующим типом становится кризис-менеджмент; переход художественных форм идеалов культуры в популярную культуру, форматы которой обладают свойством бесконечной воспроизводимости; одновременное сосуществование нескольких глобальных культур (американской, российской, китайской и др.), претендующих на возможную глобализацию.

Указанные выше процессы не могли не оказать влияние на изменение культурных основ антикоррупционной деятельности. По мнению Н. П. Копцевой, трансформации в данной сфере сводятся к следующему: противостояние цифровых технологий и коррупции; насыщение антикоррупционных стандартов поведения новыми культурными носителями произведений; акцентирование внимания на антикоррупционные стандарты поведения лидеров сетевых структур; насыщение антикоррупционного законодательства новым содержанием, связанным с необычными формами коррупции; изучение бесструктурных форм управленческих укладов, включая кризис-менеджмент; выявление зарубежных культурных стандартов, которые могут «прочитываться» в российском культурном коде как поощряющие коррупционное поведение; опора в противодействии на новые этические нормы, связанные с экологическими ценностями, защитой животных и др.; понимание сложности современного общества и одновременного сосуществования людей с разными культурными идеалами и ценностями и, соответственно, с разными культурными формами антикоррупционного поведения.

При всей динамичности развивающихся трансформаций вечной культурной основой антикоррупционного поведения остается значимый и сакральный для данной культуры тип честного и неподкупного человека, воплощенный в наиболее популярных и востребованных (при этом различных) культурных форматах, имеющих этническую, профессиональную, возрастную, гендерную и иную культурную специфику. Несмотря на девальвацию образа честного человека в девяностые годы XX в., он не утратил своей значимости и на сегодняшний день постепенно возвращается в число аутентичных русских культурных героев.

В завершение пленарного заседания форума выступил руководитель группы по антикоррупционной пропаганде АНО «Центр организационного обеспечения структурной реформы на железнодорожном транспорте», кандидат юридических наук, доцент **С. К. Илий**, который рассказал об опыте формирования антикоррупционного волонтерства в ОАО «Российские железные дороги». Одной из важнейших задач при реализации государственной антикоррупционной политики является изменение общественного сознания и создание в обществе атмосферы жесткого неприятия коррупции. Ее решение возможно, прежде всего, путем планомерного развития этических, нравственных норм, формирования антикоррупционной культуры. Однако это требует поиска и внедрения новых форм и методов профилактической работы, основанных на вовлеченном участии граждан в осуществление антикоррупционной деятельности.

В ходе бесед-интервью с руководителями и работниками ОАО «Российские железные дороги» уровня диспетчеров, заместителей начальников и начальников станций было установлено, что тема «антикоррупции» на местах не является приоритетной, но воспринимается как необходимая, актуальная для всех членов трудового коллектива. Вместе с тем сведения, полученные в ходе личных встреч, также указывают на перенасыщение информационных потоков антикоррупционной составляющей: «Люди устали от лекций и массивных текстов. Самый востребованный формат информирования – короткие видеоролики, в обучении – квесты». При этом отдельные работники компании выразили желание лично участвовать в формировании антикоррупционной культуры. Так, было принято решение о создании волонтерского движения «Антикорр», цель которого – развитие системной антикоррупционной пропаганды этики неприятия коррупции.

На сегодняшний день при непосредственном участии активистов данного движения реализуются различные формы антикоррупционного просвещения, а именно: проводятся антикорр-встречи и деловые игры («Антикоррупционный квиз», «Антикоррупционная мафия» и др.), издается альманах «Антикорр», регулярно обновляется интернет-блог #РЖДБЕЗКОРРУПЦИИ, публикуются комиксы на антикоррупционную тематику, выпускаются антикоррупционные настольные игры и т. д. Во многих из них используется интерактивный компонент, который позволяет вовлекать работников компании в активную антикоррупционную деятельность. Тем самым происходит переход от информированности по вопросам противодействия коррупции до восприятия антикоррупционных ценностей в качестве руководства к действию.

Как отметил С. К. Илий, в настоящий момент одной из перспектив развития волонтерского движения «Антикорр» является интеграция в общую систему волонтерской деятельности ОАО «Российские железные дороги». В этом смысле помощь, которую оказывают антикоррупционные волонтеры, носит интеллектуальный характер. По сути, они помогают оценить востребованность тех или иных форм антикоррупционного просвещения, а также провести их первичную апробацию. В условиях, когда в компании работает более одного миллиона человек, такая волонтерская поддержка является незаменимой.

Работа VII Сибирского антикоррупционного форума продолжилась в рамках дискуссионной площадки, участие в которой прошло как в очном, так и в дистанционном формате.

Роль антикоррупционного комплаенса в системе обеспечения антикоррупционной безопасности раскрыл профессор департамента международного права факультета права НИУ «Высшая школа экономики», доктор юридических наук **Э. А. Иванов**. Система обеспечения антикоррупционной безопасности представляет собой согласованное взаимодействие различных элементов, включая деятельность государственных органов, компаний и частного бизнеса, а также общества и его структур, направленное на предотвращение коррупции. Причины, по которым компании включаются в антикоррупционную деятельность, разнообразны. Первая – личная позиция руководителей или собственников организации, основанная на осознанном негативном отношении к любым проявлениям коррупции. Вторая – прагматичность ввиду наличия реальных рисков причинения имущественного или репутационного ущерба организации. Третья – позитивные и негативные стимулы к внедрению антикоррупционных процедур, например, содействие со стороны крупного бизнеса в реализации антикоррупционных комплаенс-программ, вероятность личной ответственности топ-менеджеров или ответственности самих юридических лиц. Четвертая – использование антикоррупционной комплаенс-программы в качестве конкурентного преимущества и требования деловых партнеров. Несмотря на различия названных причин, внедрение мер по предупреждению коррупции в организациях отвечает интересам общества и государства, поскольку обеспечивает выбор наиболее эффективных поставщиков и подрядчиков при проведении публичных закупок, защиту выделяемых компаниям бюджетных средств от хищений и нецелевого использования, проведение проверок и взаимодействие с правоохранительными органами в процессе выявления и расследования преступлений коррупционной направленности и др. Одним из перспективных направлений в данной сфере, по мнению докладчика, является разработка общих для стран – участников БРИКС и ЕАЭС стандартов антикоррупционного комплаенса в организациях.

В своем докладе директор Центра антикоррупционного просвещения, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, доктор юридических наук, профессор **Ю. П. Гармаев**, сославшись на совместную монографию (в соавторстве с Э. А. Ивановым и С. А. Маркунцовым), обосновал, что междисциплинарная концепция антикоррупционного комплаенса должна базироваться на использовании достижений не только наук международного, уголовного права, криминологии, но и криминалистики. Содержательная сторона антикоррупционного комплаенса должна включать криминалистическую составляющую, в том числе специально переработанные данные: криминалистической характеристики коррупционных и сопутствующих им преступлений, методик выявления и расследования таких посягательств. По мнению докладчика, здесь же нужны рекомендации по защите граждан от клеветы и необоснованных, незаконных обвинений. При этом нельзя тем самым распространять некие «инструкции» по совершению преступлений и уклонению от уголовной ответственности. Недопустимо также создавать негативный имидж правоохранительной и судебной системы. Методология формирования такого рода прикладных разработок – важная междисциплинарная задача.

Тему минимизации и ликвидации последствий коррупционных правонарушений затронул в своем докладе доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских

и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **И. Ю. Мурашкин**. Данному направлению противодействия коррупции уделяется незаслуженно мало внимания в научной литературе. Нередко его просто отождествляют с профилактикой коррупции или упоминают через запятую без раскрытия содержания, несмотря на самостоятельное значение в системе обеспечения антикоррупционной безопасности. По мнению докладчика, следует выделять два уровня минимизации и ликвидации последствий коррупционных правонарушений. Первый – это деятельность различных субъектов, направленная на снижение регулирующего воздействия коррупции не только на правовую, но и на социальную, экономическую и другие сферы жизнедеятельности общества и государства. Его можно рассматривать как защиту от негативных последствий всех совершаемых коррупционных правонарушений. Второй – это деятельность уполномоченных органов публичной власти, которая направлена на устранение издержек, возникающих в результате совершения конкретного коррупционного правонарушения. В свою очередь, второй уровень можно условно разделить на минимизацию и ликвидацию последствий коррупционных преступлений, а также некриминальных коррупционных правонарушений. Как отметил И. Ю. Мурашкин, на практике возникает множество сложностей с реализацией данного направления противодействия коррупции (например, при взыскании в гражданско-правовом порядке предмета взятки, размер которого установлен в ходе судебного следствия). Поэтому необходимо законодательно определить перечень конкретных мер по минимизации и ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

Доцент кафедры организации и методики уголовного преследования Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат психологических наук, доцент **В. И. Ильина** посвятила свое выступление проблемам методологии научных исследований коррупции, к числу которых относятся:

– проблема понимания формы существования коррупции (отсутствие ясных и однозначных представлений о ней, отождествление формы и видов коррупции);

– проблема определения источника развития коррупции (предлагаемые в науке диалектические пары: коррупция/государство; коррупция/власть; коррупция/управление; коррупция/должностной статус – найдены неверно и являются ложными, что ведет к подмене понятий);

– проблема абсолютизации личности или метафизический (односторонний) подход к поиску причин (средства борьбы становятся неэффективными);

– несовершенство категориально-понятийного аппарата в исследовании коррупции (термин «противодействие» неравнозначен термину «борьба», что имеет принципиальное значение в антикоррупционной деятельности, так же обстоит дело и с другими терминами);

– проблема агностицизма (установка на безысходность, представление о коррупции как о фатальном явлении);

– проблема методологического плюрализма (отсутствует согласие между учеными, что исключает системный подход к решению вышеперечисленных проблем).

По мнению докладчика, необходим отказ от методологии плюрализма, агностицизма, феноменологии, метафизики и позитивизма во всех его проявлениях и возврат к диалектической логике познания явлений.

О проблемах наложения ареста на имущество по уголовным делам коррупционной направленности рассказала доцент кафедры организации и методики уголовного преследования Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Л. И. Лавдаренко**. В механизме правовых средств борьбы с коррупционными преступлениями важное место занимает конфискация имущества. Между тем УПК РФ, предусматривая применение ареста на имущество, в том числе с целью конфискации, содержит упущения в правовом регулировании применения данной меры принуждения. Так, при расследовании преступления по факту получения взятки, исходя из положений п. 2.1 ч. 1 ст. 81 УПК РФ, арест может быть наложен лишь на «деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления»[1], т. е. при доказанности конкретного деяния (время, место, способ и другие обстоятельства). На другое же имущество, явно не соответствующее легальным

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. № 174-ФЗ от 18.12.2001 (ред. от 22.04.2024). СПС «Консультант». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/782b4dc372cc934cedfc5b2bf4b413389a5f5194/

доходам, арест налагаться не может. По мнению докладчика, представляется целесообразным относительно определения вещественных доказательств вернуться к формулировке, которую содержал УПК РСФСР 1960 г.: «…деньги и иные ценности, нажитые преступным путем…»[2] (п. 4 ст. 86, ст. 83). Доказательством того, что деньги и иные ценности нажиты или приобретены преступным путем, должны опровергать всякое иное объяснение происхождения этих денег и ценностей (например, устанавливать их явное несоответствие легальным доходам).

Процессы трансформации коррупции в криминологическом аспекте рассмотрела ученый секретарь диссертационного совета 03.2.008.02, созданного на базе Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук **Е. В. Стебенева**. В современном мире интенсивно развиваются новые формы и виды отношений, которые предопределяют процессы трансформации существующих элементов социальной системы. При этом на сегодняшний день доминирует консьюмеризация деятельности, определяемая как возрастание значимости материального потребления. Это предопределяет спрос на все виды услуг и создает плодородную почву для широкого распространения корыстной преступности. Наглядный пример криминального спроса и предложения – коррупция, трансформация которой является закономерным следствием развивающихся в обществе изменений. По мнению докладчика, криминологическая трансформация коррупции проявляется в видоизменении как форм совершения общественно опасных деяний рассматриваемого вида, так и мер реагирования на них. Кроме того, наблюдается трансформация личности коррупционеров, которая может иметь не только негативный, но и позитивный характер. Например, по данным опросов, проведенных среди сотрудников и курсантов Санкт-Петербургского университета МВД России за последние десять лет, установлено значительное повышение уровня их готовности сообщить о факте коррупции руководству или в уполномоченное структурное подразделение. Это свидетельствует о качественных позитивных изменениях в процессах формирования антикоррупционного мировоззрения и влияния идеологии неприятия коррупции.

Профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор **П. В. Тепляшин** выступил с докладом на тему «Формы участия общественности в противодействии коррупции», в ходе которого обосновал, что в современных условиях формы участия общественности в противодействии коррупции имеют значительное разнообразие, а на фоне усиления роли общественности в реализации политики противодействия коррупции происходит постепенная трансформация соответствующих форм. Также докладчик предложил комплексный критерий выделения форм участия общественности в противодействии коррупции – характер институциональной наполняемости соответствующей формы и степень эффективности участия общественности в противодействии коррупции. На основании данного критерия выступающим было выделено пять форм участия общественности в противодействии коррупции:

– представительство граждан в юрисдикционных органах, в том числе в различных судебных инстанциях;

– участие граждан в деятельности правоохранительных органов;

– общественный контроль, реализуемый в соответствующих формах (общественный мониторинг, общественная экспертиза, общественная проверка и др.);

– деятельность общественных советов, формируемых и действующих при органах государственной власти и органах местного самоуправления, а также общественных палат на федеральном и региональном уровнях;

– работа общественных объединений правоохранительной направленности.

Руководитель следственного отдела по Ленинскому району города Красноярска Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Красноярскому краю и Республике Хакасия **А. А. Маслов** рассмотрел практические проблемы квалификации субъекта коррупционного преступления. Существующая на сегодняшний день конструкция уголовно-правового понятия «должностное лицо», включающая в себя признаки содержания выполняемых функций, основания наделения таковыми и места их выполнения, охватывает незначительную часть потенциальных субъектов коррупционных преступлений. Например, по подсчетам докладчика, в одной из крупных организаций здравоохранения Красноярска при

[2] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960. Гарант. https://base.garant.ru/3975179/98ca9bff3b3d9d2de5bf3e2dc967adb1/

штатной численности около 2 000 работников количество должностных лиц составляет 3,3 %. Таким образом, подавляющая часть сотрудников учреждения в случае совершения коррупционного деяния не понесет уголовной ответственности, соразмерной характеру и степени его общественной опасности. Выходом из сложившейся ситуации является либо включение в УК РФ специальных составов преступлений (например, по аналогии с криминализацией подкупа работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок), либо пересмотр самого понятия должностного лица (например, содержания выполняемых таким лицом функций).

Доцент кафедры конституционного, административного и муниципального права Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук **О. В. Роньжина** обратила внимание на необходимость совершенствования мер стимулирования к раскрытию конфликта интересов обязанными лицами. Формирование таких мер должно быть основано на понимании «конфликта интересов» как коррупциогенного фактора, но не правонарушения. При этом не каждый служащий всегда может корректно квалифицировать ситуацию как действительный конфликт интересов. В судебной практике встречается множество примеров ошибочной оценки ситуации прокуратурой и нижестоящими судами. Необходимым является закрепление права служащего обратиться в соответствующее подразделение кадровой службы публичного органа, прокуратуры за разъяснением законодательства и установлением наличия (отсутствия) в возникшей ситуации конфликта интересов. Одной из мер стимулирования публичных должностных лиц и служащих к раскрытию конфликта интересов может стать норма, освобождающая лицо от применения по отношению к нему мер дисциплинарной ответственности в случае обращения за разъяснением (консультацией) по вопросу о наличии или отсутствии конфликта интересов, если ранее лицо не уведомляло о наличии конфликта интересов, но не действовало в условиях конфликта интересов или действовало, но не пользовалось выгодой.

Доцент кафедры международного права Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент **В. В. Терешкова** в докладе «Комплаенс: дань моде или стиль современного управления?» представила сравнительный обзор лучших практик комплаенса российских компаний, охарактеризовала меры антикоррупционного комплаенса и показала их эффективность в условиях появления новых рисков (к недобросовестному поведению контрагентов и коррупционным рискам добавилось санкционное давление). На сегодняшний день наблюдается тенденция расширения внедрения комплаенса в России, несмотря на его добровольный характер в отличие от стран, где после серии банкротств крупных и, казалось бы, надежных компаний комплаенс стал обязательным. При этом комплаенс становится неотъемлемой частью корпоративной культуры, о чем свидетельствует изменение отношения российских предпринимателей к внедрению комплаенса с момента принятия Антикоррупционной хартии российского бизнеса. В условиях цифровой экономики заслуживает внимания опыт зарубежных компаний, которые внедрили искусственный интеллект в программы комплаенса. Поскольку работа специалиста в сфере комплаенса требует обработки большого объема информации, максимальная автоматизация процессов подразделений комплаенс снизит издержки и повысит эффективность оценки рисков.

16 декабря 2023 г. работа форума продолжилась в формате трибуны молодых ученых, в ходе которой результаты научно-исследовательской работы представили обучающиеся программы магистратуры «Антикоррупционная деятельность» по направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция». Данная программа, не имеющая аналогов за Уралом, разработана и реализуется в соответствии с пп. «в» п. 36 Национального плана противодействия коррупции на 2021–2024 гг. по заказу Управления губернатора Красноярского края по профилактике коррупционных и иных правонарушений. Ключевая цель программы магистратуры – восполнение дефицита высококвалифицированных кадров для подразделений органов и организаций, ответственных за профилактику коррупционных и иных правонарушений, на территории Сибири и Дальнего Востока. Проявленный магистрантами интерес к научной деятельности, а также разнообразие выбранных ими тем (от противодействия коррупции в избирательном процессе до антикоррупционной безопасности лесопромышленного сектора экономики) свидетельствуют о востребованности таких форм обучения, которые способствуют формированию системного антикоррупционного мышления, основанного не только на знании положений действующего законодательства, но и навыках творческой интеллектуальной работы по решению нетривиальных теоретико-прикладных задач в сфере противодействия коррупции.

Резолюция по итогам работы форума

На основании выступлений участников форума, по результатам работы пленарного заседания, дискуссионной площадки и трибуны молодых ученых были сформулированы следующие резолютивные положения

Опережающее развитие антикоррупционного законодательства и правоприменения, а также отстающее от них научное обоснование противодействия коррупции свидетельствуют о том, что существующая система практически достигла пределов своего расширения и для выхода на новый уровень предупредительной деятельности требуется поиск новых фундаментальных подходов. Основная проблема сложившейся системы противодействия коррупции заключается в отсутствии единой концептуально-методологической основы антикоррупционной деятельности, позволяющей в рамках одной руководящей идеи обобщить межотраслевые научные наработки, а также оценить соответствие сложившейся практической модели поставленным задачам. Обсуждаемая на полях Сибирского антикоррупционного форума концепция антикоррупционной безопасности, основанная на балансе стимулирующих и ограничительных мер, может рассматриваться как идеологическая основа противодействия коррупции будущего.

Формирование научно обоснованной концепции антикоррупционной безопасности предполагает не только гармонизацию системы ее обеспечения, но и предметное исследование объектов антикоррупционной охраны и источников коррупционной опасности. Явления и процессы, а также их отдельные свойства, лежащие в основе коррупционного поведения, должны рассматриваться в качестве приоритетной цели антикоррупционного воздействия. Вместе с тем без понимания того, с чем или кем предстоит столкнуться субъектам обеспечения антикоррупционной безопасности, говорить об эффективности антикоррупционной работы не представляется возможным. Поэтому необходимо актуализировать комплексное изучение объективных и субъективных детерминант коррупции, оказывающих негативное влияние на уровень антикоррупционной безопасности российского общества.

В рамках концепции антикоррупционной безопасности личность коррупционера может рассматриваться одновременно как источник опасности и как объект охраны. Негативные свойства личности, которыми обладает преступник, и вредные последствия совершенного им поступка дают основания говорить о социальной опасности такого человека. Вместе с тем подавляющая часть граждан, совершивших коррупционные преступления, имеет важные для российского общества социально-демографические характеристики (возраст, семейное положение, образование, профессиональный статус и др.). Упуская из виду предкриминальное поведение такого лица и реагируя только на факт совершенного общественно опасного деяния, общество и государство, по сути, теряют квалифицированного специалиста, на подготовку которого в течение его жизни были потрачены серьезные средства. Поэтому личность коррупционера следует рассматривать не только как источник опасности, но и как объект охраны. В частности, необходимо предпринимать все возможные меры для того, чтобы не допустить совершение им коррупционного преступления, то есть осуществлять раннюю антикоррупционную профилактику в отношении таких лиц при помощи различных мер стимулирования.

Антикоррупционное стимулирование должно рассматриваться как приоритетное направление государственной политики в области противодействия коррупции. Репрессивный потенциал существующей системы воздействия на коррупционные отношения фактически исчерпал себя. Несмотря на совершенствование уголовно- и административно-правовых мер, а также повышение эффективности деятельности правоохранительных органов, состояние коррупционной преступности остается относительно стабильным. Изменению качественно-количественных характеристик коррупционной преступности будет способствовать использование предупредительного потенциала мер стимулирования, направленного на побуждение индивидов к социально полезной деятельности, в том числе препятствующей личному участию в коррупционных отношениях при возникновении коррупциогенной ситуации. Активизация данного направления потребует мобилизации ресурсов общества и государства по вопросам воспитания нравственных основ подрастающего поколения.

Антикоррупционное образование – важнейший социальный проводник мер стимулирования нетерпимого отношения к коррупционному поведению. На сегодняшний день государство предпринимает определенные шаги по созданию организационно-правовой основы формирования антикоррупционных компетенций обучающихся. Вместе с тем четкая антикоррупционная образовательная траектория, пронизывающая все уровни образования (от дошкольного до высшего профессионального), в настоящий момент не выстроена. Кроме того, прослеживается неоднозначное понимание роли специализированного антикоррупционного образова-

ния на уровне магистратуры. Представляется, что реализация таких образовательных программ может осуществляться только по направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция», поскольку антикоррупционная деятельность на практике непосредственно связана с правоприменением в области обеспечения соблюдения запретов, обязанностей и ограничений, установленных в целях противодействия коррупции. Более того, учитывая кадровый голод подразделений по профилактике коррупционных и иных правонарушений в высококвалифицированных специалистах, который существует во многих регионах страны, а также существенную стоимость обучения, особую актуальность приобретает выделение целевых бюджетных мест на программах магистратуры «Антикоррупционная деятельность» по направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» для подготовки таких специалистов.

Качественное антикоррупционное образование требует высокой теоретической подготовки осуществляющих его лиц, поскольку неверное понимание антикоррупционных стандартов или следование коррупциогенным стереотипам, которые вольно или невольно может транслировать преподаватель, нанесет больше вреда, чем пользы. Однако в силу объективных причин далеко не все образовательные организации имеют надлежащее кадровое обеспечение для реализации дисциплин антикоррупционного цикла. Поэтому необходимо усиление их взаимодействия с профильными государственными органами, сотрудники которых могут оказывать квалифицированную поддержку при проведении образовательных или просветительских мероприятий по вопросам противодействия коррупции. Также следует уделить внимание взаимодействию с представителями традиционных конфессий, поскольку ни одна мировая религия не оправдывает коррупционное поведение и рассматривает его как проявление греха. Их участие должно способствовать формированию у выпускников школ и вузов нравственного стержня и тем самым укреплять антикоррупционный иммунитет молодого поколения. Помимо этого, в целях обеспечения эффективного формирования универсальных антикоррупционных компетенций на уровне высшего образования, представляются важными разработка и внедрение в образовательные программы обязательной дисциплины «Основы противодействия экстремизму, терроризму и коррупционному поведению», а также проведение специальной подготовки преподающих ее лиц по аналогии с тем, как это было реализовано в отношении дисциплины «Основы российской государственности».

К числу основных тенденций развития антикоррупционной деятельности в Российской Федерации, как и во всем мире, относится постепенное внедрение цифровых технологий, в том числе искусственного интеллекта, в процессы предупреждения коррупции и борьбы с ней. Вместе с тем следует обратить внимание на двойственную природу таких инструментов. С одной стороны, применение передовых цифровых технологий позволяет проводить машинную обработку большого объема данных в целях выявления скрытых форм аффилированности и оценки вероятности совершения коррупционных деяний. С другой – такие технологии также с успехом могут использоваться для различных форм преступной активности: получения инсайдерской информации; маскировки криминальной деятельности; легализации дохода, полученного преступным путем и пр. Поэтому в рамках формирования концепции антикоррупционной безопасности цифровые технологии должны получить надлежащую научно-практическую оценку в качестве возможного объекта охраны или источника опасности.

Список литературы

1. Малько, А. В. (1998). Стимулы и ограничения в праве. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*, *3*, 134–147.

2. Щедрин, Н. В. (1999). *Основы общей теории предупреждения преступности*. Красноярск: Изд-во Красноярского университета.

3. Щедрин, Н. В., Дамм, И. А. (ред.) (2020). *Антикоррупционные меры безопасности: монография*. Москва: Проспект.

References

1. Malko, A. V. (1998). Incentives and constraints in law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, *3*, 134–147. (In Russ.).

2. Shchedrin, N. V. (1999). *Fundamentals of the general theory of crime prevention*. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo universiteta. (In Russ.).

3. Shchedrin, N. V., & Damm, I. A. (Eds.). (2020). *Anticorruption safety measures: monograph*. Moscow: Prospekt. (In Russ.).

Вклад авторов

Дамм Ирина Александровна – подготовка текста введения и резолюции по итогам работы форума, а также научное редактирование проекта статьи.

Тарбагаев Алексей Николаевич – подготовка обзора выступлений участников форума, посвятивших их уголовно-правовым и уголовно-процессуальным проблемам противодействия коррупции, а также научное редактирование проекта статьи.

Копцева Наталья Петровна – подготовка обзора выступлений участников форума, посвятивших их проблемам противодействия коррупции в аспекте наук гуманитарного цикла (психологии, культурологии, социологии и др.), а также научное редактирование проекта статьи.

Акунченко Евгений Андреевич – подготовка аннотации статьи и обзора выступлений участников форума, посвятивших их криминологическим проблемам противодействия коррупции.

Дьяченко Анастасия Евгеньевна – подготовка стенограммы выступлений участников форума, обзора приветственных слов почетных гостей форума и общей информации о молодежной площадке форума.

The author's contributions

Irina Aleksandrovna Damm – prepared the introduction and the resolution on the forum results; performed scientific editing of the draft article.

Aleksey Nikolayevich Tarbagaev – prepared a review of the forum participants' reports dedicated to criminal-legal and criminal-procedural issues of countering corruption; performed scientific editing of the draft article.

Natalya Petrovna Koptseva – prepared a review of the forum participants' reports dedicated to the issues of combating corruption from the viewpoint of the Humanities (Psychology, Cultural Studies, Sociology, etc.); performed scientific editing of the draft article.

Evgeniy Andreyevich Akunchenko – prepared the article abstract and a review of the forum participants' reports dedicated to criminological issues of combating corruption.

Anastasia Evgeniyevna Dyachenko – prepared the transcript of the forum participants' reports, a review of the welcoming speeches of the forum's guests of honor and general information about the forum's youth platform.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 11.04.2024
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 19.05.2024
Дата принятия в печать / Accepted 20.05.2024

ИНФОРМАЦИЯ О РЕДАКТОРАХ РУБРИК / INFORMATION ON THE RUBRICS EDITORS

Гафурова Гульнара Талгатовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит», Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова, г. Казань

Gulnara T. Gafurova, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor of the "Finance and Credit" Department, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Селиверстова Наталья Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория и эконометрика», Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

Natalya S. Seliverstova, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor of the Department "Economic theory and econometrics", Kazan (Volga) Federal University, Kazan

Григорьев Руслан Аркадиевич, доктор философии в области экономики (Великобритания), заместитель директора НИИ проблем социально-экономического развития, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова, г. Казань

Ruslan A. Grigoryev, PhD in Economics (UK), Deputy director at Scientific-Research Institute, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Бегишев Ильдар Рустамович, доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова, г. Казань

Ildar R. Begishev, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Professor of Department of Criminal Law and Procedure of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Кабанов Павел Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова, г. Казань

Pavel A. Kabanov, Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Criminology of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov**,** Kazan

Шаббар Джефри, доктор философии в области экономики, профессор, Портсмутская бизнес-школа, Университет г. Портсмут, г. Портсмут, Великобритания

Jaffry Shabbar, PhD in Economics, Professor, Portsmouth Business School at University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom